АФГАНСКАЯ ВОЙНА
глазами военного хирурга

Александр Карелин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Строительство стены». Именно так хотелось бы мне обозначить свое творчество. Каждый рассказ, статья, повесть, как отдельные «кирпичики», выстраивают общее строение. Это повествование о жизни в Афганистане, о службе, о друзьях, о преодолении трудностей в течение 1982–1984 годов. В данном случае предпринята первая попытка объединить разрозненные части в единое целое, построить хотя бы «часть стены». Конечно, нельзя в строгом смысле слова считать это произведение «романом». Можно лишь сделать такое допущение. Вашему вниманию предлагается двенадцать рассказов («Дюжина зарисовок о войне») и три повести («Три повести»), расположенные в хронологической последовательности, объединённые общими персонажами из числа сотрудников Отдельной Медицинской роты Кандагара, включая ординатора операционно-перевязочного отделения старшего лейтенанта Александра Невского.

- Карелин Александр Петрович
  - Рассказы «Дюжина зарисовок о войне»
    - № 1. Прогулка на вертолете
    - № 2. «Я видел тот свет…»
    - № 3. «Ох, и сегодня выдался денек…»
    - № 4. Тоник
    - № 5. «Врач резал вдоль и поперек…»
    - № 6. «Уши и нос я не отрезал…»
    - № 7. Верблюжья колючка
    - № 8. «В рейд идут одни «старики»…»
    - № 9. «В первых строках своего письма…»
    - № 10. «Важнейшее из всех искусств…»
    - № 11. Самый главный праздник в году
    - № 12. Подарок ко дню рождения
  - № 1. «Уткашея»
    - Часть I
    - Часть II
    - Послесловие от автора
  - № 2. «И дарует ему блаженство на земле…»
    - Пролог
    - Афганистан
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3

- Глава 4
- Глава 5
- Эпилог

○ № 3. «Я вспоминаю утренний Кабул…»
- Часть I
  - Глава 1
  - Глава 2
- Часть II
  - Глава 3
  - Глава 4
- Часть III
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7

Карелин Александр Петрович
Афганская война глазами военного хирурга

Посвящается всем, прошедшим Афган…
К 30-летию ввода войск в эту страну.

«Если вы ничего не скажете,
Вас не попросят повторить это»

К. Кулидж

Рассказы «Дюжина зарисовок о войне»

№ 1. Прогулка на вертолете

1

— Ну, что ты уперся? Я вообще не понимаю, в чем проблема. Работа его, видите ли, держит. Ничего не случится с твоими ранеными. Вернешься и перевяжешь или перевязочная сестра сама справится. Эка невидаль — через трубку промыть рану. Ну, некого мне больше послать! Я сам обычно летал без всяких проблем, но сейчас меня, сраного провизора, поставили над вами, умниками-врачами, руководить. Думаешь легко быть начмедом бригады? Я здесь нужен. Я бы мог и не спрашивать твое согласие, а просто приказать и все! Получишь 2 канистры спирту, привезешь. Между прочим, ваше хирургическое отделение больше всего и выписывает спирт! Это будет простая прогулка на вертолете. Еще и Шинданд посмотришь.

Разговор происходил у входа в приемное отделение Кандагарской Отдельной Медроты между капитаном Канюком, начальником медицинского снабжения и ординатором операционно-перевязочного отделения старшим лейтенантом Невским.

Сам Александр Невский около 4 недель, как приехал по замене из Союза, очень тяжело перенес акклиматизацию — сразу с прохладного Урала «окунулся» в июньскую жару, когда столбик в тени показывал более 50 градусов, а на солнце- все 70! (проводили специально опыт с термометром). Он сменил старшего лейтенанта Володю Бардина, прослужившего, как и его товарищи, 2,5 года. Сменщики других хирургов не спешили, ребята нервничали, т. к. время поджимало — все трое поступали в Военно-Медицинскую Академию, в Ленинграде. В порядке исключения им тоже разрешили убыть до 1 июля. Вот,2 недели назад и уехали с Бардиным капитаны Закожурников и Трегубов, ведущий хирург и начальник отделения. Еще один хирург, старший ординатор Николай Сергеев, был еще в отпуске. Невский остался один с целым отделением хирургических больных. Правда, был еще один хирург, начальник приемного отделения, капитан Васильчиков, но он никогда не появлялся в отделении, мотивируя большой занятостью. Невский «разрывался на части». А сейчас ему предлагалось все бросить и лететь в соседнюю провинцию на центральный медсклад за медикаментами.

— В общем, ты понял? Берешь сейчас в аптеке все бумаги, рецепты, накладные, собираешься и «дуешь» на аэродром, я

распорядился на счет «УАЗика». На все — про все у тебя полчаса. Вертолет уже стоит готовый, с тобой еще полетят из штаба офицеры, еще Военторг и т. д. — капитан явно наслаждался высокой должностью, пусть и временной.

Это был сухощавый, среднего роста «желчный» человек в возрасте под 40. Короткие, прилизанные волосы, испитое «оплывшее» лицо, бесцветные «рыбьи» глаза, маленький тонкогубый рот (он напоминал Невскому куриную «гузку»). Около месяца Канюк исполнял обязанности начальника медицинской службы бригады (удивительно, кто до этого додумался?). Настоящий начмед погиб во время рейда — пуля снайпера, выпущенная из старинной винтовки «бур», попала прямо в середину лба капитана. Ждали нового начальника, а он все не ехал.

Проводя свои совещания, Владимир Канюк любил заниматься самоуничижением, постоянно употребляя про себя слова: «неуч», «сраный провизор», «безбашенный офицер», «ничтожество в погонах». Но именно в его «царствование» офицеры-медики подверглись самым тяжелым притеснениям. Он стал требовать участия офицеров-медиков во всех общих построениях Кандагарской бригады (прежний начмед добился от командира бригады послабления: выходили только утром и вечером на всеобщую поверку), теперь число построений достигало 4 и более (перед обедом, после обеда, иногда и перед ужином). Некогда было заниматься больными. Врачи роптали, уже вовсю ненавидя «временщика», который отыгрывался за откровенное пренебрежение к нему в прошлом.

Командир Медроты демонстративно «лежал» на должности с тех пор, как проводил своих товарищей по службе поступать в Медицинскую Академию (вместе прослужили уже 2,5 года). Его заменщик где-то задерживался. Майор Базарбеков тоже требовал от руководства отпустить его в Союз, как и хирургов. Но его рапорта оставались без ответа. Тогда он объявил «бойкот», целыми днями лежал в своей комнате на кровати, отказывался приходить на совещания. Первые дни командир бригады присылал за «мятежным» руководителем посыльных, но потом махнул на него рукой. Канюк теперь «тянул лямку» и за командира Медроты.

— Ясен приказ? — Канюк сурово сдвинул белесые бровки.

— Так точно, товарищ капитан! — Невский преувеличенно громко прокричал, одернув белый халат и став по стойке «смирно», поднеся к белой больничной шапочке руку. — Разрешите выполнять?

Капитан махнул рукой и, сгорбившись, пошел в стационар.

Невский взглянул на часы — время поджимало. Побежал сначала в аптеку, потом переоделся в полевую форму, пистолет ПМ сунул в кобуру, достал из-под кровати свой личный автомат Калашникова укороченный (АКСУ). Оружие, как и его предшественники, он хранил в своей комнате вместе со снаряженными магазинами (поговаривали, что скоро всех заставят сдать личное оружие в оружейные комнаты). Бронежилет решил не брать — тяжело, да и жарко очень. Бросил в портфель фляжку с водой, пачку печенья и подходящую книжку — рассказы Чехова (сколько себя помнил, читать любил всегда. Вот и по прибытию в бригаду в первые же дни записался в библиотеку: выбор был очень богатый). Машина у входа уже стояла. Старший лейтенант лишь заскочил в стационар предупредить старшую медсестру. Через пару минут санитарный автомобиль уносил его в аэропорт Кандагара. До Арианы было около 7 км.

2

Автомобиль выехал за полосатый шлагбаум КПП, часовой в каске и в бронежилете на голый торс помахал им вслед автоматом, что-то прокричав вслед, слов уже было не разобрать. Водитель прибавил газу. Поднимая тучи мелкой пыли, машина понеслась по асфальтированной дороге. Проехали мимо 5-ти этажных многоквартирных домов на 5–6 подъездов. Оконные рамы в домах отсутствовали — проемы были завешаны разноцветными тряпками, развевающимися на ветру. Напротив каждого подъезда был сооружен деревянный туалет.

— Что это за чудеса строительства? — спросил Невский у водителя, черноволосого парня с Кавказа.

— Вы еще не такие чудеса здесь увидите, товарищ старший лейтенант. Дома для «бабаев» построили, а нет ни воды, ни канализации. Удобства все во дворе, сами видели. Потом очень жарко в таких домах, я как-то заходил. Вот «обезьяны» и отказываются там жить, почти пустые дома.

Вдоль дороги стояли «стайки» афганских ребятишек лет 3–4, почти все были абсолютно голыми. Густое облако пыли от автомобиля накрыло их, но почти никто даже не шелохнулся, 2–3 пацаненка немного пробежали за машиной, что-то прокричав гортанным языком. Скоро все остались позади.

Машина повернула направо и выехала на прямую шоссейную дорогу. Водитель еще больше вдавил педаль газа. Позади, по обеим сторонам дороги оставался однообразный, почти пустынный пейзаж. Редкие чахлые деревца росли вдоль дороги.

От яркого солнца Невский надвинул панаму на глаза.

Не то, чтобы он боялся летать на вертолете. Ему раньше просто никогда не приходилось подниматься на борт этой «стрекозы». Он вспомнил, как в начале 60-х годов впервые увидел это летающее чудо. Их семья жила тогда в Иркутской области в небольшом рабочем поселке «Красный забойщик», недалеко от Черемхово. Здесь жили в основном шахтеры, добывающие уголь открытым способом из карьеров.

Небывалые лесные пожары обрушились летом на прилегающий к поселку лес. Его тушили тракторами и бульдозерами, пробивая просеки и выкапывая рвы. Но в самую гущу огня сбрасывали на парашютах пожарных, потом их собирали на опушках леса и вывозили на вертолетах. Один такой вертолет с огнеборцами приземлился на окраине поселка.

Еще до посадки «вертушки» сотни людей побежали посмотреть на диковинку. Жители поселка плотным кольцом окружили «птичку», больше всего было здесь детворы — еще бы, практически никто никогда не видел вертолет «вживую». Мальчишки во все глаза смотрели на чумазых людей в ярких костюмах, выходящих из «чрева» летающего чуда. Каждому хотелось хотя бы потрогать машину. Летчики сначала отгоняли назойливых пацанов, потом махнули рукой. Невский тоже потрогал теплый, как показалось, живой бок металлической «стрекозы». Все они, и пожарные, и летчики со своей необыкновенной машиной казались ему выходцами с другой планеты.

Кое-кто из взрослых прихватил с собой бидоны с квасом, с водой, хлеб, овощи. Угощали своих спасителей. Пожар потушили, не дали перекинуться огню на жилые дома.

Прошло много лет, но Невский всегда испытывал к вертолетчикам безмерное чувство благодарности. И вот теперь ему впервые предстояло подняться на борт уже в качестве пассажира. «Только бы не сдрейфить, не опозориться перед бывалыми людьми», — поймал себе на мысли старший лейтенант.

Автомобиль промчался мимо здания аэропорта, поражавшего своей архитектурой. Современный дизайн, стекло и бетон, девять огромных «яйцевидных» зданий, примыкающих друг к другу, множество небольших прилегающих зданий. Строили явно европейцы. Около 3-х недель назад, когда Невский только впервые прилетел сюда на самолете, он толком и не рассмотрел, не оценил красоту Арианы.

Водитель лихо затормозил у стоявшего неподалеку большого вертолета с длинными, «печально» опущенными лопастями. Небольшая группа людей в военной и гражданской одежде

разместилась в небольшой тени у вертолета. Невский вылез из кабины, попрощался за руку с водителем, прихватил свой автомат, портфель и направился к вертолету. Старшим в группе оказался подполковник, плотный крепыш со щеточкой усов и полным ртом золотых зубов. Невский представился.

— А, медицина пожаловала. Садись, места много, — небрежно кивнул офицер. — Ждем боевой вертолет сопровождения.

Невский присел в тень, осмотрелся. Он вспомнил, что старшим является замкомандира бригады по тылу. Кроме него было еще 2 майора и лейтенант с медицинскими эмблемами. Тут же сидели 2 женщины. Один из майоров с летными петлицами неторопливо рассказывал женщинам:

— Это десантно-транспортный вертолет МИ-6, он предназначен для десантирования солдат до 40 человек за рейс, а также для перевозки грузов до 12 т внутри грузовой кабины. Может нести груз и на внешней подвеске. Наконец, может быть переоборудован под топливозаправщик. Вооружение вертолета состоит из одного крупнокалиберного пулемета с боекомплектом в 250 патронов.

— А этого хватит, чтобы нам отбиться? — тонким голосом спросила хрупкая, миловидная девушка в джинсах и белой футболке с тонкими руками-«веточками».

— Не волнуйтесь, Машенька, отобьемся, — это говорю вам я, майор Кремер Эдуард. — Тем более что нас будет сопровождать транспортно-боевой вертолет МИ-8мт. Он как раз предназначен для уничтожения наземных целей. Вооружения там достаточно, не буду вам забивать головы перечислением. А вы туда и обратно летите?

— Нет, я только в одну сторону, возвращаюсь в свой Медсанбат, работаю там, в терапии сестрой. Была здесь месяц в командировке в госпитале.

— Вот вы мне и подскажите, как добраться до одной части, я потом вам назову, — явно оживился красавчик майор. — Я тоже лечу в одну сторону.

Невский разговорился с лейтенантом. Оказалось, что он, хотя и носит медицинские эмблемы, является ветеринаром Кандагарской бригады, летит за результатами анализов. Он тут же пояснил, что отвечает за здоровье собак-саперов, а, кроме того, проводит анализы всех поступающих мясных туш на предмет выявления опасных заболеваний. Мясо идет в пищу людей и собак тоже.

— А я думал здесь только тушенка используется, — удивился старший лейтенант.

Ветеринар снисходительно улыбнулся: «Ты, наверное, только из Союза? Большие начальники «свежатинку» любят на шашлычки пожарить. Я уже 2-й год служу, всякого насмотрелся». Он тут же представился: «Виктор Гавриловский». Невский назвал себя, пожал протянутую руку.

3

Минут через 20 показалась группа людей в летных комбинезонах и в стальных защитных шлемах. Они, не спеша, подошли к вертолету, поздоровались. Каждый член экипажа был вооружен табельным оружием, состоящим из пистолета («Чтобы застрелиться», — вспомнил Невский «черную шутку» в ответ на его вопрос о необходимости пистолета для него) и укороченного автомата Калашникова.

— Поехали! — сказал старший по возрасту, видимо, командир экипажа. — Сопровождение дали, взлетят сразу за нами.

Он первым вошел в салон, за ним потянулись остальные. Невский почувствовал благоговейный трепет, ступив на борт «большой стрекозы». Его поразили размеры салона. Все расселись на ближайших к кабине летчиков скамейках по обе стороны у иллюминаторов.

Как ни старался Александр заметить момент взлета — не удалось все равно. Когда в очередной раз взглянул в круглое «окошечко», земля уже стремительно начала удаляться. Шум в салоне не давал спокойно поговорить, поэтому все разговоры смолкли.

Невский достал из портфеля книжку рассказов Чехова, но никак не мог настроиться на чтение — рой мыслей одолевал его. Вот он и совершил свой первый в жизни полет на вертолете, ничем вроде не выдал своего волнения. Это хорошо! Попытался вспомнить день недели, но не осилил. А число? Вспомнил — 15 июля. Что-то ведь было связано с этой датой по истории страны… Чуть даже не подскочил с места. Ну, конечно! Как мог забыть? В этот день его «великий предок» князь Александр Невский в 1240 году одолел шведов на реке Неве, получил свой знаменитый «титул» — Невский. Было ему тогда всего 20 лет! Впрочем, взрослели тогда рано. Но ведь и современным ребятам бывает меньше этого возраста, когда они пребывают в Афганистан на войну!

Вдруг старший лейтенант поймал себя на мысли, что уже более 5 минут твердит придуманную молитву (официально

советскому человеку не полагалось верить ни в Бога, ни в черта, ни в ангелов и святых, но здесь, в чужой стране, все эти запреты начинали рушиться) к Великому князю: «Господи помоги! Великий князь Александр помоги пройти через это испытание в Афганистане. Помоги, дай силы не сломаться перед трудностями, не уронить свою офицерскую честь и человеческое достоинство!!» Александр даже осмотрелся — не заметили ли его «слабость» окружающие. Но все сидели погруженные в мысли, смотрели на землю внизу, а кое-кто уже и дремал.

Невский тоже решил попробовать уснуть, но тут совершенно отчетливо вспомнил, что уже приходил к нему на помощь «великий предок». Да-да, это было! Правда, во сне. А был ли это сон?! Случилось это чуть более года назад, в мае. Жена подарила ему на 3-ю годовщину свадьбы серебряное колечко с надписью: «Господи! Спаси и сохрани меня!» Она купила его в небольшой церкви в городе Печора, где Александр служил в хирургическом отделении госпиталя. Носить кольца офицерам было нельзя, но, чтобы не обидеть жену, решил все же одеть его на следующий день. Никто из коллег не обратил на кольцо никакого внимания, может, не заметили даже. Операций в тот день не было. Обычная работа в отделении: осмотр больных, перевязки, запись в историях болезни. Закрутился в работе.

Вечером, подходя к своему подъезду, вдруг заметил пропажу кольца. Даже остановился, прошиб холодный пот. Потерял! Кольцо было чуть великовато. Надо было одеть на средний палец!! Расстроился очень. Решил пока не говорить супруге. Может, удастся купить такое же. Но не имел понятия, где тут находится церковь.

Видом своим не показал расстройства. Спать даже лег раньше обычного. В середине ночи, как показалось, открыл глаза. И как раз вовремя. Дверь в спальню осторожно открылась, на пороге стояли 2 человека: седобородый старец в древнем красивом одеянии с не покрытой головой и русский витязь в кольчуге и остроконечном шлеме, с аккуратной бородкой; на плечи его была наброшена красная мантия с широким белым воротником, в правой руке он держал небольшой тонкий меч. Странно, но Александр совершенно не испугался, более того, он почувствовал полное доверие к гостям, в одном из которых с полной уверенностью узнал князя Невского.

Бородачи спокойно стояли на пороге, рассматривали хирурга и его спящую жену. Наконец, старец произнес, взглянув на князя:

— Помоги своему далекому потомку, реши его проблему. А я пойду — спешу!

— Я так и сделаю, Великий Николай Чудотворец! — ответил

спокойным тихим голосом витязь.

Седобородый старец исчез, а князь подошел к кровати, взял молодого человека за руку и повел за собой. Александр хотел попросить разрешения надеть что-нибудь, но заметил уже на себе военную форму. Ничуть не удивился. Они вышли на улицу, незаметно преодолели длинное расстояние до госпиталя, подошли к хирургическому корпусу. Здесь Великий князь отпустил руку и сказал:

— Войди в свою комнату, где собираются все целители, там и найдешь по свечению то, что потерял.

Он не сильно подтолкнул старшего лейтенанта в спину, а сам пропал. Оставалось только войти в ординаторскую, как догадался Саша. В комнате был полумрак, но из-под батареи отопления выходил мощный поток света, там и лежало серебряное кольцо. Тут Александр и проснулся. Весь сон пролетел перед глазами. Было еще рано вставать до будильника, но решил срочно идти на работу. Жена спала по-прежнему.

Выскользнул из подъезда, прошел пешком до остановки автобуса. В госпиталь приехал одним из первых. Но на КПП лечебного учреждения никто не удивился — хирурги появлялись в любое время дня и ночи по срочному вызову. С великим волнением вошел в ординаторскую, прошел к батарее. Она была расположена низко над полом, пришлось даже опуститься на колени. Заглянул под нее, увидел отверстие в полу (дефект доски), затянутое паутиной. Прямо на паутине лежало его кольцо. Это было настоящее чудо!! Осторожно, чтобы не столкнуть в дыру, взял колечко. Руки его тряслись от волнения. Просто так случайно найти было не возможно. Почувствовал, что стал свидетелем необъяснимого, неведомого! Надел на средний палец колечко, поцеловал его.

Весь рабочий день было приподнятое настроение. Вечером рассказал эту историю жене. Она практически сразу поверила.

— Это твой Ангел- Хранитель приходил с Николаем Угодником. Как раз сегодня его день- 22 мая (она даже для верности достала «Православный календарь», видимо тоже в церкви купила).

Невский был потрясен. С тех пор он не расставался с колечком. Правда, носил его теперь в «Удостоверении личности офицера», прикрепив булавкой за подклад кожаной корочки. Сначала хотел положить в партийный билет, но почувствовал, что одно с другим не вяжется. Вот и сейчас, сидя в вертолете, решил проверить. Кольцо было на месте. Бережно убрал документ с таким чудесным колечком. Откинул голову на стену салона. Не заметно для себя, задремал.

4

Старший лейтенант увидел себя стоящим на берегу полноводной реки. Рядом на красивом черном жеребце сидел древнерусский воин в полном боевом снаряжении. В правой руке витязь сжимал длинное копье. Конь нетерпеливо «пританцовывал» на месте.

— Узнаешь меня? — обратился всадник с вопросом.

Александр хотел в недоумении пожать плечами, но слова сами собой вылетели:

— Конечно, ты — Великий князь Александр Невский! Я вспомнил, что в этот день ты одержал важную победу. Ты разбил войско шведов под предводительством Биргера на этом самом месте в 1240 году, — он обвел руками вокруг места, где находились с князем.

— Да, это так. Победа досталась не легко, много русских воинов полегло здесь. Но я, как и они, верил в удачу. Мне помогали святые мученики. Я расскажу тебе об этом:

«Мы в Новгороде получили известие, что на Неве появились шведы. Они захватили с собой норвежцев и подчинившихся им финнов. Переезд через Балтийское море к устью Невы совершился вполне благополучно. Нева стояла полною в своих зеленых берегах, благодаря весенним дождям, и неприятельский флот гордо вступил в ее воды. Надеясь на многочисленность войска, Биргер рассчитывал, прежде всего, напасть на Ладогу и, ставши здесь твердой ногой, ударить на Новгород. Покорение новгородской земли и обращение русских в латинство было конечною целью похода. Остановившись при устье Ижоры, Биргер послал сказать мне: Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже здесь и пленю твою землю!

Но этот надменный вызов не смутил меня, напротив, я «разгорелся сердцем». Враги идут терзать мою дорогую родину и искоренить веру. Их много, но они — грабители, лишь прикрывающие свою алчность священным знаменем служения Богу. Я сразу отдал необходимые приказания наличным силам быть готовыми к походу, сам помолился в храме Святой Софии. Мое святое одушевление передалось народу и войску. У всех явилась уверенность в торжестве правого дела. Бог не оставит своей помощью наш народ!

Между тем неприятели, не ожидая близкого отпора, бросили якоря в устье Ижоры и предались отдыху после плавания. О нападении с нашей стороны они, очевидно, менее всего помышляли. Однако, я с войском в этот день памяти святого князя Владимира, просветившего русскую землю святым

крещением, явился близ места стоянки неприятелей.

Я принял все меры предосторожности. По приказу за врагами постоянно наблюдал верный слуга, начальник приморской стражи, названный во крещении Филиппом. Это был человек, со всем усердием принявший христианскую веру. Ему удалось высмотреть все расположение неприятельского войска и вовремя сообщить свои сведения мне. Но он сказал нечто, еще более важное: «Всю ночь провел я без сна, наблюдая за врагами. На восходе солнца я услыхал на воде шум, увидел лодку с гребцами. Посреди лодки стояли светящиеся святые мученики Борис и Глеб, а гребцы были скрыты во мгле. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести быстрее, да поможем сроднику своему князю Александру Ярославовичу!» Увидев дивное видение и услыхав святых мучеников, я стоял, трепеща в ужасе, пока лодка не скрылась с глаз».

Радостно забилось мое сердце при этом рассказе. В глубоком умилении, проникаясь уверенностью в Божьей помощи, я велел Филиппу не говорить никому об этом, пока не увидим славы Божьей.

Это было утром 15 июля. Туман, с восходом солнца, понемногу развеялся, и наступил день яркий и знойный. Враги ничего не подозревали. Их корабли лениво покачивались на волнах, привязанные бичевами к берегу. По всему побережью ярко белели многочисленные шатры, и среди всех высоко подымался златоверхий шатер самого Биргера. Прежде чем враги успели опомниться, мои воины дружным натиском ударили на них. Я бросился на самого Биргера и нанес ему тяжкий удар мечом по лицу. Русская дружина прошла, избивая смятенных неприятелей, через весь стан. Вражеское полчище бросилось к берегу и спешило укрыться на корабли. Однако лучшая часть ополчения успела оправиться от внезапного удара, и в разных концах обширного лагеря закипел упорный бой, продолжавшийся до ночи. Но дело врагов уже было проиграно безвозвратно. Новгородцы овладели боем. На другой день на месте побоища виднелись разорванные шатры и разбросанные трупы врагов».*

— Вот так мы с Божьей помощью и одолели шведов, а меня отныне нарекли Невским. Ты все понял из рассказа? — Всадник внимательно посмотрел на своего слушателя. — Надейся на помощь Бога, а я тебя не оставлю без догляда, выручу, как потребуется, сегодня, например…

…- Санька, просыпайся, уже сейчас будем садиться, — Виктор Гавриловский тряс старшего лейтенанта за плечо.

Александр ошалело смотрел вокруг, силясь понять, где находится. Что же хотел ему сказать князь?

— Какой сон мне прервал! На самом важном месте, — пробурчал Невский, недовольно морщась.

— Поди, с красоткой встречался? — Виктор подмигнул. — Ничего, еще встретишься с ней снова.

В салоне царило оживление. Вертолет приземлялся на аэродроме.

5

Невский последним вышел на твердую землю. Он до сих пор не мог опомниться ото сна, который запомнился до мельчайших подробностей. Что же это такое было?

Майор Кремер замешкался у вертолета, укладывая свой рюкзак. Наконец, он крикнул в сторону уходящей группы:

— Додул Маша! Подожди! — он побежал догонять тоненькую медсестру, обещавшую помочь в розыске его части.

Невский тоже прибавил шагу, догнал Витю Гавриловского.

— Как мне до медицинского склада гарнизона, в/чпп 48 085 добраться, не подскажешь?

— Мы все вместе, наверное, поедем, надо в 5 гвардейскую мотострелковую дивизию добраться. Там все рядом расположено.

Вскоре небольшая группа распалась: медсестра Додул и майор — летчик почти сразу уселись в санитарный УАЗ, который быстро укатил в составе 2 других машин и БТР. Невский с новым приятелем присели в тени, съели пачку печенья, запив ее водой. Вернулся подполковник. Почти сразу за ним подъехал БТР. Золотозубый подполковник, черноусый майор — связист, толстощекая и курносая работница Военторга, а затем лейтенант-ветеринар и старший лейтенант-хирург друг за другом влезли в нутро бронированного транспортера. Выпустив клуб темного дыма, БТР стремительно помчался в военный городок.

Невский забыл заметить по часам время, но доехали, как ему показалось, довольно быстро. Водитель «бронированного коня» высадил всех недалеко от здания штаба.

— Внимание! — произнес замкомандира бригады по тылу, отряхивая с себя дорожную пыль. — Встречаемся здесь через 2 часа. — Он указал на несколько лавочек в курилке. — Прошу не опаздывать.

Подполковник с женщиной двинулись в сторону штаба, майор пошел в другом направлении, а Невский выслушал объяснения Гавриловского. По его словам выходило, что до медицинского склада рукой подать. Сам он поспешил в ветеринарную лабораторию.

Действительно, двигаясь в указанном направлении, скоро подошел к длинному приземистому деревянному зданию. Табличка на дверях подтвердила — здесь и находится медицинский склад гарнизона (он снабжал всем необходимым медицинским оборудованием, медикаментами все воинские части гарнизонов Кандагара и Шинданда). Спросив 2–3 человек, узнал необходимую дверь. Постучав, вошел. Представился. Огромный, лысый старший прапорщик пил чай, намазывая на хлеб толстый слой сливочного масла из металлической банки.

— Кубяк Артур, — представился великан, протянув руку для пожатия. — Чай будешь?

Невский помотал головой.

— Давай свои бумаги, — Артур вытер руки носовым платком, отодвинул продукты в сторону. Углубился в изучение рецептов, заявок, накладных. Периодически кивал головой, подтверждая наличие.

— А вот этого нет, этого тоже — на днях из Союза привезут. — Он назвал ряд медикаментов. — Ладно, пошли, выдам, что есть.

Невский поправил за спиной автомат, поднял с пола портфель и последовал за аптекарем в смежное помещение.

— Побудь пока здесь, — указал Кубяк на стул, сам углубился в свои стеллажи. Минут через 20 он принес пакет с лекарствами. — Есть куда сложить?

— Да, в портфель.

— Проверяй.

Невский стал перекладывать во вместительный портфель пачки лекарств: сердечные, дыхательные аналептики, средства для наркоза, обезболивающие, а также упакованные в плотную бумагу, перевязанные крест-накрест бечевкой и заклеенные бумажкой с круглой печатью наркотики в ампулах и в таблетках. Вроде все самое необходимое было на месте, не хватало второстепенных лекарств. Последними хозяин кабинета принес 2 десятилитровые канистры со спиртом, крышка и горловина которых также были перевязаны бечевкой, концы приклеены бумагой с печатью.

— Это от искушения, — коротко хохотнув, сказал Кубяк, указывая на печати на канистрах.

— Я уже понял, — усмехнулся Невский, расписываясь в книгах получения. Он глянул на раздувшийся портфель, на канистры. Многовато получается. Но делать нечего, надо тащить до штаба.

Попрощался за руку с Артуром, вышел на улицу. Яркое солнце «полыхнуло» по глазам, пришлось зажмуриться. После

прохлады склада (где работали кондиционеры) показалось особенно жарко. Делая остановки через каждые 50–60 м, Невский дотащил поклажу до курилки у штаба. Там он нашел майора-связиста с незнакомым капитаном. Они весело смеялись, покуривая в свое удовольствие.

— Все получил? — бросил взгляд на канистры связист. — Никак спирт медицинский? Вот гады, запаковали, что и не отольешь! — он притворно вздохнул. — Садись, доктор, послушай анекдоты, артиллерист «заливает».

— Да, я только вчера из отпуска вернулся. Житуха в Союзе что надо! Никто не палит из пушек. Не стреляет, первые дни не мог и заснуть с непривычки. А, вот еще вспомнил, слушайте. — Он сам долго не мог успокоиться от смеха, вновь пропуская шутку через себя. Наконец, успокоился и серьезно начал: «Открыли в Москве потрясающий огромный магазин по западным образцам. Зашел в него мужчина-интеллигент, встречает его улыбающийся продавец и интересуется, что бы тот хотел приобрести? Мужчина говорит:

— Перчатки.

— Пожалуйста, в пятый отдел.

Пошел в указанный отдел, его спрашивают — перчатки нужны летние или зимние?

— Зимние.

— Тогда пройдите в 17 отдел.

Пошел туда, просит перчатки, его спрашивают — перчатки нужны кожаные или матерчатые?

— Кожаные.

— Тогда вам в 103 отдел надо. Но перчатки вам нужны под это пальто? Тогда лучше брать не кожаные, а шерстяные, однако…

Тут в магазин врывается мужик, в руках у него вырванный с корнем унитаз, он подбегает к прилавку и кричит:

— Вот такой у меня унитаз, а зад вы мой еще вчера измеряли, дайте мне, наконец, туалетную бумагу!»

Офицеры прыснули смехом одновременно, причем, рассказчик смеялся громче всех.

— Да, ну, ладно, хорошо с вами, но мне пора! — отсмеявшись, проговорил артиллерист. — Служба завет.

Он пожал на прощание руки и быстро удалился по делам.

— Ты не обедал еще? — обратился связист к Невскому. Тот подтвердил. — Иди в офицерскую столовую, я только оттуда. Вон она, — указал на здание неподалеку. — Оставляй свою поклажу, я покараулю. Я свои полевые радиостанции уже погрузил на машину. Там сейчас подполковник грузится с Военторгом.

Невский благодарно кивнул, ставя под лавочку канистры и портфель. Пошел в столовую, вдруг ощутив сильный голод.

6

Обед не занял и 30 минут. Как и Кандагаре, девушки-официантки обслуживали быстро, разнося стандартный обед: горячие щи, каша гречневая с «красной рыбой»- килька в томатном соусе («Мировой закусон!» — вспомнилась фраза Аркадия Райкина), компот из сухофруктов. Температура в столовой была «запредельная», так что, выходя на улицу, почувствовал почти прохладу.

На лавочке уже сидели его два попутчика — вернулся лейтенант.

— Получил свои анализы? — Обратился к Гавриловскому Невский. — Нет ни ящура, ни бешенства коров?

— Все нормально, можно жить дальше. Слушай, а пошли, сходим в магазин, я тут по дороге его видел. У меня, правда, с собой мало чеков, но что-нибудь купим. Николай Иванович, вы не желаете прогуляться? — обратился к связисту, майору Нечепа.

— Идите, ребята. У меня и чеков с собой нет. Да и вещи доктора надо охранять, — с улыбкой показал на портфель и канистры.

— Ладно, мы быстро, — кивнул Виктор, увлекая Невского за собой.

Около сотни чеков Всесоюзного Объединения «Внешпосылторг» (деньги, имеющие хождение в военных гарнизонах Афганистана) у старшего лейтенанта было. Правда, сам он до сих пор не получал денежного содержания из-за дурацкой ошибки в документе. В финчасти по прибытию ему выдали расчетную книжку с фамилией не Невский, а Невских. Александр даже не сразу заметил описку, хотел даже осторожно исправить, но хватило ума не соваться. На следующий день вновь явился к начфину. Тот пришел в ужас, долго сокрушался, обещал «оторвать голову» писарю. Он объяснил, что потребуется новую книжку из Москвы запрашивать, писать объяснительные, уйдет уйма времени, теперь не раньше конца августа сможет вручить новый документ. Огорошенный, Невский поведал о своем прошлом желании исправить самому ошибку. Майор усмехнулся и пояснил, что тогда бы он не получал деньги еще около полугода, замучался бы писать рапорта. Проще получить новое «Удостоверение личности офицера» с новой фамилией для него, чем другой финансовый документ. На том и расстались. Самое

обидное было, что он пока не сможет отправлять деньги своей семье по денежному аттестату. Все офицеры в Афганистане получали по два оклада: один в рублях шел на сберкнижку, часть этих денег и перечислялась семье (обычно на выбор писали: 50/50 или семье 60/40 себе — как хотел Невский), второй оклад выплачивался в чеках. Эти чеки можно было совершенно не тратить — ведь проживание, питание, баня и т. д. и т. п. все было бесплатно (прямо, коммунизм в чистом виде). Узнав о его проблеме, уезжающие хирурги выделили из своих запасов по несколько десятков чеков. С ними сейчас и пошел Невский впервые в магазин.

Поразило обилие товаров. Глаза разбегались. Магнитолы, магнитофоны, украшения, одежда, посуда, даже ковры. Товары со всего мира. Всевозможные продукты питания. Книги. Они сразу и привлекли внимание Александра. Сколько помнил, они с женой всегда и везде покупали книги. Правда, выбор в городах и гарнизонах, где приходилось служить, был не большой. Но они упорно собирали свою семейную библиотеку. Здесь изобилие хороших книг просто сразило. Для начала Невский купил 2 книги в мягкой обложке из серии «Классики и современники»: рассказы Куприна А.И. и рассказы Бунина И.А. Цены приятно порадовали своей скромностью. Виктор тоже купил книгу Юлиана Семенова. Потом они купили несколько пачек воздушного печенья и по 2 банки голландского лимонада «Сиси». Покупки сложили в красочные пластиковые пакеты.

На выходе из магазина кто-то окликнул старшего лейтенанта:

— Сашка Невский!

Он оглянулся. Стройная молодая женщина в джинсах и в яркой светлой футболке буквально бросилась к нему из другого конца магазина. Длинные каштановые волосы, широкая белоснежная улыбка, доброжелательный взгляд больших зеленых глаз. Всем своим видом она излучала жизнелюбие и оптимизм.

— Наташа! Наталья Корюшкина! — сразу вспомнил Александр девушку, с которой вместе учился в медицинском институте первые четыре года.

— Узнал! Узнал, чертяка! А я тебя не сразу признала. Изменился. Повзрослел, возмужал. Усы даже отпустил. Как ты здесь оказался? — Наташка прямо светилась от радости.

— Я-то, положим, стал военным врачом и оказался в Афгане по долгу службы, а вот как ты, сугубо гражданский человек, здесь очутилась? — искренне удивлялся встрече Невский.

Он объяснил Виктору, который топтался рядом, что встретил «одногруппницу» по учебе. Тот вежливо кивнул. Потом сказал, что пойдет в курилку, и откланялся молодым людям.

Они вышли вслед, присели на лавочке рядом с входом.

Наталья рассказала, что работала после окончания института хирургом («Так мы коллеги!» — пояснил Невский). Ее вызвали в Военкомат («все-таки я лейтенант запаса») и предложили («как бессемейной») поехать на стажировку по военной травме в воюющую страну, а потом, возможно, перейти на работу в военный госпиталь. Пока командировка на 3 месяца, а там будет видно. Конечно, она согласилась. Здесь Наталья уже 2-й месяц в в/ч 94 131(704 военный госпиталь).

— Знаешь, кого я здесь встретила в госпитале, она в терапии врачом работает, тоже 3 месяца стажировка, но раньше меня на месяц приехала — Тоню Булгакову (она теперь Талалаева). Училась в параллельной группе.

Невский вспомнил и эту девушку. Кивнул. Они вспоминали годы студенчества, то и дело, перебивая друг друга возгласами: «А помнишь!» Было о чем поговорить. Наташка была «свой рубаха-парень», очень компанейская, простая и веселая. У них была своя тесная компания ребят и девчонок: катались на коньках и на лыжах, ездили в походы и на турбазы, ходили на концерты и в кино. А еще она, как и Невский, очень любила цитировать фразы из разных фильмов. Иногда они по несколько часов испытывали друг друга на знание любимых лент. «Заразили» этой игрой многих в своей компании. Стоило кому-нибудь произнести фразу, как другой должен был продолжить другой фразой из этого же фильма. В конечном итоге, они почти всегда оставались единственными не выбывшими.

— А помнишь, как мы соревновались на кинофильмах? — спросила его Наталья. — Ты не потерял квалификацию? Сейчас проверю. — Она задумалась на мгновение. Затем произнесла:

— Бабу-ягу со стороны брать не будем. Воспитаем в своем коллективе.

Александр не надолго задумался, потом произнес:

— Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе — это науке неизвестно, наука еще пока не в курсе дела.

— Точно, молодец! Это «Карнавальная ночь», 1956 года фильм Рязанова. Теперь ты давай загадывай.

Невский тоже почти сразу процитировал:

— Бывалый ты человек, боец Бричкина. Толково устроилась и крякаешь хорошо.

— После споем с тобой, Лизавета, — радостно улыбаясь, ответила сразу же Корюшкина.

— Правильно! Это «А зори здесь тихие», 1972года фильм Ростоцкого.

Они еще долго испытывали друг друга. Никто не хотел

сдаваться. Между «состязаниями» Невский напомнил, что они не виделись с 1976 года, когда он решил стать военным и перевелся после 4-го курса Свердловского мединститута на Военно-Медицинский Факультет в Томск. Рассказал о своей семье, о дочке, что остались его ждать на Южном Урале. Время летело не заметно. Вдруг их радостные разговоры прервал подбежавший Гавриловский:

— Извините, молодые люди, но «труба зовет». Подполковник «рвет и мечет» — ехать пора!

— А ты разве не здесь служишь? — явно огорчилась Наташа.

— Нет, я ведь в Кандагаре сейчас, около месяца, как приехал по замене из Союза. Я напишу тебе на госпиталь письмо. Пока! Будь счастлива и желаю удачно выйти замуж.

Они неуклюже чмокнули друг друга на прощанье. Невский побежал догонять Виктора. Обернулся. Помахал рукой. Наташа стояла на месте, прижав руки к груди.

7

Все были уже в сборе. Автомобиль «УРАЛ» с крытым кузовом был почти весь заполнен ящиками, коробками, бочками. Три солдата-грузчика сидели в кузове. БТР стоял тут же. Невский быстро переложил свои покупки в портфель. Подполковник распорядился всем садиться в транспортер, а сам занял место в кабине автомобиля. Майор Нечепа, лейтенант Гавриловский, старший лейтенант Невский со своими канистрами и портфелем влезли внутрь, последней забралась «пышечка» из Военторга.

«Кажется, «золотозубый» назвал ее Вера Желтушкина», — вспомнил Невский имя дамы.

До аэропорта доехали в один момент, тем более что Александр всю дорогу «прокручивал» в голове весь разговор с Наташей. Да, это было чудо — встретить здесь, в далекой стране, знакомую.

Бронетранспортер высадил всех у знакомого большого вертолета. Неподалеку стоял и второй вертолет сопровождения. Солдаты переносили из кузова автомобиля грузы в салон МИ-6.

Вскоре к вертолету подошел седой капитан с тремя высокими, крепкими, загоревшими до черноты солдатами (сержант и двое рядовых). Он попросил подполковника подбросить его «орлов» из разведроты в Кандагар.

— Ребята надежные, проверены в бою. Старший — сержант Туров Егор, рядовые Кипнис Геннадий и Толстогузов Алексей. — Солдаты по очереди протягивали свои документы. Подполковник

придирчиво их изучал.

— Вот их командировочные документы, — капитан подал бумаги. — Ну, как, договорились?

Подполковник неопределенно качнул головой, потом сказал:

— Надо еще с командиром экипажа согласовать. А они помогут грузы в вертолет забросить?

— Без вопросов, — закивал капитан, улыбаясь. — Так, хлопцы, переходите в подчинение к подполковнику. Сейчас занимаетесь погрузкой. А мне пора. Извините, служба. — Он пожал руку старшему офицеру, коротко козырнул остальным и быстро ушел.

С появлением разведчиков работа пошла веселее. Офицеры тоже взялись носить ящики и коробки. Подполковник в салоне руководил правильностью укладки и закреплением грузов. Спустя 30–40 минут «УРАЛ» опустел. Он тут же укатил, увозя распаренных грузчиков. Невский внес в салон свой ценный груз — канистры и портфель с медикаментами. Офицеры, солдаты и единственная дама уселись в небольшой тени от вертолета. Пот заливал глаза, вся форма взмокла от работы на жаре. Хоть бы какой-нибудь ветерок. Но воздух не шевелился.

Пришел один из членов экипажа — бортовой техник. Объяснил, что вылет пока задерживают по погодным условиям. Все с изумлением посмотрели на него. Техник пояснил, что в зоне полета разыгрывается песчаная буря.

Невский уже успел познакомиться с этим явлением природы. В считанные минуты небо затягивается черными тучами, гремит гром, но на землю не падает ни одной капли дождя — вся влага испаряется еще до земли. Потом налетает сильный ветер, «афганец», как прозвали его воины-интернационалисты. Сплошная стена пыли до небес двигается со скоростью курьерского поезда. Становится темно, как ночью. Важно вовремя укрыться, закрыть нос и рот платком, иначе можно и задохнуться. Чаще всего буря пролетает быстро, а песок потом находят еще долго во всех помещениях и щелях. Спасения от него нет нигде. Всю открытую пищу можно сразу выбрасывать, т. к. песок будет хрустеть на зубах. После такой бури срочно пришлось проводить генеральную чистку в операционной, хотя, казалось, все окна были плотно закрыты.

Потянулись томительные минуты ожидания. Офицеры коротали время, рассказывая анекдоты. Невский прислушивался в пол-уха, решил все-таки почитать рассказы Чехова (зря, что ли брал с собой). Он потягивал из баночки еще прохладный лимонад.

— Верочка, а что ты для нас везешь в магазин? Может, прямо

сейчас и начнешь торговать? — Гавриловский подсел к полной, «дородной» даме.

— У тебя, лейтенант, таких денег не наберется, чтобы купить это, — отрезала Желтушкина, отодвигаясь в сторону.

— Да, ладно! Мы вон с доктором сбросимся, еще ребята добавят, — подмигнул Виктор разведчикам.

Те лишь улыбались. Их можно было принять за родных братьев, не знай их фамилии Невский. Все плечистые, высокие, со спокойной уверенностью на лицах. Эти внимательные глаза за короткую жизнь повидали уже не мало.

Между тем техник начал рассказывать о своих полетах. За неполный год многое изменилось. Катотиков Владимир, так назвался рассказчик, еще застал полеты на предельно малых высотах. С увеличением количества оружия у противника эти высоты стали не безопасны, и количество боевых повреждений вертолетов резко возросло. Были вынуждены перейти на рабочие высоты порядка 500–700 м. Это несколько снизило попадание пуль и снарядов в вертолеты. Однако уязвимость «стрекоз» продолжает оставаться высокой.

— Самое хреновое, — продолжал невозмутимый рассказ Владимир, — это появление на вооружении душманов ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс) «Стрела-2». Теперь, говорят, придется все чаще забираться на большие высоты, вплоть до 1500 м над рельефом местности.

— А что делается для повышения безопасности полетов? — сглотнув комок в горле, спросил подполковник.

— Для защиты вертолетов у нас широко используются экранно-выхлопные устройства, которые устанавливаются в соплах двигателей и рассеивают тепловой поток выхлопных газов. Также на вертолетах устанавливают инфракрасные помеховые патроны, которые отстреливаются с заданными интервалами в местах возможного нахождения средств ПВО противника и таким образом «уводят» самонаводящиеся ракеты в сторону от цели, — как на лекции перед студентами проговорил техник. Было видно, что ему нравится наблюдать за вытянувшимися лицами офицеров. Он взглянул на побледневшее лицо Веры и успокоил:

— Не боись! Все будет «вери велл». У нас отличный экипаж, попадали в разные переделки. Но, как видите, я жив и здоров.

Молчание надолго поселилось у вертолета. Все обдумывали услышанное. Прошло уже не менее часа, а вылет все не давали. К соседнему вертолету подошла группа, человек в десять, в полном вооружении. Они тоже разместились в ожидании у винтокрылой машины.

Наконец, спустя еще минут 20, пришли остальные члены

экипажа. Добро на вылет было получено.

8

На этот раз момент взлета Невский уловил. Вертолет плавно взмыл в воздух, развернулся и начал набирать высоту, перемещаясь по курсу. В иллюминатор было видно второй вертолет, он летел на той же высоте чуть сбоку. Вскоре начался отстрел этих самых инфракрасных помеховых патронов. Красивое зрелище! Вертолеты будто бы салютовали друг другу. Насмотревшись на вид из окошечек, пассажиры успокоились, кто-то уже и дремал. Смотреть особенно было не на что: горные вершины, участки пустынь. Очень редко можно было разглядеть зеленые «лоскутки», особенно вдоль немногих рек.

Бортовой техник Катотиков вышел в салон, проверил крепление грузов. Показал большой палец. Прокричал сквозь шум двигателя: «Все нормально! Летим другим маршрутом — севернее Кандагара продолжается пыльная буря, будем облетать по большой кривой, подойдем с юга». Он снова показал большой палец и скрылся в кабине.

Невский достал книжку, незаметно зачитался, изредка посмеиваясь над рассказами автора. Техник вскоре опять вышел, уселся на свободное место, изредка бросал взгляд в круглое окно. Подполковник и работница Военторга что-то оживленно обсуждали, стараясь говорить прямо в ухо друг друга. Ребята-разведчики спали, привалившись к стенкам грузового салона.

Прошло примерно 40 минут. Сначала старший лейтенант обратил внимание на посторонний звук — показалось, что кто-то бьет железной палкой по металлическим решеткам ограды. Такой же звук раздался с соседнего вертолета. Наконец, до Невского дошло — это стреляют из крупнокалиберного пулемета, причем, соседний МИ-8 стрелял по наземной цели. Александр приник к иллюминатору, силясь разглядеть что-нибудь внизу. Пролетали над горной грядой красно-бурых безжизненных скал. На одной из вершин слабо пульсировал огонек. «Стреляют по нашим вертолетам!» — обожгла мысль. Он осторожно потряс за плечо спавшего рядом Гавриловского. Тот мгновенно все понял. Приложил палец к губам, чтобы раньше времени не напугать женщину в салоне. Бортовой техник мгновенно скрылся в кабине. Вскоре начал стрелять и их вертолет. Добавился новый звук: «ИИ-АА, ИИ-АА». Казалось, будто кричит гигантский осел — это боевой вертолет сопровождения начал выпускать НУРСы (неуправляемые реактивные снаряды). Бой с противником

разгорался не шуточный.

Все пассажиры салона уже проснулись, были в курсе происходящего. Вера крепко обхватила сидящего рядом подполковника, он пытался вырваться из ее объятий, но тщетно. Сквозь звук стрельбы и рев двигателя в салоне явственно появился протяжный вой — это кричала Желтушкина, обводя всех безумным взглядом.

Невский насчитал внизу уже три пульсирующих точки. Противник явно был настроен на победу. Несколько коробок с грузом покатились по полу — видимо их плохо закрепили. Одно из деревянных креплений переломилось пополам, возникла угроза обрушения всего стеллажа. Разведчики подскочили как раз вовремя. Они перетянули веревки крепления, удержав груз на месте.

В салон вновь выбежал бортовой техник, оставив дверь в кабину открытой. Он направился к грузу. В этот момент что-то застучало по днищу вертолета, а Катотиков упал, как подкошенный. Его громкий крик заставил даже замолчать женщину. На штанине быстро расползалось красное пятно. Владимир катался по полу от боли.

«Его ранили»- сообразил Невский, бросаясь к технику. Почти одновременно подскочил и Виктор. Вдвоем они удержали кричащего раненого.

— Давай в кабину за аптечкой, — крикнул Александр, пытаясь зажать кровоточащую рану, но кровь вырывалась толчками.

Гавриловский рванул в кабину, через пару минут вернулся с другим летчиком. Тот осмотрел товарища, передал аптечку офицерам, прокричав: «Ребята, помогите Володьке!» — снова убежал в кабину. Невский быстро наложил жгут выше места ранения, кровь перестала пульсировать. Поставил из шприц-тюбика обезболивающее. Наркотик промедол подействовал быстро, раненый перестал кричать. Теперь можно было осмотреть рану. Разрезал ножом из аптечки штанину. Рана была ужасной: сквозное ранение крупнокалиберной пулей раздробило обе кости левой голени, из раны торчали костные отломки, выходное отверстие было примерно 5 на 7 см. Невский поспешно закрыл зияющее отверстие стерильной салфеткой, крепко перебинтовал ногу бинтом. Теперь надо было подумать об иммобилизации шиной.

Между тем с вертолетом творилось что-то неладное. Он начал крутиться вокруг своей оси, усиливая панику в салоне. Женщина уже уселась к подполковнику на колени, крепко обхватив его за шею, он с отчаянным лицом пытался столкнуть ее

в сторону. Крик Веры уже перешел в отчаянный визг — так кричат смертельно раненые поросята.

Виктор принес два подходящих деревянных отломка от крепления, Невский пытался наложить импровизированную шину на ногу раненого, но крутящийся вертолет никак не давал это сделать. Уже и майор Нечепа бросился помогать, поняв правильно намерения офицеров. Разведчики по-прежнему сдерживали своими телами разваливающиеся стеллажи с грузом.

Вертолет начал терять высоту, но еще не падал камнем вниз. Экипаж делал невероятные усилия, чтобы предотвратить катастрофу. Удалось немного выровнять машину в воздухе, она полетела уже боком, потом зигзагами. Из зоны обстрела уже вырвались, стрельба пулемета прекратилась, стало чуть тише. Вертолет сопровождения еще выпустил несколько залпов НУРС, потом и он прекратил стрелять. А для МИ-6 земля неуклонно приближалась.

Невский с двумя помощниками все-таки наложил шину на ногу, закрепил ее бинтами.

Вбежал один из летчиков, прокричал:

— Пуля пробила главный редуктор. Идем на вынужденную жесткую посадку, берегите головы! — так же стремительно исчез.

Что есть силы Невский одной рукой уцепился за металлическую лавочку, а другой удерживал раненого, который впал в забытье. Так же поступил и Гавриловский. А клубок из женщины и подполковника в этот момент покатился по полу. Остальные в салоне также ухватились за подходящие части вертолета.

Внезапно стало тихо. Двигатель «стрельнул» пару раз и затих. Почти сразу чудовищный удар о землю опрокинул всех в салоне. Люди покатились, сталкиваясь друг о друга, о стены винтокрылой машины, многие ящики с грузом также разлетелись по салону, травмируя людей. «Стрекоза» пропахала по земле несколько метров и уткнулась носом, слегка запрокинув хвост, в песчаный холм. Он и спас вертолет от опрокидывания. В последний момент Невский все-таки ударился головой об острый край скамейки, рассадив кожу на лбу. Кровь мгновенно залила глаза. Пришлось зажимать рану носовым платком. Люди в салоне начали шевелиться, поднимать головы. К счастью все были живы. Начался взаимный осмотр. Подполковник от удара потерял свои 4 передних золотых зуба. Теперь он растерянно ползал на коленях, пытаясь найти пропажу. Вера трясла ушибленную руку, тихонько поскуливая. Нечепа, видимо, сломал левую руку в лучезапястном суставе: она быстро начала опухать. Виктор сильно ударился грудью и болезненно кашлял. Ребята из

разведки, похоже, отделались легкими ушибами. Раненый был без сознания, но шина на ноге удержалась, так что болевого шока быть не должно.

Из кабины выбирались летчики. Приходилось подниматься вверх из-за наклона машины. Все там были в порядке, если не считать ушибов. Командир приказал всем срочно покинуть борт. Он открыл дверь вертолета. Помог вынести раненого, потом помог выйти смертельно бледной женщине. Один за другим выпрыгнули все остальные на твердую землю. Ноги Невского подкашивались. Сильно болела ушибленная голова. Остальные пострадавшие испытывали не меньшие страдания.

Гавриловский, сдерживая кашель, перевязал расшибленную голову Невского, тот в свою очередь, наложил тугую повязку на левую руку майора, повесил ее на перевязи из бинта на шею. Раненый пришел в себя, его напоили из фляжки. Все проверили свое личное оружие. Пора было разобраться в обстановке.

9

Благодаря мастерству летчиков, машина смогла перевалить через гористую цепь и дотянула до пустынной местности, упав где-то на территории пустыни Регистан. Вертолет уткнулся в один из немногочисленных холмов. А в основном, это была ровная, покрытая щебнем и песком безжизненная местность. Жар пустыни ощутился сразу — было впечатление, что сидишь перед открытой дверцей пышущей огнем печью. Люди растерянно оглядывались по сторонам, пытаясь осознать произошедшее. Высоко в небе парил второй вертолет. Они не одиноки, их спасут — такие мысли, видимо, родились в головах многих. Пострадавшие разом заговорили, загалдели, кто-то смеялся истерически. Пережитый стресс в полете «выходил» из людей. Стоя на твердой земле, начали ощущать безопасность.

Летчики занялись осмотром своей «раненой птички». Разведчики отправились осматривать окрестности. Невский вновь занялся раненым. Кровотечения не было, но долго жгут на такой жаре нельзя оставлять на ноге — требовалась срочная операция. Он написал на листочке время, когда наложил жгут (прошло примерно 20 минут, а казалось, минула целая вечность), всунул бумажку за край жгута. Итак, у них есть чуть больше часа, чтобы переправить пострадавшего врачам, иначе придется потом ампутировать ногу.

— А почему нас не подберет второй вертолет? — громко, ни к кому не обращаясь, спросила Вера. Она уже пришла в себя, глаза

больше не выражали смертельный ужас.

— Этот вертолет — гарантия нашей безопасности, он должен хорошенько разобраться в обстановке, вызвать помощь, а потом, там все места заняты, мы туда никак не поместимся. А что с грузом делать, бросать? — ответил за всех майор Нечепа, «укачивая» пострадавшую руку.

Вернулись разведчики Туров и Кипнис, лица у них были сосредоточенные. Они что-то негромко доложили подполковнику, который никак не мог успокоиться из-за потери зубов. Тот изменился в лице, потом прокричал:

— А почему я все должен решать? Кроме меня еще есть офицеры! У меня в вертолете груз ценный, я о нем должен беспокоиться. — Он тут же залез в салон для осмотра ящиков и коробок.

Туров в недоумении пожал плечами, потом подошел с товарищем к сидящих рядом с раненым Нечепе, Гавриловскому и Невскому.

— Товарищ майор! Мы обнаружили на расстоянии около 1–1,5 км от нас большой караван, они двигаются в нашу сторону. Я оставил наблюдателя. Какие будут указания? Вы старший по званию после подполковника, летчиков я пока не считаю — они занимаются вертолетом. Думаю, стоит нам приготовиться к обороне.

Нечепа сразу преобразился. Забыв о больной руке, он распорядился всем занять оборону. Послал Кипниса предупредить летчиков, а сам с Туровым поспешил к наблюдателю Толстогузову. Невский и Гавриловский, подхватив автоматы, двинулись следом. Александр лишь поручил Вере заботиться о раненом.

Они прошли метров 50, поднялись на небольшой пригорок. Оказалось, что вертолет упал на небольшой «пятачок» — возвышающееся плато среди низины. Им открылся вид далеко вокруг. Действительно, большой караван верблюдов двигался по пустыни, оставляя длинный след пыли. Офицеры залегли небольшой цепью, наблюдая со своего небольшого возвышения. Позиция была выигрышная.

Между тем караван начал сбиваться в кучу. Забегали человеческие фигурки. Потом явственно образовалась цепочка людей, двинувшихся в их сторону. Стало ясно, что их падение заметили, а это явно караван с оружием, идущий из Пакистана. Такие караваны, как правило, хорошо охраняются. Вот боевики и двинулись за легкой добычей. Об этом негромко сообщил Нечепа.

Офицеры передернули затворы автоматов, по два магазина с патронами было у каждого (магазины были соединены друг с

другом изолентой — это изобретение широко внедрилось в Афганистане, в бою проще было перезарядить).

Вернулся Кипнис с одним летчиком, капитаном Горбатых Кириллом (так представился офицер), голубоглазом блондине. Он сообщил, что удалось починить рацию, связаться с вертолетом МИ-8. Те уже запросили помощь, скоро здесь будет пара боевых вертолетов МИ-24, а пока он сам их будет защищать от боевиков. Есть, правда, опасение, что в караване окажутся ПЗРК, но это маловероятно. Затем их вертолет сопровождения высадит на ближайшем блокпосте свою команду на борту и вернется за ними. Так что им остается продержаться не долго.

Невский переместился за камень побольше, оказавшись ближе к Егору Турову. Он забыл, какова дальность стрельбы из своего короткоствольного автомата (у всех офицеров, включая вертолетчика, были АКСУ, лишь разведчики были вооружены автоматами АК-74, с длинным стволом), спросил об этом у Егора. Тот сразу оживился. Начал рассказывать, как на экзамене, любовно поглаживая свое оружие с присоединенным подствольным гранатометом. Выяснилось, что у его «Калашникова» начальная скорость пули 900 м\с, патрон 5,45х39 мм, прицельная дальность 1000 м, темп стрельбы 60 выстрелов в минуту, длина автомата с примкнутым штыком и откинутым прикладом 1089 мм. Оружие офицеров «похуже»: под тот же патрон, начальная скорость пули 840 м\с, прицельная дальность до 500 м, длина автомата со сложенным прикладом 586мм.

Наступающая цепочка быстро приближалась, вот и фонтанчики пыли стали возникать перед позицией обороняющихся.

«Это стреляют по нам! Они хотят нас убить!?» — эта мысль забилась в голове Невского. Ладони мгновенно стали влажными.

— Подпустим поближе. Стрелять по моей команде! — прокричал майор.

Невский выбрал цель прямо перед собой: чернобородый в развевающейся накидке и темной чалме. Он передвигался перебежками, залегая и стреляя из автомата.

Опыт стрельбы Невский имел большой — несколько лет еще в школе посещал стрелковую секцию, правда, стреляли из спортивных малокалиберных винтовок и пистолетов, даже получил разряд по стрельбе. Став офицером, несколько раз стрелял из пистолета Макарова. Но из автомата пока не приходилось.

— Пли! — как выстрел, раздалась команда.

Короткими очередями разведчики и офицеры начали стрелять. Несколько наступающих упали, в том числе и «цель»

Невского. В пылу боя он даже не успел подумать, что, возможно, лишил жизни человека.

Цепь залегла, отстреливаясь. Тут в бой вступил вертолет. С высоты его полета ударили пулеметы, полетели НУРСы. Взрывы снарядов возникали прямо в гуще неприятеля. Куски окровавленных тел разлетались над пустыней. Вертолет пронесся над противником, стал разворачиваться на второй заход. Он очень вовремя выпустил инфракрасные помеховые патроны, потому что со стороны каравана был произведен пуск ракеты «Стрела-2». Вертолет совершил умелый маневр, и ракета ушла в сторону.

Офицеры радостно закричали. Наступающие начали отбегать назад к оставленному каравану. А вскоре в небе показались два МИ-24, они сразу начали стрелять и посылать ракеты по каравану. Грохот стоял невероятный. Все вскочили в полный рост, стреляли и кричали от возбуждения. Они победили. Они все живы. Помощь уже близка. Боевые вертолеты на разных высотах кружили над полем боя, изредка постреливая. Никто не заметил, как исчез их вертолет сопровождения.

Разгоряченные боем люди расселись в кружок, закурили, все еще переживая «охотничий азарт». Для Невского и Гавриловского это был первый реальный бой. Вскоре всякая стрельба прекратилась. Наступила поразительная тишина. Все смотрели, как остатки каравана поспешно уходят в сторону. Вертолеты не стали их добивать. Сейчас важнее было вывести людей и грузы. Оставив наблюдателем Геннадия Кипниса, все вернулись к своему вертолету. Подполковник, пряча глаза, поздравил всех с победой. Желтушкина сидела с раненым, держа его за руку — он непрерывно стонал — действие наркотика заканчивалось.

10

Вертолет вернулся довольно скоро. Он аккуратно опустился рядом со своим «сородичем», завис на небольшой высоте. Из открытой двери выпрыгнули лейтенант и два солдата в бронежилетах и полном боевом вооружении — они останутся охранять поврежденную винтокрылую машину. Туда поспешно погрузили раненого, переложив его на носилки. Солдаты помогли забраться в салон женщине, потом влезли подполковник, майор, старший лейтенант и лейтенант. Последними на борт впрыгнули разведчики. Невский хотел захватить канистры со спиртом, но даже и портфель запретили брать. Как объяснили летчики, остающиеся со своей разбитой машиной, все будет переправлено

следующими рейсами, позже пусть приходит и забирает. Главное — спасти людей.

Салон МИ-8 показался сравнительно небольшим, особенно после большого вертолета. Все расселись у иллюминаторов, раненый лежал на носилках на полу. Время поджимало — его быстро надо оперировать. Машина дернулась, подпрыгнула и стремительно начала набирать высоту. Их сопровождал теперь боевой вертолет Ми-24, второй остался дежурить в небе. Путь пролегал прямо над пустыней, ветер гнал по земле пыль, клубки колючек — вечных странниц на земле.

Невский постарался собраться с мыслями. Так много событий за один день! Если так и дальше пойдет служба в Афгане, то будет что вспомнить на старости лет. «Если останусь в живых», — сама собой сложилась мысль в голове. «Человек не просто смертен, но смертен внезапно», — вспомнилась мысль кого-то из писателей. Да, они могли разбиться на вертолете, могли их убить душманы в этом бою. Но все обошлось, значит, есть у каждого свой Ангел-хранитель. Будем и дальше надеяться на помощь…

…Вертолет приземлился рядом со зданием аэропорта. Тут же подъехал санитарный автомобиль, раненого перенесли в машину, она быстро умчалась. Благо госпиталь находился рядом — рукой подать. Все вышли на свежий воздух. Небо казалось особенно голубым, солнце — особенно ярким. Жизнь продолжается!!

Подполковник, стыдливо прикрывая ладошкой потерю зубов, распорядился никуда не расходиться, а сам стремительно ушел. Все сели прямо тут у вертолета. Страшная усталость навалилась на людей. Хотелось уснуть сейчас и здесь, на жарком солнце. Но день стремительно догорал, наступал вечер.

БТР-60 вырулил прямо из ниоткуда. На броне сидел подполковник, спустив ноги в люк. Он распорядился всем залезать внутрь. В салоне бронированной машины многие сразу задремали. Даже не заметили, как оказались в расположении Кандагарской бригады. У штаба БТР всех высадил. Замполитылу бригады объявил, что завтра после построения бригады, т. е. часов в 8 утра, БТР отвезет всех, у кого остались грузы на вертолете в аэропорт.

— Ждать никого не будем, — сурово объявил он. Сухо попрощался со всеми и ушел вместе с Верой.

Офицеры обнялись на прощание с каждым из разведчиков (они здорово выручили сегодня). Ребята смущенно отмахивались от похвал. Козырнув, они ушли в свою разведроту. Невский попрощался с Виктором Гавриловским — тот не оставил в вертолете ничего, а с Нечепой сговорились встретиться утром. Офицеры разошлись в разные стороны.

Начало уже темнеть, когда Невский с окровавленной повязкой на голове, смертельно уставший, явился на доклад к капитану Канюку. Тот долго выпучивал свои глаза, стараясь понять смысл слов — он уже много «залил за воротник», ничего не соображал. Потом попросил завтра все доложить утром. Невский вышел за дверь.

Дежурная медсестра сняла ему промокшую кровью повязку. Долго охала-ахала, смазывая йодом подсохшую рану, залепила ее полоской лейкопластыря. Спустя несколько минут Невский уже спал в своей комнате.

11

Рано утром в комнату вбежал взбешенный Канюк. Он требовал срочно передать ему 2 канистры со спиртом и лекарства, включая наркотики. Невский спокойным тихим голосом рассказал о вчерашнем происшествии. Капитан долго ругался, плевался, бегая по комнате, разбудив других ребят.

— Ничего нельзя никому поручить! Просто сборище идиотов, а не врачи! Простое задание не смог выполнить!! — он пнул ногой дверь и выбежал в коридор.

Володя Амурский-анестезиолог и Саша Тамару — начальник аптеки, попросили объяснить, что произошло. Вчера они не могли добиться от него ни слова. Пришлось рассказать вкратце.

— Ну, и дела! — смогли они выдавить из себя в заключение.

В 8 часов Невский был уже у штаба. Крепко пожали руки с Нечепой. Рука у него болела уже меньше, но все же стоило сделать рентген в госпитале. На том и порешили. Пришел подполковник со своей неизменной спутницей Желтушкиной. Он кивнул офицерам, Вера даже не удостоила их взглядом.

На БТР быстро доехали до городка вертолетчиков. Подполковник убежал, долго выяснял судьбу груза. Вернулся, молча влез на броню, поехали на летное поле. Остановились у одного из больших МИ-6. Вылезли. Группа летчиков и техников работала у машины. В салоне Невский сразу нашел свой портфель, с волнением открыл. Все наркотики и лекарства были на месте, книги тоже. Не хватало пачек с печеньем. Он даже улыбнулся с облегчением. Нашлась и канистра со спиртом, печать была на месте. Вторую канистру найти так и не удалось. На все расспросы летчики недоуменно пожимали плечами. Грузились уже вечером. Могли и не заметить впопыхах. Поврежденный вертолет пришлось взорвать. Невский доложил подполковнику о недостаче. Тот раздраженно оборвал, что это мелочи по

сравнению с его потерями. Какими, он не стал уточнять. «Впишешь в акт списания, я буду составлять», — буркнул он. Нечепа все свои радиостанции нашел в целости и сохранности. Работница Военторга требовала создать комиссию по инвентаризации груза.

Невский спросил у летчиков о состоянии здоровья Катотикова.

— Володьки? — переспросил невысокий офицер. — Все хорошо, вовремя доставили, ногу врачи сохранили. Все будет нормально, обещали, — он широко улыбнулся.

Александр понял, что делать ему здесь больше нечего. Он подхватил свой портфель, канистру и забрался в БТР. Чуть позже к нему присоединился Нечепа. Подполковник разрешил отвезти их в бригаду, они с Желтушкиной пока остаются.

Заехали в госпиталь. Здесь сделали рентген Николаю Ивановичу, к счастью, перелом не подтвердился — был сильный ушиб и растяжение связок. Бронированный транспортер повез их домой.

Невский вспомнил надпись на памятнике погибшим летчикам (он прогуливался по территории, пока ждал майора):

Слава Вам, Храбрые! Слава, Бесстрашные!
Вечную славу поет Вам народ…
Доблестно Жившие, смерть Сокрушившие,
Память о Вас НИКОГДА НЕ УМРЕТ!

использована книга «Святый Благоверный Великий князь Александр Ярославич Невский» М. Хитров, М. 1898 г.

№ 2. «Я видел тот свет…»

«Всем смертям назло…»

(К. Симонов)

1

Было еще совсем темно, когда колонна начала выдвигаться из расположения 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады). Грохот танковых двигателей, рев машин, едкие запахи выхлопных газов, крики людей — все это перемешалось в причудливый «коктейль». Начинался боевой рейд. Подавляющее большинство военных покидали на неделю свой обжитый военный городок. Место Автоперевязочной (АП-2, на базе ГАЗ-66) было определено еще накануне вечером при выстраивании колонны. Впрочем, водитель уже не первый раз выезжал «на боевые», действовал уверенно, заняв место за названным бронетранспортером. Совсем другое дело сосед водителя по кабине. Это был первый рейд старшего лейтенанта медицинской службы. Все было совершенно необычно и ново для него. Смотрел во все глаза, хотя в свете притушенных фар не очень-то было видно.

Еще несколько дней назад, в начале августа, состоялось совещание со всеми врачами Отдельной Медицинской роты Кандагарской Бригады. На совещании, которое открыл исполняющий обязанности начальника медицинской службы капитан Канюк, присутствовали и врачи из госпиталя (два хирурга и начальник медицинской части). За несколько лет сложилась своеобразная традиция взаимопомощи между врачами госпиталя и Медроты: на место выбывших госпитальных специалистов (отпуск, болезнь) прибывали врачи из Бригады. При тяжелых случаях ранений приезжали на помощь врачи из госпиталя.

На совещании решался вопрос о медицинском обеспечении боевого рейда, который обещал быть трудным. Вся проблема состояла в практически полном обновлении хирургов в Медроте — прежние еще в начале июля уехали в Союз поступать в Военно-Медицинскую Академию, завершив службу в 2,5 года, даже не дождавшись замены (время поступления поджимало). Только старший лейтенант Невский еще успел застать «старичков», а потом несколько недель «тянул лямку» один за всех. В конце июля приехал один, а в начале августа — другой хирург,

заполнив, наконец, должности начальника операционно-перевязочного отделения и начальника медицинского взвода-ведущего хирурга. Невский вздохнул свободно — все-таки не один теперь хирург на всех раненых (тем более что скоро должен был вернуться из отпуска еще один опытный хирург, имеющий большой опыт работы в Афгане).

Новички только начали проходить процесс акклиматизации. Это очень тяжелый период для каждого, кто приезжал по замене в жаркие летние месяцы. Особенно страдал сейчас ведущий хирург капитан Александр Голущенко. Его полное тело буквально «плавилось» от изнуряющей августовской духоты. За неполные две недели он потерял уже около 20 килограммов, продолжал худеть и дальше, из него как будто «выпускали воздух». Ни о какой поездке в рейд для него не могло быть и речи. Начальник отделения не пробыл в Афгане и 5 дней, на все смотрел удивленными глазами, охал и ахал от жары. Отпускник, старший лейтенант Николай Сергеев, прибудет буквально за день-два до начала рейда. Его тоже нельзя посылать сразу на боевую операцию.

Проанализировав ситуацию, и.о. начальника медслужбы бригады остановил свой выбор на Невском — уже полтора месяца в Афганистане. Старший лейтенант не возражал, спокойно выслушал решение начальства. Надо когда-то начинать. Начальник медицинской части госпиталя высказал сомнение — нет опыта оказания медицинской помощи в боевых условиях, справится ли? Может, лучше отправить хирурга из госпиталя?

— Справится! — уверенно заявил Канюк. — Он уже в середине июля показал чего стоит, когда летал в Шинданд, а на обратном пути оказался в сбитом вертолете. Там и помощь раненым оказывал, и повоевать успел!

— А так это и был ваш Невский? Наслышан об этой истории. Молодец, коли так! — подполковник из госпиталя успокоился.

Таким образом, решение было принято. Невский стал готовить в последующие дни Автоперевязочную к выходу. Загружал перевязочный материал, медикаменты, носилки и т. д. Особенно спросить было не у кого, полагался на собственное усмотрение. Кто его знает, что еще может понадобиться для оказания помощи. Не хотелось, чтобы в первом рейде не нашлось необходимых средств для раненых. «Забил» машину под «завязку».

Обрадовался Александр Невский, когда за два дня до выезда ему назначили в помощники фельдшера, сержанта Славу Табачникова. Тот имел высшее образование, окончил ветеринарный институт, но за отсутствием военной кафедры, его

призвали по окончании ВУЗа на два года солдатом. После небольшого ранения Слава попал на лечение в Медроту, где его знания и умения оценили и перевели после выздоровления в штат фельдшером. Последние полгода он так и служил в операционно-перевязочном отделении, неоднократно выезжал за это время и в рейды, иногда даже без офицеров. Прислушиваясь к советам опытного Табачникова, старший лейтенант выгрузил из машины лишнее. Теперь он явно приободрился — успел хорошо познакомиться с сержантом за неполные два месяца совместной работы (даже тот помогал при операциях), оценил его добрый и веселый нрав. Будет с кем посоветоваться в трудную минуту.

За день до начала боевой операции командир Кандагарской бригады, высокий, спортивного телосложения подполковник собрал всех офицеров подразделений для постановки задач. Звучали непривычные для уха Невского названия населенных пунктов: Зангабад, Базарча, Нагахан и др.

Когда комбриг попросил офицеров высказываться, один из командиров батальонов возразил, что при такой постановке задачи потеряет многих своих бойцов. Неприятно поразил ответ подполковника:

— Меня не интересует количество потерь! Ты мне, комбат, выполни приказ, а там посмотрим…

В зале клуба, где проходило совещание, наступила напряженная тишина. Стало понятно, что командир бригады настроен на решение задач любой ценой. Невскому заранее стало жалко этих обреченных солдат.

— Да, а кто у нас от медиков? — спохватился подполковник. Невский встал, назвал себя. — Твое место, старлей, со своей машиной при движении в колонне недалеко от меня. Начальник штаба укажет точнее. Вопросы есть? — вопросов не было. Невскому разрешили сесть.

Выход был назначен на 3часа 10 августа. Совещание закончилось.

2

Старший лейтенант занял место в кабине рядом с черноглазым весельчаком- водителем, с шикарными черными усами, как необходимый атрибут каждого выходца с Кавказа. По его же совету он повесил свой бронежилет на дверцу машины — так будет дополнительная защита в случае обстрела колонны (оказалось, что так делают практически все при движении в колонне в обычных автомобилях). В лучшем положении были

едущие на БТР — все-таки броня, есть броня.

Колонна, как толстая гигантская змея, выползала из расположения части. Оставалось только довериться судьбе. Преодолев ухабы и ямы, машина вырвалась на бетонированную дорогу. Скорость возросла. Постепенно волнение улеглось. Невский даже начал «клевать носом» — сказывалась бессонная ночь (поспать удалось лишь в машине пару часов, уже с 23 часов стояли в готовности к выезду).

Проснулся от необычной тишины. Машина стояла. Наступил рассвет, солнце пока еще не показалось, но было видно все. Вернулся водитель, молча уселся рядом.

— Ну, что там, Рустам? Почему стоим?

— Вся колонна стоит при входе в Кандагар. Ждем разрешение на проезд через город. Скоро поедем, — он сладко зевнул и надвинул панаму на глаза, откинулся на спинку сидения.

Старший лейтенант выпрыгнул из машины, прошелся, размял ноги. Многие также прогуливались у своих машин, БТР и прочей техники. От Автоперевязочной вперед и назад по дороге стояла техника. Большая силища двинулась воевать… Внимание Александра привлекла ранее не виданная боевая техника — через две машины впереди стоял «танк», но стволов у него было четыре — спаренные крупнокалиберные пулеметы, устремленные в небо.

— А это что за зверь такой? — обратился он к стоящему поодаль старшему лейтенанту в полевой форме.

Тот охотно заговорил, видимо, соскучился по общению:

— А это, доктор, гроза всех «духов», страшная «Шайтан-Арба». Они ее так называют. А вообще-то это «Шилка». Используется для борьбы с самолетами, но поскольку у душманов их нема, то удачно стали применять и против наземных целей. Я ее просто обожаю! Отличная боевая техника! Правда, очень жарко внутри, когда она долго «работает» из всех четырех стволов. Говорят, до 50 градусов поднимается температура. Я сам, правда, не знаю. Передаю, что слышал. Ее даже фотографировать нельзя, секретное оружие считается. Все фотки на таможне отбирают, если найдут. — Он протянул руку, представившись, — Погута Иван, командир взвода из 1-й роты. А ты, док, из Медроты?

— Невский Александр, хирург из медицинской роты. Первый раз сегодня выехал, недавно по замене приехал. Что посоветуешь, поди, не первый раз на боевых?

— Это точно, второй год уже разменял. Сбился со счету, сколько раз выезжал. Ни царапины, ни болезни не было. Я заговоренный. Я тебе пожелаю выполнить три главных условия успешной службы здесь: не наступить на мину; не попасть снайперу на мушку; не подорваться на фугасе. Ну, а страшнее

всего первый обстрел: все кругом гудит, ревет. Если бьют реактивными снарядами и слышишь, как они свистят, значит, будешь жить — это не твои — перелетят через голову. Осколки у эрэсов, чтобы знал, идут в ту же сторону, откуда прилетают снаряды. Это не мины. Все остальное ерунда. — Он достал сигареты. Закурили.

Подошли еще три офицера в камуфляже и бронежилетах, молодые, загорелые до черноты ребята. Кивнули головами друг другу в знак приветствия. Закурили тоже. Они, видимо, продолжили начатый разговор. Самый высокий, спортивного телосложения, в начищенных до блеска хромовых сапогах, перебросив автомат из руки в руку, заговорил:

— Я помню, как в Кандагаре, во время встречи с пленными «духами» среди прочих вопросов задал им такой: «Что бы сделали со мной, если бы захватили в плен?» Им перевели. «Вас бы не убили. Пленников продаем и на эти деньги покупаем оружие». Я спросил, за сколько бы меня продали? Они пошептались. «За три миллиона афгани», — сказал один из них. Я их спрашиваю, мол, а это много — три миллиона? «Стоимость трех десятков автоматов». Вот как меня оценивают. А вообще, прейскурант на человеческие души у них всегда в уме. За жизнь летчика — миллион афгани. Полковник стоит восемьсот тысяч, подполковник — на триста тысяч меньше. Капитан — двести, лейтенант — сто тысяч.

— Что ж, Серега, они тебя так оценили, ты же только капитан? Наверняка за генерала приняли, — ухмыльнулся один из подошедших, крепыш среднего роста.

— Это они мне польстить захотели. Чувствовали, собаки, что могу их всех на месте порешить, — капитан зло сплюнул. — Нагрянули тут афганские офицеры из безопасности, из ХАДа, увели гадов. — Ладно, на мой век еще хватит «духов».

— Сергей, а чего ты все в сапогах ходишь? Не надоело в Союзе носить? Жарко ведь! — вступил в разговор третий, сухощавый, усатый офицер.

— Ничего ты не понимаешь! Русский сапог ногу стягивает, тем самым человека дисциплинирует. Наши отцы и деды ведь не дураки были. В этих сапогах вон, какую страну построили, великую войну выиграли. А сейчас?! Бьют нас в хвост и гриву, потери большие, да еще теряем бойцов в разных несчастных случаях. А отчего эти случаи — дисциплины надлежащей нет!

— Да вся наша жизнь сейчас — один сплошной несчастный случай, — поддержал разговор крепыш. — А я смотрю, тебе нравится воевать.

— Как настоящий воин, я ненавижу войну. Но я буду

исполнять приказ и буду убивать без радости, но и без угрызения совести. Это враги… Ладно, пошли по местам.

Офицеры бросили недокуренные сигареты, и пошли вдоль колонны. Невский весь разговор слушал, затаив дыхание. Не удержался, спросил старшего лейтенанта, кто они.

— Я всех не знаю, но в сапогах был командир второго батальона. Он всегда в них ходит. Его даже прозвали «гусаром». Правда, не за сапоги. Лихой вояка. «Духам» спуску не дает. Мстит за погибшего в Афгане друга. Его аж колотит, когда о душманах говорит. Заметил, наверное.

Невский кивнул. По цепочке донеслась команда: «По машинам!» Офицеры наскоро пожали друг другу руки, побежали к своим машинам.

3

Колонна двинулась дальше. Старший лейтенант попытался вспомнить все, что читал после прибытия в Афганистан о городе Кандагаре. На ум приходили какие-то обрывки информации.

Кандагар — город гранатов у песков нескольких пустынь. Бескрайние песчаные земли окружают город: Пустыня смерти (Дашти-Марго), Пустыня отчаяния (Дашти-Наумид), наконец, Страна песков (Регистан) — дыхание этих пустынь ощущается на улицах Кандагара. В древности город назывался Александрия-Арахозия. Он был основан македонцами по пути в Индию.

Город играл и теперь играет огромную роль во всем Афганистане. Говорят же: «Кто владеет Кандагаром, тот владеет Афганистаном». Поэтому и борьба в этом районе идет более ожесточенная и бескомпромиссная, чем в любой другой провинции. Этот город снова хотят сделать столицей, как в древности. Кандагар не контролировался кабульскими властями полностью, в городе было двоевластие.

Зато в Кандагаре растут огромные и сочные гранаты. Невский вспомнил, как «старожилы» рассказывали о небывалых по величине плодах размером с кулак или детский мячик. С одного, мол, граната можно надавить полную кружку такого терпкого и вязкого сока. Очень хорошо утоляет жажду, является лекарством «от всех болезней». Чего только еще не наговорили об этих чудо — плодах, выращенных в окружении пустынь!

Положение сейчас в Кандагаре не простое. Наши машины подбивают в городе средь бела дня, то тут, то там может неожиданно вспыхнуть яростная перестрелка. Случается, что наглотавшийся наркотиков душман, может расстрелять в упор из

безоткатного орудия танк или бронемашину. И тут же он скрывается в придорожных развалинах. Не случайно по бокам дороги можно увидеть оплавленный асфальт. Город — сплошные руины. Все время стреляют. За жизнь советского солдата, «шурави», как всех здесь называют, никто не даст и ломаного гроша, особенно за того, кому взбредет в голову пройти по улице без оружия.

Душманы рвутся захватить весь город. Однако торговцы хотят мира, они не довольны большими налогами, которые приходится платить мятежникам…

Крестьяне хотят прекращения военных действий. Согласны платить налоги кому угодно, лишь бы не было убийств и крови. Из страха выполняют волю мятежников.

В 33 уездах и 8 волостях провинций Кандагар, Заболь, Урузган и Гильменд из 6245 населенных пунктов под частичным контролем народной власти находится 482 кишлака, что составляет 7,7 процента…

В Кандагаре действует женская террористическая группа с задачей уничтожения афганских должностных лиц и советских военнослужащих…

Невский невольно вздохнул, вспомнив эти промелькнувшие в голове отрывки из газетных статей. Газетами «Красная Звезда» и «Фрунзевец» снабжали регулярно. Но даже в этих газетах всей правды не писали. Приходилось читать «между строк».

Александр переключил свое внимание на проплывающую за окном картину. Смотрел во все глаза. В придорожных кишлаках стены домов густо, словно оспинами, иссечены пулевыми отметинами, в глинобитных дувалах зияют провалы. Машина проехала мост через неширокую речку. Этот мост охраняли наряд белуджей (так пояснил Невскому его всезнающий водитель). В белоснежных тюрбанах, с густыми иссиня — черными бородами они увешаны самым разнообразным оружием — карабинами, автоматами, пистолетами, крест-накрест перетянуты патронными лентами. Вместе с молоком матери впитывают они любовь к оружию. В бою промаха не знают. Белуджские племена стойко защищают свою территорию, активно помогают новой власти.

За мостом на обочине чернеет обгорелый остов бронетранспортера. Чуть поодаль в капонире стоит танк. Ствол его пушки направлен в сторону гряды синеющих на горизонте невысоких холмов — оттуда и можно ждать опасности.

Техника начала втягиваться в Кандагар. Колонну в город пропускали по особому режиму — каждую машину отдельно с интервалом в несколько сотен метров, на максимальной скорости. Одиночные машины мчались на бешеной скорости,

словно по огненному коридору.

По совету водителя, Невский выбрал себе сектор, за которым наблюдал, направив туда ствол своего автомата АКСУ.

Что стало с некогда красивым шумным городом, второй столицей Афганистана? Дорога разбита, город в пыли, как в молочном тумане, многие кварталы разрушены, очень мало на улицах людей. По слухам, население Кандагара за эти годы сократилось почти в два раза.

Лихо вращая баранку, стремительно проносясь по городу, водитель Рустам успевал еще давать пояснения Невскому:

— На этом месте недавно танк сожгли, — показал он старшему лейтенанту.

— А здесь, где асфальт разворочен, на фугасе подорвалась бронемашина.

— А из этих камышей неделю назад моих земляков обстреляли, одного убили даже, мы вместе в одном классе учились.

Невский вертел головой и лишь крепче сжимал свой автомат.

— А сейчас мы вообще гиблое место проезжаем — площадь с пушками, видите, старинные пушки установлены? Это еще после войны с англичанами остались. Три войны было у них с афганцами, все проиграли. И чего мы-то сунулись? Ребята прозвали это место площадь Пушкина. Смешно звучит, да?

Невский кивнул головой. Действительно, имя великого поэта как-то не вязалось с этим местом. Рустам называл еще «гиблые места» города: Черная площадь, афганский ГСМ, выезд из города.

Наконец, Автоперевязочная, вылетев из города, стала замедлять ход, а потом и совсем остановилась. Передние машины стояли. Ожидали хвост колонны. На этот раз прошли через город без потерь.

4

Невский перевел дух, расцепил побелевшие пальцы и отложил в сторону автомат.

— Ну, Рустам, ты и гнал! А чего это все мчались с такой скоростью? Вроде не стрелял никто.

— Потому и не стреляли, что все быстро мчались — трудно прицелиться в таких условиях… Это уже проверенная тактика передвижения по городу. Я тут не первый раз уже проезжаю. А вообще, товарищ старший лейтенант, все самое трудное только еще начинается. Есть еще знаменитое местечко. «Нагаханский поворот» называется. Практически не проходили там без

обстрела. И почему там не сделают постоянный блок пост?

— А сейчас мы где стоим?

— Это «Голубые купола». Видите эту мечеть? Дрянное место тоже. А дальше можно будет увидеть «Элеватор». Там постоянно размещена одна наша рота из 70 Бригады. Живут там днем и ночью. Выезжают на сопровождение колонн, посты охранения выставляют. Постоянно, как под увеличительным стеклом себя чувствуют, мне земляк рассказывал. Духи за ними в бинокли и всякие наблюдательные трубы следят. Ведь, сволочи, что удумали: у наших для приема пищи там всегда в колокол ударяли (как на корабле), так они и отследили место столовки, и регулярно стали туда мины класть во время обеда. Многих осколками посекло. Пришлось отменить такие «колокольные позывные».

— Какие страсти ты, Рустам, рассказываешь! Прямо мороз по коже. Давай-ка лучше покурим.

Они закурили из пачки Невского. Помолчали.

— А ты сам, откуда родом будешь? — первым заговорил старший лейтенант.

— Я из Дагестана, из Махачкалы буду. Кумык по национальности. Мой народ не большой, но очень известный! А вообще у нас очень много разных народов собрано в республике. Существует такая легенда, что когда Бог населял землю, то ходил с «лукошком» и выкладывал народы аккуратно по местам будущего проживания, но споткнулся о Кавказские горы и высыпал там сотни разных народов, не стал уже ничего переделывать. Так и живем все в одном месте. А вы были на Кавказе?

— Нет, не довелось.

— Вот после Афгана приезжайте ко мне в гости. Я вам все красоты Кавказа покажу. А вы знаете анекдот про русского и грузина? — Видя, что Невский помотал головой, он продолжил. — Русский и грузин спорят, чей язык труднее выучить. Русский ругает за многочисленные обороты речи, за цветастые сравнения, за грамматику в грузинском языке. Грузин слушал-слушал, а потом говорит: «У вас, русских, вообще не возможно запомнить написание слов! Например, слово «квас» пишется вместе, а слово «к вам» — отдельно!»

Невский прыснул от смеха. Видя такую реакцию, довольный водитель собрался еще рассказать что-нибудь смешное. Но в этот момент колонна начала движение. Сразу став серьезным, Рустам тронулся вслед за БТР с бортовым номером 114. Невский чуть привстав, заметил широкий «зад» солидной «Шилки». Стало сразу спокойнее на душе — серьезная боевая машина не оставит без

защиты.

Постепенно скорость стала нарастать. Все БТР расположили свои пулеметы «елочкой»: вправо и влево от дороги. Мощная башня «Шилки» повернула свои четыре ствола в сторону скалистых высот. Невский вновь крепко сжал в руках автомат. Ехали молча, лишь водитель что-то изредка бормотал негромко на своем наречии.

«Элеватор» проскочили очень быстро, Невский не успел толком ничего рассмотреть. По краям дороги кое-где стояли танки и БТР — боевое охранение проходящей колонны. Начиналась так называемая «зеленка», так назвал ее водитель («зеленая зона» — участок, засаженный виноградниками, деревьями, буйно разросшимися вдоль небольшой речушки, дающей живительную влагу в эти изнывающие от жары места).

Обстрел начался как-то внезапно, сразу в нескольких местах. Затрещали автоматы, «солидно» застучали крупнокалиберные пулеметы бронетранспортеров, пушки боевых машин пехоты (БМП). Старший лейтенант силился хоть что-нибудь рассмотреть, понять в происходящем. Густой сизый дым окутал все вокруг, водитель что-то кричал, бешено вращая баранку, но из-за грохота слов его нельзя было разобрать.

Из скалистых невысоких нагромождений раскаленная струя газа и огня вонзилась в колонну боевой техники, с оглушительным треском взорвалась внутри БТР с бортовым номером 114. Бронетранспортер сразу сбавил скорость, завилял и съехал в кювет, из него стали выскакивать, вылезать или просто выползать с помощью других, вооруженные люди с перекошенными лицами, с широко открытыми кричащими ртами, впрочем, слов все равно было не разобрать. Все это Невский рассмотрел в доли секунды, пока их Автоперевязочная, чуть притормозив, стала объезжать подбитую технику, продолжая движение дальше. «А раненые?!» — прокричал он водителю, почти приблизив свое лицо к нему, но тот понял и прокричал в ответ: «Нельзя останавливаться! Колонна должна мчаться вперед, иначе всем «крышка». Есть, кому помочь!»

И тут «заговорила» грозная «Шилка». В доли секунды она «срезала», как ножом, все деревья вдоль дороги толщиной с человеческую руку, отчего они плавно улеглись кронами от дороги, освободив сектор стрельбы. Чудовищная скорострельность позволяла посылать в один миг множество раскаленных «шмелей», уносившихся в сторону гористых вершин. «Шилка» остановилась, продолжая поливать свинцом, а медицинская машина вместе с другой техникой помчалась дальше.

Старший лейтенант никак не мог отделаться от впечатления, что все это происходит не с ним, что все это он смотрит на большом экране в кинотеатре. Кажется, он даже перестал дышать…

Постепенно стрельба сзади стала стихать, замолчала и «Шилка». Теперь она, наверняка, войдет в самый любимый вид боевой техники Невского. Заметив, что давно уже не дышит, Александр судорожно стал схватывать ртом воздух, отдышался, стал успокаиваться. «Вот это, да!» — так и хотелось сказать. Как ни странно, но страха не было, не успел даже испугаться. Был какой-то азарт и восторг (щенячий, что ли?)

Колонна, как и прежде, плавно мчалась по бетонке. Люди приходили в себя, вылезали на броню БТР. Закуривали. Теперь Автоперевязочная ехала за бронетранспортером без башни («Чайка»- машина связи комбрига», — пояснил водитель).

— Это и был тот самый поворот, Нагаханский что ли? — с трудом выговорил Невский трудное название.

Рустам кивнул. Не отпуская руль, он закурил свои сигареты без фильтра («смерть на болоте»- вспомнилось название этих «Охотничьих» сигарет, что выдавался рядовому составу. Были еще «нищий с палкой» — так окрестили «Памир». Офицерам чаще выдавали с фильтром «Столичные» или «Космос». Впрочем, часто их не хватало, тогда довольствовались такими же). Невский тоже начал дымить…

Дальше колонна повела себя странно: вместо того, чтобы ехать по гладкой бетонной дороге, по краям которой стояли высоковольтные металлические опоры с оборванными проводами, она начала сползать в пустыню («зеленка» давно закончилась), техника поползла по неровной бугристой местности, тяжело переваливаясь на ухабах. Сползла и машина медиков, тяжело подпрыгивая, на неровную почву. Невский обратил внимание на оторванную и перевернутую башню танка (сам корпус лежал кверху гусеницами поодаль), загородившую дальнейший проезд по ровной дороге и своим стволом указывающим в пустыню, словно направляющим по безопасному пути дальше.

— На фугасе подорвался, башня метров на десять улетела, — скупо пояснил водитель, выбрасывая в окно окурок.

Машины из колонны начали разъезжаться по пустыне веерообразно, даже обгоняя друг друга. Невский уже ничего не понимал. Вскоре вырисовались несколько направлений движения. Каждая машина ехала в строго определенном направлении. Боевая операция началась: подразделения приступали к выполнению своих задач.

5

Автоперевязочная расположилась в «чистом поле», на удалении от остальной техники, составляющей управление 70 Бригады, поближе к месту, определенному для посадки вертолетов. Повсюду кипела работа: устанавливали палатки, возводили «лес» из антенн (стереоскопические трубы тянулись в небо), по периметру расставлялась боевая техника для охраны: танки, БТР, «Шилки». Всюду сновали офицеры, солдаты.

Многоопытный фельдшер Слава Табачников взялся руководить работой маленькой медицинской группы. Старший лейтенант Невский с благодарностью принимал его советы. Прежде всего, поставили палатку УСТ (универсальную санитарно-транспортную) для временного укрытия раненых от палящих лучей солнца. У автомобиля своего соорудили из брезента навес, создав хоть какое-то подобие тени. Санитарные носилки, уложенные на крыше Автоперевязочной, разложили в палатке и поставили рядком под навесом — при первой необходимости их быстро можно взять. Невский занялся работой в салоне — проверил подвижность операционного стола (по желанию его можно было поднимать-опускать и даже перемещать в горизонтальном направлении), проверил подачу кислорода из большого баллона, проверил и маленькие кислородные ингаляторы КИ-3М. Все работало исправно — езда по тряскому бездорожью не вывела из строя технику.

Старший лейтенант невольно прислушивался к разговору своих подчиненных.

— Слышь, Славик, а ты при обстреле сегодня не наложил в штаны? Наверное, упал на пол в салоне и под операционный стол залез?

— Сам ты веник! — невозмутимо отвечал фельдшер, поправляя очередной колышек у палатки. — Я, между прочим, даже стрелял из автомата через форточку.

— Ага, «в белый свет, как в копеечку» стрелял. Что ты там мог видеть?! Я вот ни капли не сдрейфил, не в первый раз под огнем…

— Я тоже не первый день замужем! Раз семь уже ездил в рейды. С тобой вот только первый раз. Посмотрим, что ты за гусь. Сходи лучше к своим землякам. Узнай, что там после обстрела, за одним и разведай на счет «хавчика». Собираются нас тут кормить или на подножном корме мы до обеда?

Рустам кивнул, захлопнул дверцу кабины и «потрусил» к скоплению палаток и машин с будками.

Солнце поднималось все выше, было около 9 утра, нарастала

и жара, спасения от нее не было нигде. Невский и Табачников уселись в тени навеса на складные стульчики, подставляя лица под легкие порывы ветерка. Впрочем, воздух был почти не подвижен.

— Как же можно еще и воевать в такую жару? Приходится и бегать, ползать, стрелять. Ума не приложу!

— Да, товарищ старший лейтенант, тяжела участь солдата! Я успел побыть в их шкуре, до сих пор не пойму, как выжил. Это здесь, в Медроте, я так «забурел», живу, как на курорте, забыл о настоящей службе. У меня там друзья в батальоне оставались по прежней службе. Почти все уже или погибли, или ранены. Кому нужна эта проклятая война?

— Ленина не читал, что ли? Война — это продолжение политики только иными средствами. Ты представляешь, как сейчас работают военные заводы?! Выдают на гора оружие и технику, взрывчатку. И не только в нашей стране. Кто-то хорошо наживается на этом. Как в поговорке: «Кому война, а кому — мать родна!»

— А я вот читал, что даже создатель динамита Нобель крайне отрицательно относился к любым боевым действиям. Незадолго до смерти он заявил, что «война является ужасом из ужасов и самым страшным преступлением». Он еще, я читал, говорил: «Мне бы хотелось изобрести вещество или машину, обладающие такой разрушительной мощностью, чтобы всякая война стала невозможной».

— Ну, пока этого, к сожалению, не произошло. А ты, я смотрю, начитан! С тобой интересно разговаривать. Еще потолкуем позже. Что там узнал? — обратился Невский к подходящему водителю.

Тураев быстро подошел к машине, остановился, обмахиваясь панамой, перевел дух:

— Есть уже убитые и раненые, даже тяжело. Перед нами БТР подбили, помните? Там сразу погиб-попал под выстрел гранатомета — старший лейтенант. Погута, кажется его фамилия, командир взвода, а вместе с ним еще ребята из этой первой роты. Трое ранены (два тяжело — в живот и грудь), один убит — Тафель Женька. Я его хорошо знал, часто к ним в роту ходил, земеля там мой служит. Всех уже отвезли к Элеватору, а туда и «вертушка» прилетала.

Невский сразу вспомнил этого старшего лейтенанта. Кажется, совсем недавно беседовали с ним. Он еще называл три главных условия успешной службы в Афгане: не наступить на мину, не попасть снайперу на мушку, не подорваться на фугасе. А сам вот погиб от гранатомета, о нем-то забыл совсем в своих условиях.

Стало очень горько на душе. Это первая смерть на войне, коснувшаяся его недавнего знакомого. Рустам между тем продолжал рассказывать о новостях: началась прореска кишлаков, они взяты к «колечко». Пока все в порядке. Кормить начнут только с обеда, пока распорядились использовать «сухпай». У него земляк на полевой кухне работает, даже обещал оладьи к обеду подать.

Ребята занялись приготовлением завтрака: выкопали ямку, в ней аккуратно развели в металлической баночке огонь из припасенной для этого «горючки», разогрели кашу с мясом в банках, вскипятили чайничек. Поели все в полном молчании. Из головы не выходили недавно погибшие ребята…

Перекусив, Невский забрался в салон машины, открыл обе боковые двери для проветривания. Прохладнее не стало. Чтобы занять себя, стал читать прихваченную книжку, постепенно втянулся в приключения юных моряков в годы Великой Отечественной войны. Время летело не заметно. Раненые не поступали. Когда от жары уже, казалось, начинал «закипать» мозг, Александр набирал из большой сорокалитровой емкости воду в кружку, поливал на голову. Становилось легче.

Ближе к 13 часам забежал к ним посыльный — приглашал офицеров на обед в большую палатку. Объяснил, что рядовой и сержантский состав обедает во вторую очередь. Есть совершенно не хотелось, но ребята его уговорили «сходить на разведку». Одевшись по форме, старший лейтенант пошел к указанной палатке.

Большинство мест уже было занято, найдя свободное, он сел рядом с офицерами. Ему тут же принесли дымящиеся щи, кашу рисовую с мясной тушенкой и чай с настоящими оладьями. Невский хмыкнул: «Как на курорте кормят». Капитан с эмблемами артиллериста на полевой форме охотно поддакнул. Стал рассказывать, что в рейдах он всегда наедается «от пуза», не то, что в Бригаде. Видимо, здесь все же лучше готовят, да и обстановка другая. Невский рассеянно слушал, кивая головой. Рассматривал офицеров в палатке. За отдельным столиком узнал подполковника — командира бригады, рядом с ним сидел начальник штаба. Они что-то оживленно обсуждали, не переставая работать ложками.

Александр тоже заработал ложкой и, к своему удивлению, съел все. Обед понравился. Отнес грязную посуду и вышел из палатки. На свежем воздухе даже показалось прохладнее, чем в душной палатке. Своим водителю и фельдшеру он обстоятельно доложил об обеденном меню. Оба радостно закивали головами в предвкушении. Скоро они пошли тоже перекусить.

6

Первых раненых привезли уже под вечер. Еще задолго до их появления, Рустам предупредил — везут раненых. Это он определил по большому столбу пыли, быстро приближавшемуся к месту управления Бригады. Действительно, два бронетранспортера на большой скорости подлетели к их санитарному автомобилю. Из «нутра» БТР бодро выпрыгнул офицер в полевой форме и бронежилете с лихо заломленной на затылок панаме. Он представился, как замполит роты, старший лейтенант, скороговоркой назвав свою фамилию, которую Невский даже не расслышал. Это было и не важно.

— Принимай, док, пять «трехсотых» и два «двухсотых». Снайпер, сука, прямо в голову обоих уложил. Говорили им перед рейдом: «Не снимайте каски!» Нет, не слушают. Жара, видите ли. Вот и получили в лоб. Жалко ребят, только недавно приехали в Бригаду, первый рейд у погибших. Что я их родителям теперь должен писать? Меня командир роты вечно на такие дела «напрягает». — Он смачно сплюнул, достал сигареты. Повернулся к бронетранспортерам и прокричал: «Выгружайтесь!»

Невский с фельдшером двинулись к транспортерам. Все пятеро раненых оказались ходячими, самостоятельно вылезли и прошли к Автоперевязочной, расселись под навесом. Они еще были в «горячке боя», обсуждали недавние события, жадно пили предложенную воду. Слышался нервный смех людей, переживших смертельную опасность.

Из второго БТР выгрузили тела двух погибших солдат. У обоих было одинаковое удивленное выражение лица, широко раскрытые глаза смотрели в небо. На лбу зияли круглые с запекшейся кровью дырочки. Слава первым делом опытным движением смежил им веки, они послушно «уснули навеки».

— Совсем недавно погибли, еще даже нет окоченения, — обронил он, ни к кому не обращаясь.

Двое солдат из легкораненых помогли уложить погибших на носилки, перенесли их в палатку. Невский переписал их данные. Старший лейтенант коротко пожал на прощание руку, бронетранспортеры быстро умчались.

По очереди врач осматривал раненых в салоне автомобиля. Снимал промокшие от крови и пота грязные бинты, проводил ревизию и «туалет» ран, обкалывал их антибиотиками, накладывал асептические повязки. У двух раненых были пулевые ранения мягких тканей плеча, а у трех — осколочные ранения мягких тканей груди, спины и предплечья. На каждого врач заполнил первичную медицинскую карточку формы100,

записывая проведенные мероприятия. Укладываясь на операционный стол, ребята шутили, бодрились, старались «держать марку». Впрочем, им всем повезло — кости не были задеты, заживление пройдет хорошо, оставалось удалить в условиях стационара пули и осколки (впрочем, одну пулю Невский смог даже удалить сам, нащупав ее зажимом). Раненый был чрезвычайно рад, показывал свой трофей всем, обещая сделать из него кулон на шею.

Пока Невский занимался обработкой раненых, приходило несколько офицеров из управления бригады, из политотдела, из особого отдела. Каждый опрашивал пострадавших, выяснял обстоятельства гибели их товарищей.

Вертолеты МИ-8 прилетели примерно через полтора часа. Один из них приземлился, забрав раненых и убитых.

После ужина, когда уже стало стремительно темнеть (а в южных широтах это происходит удивительно быстро), было назначено совещание всех руководящих офицеров подразделений. Командир бригады подвел итоги первого дня рейда, назвав их хорошими. Он по-прежнему требовал выполнять боевую задачу, не взирая на потери в личном составе. Приехавшие на совещание офицеры из боевых подразделений выказали общее недовольство такой постановкой вопросов. Комбриг не захотел их выслушивать.

В заключение был доведен график дежурств офицеров, входящих в управление, по проверке постов охраны. Невскому досталось дежурить уже этой ночью с 2 до 3 часов. Он внимательно ознакомился с инструкцией, согласно которой предстояло в эти часы обойти посты охраны. Были перечислены эти посты, назван пароль и отзыв. Еще он узнал, кого сменяет, и кто сменит его. В заключение покурили на свежем воздухе с офицерами дежурной смены. Разошлись по своим «квартирам».

7

До двух часов ночи можно было отдохнуть. Водитель и фельдшер легли на носилках в палатке, а Невский улегся в салоне прямо на операционном столе. Сон не шел, слишком богат был день на события, в течение дня получил немало отрицательных эмоций, переутомился, наверное. Вспомнил лекции по психотерапии. Говорилось, что для того чтобы снять стресс, понадобится всего 10–15 минут. Первое: не думать о неприятностях. Второе: внушайте себе, что все трудности сегодняшнего дня уже позади. Третье: думайте о чем-нибудь приятном (Невский стал вспоминать дом, жену, дочь). Четвертое:

погладьте себя по макушке, напевая полюбившуюся мелодию (Невский даже хмыкнул, представив себя со стороны. Сумасшедший дом!) Но как не странно, постепенно успокоился. Удалось уснуть.

Его разбудил настойчивый голос, тряска за руку: «Кончай ночевать! Вставай пришел!» Ну, конечно, это его будил старший лейтенант Вадим Семка, пришло время дежурства.

Невский бодро вскочил, четыре часа сна освежили его хорошо. Внимательно выслушал офицера, тот был освобожденным комсомольским работником, говорил четко, отрывисто, разжевывая все до мелочей — привык разговаривать со своими солдатами в батальоне.

— Обойдешь по периметру две «Шилки», три танка, три БТР. Смотри, чтобы не спали. Проверяй знания отзыва, не забыл сам? «Курок». А ты им говоришь пароль «Курск». Заметишь нарушения в несении караула, снимай с дежурства! Не вздумай «забуриться» к соседям. Не забыл, там справа стоит управление дивизии наших «зеленых» союзников? Еще не разберутся, «шмальнет» какой-нибудь вояка из автомата. Случаи уже бывали. Ну, давай покурим на прощание.

— Давно здесь служишь? — Невский принял протянутую сигарету, выпустил облачко дыма.

— Считай уже «дембель», третий год пошел. Жду заменщика, через неделю-две буду паковать чемоданы. Ох, и насмотрелся я за это время всякой дури! Комбриг явно выслуживается, полковника досрочно получить хочет. Вот и посылает парней на убой. Вроде уже ушло на него представление в Москву. Скоро «папаху» получит. Молодой совсем, 34 года. У него папаша в Генеральном Штабе служит, можно так воевать — все спишут. Завтра вообще «мясорубка» будет. Так что, доктор, готовь побольше бинтов и йода. Не знаю, что там вы еще используете. Поверишь ли, я за все это время царапины не получил, в пекле бывал. И ничего. Бережет меня Бог. Переболел только желтухой.

— Ты же комсомолец главный, а о Боге говоришь…

— Одно другому не мешает. Тут и в Бога и в черта поверишь, когда под обстрелом побываешь. Ладно, пошел я. Держи «краба». — Он протянул крепкую сухую ладонь, сильно сжал. — Удачи тебе, док, и на дежурство и на всю последующую службу. Не боись, прорвемся.

Он бросил сигарету, прочертившую в темноте красноватый след, и сразу исчез. Невский невольно вспомнил разговор с погибшим недавно офицером. Тот тоже похвалялся, что заговоренный от смерти. Мысленно пожелал Семке тоже удачи и удачного возвращения в Союз.

Темнота стояла абсолютная, можно сказать «чернильная». Луны на небе не было. Только миллионы звезд, сгруппировавшиеся в незнакомые южные созвездия подмигивали со своей высоты. От такого «освещения» толку мало. Невский прихватил приготовленный накануне фонарик, подсвечивая под ноги, двинулся по маршруту.

За час предстояло обойти восемь постов охраны. Вспомнив схему размещения, уверенно двинулся к первому танку, что находился неподалеку от санитарной машины. Действительно, через сотни две шагов стал подходить к угадываемой в темноте громаде, еще издали, ощутив сильный запах остывающего металла, солярки и пороховой гари.

— Стой, кто идет! Пароль! — раздался грозный окрик невидимого в темноте человека.

— Курск!! — как-то сразу смутившись, прокричал старший лейтенант. Впервые в своей жизни он проверял боевое дежурство да еще в боевых условиях. Было, отчего прийти в замешательство. А вдруг его не услышат и стрельнут в ответ. Лишь услышав в ответ «Курок», он успокоился. Подошел вплотную. Только сейчас он разглядел на броне ссутулившуюся фигурку часового с автоматом. Тот сидел, привалившись к башне танка, надежно прикрыв свою спину.

— Рядовой Мухаметшин, первый танковый взвод! — отрекомендовался боец. Голос был абсолютно бодр и тверд.

— Старший лейтенант Невский, Медицинская рота, — назвал себя в ответ.

Коротко переговорив, узнав, откуда родом (из Казани), Александр пошел дальше, уточнив еще у рядового расположение его соседнего поста. Так, не спеша, он обошел еще три БТР, танк и «Шилку». Везде служба была поставлена на должном уровне, грозные часовые окрикивали в темноте. Невский гордо называл пароль, дожидался отзыва. Это даже начинало ему нравиться. Прямо, как в фильмах о войне, что любил смотреть в детстве.

Оставалось проверить последний танк и так полюбившуюся «Шилку». Ему почему-то казалось, что в такой машине могут ездить только «супермены», полулюди-полубоги. Очень удивился, когда, посветив фонариком, разглядел худенького малорослого часового из экипажа этой «Шайтан-Арбы», да и остальные члены экипажа, спавшие прямо на земле у своей «чудо — машины» не обладали богатырскими формами.

Танк опять заявил о себе издалека своим специфическим запахом. Теперь, когда зрение почти не помогало, обоняние обострилось до предела. Даже ощущался запах редких сухих кустов верблюжьей колючки. Странно, но никто не окликнул

Невского грозно. Подошел вплотную, даже уперся в броню. Тишина. На броне, прижавшись к башне, скрючилась фигурка. Никакого движения. Невский осторожно посветил слабым лучиком фонарика. Опустив голову на грудь, боец спал, даже слегка похрапывая. Автомат стоял между его раздвинутых ног. Старший лейтенант медленно протянул руку, взял автомат и беспрепятственно вынул его у часового. По-прежнему никакой реакции.

Это уже не нравилось. Вспомнились рассказы, как в рейдах, уснувшие часовые были причиной огромных потерь — душманы резали ножами бесшумно «от уха до уха» целые спящие подразделения. Невский громко кашлянул. Сейчас же послышался слабый со сна вскрик: «Стой, кто тут стоит! Пароль!» Старший лейтенант даже невольно рассмеялся:

— Ну, ты даешь! Ты же спал!!

— Никак нет, не спал! Задумался малость…

— Задумался? А где твой автомат, часовой?!

Только сейчас солдат заметил отсутствие своего оружия. Сказать было уже нечего.

— Как фамилия, боец? — грозно произнес Невский. — Я буду вынужден снять тебя с поста, доложить твоему командиру танка.

— Рядовой Молодых. Пожалуйста, товарищ офицер, не снимайте меня с дежурства! Умоляю, не сообщайте командиру танка, сержанту Дыбко! Он меня просто убьет! Мне из-за моей фамилии итак проходу не дают. Я из нарядов не вылажу. Вот и сейчас уже второе за ночь дежурство. Пожалуйста! — голос его предательски задрожал. Солдат тихо плакал, стараясь делать это беззвучно.

— Как зовут тебя? — тихо спросил Невский.

— Женя. — Он тут же поправился, всхлипывая. — Рядовой Евгений Молодых.

— Ладно, Женя. Я сделаю вид, что ничего не было. Держи свой автомат. — Боец схватил оружие и прижал его к себе. В свете фонарика мелькнуло его осунувшееся, полудетское личико с крупными градинами слез на щеках (действительно, Молодых, невольно подумалось Невскому). — Что мне для тебя сделать? Может быть, накажем твоего сержанта за твои частые наряды вне очереди?

— Нет-нет, ни в коем случае! Будет потом еще хуже. Я сдюжу, я выдержу, я ведь жилистый! Я один у мамки, все ей помогал по хозяйству. У нас в колхозе я лучше всех косил, взрослые мужики за мной не поспевали. Спасибо вам большое!

— Да мне-то за что? Сколько тебе еще до смены?

— За вашу человечность, товарищ старший лейтенант (успел-

таки рассмотреть его погоны в слабом лучике фонаря). Мне сменяться уже через десять минут. — Он посмотрел на светящийся циферблат своих часов.

— Ну, бывай, Женя Молодых. И будь осторожен! Ты своей маме живой нужен! Пока.

Невский быстро зашагал к последнему боевому посту.

8

Из головы никак не выходил этот паренек, Женя Молодых. Один он у матери, вся надежда и опора ей на старость. А случись что, не дай Бог, кто матери поможет в жизни? Разве можно таких направлять в воюющую страну?! Горестно это.

Так, размышляя, Невский и шел к зенитной установке «Шилка», как ему казалось, в правильном направлении. Внезапно его вывел из задумчивости окрик, но не на понятном языке, типа «Стой, кто идет?» А совершенно непонятная речь звучала. Старший лейтенант остановился столбом. Лихорадочно соображал, что делать. Сообразил, что идет прямо к союзникам, а их часовой явно настроен решительно. Нетерпеливый окрик повторился. «Что делать? Что делать?» — стучало в голове. Он начал осторожно пятиться назад, пытаясь выбрать правильное направление, но не удержался, зацепившись каблуками за бугорок, и начал валиться на спину. Возник шум. Крик повторился, и сразу раздалась автоматная очередь на этот шум. В этот момент Невский уже падал. Это его и спасло. Пули просвистели прямо у лица, впрочем, что-то все же его больно схватило за висок. Грохнувшись на спину и сразу перекатившись в сторону, Невский с неожиданным для себя проворством пополз, прижимаясь к земле. В этот момент взлетела осветительная ракета, сразу прояснив ситуацию: заметил стоящую на удалении «Шилку», а когда вновь потемнело, поднялся и перебежками побежал к ней.

Стрелять сзади прекратили. Но теперь взвилась ракета от боевого поста, еще издали старший лейтенант услышал такие родные и желанные слова: «Стой, кто идет?». Теперь уже он гордо, намекая, что свой, прокричал: «Курск!», в ответ услышал отзыв. Не спеша, стал подходить. Только теперь вспомнил про возникшую боль в области правого виска, приложил руку, сразу ощутил липкую влагу. «Кровь!» — обожгла мысль. Быстро приложил носовой платок, промокнул щеку, прижал к ранке.

Подошел в свете догорающей ракеты к боевой машине, кроме часового увидел еще двоих.

— Что там за шум, товарищ старший лейтенант? — первым обратился коренастый боец с властными повадками, видимо, старший из экипажа.

— А черт его знает! Видимо, наши союзники кого-то узрели. — Не хотелось признаваться в своем ротозействе.

— Точно, они ведь каждого куста пугаются. Вояки еще те… — Вступил в разговор второй военнослужащий с автоматом, видимо, часовой. — Померещилось, вот и палят. Ребят вон разбудили.

Уточнив, что все в порядке, Невский попросил точно показать, куда ему возвращаться в сторону управления. Не хотелось вновь сталкиваться с афганцами. Кивнув в ответ, старший лейтенант быстро направился в указанную сторону.

Настроение было хреновое. Чудом не схлопотал пулю в голову. Проверил ранку на виске, кровь еще сочилась, но меньше. Проклиная все и вся, себя в первую очередь, Александр добрался до своей Автоперевязочной. До окончания дежурства было еще минут пять. В салоне включил лампочку, осмотрел свою ранку — глубокая царапина прочертила висок и волосистую часть головы. Промыл ранку перекисью водорода, обработал йодом, чуть не закричав от боли. Наложил полоску лейкопластыря. Все в порядке. Кровь уже не идет.

Выпрыгнул из машины и быстро пошел будить сменщика. Тот рассказал, что найти будет просто — машина связи стоит прямо в центре, а вокруг — сплошные антенны. Невский и, правда, легко нашел капитана Расповалова. Семен спал богатырским сном. Потребовалось усилие, чтобы «привести его в чувства». Наконец поняв, что от него требуется, капитан энергично вскочил на ноги.

Не вдаваясь в подробности, старший лейтенант напомнил о постах, о пароле и отзыве, о соседях. Расповалов, позевывая во весь рот, кивал головой. Напоследок Невский пожелал ему удачи, пожал руку и удалился восвояси.

Остаток ночи Невский спал, как убитый. Даже проспал время завтрака. Впрочем, заботливые Рустам и Слава принесли ему порцию прямо в машину. Наспех умывшись, доктор проглотил макароны с тушенкой, даже не ощутив вкуса. Рана на голове нестерпимо болела. Попросил фельдшера сделать новую перевязку, сказав, что ударился в темноте о какой-то угол. Вячеслав долго осматривал, ощупывал. Потом решительно заявил, что это пулевое касательное ранение. Пришлось «расколоться».

— Вам здорово повезло, товарищ старший лейтенант! Еще бы чуть-чуть в сторону и «каюк«…В рубашке родились!

Он старательно обработал рану, в нее засыпал порошок стрептоцида, наложил сверху стерильную повязку, закрепил

лейкопластырем. Сразу стало легко и спокойно.

— Будем жить! — пытался все перевести в шутку Невский.

Слава серьезно кивнул: «Теперь вы еще сто лет проживете!»

В салон влез Рустам:

— Опять везут раненых! Много!

9

Два бронетранспортера и МТЛБ (медицинский тягач легкий бронированный) были заполнены ранеными, в том числе двое тяжелых. Четверо погибших. Один подорвался на мине. Трое погибли, со слов сопровождающего офицера — врача второго батальона, от снайперов. Стреляли наверняка, подстерегая легкомысленные жертвы: либо в голову, если без каски был, либо в сердце, если снял бронежилет. Всему виной большая жара, из-за нее и идут на такие нарушения бойцы. Командиры сбились с ног, предупреждая всех об опасности. Напрасно.

— Сергей Кульчеев, врач батальона, — представился сопровождающий. Раньше им видеться, пока не доводилось. Невский назвал себя.

Врач обстоятельно доложил о раненых: тяжелые — оба в живот, осколочные. Перевязку сделал, но нужны срочные операции. Десять средней степени и легкие, в основном осколочные в конечности. Всем введены обезболивающие, перевязки сделаны.

Невский распорядился выгружать всех, размещая в палатке и под навесом. Пока фельдшер, водители и легкораненые выносили лежачих, они с Сергеем разговорились. Тот служил уже второй год, а прибыл сюда сразу после окончания Военно-Медицинского Факультета в Горьком. Женат, есть маленький сын. Пока, слава Богу, не был ни ранен, и не болел. Невский коротко рассказал о себе. Долго говорить — не было времени. Пожелали друг другу удачи. Крепко пожали руки. Кульчеев влез в свой гусеничный тягач. Вся техника умчалась обратно.

Весь день пролетел не заметно в работе с ранеными. Сначала Невский занялся тяжелыми. У обеих большая потеря крови, спутанное сознание. Поставил им кровезамещающие жидкости внутривенно, капельно (полиглюкин), сердечные, дыхательные аналептики — уложить их пришлось на носилках в палатке. Использовал для дыхания кислород из аппарата КИ-3М. Потом обработал остальных раненых. Слава активно помогал. Провели «туалет» ран, использовали антибиотики, антисептические средства в раны, накладывали асептические повязки. У двух

раненых были открытые огнестрельные переломы голеней, им еще наложили и транспортные шины. Часа через два прилетел вертолет, отправили тяжелораненых и раненых средней степени. Работа нашлась и Рустаму. Он заполнял первичные медицинские карточки Ф100 под диктовку доктора. Во второй вертолет погрузили погибших.

Раненые легкой степени терпеливо дожидались своей очереди. Их вволю покормили, теперь четверка активно «резалась» в карты. Они даже не сразу услышали, что зовут на осмотр к врачу. Впрочем, о таких ранениях «можно мечтать»: кости не задеты, ранения в мягкие ткани кисти, у двоих в — предплечья, в голень. Лафа! Ребята были рады, что так легко отделались, в отличие от остальных.

Только закончив обработку последнего раненого, Невский вспомнил, что даже не обедал. Рустам сбегал к своему земляку на кухню, принес порцию первого и второго доктору (сами они с фельдшером вырвались перекусить). Теперь можно было и расслабиться. Под вечер отправили на вертолете последних раненых. Неужели сегодня еще привезут? Это хорошо, что ночью уже нет дежурства по проверке постов охраны.

После ужина старший лейтенант уже подумывал об отдыхе — валился с ног от усталости. Но…

Их привезли в наступающих сумерках. Экипаж одного танка, четыре тяжелейших сочетанных травмы (открытые переломы, осколочные ранения) — подорвались на противотанковой мине. Привез их на БТР прапорщик, фельдшер танкового батальона. Представился он Сергеем Суминым. Выглядел крайне уставшим и измотанным, еле переставлял ноги. Выпив полную кружку воды, он смог, наконец, связно говорить. Второй батальон зажат, несет большие потери. Скоро и убитых привезут, не всех еще вынесли из обстрела.

Выгрузив раненых, Сергей быстро уехал.

Работы предстояло очень много. Прежде всего, надо срочно запрашивать вертолет, но уже темнеет. Сможет ли вертушка прилететь? Отправил Славу Табачникова в управление бригады, а сам с помощью Рустама положил первого раненого на операционный стол. Хорошо, что свет в салоне горел ярко.

Молодой парень, танкист, вряд ли ему есть двадцать. Открытый многооскольчатый перелом обеих голеней, осколочное ранение в грудь. Без сознания. Что можно сделать в таких условиях?! Но что-то надо делать! Быстро подключил подачу кислорода из большого баллона, Рустам держал маску. Поставил внутривенно раствор строфантина с глюкозой, потом наладил капельницу с реополиглюкином. Обезболивающее лишним не

будет. Ввел наркотик. Главное — противошоковые мероприятия. Измерил давление и пульс. Низкие, но стабильные. Можно заняться ранами. Наложил на проникающее ранение в грудь окклюзионную повязку, чтобы ликвидировать открытый пневмоторакс («дырку» в груди, иными словами). С этой целью прекрасно подходит прорезиненная оболочка ППИ (перевязочного пакета индивидуального), внутренняя ее поверхность стерильная, для этого и предусмотрена. Крепко перебинтовал грудь раненого. Он задышал ровнее, дыхание стало глубже. Уже хорошо. Теперь ноги. Удастся ли их спасти в дальнейшем? Это зависит от везения. Шансы пока есть. Проверил наложенные кровоостанавливающие жгуты (бумажечка со временем наложения была вложена, сверился по часам. Не прошло еще крайнего срока в два часа). Жгуты надо оставлять. Обработал раны перекисью, промыл фурациллином. Обколол антибиотиками, засыпал в раны ксероформ. Наложил асептические повязки. Прибинтовал шины. Все! Готово!

Вернулся Слава. Вертолеты будут минут через сорок. Уже хорошо! Фельдшер и Рустам перенесли тяжелораненого в палатку. Вновь наладили ему подачу кислорода уже прибором КИ-3М. На операционный стол положили следующего. Рустаму теперь приходилось разрываться на две части: он и помогал в салоне, и проведывал тяжелораненого в палатке.

Ситуация примерно похожая — тоже открытый перелом обеих голеней, нет, правда, ранения в грудь. Тоже без сознания. Работали по той же схеме. Теперь вдвоем стало легче. Этого раненого также перенесли в палатку, второй кислородный прибор (кислородный ингалятор КИ-3М) пошел в действие.

Вновь раненый на операционном столе. Ноги целы, но ранен в грудь осколком, возможно, куском брони — очень большой размер раны. Вновь все противошоковые мероприятия провели, кислород. Окклюзионная повязка на рану в груди. И этот раненый занял место в палатке. Третий прибор КИ-3М использован. Хорошо, что взяли их пять штук. Правда, работы одного прибора хватает лишь на несколько минут — очень маленькие баллоны.

Последний раненый был в сознании, рваная рана в области головы. Кости, вроде, целы. Рентген покажет. На операционном столе у него началась рвота. Все ясно — есть сотрясение, а может и контузия. И этот раненый получил противошоковые мероприятия. Они уже заканчивали обработку раны, когда подъехал новый БТР, ярко освещая площадку перед Автоперевязочной фарами. Невский послал фельдшера встретить приехавших. Сам он закончил работу с раненым.

Слава вернулся с незнакомым офицером с общевойсковыми

эмблемами. Сопровождающий капитан был командиром 4 роты, привез еще трех легкораненых и шесть погибших. Он помог перенести последнего тяжелораненого в палатку. Невский между тем снял перчатки, тем более что они порвались. Снял и мокрый от пота и крови белый халат. Ноги его дрожали, казалось, еще немного и он упадет. Кое-как выпрыгнул из салона на землю.

Под навесом уже раскладывали на носилках тела погибших. Легкораненые молча помогали.

Вертолета все не было. Прошло уже больше часа. Эти тяжелые все нуждаются в срочной операции. Невский прошел в палатку. В свете фар бронетранспортера рассмотрел их лица. Вроде пока все без ухудшения. Но поджимает время — жгуты долго нельзя держать, иначе — неизбежная ампутация. Измерил по очереди давление и пульс. Не опустилось до критических отметок. Это хорошо!

Вышел из палатки. Капитан ушел в управление на доклад к комбригу. Спросили о сложившейся ситуации у раненых. Те лишь угрюмо махнули рукой.

В этот момент застрекотали долгожданные винты МИ-8. «Вертушка», не опускаясь полностью, зависла на небольшой высоте над землей. Быстро побежали к ней с первым раненым фельдшер и водитель. Невский понес с одним легкораненым вторые носилки. Подбежали еще офицеры из управления, помогли загрузить остальных. Легкораненые залезли в салон последними.

Вертолет как-то сразу стремительно взмыл ввысь, развернулся и скрылся в ночи, лишь бортовые огоньки слабо поблескивали.

— А убитых-то когда заберут? — обратился Невский к стоящему поблизости подполковнику из политотдела Бригады. — Я думал вторая «вертушка» тоже сядет.

— Она тоже с грузом 200. Еще раньше садилась у мечети. Теперь до утра придется вам с ними побыть. Перенесите в палатку. Мертвым ведь уже некуда спешить, — он молча пожал руку и ушел. Ушли и другие офицеры.

Вернулся капитан. Не проронив ни слова, он сел в БТР, помахал рукой и уехал. Стало сразу темно без света фар.

10

Не сговариваясь, врач и фельдшер направились к погибшим солдатам. Рустам включил фары машины. Надо было тела привести в порядок. На носилках лежали шесть исковерканных

останков. У некоторых отсутствовали конечности, оторванные взрывами. Это было тяжелое зрелище.

Прежде всего, предстояло идентифицировать погибших. У каждого военнослужащего в Афганистане должен быть такой «смертный медальон». С офицерами проще — у всех были личные жетоны, которые носились на цепочке, на шее. У срочнослужащих с этой целью использовали пустую автоматную гильзу, в которую вкладывали записочки с личными данными, в том числе указывался адрес близких родственников. Перед выездом в боевые рейды проверяющие обращали и на это внимание, требуя показывать эти гильзы. Обычно хранились такие записи в кармашке «для часов».

Они укладывали убитых на спину, руки размещали на груди (приходилось связывать их кусочками бинта), закрывали глаза (кое-кто еще смотрел мертвым взором), закрывали рты (опять же приходилось и здесь прибегать к кусочкам бинта, подвязывая). Переписывали в свете фонариков данные из «медальонов», включая номера подразделений, адреса родных, возвращая эти гильзы затем на место:

Копылов Андрей Александрович, 22 года. (Отрыв обеих ног — подрыв на мине).

Шляхман Борис Моисеевич, 20лет. (Погиб от пули в область живота).

Серов Кирилл Алексеевич, 21год. (Погиб от пули в голову-выстрел снайпера).

Маврин Виталий Викторович, 20 лет. (Умер от большой кровопотери — осколочные ранения груди и живота). Сержант, санитарный инструктор. Оказывал помощь раненым, сам был ранен (со слов командира роты).

Костриков Вадим Владимирович, 19 лет (Умер от попадания пули из ДШК в грудь с отрывом руки).

— Товарищ старший лейтенант, а этот, по-моему, живой! — раздался крик Табачникова.

Невский даже вздрогнул. Настолько это было неожиданно. Быстро поднялся и поспешил к фельдшеру. Слава осматривал последнее тело на крайних носилках. Там лежал, вытянувшись во весь рост, худощавый солдат. При выгрузке погибших о нем сказали: «Прямое попадание в сердце. Снайпер подкараулил, когда тот снял бронежилет. Хотел одеть на голое тело, по примеру «стариков», но не успел снять «хэбэшку». Жаль парня, хороший был солдат!»

— Это Данила Красножон, я его немного знал раньше, вместе были в «учебке». Сразу его и не узнал.

— А почему ты решил, что он живой? — Невский склонился

над телом, посветил своим фонариком.

— Я начал ему руки на груди складывать, уже собирался связать их бинтом, а у него пальцы пошевелились.

Невский распахнул куртку «хэбэ» на солдате — прямо под левым соском зияло отверстие от пули, продолжала вытекать небольшая струйка крови.

— Ранение в область сердца, проникающее. — Старший лейтенант заглянул за спину парню. — Выходного отверстия нет. Значит, пуля сидит там, может, прямо в полости сердца. Оперировать надо немедленно, если он еще жив. Но такую операцию мы с тобой не проведем, Слава, а вертолетов до утра не будет.

Невский приложил пальцы на сонную артерию, ощутил слабые толчки:

— Точно, есть пульс! Сердце работает. Чудеса! — Он снял с шеи свой фонендоскоп, приставил чуть выше пулевого отверстия. Послушал. Ни звука! Как это понимать?! Сердце не работало.

Совершенно сбитый с толку, Александр задумался, растерянно поглядывая на фельдшера. Тот тоже выглядел озадаченным. Вдруг в голове промелькнула просто сумасшедшая мысль, словно кто-то шепнул ее в ухо. Решил проверить. Приложил свои обе ладони под соски тяжелораненого. Тут же почувствовал биение сердца, но под своей левой ладонью?! Так и есть!! Это редчайший случай анатомического строения человека, когда сердце расположено в грудной полости в правой половине. Тут же прижал фонендоскоп — услышал отчетливые толчки. Есть! Сердце работает, пусть ослаблено, но работает.

Невский крикнул Рустама, приказал ему со Славой нести раненого в салон Автоперевязочной, а сам бросился туда первым. Включил свет в салоне (только бы не подвело освящение — уже горит в полнакала). Значит, есть шансы спасти еще одну жизнь. Надо срочно провести реанимационные мероприятия. Скорей всего имеем дело с очередным пневмотораксом. Но эту дырку в груди можно закрыть уже проверенным способом.

Пока помощники укладывали раненого на стол, Невский надел запасной белый халат, обработал руки йодом и спиртом. Ребята выглядели недоуменными, особенно Тураев — не понимал, зачем погибшего положили на этот стол. Не прекращая работать, Невский решил рассказать о своем «открытии».

В процессе развития в теле матери человеческий зародыш претерпевает множество «превращений», происходят разные изменения. Одно из них — это поворот всех внутренних органов вокруг своей оси на 180 градусов. Тогда сердце и занимает привычное для нас положение слева, а аппендикс,

соответственно, будет находиться справа. Но по разным причинам этот поворот может не произойти полностью или частично. Тогда сердце и оказывается на старом месте, т. е. справа, а червеобразный отросток (аппендикс) окажется слева. При неполном повороте возможны разные комбинации: сердце справа, аппендикс тоже справа; сердце слева, аппендикс тоже слева. Это очень редкие случаи в мире, возможно, один — на сотни тысяч человек, а может и на миллион. Некоторые врачи за все годы практики не сталкиваются с этим. Другим «везет».

Невский был из числа «везунчиков». Еще на экзамене по пропедевтике внутренних болезней в конце третьего курса медицинского института ему пришлось столкнуться с таким «феноменом». Экзамен состоял из двух частей — сначала надо было «сдать больного», а затем только допускался студент до основной, теоретической части. Тянули билет, на котором была написана фамилия больного и его палата. И все. Далее предстояло провести полное обследование по всем органам и системам, найти патологию, поставить предварительный диагноз. Этот экзамен боялись все. Еще бы — можно легко «засыпаться», подсказать никто не может. Даже больным строго — настрого было запрещено подсказывать «бедным» студентам.

Александру достался пожилой мужчина, явно не настроенный на «задушевные» разговоры. Он отвечал скупо, односложно. Тяжело с таким работать. Сначала простучал, послушал его легкие. Тут никакой патологии вроде не было. Перешел к изучению работы сердца. Сразу прошиб холодный пот… Не мог ничего услышать фонендоскопом. Как же работает его сердце?! Или это так сильно приглушены сердечные тоны. Посчитал пульс — 78 ударов в минуту, в пределах нормы. Вдруг вспомнил, как на одной из лекций профессор советовала всегда начинать изучение работы сердца, прикладывая свои ладони по обе стороны грудной клетки. Так и сделал. Сразу почувствовал толчки под ладонью, но справа. Так и есть! Об этом и говорила профессор — редко, но сердце бывает расположено с другой стороны. Сразу успокоился. Напрямую спросил у больного: «У вас сердце расположено справа?» Тот сразу заулыбался, охотно заговорил: «Ну, наконец-то, хоть один умный нашелся! Я прямо духом упал — уже две двойки девчушки на мне «заработали», вчера и позавчера другие группы сдавали. Главное, не слышат ведь там сердце, а врут преподавателю, что все в норме. А ты, молодец! Слушай дальше, че учуешь?»

Невский со знанием дела приступил к прослушиванию фонендоскопом. Услышал шумы, акцент второго тона на аорте и другие нарушения. Короче говоря, смог найти порок сердца.

Сказал больному. Тот и вовсе обрадовался — в самую точку! Далее студент хотел еще провести обследования органов живота, но больной напрямую отсоветовал «терять время» — все у него там в норме. Свою заслуженную пятерку Невский получил к огромной радости больного, который с восторгом расхваливал его перед преподавателем.

Много позже пришлось столкнуться и с другой особенностью — расположение аппендицита слева. Будучи начинающим хирургом, Невский прибыл на должность ординатора хирургического отделения госпиталя в Печоре. На своем дежурстве осматривал солдата, привезенного с болями по всему животу. По его рассказу и по обследованию определил аппендицит, но уже в осложненной форме — признаки перитонита. Начали операцию, но… На месте червеобразного отростка не оказалось. Испытал легкую панику. Вызвал начальника отделения, опытного хирурга. Тот тоже «помылся» и присоединился к операции. И тоже взмок. Нет не только аппендикса, но и всей слепой кишки тоже. Наконец, и он догадался перейти на общий наркоз (срочно вызвали анестезиолога), сделать нижнесрединный разрез и посмотреть с другой стороны. Нашли! Гангренозный, вот-вот готовый разорваться червеобразный отросток. Удалили вовремя. Операция закончилась успешно!

«Вот такие чудеса могут случаться из-за индивидуальных особенностей анатомического строения человека!» — закончил старший лейтенант.

Пока Невский рассказывал, фельдшер и водитель слушали буквально «разинув рот». Ничего подобного они и не слышали. Слишком это было невероятно. Врач успел наложить прорезиненную упаковку от ППИ на рану, крепко прибинтовал ее, закрыв рану в грудной клетке. Поставил внутривенную капельницу с реополиглюкином, сердечные средства, дыхательные аналептики, обезболивающее. Раненому начали подавать кислород через маску из большого баллона. Основные противошоковые мероприятия проведены.

— Представляете, как повезло этому парню! Ведь снайпер стрелял наверняка, но не знал об этой особенности расположения сердца. Теперь мы просто обязаны его спасти.

— А я посмотрел его данные. У него день рождения 13 августа, — прокашлявшись, впервые заговорил Табачников. — Двадцать лет исполняется.

— А сегодня какое?

— Уже ночь, наступило 12 число.

— Вот видите, ребята, теперь мы с вами тем более обязаны

«расшибиться в лепешку», но сделать все, чтобы Данила встретил свои двадцать лет! Значит, сна ночью уже не видать. Мне в первую очередь. Руслана мы отправим спать — водителю положено отдохнуть перед выездом (завтра мы ведь переезжаем на новое место). А ты, Слава, сделай мне укольчик, чтобы я не свалился с ног.

Невский протянул пару ампул кофеина, снимая белый халат с одного плеча. Фельдшер кивнул, поставил укол. Вскоре и, правда, стало легче, силы прибавились.

11

Отправив водителя спать (никак не хотел, собирался помогать и дальше; пришлось применить командирский тон), врач и фельдшер уселись у головы раненого, наблюдали за капельницей. Кислород пока прекратили подавать — много тоже вредно. Казалось, так по каплям в него и возвращается жизнь.

— Вы верите, что он будет жить?

— Хотелось бы, Слава. Мы с вами сделали все, что в наших силах. Теперь все зависит только от Данилы. Один мудрец сказал: «Все будет так, как надо, даже если будет иначе». Все во власти Всевышнего. А ты кем будешь работать после армии, ветеринаром?

— Да, товарищ старший лейтенант. Буду лечить лошадей, коров и прочую живность. С ними проще, чем с людьми.

— Не скажи. Они ведь не могут рассказать о своих «болячках», как люди. Слушай, обращайся ко мне по имени, ведь мы, Слава, почти ровесники. Договорились?

— Хорошо, Александр, но только наедине. Еще не правильно поймут другие. Я очень люблю животных, в детстве всегда притаскивал домой бродячих кошек, собак. Птички в доме всегда жили. Животные честнее и порядочнее людей. Они не умеют врать, выкручиваться, притворяться. Если животное заболело, то это легко определить по признакам. И слов не надо никаких. Всегда любил читать книги о зверюшках разных. Вот вы, например, знаете, что тигру для того, чтобы выжить, надо съедать по 8 кг мяса в день, но он может за один присест съесть в пять раз больше — до 40 кг! Он съедает практически все, разгрызает все кости, за исключением больших костей таза, а также оставляет желудок травоядных животных. Тигр видит лучше всех других животных, он различает цвета и видит в пять раз лучше человека.

— Ну, с тигром мы здесь в Афгане вряд ли встретимся. А вот «маленьких тигров» — кошек я люблю. Жить рядом с кошкой —

это все равно, что впустить в дом немного живой природы. Говорят, Бог создал кошку для того, чтобы человек, поглаживая ее, ощущал себя рядом с тигром и удовлетворял свое самолюбие такой «смелостью». Так что в душе каждой кошки прячется спящий тигр. Каких еще животных хорошо изучил?

— А вот крокодил, вопреки всеобщему мнению, очень мало ест! Легко переносит голод. Чтобы выжить взрослому крокодилу, ему надо съесть пищи вдвое меньше его собственного веса. И это за год! Лев, например, за год съедает примерно 14 зебр (по 300 кг). А тому же крокодилу надо всего 100 кг на год (это одна нога зебры). Парадоксы! А ягуар — это единственный из кошачьих, кто убивает свою жертву ударом лапы по голове, а не перегрызает шею, как все остальные. «Ягуар» — переводится с индейского наречия, как «убивающий одним ударом». Наконец, бамбуковый медведь легко может жевать даже металлические предметы. Каково, а? Вы тут Бога упомянули. Я вспомнил анекдот на эту тему, как раз в продолжение нашего разговора:

— Две рыбки разговаривают: «Все у нас говорят, что, мол, Бога нет, Бога нет! А кто же

в нашем аквариуме регулярно воду меняет? Кто постоянно нас кормит?»

Невский с удовольствием посмеялся.

— Хорошо ты животных изучил. Молодец! А я люблю книги исторические читать. Вот, например, такая история. Во время русско-турецкой войны советник России из Швеции Янсен бежал к туркам и сообщил им самую страшную военную тайну: русские после обеда все ложатся спать. Турки напали после обеда и, конечно, победили. Вышел приказ — изменить устав, караул ставить круглосуточный. Ну, а нам с тобой всю ночь в таком карауле стоять, — глянул на часы. — Скоро 3 часа ночи. Что бы тебе еще рассказать?

Раненый вдруг сделал глубокий вздох, зашевелился, пытаясь приподняться. Врач и фельдшер бросились к нему. Данила открыл глаза. Долго смотрел в потолок, «фокусировал» взгляд. Затем перевел глаза на человека в белом халате. Губы его что-то прошептали. Очень тихо, не разобрать. Слава поднес ухо прямо к его губам.

— Пить просит! — Сам тут же бросился наливать воду в поильник с длинным носиком. Поднес ко рту. Раненый долго и с удовольствием пил.

Вскоре он снова заговорил. Теперь уже можно было ясно разобрать слова:

— Я все боялся, что вы, доктор, не догадаетесь, что мое сердце с другой стороны. — Невский и Табачников прямо

замерли от таких слов. — Я ведь все видел. Смотрел прямо сверху. Видел свое тело скрюченное, видел, как вы убитых на носилках укладывали. Думаю, сейчас и меня так «упакуют», кричу вам, а вы не слышите. Уж, не знаю, как там пальцы смогли пошевелиться, заметил это, Славка, молодец, узнал я тебя сразу. — Он опять глубоко вздохнул. Не надолго замолчал. Слушатели по-прежнему не могли произнести ни слова.

— Уже потом в этом салоне я смотрел на себя вот с этой лампы, — он показал взглядом на светильник на потолке. Слышал, как доктор говорил о своем экзамене, об операции. А что сердце у меня неправильно расположено, то узнали только перед армией. Я ведь не болел никогда, у врачей не бывал. Да и откуда врачи в нашей глухой деревне под Костромой? — Он снова замолчал. Продолжил не скоро. Уже решили, что уснул. Но Данила снова открыл глаза.

— А ведь я видел тот свет… Сразу после попадания пули я стал куда-то улетать. Да, быстро так! Несусь к яркому свету. Боли нет никакой. Легко так и радостно мне. Это быстрее, чем на самолете, на котором в Афган везли, летел. Вдруг увидел лицо своей мамы, огромное, во все небо. Она меня и просит, чтобы возвращался домой. Один я у нее остался. Батя мой погиб на лесозаготовках — для колхоза деревья пилили артелью. Его и пришибло сосной. Три года как. Тут я и стал обратно возвращаться, увидел себя на носилках лежащим. Дальше я уже сказывал. А в свое тулово я обратно влез, не знаю как. Раз — и я уже не сверху смотрю. Доктор, я теперь буду жить?

— Будешь! Обязательно будешь. Вернешься домой. — Невский говорил осипшим голосом. Никак не мог поверить в эти его слова. — А завтра ведь у тебя день рождения. Считай, что заново родился!

— Спасибо вам! Теперь век вас со Славкой буду вспоминать. Выходит, повезло мне, что сердце мое с другого бока. А я все переживал. Мол, урод, какой.

— Теперь тебе надо поспать. А утром тебя на вертолете в госпиталь отправим. Все будет хорошо. Считай, что тебе просто повезло, ведь будь твое сердце слева — не говорили бы мы сейчас.

Данила кивнул удовлетворенно головой и закрыл глаза. Дыхание его было слабым. Решили снова дать подышать кислородом из баллона, на этот раз без маски, через трубочку у его носа (лейкопластырем укрепили). Раненый и, правда, вскоре уснул.

— Что ты об этом скажешь, Слава? Значит, существует эта самая душа, которая может свободно перемещаться, есть и какой-

то «тот свет»… Нас ведь учили совсем другим понятиям. Мы выросли в атеистической стране. И вот такое услышать! Голова кругом!

— Я до сих пор не могу в себя прийти, Александр. Но ведь он все нам правильно рассказал, даже про ваш экзамен. Чудеса. Век теперь это не забуду. Но не поверят, если рассказать?! Подумают, или врет, или «свихнулся». Давайте я подежурю, а вы поспите.

— Нет, Слава, спи ты. Утром повезешь Данилу на вертолете, надо с капельницей везти, а ее тебе придется в руках держать. За одним попросишь в госпитале растворы, медикаменты. Я список напишу, что надо. Отвезешь и пустые приборы КИ-3М, может, новые с кислородом дадут. Потом вернешься с другим вертолетом. Договорились?

— Хорошо, Александр! Кстати, самый большой «соня» в мире — это медведь коала, что в Австралии живет. Он спит 22 часа в сутки. А слон спит всего 3 часа в сутки.

— Ну, как коала тебе не придется спать, а вот, как слон, еще сможешь. Иди!

Табачников вылез из машины.

12

Остатки ночи прошли относительно спокойно. Невский сделал еще несколько уколов, поставил новый флакон на капельнице, давал дышать кислородом из баллона, дал попить раненому три-четыре раза. Пришлось поставить и мочевыводящий катетер — к большой радости Данилы («нет сил терпеть больше!») и к своей радости тоже (значит, почки хорошо работают). В шесть утра уже полевой лагерь «бурлил», люди сновали туда — сюда. Появились и первые «ходоки» — в салон машины стали заглядывать офицеры и солдаты: всем хотелось взглянуть на «ожившего убитого». Невский подозревал в «утечке информации» своего водителя — шепнул-таки своим землякам! Пришел и начальник Политотдела 70 Бригады, кратко пообщался с Данилой. Долго жал руку Невского. Его старший лейтенант и попросил срочно вызвать вертолет для эвакуации раненого и погибших. Подполковник поспешно ушел, пообещав.

Проснулся фельдшер. Он выглядел вполне отдохнувшим, чего нельзя сказать о Невском — засыпал «на ходу». Слава сменил доктора у больного, отправив завтракать. Александр подчинился. Его мозг совершенно отказывался самостоятельно «соображать», выполнял лишь прямые команды. Впрочем, горячий, густой и сладкий чай придал силы. Множество офицеров обращались к

доктору по поводу спасенного, еле успевал отвечать. Не все верили в иное расположение сердца, считая это «глупой шуткой». Не хотелось никому ничего доказывать.

Отправив завтракать своих подчиненных, Невский сел составлять список необходимых медикаментов, вписав, и перевязочные средства, и носилки (своих запасов уже мало осталось).

«Вертушки» прилетели уже в семь утра. Одна опустилась на посадочную площадку, другая пока кружила на высоте. Провожать раненого вышло много офицеров из управления Бригады. Даже сам командир 70 Бригады, подполковник, пришел пожелать Даниле Красножону выздоровления, пожал его слабую кисть. Кивнул головой Невскому в знак расположения. Провожали носилки до вертолета начальник Политотдела и начальник штаба 70 Бригады, нести вызвались два капитана. Люди откровенно радовались — хоть одну жизнь удалось отвоевать у смерти. Слишком велики были потери в первые дни боевой операции. На этом вертолете кроме сопровождающего Славы (который был «привязан» капельницей к раненому — держал банку с раствором) вылетали еще несколько офицеров по делам. Вертолет взлетел. Второй опустился, туда загрузили тела погибших. Вскоре оба вертолета пропали из глаз. Невский мысленно сжал кулаки. Только бы удачно прооперировали парня!

Выезд управления на новое место дислокации был назначен на девять утра. Времени было в обрез. Вместе с водителем разобрали палатку, сложили все свои «пожитки», приготовились к выезду. Невский уселся в кабине, прислонил голову к дверце и… Проснулся он уже на новом месте. Ничего не слышал и не видел несколько часов, спал «сном младенца». Три часа пролетели, как один миг. Рустам посмеивался. Рассказал о каком-то обстреле во время движения, о грохоте выстрелов, о криках. Доктор не слышал ничего. После сна можно было жить дальше. Теперь понятно, почему одной из изощренных видов пыток с древних времен по сей день, считается лишение человека сна. Это уж точно!

На новом месте все повторилось. Опять установили с Рустамом палатку, сделали навес от солнца. Ожидание. Обед. Снова ожидание. Раненые пока не поступали.

Вертолет прилетел в шесть вечера. Вернулся Слава. Сразу радостная новость — Данилу прооперировали, пулю из легкого достали. Все сделали, как надо. Будет жить. Просили передать врачу благодарность за умелые действия с тяжелораненым. Говорят, вряд ли что-то еще можно было сделать в полевых условиях.

— Одним словом, молодец, товарищ старший лейтенант! — радостно закончил Табачников. Он говорил громко, явно рассчитывая на других офицеров управления, что пришли встречать свой груз. Привез фельдшер и носилки, медикаменты и все «по списку».

Раненых в тот день так и не было. За весь день Невский отоспался, даже позагорал на солнышке, успевая только поворачиваться на носилках, чтобы не обгореть. Настоящий курорт. Эх, еще бы речку какую-нибудь рядом! Но, увы…

В последующие дни приходилось еще дважды переезжать на новое место. Привозили новых раненых, но к счастью, не тяжелых. Были и погибшие. Этот рейд оказался очень кровопролитным. По своим масштабам и по задумкам, да и по конечным результатам это была грандиозная боевая операция, стоившая жизни десяткам людей, покалечившая многие десятки человеческих судеб.

13

Обратно вернулись к вечеру 16 августа. После бани Невский уселся писать письмо домой. Не терпелось успокоить своих родных. Старательно склонившись над листком бумаги, он писал:

…Когда ехали в рейд и обратно, то проезжали через Кандагар. Посмотрел этот город. Довольно-таки интересный, красивый город. Понаблюдал жизнь чужого народа, их обычаи. На улице очень много мужчин и детей, совсем почти не видно женщин, а если и есть, то все в парандже ходят. Пока мы ехали, по краям дороги, прямо на земле сидели, как столбики, эти горожане. Сидят и смотрят. Интересно! Множество мелких магазинов, лавочек по краям дороги. В общем, интересно было. Город стоит в очень живописном месте, река рядом, буйная растительность, кругом горы. Почти райский уголок. Зато за городом — пустыня… В один из дней среди полной пустыни нашел цветочек, не знаю, как называется. Посылаю его вам, специально сорвал. А сколько всяких жителей пустыни встречал: и насекомых разных, и ящериц, и варанов. За эти дни так загорел, что стал, как «головешка», хотя и до этого ходил черный, а тут совсем… Когда с рейда вернулся, даже все ребята это заметили. Когда возвращались обратно, то при въезде в часть, прямо на дороге, нас встречал оркестр. Так это было неожиданно, и даже растрогало. В общем, рейд прошел для меня нормально. Не волнуйтесь за меня… Сейчас стало на улице уже не так жарко, держится на отметке плюс 50 только. А по вечерам даже

прохладно, ночью — совсем хорошо! Скоро и здесь будет приличная температура, как у вас на Урале… Сегодня сообщили, что скоро опять намечается рейд. Может быть, придется мне снова ехать. Посмотрим. Я уже здесь, как «ветеран», остальные хирурги после приехали, «молодые» еще. Их нельзя посылать. Но вы не волнуйтесь за меня. Все будет нормально!

14

…Невский съездил еще в один рейд в августе, а потом еще — в сентябре…

…В конце ноября пришло на его имя письмо. Обратный адрес значился: Костромская область, Нейский район, деревня Коткишево. Красножон Данила.

Старший лейтенант поспешно вскрыл конверт. Да, письмо написал спасенный в рейде солдат. Он сообщал, что демобилизован по ранению (оставалось еще полгода служить), поправился, вернулся в свою деревню к великой радости матери. Его хорошо лечили в госпитале Кандагара («пулю в один миг достали»), потом в Кабуле «подштопали», а уж долечивался в Ташкенте. «Но если бы не вы со Славкой, то не видать бы мне боле солнышка…». Далее он писал, что даже с окрестных деревень, не говоря о местных, что не вечер, приходят послушать целыми семьями о его чудесном спасении, «смотрят, ощупывают его швы после операции, дивятся все, что сердце с иного боку…» Все видят в этом, мол, добрый знак. Слушают о его пребывании «на том свете», старики кивают, крестятся. Даже батюшка в местной церкви говорил о его чудесном спасении Господом Богом…

Позже Невский еще получил письмо от «своего крестника». Сообщал он, что наградили его орденом «Красной Звезды» за хорошую службу в Афганистане («гуляли всей деревней два дня!»), ездил за наградой в сам город Нея, военком лично вручал, «долго и крепко руку жал». А потом про него в районной газете «пропечатали с портретом при ордене!», назвали «Чудесное воскрешение «Лазаря» из Коткишево» («это они намекали, что сам Господь меня из мертвых спас»).

Невский радовался успехам спасенного Данилы. Иной награды и не надо врачу, чем доброе слово от раненого или больного…

* * *

Примечание: использованы выдержки из материала корр. «Известий» Щербаня «Десант на караванной тропе».

№ 3. «Ох, и сегодня выдался денек…»

1

Сегодня «пятиминутку» взялся проводить сам начальник медицинского взвода, ведущий хирург Кандагарской Отдельной Медицинской роты капитан Александр Голущенко. Редко ему это удавалось — обычно неотложные дела вырывали его из дружного коллектива медиков, чаще он пропадал в госпитале. Начальник операционно-перевязочного отделения капитан Зыков Александр не возражал, молча уступил ему это право.

Дежурная медсестра доложила о состоянии здоровья послеоперационных больных. Все было в порядке, никто не вызывал опасения. Она уже собиралась сесть, но Голущенко задал интересующие его вопросы:

— К операции подготовили солдата, побрили его, как положено? — Сестричка кивнула головой и передернула плечами, мол, обижаете, начальник, мы свою работу знаем.

Голущенко сам положил этого солдата еще вчера, нашел его среди штабных писарей — тот был хорошим художником, а в стационаре очень нуждались в таком специалисте. Чтобы у его командира не возникало подозрений, решили поискать подходящую болезнь. Пришлось попотеть командиру медвзвода, ведь парень этот отличался завидным здоровьем. Наконец, капитану Голущенко повезло — он нашел прекрасный повод для госпитализации — у солдата обнаружено было варикоцеле (варикозное расширение вен семенного канатика). На вопрос художника — что это за болезнь такая, Голущенко начал долго и нудно объяснять ему суть патологии.

По всему выходило, что встречается варикоцеле у 15 % мужчин. Обычно развивается в период полового созревания, а появляется вследствие врожденных особенностей структуры венозной системы семенного канатика у данного мужчины. Встречается это варикозное расширение вен семенного канатика у мужчин в возрасте 20–30 лет, как правило, слева. При варикоцеле нарушается нормальное кровоснабжение яичка. В норме кровь от яичка и окружающих тканей по венам идет к сердцу, при этом она течет снизу вверх. Ее обратному току препятствует клапанный аппарат венозной стенки. При расширении вен работа клапанного аппарата нарушается, и кровь начинает совершать маятникообразные движения. При нарушении кровоснабжения происходит обеднение кислородом

ткани яичка, что сказывается на его функционировании. Это варикоцеле является одним из главных факторов мужского бесплодия. Около 40 % бесплодных мужчин имеют варикоцеле, а 25 % с варикоцеле будут страдать бесплодием.

Пока капитан говорил эти заумные медицинские вещи, солдат слушал его вполуха. Тогда Голущенко начал «давить» на него симптомами, причем не спрашивал о них, а утверждал. Солдату оставалось лишь кивать головой, все более округляя глаза. Эти «рубленые» фразы хирург «вколачивал», как гвозди, в голову парню… Боли или неприятные ощущения в яичках тянущего, давящего характера, чувство тяжести в мошонке после тяжелых физических нагрузок, тепловых процедур или длительных периодов вертикального положения тела. При переходе в горизонтальное положение боли проходят. Варикозно расширенные вены в верхней половине мошонки в виде пучка червей (это сравнение привело в ужас солдата) увеличиваются в размерах в вертикальном положении тела, а в горизонтальном спадаются. Яичко на пораженной стороне в запущенной стадии может иметь меньшие размеры по сравнению с другим.

Наконец, когда капитан популярно объяснил перепуганному солдату, что с таким отклонением в будущем будут проблемы с женщинами, тот тут же дал согласие на операцию. А уж после операции можно будет этого художника подержать подольше — пока все не нарисует и не напишет для нужд стационара.

Теперь Голущенко сам решил и прооперировать парня, а ассистентом попросил быть ординатора отделения старшего лейтенанта Невского Александра. Операция была, в общем-то, пустяковой: разрезом параллельно паховому каналу внебрюшинно (не вскрывая полости живота) выделить и перевязать расширенные вены, по которым осуществляется отток крови из яичка, направить кровоток по здоровым венам. Операцию такую обычно делал один хирург, но тут пришлось подчиниться воле начальника.

Выяснив, что солдат со смешной фамилией Кочерга готов к операции, Голущенко опять обратился к дежурной сестре:

— А кто у вас занимается уборкой в стационаре? Я выяснил, что плохо работают кондиционеры в палатах, больные жалуются. А кое-где они совсем не работают. Я заглянул в один такой — там все забито пылью. Короче, сейчас во время обхода (я на него уж не пойду) проверьте во всех палатах кондиционеры на предмет пыли, а потом поставьте задачу все прочистить и помыть. А после обхода пойдем на операцию. — Это он уже обращался к капитану Зыкову. Тот лишь кивнул головой.

Терапевты отправились проводить обход в своих палатах, а

хирурги — в своих.

Уже начался октябрь, не было изнуряющей жары, надобность в кондиционерах отпадала, но решили все же выполнить распоряжения своего медицинского начальника. Старший ординатор отделения Николай Сергеев лучше всех разбирался в устройстве кондиционера, он был старожилом в Медроте, поэтому ему и предоставил начальник отделения проверять эту самую пыль.

Поочередно заходили в палаты, осматривали больных и раненых, а Николай сразу шел к окну и снимал защитную решетку кондиционера, находил злосчастную пыль, показывал старшей сестре, она делала пометку в тетрадке: почистить.

Обходили уже третью палату. Там как раз и лежал Юрий Кочерга, солдат-художник, подготовленный к операции. Его осмотрел сам начальник отделения, согласился с диагнозом, дал краткие наставления Невскому, как ассистенту на предстоящей операции.

Сергеев, как уже обычно, сразу прошел к окну, открутил решетку кондиционера. Все взоры солдат, находящихся в этой палате, с тревогой следили за его действиями. Больше всех крутил головой художник.

— Что это? — Раздался вскоре голос Сергеева. Он разворачивал бумажный сверток, из которого прямо на пол посыпалась спрессованная трава, среди нее оказался и пакет с растением, уже измельченным до удобного для курения размера.

Вся палата замерла.

— Ба, это же травка для курения! — Сам догадался капитан Николай Сергеев. Он понюхал, кивнул утвердительно головой. — Чье это?

Грозный вопрос врача вывел из оцепенения солдат. Все сразу зашевелились, загалдели, выражая полное недоумение. Судя по возмущенным голосам, это они, якобы, все видели впервые.

— Так, если через двадцать минут не разберетесь, чье это добро, то всех выпишу к чертовой матери за нарушение режима! — Это уже Зыков решил применить свою власть. — Лечитесь потом, где хотите.

Он первым вышел из палаты, за ним поспешно вышли врачи и медсестры. Пакет с «гадостью» Сергеев забрал с собой.

Обошли остальные палаты. Больше сюрпризов в кондиционерах не попалось. Собрались в ординаторской. Зыков кипел от негодования. Выяснив в чем дело, Голущенко тоже воспылал возмущением, требуя разобраться и «выкинуть чертового наркомана» из отделения.

Сергеев и Невский ждали, какое решение примет начальство.

Конечно, это было неприятно — дойдет до политотдела, они такой крик поднимут. Еще бы — в Медроте больные принимают наркотики, пусть это и в виде курева. Какая разница?!

В дверь заглянула дежурная сестра, она явно была чем-то напугана.

— Что случилось? — Сразу обратил на нее внимание Голущенко. — Пора уже начинать операцию. Все там готово?

— Никак нельзя проводить операцию, — сестра Людмила зашла в ординаторскую и прикрыла за собой дверь. — Там такое…

— Что еще? — В один голос спросили Зыков и Голущенко.

— Там змея лежит под операционным столом. Меня Таня, операционная сестра, послала за вами. Она тоже выбежала оттуда со страха.

— Что?! — теперь уже четыре хирурга спросили, открыв от изумления рот.

Все бросились в операционную.

2

Операционная сестра в стерильных перчатках, накрытых стерильной же салфеткой, стояла в уголке комнаты, служившей предоперационной. Ее лицо выражало крайнюю степень сосредоточенности, она не спускала глаз с закрытой двери в операционную.

— Что там? — Голущенко решительно взялся за ручку двери

— Сам посмотри. Под операционным столом лежит…

Немного помедлив, Александр все же рывком распахнул дверь, заглянул, потом осторожно, точно ступал на минное поле, зашел в комнату. За ним точно так же, «ступая на заминированное поле», зашли трое остальных хирургов. В операционной никого не было. Обошли все помещение, заглянули во все уголки. Никого.

— Никого! — Подвел итог Голущенко. — А тебе не могло померещиться? — обратился он уже к заглядывающей через дверь Татьяне.

— Я же не слепая! И потом она так страшно шипела и шуршала. Я так и вылетела пулей, Люда прибежала на мой крик, она дверь еще закрыла, тоже эту тварь видела.

— Не нашли мы ее. Даже, если была, вы ее, девчонки, своими истошными криками напугали. Вот она и уползла обратно. Наверное, в вентиляционное отверстие заползла. После ремонта его еще не закрыли мелкой сеткой. — Капитан уже успокоился,

как и все его коллеги-офицеры, распрямился всей своей огромной фигурой. Он снисходительно улыбался, глядя на девушку. Мол, что с нее взять — девчонка! Потом посмотрел на начальника отделения Зыкова: «Говорил тебе, что надо срочно отверстие это закрыть. Вот и протянул. Ладно, все расслабьтесь. Хорошо, что хорошо кончается».

Голущенко пошел к выходу, бросив Татьяне:

— Операция не отменяется. Хорошо, что ты стерильность рук сохранила. Молодец! Мы сейчас с Санькой Невским подойдем руки для операции мыть. Доделывай здесь все, что не успела.

Офицеры гурьбой пошли на выход. Даже неприятная история с найденным пакетом наркотиков вылетела, было, из головы. Но в ординаторской все вспомнилось — объемный пакет лежал на видном месте, на столе.

— Коля, ты у нас старожил, значит, самый «продвинутый». Что это такое ты нашел в кондиционере? Просвети меня, а-то я пока не в теме, — Невский обратился к Сергееву, внимательно рассматривая сушеную траву в пакете.

Старший ординатор хмыкнул, немного подумал.

— Ладно, прочитаю вам краткий курс. Эта трава — есть сушеная конопля, в которой находится психоактивное вещество марихуана. Вообще-то это вещество давно применяют в медицине со времен Древней Индии и Ближнего Востока в качестве обезболивающих, противосудорожных и противорвотных средств. Первые упоминания об использовании марихуаны в европейской медицине относятся к периоду колонизации Индии Англией, в середине XIX века, когда армейские хирурги стали применять препараты марихуаны для обезболивания, лечения мышечных спазмов, припадков эпилепсии и ревматизма. Благодаря практике военных врачей английского колониального корпуса, препараты марихуаны и получили широкое распространение в Европе и США.

Что касается Афганистана, то здесь сорта конопли не отличаются прочным волокном, но вырабатывают много смолки, необходимой для изготовления психотропных продуктов. Традиция их изготовления и употребления насчитывает много сотен лет; на рынке страны преобладает гашиш, который местные жители обычно курят. Афганский гашиш считался и считается одним из лучших в мире. Жители страны разработали множество оригинальных приемом его изготовления. В одной из технологий два-три слоя сухих растений конопли укладывается на ковер, который затем сворачивают в рулон и катают по полу. Потом растения выбрасывают, а цветы и пыльцу собирают с ворсинок. Каждый район Афганистана имеет свои «конопляные» традиции и

даже свои формы прессовки гашиша. В Мазари-Шарифе гашиш формировали в «макароны», в Герате — в круглые «коржики», в Джелалабаде — в «палочки», а у нас, в Кандагаре, — в плоские «кораблики». Цвет гашиша варьирует от серебряно-серого до темно-коричневого. Вот вкратце и все.

— Ты так хорошо осведомлен, что диву даешься. Сам не пробовал часом? — Зыков тоже внимательно слушал товарища.

— Нет, конечно, я не пробовал и вам не советую. Но я много повидал за эти месяцы службы в Афгане, скоро будет два года. Видел и что становилось с людьми, злоупотреблявшими этой «дурью». Жалкое зрелище!

— Что с наркоманом будем делать? — Зыков вновь начал «закипать».

— Выгоним сразу, чего тут раздумывать. Но его еще найти надо. Что-то долго эти «субчики» разбираются в палате. Пойти и напомнить, что ли? — Голущенко собрался подняться из-за стола.

Словно только ждали этой фразы — в дверь тихонько постучали. На мощный рык Голущенко: «Открыто!» дверь отворилась.

Осторожно, боком, протиснулась фигура в больничной одежде. Юрий Кочерга. Собственной персоной, но с разбитой губой и быстро набирающим цвет синяком под глазом.

Едва бросив на него взгляд, Голущенко прорычал:

— Я же сказал, что прооперируем. Уже скоро начнем. Тебе уже поставили укол? А что с твоим лицом?

Кочерга шумно вздохнул, начал отвечать на поставленные вопросы:

— Да, укол поставили. Но я не по поводу операции. А лицо — это ерунда, упал сам. Я это… Хочу сознаться… Сам решил прийти…

— В чем сознаться? Что ты мелешь? И почему ты ходишь, если поставили уже укол перед операцией. Снова упадешь. Это ведь наркотическое сильное средство. — Все так же громко бросал фразы капитан Голущенко.

Остальные офицеры уже догадались, с усмешкой наблюдали за этим разговором. Наконец, сообразил и Голущенко:

— Ах ты, сукин сын! Так это ты притащил в отделение наркотики и спрятал в кондиционере?! Правильно тебе, видать, ребята из палаты морду начистили. Не хотел сознаваться. Так?

Кочерга кивнул головой и опустил голову. Плечи его затряслись.

— Что со мной теперь будет? Вы не станете меня оперировать? Это же опасно для меня на будущее?

— Точно, баб не сможешь любить. А каждый день

промедления для тебя опасен, — Голущенко намеренно «нагнетал обстановку».

— По-жа-луй-ста!! — Завопил солдат, готовый рухнуть на колени. — Я больше не буду курить эту траву. Клянусь мамой своей! Спасите меня!

— Скотина! Про маму вспомнил. Небось, забывал о ней, когда «косяк» выкуривал. Ты мне еще напишешь реферат о вреде наркотиков, я тебя, засранец, точно отучу это употреблять. Говорю в присутствии моих товарищей! Ну, что, мужики, поверим ему? Твое счастье, что нужен нам художник. Берем грех на душу, оставляем в отделении. Но помни — теперь каждый твой шаг мне будут докладывать. Иди в палату, скоро за тобой каталка приедет, надо уже операцию делать. Столько времени потеряли!

Солдат, не переставая потешно и неуклюже кланяться, задом вышел в коридор, осторожно прикрыл дверь. По коридору послышался убегающий топот.

— И ты ему веришь? — Зыков в сомнении покачал головой.

— А что делать, Саша, мы и так долго искали художника. И потом к операции зря что ли все приготовили. Ничего, я его теперь лично возьму на свою заметку. Никуда не денется.

3

Невский и Голущенко поспешили в операционную — надо было еще пройти через долгую процедуру мытья рук.

Спустя некоторое время они уже стояли в операционной, ожидая больного. Операционная сестра, не спеша, готовила запас кровоостанавливающих тампонов. Она уже успокоилась после встречи со змеей и была, как обычно, спокойна и сосредоточена.

Дверь отворилась, двое санитаров, из числа выздоравливающих, вкатили каталку с больным. Они переложили его на операционный стол, молча покатили каталку обратно. Голущенко велел одному санитару остаться для помощи — мало ли, вдруг понадобится. Парень послушно остался при входе, привычно уселся на табурет.

— А у меня все нормально будет после операции? — заговорил, еле ворочая языком, Юрий. Уже наркотик начал действовать, снял чувство страха и притупит возможную при операции боль. — Не бывает возвращения этой болезни?

— Не боись! Все будет тип-топ. Вовремя ты попал в наши руки. Прогноз всегда благоприятный после операции. Поносишь только после операции специальный суспензорий (мы тебе выдадим), а потом еще месяца три поносишь тугие трусы или

плавки. А после армии женишься, и кучу детей себе «настрогаешь».

Солдат растянул губы в улыбке «до ушей». Он уже «жил» в своем мире грез и мечтаний.

Невский начал обрабатывать кожу живота йодом и спиртом, затем обложил операционное поле стерильными полотенцами. Можно было начинать.

Операционная лампа несколько раз мигнула, но продолжала гореть, давая бестеневой свет. Это сразу обеспокоило Голущенко.

— Надо подготовить «гуся» (так хирурги называли передвижную на колесиках операционную лампу на длинном штативе, работающую от аккумуляторов), а — то свет общий вырубится. Будет нам весело.

— Это точно, — откликнулся Невский, — попадал я в такую ситуацию, когда оперировали мы с Зыковым аппендицит у солдата. Свет погас в самый ответственный момент, чудом не наделали глупостей в животе. Пока эту лампу прикатили да включили, мы чуть не поседели от страха.

Голущенко распорядился, чтобы Жема Виктор, санитар, подкатил поближе эту лампу и попробовал ее включить. Лампа не загорелась.

— Опять, наверное, контакт отошел. Открой эту здоровую металлическую коробку-основание, там стоит большой аккумулятор, проверь подключение клемм.

Виктор сделал все, как сказали. Сунул руку, пошевелил провода у клемм. Свет вспыхнул. Все вздохнули облегченно. Санитар уже собирался вновь захлопнуть крышку, как вдруг оттуда показалась приплюснутая треугольная голова с быстро выскакивающим раздвоенным языком. Раздалось характерное громкое шипение. Все прямо обмерли.

Ужас появился на лице санитара Жемы, но он продолжал стоять с протянутой к металлической коробке рукой. Змея высовывалась все больше и больше, продолжая угрожающе шипеть.

Ужас переместился на лица всех остальных: и Невский, и Голущенко, и Татьяна выглядели теперь одинаково — с застывшими лицами, которые угадывались даже под марлевыми повязками. Один только Юрий Кочерга пребывал в счастливом неведении, он лежал с закрытыми глазами и улыбался своим мыслям.

Татьяна первая пришла в себя и закричала. Крик «вернул к жизни» двух хирургов. Хотя Невский чувствовал, что волосы на голове явно «поднялись дыбом», а руки и ноги плохо стали слушаться, он все-таки смог броситься к рядом стоящему

санитару и оттолкнул его от змеи. И как раз вовремя. Эта тварь с быстротой молнии выскочила целиком из своего убежища и шлепнулась на пол, издав громкий шуршащий звук.

Операционная сестра уже бежала из операционной, за ней выбежал Голущенко. Вдвоем они вкатили каталку и уже перекладывали ничего не понимающего Юрия на нее, не сразу справившись с привязными ремнями. О стерильности можно уже не беспокоиться — операция вряд ли теперь состоится. Невский с трудом удерживал падающее тело санитара, тот просто «отключился», видимо осознав, какой опасности только что подвергся. Змея, продолжая шипеть и шуршать, как-то боком начала короткими бросками перемещаться по операционной. Не стоило испытывать судьбу — Невский потащил Жему к выходу, где только что скрылась каталка с больным. Дверь за ним захлопнулась.

Все тяжело дышали, точно пробежали не один километр. Невский посадил бесчувственное тело Вити на стул. Таня уже капала на ватку нашатырь. После вдыхания едких паров и растирания его висков, Жема пришел в себя. Его начало трясти крупной дрожью. А Татьяна уже капала какие-то успокаивающие капли. После этого лекарства санитар окончательно пришел в себя. Все по очереди выпили это же лекарство — не помешает успокоить нервы.

Голущенко выглянул в коридор и громовым голосом вызвал дежурную сестру. Людмила, а за ней и старшая сестра Светлана, прибежали на этот рев. Они быстро разобрались в ситуации. Каталку с Юрием, все еще пребывающим в состоянии эйфории, укатили обратно в палату. Таня увела под руки санитара — ему тоже требовался покой в палате.

Надо было принимать решение — что дальше?

4

О змеях у людей мнение определенное. Какое — хорошо известное. Помимо страха змеи внушают еще и какую-то антипатию. Назвать ее врожденной, пожалуй, было бы неверно. Дети и детеныши зверей в малолетстве змей не страшатся, и играть с ними не брезгуют. Позднее, с возрастом, многие звери ведут себя иначе. Одни, встретив змею, быстро, точно их ветром сдуло, отскочат. Наблюдая за ней издали, тревожными криками оповещают сородичей. Другие — дикие быки, козлы, слоны, олени, антилопы — норовят змею затоптать. У свиней, ежей, мангустов стремление совершенно определенное: съесть.

Обезьяны панически боятся змей. Даже крошечная фигурка человека со змеей в руке, когда ее показывали макакам и мартышкам, вызывала у них страх. А сколько несуразных, но нередко остроумных поверий о змеях! Рассказывают на разных континентах похожие небылицы: якобы змеи, когда им нужна высокая скорость, передвигаются так — вцепившись зубами в собственный хвост, катятся, как обруч. Мало им этого, еще все встреченное на пути колют без разбора ядовитыми шипами, которые у них на хвосте. И ужаленные люди, звери, деревья(!) — тут же умирают.

Рассказывают и такое: змеи и сами себя пожирают, заглотив по ошибке свой собственный хвост.

Взгляд змеи немигающе-пристальный потому, что век у нее нет. Они срослись в прозрачную пленку, прикрывающую глаза: получилось нечто вроде стекла на часах. Под ним глаз может свободно двигаться. Эти «стекла» защищают глаза змей от ушибов, уколов и всякого мусора, который пресмыкающимся особенно досаждает, а также от воды. Немигающий взгляд змей и породил всевозможные легенды о их будто бы гипнотических способностях, о том, что зачарованные змеиным взглядом, лягушки сами идут в пасть ужам, и тому подобные выдумки.

У всех змей поражает исключительная растяжимость змеиной пасти, благодаря чему змеи могут проглатывать животных, не уступающих им величиной. Ни одна змея не может жевать свою добычу или откусывать от нее куски, а заглатывает ее только целиком.

При линьке змея сбрасывает кожу единым куском, выворачивая ее, как чулок. Выползкам этим (т. е. сброшенной коже) в старину приписывались разные чудесные свойства. / Здесь и далее использована книга «Энциклопедия — Биология», том 2, под ред. Светланы Исмаиловой/…

Офицеры оставили караулить перед дверью второго санитара (уже напуганного «выше головы»), а сами, как были в операционной одежде, поспешили в ординаторскую. Ничего не подозревающие Зыков и Сергеев, продолжали заполнять «Истории болезни».

— Саша, ты чего так орал? — сразу с порога обратился к Голущенко начальник отделения.

Тот вкратце поведал о происшествии.

— Слушайте, а может, это была не ядовитая змея? — с надеждой спросил Сергеев. — Надо у Вовки Амурского взять «Энциклопедию», я видел — он ее постоянно читает. Пойду, схожу к нему в приемное отделение.

Николай поспешно ушел. Три Александра пригорюнились за

столом. Ситуация была патовая. Хоть смейся — хоть плач. Но как змея попала в передвижную лампу? Решили, что пролезла через небольшое отверстие в боковой стенке.

Вскоре вернулся Сергеев, с ним пришел анестезиолог Амурский, который прихватил с собой толстую книгу. Всей гурьбой снова отправились в операционную. На стуле сидел, внимательно глядя на дверь, как когда-то Татьяна смотрела, санитар.

Амурский смело распахнул дверь и первым вошел в операционную, за ним «просочились» остальные. Змею увидели сразу — она свернулась клубочком в углу помещения. Казалось, она спала. Владимир сделал к ней еще несколько шагов, быстро перелистывая страницы «Энциклопедии».

Змея подняла голову, вновь раздалось шипение и характерный шуршащий звук. Потом она стремительно начала боком перемещаться навстречу офицерам. Все помчались вон из опасной комнаты, последним выбежал Амурский и плотно закрыл дверь.

— Все ясно! Я нашел ее на картинке. Вот смотрите — один к одному, — он показал по очереди всем. — Это песчаная эфа, по-латински Echis carinatus. Отряд: Чешуйчатые, подотряд: Змеи, семейство: Гадюковые, род: Эфы, вид: Песчаная.

Офицеры согласно закивали.

— Давайте, я вам прочитаю все, что про нее написано, — усевшись на стул, Амурский начал не спеша читать:

«Из пустынных гадюк наиболее известна песчаная эфа. Длина до 80 см. Чешуи по бокам туловища с зубчатыми ребрышками, которые при свертывании змеи в кольца издают характерный шуршащий звук (все закивали головами — звук слышали). Эта змея держит печальное первенство по количеству погибших от ее яда людей. Любопытен тип ее передвижения: не «змеевидный», как, например, у ужей, а «боковой», короткими бросками. Профессор Банников пишет об этом: «Глядя на движущуюся эфу, убеждаешься, что она ползет не вперед, а как бы вбок. От одного следа к другому змея как бы «перешагивает». Характерный след «бокового хода», состоящий из отдельных косых полосок с крючковатыми концами, сразу выдает песчаную эфу». — Амурский обвел взглядом всех врачей. Те понуро молчали. Он прокашлялся и продолжил чтение: «Эфы, как и все гадюки, змеи не прожорливые: чтобы жить, им достаточно съедать в сутки в сто раз меньше, чем весит сама змея (Вот спасибо — успокоил, нас она не сможет слопать, — Зыков не весело засмеялся). Весной все почти гадюки устраивают брачные «танцы», а некоторые виды — и турниры самцов. Но во время драк соперники «соблюдают

дуэльный кодекс»: свои ядовитые зубы в ход не пускают. (Тварите твари, а благородство блюдут… — снова бросил реплику Зыков). Беременность у этих змей примерно трехмесячная. Рождают живых детенышей в конце июля-сентябре. Их новорожденные змееныши, и дня не прожив, умеют шипеть и уже ядовиты! (Надеюсь, наша змейка не оставила нам таких змеенышей, — Невский тоже невесело хмыкнул). Узнать всех гадюк можно по зигзагообразной полосе вдоль спины (называемый в народе «каиновым знаком»).

Амурский захлопнул книгу и поднялся.

— Я вам больше не нужен? А в отношении змеи — лучше обратиться к нашему ветеринару Бригады. Я знаю, он даже ловил их в природе.

Владимир помахал всем рукой и быстро ушел — у него были свои неотложные дела.

5

Невский сразу вспомнил этого старшего лейтенанта — ветеринара. Они хорошо познакомились еще примерно два с половиной месяца назад, когда вместе летали в Шинданд, а потом оказались в сбитом вертолете. Приключения еще те…

Все офицеры опять сидели в ординаторской, размышляя над ситуацией. Александр Невский вызвался сходить за Виктором Гавриловским, вдруг удастся его застать на месте. Голущенко и Зыков кивнули головами.

Старший лейтенант поспешно переоделся, сменив свой «операционный наряд». Он быстро побежал в штаб 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады). Виктор называл кабинет, где обычно часто работает.

К огромной радости Гавриловский был на месте. Они обнялись, радуясь встрече. Невский рассказал о возникшей у медиков проблеме.

— Эфа, говоришь. Коварная змея. Но ловил я таких. Хорошо, выручу своих родных кандагарских медиков. Пошли!

Виктор быстро направился к выходу, застегивая на ходу полевую форму. Невский поспешил за ним. Они зашли на склад, где Гавриловский хранил свое специальное снаряжение: длинную палку с захватом на конце, рогатину и крепкий брезентовый мешок.

Увидев все это, Александр совершенно успокоился — теперь специалист найдет выход из трудной ситуации. По дороге к стационару Виктор рассказал, что все свое детство прожил в

Средней Азии, а его отец занимался ловлей ядовитых змей для нужд медицины, он и его научил этой трудной профессии. Виктор сознательно поступил потом в ветеринарный институт, а в армию его призвали на два года именно как специалиста по животным. Скоро срок службы в Афгане для него закончится.

Невский завел сначала Гавриловского в ординаторскую, познакомил с врачами. Все захотели посмотреть, как ловят ядовитых змей.

Но смотреть особенно, к великому разочарованию, было нечего. Виктор справился менее чем за минуту: вошел, прижал тело бросившейся ему навстречу змеи рогатиной, захватил специальным устройством и бросил в мешок, плотно перевязав его. Все! А медики столько пережили тяжелых минут, столько страха натерпелись.

Небрежно перебросив мешок из одной руки в другую, Виктор пошел к выходу. Офицеры поспешили за ним, с восхищением глядя на избавителя.

Вновь собрались в ординаторской. Голущенко распорядился напоить гостя чаем. Пока

медсестры накрывали стол, разговорились. Всех интересовало — неужели Виктор не боится этих жутких тварей. — Нет, уже не боится, привык. Вы же не боитесь «резать живых людей». — Не резать, а оперировать.

— А что, эти эфы действительно так ядовиты? Наверное, самые — самые? — Зыков даже передернул плечами, вновь вспомнив эту змейку.

— Ну, что вы. Это далеко не самая ядовитая змея. Самой ядовитой змеей на свете долгое время считался австралийский тайпан из семейства аспидовых. Все известные случаи, когда человек был укушен тайпаном, заканчивался гибелью укушенного. Хотя известен забавный случай, когда «короля ядовитости» одолела его обыкновенная добыча. Кормом тайпана в одном австралийском зоопарке служили белые мыши. Долгое время они покорно следовали своей незавидной участи. Но однажды мыши внезапно «взбунтовались», дружно напали на змею и сильно ее искусали. Тайпан от укусов (возможно, и от потрясения) вскоре погиб. От тайпана «первое место по ядовитости» перешло к австралийской тигровой змее из того же семейства, а после новых исследований — к морской змее из рода ластохвостов. Смертоносный яд этого ластохвоста в сто раз сильнее яда тайпана.

Старшая сестра Светлана пригласила всех к столу. Все ужасно проголодались, видимо сказались перенесенные «приключения», да и время обеда уже подошло. Все, включая гостя, набросились

на еду (повара в Медроте все-таки хорошо готовили).

— А что ты будешь делать с этой змеей? — с набитым ртом спросил Николай Сергеев, кивнув на мешок, в котором шевелилась пленница.

— Отвезу в госпиталь, а они передадут афганскому врачу — тот собирает яд для медицинских целей. Я уже не первую змею ловлю в Бригаде. Помню, в прошлом году даже в женский модуль вызывали, там гюрзу поймал. Огромная была. Там девчонки чуть со страха не поумирали. Хорошо, не укусила никого.

— Ну, что вы все примолкли? Радоваться надо, ведь все страшное уже позади, — Голущенко не скрывал своей бурной радости. — Витя, с тебя еще анекдот. Давай что-нибудь о твоих любимых зверушках…Эх, говорила мне мама, мол, иди в ветеринары. Нет, поперся людей лечить. Теперь приходится вот мучиться.

Виктор задумался, потом кивнул головой: «Будет вам о зверушках. Слушайте.

— Наконец-то ученые окрыли секрет долголетия ежей. Оказывается, никакого секрета нет. Да и живут они, собственно, недолго…»

Дождавшись, когда врачи и медсестры посмеются, Гавриловский рассказал еще:

«Поймал старик золотую рыбку. И попросил: рыбка, сделай меня умным.

— Будь по-твоему, — ответила рыбка и уплыла.

Посмотрел старик ей вслед и сказал:

— Ну и дурак же я был…»

Медики тоже стали рассказывать анекдоты. Все с удовольствием смеялись — так бывает у переживших сильное потрясение. Вскоре Виктор попрощался с новыми товарищами и, забрав мешок и снаряжение, отправился на выход. Невский пошел его проводить на улицу. Они обнялись на прощание, пообещав друг другу, что будут теперь чаще встречаться.

6

Медсестры убирали со стола, врачи покуривали в форточку. У всех было легко на душе.

Неприятность опять «свалилась» неожиданно. Вбежала постовая сестра Людмила, она вновь была встревожена. Офицеры внутренне напряглись: что еще?

Оказалось, что у солдата, подготовленного к операции, но непрооперированного произошел нервный срыв. Врачи бросились

в его палату. Юрий Кочерга рыдал в полный голос, соседи по палате пытались его успокаивать. Парень зарылся головой в подушку и не хотел никого видеть.

Голущенко своей мощной рукой посадил солдата на кровати, крепко отшлепал его по щекам. Юрка сразу замолчал и с изумлением смотрел на докторов. Да, иногда такой способ помогает.

— В чем дело? — сурово сведя брови, спросил Голущенко, все еще крепко удерживая парня за плечо.

— Вы же меня не стали оперировать. Как же я дальше буду… — он не договорил.

— Дурак, у нас был нештатный случай. А операцию сделаем через пару дней. Пока успокойся.

Но Юрий вдруг опять сморщился лицом и заголосил:

— А если бы вы начали оперировать, а змея меня укусила. Было бы еще хуже. Это она приползла специально по мою душу…

Дальше он вообще начал нести полную несуразицу. Голущенко приказал ввести Кочерге успокаивающий укол.

Вызванная процедурная сестра быстро справилась со своей задачей. Хирурги продолжали топтаться в палате, пытаясь найти из этой ситуации выход.

— Ладно, придется мне применить свои способности, — вновь заговорил Александр Голущенко. — Проведу ему сеанс гипноза. Забирайте его с собой в ординаторскую.

Он быстро пошел из палаты. Зыков, Сергеев, Невский с изумлением смотрели ему вслед. Никто и не знал об этих способностях. Невский и дежурная сестра подхватили Юру под руки, и повели его с собой. Он еле-еле переставлял ногами, правда, после укола заметно успокоился.

Новость о предстоящем сеансе гипноза разлетелась в стационаре с быстротой молнии.

Солдата пока посадили на кушетку, он с тревогой наблюдал, как ординаторская быстро заполнялась: пришли и терапевты, все хирурги были в сборе (прибежал даже начальник приемного отделения капитан Васильчиков), пришли некоторые офицеры, находящиеся на лечении. Все медсестры тоже расселись на принесенные стулья. Зрелище обещало быть интересным.

Посреди комнаты возвышалась массивная фигура Голущенко. Он стоял, засунув руки в карманы белого халата. Но видно было, что слегка волнуется. Невский с интересом следил за своим ведущим хирургом. Ему еще ни разу не удавалось увидеть гипноз «вживую», хотя, конечно, верил в его существование.

Дождавшись наступления полной тишины, Голущенко заговорил:

— «Давненько я не брал в руки шашки», то бишь, не проводил сеансов гипноза. Надеюсь, не растерял навыков. Попрошу всех соблюдать полную тишину. Я буду проводить гипноз и, попутно, рассказывать о нем. Что кому не ясно, спросите после сеанса. А пока молчим все. Я начинаю.

Александр заложил руки за спину и стал, не спеша, прохаживаться по свободному пространству в центре ординаторской, при этом он говорил:

— Гипнотизм происходит от слова «hypnos» — сон, и означает состояние, похожее на сон, отличающееся от естественного сна рядом признаков, прежде всего тем, что загипнотизированный во время гипнотического состояния все время подвержен влиянию гипнотизера; что он, как выражаются, находится с ним в связи. Погруженный в естественный сон не имеет никаких связей с внешним миром; загипнотизированный же каждое мгновение подвержен влиянию слов гипнотизера. Средство оказывать такое внушение называется внушением. Внушение — это фраза в форме утверждения, что у другого произойдет то или иное телесное или духовное изменение. Если я скажу кому-нибудь: «Что с тобой случилось — ты не можешь двигать рукой», и он действительно некоторое время не сможет поднимать ее, то я произвел внушение. Или я говорю при подходящих обстоятельствах: «Ты долго ничего не ел, ты, вероятно, голоден?», и если этот человек действительно испытывает голод, то это значит, что я внушил ему чувство голода. Если внезапно и убедительно воскликнуть: «Света, что с тобой? Как ты покраснела!»

После этой громкой фразы Голущенко, произнесенной им, глядя на старшую сестру, ее лицо действительно покрылась пунцовым цветом. Все засмеялись, а Светлана закрыла пылающие щеки ладошками.

— А ты что смеешься? Ты сам уже красный, как рак, — капитан впервые посмотрел на Юру Кочергу и указал на него пальцем.

Парень мгновенно покраснел всем лицом, даже кисти его рук стали бардовыми. Новый приступ смеха в ординаторской. А Голущенко продолжал расхаживать, негромко говоря:

— Учение о всех источниках, всех явлениях и всех причинах внушенного сна называется гипнотизмом. Гипнотизм и внушение, таким образом, тесно связаны, так тесно, как, например, дерево и древесина. Если и бывает древесина без дерева, то не бывает дерева без древесины. Точно также и внушение возможно без гипнотического состояния, но не гипноз без внушения.

Подобно многим другим великим открытиям, гипнотизм

тоже был открыт на ложном пути. Колумб, например, искал морского пути в Индию в западом направлении вокруг Земли и нашел Америку; Бертольд Шварц искал способа делать золото и открыл порох; аптекарь Беттхер искал камень мудрости и изобрел фарфор; Парацельс и Месмер искали животный магнетизм, Пюисегюр открыл в нем сомнамбулизм, а Фария — гипнотический сон. Гипноз — это особый вид сна; средство вызвать такой сон — не магнетизм, не утомление чувств, а только внушение.

Принято различать три стадии гипноза: сонливость, гипотаксию (среднюю стадию сна) и сомнамбулизм (глубокий сон).

Тут Голущенко приблизился к кушетке, на которой сидел Юра Кочерга, присел на стул с ним рядом. Он продолжал говорить, пристально глядя уже только на солдата:

— Надо взять большим, средним и указательным пальцем левой руки блестящий предмет, я пользуюсь обычно пинцетом, его широкой стороной (он тут же вынул его из нагрудного кармана), держать его на расстоянии 25–40 см от глаз выше лба в таком положении, чтобы потребовалось сильнейшее напряжение со стороны глаз и век для пристального взгляда на предмет. Первое наблюдение, которое можно сделать, состоит в том, что, вследствие равномерного напряжения глаз, зрачки сужаются; вскоре они начинают расширяться. После того как зрачки сильно расширились и начали колебаться, веки сами опустятся дрожащим движением, а я ему говорю: «Спать!»

Голущенко властным движением руки уложил закрывшего глаза солдата на кушетку.

Сам он продолжал говорить: «Это первая стадия гипноза. Первое, обнаруживающееся при этом чувство — приятный покой, выражающийся, между прочим, в том, что человек спокойно сохраняет даже неудобное положение тела (все зрители закивали головами — Юре явно было неудобно лежать). За этим следует ощущение тяжести тела и теплоты, разливающейся по глазам, желудку и конечностям».

Гипнотизер осторожно уложил пациента удобно на кушетке, тот даже не пошевелился. Он встал и показал на солдата:

— Стадия сонливости становится заметной по спокойному, замедляющемуся и ровному дыханию.

Все затаили дыхание, прислушались. Да, этот человек спал.

Голущенко объявил, что приступает к формированию второй стадии гипноза. Для этого он прибегнул к словесным внушениям, одно из которых заключалось в полной неспособности самостоятельно открывать глаза. Так и произошло. По команде солдат с закрытыми глазами вставал, садился, приседал, затем снова лег, а гипнотизер поднял под прямым углом его руку. Рука так и осталась в таком положении. Капитан объяснил, что действительно загипнотизированный спокойно держит руку, не чувствуя утомления в течение 30 минут и более, а рука симулянта или обманщика начинает дрожать и колебаться уже через 5–10 минут. Короче говоря, загипнотизированный сохраняет любое неудобное — стоячее, сидячее или лежачее положение. В этой стадии лицо спящего принимает чрезвычайно характерное выражение, которое показательно для гипноза вообще. Это лицо естественно спящего, но с выражением серьезного внимания между бровями, ибо тут, как и при состоянии внимания вообще, затронут специальный мускул век, что является внешним доказательством того, что гипнотическое засыпание связано с состоянием внутреннего внимания и обусловливает известную духовную концентрацию.

Сейчас спящему можно многое внушать. Голущенко занялся основной задачей — снять психический срыв от несостоявшейся операции. Спокойным голосом он объявил солдату, что никакой змеи не было, что операция сегодня даже не планировалась. Операцию проведут скоро. Все будет хорошо после операции. Далее гипнотизер коснулся и «больной темы» — прием наркотиков. Он объяснил, что каждый раз, когда вновь захочется покурить «травку», будет появляться отвращение и тошнота. Солдат старательно повторил все услышанные внушения. Все в ординаторской наблюдали за этим, открыв рты. Все еще ощущение чуда не покидало зрителей.

Капитан подозвал Светлану, протянул ей иглу от шприца и попросил уколоть парня. Сам он только что внушил ему, что кожа не чувствует боли. Сначала осторожно, затем все смелее она тыкала в разные участки тела солдата — тот даже не повел бровью.

Поблагодарив, Голущенко отпустил Свету на свое место. Сам он переходит к третьей, самой глубокой стадии гипноза, а это уже настоящая область чудес. Теперь испытуемый может выполнять любые (но не противоречащие его морали) действия. Сам он ничего об этом не будет помнить. Он даже откроет свои глаза, но видеть будет только то, что укажет гипнотизер.

Так и произошло. По команде Голущенко Юрий встал, открыл глаза, прошелся по комнате, явно не замечая никого. Наконец,

гипнотизер шепнул ему, что он увидит сейчас красивую девушку, показал ему рукой на Светлану. Тот потешно всплеснул руками и расплылся в улыбке.

— Что ты хочешь сделать?

— Подарить ей цветы, — не задумываясь, ответил солдат.

— Так рви их, видишь целая поляна перед тобой.

Юра Кочерга сразу упал на колени и пополз по полу, совершая руками хватательные движения. При этом было видно, что букет растет в объеме. Решив, что достаточно, Юрий поднялся и пошел прямо к медсестре. Он передал ей воображаемый букет. Все зааплодировали. Но вряд ли это слышал сам солдат.

Потом он по указанию Голущенко «впал в детство»: говорил тонким голосом, ездил на трехколесном велосипеде, ловил рыбу и играл в разведчиков (ползал по-пластунски). Все это он выполнял с самым серьезным выражением лица. Зрители просто давились от смеха.

Решив, что достаточно показал свое умение, Голущенко объявил, что заканчивает сеанс.

Он объявил, что «когда я сосчитаю до трех, ты проснешься», кроме того, внушил парню, что тот попросит написать доклад о вреде наркотиков, который хочет прочитать перед всеми больными.

Аудитория затаила дыхание. При счете «три» Юрий пробудился с глубоким вздохом, изумленно огляделся вокруг, потянулся. Было видно, что он ничего не помнит, как после глубокого естественного сна. Затем он произнес первую фразу:

— Товарищ капитан, я хочу написать доклад о вреде наркотиков. Вы мне поможете с литературой?

Все находившиеся в ординаторской громко захлопали.

— Конечно, помогу! — улыбаясь, гипнотизер пожал руку ничего не понимающему солдату.

Сеанс закончился. Старшая сестра подхватила Юрия и повела его под руку в палату. Зрители начали расходиться. Каждый норовил поблагодарить Голущенко. Тот лишь устало улыбался. Это был день его триумфа.

8

Вечером того же дня почти все медики собрались в курилке у Приемного отделения. Разговоры вновь и вновь возвращались к сеансу гипноза. Равнодушных не было. Восхищались способностями своего командира медицинского взвода. Сам Голущенко, сославшись на усталость, быстро ушел спать.

Из открытой двери в комнату дежурного врача доносилась музыка. Юрий Кирсанов пел:

«Ох, и сегодня выдался денек.

Я летаю бортстрелком на вертолете…»

«Да, и у нас тоже был денек», — усмехнулся Невский…

… Юрия Кочергу успешно прооперировали через пару дней. После снятия швов он еще пролежал в Медроте не менее двух месяцев. За это время успел сделать многое: нарисовал множество стендов, плакатов и рисунков. Он даже на стене в столовой для больных нарисовал огромную картину: лес, река, поле пшеницы. Всем его работа пришлась по душе — так скучали по родной природе.

А доклад о вреде наркотиков он все же написал, потом несколько раз читал его перед новичками — находящимися на лечении ранеными и больными. Говорил он с жаром и очень убежденно…

* * *

Примечание: Использованы материалы из книг:

— «Гипнотизм и внушение», Е.Тремнер. 1923 г.

— «Жизнь животных», том 3, А.Э. Брэм. 1980 г.

— «Справочник хирурга», В.Г. Астапенко. 1980 г.

— Энциклопедия «Биология», том 2, Светлана Исмаилова. 1995 г.

— Энциклопедия-Википедия.

№ 4. Тоник

1

— А случилось это в одну из жарких летних ночей 356 года до Рождества Христова, 21 июля, когда грек по имени Герострат, чтобы навсегда войти в историю, сжег храм Артемиды в городе Эфес (одно из 7 чудес света). И именно в этот день родился великий полководец древности Александр Македонский.

— Слышь, Санек, откуда ты все это знаешь?

— А я, Жора, в отличие от тебя, люблю читать книжки, особенно по истории, меня фамилия обязывает.

— А причем здесь твоя фамилия?

— А ты не забыл, что я — Александр Невский.

— Жора, кончай встревать, пусть еще что-нибудь расскажет. Валяй, Невский.

Разговор происходил в знаменитой на всю Кандагарскую бригаду курилке у приемного отделения Медицинской роты. Обеденный перерыв еще не закончился, было не жарко — все же ноябрь месяц, приятная сытая расслабленность окутала всех офицеров. Травили байки, откровенно скучали, слушали Сашку Невского, который козырял своими историческими познаниями.

— Ну, Сашок, продолжай нам заливать «про космические корабли, которые бороздят Вселенную», — проговорил анестезиолог Толя.

— Так вот, дети мои, — успел только произнести рассказчик.

Внимание всех было отвлечено шумом приближающихся машин, офицеры повернули, как по команде, головы. Прямо к приемному отделению мчались 2 грузовых автомобиля ГАЗ-66.

— Вот и потрындели, раненых везут, — сказал терапевт Жора, начальник госпитального отделения. При взгляде на него каждому было понятно — он сам нуждался в лечении: крайняя степень истощения, заострившиеся черты лица, желто-серый цвет кожи. Впрочем, большинство офицеров-врачей тоже не отличались полнотой. Изнуряющая летне-осенняя жара закончилась, она буквально высосала все силы из каждого.

Между тем, машины лихо затормозили прямо у входа в приемное отделение. Из кабины первой легко выпрыгнул огромного роста человек в камуфлированной «пустынной» форме (явно пакистанского производства — трофейной), лицо его было почти черным от загара и от пыли, да и сам был изрядно пропылен, в руке он сжимал укороченный автомат (АКСУ).

— Привет, старший прапорщик Андреев, — отрекомендовался богатырь. — Где мне найти командира Медроты (он прочитал по бумажке) — майора Семенчука?

Медики вздохнули с облегчением — не придется срочно заниматься ранеными, внутренне опять расслабились, можно еще отдыхать.

— А вон он идет, вышел из стационара, — показал рукой стоматолог Иван.

Действительно, только что Михал Михалыч вышел из здания и направлялся к нам. Это был высокий, плотного телосложения человек, половину лица которого занимали массивные очки, придающие ему сходство с профессором какого-нибудь престижного Университета. Все в медицинской роте знали о его необычайной доброте, справедливости, он никогда не повышал голоса на подчиненных, и даже если кого наказывал (всегда справедливо), то делал это тактично, по-отечески. Офицеры уважали в нем старшего(он и по возрасту превосходил всех), а медсестры были повально в него влюблены. Да, с командиром медикам повезло (чего не скажешь о его предшественнике, как вспоминали «старожилы»). Своим офицерам Семенчук велел обращаться к нему по имени-отчеству, терпеть не мог «солдафонщину».

— Что стряслось, славяне?

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — громким «командирским» голосом начал старший прапорщик.

— Тише-тише, всех больных наших вспугнешь, — он показал на группку солдат, подходивших к приемному (скоро должен начаться плановый прием дежурным врачом).

— Старший прапорщик Андреев, — уже спокойным голосом продолжал тот. — Привез вам медикаменты, принимайте.

— Не понял, — искренне удивился майор.

— Да мы «накрыли» караван, много оружия взяли, боеприпасов — ходили к Пакистану (все знали, что до соседней страны тут было по прямой чуть более 60 км, караваны приходили с завидной регулярностью, их и старались обезвреживать на подходе). Так вот, куча там и медикаментов была. Комбриг приказал прямо к вам вести, а что не надо? Они для своего госпиталя везли…

— Голубчик, кто же от подарков отказывается. — Олег, — обратился он уже к прапорщику-фельдшеру приемного отделения, — сгоняй за хлопцами, собирай всех водителей, поваров сюда. — А много там добра? — вновь посмотрел на приезжего.

— Два кузова под «завязку» забили.

— Добре. А вы, господа офицеры, тоже готовьтесь, будете свои белые ручки марать.

Все загомонили, начали снимать куртки ПШ, засучивать рукава рубашек. Анестезиолог Акбаров, смуглый черноволосый парень, с шикарными «кавказскими» усами (в его роду не обошлось без примеси армянской крови) пританцовывал на месте от нетерпения — так хотелось узнать, что привезли.

— Хорошо бы побольше было растворов для переливания, анестетиков разных. Не откажусь также от средств для наркоза.

— Толик, тебе машинку подарить? — с ухмылкой спросил Иван.

— Какую еще машинку?

— Чтобы губы закатывать обратно, больно ты их раскатал.

Все офицеры беззлобно рассмеялись.

Между тем оба водителя развязали тесемки брезента, влезли в кузов, начали подавать ящики, тяжеленные коробки, какие-то свертки в руки офицеров-медиков. Командир и прибывший великан работали наравне со всеми. Вскоре вернулся Олег с подмогой. Работа спорилась. Все привезенное переносили в медицинский склад, занимавший 2 комнаты в конце приемного отделения. Распоряжался укладкой трофеев прапорщик Тамару, невысокий мускулистый парень, начальник аптеки. Он с озабоченным лицом метался между быстро растущими штабелями коробок, пытался сразу разложить по назначениям медикаменты, но быстро понял, что хлопоты напрасны. Главное, чтобы ничего не упало сверху, наконец, на это он направил свое руководство. Спустя полчаса, к удовлетворению старшего прапорщика, все было закончено. Офицеры вновь расселись в курилке, остывали, курили.

— Где мне расписаться, Андреев? — спросил Михал Михалыч

— На этот счет никаких распоряжений не было, владейте. Он крепко пожал руку майора, потом по очереди всем медикам, забрался в кабину. Помахал на прощанье рукой, и обе машины также быстро умчались, как и приехали.

— Командир, когда будем добро делить? — спросил нетерпеливый Акбаров.

— Кто сегодня ведет прием больных? Вон их сколько уже набежало.

Вокруг приемного отделения стояли, сидели на свободных скамейках на улице и в коридоре бойцы бригады, не менее 3-х десятков.

— Я сегодня дежурю, — ответил хирург Сергеев. — Может, это последнее мое мучение (он давно ждал замену, прослужив более 2-х лет. Каждый раз, заступая на дежурство, он так говорил,

но ничего не менялось).

— Вот тебе и флаг в руки. Остальные, за мной.

2

Офицеры, в предвкушении приятных сюрпризов, двинулись на аптечный склад. Тамару вышел навстречу: Кто-нибудь знает французский язык? — Группа ошарашено остановилась. — Вся информация на ящиках-коробках только на французском.

— А ты — то откуда знаешь?

— Я, Толя, изучал в школе этот язык, но все мои познания улетучились, только и смог

знакомые буквы узнать.

— Без паники, вы что думали, специально для вас на русском будет написано, — оборвал Семенчук, — у «духов» ведь много французских врачей, вот им и везут собратья по борьбе медикаменты. Будем, не спеша, разбираться. Двое раскрывают коробки, двое раскладывают, остальные разбираются с назначением.

В течение следующего получаса царила тишина, люди были заняты делом. Легко поняли назначение хирургических инструментов, игл для инъекций, для переливаний крови. Не вызвали никаких вопросов градусники, тонометры для измерения давления, много шуток прозвучало, когда на свет извлекли «утки», подкладные судна.

— Они оказывается тоже какают, — съязвил терапевт Жора.

К великой радости анестезиолога, огромный запас растворов для переливания нашелся в нескольких коробках, причем все было упаковано в пластиковые литровые пакеты, снабженные трубками, иглами. Вкалывай раненому, клади пакет под голову, раствор под ее тяжестью спокойно течет в вену, не надо никаких неудобных стоек использовать, не то, что у нас.

— Вот гады-буржуи могут до этого додуматься, я мы нет, что ли? — сокрушался Невский. — Это ведь так удобно. В прошлом рейде я намучался: пришлось раненого на вертолете вывозить, вколол ему раствор из нашей стеклянной банки, а стойки — то ведь нет, тем более она не поместится в вертолете, пришлось все время полета банку в руках держать. Как дурак, торчал у парня над головой. А надо и другим раненым помогать…

— Вот в следующий рейд и возьмешь трофеи, — успокоил стоматолог Ваня.

Сложности начались, когда добрались до упаковок с лекарствами. Но, оказалось, что командир не терял зря время: он

отправил фельдшера приемного отделения в танковый батальон — там служил знаток французского языка. Когда офицеры уже отчаялись что-либо понять в назначении лекарств, появился улыбающийся Олег с незнакомым прапорщиком.

— Вот, знакомьтесь — Сергей Иванов, заканчивал спецшколу, знает язык, наш коллега-фельдшер батальона.

— Ну, полиглот, выручай, мои доктора уже с ума сходят, ни черта не могли в школе нормально изучить.

— Ничего, научатся, я проведу с ними дополнительные занятия, за умеренную плату, конечно.

— Что в школе не выучил — сейчас уже не выучишь, закон природы, — пробурчал Иван.

— Ладно, разбирайтесь уже без меня, труба зовет, — сказал Семенчук, глянув на часы.

После ухода начальника работа продолжилась. Офицеры по очереди подавали Иванову аннотации к лекарствам, он бегло переводил, Тамару тут же делал пометки в своей тетради. Звучали разные группы лекарств: сердечные гликозиды, дыхательные аналептики, обезболивающие…

— А это вот последняя партия, одинаковая вся, — Саша Тамару показал на угол склада, где лежали десятки коробок.

Распечатали. В каждой находилось по 20 флаконов, емкостью по 250 мл, прозрачный раствор, цвета чая. С красочной этикетки улыбался накаченный молодец с голым торсом, явно демонстрирующий свои мускулы. Начали переводить и этот «ребус».

— Так, называется «Тоник», содержит практически все витамины, микроэлементы, незаменимые аминокислоты. Минуточку… Еще содержит…Никак не могу перевести…Вроде стрихнин, — закончил, наконец, перевод Сергей.

— Минуточку, ты сказал стрихнин? Это же сильнейший яд, помню с фармакологии, — откликнулся Александр Невский.

— Точно, я тоже помню, — поддержал Акбаров. — У нас прямо на лекциях показывали опыт на кошках: вводили стрихнин и смотрели все, как котяра умирал в страшных судорогах, а лектор вещал, мол, смотрите- запоминайте, не делайте ошибок в выборе дозы, мол, любое лекарство может быть ядом, важно правильно рассчитать.

— Точно такие же лекции и у нас проводили — кошек травили, — Невский был явно поражен — это сколько же кошек по Союзу загубили за все годы, чтобы медикам вдолбить истину в головы?

— Да ты че, кошек что ли жалеешь? — вступил в разговор Жора, — и у нас на лекциях такое же творилось, никто не плакал

от жалости к тварям.

— А я хорошо помню, как девчонки ревели, просили спасти кисок, — это уже Акбаров.

— Как хоть принимать-то надо, для чего используют, не травиться же «духи» везли эти коробки? — Невский внимательно разглядывал пузырек.

— Слушайте дальше, перевожу: принимать строго по 1 десертной ложке 3 раза в день после еды. Есть пометка — превышать установленную дозу не рекомендуется. Принимают в качестве тонизирующего средства при больших физических нагрузках, особенно в высокогорных районах, после операций в период выздоровления, для поднятия аппетита, после тяжелых инфекционных заболеваний и т. д. и т. п. Да, забыл сказать, что алкоголь составляет до 30%

— Вот с этого и надо было начинать, жучара, а-то про какой-то стрихнин мелет, а главного не сказал, — подвел итог «прений» Жора Кравченко.

Офицеры были явно озадачены. Никто не хотел принять решение. И тут точку поставил Жора. Он открутил свинчивающуюся крышку, понюхал содержимое, хмыкнул, потом решительно взял со стола мерную пластмассовую ложечку, налил ее до краев. Все смотрели на него, затаив дыхание. В Медроте давно все знали о его пристрастиях к злоупотреблениям: пил все, что попадалось, покуривал «травку», даже, поговаривали, колется. И вот новый опыт на себе…Он победно глянул на всех сразу, выпил, закатил глаза и уставился в потолок. Прошло несколько секунд, ничего… Вдруг он схватился за сердце и сделал вид, что сейчас упадет. Невский и Акбаров шагнули к нему. И тут Кравченко дико захохотал и крикнул: «Потрясающе, мужики! Как торкнуло! Хочу еще!»

— Хорошего понемногу, — Саша Тамару отнял у него флакончик. — Кто следующий?

Попробовать решились все. Один за другим медики подходили к Сашке, он отмеривал дозу и вливал в открытый рот. Это напоминало раздачу микстуры от кашля в детском саду. Переводчик последним получил дозу. Выпил и Тамару — «воспитательница». Спустя пару минут все загалдели, каждый, стараясь перекричать соседа, выражал восторг. Было, отчего радоваться: появилось ощущение легкости, ушла усталость, все органы чувств заработали в полную силу: зрение стало резче, слух — тоньше, нос улавливал новые неведомые запахи. Казалось, внутри каждого заработала ядерная установка. Это было настоящее чудо.

— Все ли ты перевел, может там есть наркотик, например

кокаин? — наконец проявил опасение Толя.

— Нет, ничего больше не написано.

— А ведь это стрихнин так действует, ребята, он же является главным действующим компонентом. Но главное, помните о бедных кошках, не превышайте дозу. Я, пожалуй, уже пойду, скоро ужин. Давайте, разбираем по отделениям трофеи, я тут один представляю операционно-перевязочное отделение, значит, буду «временным бугром». Перевязочный материал: бинты, вату, салфетки делим с приемным отделением. Нет возражений, Жора?

— Саня-то Зыков куда пропал, — спросил Невского Ваня Сухар.

— Он ведь у нас начальник отделения, за всех отдувается, повез еще утром в госпиталь на консультацию раненого, которого мы оперировали с ним позавчера — не боевое ранение прямо на посту, помните? Наверное, притормозили в госпитале, взяли на операцию, ведь он хирург от Бога. А наш «ведущий» хирург уехал в Кабул, все себе новую должность выбивает…

— Его понять можно, надо майора получать, возраст поджимает, а здесь только капитанская должность. Комбриг его одногодок, тоже 34 года, а на днях уже полковника «обмывал» — впервые принял участие в разговоре начальник приемного отделения, капитан Васильков Витя.

Это был хмурый, вечно всем не довольный, коренастый, крепко сбитый человек, в прошлом боксер. О его занятиях боксом можно было даже не спрашивать — все буквально «отпечаталось» на лице — приплюснутый, не раз сломанный нос. Он постоянно смотрел исподлобья, казалось, он выбирает момент для своего решающего хука. Ему тоже давно пора быть майором, а должность не позволяет. Еще он считал себя большим хирургом, которого обидели, поставив на приемное отделение. А здесь не пооперируешь, только «малая хирургия» — панариции, флегмоны, перевязки. Приходилось еще организовывать ежедневные приемы больных, ездить в аэропорт за ранеными по первому звонку — раненые ждать не должны.

Впрочем, за ранеными чаще ездил его подчиненный, прапорщик Олег Шлемов. Удивляло другое: почему он упорно отказывался от участия в операциях в стационаре, не хотел и слышать об этом, не «вел» хирургических больных, истории болезни не записывал. Одним словом, совершенно отказывался от помощи хирургам отделения, даже при массовом поступлении раненых. Парадокс…

Офицеры стали расходиться по отделениям, унося первые партии» даров с неба», потом стали приходить медсестры, легкораненые, легкобольные, они уносили пакеты, коробки.

Комната быстро освобождалась, к большой радости Тамару, он очень не любил беспорядок на своем рабочем месте. Вскоре в комнате медсклада остались только коробки с «Тоником», офицеры лишь взяли каждый по флакону. Не обидели и переводчика — он унес целую коробку, будет знакомить с чудесным напитком своих друзей…

3

Уже на следующий день в Кандагарской бригаде с быстротой молнии разнеслась новость о чудодейственном напитке. Не мало этому способствовали сами офицеры-медики: их поведение на ужине в офицерской столовой явно не осталось без внимания — слишком возбуждены были, каждый просил добавки надоевшей всем «до чертиков» гречневой каши с тушенкой. Даже девчата — официантки выразили недовольство, не хотели по второму «кругу» обслуживать медиков.

Первый «ходок» появился уже через пару часов после утреннего построения бригады. Он обратился к своему знакомому терапевту Кравченко. Получил заветный «сосуд с эликсиром» (он сам так его назвал), ушел очень довольный. К обеду «ручеек» просителей вырос в полноводную «реку». Все хотели приобщиться к чуду. Медики щедро делились с однополчанами. Все это надоело прапорщику Тамару — постоянно открывать и закрывать склад. С помощью очередной группы офицеров он перенес несколько коробок с «Тоником» в комнату дежурного врача, теперь раздача пошла еще бойчее… Каждому вбивали в голову о необходимости строго соблюдать дозу, кое-кто даже пытался пересказать историю о несчастных погубленных кошках.

Спустя 3 дня количество коробок с «Тоником» сократились вдвое. Уже мало оставалось не приобщившихся к «великой раздаче» чудес. Начали появляться и офицеры штаба бригады. Когда пришел сам начпо (начальник политотдела), стало ясно — «Тоник» покорил бригаду. Большой начальник не стал мелочиться, его «оруженосец» унес полную коробку…

Через неделю Невский заступил дежурным врачом, таких дежурств получалось 2–3 в месяц. Кроме того, приходилось исполнять обязанности и дежурного хирурга, число таких дежурств могло превышать 12 в месяц, «через день на ремень»… Но это-то как раз и не беспокоило. Настоящим «испытанием» были именно эти 2–3.В обязанности дежурного врача постарались «втиснуть» все: проверка солдатской кухни, осмотр суточного наряда по бригаде, даже тех, кого везли «на губу» осматривал

дежурный врач, вызовы в качестве «скорой помощи» (к руководству бригады или в женский модуль). Вечером начинался ежедневный прием больных. Кроме врачей Медроты в график дежурств включали и врачей всех батальонов. Если сами они не могли разобраться, то приглашали дежурного хирурга или терапевта, по необходимости. Заступал хирург — приглашал на консультацию дежурного терапевта и наоборот.

Такая система вполне оправдывала себя. Самое сложное, если дежурил эпидемиолог. Создавалось впечатление, что он вообще не имеет никакого понятия о медицине. В этот день не жди покоя… Сережа Пачкин, старший лейтенант, отвечал за санитарное состояние бригады, он должен был не допускать всяких разных эпидемий (брюшной тиф, дизентерия, малярия и, конечно, вирусный гепатит, т. е, желтуха). Но это было не под силу даже Господу Богу, где уж справиться Сереге. Он нещадно засыпал хлоркой все туалеты (даже глаза слезились у посетителей от его усердий). Но, увы…Массовые инфекционные заболевания не оставляли бригаду. Заступив дежурным врачом, он вызывал по всяким пустякам то хирурга, то терапевта. Прием больных вообще заканчивался всегда тем, что Пачкин приглашал обоих спецов в комнату и показывал в один угол — там хирурга ждут, а там, он указывал в противоположном направлении — терапевта. Такой «бардак» быстро всем надоел, Серегу перестали совсем ставить в дежурство (к его радости).

Выполнив все необходимые «забеги» (кухня, наряд и пр.), Невский успешно провел прием, даже не приглашал терапевта, разобрался со всеми больными — чаще приходили больные гепатитом, они направлялись уже в госпиталь. Только собрался отдохнуть. Вошел Сережа Пачкин.

— Привет, Саня. Я только сейчас разговаривал с замкомбригады (он любил козырнуть знакомством с большими начальниками). Рассказал ему о «Тонике», тот заинтересовался, обещал заглянуть в приемное отделение.

— Ну и что. Пусть приходит, дадим ему этого зелья, сколько унесет. Да и наверняка он не сам придет, пошлет «нукера».

— Кто такой нукер?

— Дневального, посыльного, черта лысого, наконец…

— Не знаю на счет черта, но ты на всякий случай дай команду помыть в коридоре приемного, натоптали там бойцы. — С чувством исполненного долга Сергей важно удалился.

— Еще один начальник выискался, «ком с горы», — недовольно произнес Невский.

С замкомбригады Александр Невский был знаком лично, причем при встречах полковник первым протягивал руку, спрашивал о делах. Это был невысокого роста, сухощавый, спортивного вида офицер среднего возраста. При разговоре он смотрел своими проницательными, умными глазами прямо в зрачки, невозможно было соврать такому собеседнику. Украшением были шикарные «чапаевские» усы с закручивающимися кверху тонкими колечками, владелец очень ими гордился, ухаживал и лелеял. Носил полковник звучную фамилию известной на весь СССР певицы. Но в бригаде его все за глаза звали Чапаев, не только за подобные усы — он был тезкой любимца многих поколений советских людей, героя бесчисленных анекдотов. Василий Иванович, конечно, знал о своем прозвище, нисколько не обижался, напротив, ему льстило, что его сравнивают с прославленным комдивом. Воевал полковник толково, проявлял личную храбрость, не рисковал напрасно солдатскими жизнями, всегда берег их, за что снискал уважение офицеров, солдаты его обожали.

Знакомство старшего лейтенанта и полковника произошло несколько месяцев назад жарким августовским днем. В тот день приехала в бригаду очередная комиссия из Союза. К подобным проверкам все давно привыкли. Как правило, люди с большими звездами на погонах приезжали из Москвы, Ташкента не интересоваться истинным положением дел среди Ограниченного Контингента, а самим отметиться — «я был там», иногда и орденок получить. Подобные проверяющие сразу были видны: они старались не совать никуда свой нос, покорно шли за сопровождающими, со всем соглашались и «тихо себя вели«…В этот раз возглавлял комиссию Командующий Московским Военным округом, генерал армии. Пожелали увидеть раненых, сопровождал их Василий Иванович. Никого из руководства Медроты не оказалось, все занимались по своим планам. Невский записывал в истории болезни проведенную накануне операцию, когда дежурная сестра открыла дверь из коридора.

— Александр, там спрашивают кого-нибудь из врачей, надо раненых показать.

— А Зыков где?

— Начальник отделения уехал в госпиталь, а старший ординатор ушел на вызов — дежурный врач.

— Опять самому младшему придется столбиком стоять перед генералами, черт побери! Ладно, иду.

Невский отложил ручку, причесался перед зеркалом (оброс, давно надо было подстричься). Одет был в традиционную рабочую форму: белый халат на голый торс, зеленые

операционные штаны, тапочки на босу ногу. Видок еще тот! Вышел в коридор.

Человек 10 подходило к ординаторской, остановились. Трудно было понять, кто где — все были в полевой форме, без погон и знаков отличий, только сопровождающие офицеры бригады выделялись, среди них Невский узнал замкомбригады. Тот глазами показал на пожилого грузного человека, истекающего потом, широкополая панама делала его похожим на пасечника, роль пчел выполняла свита генерала, постоянно перемещаясь и жужжа вокруг.

— Старший лейтенант Невский, ординатор операционно-перевязочного отделения, — четко, по-военному представился Александр. — Начальник отделения, капитан Зыков, на выезде, разрешите показать отделение мне?

— Невский, говоришь, а звать как?

— Александр.

— Вот видите, познакомились с самим Великим князем, — повернулся генерал к остальным, пробежал смешок.

Невский давно привык к подобным проявлениям, никак не реагировал.

— Покажи нам раненых бойцов, хочу поговорить с ними, есть такие сейчас?

— Так точно, с1-й по 5-ю палату лежат на лечении, — указал рукой по коридору Невский.

Все стояли в это время у палаты N5.Генерал подслеповато прищурился, увидел номер на двери.

— Давайте с нее и начнем. Он сам широким жестом открыл дверь, вошел, вся свита устремилась следом, словно рассчитывала увидеть там чудо. Невский вошел последним, оказался рядом с Василием Ивановичем (Чапаев, вспомнил он его прозвище).

Генерал громко представился, назвал звание. В палате из 8 коек занято было 5, нехотя все поднялись, понуро смотрели на Командующего из самой Москвы.

— А, почему такие грустные? — бодро продолжал генерал армии. — Вы пролили кровь за свою родину, она не забудет ваших заслуг, выше головы. Ты, сынок, сколько убил душманов, в бою получил ранение? — он кивнул на перебинтованную руку солдата.

Маленький, похожий на подростка, солдатик густо покраснел и опустил голову, произнес едва слышно:

— Случайно пульнул себя во время чистки оружия.

Генерал крякнул, потом похлопал его по плечу:

— Осторожнее надо быть! И палка раз в год может выстрелить, а вы не с палками воюете.

Он перевел взгляд на следующего. Это был недавно прибывший в Афганистан новобранец, не успевший понюхать пороху. Испугавшись выхода в первый рейд, он прострелил себе ногу, пуля раздробила кости стопы, рана плохо заживала. Факт самострела был доказан, рядовой ожидал решения своей участи. Невский понял, что если солдатик скажет правду, то настроение проверяющего окончательно испортится. Он громко доложил, опередив раненого:

— А это, товарищ генерал армии, тоже подобный же случай, — случайно прострелил при чистке оружия.

Генерал смотрел ошалевшими глазами. Невский почувствовал сильный удар кулаком в спину, раздался сердитый шепот полковника:

— Ты куда нас привел? Два подряд ранения при чистке оружия…

— Это вообще самострел, находится под следствием. Здесь мы специально собрали все не боевые ранения, здесь лежит и «дуэлянт» — старший лейтенант кивнул на больного с забинтованным пахом (Состоялась дуэль на пистолетах между двумя крепко выпившими прапорщиками — стрелялись из-за одной официантки. Надели бронежилеты, назначили секундантов, все честь по чести. Выстрел одного пришелся на бронежилет противника, рука второго пьяно качнулась, пуля попала ниже защитных пластин, сократив мужское хозяйство наполовину. Был большой скандал в бригаде, прапорщиков ждало наказание, один долечивался у нас перед высылкой на родину). Полковник даже застонал от досады.

— Придумай что-нибудь, или я тебе покажу «кузькину мать».

Генерал между тем хмуро обводил всех в палате взглядом.

Невский протолкался вперед, шагнул к проверяющему.

— Товарищ генерал армии, давайте пройдем в другую палату, здесь долечиваются бытовые травмы.

Генерал кивнул головой, пожелал всем выздоровления и вышел за Невским, все быстро освободили палату. Ординатор провел генерала в свою 3 палату, где лежали все раненые в бою из роты ДШБ. На этот раз все прошло как по маслу: генерал присаживался на край кровати очередного раненого десантника, жал руку, расспрашивал о доме, а потом вручал каждому командирские часы в подарок (их подавал его помощник из раскрытого кейса.). Настроение всех поднялось, шутили, слушали о прошедшем бое, говорили о Родине, которая ждет своих героев. Полковник приблизился к Невскому, пожал руку, мол, молодец, выручил. Наконец, проверяющий обошел всех, одарил часами. Спросил:

— Есть что еще посмотреть?

— Давайте пройдем в офицерскую палату, там лежит Герой Советского Союза, командир роты.

— Живой? — задал вопрос, изумленный генерал. — Потом сам же поперхнулся от такого вопроса, — я хотел сказать… — Так и не придумал чем закончить….

Хотя вопрос этот не вызвал никакого удивления у Невского: все в Союзе привыкли, что Герои возвращались с войны только в виде «Груза 200», это казалось нормально. Наконец, кто-то в больших кабинетах решил: пора показать миру живого Героя. В этом плане очень повезло нашему командиру 7 роты — он оказался одним из первых награжденных. Им гордилась вся бригада. Сейчас он ожидал своего заменщика, а попутно решил вырезать небольшую опухоль в области локтя. Пришел на прием, его положили на плановую операцию. Эта операция чуть не закончилась трагически. Оперировать взялся сам ведущий хирург Медроты, не взял никого в помощники, не хотел делить славу — самого Героя оперировал. А у Александра, так звали командира роты, оказалась аллергия на новокаин (обезболивающее), он «дал» остановку сердца прямо на операционном столе. Испуганная до смерти операционная сестра вбежала в ординаторскую, два хирурга бросились на помощь. Сердце удалось «завести» не прямым массажем, реанимацию

провели успешно. На Голущенко было жалко смотреть — смертельная бледность долго не сходила с его лица.

— Страна рождает Героев, а мы их убиваем, — произнес он, придя в себя.

— Не мы, а ты. Почему не выяснил на счет аллергических реакций? — оборвал его Зыков.

Они с Невским хлопотали у приходящего в себя капитана. Тот удивленно смотрел на суетящихся вокруг людей.

— Саша, запомни на всю жизнь — тебе нельзя вводить новокаин, иначе точно помрешь, — склонился над ним Зыков.

Прошло несколько дней. Но врачи не спешили выписывать офицера (операцию все же провели позже Зыков с Невским, использовали другой препарат, все почти уже зажило). Буквально пару дней назад командир роты прямо в палате отметил свое 25-летие, пригласил и хирургов. Много говорили, вспоминали жизнь в Союзе.

Невский решил в заключение окончательно «добить» генерала, провел его в палату к командиру роты. Общение с «живым» Героем решило исход посещения стационара, генерал долго обнимал ничего не понимающего Сашку, тряс его руку, это же сделали все — хотелось прикоснуться к «легенде».

На прощание генерал армии поблагодарил Невского, ушел очень довольный собой. Пожал старшему лейтенанту вновь руку и замкомбрига, похлопал по плечу: не уронил в грязь лицом.

Все это вспомнилось Невскому, пока он ожидал прихода полковника.

5

В дверь постучали. Невский крикнул: «Не заперто!» — вряд ли так мог себя вести полковник. Вошел высокий, круглолицый с толстыми красными щеками сержант, он прямо излучил здоровье. При разговоре у него появлялись очаровательные ямочки на щеках. Боец знал об этом, стеснялся, поэтому старался говорить, не раскрывая широко рта.

— Я от замкомбригады, мне нужен старший лейтенант Невский. — Он посмотрел на погоны, Невский уже снял белый халат, сидел в ожидании за столом в полушерстяной форме (ПШ), в хромовых сапогах.

После такого обращения он подскочил, прижал руки по швам и громко доложил:

— Старший лейтенант Невский к вашим услугам. — Сержант даже попятился, вся его «надутость» улетучилась.

— Полковник приказал мне принести 2 коробки с иликсиром (он так и сказал, старательно произнося по слогам), — сержант топтался у двери, явно теряясь.

— Ладно, раз полковник приказал, получишь свои коробки с «иликсиром». Проходи сюда.

Невский вышел из-за стола, прошел в смежную комнату (перевязочную). Сюда старательный Саша Тамару каждый день заносил новые коробки с «Тоником» со своего склада. Как раз в углу лежали последние 2 коробки. Невский кивнул на них. Сержант без видимых усилий поднял с пола коробки, зажал подмышками, собрался уходить.

— Погоди, запомни, передашь полковнику: принимать строго по 1 десертной ложке не более 3 раз в день! Понял?

— А что такое десертная ложка? — повернулся посланец.

— Ты не слышал о таких ложках? Откуда ты, из деревни что ли? — удивился Невский.

— Да, я родом из Воронежской области, маленькая деревенька Нижние Карасики, — сержант впервые улыбнулся, показав свои ямочки. Лицо его приобрело совершенно детские черты.

— Как зовут?

— Степанов Степан.

— Вот что, Степан Степанов из Нижних Карасиков, ты передай полковнику о десертной ложке, он знает. Не кружками пить, не фужерами, не стаканами, как вино во Франции, а ложками. Десертными. Понял? Там все написано, но на французском языке. Знает твой начальник этот язык?

— Так точно, знает! — сержант топтался на пороге, явно торопясь уйти.

— Ну, раз знает, то прочитает. Иди.

— Есть! — произнес сержант, четко повернулся через левое плечо и вышел.

— Пора бы и поклевать чего-нибудь! А там и на боковую, — вслух подумал Невский. Вечер заканчивался.

6

Дни в Афганистане пролетают не заметно, редко кто мог назвать день недели. А зачем такое деление, если это никак не отражается на жизни. Дни похожи друг на друга, особенно если не проводятся боевые операции, не поступают раненые. Спустя несколько таких однообразных будней, Невский заканчивал прием больных во время очередного дежурства. Как и прежде, основное число было инфекционных больных. Резко, требовательно зазвонил телефон. Взял трубку, назвал себя. Звонил оперативный дежурный — дежурному врачу с набором неотложной помощи срочно прибыть домой к замкомбригады. Невский вызвал дежурного терапевта, тот закончит прием, а сам взял тяжелую сумку неотложной помощи — предмет гордости начальника приемного отделения, он ревностно следил за ее пополнением, можно было даже не проверять: все необходимое будет под рукой.

Вышел на улицу. Вечер догорал на западе красным маревом, было тепло. Идти приходилось мимо женского модуля (так на современный лад именовались длинные одноэтажные бараки — сборно-щитовые конструкции), все в бригаде называли это общежитие «Кошкин дом». Ежедневно там кипели не шуточные страсти(куда там Шекспиру с его «Отелло и Дездемона»). Вечером барак жил особенно бурно. Многие окна были распахнуты настежь, ото всюду неслась музыка из заграничных магнитофонов: «Арабески», «АББА», «Чингисхан» и прочие популярные зарубежные группы, звучал и Высоцкий. Бригада отдыхала, готовилась ко сну…

Невский подошел к «жилому городку» офицеров управления

бригады: здесь можно было увидеть и домики на колесах, и аккуратные сборно-щитовые домики. Замкомбригады жил в бочке (да-да, как древний философ Диоген, только не в деревянной, а в настоящей металлической цистерне, в которой раньше возили горючее). В этой большой емкости вырезали отверстие для двери, для пары окон, внутри проложили полы деревянные, обустроили. Живи — не хочу. К деревянной двери был приставлен авиационный трап. На земле у трапа Невский заметил одинокую фигуру военного с автоматом, подошел ближе, узнал давнего знакомого сержанта Степанова Степана, поздоровался с ним за руку:

— Что пишут из Нижних Карасиков, все нормально дома?

— Вчера только письмо получил, уже ждут моего возвращения, скоро замена моя прилетит.

— Вот и славненько. Как там полковник?

Лицо сержанта сразу приобрело озабоченное выражение, чудесные ямочки на щеках спрятались:

— Да, что-то расхворался мой полковник, цельный день нынче лежит, проходите, товарищ старший лейтенант.

Он отступил в сторону, пропуская Невского по трапу наверх. Придерживая тяжелую сумку с красным крестом, Александр вбежал по ступенькам, постучал и сразу открыл легкую дверь. В помещении было тепло, работал электрический обогреватель, громко разговаривал телевизор, в глаза бросился небольшой холодильник. За перегородкой из тяжелых штор с восточным орнаментом стояла широкая кровать. Невский подошел ближе.

На кровати, до подбородка укрывшись одеялом, лежал на спине Василий Иванович, глаза его открылись, в знак приветствия он кивнул головой в ответ на доклад старшего лейтенанта. В полумраке его лицо особенно светилось матовой бледностью — горела только лампочка настольной лампы. Невскому показалось невероятным видеть такого сильного, боевого офицера в таком беспомощном положении. Тот выпростал тонкую жилистую руку из-под одеяла, указал доктору на стул у кровати. Невский осторожно опустился на краешек, стараясь осознать происходящее. Что могло сразить этого неутомимого человека-оптимиста? Наконец, овладев собой, спросил:

— Что вас беспокоит, на что жалуетесь?

— Понимаешь, док, совсем нет сил, даже чтобы подняться в туалет, Степка мне «утку» подносит, как дистрофику. Есть не хочется, да и уснуть не могу совсем, вот в телевизор пялюсь весь день, завтра должен проводить совещание, что делать — ума не приложу. Медицину не вызывал, думал сам оклемаюсь.

Невский быстро присел на краешек кровати, посчитал пульс,

еле нащупав редкие удары. Послушал сердце — глухие ослабленные тоны, температура была даже понижена, артериальное давление тоже ниже нормы. Ничего не указывало на инфекционное заболевание, да и язык был чист, как у младенца.

— Ну, как Невский, Великий князь, я буду жить? — попытался даже пошутить Василий Иванович.

Дежурный доктор лихорадочно соображал, прокручивая в голове подобные случаи из врачебной практики. Ничего похожего. Тут взгляд его остановился на столе, заваленном бумагами, папками и до боли знакомыми флакончиками с улыбающимся богатырем на этикетке. Число пустых емкостей превышало десяток… Он быстро схватил один и поднес к глазам больного:

— Вы это принимаете, товарищ полковник? Какими дозами? — похолодев и внутренне напрягшись, спросил Невский.

— Да, пью уже не первый день, а сегодня вот после третьего (?!) пузырька сердце совсем останавливаться начало, вроде бы наоборот должен этот «Тоник» силы придавать. Ничего не понимаю…

Невский даже заскрипел зубами от чудовищного невежества. Перед глазами сразу возникли мучения бедных кошек на лекциях по фармакологии, наверное, во многих медицинских институтах необъятного СССР. Это сколько же животных загубили, демонстрируя, что любое лекарство может быть ядом, все зависит от дозы.

Дальше он действовал уже быстро, осознано набирая необходимые лекарства в шприцы. Ввел очень медленно внутривенно пару сердечных средств, внутримышечно полковнику тоже досталось. Василий Иванович покорно поворачивался по требованию доктора. Уже через несколько минут лицо больного порозовело, черты лица больше не напоминали болезненно сжавшуюся маску. Он глубоко и облегченно вздохнул

— Что это со мной было, доктор?

Вместо ответа, Невский сам задал неожиданный вопрос:

— Вы знаете французский язык, товарищ полковник?

Замкомбригады даже приподнялся на кровати, лицо его выражало крайнее изумление:

— Да я не только французский, но и русский тут скоро забуду, один матерный командирский приходится использовать (Все в бригаде знали о его невероятной способности виртуозно, даже красиво ругаться. Казалось, он даже не повторяется никогда). А чего ты вдруг спрашиваешь?

— Дело в том, что когда я передавал вам коробки с «Тоником» вашему сержанту Степанову, я строго велел передать: принимать только по одной десертной ложке 3 раза в день, еще оговорился, мол, не фужерами, а ложками… В крайнем случае можно прочитать на этикетке, но написано по-французски. Он все вроде понял.

— Да что-то он мне нес про ложки, не запомнил, мол, какие, но вот во Франции сказал, что пьют фужерами. Я решил — чем я хуже французов? А хорошо действовал этот ваш эликсир первые дни, я все везде успевал. Что случилось-то, сильно превысил что ли?

Невский был явно обескуражен, опять рассказывать о бедных кошках не хотелось. А больше этого снадобья полковнику ни в коем случае нельзя, сразу погибнет: чудовищная доза уже скопилась в организме. Выход нашелся. Не сильно преувеличивая, он пояснил, что следующий прием этого чудо — напитка просто убьет организм. Связано это, мол, с идиосинхрозией человека.

— С чем-чем? — переспросил полковник. — Ты меня вроде с идиотом сравнил?

— Так называется индивидуальная непереносимость лекарств.

— Усе понял. Прикажу Степке выбросить оставшиеся флаконы на помойку. — Полковник явно повеселел, силы быстро возвращались к нему.

— Зачем выбрасывать, верните обратно в Медроту. Мы используем для раненых и больных, очень помогает выздоровлению.

— Так и сделаем. Завтра вам Степка занесет остатки, еще почти полная вторая коробка осталась. — Полковник сел на кровати, опустив босые ноги, протянул руку и крепко пожал руку Невского. — Спасибо большое! А ты и, правда — Великий князь, тот тоже умел творить чудеса. Удачи тебе, старлей! Скажи Степану, чтобы принес мне поесть, аппетит вдруг разыгрался.

Невский подхватил сумку с крестом и вышел. Стало уже смеркаться, ночь здесь наступает стремительно как всегда на юге. Передал просьбу сержанту, он явно обрадовался — сильно испугался за своего любимого командира. Бегом побежал в офицерскую столовую.

Крепко вдохнув уже прохладного воздуха, Невский, не спеша, двинулся в обратный путь. На душе было радостно и спокойно. Помог такому хорошему человеку — не зря учился на врача. Взгляд его то и дело натыкался на пустые флакончики от «Тоника», разбросанные по территории жилого городка. Бригада активно принимала чудодейственный бальзам….

Несколько дней спустя Невский по плану был направлен на рабочее прикомандирование в Кандагарский госпиталь. Постепенно «страсти» по «Тонику» в бригаде улеглись — все начали готовиться к встрече Нового 1983 года…

№ 5. «Врач резал вдоль и поперек…»

1

«За восемь бед — один ответ.
В Афгане тоже есть лазарет, —
Я там валялся, я там валялся.
Врач резал вдоль и поперек,
Он мне сказал: «Держись, браток!»
Он мне сказал: «Держись, браток!» —
И я держался».

Беззастенчиво перевирая слова, Иван Владимирович нарушил молчание. Это был хороший знак — значит, можно расслабиться, все самое тяжелое уже позади. Второй час операции подходил к концу. Все знали о большой любви начальника хирургического отделения Кандагарского госпиталя к прославленному русскому барду. Он имел огромное количество кассет с песнями Высоцкого, постоянно их слушал и в ординаторской, и в своей жилой комнате. Кроме того, сам часто их напевал, совершенно не имея ни слуха, ни голоса. Но это его не смущало. Он, как рассказывал, с детства слегка заикался, врачи посоветовали ему говорить на распев, чаще самому петь. Так и следовал этим указаниям десятки лет. Но в минуты сильного волнения или возмущения заикание опять возвращалось. Однако у врача имелись в запасе слова-выручалочки («так, сказать», «в общем и целом», «э-э-э» и т. д.). Это помогало.

Внезапно прервав пение, майор отступил назад от операционного стола, сказал, обращаясь к своему ассистенту:

— Так, Санька, зашиваешь кожу без меня. Не забудь поставить резиновый выпускник в углу шва. Смотри трубку резиновую не выдерни из левого подреберья. Если будет все нормально, уберем через пару дней. Ничего, и без селезенки люди до ста лет живут. Организм молодой — справится. Пусть радуется, что жив остался после такой травмы. Еще легко отделался. Вроде трое погибли, когда машина перевернулась? — он обратился к анестезиологу, «колдовавшему» у головы пострадавшего.

Тот молча кивнул, продолжая вводить раствор в подключичную вену.

Иван Владимирович приблизился к голове солдата,

находящегося еще в наркозе.

— Молодой совсем. Наверное, еще и девок не любил. Ничего, теперь комиссуют, поедет домой. Там все наверстает. А красивый парень, так ведь, Зинуля? — обратился он к сестре-анестезистке, что стояла рядом с дыхательным аппаратом, продолжавшим нагнетать воздух в легкие травмированного.

Сестра только хмыкнула. Начальник отделения упорно искал ей женихов уже полгода, как только девушка приехала в Афганистан. Но все его кандидатуры отвергались.

— Ладно, заканчивайте без меня. Всем спасибо! Пойду, запишу операцию в журнал и в «Историю болезни». Ты, Саша, закончишь, подходи в ординаторскую. Дам тебе «указивки». А мне еще сегодня надо попасть на день рождения к товарищу в ООН-овский городок. Придется и водку пьянствовать. Но вы — то должны все знать, что «Шеф не пьет — он дегустирует». Так, Зинок? А ты должна зарубить себе на носу, что «Шеф не пристает к молодым сотрудницам — он проявляет человеческое участие».

Так, балагуря, Иван Владимирович направился к выходу из операционной. Он знал десятки «правил от ШЕФА», называя это наукой «Командирологии и начальствоведения», даже в шутку требовал заучивать его «перлы» наизусть. Впрочем, они и так легко запоминались. Остановившись у двери, хирург оглянулся, махнул рукой, и вновь все услышали его пение:

«У меня было сорок фамилий,
У меня было семь паспортов,
Меня семьдесят женщин любили,
У меня было двести врагов.
Но я не жалею!»

Окончание слов растворилось уже в коридоре.

Операция продолжилась. Ассистент стал старательно накладывать швы на кожу. Вот уже неделю старший лейтенант — ординатор операционно-перевязочного отделения Кандагарской Отдельной Медицинской роты, находился на рабочем прикомандировании в госпитале. Он заменил уехавшего в отпуск штатного ординатора хирургического отделения. Это была уже многолетняя практика сотрудничества двух медицинских учреждений. Врачи из Медроты с желанием выполняли эти замены — можно было набраться богатого опыта у старших товарищей. Недавно здесь поработал хирург — начальник их приемного отделения, а теперь и Александра Невского настала очередь.

Майор медицинской службы Борисов Иван Владимирович

захотел побеседовать с новичком в первый день прибытия. Поинтересовался прошлыми хирургическими должностями, опытом работы, какие операции хорошо освоил. Узнав, что молодой хирург уже третий год оперирует, в том числе и в госпитале в Союзе, удовлетворенно покивал головой. Потом задал неожиданный вопрос — любит ли песни Высоцкого? Невский опешил. Но сразу подтвердил — да, это один из его любимых авторов-исполнителей, уже удалось купить в Союзе несколько пластинок, не смотря на страшный их дефицит, а уже здесь начал покупать кассеты с песнями любимца. Ответ чрезвычайно понравился начальнику отделения, он широко улыбнулся, оказавшись вовсе не суровым.

— Споемся! — подвел он итог беседы. — А если найдешь песню, которой у меня еще нет, то объявлю благодарность.

Уже вечером, при внезапном поступлении раненого, он взял Невского в ассистенты, пришлось обоим помучиться, зашивая раны тонкого кишечника. Операция прошла удачно. Буквально через час после окончания операции, Невский навестил прооперированного, посидел у его постели, наблюдая за отделениями жидкости из раны по вставленной трубочке. За этим его и застал начальник, чем окончательно расположил к себе.

Опытный хирург, слегка заикаясь, рассказал, как отстранил еще в Союзе своего ординатора отделения от дальнейших операций, так как он не захотел проверить состояние своего пациента после операции, поручив это перевязочной сестре. «Оперировать можно и медведя научить. Главное, это выходить больного, вовремя заметить осложнения, срочно устранить их! Даже самая хорошая операционная или перевязочная сестра не могут знать нюансы операции, не знают и всех возможных осложнений. Так что правильно делаешь! Всегда осматривай своего «крестничка», ведь в твоих руках была и остается его жизнь. А он верит тебе. Ему больше ничего не остается, как верить. Не обманывай его ожиданий!»

Иван Владимирович внимательно осмотрел состояние больного, посчитал количество выделившейся жидкости из раны, мочи по катетеру, посчитал пульс, померил давление, не переставая, рассказывал молодому хирургу о тактике ведения таких больных. Уходя, он обронил: «Сработаемся!»

Это прозвучало лучшей наградой.

2

Оставалось наложить последний шов на рану, операционная

сестра уже протягивала Невскому иглу с шелковой нитью, когда дверь раскрылась, вошел начальник отделения, придерживая у лица марлевую повязку.

— Стоп всем! — властно проговорил Иван Владимирович. — Сколько больших марлевых салфеток я извлек из живота к концу операции?

— Четыре, — Невский ответил сразу, не задумываясь. Операционная сестра Олеся Крауз в знак согласия кивнула головой.

— Вооот! — протянул Борисов удовлетворенно. — А ведь я их закладывал пять. Просил же, елки-моталки, запомнить, а вы что?! Короче, Александр, расшивай все, доставай салфетку, она должна под печенью остаться. Впредь будете внимательнее! И запомните еще одно мое правило: «Шеф никогда не допускает ошибок — их совершают…Кто? Правильно, подчиненные!»

На возражение капитана Гренца Семена, анестезиолога, что он уже начал выводить из наркоза, начальник отделения успокоил: «Это много времени не займет, если не будут копаться некоторые несознательные мои помощники. Давайте быстро!»

Он явно радовался, что вовремя вспомнил об этой оставленной в животе салфетке. Конечно, в первую очередь за все отвечает именно оперирующий хирург, все это прекрасно знали, знал и Борисов, но решил в шутку «покуражиться».

— Я сейчас вас всех от тюрьмы спас. Думаете, я бы сел один? Дудки! Вот начались бы осложнения, которые, как правило, заканчиваются печально, тут бы и нагрянули ребята из прокуратуры, заставили провести вскрытие, сразу и нашлась бы эта салфеточка. Ибо, патологоанатом — самый лучший диагност! Вот и повели бы меня под «белые рученьки», а я бы и вас прихватил. И тебя тоже, слышь, Зиночка! Так и не успела бы себе жениха выбрать, — «сел» на своего любимого «конька» Иван Владимирович.

Он встал за спиной Невского, по-прежнему поддерживая у лица марлевую повязку, подсказывая по ходу, как правильнее и быстрее разрезать все наложенные нитки, в том числе и на мышцах. Вскрыли вновь брюшную полость. Осторожно просунув руку под печень, Александр и, правда, нащупал там пропитанную кровью салфетку, вытащил ее. Все вздохнули облегченно. Оставалось лишь удивляться, как доктор вспомнил о своей оплошности.

Далее старшему лейтенанту пришлось вновь накладывать послойные швы. Когда и большая часть швов на кожу была наложена, Иван Владимирович вновь, мурлыкая под нос очередную песню Высоцкого, вышел из операционной. Операция

закончилась «классически» — с последним наложенным на кожу швом очнулся от наркоза пострадавший, перешел на самостоятельное дыхание, аппарат искусственного дыхания можно было отключать. Врачи и сестры были рады, что все так благополучно завершилось.

Сняв с себя промокшую от пота операционную одежду, перчатки, Невский с удовольствием умылся прохладной водой из крана (не успела еще нагреться в трубах). Прошел в ординаторскую. Иван Владимирович заканчивал запись в «Истории болезни», прихлебывая из большой чашки ароматный чай. Быстро взглянув на вошедшего, он спросил:

— Ну, как, так сказать, э-э-э, видишь, что могло случиться? Всегда помни о своих салфетках, а лучше всегда их одинаковое число закладывай для промокания крови, выбери «свое» число. Я вот «пятерку» использую, только поэтому и вспомнил вовремя. Это когда еще записывал в журнал операций. Аж, сердце екнуло. Как говорится, все мы умные после, но лучше бы мы были умными до…

Он вновь взял кружку, отпил большой глоток, откусил хлеб с маслом. Потом широко улыбнулся: «Шеф не ест — он набирается сил». Достал из тумбочки вторую кружку, протянул Невскому: «Наливай, не стесняйся. Как там было в фильме «Чапаев»:

— Пришел ко мне, я пью чай. Садись и ты со мной, пей чай. Вот такой я командир!

Иван Владимирович пододвинул нарезанный хлеб, сахар, масло в металлической баночке, в такой же баночке плавленый сыр. Есть и, правда, очень хотелось. Прямо в обеденный перерыв началась срочная операция — привезли травмированного на санитарной машине из расположения 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады). Старший ординатор хирургического отделения госпиталя майор Копытов отправился на консультацию больного в городок летчиков, поэтому Борисов взял в ассистенты Невского. Старшему лейтенанту впервые пришлось участвовать в такой сложной операции. Вроде справился со своей ролью помощника.

Невский налил полную кружку индийского чая, всыпал сахар, намазал хлеб толстым слоем масла. С удовольствием вонзил голодные зубы. Иван Владимирович между тем вновь принялся писать. В ординаторской негромко играл магнитофон. Конечно, это были песни Высоцкого. Прислушавшись, Александр разобрал слова:

«Мне этот бой не забыть нипочем —
Смертью пропитан воздух, —

А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.
Снова упала — и я загадал:
Выйти живым из боя, —
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездою».

Борисов вскоре отложил ручку, прокашлялся, сказал негромко:

— Слушай, Санька, что я тут в журнале операций записал, потом и сам будешь записывать по этой схеме: «Рядовой Панкин Геннадий Прохорович, в/чпп71 176, 20 лет. Поступил в госпиталь через 6 часов после травмы в результате автомобильной аварии. При поступлении: пульс 100 ударов в минуту, АД 90/60 мм рт. ст., дыхание поверхностное, мышцы передней брюшной стенки напряжены, симптомы раздражения брюшины положительные. Перкуторно в брюшной полости определяется наличие свободной жидкости. Диагноз: закрытая тупая травма живота; повреждения селезенки, внутрибрюшное кровотечение, шок II степени.

Выполнена срединная лапаротомия. В брюшной полости около 1,5 л крови. Данная кровь удалена, использована 400 мл для реинфузии (обратного переливания). Учитывая повреждения сосудистой ножки и размозжение ткани селезенки, решено было полностью ее удалить. Контроль на кровотечение в течение 20 минут. Санация брюшной полости. Через отдельный разрез в левом подреберье выведена резиновая трубка. Швы на рану, резиновый выпускник в угол шва. Пострадавшему перелито 1200 мл крови, 1000 мл полиглюкина. Помещен в послеоперационную палату с круглосуточным наблюдением».

Иван Владимирович замолчал, внимательно посмотрев на слушателя:

— Все понял? Вот так и будешь в следующие разы записывать. Позже надо записать, когда уберем трубку и резинку, а также когда будут сняты швы и куда отправлен прооперированный далее. Ну, мы-то будем его в Союз отправлять. Вот освободили бы врачей от этой писанины! Это сколько нам писать приходится?! Лев Толстой столько не писал, сколько я уже бумаги «измарал»…

3

Невский налил вторую кружку чая. Теперь уже не спеша,

смакуя, стал наслаждаться вкусом чудесного напитка. Он внимательно стал рассматривать стенд на стене прямо за спиной начальника отделения — «Удаленные инородные тела».

— Иван Владимирович! Все хотел у вас спросить про этот стенд. Я читал пояснительные под каждым предметом. С пулями разных калибров, с осколками разных размеров, включая кусочки брони, все вроде понятно. Но почему здесь оказалась вилка? Написано, что удалено у больного из желудка. Кажется, — Невский напряг зрение, — да, в марте этого года у больного Л. Как она туда попала? Знаю, что солдатики иногда глотают ложки, чтобы в госпитале полежать. В Союзе это распространено. Но вилка?!

— Э-э-э, Санька! Ты еще жизни не знаешь. На что не решится советский боец, чтобы «закосить» от армии. Но этот парень сильно просчитался. Очень соответствует своей фамилии. Я хорошо запомнил — Лопух Валерий! Действительно, «лопух»! Он тоже нам потом объяснял, что ложки его знакомые пацаны глотали, но они быстро выходят наружу… Он решил наверняка действовать. Но, не подумал, дурашка, что солдаты практически все едят ложками, вилок почти никто не видит, тем более у них на блокпосту под Кандагаром. Они там месяцами живут, дуреют прямо. Вот он и додумался для этой цели сам купить в афганском магазинчике вилку на свои собственные деньги. Говорил потом, что на чеки покупал. Врет, наверное. Ну, не важно. Всем нам потом говорил, что случайно проглотил во время обеда?! А вилка оказалась не простой, а посеребренной, даже какой-то антикварной вещью. Видишь, как она сделана искусно — резьба на ручке, три зубчика расходящихся, вроде, такие используют для устриц.

— Как же он такие «вилы» смог проглотить? Пусть она и покороче обычных ложек, но все равно не понятно.

— Мы его долго тоже «кололи». Молчит, гаденыш. Я его на испуг взял — мол, не будем оперировать, пока не расскажешь все. Он ведь был привезен на вертолете с острой болью в животе. Эта боль была настоящей, так не изобразишь. Его парни из роты провожали, как безвинного страдальца. Потом-то они узнали правду… Короче, делаем ему рентген желудка и видим это «сокровище». Как можно проглотить «случайно» вилку во время еды, когда их просто нет ни у кого? Только специально! Подключились ребята из «органов», ну, ты понимаешь каких. Прижали сопляка. «Запел», как миленький. Да, проглотил специально, но не думал, что придется резать. Рассчитывал, что она «зацепится» зубчиками, будет медленнее выходить, чем ложка. Так, «месяцок — другой» доктора его в палате и подержат

на белых простынях. А у него сразу осложнение — пробила вилка желудок в районе привратника, считай, получилась прободная язва. Срочная операция нужна по жизненным показаниям. Описал и сам «процесс»- обернул зубцы вилки мякишем хлеба, просунул поглубже и проглотил.

Невский даже поежился, представив такую картину.

— А что дальше?

— Дальше все просто. Делаем срединную лапаротомию, вскрываем желудок, вилку достаем, желудок ушиваем. Парень полежал у нас в реанимации, потом в послеоперационной палате, потом в общей палате. Исполнилась мечта идиота «полежать на белых простынях». Ты знаешь, все прекрасно зажило, швы сняли, как положено, в срок. Но вот только пришлось поехать потом на «цугундер» — дело завели — «за членовредительство». Только представь — на свои деньги купить вещь, чтобы потом еще и по «этапу поехать» за это. Говорю же — чудак на букву «м». А хотя, черт его знает… Может, он на это и рассчитывал. Здесь могли убить на войне, а так живой останется. Темна человеческая природа! — важно изрек доктор, подняв палец.

Невский подошел все же поближе к стенду, внимательно рассмотрел злополучную вилку.

— А как же вам ее отдали? Это же вещь док.

— А я «взятку» дал, кому следует, — засмеялся Борисов. Слушай, анекдот вспомнил в тему: «Пострадавший сообщает врачу травматологического пункта, что час назад проглотил стопку с водкой.

— Как это могло случиться?! — удивляется врач.

— Как-как… Всю жизнь пил из горла, а тут словно затмение нашло»

Вместе посмеялись.

Иван Владимирович глянул на ручные часы.

— Ладно, засиделся я с тобой. Мне же через два часа быть на дне рождения, уже почти 16 натикало. Еще надо заскочить за подарком в магазинчик афганский, я уже и чеки на афгани поменял. — Он достал из ящика стола записную книжку, полистал ее, кивнул головой, — все точно, я уж засомневался. Родился 1 декабря 1942 года, точно сегодня ему 40лет «стукнуло». Друг мой по учебе в Военно-Медицинской Академии, Тим Ладвиг. Он сейчас в советниках оказался, а я здесь. Случайно встретились несколько месяцев назад, а толком и поговорить не успели: то он торопится, то я. Сегодня наговоримся.

— А сколько лет вам, Иван Владимирович? Если это не трудный вопрос.

— Что тут трудного? Я же не девица, чтобы возраст скрывать.

Мужика годы красят. Мы — «дети Победы», 1945-го. Стало быть, 37 уже есть. Как там у нашего любимого певца про эту дату сказано?

Он тут же начал на память цитировать:

«С меня при цифре 37 в момент слетает хмель. —
Вот и сейчас — как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.
Задержимся на цифре 37! Коварен Бог —
Ребром вопрос поставлен: или-или!
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, —
А нынешние — как-то проскочили».

Впрочем, негромко по-прежнему играл магнитофон, откуда доносился уже голос Высоцкого:

«Почему все не так? Вроде — все как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода…
Только он не вернулся из боя».

Дверь в ординаторскую открылась без стука, заглянуло встревоженное лицо дежурной медсестры:

— Иван Владимирович! Там раненого привезли, просили подойти в приемную комнату. Говорят, очень тяжелый.

4

На лице начальника отделения не дрогнул ни один мускул, только взгляд стал отрешенным. Заметно заикаясь, он сказал:

— Э-э-э, так сказать, А-александр, идешь сейчас в приемную комнату, э-э-э, осматриваешь раненого на предмет с-с-срочности операции, докладываешь мне. Усек? В общем и целом, м-м-может быть и без меня справитесь, сейчас и Михаил Васильевич вернется. — Он присел у стола в снятом с одного плеча белом халате, — а я пока п-п-погожу уходить.

Невский кивнул и стремительно вышел за дверь. Хирургическое отделение, как и некоторые другие, размещалось в большом растянутом и изогнутом капитальном здании с толстенными стенами. Само здание размещалось в непосредственной близости от аэропорта Ариана. Даже в самую

большую жару на улице, здесь, в помещении, было прохладно. Другие отделения располагались в палаточном городке. Под приемное отделение было приспособлено несколько комнат в другом конце здания, за углом. Быстрым шагом туда можно добраться за пару минут. Впрочем, при массовом поступлении, раненых заносили в хирургию непосредственно через запасную дверь, а оттуда развозили в две операционные (одна большая — на два операционных стола) и в перевязочные («чистую» и «грязную», там тоже можно было оперировать). Помещений хватало, сложнее было с «оперирующими руками». На период больших войсковых операций присылалось подкрепление из Кабула, из соседних госпиталей, из Ташкента, даже приезжали хирурги из Военно-Медицинской Академии в Ленинграде. Однако сейчас считался период «относительного затишья».

Еще издали, подходя к приемному, Александр понял, что произошло нечто серьезное — очень много было суеты вокруг. В комнате, прямо на полу на носилках лежал раненый. Обе руки, грудь его были плотно забинтованы, повязки обильно промокли кровью. Крайняя бледность лица, заострившиеся черты, синюшность губ. Дышал он очень часто, с большим трудом, на губах пузырилась кровавая пена. Дежурный врач пытался прослушать его сердце, но через толстые повязки это было трудно.

Вместе с дежурным врачом Невский определил артериальное давление — очень низкое- 80/60 мм рт. ст., пульс 130 в минуту, число дыханий 40 в минуту. Все признаки шока II–III степени. Необходимость срочной операции после противошоковой подготовки была очевидна. Невский на правах дежурного хирурга распорядился сделать срочные рентгеновские снимки грудной клетки (обзорные и «прицельные снимки»), а также снимки правого и левого плеча. Раненого переложили на каталку. Пока рентгенолог готовился, вкатив переносной рентгеновский аппарат, Невский провел катетеризацию подключичной вены. Тут же в установленный катетер стали вводить кровезамещающие жидкости. Одновременно старший лейтенант определил и группу крови раненого. После завершения снимков, Невский распорядился срочно катить тяжелораненого в хирургию. У сопровождающего лейтенанта в камуфлированной форме удалось вкратце выяснить обстоятельства ранения.

Около 2 часов назад в расположении одного из блокпостов на запад от Кандагара начался обстрел. Этот парень, рядовой Юрский Сергей, помощник гранатометчика. Они вдвоем вели огонь в своей «зоне ответственности» из подствольного гранатомета ГП-25. В непосредственной близости от них

разорвался реактивный снаряд, начали рваться и ящики с боеприпасами. Напарник Юрского был убит. А самого Сергея еще во время боя перевязали санинструктор и сопровождающий теперь лейтенант, командир взвода.

— Уж очень большие дырки в груди я увидел. Но мы их закрыли прорезиненной упаковкой от перевязочных пакетов (ППИ), все как учили, чтобы дышать мог. Не сомневайтесь, сделали на совесть. Плотно перебинтовали. Сразу после окончания боя «вертушку» вызвали по рации, хорошо, быстро прилетела. Думаю, его крупнокалиберная пуля пробила. Или…

— Что или?

— Или сама граната пробила, их потом много вокруг него нашли разлетевшихся. Он ведь этими гранатками набивал ленты.

— Как же она не взорвалась при ударе об него, а прошила насквозь?

— Эх, док, чего не бывает в жизни, — лейтенант сокрушенно покачал головой.

— А что эта граната, далеко летит?

— Прицельная дальность стрельбы до 400 м. Можно вести огонь гранатами ВОГ-25, это осколочная и ВОГ-25П, это прыгающая, которая, упав на землю, подпрыгивает в воздух и разрывается на высоте 1–1,5 м, увеличивая поражающее действие. — Лейтенанту явно нравилось блеснуть своими знаниями в области вооружения.

— Чего только не придумают люди, чтобы убивать друг друга. — Невский передернулся.

— Да, доктор, мы калечим друг друга, а доктора потом обеих сторон за головы хватаются, лечить пытаются.

Принесли первый готовый снимок грудной клетки, Невский быстро посмотрел, кивнул и заторопился в отделение, напомнив, чтобы быстрее везли раненого после всех снимков.

Обстоятельно доложил начальнику отделения ситуацию, описал свои действия. Борисов уже собирался сам идти в приемное, беспокоясь долгим отсутствием помощника. Теперь внимательно выслушал, задал ряд уточняющих вопросов. Кивал головой на ответы. По всему получалось, что у раненого кроме переломов ребер слева (два) и справа (три) есть и разрушение ткани самого легкого справа, есть гемоторакс (кровотечение из ткани легкого). Сейчас на снимке было видно скопление в плевральной полости крови и воздуха.

— Ну, что же, Саша, э-э-э, так сказать, будем начинать с тобой операцию, потом и майор Копытов вернется, подключится. Что-то его долго нет…Время не ждет. Надо парня спасать. Скорей всего у него окажется и ушиб легкого, хорошо, если только справа, в зоне

наибольшего повреждения. Наша с тобой задача, — начальник отделения начал расхаживать по ординаторской, заложив руки за спину, словно читая лекцию. — Это раннее и полноценное дренирование полости плевры (удалить кровь), проведение мероприятий по скорейшему расправлению легкого (ты говорил, справа оно спалось), обеспечить проходимость дыхательных путей, купировать боль, восполнить кровопотерю, загерметизировать грудную полость (зашить дыры, елки-моталки), а затем — антимикробная и поддерживающая терапия. Это ведь все так просто! — Он неожиданно улыбнулся.

— Не робей, Санек, прорвемся! Так, наша большая операционная после нас с тобой теперь кварцуется, там должны были сделать уборку. Будем оперировать в малой. Пойду всех предупрежу. А ты еще чаю попей. Сил много опять понадобится.

Иван Владимирович, словно сбросив с себя груз, расправил плечи и вышел в коридор.

5

Все хирургические отделения всех госпиталей живут в одинаковом ритме: как только начинается операция- все силы бросаются туда, остальные дела отступают на второй план. Главное — обеспечить всем необходимым оперирующих хирургов. Плох тот начальник отделения, который не смог этого добиться. Иван Владимирович был очень хорошим начальником. Он произнес две-три фразы, и отделение буквально «забурлило». По коридору стали слышны пробегающие каблучки, быстрые шаги мужской обуви. Хлопанье дверей, короткие реплики. Готовилась большая операция. Все делалось для того, чтобы вырвать из лап смерти очередную жертву.

Невский выключил магнитофон, не дав допеть Высоцкому про «Парус», вышел в коридор. Надо было готовиться к операции тоже. Мытье рук занимает много времени. В малой операционной уже настраивал аппаратуру анестезиолог. Они поздоровались с Семеном, словно не виделись еще сегодня. Но такова была обязательная традиция, тем самым они желали друг другу удачи (Это ввел Иван Владимирович, строго следил за таким ритуалом).

Постепенно все необходимые приготовления были сделаны, вкатили функциональную каталку с раненым. Он уже был раздет, укрыт простыней до пояса, только на груди и руках оставались пропитанные кровью бинты. Постовая сестра вошла вместе с ним, держа подсоединенную капельницу, поставила стойку в изголовье, тихонько вышла. Сразу за ней вошел санитар из числа

выздоравливающих, остановился в уголочке, с интересом осматривал все вокруг. Наконец, вошел и начальник отделения, держа перед собой стерильные руки в перчатках, встал рядом с Невским, словно копируя его позу.

— Всем здравствуйте! — Иван Владимирович произнес это торжественно, обводя присутствующих взглядом. Он глянул на настольные часы на тумбочке в уголке комнаты — еще один необходимый атрибут. Перед каждой операцией часы заносили, ставили на видное место. Начальник всегда хотел знать время, особенно, когда проходили многочасовые поэтапные операции. «Хирургия — это наука точная, требует дисциплины и пунктуальности»- частенько повторял Борисов.

— Итак, время 17 часов ровно. Приступаем к операции. Оперирующий хирург- майор Борисов, ассистент — старший лейтенант Невский. Врач-анестезиолог — капитан Гренц. Старшая операционная сестра Мелких Алла, операционная сестра — Крауз Олеся. Сегодня работаем с двумя операционными сестрами, так как предстоит большая травматическая операция. Сестра — анестезистка, красавица Зиночка Митячкина. Так, кто еще здесь? Перевязочная сестра Криваксина Тоня. А кто там в углу прячется? — обратился Иван Владимирович к санитару.

Тот вышел из угла, стал по стойке «Смирно», громко доложил: «Рядовой, выздоравливающий, Жеребчиков Георгий, исполняющий обязанности санитара».

— Иш, ты! Жеребчиков! Зинуля, мотай на ус. Так вот, Георгий, все, что ты здесь увидишь и услышишь — является строгой военной тайной. Не вздумай проболтаться, по органам затаскают. Будешь выполнять мои и присутствующих здесь поручения. Все понял?

— Так точно!

— Проходи, садись на табуреточку, помалкивай в тряпочку!

Солдат на цыпочках прошел в угол, сел на табуретку, потупил взор.

Закончив таким образом «прелюдию», начальник строго произнес: «Поехали!»

Хирург решил, что оперировать так и будем на каталке, чтобы не травмировать лишний раз больного, перекладывая. Это специально приспособленная каталка с тормозами для колес, можно ее поднимать и опускать. Очень удобно. К тому же, возможно, еще потребуется на рентген перевезти сразу.

Данная операционная только называлась «малая», потому, что был один большой операционный стол, в отличие от «большой» с двумя такими столами. Размеры комнат были абсолютно одинаковыми. Так что в данном помещении было

больше свободного места. Туда и установили каталку. Большие бестеневые операционные лампы тоже были в двух количествах. Одна сразу и была включена над раненым. Перевязочная сестра срезала повязки с груди, сняв их осторожно, обнажив раны. Хирург с помощником широко обработали кожу груди и живота йодом, потом спиртом. Ограничили операционное поле стерильными простынями. Можно было приступать к операции. Ждали команду анестезиолога, который проводил интубацию трахеи для подключения аппарата искусственной вентиляции легких. Оставалось дело нескольких минут.

Невский, пользуясь заминкой, рассказал о возможном ранении данного солдата гранатой, что пролетела через него. Она, видимо, повредила и его руки. Рентген плеча справа и слева тоже должны были сделать. Начальник пробурчал, что руки подождут, главное грудь, рассматривая при этом рентгеновские снимки, что держала перед его глазами перевязочная сестра. Он уже весь был в предстоящей операции, крайне сосредоточен. Затем заверил, что нам теперь все равно, чем был ранен человек, раз этот ранящий снаряд пролетел и исчез.

Дверь операционной открылась, вошел в бахилах, весь закутанный в белое, только глаза с очками выглядывали, рентгенолог госпиталя подполковник Гладков Игорь Николаевич. Он поднял руку, обращаясь к Борисову:

— Владимирович, погодь! Я хочу тебе еще показать снимки его плечевых костей.

— Николаевич, это можно на потом отложить. У меня дела посерьезнее.

— Нет, ты глянь. — Он поднял перед глазами хирурга металлические рамки с еще мокрыми снимками.

— Ну, вижу. Перелом левой плечевой кости. Обычный. Быстро срастется. Парень молодой. На правой руке — почти такой же перелом. Погоди… А это что за осколок, скорее гильза от крупнокалиберного патрона. Как она туда попала, прямо упирается в перелом плеча.

— Я тоже сначала так подумал. Но это не гильза. Это…

Он замолчал.

6

— Продолжай, коли начал! — Иван Владимирович произнес это жестким, не похожим на себя голосом.

— Я думаю, это и есть та самая неразорвавшаяся граната, что пролетела сквозь него, повредив обе руки и грудную клетку.

— И что теперь, она разорвется в любой момент?! — Начальник обвел всех взглядом. В операционной стояла мертвая тишина. Только было слышно, как раздувает меха так и не подсоединенный прибор искусственной вентиляции легких.

— Ну, откуда я знаю, Владимирович! — Нотки отчаяния прозвучали в голосе подполковника Гладкова. — Я же не специалист по вооружению.

— Так, слушай мой боевой приказ. — Майор Борисов произнес это без тени шутки. — Сейчас объявляется перерыв в работе. Хорошо, что не переложили с каталки, цените мудрость своего начальника! Хорошо, что не успели подключить к аппарату дыхания. Если рванет, то надо оценить масштаб разрушения. У нас здесь стены капитальные? Никогда не задумывался над этим. Жора, срочно подойди к стенам и простукай их кулаком, а мы послушаем, — он обратился к санитару.

Тот мгновенно понял задачу, толково простукал все стены — везде глухой звук.

— Это уже хорошо. Раненый остается здесь вместе со мной, все остальные потихоньку выходят из комнаты. Я достаю гранату один! Только, Алла, покажи мне сейчас весь набор приготовленных инструментов для операции, я выберу подходящий, чем можно удержать и извлечь гранату.

Анна и Олеся приподняли стерильные простыни, укрывающие пока весь приготовленный инструментарий для операции. Чего тут только не было! Невский некоторые инструменты видел впервые, даже не представлял, как ими пользуются. Он не часто до сих пор ассистировал в операции на легких. Иван Владимирович внимательно присматривался, потом выбрал три разных из набора. Легочный зажим с широким основанием в зубцах, прибор, напоминающий плоскогубцы на длинной ножке и даже бельевой зажим «цапку». Отложил их на приставной операционный столик. Туда же он попросил сестер отложить все, что может понадобиться для остановки кровотечения.

Пока происходила эта работа, никто в операционной не тронулся с места. Все с тревогой в глазах следили за начальником.

— А почему никто не выходит, как я приказал?

Первым заговорил анестезиолог, сделав шаг вперед:

— Так не годится, Иван Владимирович! Я веду больного, уже ввел все необходимые для наркоза препараты, хорошо не успел отключить его «дыхалку». Я не могу его покинуть. Вдруг потребуется срочное мое вмешательство. Тем более что вам ведь нужно будет, чтобы я ввел миорелаксанты (препараты, расслабляющие мышцы).

— Я тоже должен вам помогать, ведь я ваш ассистент. Надо и крючки развести, чтобы рану расширить, наложить кровоостанавливающие зажимы, кровь, наверняка потечет после удаления гранаты. — Невский произнес это тихим, но твердым голосом.

— Хорошо, — после минутной паузы произнес Борисов. — Мы трое остаемся, остальные выходят и готовят все для операции во второй операционной, там будем основные дела делать, туда и больного перекатим после удаления гранаты. Забирайте весь основной инструментарий и прочее. Игорь Николаевич, докладываешь начальнику госпиталя ситуацию, или начмеду, кого первым найдешь. Расшибитесь в лепешку, но найдите специалиста по вооружению, сапера-минера, не знаю, хоть черта лысого, но быстрее. Жора, не стой столбом, помогай женщинам, будешь у них главным помощником.

— А можно еще поискать офицера, что привез раненого, он вроде разбирается в вооружении, — подсказал Невский, уступая дорогу выходящим.

— Точно, вот его первого сюда. Мухой! Да, а какие у вас группы крови? — Обратился Борисов к офицерам. Выслушав ответы, он крикнул старшей операционной сестре: «И приготовьте запас крови на всех нас. У всех вторая группа, резус «плюс» (AII Rh+), это добрый знак». Мелких кивнула головой, выходя.

Операционная постепенно освобождалась. Трое и раненый остались со своими думами. Все молчали.

Спустя минут десять в дверь осторожно постучали. Вошел человек в белом халате, зеленых бахилах, в белой шапочке, низко надвинутой на глаза и в белой марлевой повязке. Он прикрыл дверь и остановился у порога, опустив руки.

— Т-т-ты кто? — Борисов опять начал заикаться. Сказывалось напряжение последних минут.

— Лейтенант Олег Жигач, командир взвода. Это мой раненый гранатометчик.

— Ладно, иди сюда, посмотри на снимок. Покажи ему, Сергей.

Анестезиолог взял рамку с все еще мокрым снимком протянул лейтенанту, тот смотрел пару минут.

— Да, это наша граната. Она ведь на боевом взводе, — добавил он чуть позже.

— Чего же она не взорвалась?

— Трудно сказать… Может быть, ее мышцами зажало. Парень-то у нас крепкий, видите, какие у него мышцы? При каждом удобном случае мышцы качал, все «пальцами» от танка пытался жонглировать, гусеничные траки, связанные в несколько

штук, поднимал по многу раз. Циркач, одним словом. У него и прозвище такое было. После армии собирался силовым жонглированием заниматься, в училище хотел поступать цирковое.

Все невольно посмотрели на безмолвного раненого, словно видели впервые. Действительно, сложен он был, как богатырь.

— Теперь посмотри с-с-сюда. Смогу я этим, так сказать, э-э-э, удержать и извлечь гранату. Как я вообще должен себя с ней в-в-вести?

Лейтенант внимательно осмотрел приборы, показал на «цапку» и легочной зажим: «Этими можно, только вместе их надо использовать, в комплекте, разными руками. А главное, вы не должны делать резких движений, особенно по оси «вперед-назад». Все очень плавно делать. Тогда получится».

— Хорошо, извлеку я гранату, а что дальше? Мне ее ведь куда-то надо положить, как с ней дальше поступить?

— Хорошо бы ее на песок положить, чтобы не могла двигаться. Можно строительные носилки с бортиками наполнить песком, для надежности еще обложить по краям мешочками с песком, в центре получится углубление, как сруб колодца, туда ее и положить, голубушку. Сверху укрыть бронежилетом. Да, надо и на вас на всех бронежилеты одеть. Правда, головы и руки все равно без защиты остаются… А гранату надо подальше от госпиталя подорвать, я видел там недалеко овражек, строительный котлован там роют вроде. А чтобы взорвать, хватит и одного запала от гранаты любой, хоть Ф-1, хоть РГД-5.

Выслушав столь ценные советы, Борисов произнес: «Добре! Сможешь здесь задержаться, чтобы организовать эту работу?»

Лейтенант кивнул головой. В этот момент дверь операционной вновь отворилась, вошли вернувшийся старший ординатор Копытов и начальник госпиталя подполковник Файзуллин. Даже под марлевыми повязками на их лицах было видно, как они встревожены. Начальник отделения кратко доложил обстановку, предполагаемые действия и свои просьбы по организации уничтожения этой гранаты. Руководитель лечебного учреждения молча слушал, кивая головой, задал несколько вопросов, быстро ушел, забрав с собой в качестве помощника лейтенанта Жигач. Копытов тоже молча выслушал, ушел готовиться к предстоящей операции. Вот только кого придется оперировать: имеющегося раненого или уже пострадавших своих коллег. Об этом никто не заговорил…

Опять потекли томительные минуты ожидания. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Приходилось подчиняться сложившимся обстоятельствам. Опять открылась дверь, предлагалось одеть бронежилеты. Оставив пока анестезиолога, хирурги вышли в соседнюю предоперационную. С помощью постовых сестер сначала сняли операционные халаты, стараясь не запачкать руки в перчатках, на голое тело были надеты бронежилеты, а сверху снова надели халаты. Сразу стало непривычно тяжело и неуютно. Приходилось мириться и с этим. Хирурги вернулись в операционную. Теперь анестезиолог вышел повторить их действия, впрочем, ему было легче — не надо было опасаться за стерильность своих рук.

— Сашка, ты никогда не жалел о выбранной специальности хирурга? — Иван Владимирович пытливо заглянул в глаза.

— Нет, а что?

— Я тоже не жалел, вот уже много лет как прошло… Ничего, Саш, прорвемся! Не горюй! Все будет хорошо, я уверен.

— Я знаю.

— Слушай, а что это за «Тоник» такой у вас в 70 Бригаде появился? Все о нем только и говорят. Почему нам не привезли, зажали?

— Завтра же попрошу, чтобы вам привезли пару коробок. Хорошо взбодряет, силы прибавляются.

— Да, нам бы с тобой он сейчас не помешал. Ловлю на слове! Чтобы завтра же я попробовал!

— Будет исполнено, шеф!

— Как там у нашего любимого поэта-певца Владимира Семеновича:

«Жил я с матерью и батей
На Арбате — здесь бы так!
А теперь я в медсанбате —
На кровати, весь в бинтах…
Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра — и белый свет!..
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, — еще нет».

Вернулся анестезиолог. Сразу за ним вошли закутанные в белое две фигуры, они внесли строительные носилки, тоже завернутые в белые простыни(!) — для «чистоты», все пространство было заполнено мешочками с песком (быстро управились!), в центре имелось углубление. Носилки поставили на четыре приготовленные табуретки, ближе к правой руке

раненого. Рядом на другую табуретку положили еще бронежилет — им надо прикрыть «колодец». Фигуры так же молча удалились. Все было готово. Наступал ответственный момент. Борисов и Невский одновременно глянули на настольные часы — они показывали 18:15. Пора.

По команде Ивана Владимировича, Гренц ввел необходимый состав медикаментов, затем уложил очень осторожно правую руку раненого на откидной столик, зафиксировал ее ремнями, проверил надежность — не дай Бог, раненый начнет дергать ею, затем срезал окровавленные бинты, обнажив рваную рану в средней части плеча, размером 7 на 5 см, заполненную сгустками черной крови. Большого кровотечения не возникло, к счастью, крупная артерия была не повреждена. Невский занял пока место операционной сестры, подавая все необходимое своему коллеге. Очень осторожно хирург обработал кожу йодом, спиртом, промыл рану перекисью водорода, очистил от кусочков одежды.

Гранаты видно не было. Невский шагнул поближе, развел края раны острыми трезубыми крючками. В глубине раны что-то металлически блеснуло. Есть! Вот она.

Иван Владимирович взял оба инструмента, как советовал лейтенант, и стал приближать их к смертоносному металлу. Зафиксировал один — «цапка» надежно обхватила предмет, но теперь она сама не могла защелкнуться, тут-то и пригодился легочный зажим — он зафиксировался теперь уже на ручках «цапки». «Конструкция» была готова. Очень медленно доктор стал вынимать гранату, она упорно не желала сдвигаться с места. Чуть сильнее потянул на себя, низко наклонившись лицом, сразу же фонтанчик крови ударил из раны, залив лицо хирурга.

— Глаза! — закричал Борисов, ни на мгновение, не выпуская из рук инструменты.

Его моментально понял Сергей, подскочил, стал салфеткой промокать глаза, вытер лоб. Невский в это время, чудом удерживая одной рукой оба крючка, второй промокал кровь в ране, пытаясь увидеть кровоточащий сосуд. Отбросил тампон в сторону, освободив зажим, захватил им сосуд. Кровотечение прекратилось. Вторым тампоном ассистент снова осушил рану, открыв гранату. Как хорошо, что операционная сестра оставила много таких тампонов на кровоостанавливающих зажимах. Вот что значит опыт!

Иван Владимирович вновь потянул на себя гранату. Очень медленно, но она стала сдвигаться. Еще усилие — и вся «конструкция» в руках хирурга. Он стал понемногу распрямляться во весь свой высокий рост, держа на вытянутых руках гранату, очень-очень медленно, как на кадрах замедленного кино,

развернулся вокруг своей оси, опустил гранату в приготовленное отверстие в «колодце», расцепил руки. Граната вместе с инструментами опустилась на песок, зафиксировавшись в стенках сооружения. Сергей тут же накрыл сверху бронежилетом. Невский в это время старательно останавливал опять появившееся кровотечение из другого сосуда. Справился.

Гренц снял каталку с тормозов, открыл дверь. Сразу вбежал санитар Жора, вместе они выкатили раненого. Не имея сил даже говорить, Борисов лишь показал на дверь. Оба направились к выходу. Невский не чувствовал под собой вообще ног, спиной он напряженно ждал взрыва. Видимо, такие же чувства были и у начальника отделения. Несколько метров показались нестерпимо далекими. Почти касаясь друг друга плечами, они подошли к распахнутой двери. Но, все-таки, начальник пропустил подчиненного вперед. Сам вышел, как и подобает «капитану тонущего корабля», последним.

Их внимание привлекли две закутанные в белое мощные фигуры в авиационных шлемах с закрытыми стеклом лицами. Как представители внеземной цивилизации, они вошли в операционную, но вскоре вышли с тяжеленными носилками, направляясь к запасной двери хирургического отделения. Впрочем, этого уже никто видеть не мог — всех удалили из «зоны возможного поражения».

Но расслабляться было рано. Впереди ждала настоящая работа по спасению раненого. Поспешно избавившись от бронежилетов, вновь облачившись в привычную легкую операционную одежду, Борисов и Невский перешли во вторую операционную.

Все уже было готово. Анестезиолог заканчивал подключение к аппарату искусственного дыхания. Копытов уже подготовил операционное поле, обложив его стерильными простынями. Рана на руке пока была укрыта стерильными салфетками. Даже настольные часы уже стояли в углу на заметном месте.

Иван Владимирович привычно бросил на них взгляд, бодро произнес:

— Продолжаем работать, дамы и господа! Время 19:00. Прохлаждаться некогда.

Надо ли говорить, с каким восхищением и обожанием смотрели на него все обитатели операционной. Человек только что совершил настоящий подвиг. С таким руководителем можно было трудиться хоть по 24 часа в сутки…

Последующие почти три часа операции пролетели не заметно. Весь коллектив в операционной трудился, как единый организм. Всем хотелось, чтобы раненый получил надлежащую помощь. Слишком многое пришлось пережить и преодолеть, прежде чем началась сама операция. Слышались лишь отдельные слова, окрики резкие, команды. Люди понимали друг друга без лишних слов.

Через 15–20 минут после начала операции на улице прозвучал приглушенный, удаленный взрыв. На несколько секунд работа замерла. Стало ясно, что это прекратила существование злополучная граната. Чуть позже вошла постовая сестра и тихо сообщила, что уничтожение прошло без происшествий, офицеры-техники с аэродрома, что были в шлемах и уносили носилки, справились с задачей отлично. Сестра так же тихо вышла. Почти единый вздох облегчения раздался в помещении.

Невский исполнял роль второго ассистента, поэтому в основном «держал крючки», расширяя рану, всю основную работу выполняли его старшие товарищи. Ему в подобной операции приходилось участвовать впервые, смотрел «во все глаза», учился-запоминал. Наибольшие повреждения, как и ожидалось, выявились в правом легком. Пришлось удалить особенно поврежденные доли легкого. При ушивании легочной ткани использовались замысловатые инструменты, накладывающие металлические скобки, остающиеся потом на всю жизнь- это напоминало принцип работы степлера. Быстро и надежно. В связи с наличием здесь гемоторакса (кровотечения из самого легкого), плевральную полость дренировали широкопросветными трубками, провели ряд мероприятий по расправлению правого легкого. Зияющие раны грудной стенки ушили. Впрочем, Невский не во всех нюансах операции разобрался — не хватало опыта.

Проще оказалась работа со вторым легким — к счастью здесь не было больших повреждений. Затем наступила очередь обеих рук. Провели первичную хирургическую обработку раны правого плеча, пришлось иссякать размозженные, омертвевшие ткани, в полость раны также вставили трубки для промывания и орошения лекарствами. Совсем немного времени заняло и левое плечо. В заключение были наложены швы с резиновыми выпускниками на кожу обеих рук. Уже когда оставалось немного работы, все услышали, наконец, так ожидаемое пение. Иван Владимирович разрядил обстановку — все самое тяжелое было позади:

«И крики «ура!» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту,

Семь раз мы ее оставляли».

Не преминул он напомнить и свои знаменитые «Правила от ШЕФА». Извинившись за ряд резких выкриков сегодня во время операции в адрес операционных сестер, он важно изрек:

— Шеф не кричит — шеф убедительно высказывает свою точку зрения.

Затем попросил Олесю почесать ему любым не нужным уже зажимом затылок, от удовольствия постанывая. Совсем развеселил всех, когда опять изрек: «Шеф не почесывает затылок — шеф обдумывает решение».

— Слухай все сюды! Сейчас вызываем перевязочную сестру, накладываем парню гипс на руки, его передаем в реанимацию под круглосуточное наблюдение. А сами идем все праздновать наши успешные действия в течение сегодняшнего дня. Возражения не принимаются!

На левую руку наложили сплошной гипс с «окошечком» для зашитой раны, на правое плечо — пока гипсовая лонгета (предстояли еще регулярные перевязки, промывание раны и т. д.).

— Всем спасибо! — закончил операцию начальник отделения.

Все загалдели, стали расправлять затекшие руки-ноги, сразу несколько «мельниц» замахали своими «лопастями». Анестезиолог, не отключая от аппарата, вместе с санитарами переместил каталку с раненым в палату реанимации, выкатив и свой дыхательный агрегат. Операционная постепенно освобождалась. Дело было сделано…

9

Когда, спустя несколько минут, умывшись и переодевшись, плотной группой участники операции вошли в ординаторскую, то невольно ахнули: в комнате был накрыт «шикарный стол». Начальник госпиталя встретил их широкой улыбкой, обнял каждого, поблагодарил. Он уже сообщил об операции в Кабул. Обещали поспособствовать быстрой переправке прооперированного в Союз.

Подполковник широким жестом пригласил всех рассаживаться за «скромным» столом. Но руководитель явно «лукавил». Было от чего прийти в изумление: всевозможные колбасы, рыбные и мясные консервы, соки, овощи, фрукты, включая громадные гранаты, жареная свежая рыба («китайские» разноцветные караси, размером с ладонь, рыба маринка и др.). Главным же украшением стола было огромное блюдо с настоящей

жареной картошкой, еще дымящейся. Первым нарушил изумленное молчание Борисов:

— Хамид, откуда все это?

— Это все летчики вам передали. Классные ребята! Я ведь сразу к ним за помощью обратился. До 70 Бригады далеко. Они и здоровых ребят выделили, чтобы вынести гранату. Шутка ли, носилки под 50 кг весили. А нести далеко пришлось, не останавливаясь. Они и с лейтенантом этим Жигач организовали уничтожение. Лейтенант, кстати, обещал точно такую гранату, но учебную, позже привести, чтобы вы на стенд поместили. Шибко ему этот стенд понравился. Так что, угощайтесь на здоровье!

Просить дважды никого не пришлось. Старшая операционная сестра по команде Ивана Владимировича извлекла бутылек с чистым медицинским спиртом (где она его до этого прятала, не понятно). Вообще, это являлось еще одной своеобразной традицией — после тяжелой операции в конце рабочего дня выпить по пятьдесят грамм (а кто и больше) за здоровье раненого. Старшая операционная сестра всегда безропотно выделяла спирт из своих запасов. Однако присутствие начальника госпиталя немного смущало.

Но Борисов взял управление в свои руки. Всем налили в стаканы, чокнулись. Странно, но Невский даже не почувствовал крепости «огненной воды», выпил как воду, даже не запивая. Видимо, слишком велик был выброс адреналина в кровь за сегодняшний день, сразу нейтрализовав алкоголь. Подобное было и у остальных. Набросились на еду. Кажется, не приходилось раньше есть ничего вкуснее.

Вскоре подполковник Файзуллин, сославшись на неотложные дела, ушел. Без него ужин продолжился уже свободнее. Борисов сразу включил магнитофон. И опять полились песни Владимира Семеновича Высоцкого, начальник, размахивая ложкой, начал подпевать, ему вторил женский хор:

«Мерцал закат, как блеск клинка.
Свою добычу смерть считала.
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.
Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там…
Ведь это наши горы,
Они помогут нам.
Они
Помогут нам!»

Уже ближе к полночи все отправились проведать Юрского. В реанимации горел дежурный свет. Медсестра внимательно изучала содержимое, выделяющееся по трубкам, записывала в журнал цифры. Нисколько не дивясь такому позднему визиту большой компании, она кратко, толково доложила Ивану Владимировичу о состоянии прооперированного. Начальник отделения остался доволен. Сам все осмотрел, проверил. Сергей Юрский лежал на спине, за него по-прежнему дышал аппарат (решили пару дней подержать таким образом), множество трубок разных диаметров выходило из груди, из рук, из других «естественных отверстий». Начальник остался доволен количеством выделившейся мочи. Почки работают! Дав еще несколько наставлений, он пошел к выходу, уводя и всю компанию.

В коридоре Борисов устало улыбнулся, произнес:

— А сейчас всем «по матрешкам», срочно спать. Завтра снова понадобитесь для работы!

Уставшие, но довольные, люди разошлись на отдых. Уже в комнате, засыпая на кровати, Невский пытался охватить события сегодняшнего дня. Никак не верилось, что все это произошло в один день…

10

Спустя два дня Сергея Юрского перевели на самостоятельное дыхание. А еще через пять дней его можно было и транспортировать в Союз — он уже очнулся, состояние улучшилось, можно было даже поговорить с ним. Сергей хорошо помнил все обстоятельства ранения. Очень просил медсестру записать в свою записную книжку (все его личные вещи привез еще пару дней назад лейтенант Олег Жигач, как и обещанную учебную гранату — ее тут же поместили на стенд, снабдив пояснительной надписью) всех, кто оперировал его. «Чтобы знать, за кого Богу молиться». Сестра аккуратно переписала, уточнив и фамилию Невского.

Через час все в хирургическом отделении прощались с Юрским. За ним прилетел специально оборудованный самолет АН-26М «Спасатель», на нем Сергей был переправлен в Ташкент. А позднее, как сообщил Борисов, «нашего Серегу» перевезли уже на санитарном самолете ИЛ-76 «Скальпель» прямо в его родной город Ленинград в Военно-Медицинскую Академию им. Кирова, в отделение ВТО (военной травматологии и ортопедии). Все верили: теперь все страшное для него закончилось.

А потом появился корреспондент одной из центральных газет. Начальник отделения, сославшись на необходимость подготовки к операции, переправил его к своему старшему ординатору. Михаил Васильевич Копытов и в жизни-то был человек не разговорчивый (Невский редко от него слышал подряд десяток слов), тут же «отфутболил» визитера к Невскому, подмигнув ему при этом, мол, выкручивайся, как хочешь. Пришлось выкручиваться.

Стараясь быть предельно точным, Александр обстоятельно описал всю проделанную операцию с раненым Юрским.

Корреспондент недоверчиво кивал головой. Было видно — не верит совсем. Он придирчиво изучал гранату на стенде. Сфотографировал весь стенд, потом отдельно гранату, опять весь стенд. Потом радостно объявил, что граната учебная. Невский этого и не скрывал, тем более что все было написано под данным экспонатом, в том числе и причина «подмены». Москвич требовал предъявить ему настоящую. Таковой не было. Задав еще несколько малозначащих вопросов, «высокий гость» удалился.

Статья так и не вышла. Это никого в хирургическом отделении не расстроило. Не до этого. Работы по-прежнему было много, поток раненых не иссякал…

11

… В начале мая следующего года Невский по делам заехал в госпиталь (к тому времени госпиталь уже перебрался в новый медицинский городок, отстроенный поближе к расположению 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады), но подальше от аэропорта Ариана. Столкнулся в коридоре административного корпуса с начальником медицинской части госпиталя, который являлся и начальником стоматологического отделения, подполковником Долгушиным Алексом Михайловичем. Тот, прижимая руку к распухшей щеке — сильно болел зуб («сапожник без сапог»), остановил старшего лейтенанта, попросил зайти за ним в кабинет.

— Вот, держи, — он протянул топтавшемуся у порога Невскому конверт. — Неделю как получил, уже не знал куда девать. Адресовано было начальнику госпиталя, а в письме уже — Борисову, Копытову, Гренцу и тебе. Иван Владимирович недавно укатил в «ридную» Белоруссию, а следом и Михаил Васильевич заменился в Южное Поволжье. Гренц еще раньше уехал, вроде за границу. Один ты остался. Владей. Да, не робей. Не ругают там, а хвалят. Солдатик пишет, что вы оперировали еще в декабре. Ну,

бывай, а мне надо еще идти зуб лечить, — он протянул руку, крепко пожал.

На улице Невский нашел свободное место на лавочке в тени. Достал листочек из распечатанного конверта. Это писал сам Сергей Юрский, о чем он с гордостью сообщал в начале. Правда, пишет пока левой, которая срослась, гипс уже сняли. Правая рука еще в гипсе, но врачи говорят, что скоро и здесь срастется. А грудь совсем уже не болит. «Регулярно тренируюсь надувать шарики, чтобы разрабатывать правое легкое. В палате прямо под потолком уже целая связка шариков висит — потолки высокие, никто и допрыгнуть не может. Но никому не мешает. Меня так и прозвали в палате — «Продавец шаров». Далее Сергей сообщал, что принял решение после выписки из Военно-Медицинской Академии уже этим летом поступать в эту академию, чтобы выучиться на военного хирурга, ему уже и учебники в палату родители принесли, одобрили выбор. Приходят и друзья, с кем учился в школе, обещают тоже помочь с подготовкой к экзаменам. «Сам мой лечащий врач обещал похлопотать». В заключение, Юрский писал, что занятия силовым жонглированием тоже не оставит. «Ведь может же военный хирург в свободное время заниматься и цирком!»

Невский улыбнулся, представив, как мощный Сергей, сидя на кровати, старательно надувает разноцветные воздушные шарики. На душе было легко и радостно…

Примечание.

От автора. В сентябре 1986 г. газета «Комсомольская Правда» опубликовала статью Ю.Гейко и В.Некрасова «Операция». Речь шла об уникальной и исключительной по смелости хирургической операции по извлечению неразорвавшейся гранаты из верхней части грудной клетки раненого. Оперировали в одном из госпиталей Союза. Были собраны первоклассные врачи, в том числе из Москвы. На подготовку к операции ушло трое суток (состояние больного позволяло). На заводе(!) был изготовлен специальный зажим для удержания и извлечения гранаты. Наконец, оперирующая бригада вся была одета в противоминные костюмы, защищающие и лица хирургов. Правда, чтобы извлечь гранату, пришлось разрезать кожу, это создавало дополнительные трудности. Операция прошла успешно! Мое искреннее восхищение подвигом этих врачей! Но я посчитал, что будет справедливо, если я опишу подобную историю, случившуюся на 4(!) года раньше. Операция проводилась в экстренном порядке, «промедление было смерти подобно» для раненого…

Лапаротомия — разрез живота по средней линии (бывает верхняя, срединная и нижняя лапаротомия);

Реинфузия крови — обратное переливание крови, скопившейся в полостях раненого (кровь пропускается через фильтры для удаления сгустков);

Санация брюшной полости — промывание органов живота дезинфицирующим раствором (чаще фурациллином) с последующим удалением электроотсосом;

Интубация трахеи — введение в трахею трубки, по которой в дальнейшем пойдет дыхание аппаратом искусственной вентиляции легких;

Гемоторакс — истечение крови из разрушенной ткани легкого (в отличие от пневмоторакса, когда воздух засасывается через рану в груди. Бывает и гемопневмоторакс);

Плевральная полость — легкое окружено своеобразной защитной пленкой. В этой полости и скапливается при повреждениях кровь, сдавливая нежную ткань легкого;

Привратник желудка — заключительный отдел желудка;

Катетеризация подключичной вены — при больших операциях предпочтение отдается введению растворов в крупную вену, расположенную под обеими ключицами, особенно, когда есть повреждение рук раненого;

Перкуссия брюшной полости — прием, позволяющий постукиванием выявить наличие свободной жидкости в полости;

№ 6. «Уши и нос я не отрезал…»

1

Сухой кашель сотрясал все тело. Казалось, он выворачивал все внутренности наружу. Это повторялось уже третью ночь подряд, днем кашель утихал, изредка возвращаясь в виде отдельных приступов. Но ночью, словно наверстывая упущенное, брал свое. Неудобно было перед товарищами по комнате — они тоже плохо спали от его «раскатов грома». Никакие средства не помогали. «Что со мной?» — в который раз задавал себе вопрос Невский, но не находил ответа.

Почти уже месяц ординатор операционно-перевязочного отделения Отдельной Медицинской роты Кандагарской бригады, старший лейтенант Александр Невский по плану находился на рабочем прикомандировании в хирургическом отделении госпиталя. За эти не полные 30 дней набрался огромного опыта, ассистируя опытным хирургам, иногда ему доверялись и самостоятельные операции. Сколько боли, крови, увечий, тяжелейших боевых ранений прошло перед глазами, сколько искалеченных войной, раз и навсегда изменившихся судеб чередой друг за другом прошествовали по паркетному полу операционной! Но война требовала все новых и новых жертв. Безжалостный Молох перемалывал с большим аппетитом молодые солдатские тела. Хирурги редкий день оставались без работы.

Кандагарский госпиталь располагался в непосредственной близости от аэропорта Ариана частично в капитальном каменном здании с толстыми стенами, построенном еще англичанами. Даже в самую страшную летнюю жару в помещении было прохладно. Здесь разместились несколько отделений, в том числе и хирургическое, но не всем так повезло — другие (в первую очередь инфекция) занимали большой палаточный городок. Впрочем, строители ускоренными темпами возводили новый госпитальный городок, где каждое отделение займет свой отдельный модуль (длинное одноэтажное сборно-щитовое сооружение, одним словом — барак, названный на новый лад). На днях, за несколько дней до нового года, обещали первыми перевести инфекционное отделение со всеми больными, потом и остальные переберутся на новое место. Хирургическое отделение должно было переезжать уже весной, ориентировочно в марте. Всех хирургов устраивало и сегодняшнее помещение, особенно

очень удобно при подвозе раненых прямо с аэропорта, а новый городок размещен уже примерно в 5 километрах дальше по дороге к Кандагарской бригаде. Но их мнение никто не спрашивал, тем более что это было требование самих афганских властей. Слишком хорошим было здание, чтобы оставить его «шурави».

Невский в который раз повернулся в постели, сон не шел. «Может быть, я подхватил инфекцию?». Но пока картина его кашля не вязалась ни с чем. «Завтра утром надо будет сходить в инфекционное отделение проконсультироваться на свой счет, вроде у нас не намечаются операции». Под утро все-таки удалось задремать.

2

Утром, с трудом поднявшись, первым делом Невский подошел к зеркалу. Нет, белки глаз не пожелтели. А язык, каков? Тааак, обложен с отчетливыми отпечатками зубов. Уже не порядок. А кожа? Невский задрал рубаху. Черт! Какие-то высыпания появились.

— Ты че себя перед зеркалом рассматриваешь? Не налюбовался за жизнь? — спросил, входя с полотенцем на шее и продолжая вытираться, майор Копытов, хирург госпиталя. — Ну, ты и кашлял опять всю ночь, где простыть умудрился?

— Слышь, Васильевич, я вроде тифом заболел, видишь, высыпания на коже появились, а язык глянь, — Невский старательно высунул язык.

— Да, очень похоже. Вчера положили в «инфекцию» операционную сестру и медсестру из нашего отделения, фельдшер приемного тоже заболел. Кто это всех так наградил?

— Надо поваров проверить, — вступил в разговор терапевт госпиталя майор Дорогин. Он уже оделся и собирался выходить из комнаты. — Ты, Сашка, «дуй» прямо в инфекцию на осмотр, они через день-другой уже будут переезжать на новое место, надо сейчас успевать. Михаил Васильевич предупредит начальника хирургии о твоем уходе. Дай Бог, чтобы мы ошибались. Хреновая эта штука — тиф. — Он вышел, тихо притворив дверь.

— Да, Санька, так давай и сделаем. Потом сообщишь результат. А я пошел на «пятиминутку». — Он тоже ушел.

— Здравствуй, Зина. Я вернулся, — в сердцах Невский даже плюнул. — Вот заболеть перед Новым годом мне только и не хватало.

Собравшись, он отправился в расположенное неподалеку

отделение для инфекционных больных. Начальника отделения, подполковника Дежнева нашел быстро. Напомнил о себе, они уже знакомились раньше, иногда перебрасывались парой фраз. Дежнев внимательно выслушал, посмотрел язык.

— Знаешь, у нас сейчас большая запарка — переезжаем скоро, пока ничего определенного сказать не могу, очень спешу. Подойди к нашей «мадам», пусть жопу от стула оторвет, тебя посмотрит, хоть что-то полезное сделает, да и жирок хорошо бы ей растрясти. Знаешь ее?

Невский кивнул, он видел не раз эту докторшу, Любовь Максимовну Мазуревич, среднего роста, полную, молодящуюся женщину. Поговаривали, что она приехала в Афганистан «найти мужа», на крайний случай — заработать на кооперативную квартиру в далеком Могилеве. Ее частенько можно было видеть в обществе «разудалых» молодцов, причем как рядового, так и офицерского состава.

Старший лейтенант отправился на поиски «мадам». Переходил из одной палатки в другую. Скученность была невероятная, в солдатских помещениях кровати были в два яруса, в офицерских, правда, в один. «Как они умудряются еще и вылечиваться в таких условиях?», — невольно задавал себе вопрос о больных Невский. Он спрашивал о докторше больных и медсестер — все пожимали плечами.

— Спросите что-нибудь полегче, — обронила одна из медсестер, заканчивая ставить укол худенькому солдатику с застывшей маской страдания на лице.

Наконец, Александр заметил вдалеке у административного здания знакомую фигуру. Докторша весело разговаривала с незнакомым офицером в летном комбинезоне.

— «Летуна» обрабатывает, — хмыкнул Невский. Он приблизился ближе.

— Здравствуйте, Любовь Максимовна. Меня начальник отделения к вам направил. Мне подождать?

Мазуревич оборвала смех, недовольно взглянула на наглеца, прошептала на ухо «избраннику» еще несколько фраз, чмокнула его в щеку. Тот быстро удалился. Сердито глянув на Невского, она пошла по дорожке, махнув ему рукой. Перед входом в крайнюю инфекционную палатку остановилась, процедив сквозь зубы:

— Что у тебя?

— Я вроде брюшной тиф подцепил, хотел проконсультироваться. Симптомы похожие, — проговорил старший лейтенант, вытирая платком испарину на лбу.

— Ты че, старлей, инфекционист что ли? Ты вроде хирург,

вот и оставь свои предположения. Это нам решать, умник. Заходи сюда, — она втолкнула в солдатскую палатку.

Все ярусы кроватей были заняты. Больные без всякого интереса посмотрели на вошедших. Велев раздеться по пояс, так и не предложив хотя бы сесть на табуретку, доктор бегло осмотрела, надавила пальцем на красные высыпания на коже, для вида пару раз ткнула в живот, осмотрела язык. Даже несколько раз приложила фонендоскоп, извлеченный из кармана белого халата к груди Невского, послушав непонятно что, но забыв при этом вставить наконечники в свои уши.

— Ничего нашего нет, — наконец глубокомысленно изрекла доктор-инфекционист. — А высыпания у тебя от аллергии, наверное, апельсинов много слопал. Пусть тебе поколют хлористый кальций, все пройдет. Одевайся, паникер!

— Да не лопал я апельсины, — пытался в спину уходящей сказать старший лейтенант, но его уже не услышали.

3

Невский перешел в хирургическое отделение, доложился начальнику отделения майору Борисову. Тот с сомнением покачал головой («чую, Санька, тиф у тебя, но раз «инфекция» так говорит, давай еще подождем. Иди, давай, в процедурную на укол»).

После «горячего» внутривенного укола высыпания на коже действительно пропали, но не на долго — через час они вновь появились. Борисов отправил заболевшего отлеживаться в комнату общежития, где тот проживал последний месяц.

К вечеру поднялась температура, появилась сильная боль в животе. Весь следующий день Невский пролежал в кровати, отказываясь есть, пил только воду. Впрочем, сходил снова на укол, но высыпания на коже теперь даже не исчезали совсем. Оба доктора, с которыми Александр «делил крышу», уже не сомневались — это тиф. Они заботливо, даже трогательно ухаживали за больным, поочередно меняя холодный компресс на голове. В инфекцию не имело смысла обращаться — начался переезд отделения в новое здание.

— Вот они переберутся в шикарное здание, ты и явишься на прием, положат, как миленькие, еще и Любке «шею намылишь» — не могла сразу болезнь распознать, инфекционист хренов! Даже лучше, что не пришлось в палатке лежать, холодно ночью, печки там плохо греют, все же декабрь идет, — говорил Михаил Васильевич, накладывая на лоб холодное полотенце. — Выпьешь

жаропонижающее? Ого, 39 градусов набежало, — произнес он, посмотрев на извлеченный градусник.

Невский кивнул тяжелой головой. Говорить совсем не хотелось.

На другой день вновь пришлось пролежать, не вставая. Приходил начальник отделения Иван Владимирович, принес полную сетку огромных темно-красных гранат, сам надавил в кружку свежего сока (переспевшие гранаты от малейшего прикосновения разрывались на куски, щедро выделяя сок), заставил выпить. Стало даже легче. Рассказал, что выявили источник инфекции — один из раздатчиков пищи в служебной столовой госпиталя оказался «бактерионосителем» (скрытая, легкая форма заболевания), он и «наградил» сотрудников госпиталя своей болезнью, еще 4 сотрудницы тоже «свалились».

— Ничего, Санька, не переживай, вылечат тебя. Завтра тебя на машине отвезут в новый госпитальный городок. Жаль, что не успел еще со мной пооперировать. Нагонишь позже. Ну, бывай, — он крепко пожал холодную ладошку Александра.

После ухода Борисова Невский попытался задремать. Последние ночи провел без сна — болело «ВСЕ тело», да и приступы кашля не оставляли его (это, наверное от интоксикации а так кашляю, — сам себе объяснял причину).

Последняя ночь в общежитии прошла очень беспокойно — стали появляться слуховые и зрительные галлюцинации, «приходил» к заболевшему его «великий предок» — сам Великий князь Александр Невский в металлической кольчуге и в шлеме, звал с собой на бой с немецкими «псами-рыцарями». Старший лейтенант громко с ним разговаривал, порывался подняться и «бежать на бой». Чем окончательно напугал жильцов комнаты. Они ставили ему жаропонижающие уколы, после которых становилось легче, но через пару часов все повторялось сначала. Лишь под утро все трое измученные и опустошенные смогли подремать.

Уже в 9 утра санитарный УАЗ был готов отвезти Невского на госпитализацию, по просьбе Борисова машину выделил сам начальник госпиталя. Но ждали сопровождающий БТР, так как без охраны не отпускали машину на более чем один километр, здесь было5

(распоряжение начальника Кандагарского гарнизона было в силе). Бронированный транспортер подошел через полчаса. Вместе с Невским ехали 3 заболевшие медсестры, их тоже «настиг» брюшной тиф. Бедняжки испытывали не меньшие страдания.

Откинувшись на спинку полужесткого сиденья, старший

лейтенант размышлял о странной превратности судьбы: сегодня, 27 декабря, ровно через 3 года после официальной даты ввода Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, изменившей судьбы сотней тысяч людей в СССР, открывшей новую страницу в истории страны, он сам открывает свою «новую страницу». Из истории вспоминались жуткие истории о разгуле тифа в годы гражданской войны. И вот теперь эта «зараза» выкашивает уже в другой стране его соотечественников.

Доехали быстро, машина остановилась у дверей инфекционного модуля. Вошли в пахнущее свежей краской помещение, в коридорах еще стояли многочисленные коробки после недавнего переезда. Сестра отделения попросила посидеть у приемного кабинета, вызовут к врачу по очереди.

Сестрички одна за другой входили к врачу, потом переходили в санитарный пропускник, переодевались. Госпитализация началась.

Невский последним вошел на осмотр к врачу. За столом, развалившись, сидела старая знакомая. Она даже попыталась пошутить: «Не прошло и полгода», но, посмотрев на Невского, молча указала на стул. Осмотр не занял и минуты.

— Проходите на госпитализацию, — буркнула она, вписывая данные в бланк «Истории болезни».

Сестра проводила больного в офицерскую палату на 8 человек. Оставалось еще 2 свободных кровати. Невский представился, услышал ответные имена, все лежали по своим кроватям, «активно болели», шутить никто не пытался. Новая страница в жизни была перевернута.

4

— Я еще раз хочу представиться, Леша, старший лейтенант Алексей Никонов, разведчик, — проговорил ближайший сосед по кровати, протягивая для пожатия руку.

— Александр Невский, тоже старлей, врач-хирург, из Медроты, — пожимая руку, ответил новичок. — Давно болеешь, отчего лечат?

— Нас тут трое «старожилов», еще в палатках болтались. Я вторую неделю малярию лечу, двое от тифа лечатся. Остальные позже поступили, ждут результаты «посевов».

— Что за посевы? — удивился Невский. — Он внимательно всмотрелся в лицо разведчика. Круглолицый, курносый, с россыпью веснушек на ввалившихся щеках, с большими красными пятнами «цветущего» герпеса на обеих губах. Леша был

небольшого роста, но крепкого телосложения.

— Ха, ребята, он не знает, что такое «посевы», хоть и сам медик. Многие в палате через это уже прошли — готовься и ты, Саня, на экзекуцию. Потеряешь «невинность», когда палочкой в заднице «пощекочут», так Митяй? — обратился к своему соседу справа. — Он у нас уже дважды процедуру прошел, понравилось, наверное.

Александр перевел взгляд на парня, молча смотрящего в потолок. Под одеялом угадывались контуры могучего тела. Никто не поддержал разговор, хотя на всех кроватях не спали.

Невский сообразил, что речь шла о взятии бактериальных анализов из заднего прохода. Невольно поежился, представив картину.

Через полчаса в палату заглянула медсестра, действительно, вызвала на сдачу баканализа вновь поступившего, а с ним еще двоих. На их возмущение о сдаче подобного, она оборвала офицеров:

— Ничего не знаю, у меня список. Видимо прежний посев не получился или потеряли. Из-за недавнего переезда такой бардак в отделении!

Бормоча вполголоса ругательства, офицеры начали одеваться в синие больничные куртки. Невский последовал их примеру. Вышли, проследовали в конец коридора, остановились у двери с табличкой «Баклаборатория», заняли очередь, оказавшись во втором десятке.

Взглянув на хмурые, сосредоточенные лица попутчиков, старший лейтенант решил воздержаться от вопросов. Он сел на свободное место, попытался вспомнить все, что ранее изучал на «инфекциях».

Брюшной тиф — острое инфекционное заболевание, передается только от больного человека (или от бактерионосителя), возбудитель болезни относится к сальмонеллам, эта палочка должна попасть с зараженной пищей или водой через рот. Скрытый период длится в основном 2 недели. Потом поднимается температура, появляются все признаки общей интоксикации, возникает боль в животе, увеличивается печень и селезенка. Да, возможны грозные осложнения в виде язв на тонких кишках, которые начинают кровоточить и прорываться, превращая стенку кишки в «сито». Это уже «швах», шансы выжить минимальные. Надо вовремя начать лечение. Основным лекарством является левомицетин, лечить «до упора» (до 10-го дня нормальной температуры тела). Это сколько же я здесь проторчу? — ужаснулся своим мыслям Невский. — Окончательный диагноз ставится на основании

анализов — бактериологическое исследование крови, посев испражнений и мочи на питательную среду с последующим исследованием выросших «колоний». — Вот, черт, даже голова разболелась от «умных мыслей»!

Очередь двигалась довольно быстро, входили сразу по 3 человека, подошло время и офицеров из 7-й палаты. У Невского взяли сначала кровь из вены, а остальные сразу прошли в смежную комнату, позже и он к ним присоединился. Там каждому вставили «фитилек» в зад, затем провели посев на чашках Петри с питательной смесью. Солдатик- лаборант орудовал ловко и профессионально. Вписал фамилии в журнал: Исаков, Гареев, Невский. Попросил пригласить следующих. Оба капитана на обратном пути прошли в туалет покурить, а Александр вернулся в палату — очень устал.

За время отсутствия в палате появился новичок. Теперь все кровати были заняты.

— Прапорщик Витя, с продсклада бригады, — отрекомендовался он, пожимая руку Невского, тот тоже назвал себя. — Чем тут в обед порадуют? Кашка — малашка, поди. Я уже распорядился что-нибудь вкусненькое нам подкинуть к Новому году, привезут на днях. Выше голову, мужики, не пропадем! Будем жить назло врагам — на радость папы с мамой! — Не переставая «балаболить» Витя принялся «обживать» свой угол. Он разместился на свободном месте во втором ряду у окна. Поставил на тумбочку маленький кассетный магнитофон «Панасоник», в тумбочку переложил вещи из своей сумки. Сел на краешек кровати и внимательно стал разглядывать большую «Политическую карту мира» на «своей» стене.

— Кто это увлекается? — наконец, произнес он, ни к кому не обращаясь.

Невский тоже только сейчас присмотрелся: в карту были воткнуты несколько «флажков»- булавки с красным кусочком ткани. Большой «флажок» одиноко расположился в Афганистане, в районе Кандагара. Много булавок разместилось на территории СССР.

— Это мы с собой забрали из палатки, каждый из больных отмечал свой родной город в Союзе. У Митяя попросите булавки с тряпочками, свою семью отметьте, — отозвался Леша Никонов. У него начинался очередной приступ малярийной лихорадки, он стучал зубами, не выговаривая некоторые слова.

Митя встал во весь свой огромный рост, укрыл друга своим одеялом. Потом он достал из тумбочки коробочку с английскими булавками, ножницы и красную ленточку, протянул прапорщику Вите Устинович. Они с Невским водрузили свои «стяги»:

добавились города Черновцы и Челябинск (семья Невского жила в небольшом городке Чебаркуль рядом с областным центром, но такого найти не удалось). Вернулись капитаны, тоже познакомились с новичком. Теперь палата N7 была заполнена «под завязку».

5

— Офицеры, идите на обед! — в палату заглянул высокий, худой, стриженый «под ноль» солдат в белом халате, помощник в столовой.

Невскому совершенно не хотелось есть, но надо было «сходить на разведку». Все, кроме 2 новичков, достали из своих тумбочек металлические кружки и ложки и двинулись в буфет.

— А вам выдадут вашу посуду, сами будете ее потом мыть, — произнес Леша Никонов, его приступ заканчивался, но все тело еще продолжало трястись мелкой дрожью.

Вновь поступившие вышли вслед за разведчиком, двинулись по коридору. Буфет с обеденным залом находился в середине длинного пути, куда со всех сторон сходились измученные болезнями люди. Обеденный зал вмещал не всех, поэтому солдаты питались во вторую смену. Невский получил в окошечке свою порцию: жидкий гороховый супчик, комок пшенной каши с прожилками тушенки, компот из сухофруктов, получил индивидуальную ложку. Остальные подавали свои кружки для компота.

— Саня, давай к нам, — крикнул Никонов. Александр занял 4-е место вместе с офицерами по палате. Остальные «сокамерники» разместились за соседним столом.

Первая же ложка супа заставила поморщиться — совершенно не солено. Невский попытался разыскать солонку. Безуспешно. Обратился в окошечко раздачи, но получил лаконичный ответ: «У всех бессолевая диета!». Вернулся на свое место, с интересом обвел взглядом около десятка столов — никто не возмущался, молча ели, кое-кто даже с аппетитом.

— Вот я попал! Совершенно не могу есть без соли, — обреченно произнес старший лейтенант, перемешивая ложкой в тарелке.

— Я тоже первые дни мучился, потом привык, — обронил самый старший по возрасту и званию, до сих пор молчавший («Подполковник, летчик, кажется, он назвался Николаем Николаевичем», — вспомнил Невский) офицер, — уже третью неделю так питаюсь. Врачи говорят, нам, тифозникам, вредна

соль. Если поймают с солью, могут и за нарушение режима выписать.

— Кошмар! Я здесь ноги протяну если не от тифа, то от голода. Хотя сейчас и есть не хочется. Могу всю свою порцию уступить, есть желающие?

Все за столом покачали головами. Невский выпил компот, съел сухофрукты. Забрал теперь уже свою кружку и ложку. Полные свои тарелки убрал в отдел грязной посуды. Солдат, принявший их, совершенно не удивился. Впрочем, многие сдавали такие же.

Он вернулся первым в палату, лег на свою крайнюю кровать поверх одеяла. Попытался уснуть. Думать ни о чем не хотелось, голова «гудела», температура опять нарастала. Не заметно для себя, Александр задремал.

Вскоре сквозь чуткий сон он услышал странный звук, вырываясь из полудремы, понял, что это плач. Невский открыл глаза и с изумлением уставился на своего ревущего соседа. Да, Алексей сидел на своей кровати и обливался слезам, размазывая их по веснушчатым щекам.

— Что случилось? — Невский подскочил к Никонову, но тот лишь промычал в ответ, лицо его исказилось гримасой боли.

— Он каждый раз так свои лекарства от малярии пьет. Совершенно не умеет их глотать, только жевать вынужден. Я этот ужас уже 2-ю неделю наблюдаю, — пояснил Дима Хорошилов, гигант прапорщик, старшина разведроты.

— Ты не умеешь глотать таблетки? — искренне изумился Александр. — Тебе, наверное, делагил назначили. Но это же страшно горькое лекарство, его специально в защитной оболочке выпускают, растворяется в желудке только — так защищают от горечи. Радуйся, что уже не лечат хинином или акрихином — ты бы кричал от горечи на пять верст вокруг. Обещаю взяться за твое обучение. Что же мама тебя не «натаскала» в детстве?

— Вот я и мучаюсь из-за мамы. Она с детства учила только жевать таблетки, мол, так лучше всасываться будут. Я от этой горечи во рту последние дни никак не могу избавиться. Все подсмеиваются надо мной, а я, правда, не могу глотать. Научи, Саня, будь другом!

— Да, твоя мама явно не знала, что заболеешь малярией, простим ее. Научу тебя этой «премудрости». Можно начать с леденцов, есть у кого-нибудь? — обратился врач к товарищам по несчастью.

Виктор без слов заглянул в тумбочку и достал пакетик мелких конфет: «Вот взял с собой, хочу бросать курить, полезная замена». Он разорвал пакет и протянул горсточку Никонову. Тот,

продолжая «передергиваться» лицом и всхлипывая, передал разноцветные леденцы Невскому.

Обучение началось. Леша действительно долго не мог освоить элементарный прием глотания. Но на втором десятке дело пошло лучше. Наконец, он победно продемонстрировал «полноценный акт глотания». Все в палате даже зааплодировали, слабые улыбки появились на лицах обитателей палаты N7. Этот урок «по глотанию» смог хоть немного отвлечь от своих невеселых дум и болей.

6

Вечером после ужина, на который Невский даже не пошел — сильно разболелась голова, дежурная медсестра раздала всем градусники. За весь день никто из врачей даже не заглянул в палату. Если такое отношение к офицерам, то, как с солдатами обстоит? — размышлял Саша.

— Слышь, ребята, а когда лечить-то начнут? Я смотрю, только трое что-то получают, остальные — «дырку от бублика».

— Ты, Санек, еще долго будешь один градусник получать на лечение. Пока не будут готовы анализы. Хорошо, если сразу получится, а-то вон капитаны наши уже 2-й раз сдают, а Серега Бабенко уже 3-й раз вчера сдавал, так? — проговорил подполковник Якушев, обращаясь к молчаливому лейтенанту, командиру взвода ДШБ(десантно-штурмовой батальон). Тот кивнул головой и повернулся на другой бок, укрываясь с головой одеялом.

— Делаааа, — протянул Невский. — Так ведь и до осложнений не далеко дотянуть. Видел я таких несчастных. Ну, если клиника ясна, чего они не начинают лечение? Кошмар какой-то!

— Наша докторша объясняла, что без результатов анализов боится ошибиться в диагнозе, много схожей заразы здесь в стране бывает, приходится терпеть, — впервые вступил в разговор смуглый, с восточным разрезом глаз, худощавый капитан Гареев, командир 2 мотострелковой роты из бригады. Невский вспомнил, что уже пришлось знакомиться с Салаватом, когда он приходил проведать своего раненого товарища в Медроту пару месяцев назад.

— Я знаю, Салават, что важно правильно поставить диагноз сразу, после лечения антибиотиками это будет труднее сделать, но убейте меня, если я «врубаюсь» в эту систему лечения! Почему приходиться помногу раз пересдавать анализы? Это уже чистой

воды бардак, так ведь?

Гареев махнул неопределенно рукой, остальные промолчали. Вскоре вернулась дежурная медсестра Зина, тоненькая блондинка с большими голубыми глазами. Она собирала градусники, объявляя каждому результат. Меньше 38 градусов не звучало, Невскому она объявила: 39,5. Он и сам чувствовал, что жар растет…

— Я вам поставлю на ночь жаропонижающее, — произнесла она, взглянув на старшего лейтенанта своими «голубыми брызгами». — Кому еще укольчик? — Несколько слабых рук поднялось над кроватями. Она кивнула головой, сделала пометки в своей тетрадке и выпорхнула за дверь.

После укола Невский попытался уснуть, но головная боль пульсировала толчками, сильная слабость вдавливала голову в подушку, боль «кочевала» по телу, казалось, она ищет еще не проверенные участки, но особенно ей понравилось «хозяйничать» в животе. От этой боли нельзя было спрятаться, укрыться куда-нибудь. Тошнота и горечь во рту служили «приправой» к этой боли. Вернулся и сухой кашель, вырывающий наизнанку все внутренности. Впрочем, не один Александр производил столько шума: из разных уголков палаты слышались стоны, кашель, бормотание, вскрикивания, охи — и — ахи. Обитатели палаты «активно болели».

Взгляд Невского бродил в полутьме по соседним кроватям, по стенам, словно ища спасение. На улице ярко горели лампы, их свет проникал и в палату, отражаясь причудливыми очертаниями на всем в помещении. Наконец, глаза остановились на карте на противоположной стене. С упорством обреченного, ждущего чудесное спасение, Невский стал искать на карте свой флажок, освещения на карте было маловато, но он все же нашел свой город, где его ждут и любят жена и дочка. Он стал представлять себе свой приезд домой, видел дорогие и любимые лица, подбрасывал визжащую от счастья дочку к потолку, смеялся вместе с ними. Боль стала уменьшаться, уходить, даже пылающее лицо почувствовало дуновение свежего морского ветра, пространство комнаты стало расширяться, раздвигаться, возникли картины летней уральской природы: лес, озеро, песчаный пляж. Звуки, запах — все стало иным, чем было в палате. Прямо со стены к старшему лейтенанту шагнул невысокий человек в металлических доспехах и в остроконечном шлеме, он присел на краешек кровати, положил свою прохладную руку на лоб, улыбнулся и произнес: «Не бойся, мой далекий потомок! Я не дам тебя в обиду, я всегда буду рядом с тобой, вовремя приду на помощь. А сейчас ты должен спать». — Он

растворился в воздухе. Невский решил, что сходит с ума, но вскоре уснул, не заметно для себя.

7

Пробуждению Невского предшествовал чудесный сон: он шел по огромному полю цветущих кустов роз, в воздухе стоял тонкий аромат, бабочки переносились с цветка на цветок. «Это я попал в рай, значит, я уже умер», — подумал он еще во сне и проснулся.

«Продал художник свой дом, продал картины и кров. И на все деньги купил — целое море цветов. Миллион-миллион алых роз…»

Невский с удивлением приподнялся на кровати. Из магнитофона звучал голос Аллы Пугачевой, Витя Устинович стоял у своей кровати и вытирался полотенцем, несколько человек заправляли свои кровати.

— Кончай ночевать! Вставай пришел, — произнес он, улыбаясь Александру. — Скоро уже завтрак, а ты и «мордочку» не умыл еще. Здоров же ты дрыхнуть!

Общий умывальник находился рядом с их палатой, пришлось даже подождать — раковин явно было маловато на всех желающих. Вскоре после завтрака (пришлось Невскому заставить себя съесть хоть немного не соленой каши) начался обход начальника отделения.

В палате N7 группа в белых халатах во главе с подполковником Дежневым, крепышом среднего роста с седыми усами и бакенбардами на темно-красном лице, появилась минут через 30. Лечащий врач Мазуревич поочередно докладывала Глебу Васильевичу о своих пациентах. Он кивал, задавал вопросы, отдавал распоряжения старшей медсестре, процедурной и постовой сестре. Невский узнал, что капитаны Гареев и Исаков, лейтенант Бабенко поступили с подозрением на брюшной тиф, сейчас они ожидают результаты анализов. Прапорщик Устинович поступил вчера с подозрением на паратиф, сегодня он пойдет на «посев». Подполковник Якушев продолжает лечение брюшного тифа, но пока температура еще держится высокой, есть опасность рецидива болезни.

— Николай Николаевич, вы говорили мне, я забыл — сколько у вас выслуга-то лет в армии? — спросил начальник отделения, поздоровавшись с больным за руку.

— Уже 47 лет исполнилось.

— А лет вам?

— На днях стукнуло 45. Я начал служить, еще, когда мои

родители даже не познакомились, — улыбнулся Якушев, а на изумленный возглас Мазуревич пояснил:

— Я же летчик- штурман, всю жизнь на транспортной авиации на Севере или на Камчатке служил, был во Вьетнаме, в Анголе, вот и набирал льготную выслугу (год за два, год за три). А после службы в Афгане еще «набежит», мне уже давно можно на пенсию, да не хочется бросать любимое дело.

— Как за эти годы служба ваша проходила, без происшествий? — сладко улыбаясь во весь рот, спросила Любовь Максимовна.

— Слава Богу, везло мне на экипаж, хорошие ребята подбирались, летали без аварий, даже несмотря на фамилии, — произнес Якушев, усаживаясь тяжело на край кровати. Он тут же пояснил:

— До Афгана я много лет летал с командиром Виктором Загробным и вторым пилотом Владимиром Могильным, вот сюда прямо из Киргизии прилетел, но один из прежнего экипажа.

— А с кем теперь летали? — вновь улыбнулась широко Мазуревич.

— Сейчас у нас вообще экипаж домашних животных: майор Козлов, капитан Баранов, лейтенант Коровин и я затесался к ним, поэтому, наверное, и заболел. — Якушев коротко хохотнул.

— Ну, ничего, вернем мы вас к «домашним животным», не переживайте, — успокоил начальник отделения, переходя к следующей кровати.

Ординатор пояснила, что прапорщик Хорошилов лечится от брюшного тифа, уже скоро пойдет на поправку. Перешли к Алексею Никонову.

— Это наш Лешенька — разведчик, лечим его от трехдневной малярии, возбудитель выявлен точно, проходит лечение строго по курсу. Одна беда — он не умеет глотать таблетки, а жует их.

Дежнев с изумлением посмотрел на старшего лейтенанта.

— Уже умею, вчера меня Невский научил, утром уже пил без проблем, — счастливо улыбаясь, объявил Никонов.

— Дозы правильно подобрали, не будет, как с Пытней? — строго взглянул на своего ординатора начальник отделения.

Та сразу стушевалась, пошла красными пятнами по лицу, начала что-то бормотать нечленораздельное, наконец, заверила, что держит все под контролем.

Невский сразу понял, о ком идет речь, т. к. необычные фамилии запоминаются особенно хорошо. Именно с такой фамилией пару недель назад, когда он еще работал в хирургическом отделении в госпитале, был переведен из инфекционной палатки молоденький солдат (ему не исполнилось

и 20 лет). Он поступил с подозрением на малярийную кому — лечился несколько дней, лекарства получал не регулярно, в меньших дозах, чем следовало. Больного сразу положили в реанимацию, врачи делали все возможное, чтобы спасти его: полный комплекс средств внутривенно струйно и капельно, но парень «таял на глазах». Незадолго перед кончиной, когда Невский ему ставил в очередной раз в подключичную вену целебный раствор, тот неожиданно открыл глаза и четко произнес: «Я — Василий Пытня, передайте моей невесте Аленушке Здор, что я любил ее до последних дней моей жизни. Она живет в Петушках». Сначала Невский ничего не понял, решив, что парень бредит, но тот настойчиво повторил еще пару раз, тщательно выговаривая фразу. Потом он взял Невского за руку и слабо пожал ее. После этого вновь впал в кому. Через пару часов он умер.

Невский взял его «Историю болезни», действительно, солдата звали так, а родом он был из города Петушки. Значит, его невеста Аленушка с тоже необычной фамилией не увидит больше никогда своего парня. На следующий день приходил командир взвода за телом. Невский передал ему последнюю просьбу умершего, для верности написав весь текст фразы. Лейтенант забрал бумажку, пообещав выполнить все. «Уже второй из моего взвода умирает в инфекции за 2 месяца», — угрюмо произнес командир. Он даже хотел поговорить с командиром роты, чтобы «списать парня», как получившего смертельное ранение в бою. Возможно, так и получилось, его родные будут знать другую картину гибели солдата, впрочем, самому Василию это безразлично…

Начальник отделения приблизился к Невскому:

— Ну, что, Саша, все-таки свалила тебя болезнь? Мы нашли источник инфекции, кроме тебя еще несколько человек пострадали. Обидно, конечно, но не горюй! Поставим тебя на ноги, опять будешь людей резать-зашивать в свое удовольствие. Какая температура? — он повернулся к сестре.

— Утром опять была, как и вечером, 39,5.

— Значит, строгий постельный режим, еду ему тоже в палату носить, «утку» под кровать поставить. Не тянуть с началом лечения антибиотиками. А как пойдет на поправку, то можно его и «поэксплуатировать» — пускай помогает «Истории болезни» заполнять, ведь нам не хватает катастрофически врачей.

Невский знал, что Дежнев снискал себе славу прекрасного врача-инфекциониста, он «вел» самые сложные, «комбинированные болезни» и запутанные случаи (вспомнилась лекция, прослушанная месяца 2 назад. Специалист из Ташкента рассказывал врачам Медроты о «происках» империалистов,

которые забрасывали на территорию Афганистана насекомых, зараженных всякими «экзотическими» болезнями, сразу и не вспомнишь все:

болезнь цуцугамуши, лихорадка паппатачи, лихорадка Ку, лихорадка Скалистых гор, желтая лихорадка, пятнистая лихорадка, геморрагические лихорадки и т. д. и т. п. Все они обычно поступали с предварительным диагнозом — «Лихорадка неясной этиологии». Вот с такими «фокусами» и разбирался начальник отделения). Старший ординатор Ивлев лечил в основном «желтушников» и «тяжелых тифозников». Остальные больные вверяли свои судьбы Любовь Максимовне.

Глеб Васильевич еще раз обвел взглядом обитателей палаты и вышел, все белые халаты потянулись за ним.

8

День пролетел не заметно. Слушали бесконечное число раз одну и ту же кассету Устиновича, больше просто не было. Вновь и вновь звучала песня «Миллион алых роз». Странно, но она совершенно не надоедала, причем многие просили перемотать ее вновь к началу. Витя обещал, что ему принесут побольше кассет. Он уже сходил «на посев», вернулся смущенным.

Ближе к вечеру в палату заглянула доктор Мазуревич. Она шепотом попросила Невского выйти в коридор. Он с трудом поднялся, надел синюю куртку и вышел.

Ординатор ждала его, прислонившись к стене. Вид у нее был испуганный.

— Саша, ты не держи на меня зла, что сразу тогда тебя не положила. Ошиблась в диагнозе-с кем не бывает! Работы очень много, даже присесть некогда.

Невский молча кивнул. Мазуревич развернулась и пошла по коридору, махнув Александру рукой, тот двинулся следом.

— Мне нужна твоя помощь, надо посмотреть одного больного, только поступил. Хотела с Глебом Васильевичем посоветоваться, но он уехал консультировать больного в ООН-ский городок. А Ивлев уехал в аэропорт — встречает кого-то. Этот солдат поступил с какого-то отдаленного блокпоста, несколько дней его лечил фельдшер от ангины, а сейчас привезли с подозрением на дифтерию.

— А я-то что могу сделать? — искренне удивился старший лейтенант.

— Посмотришь, оценишь состояние, прикинешь на счет возможной трахеостомии. Договорились?

— Хорошо.

Они остановились у двери с надписью «Палата интенсивной терапии», расположенной рядом с постом дежурной сестры. Та протянула молча белый халат. Невский надел и вошел следом за доктором.

В палате в центре на одинокой кровати лежал молодой парень, измученный страданиями. Бледное, осунувшееся лицо, ввалившиеся глаза с лихорадочным блеском, шумное, прерывистое («пилящее») дыхание. Было видно, что оно дается ему с трудом.

— Как тебя зовут, что беспокоит? — Обратился к нему Невский.

Парень ответил не сразу, он словно собирался с силами, вспоминал.

— Слава Весняк, — наконец, ответил он еле слышным, осиплым голосом. — Все тело болит, особенно в горле больно, трудно дышать, пленки какие-то в глотке. Я видел их еще раньше, пытался их даже зубной щеткой отодрать, но не вышло — плотные очень.

Чтобы лучше слышать ответ, Невский даже наклонился пониже. Он сразу обратил внимание на сильный отек на шее. Попросил открыть рот. Да, опасения подтвердились. Это была острая дифтерия зева с переходом уже на гортань, формировался дифтерийный круп, больной мог погибнуть от удушья (пленки в горле уже перекрыли большую его часть, воздух проходил с трудом).

— Чтобы снять интоксикацию, мы уже начали ему капать растворы, — Мазуревич показала на банку с раствором и на иголку с трубкой в его сгибе локтя.

— А противодифтерийную сыворотку уже ввели? С этим нельзя откладывать!

— Нет, но сейчас сделаем.

— С дозами правильно надо рассчитать, думаю, не менее 40 тыс единиц потребуется. — Сказал Невский, выходя из палаты. Он еле держался на ногах, температура снова «подпрыгнула», сильно болело в животе. Мазуревич вышла следом.

— Я думаю, — продолжил Невский в полголоса, — следует в ближайшие часы дать доступ воздуху через разрез на шее, т. е. провести трахеотомию. Есть у вас такой набор?

— Да, все лежит в этой палате в стерильной укладке, можно пользоваться, я проверила. А ты, Саша, сможешь такой разрез сделать?

— Ну, я делал подобное уже несколько раз, руку набил. Но сегодня не мой день — еле держусь на ногах. Так что лучше

вызывайте хирургов из госпиталя, пусть поработают.

— Ты же знаешь, как сейчас стало сложно — хирургия осталась на старом месте, ехать можно только с сопровождением охраны — морока сплошная! Давай, мы сегодня не будем оперировать, а завтра посмотрим?

— Смотрите по состоянию больного, за ним нужно постоянное наблюдение, не опоздайте с операцией. Мне кажется, без нее уже не обойтись, — Александр передал свой белый халат сестре, а сам побрел на слабых ногах в палату.

9

Весь вечер всей палатой слушали бесконечное число раз единственную кассету. Голоса Пугачевой, Леонтьева, Софии Ротару, Вячеслава Малежика, Муромова и других популярных в то время исполнителей звучали в палате. Песни отвлекали от невеселых дум, от болей, поднимали настроение больным. Кое-кто начинал вспоминать свою семью, детей, дом, любимую кошку или собаку. Не заметно затронули тему необычных фамилий. Каждый стал называть примеры из своей жизни. Звучали: полковник Козлик, майор Волков и лейтенант Волкодав (оба служили в одном батальоне), капитан Олег Папа, лейтенант Гдель Игорь, прапорщик Касьян Шишкинберг («человек с простой русской фамилией», — как сказал о своем рыжеволосом знакомом Устинович), старший лейтенант Домашний. Эта игра так неожиданно увлекла всех, многие назвали по десятку примеров. А Невский вспомнил годы службы в хирургическом отделении госпиталя в Печоре, в то время в соседнем терапевтическом корпусе служили 3 офицера: Шишкин, Орешкин, Ягодкин. Их так и называли: «Дары природы». Порой можно было вполне официально услышать: «Этого больного надо направить на консультацию в Дары природы»…

Перед сном новая дежурная сестра Света, с круглым миловидным лицом и черными вьющимися волосами, измерила температуру. «40 градусов», — объявила она Невскому. Он и сам чувствовал это. Появилось новое, навязчивое ощущение «мягкости своих зубов». Боялся лишний раз пошевелить языком, чтобы не повредить «пластилиновые зубы», даже не стал ничего есть на ужин- тарелку унесли обратно. Александр понимал абсурдность своих страхов, но ничего не мог с этим поделать. Предстояла новая ночь кошмаров и галлюцинаций всевозможных.

Жаропонижающий укол снизил немного температуру, но противное новое «открытие» мягких зубов не отпускало сознание

на покой. Невский вновь в полумраке ночи нашел на карте «свой флажок», мысленно перенесся опять в свой дом, повидался с женой и дочкой. Это успокоило, удалось уснуть.

Весь следующий день, 29 декабря, Невский провел в ожидании, ему постоянно чудился быстрый бег каблучков по коридору — торопятся пригласить его на операцию с больным. Но все оставалось по-прежнему. Состояние понемногу улучшилось, но «мягкие зубы» беспокоили с новой силой.

Виктору принесли новые кассеты, расширившие репертуар песен. Уже звучали песни Высоцкого (здесь, в Афганистане, практически в любом дукане можно было купить его кассеты, выпущенные в Гонконге, а в СССР это просто было невозможно. Говорят, на таможне эти кассеты отбирали…). Приятно было слушать этот мощный, хрипловатый голос, придающий силы. Еще звучали «афганские песни»- написаны здесь воинами-интернационалистами.

Неожиданно под вечер Александр разговорился с лейтенантом Бабенко, молчавшим все эти дни. Нашли общую увлеченность историей. Оказывается, Сергей закончил Университет в Томске, исторический факультет, а Невский закончил в этом городе Военно-Медицинский Факультет при Томском Мединституте. Вспоминали общие улицы города, по которым ходили.

— Как же ты здесь оказался?

— После военной кафедры получил звание лейтенанта запаса, а после окончания Универа и призвали на 2 года, как не семейного. Кроме того, я мастер спорта по альпинизму, предложили «полазить по горам». Вот я здесь уже 2 года провел командиром взвода ДШБ, облазил столько гор, что моим друзьям и не приснится. Жду заменщика уже месяц, новое звание тоже на днях пришло, но не «обмывал» еще, так что не считается вроде. Предлагают остаться на весь срок, на 25 лет, но нужно в партию вступить, а я не хочу.

— Да, без членства в партии не сделать карьеру. Нас еще в училище приучали к мысли: раз офицер, значит, член партии, — отозвался вертолетчик, капитан Исаков.

— Я уж лучше без партии проживу, дождусь заменщика и — «Бери шинель, пошли домой». Эта болезнь так некстати привязалась. Скорей бы начали лечить, сил терпеть уже нет совсем.

— А чем тебе наша партия насолила, что ты от нее шарахаешься? — присоединился к разговору Якушев, — я в партии еще с курсантских лет. Ничего не могу плохого припомнить от нее.

— Вот уже 65 лет партия нам мозги всем «засирает», столько порядочных Российских офицеров уничтожила, один Александр Васильевич чего стоил.

— Кто это? — удивился Невский. Он считал себя знатоком русской истории, но такие суждения слышал впервые.

— Как кто? Конечно, Колчак. Попомните мое слово — его еще объявят гордостью страны нашей. Можно и других истинных героев России назвать: Лавр Корнилов, первый командующий Добровольческой Армии, к сожалению, погибший от шального снаряда, его сменил не меньший патриот России Антон Иванович Деникин. А вклад Нестора Ивановича Махно в русскую историю еще предстоит открыть заново. Он получил орден Боевого Красного Знамени один из первых в стране, — Сергей от возбуждения даже уселся на кровати, размахивал руками.

— Да, Серега, с такими речами тебе лучше в партию и не соваться, — хохотнул Якушев.

— Где ты набрался таких знаний, не думаю, что в твоем Университете? — совершенно изумленный спросил Невский.

— Нет, конечно, там нам преподавали историю КПСС, а это я вычитал в книжках. Опять же в нашей стране вы таких не найдете. Их покупал мне отец, он в загранку часто на торговом судне ходит, вот и привозит мне тайком русские издания из Парижа, из Лондона и других столиц. Только там еще можно прочитать настоящую правду о нашей истории. — Бабенко вновь улегся и укрылся с головой одеялом. Все в палате подавленно молчали. Такого взгляда на русскую историю еще не приходилось слышать…

— Ну, и делааа, — протянул Невский. Он понимал, что столкнулся с новыми для себя знаниями по истории, они ошеломляли, но и завораживали. То, с какой убежденностью говорил лейтенант, вызывало уважение. Он был абсолютно уверен в своей правоте! «Надо будет еще с ним поговорить один на один», — решил Невский.

10

«Вши на нас!» Этот душераздирающий крик разбудил Невского, он даже подпрыгнул в кровати. Вскочили и остальные обитатели палаты. Сергей Бабенко срывал с матраса свою простынь, снимал наволочку с подушки, при этом, не переставая громко ругаться и кричать о вшах, которые атакуют нас. Сначала все решили, что он впал в тифозный бред. Но Витя Устинович рассмотрел отвратительных насекомых, ползающих по

постельному белью. Другие тоже стали рассматривать свои постели, нательное белье. Довольно скоро послышались подобные же возгласы. Нашел их и Невский. Вся офицерская палата оказалась завшивлена. На крик прибежала дежурная сестра, от нее потребовали срочно пригласить старшую медсестру и лечащего врача.

— То-то я стал чесаться последние дни, никак не пойму, что со мной.

— Во-во, меня уже так искусали, что в кровь расчесы на ногах!

— В жизни не видел ничего подобного: в лечебном учреждении вши!

Множество подобных высказываний звучало в палате, не скупились и на крепкое словцо.

Старшая сестра, пожилая худая женщина с волосами неопределенного цвета, со «жгучими» черными глазами молча вошла в палату. Постепенно крики прекратились. Ее побаивались за суровый, волевой взгляд.

— Чего орем? Подумаешь, вшей они испугались. Да, мы виноваты, что такое произошло, но здесь большая вина прачечной — они плохо прожарили постельное белье, вот и вылупились из яиц вши. Вы у меня не первые, это 5-я палата с таким «подарком». Значит так, всем снять аккуратно постельное белье, не вздумайте его трясти! Я уже распорядилась подготовить вам душ. Смените после мытья и нательное белье, а все ваши куртки-штаны сдадите на прожарку. Будет вам новогодний подарок — чистое постельное белье. Якушев, вы назначаетесь старшим вашей команды! — Нина Владимировна (а обращались к ней только так) неожиданно широко улыбнулась.

— Есть! — ответил Якушев.

Все вдруг совершенно успокоились, стали тщательно собирать простыни, наволочки, полотенца. Один лишь Бабенко еще долго что-то бормотал нечленораздельное.

После столовой все обитатели палаты N7 отправились во двор, где была развернута большая брезентовая палатка, внутри размещались душевые, все вошли в одну смену. Мытье горячей водой освежило, даже придало сил. Люди явно повеселели. Оделись во все новое, пахнущее свежестью, их больничная одежда прожарилась в пароформалиновых камерах, источала еще еле слышный запах.

В палату вернулись уже «другими» людьми. Заправили постели новым бельем. Далее решили готовиться к Новому году. Идею предложил Виктор Устинович. Сам он тут же принялся разрисовывать окна рисунками елки, Деда Мороза и Снегурочки,

снежинками, всякими зверушками, надписями. Художником он был не плохим, а использовал в качестве сырья обычную зубную пасту, разведенную водой. Кисточка нашлась у медсестры. Остальные вырезали из старых газет снежинки, развешивали их по всей палате, даже протянули веревку через всю палату, на ней размещали целые гирлянды из вырезанных игрушек, снежинок. Палата быстро преображалась в сказочный замок. Несколько раз прибегала дежурная сестра Надежда, «отчаянно веснушчатая», розовощекая толстушка. Она похвалила за усердие. Объявила, что всем сегодня назначено лечение — готовы анализы. Ей даже похлопали за такую новость.

Невский работал с увлечением. Еще бы — Новый год был и его любимым праздником. Но что-то гложило его до сих пор. Наконец, он вспомнил этого паренька с дифтерией. До сих пор ему не сделали операцию. «А, может ему сделали хирурги госпиталя, или он пошел и так на поправку?» — успокаивал он себя. Но тревога не проходила. Решив, что все узнает у сестры, он вновь принялся вырезать причудливые фигурки. Скоро в палату принесли небольшую искусственную елочку — друзья Устиновича выполнили обещание. Радостный крик был всеобщим. Елку украшали, чем придется. В ход пошли и пустые коробочки от лекарств, пузырьки, одноразовые системы для переливаний. Все забыли о своих хворях, со стороны могло показаться, что дружный коллектив здоровых молодых людей готовится к празднику.

Ужин, как и обед, прошли без происшествий. В который раз пожалел Невский об отсутствии соли. Все получили свои лекарства — лечение левомицетином началось. В палате все легли по кроватям — болезни и усталость брали свое. Александр прислушивался к каждым шагам в коридоре — «идут за мной» — каждый раз казалось ему. Но и вечер прошел без приглашения на операцию. Невский успокоился совершенно, значит, обошлись без его помощи. Он стал вслушиваться в негромкий разговор между Якушевым и Бабенко. Они неторопливо перебрасывались фразами.

— Вот ты, Сергей, самый образованный среди нас, закончил Университет. Значит, ты интеллигентный человек. А каково тебе было эти 2 года в армии, да еще в чужой дикой стране, да среди грубых людей?

— Ну, во-первых, я еще не интеллигентный человек. Чтобы стать интеллигентным, надо закончить три университета: дед должен закончить, отец должен закончить, и ты сам должен закончить университет. В нашей семье только я пока закончил, вот женюсь после Афгана, появится у меня сын, получит он

хорошее образование, а сын моего сына, внук мой, тоже закончит университет, вот он и будет настоящим интеллигентом. Во-вторых, в армии очень много умных и порядочных людей, их надо просто уметь отличать от солдафонов, ограниченных карьеристов. И потом, российская армия очень ценна традициями. Русский воин до роли палача никогда не опускался. Он жил по заповеди: «Сразив врага, будь милостив. Победив его рукою крепкою, победи его милостивым и милосердным сердцем, иначе, чем же мы остановим ненависть человеческую». Наконец, русская армия самая сильная в мире. Достаточно взглянуть на карту мира, — он показал на карту над своей головой, — на СССР посмотреть, на Россию на ней. И сразу понятно, чьи воины лучше. Столько земли освоить, столько пространства отстоять! Так что я не жалею, что провел эти годы среди, как вы говорите, грубых людей. Вот и новую страну посмотрел, по горам ее полазил.

Невский с интересом слушал Сергея, удивлялся широте его познаний.

— Чем ты думаешь заняться после армии, если не будешь дальше служить? — Спросил Никонов, тоже с интересом слушавший разговор.

— Не знаю, Леха, еще не думал. Возможно, буду поступать в аспирантуру, хочу всерьез заняться русской историей. А сейчас я хотел бы заняться сном, устал сегодня здорово. Вскоре он уснул, как и многие в палате.

От приступов сухого кашля Невскому назначили банки, на ночь он получил первую процедуру. Действительно, стало легче. Ночь прошла спокойно.

11

Последний день старого года начался, по уже заведенной традиции, с песни «Миллион алых роз». Под нее и просыпались в основном обитатели палаты. Виктор, как только открывал глаза, нажимал на клавишу магнитофона. С утра слышались шутки, все настраивались на праздничное, новогоднее настроение.

— Здравствуйте, мальчики! С наступающим Новым годом всех поздравляю! Главное, чтобы все скорее поправились, больше не попадали к нам, вернулись домой к своим женам и детям! — в палату влетела улыбающаяся сестра Зина, накрашенная больше обычного, голубые глаза так и светились радостью. Ее ослепительно белый халат был украшен разноцветным бантом из елочной мишуры. — Берите градусники и не смейте нагревать большую температуру!

— Зиночка, а мы здесь все холостые — не женатые. Вы сами, где будете встречать? Мы вас к себе приглашаем! — «хищно» улыбаясь, проговорил красавчик Юрий Исаков. Тонкие черты лица, черные волосы, шикарные усы, но главным его «оружием соблазнения» были ресницы: невероятно длинные и густые, они, как крылья бабочки, порхали над его карими глазами. Редкой женщине удавалось, наверное, устоять под таким взглядом. Сколько их пало на его пути — одному Богу известно.

Медсестричка сразу смутилась от его взгляда, густо покраснела:

— Я вечером сменяюсь, буду с подругами в общежитии отмечать. — Она молча раздала градусники, стараясь больше не смотреть на Исакова. Вышла поспешно за дверь.

— Юрка, кончай девок смущать своими ресницами! — коротко рассмеявшись, произнес Салават. — Взял бы, да подарил этакое добро кому-нибудь, осчастливил человека. Мужику такие не нужны, а для женщин — это клад.

— Вот я и осчастливил свою жену, она мне дочку родила. Ей 13 лет уже, а ресницы у нее мои! Эх, мужики! Дочь- это величайшее в мире сокровище! Говорю вам, как любящий отец. У кого еще дочки есть?

Якушев и Невский подняли руки, дружно кивая головой на слова о сокровище.

— А я думаю, что важнее иметь сына-наследника. Так ведь, Димка и Витька? — уселся на кровати Салават, обращаясь к прапорщикам.

Те подтвердили. Долго еще не утихал спор в палате, пока его не оборвал Серега Бабенко:

— Лучше всего иметь сына и дочь! В моей семье так и будет, — он стукнул кулаком по тумбочке, словно споря с кем-то. Все засмеялись.

Вернулась сосредоточенная Зина, прошла сразу к Невскому, посмотрела его градусник-38, потом прошептала на ухо: «Вас срочно просит прийти Любовь Максимовна, там больной умирает». Невский подскочил на кровати и стал быстро одеваться, долго не мог попасть в рукава куртки. Офицеры начали шутить о назначенном ему Зиночкой свидании, но он уже никого не слушал. Выбежал в коридор и помчался к памятной палате.

У входа стояла бледная, трясущаяся Мазуревич.

— Сашенька, спасай парня, а-то у меня будут большие неприятности, — сразу бросилась она навстречу, протягивая белый халат, шапочку и белую марлевую повязку, помогая их надеть.

— Почему так долго тянула с операцией? — Невский даже не заметил, как перешел на «ты».

— Все ведь вроде хорошо пошло после введения противодифтерийной сыворотки, ему стало сразу легче. А сегодня утром… Я уже послала за хирургами в госпиталь, но пока они приедут…

— А повторно вводила сыворотку? При таких тяжелых случаях надо первые 2 суток вводить каждые 12 часов! Ты же инфекционист, почему я должен тебя учить?! — Невский почувствовал, как поднимается волна ярости в его душе.

— Я забылааа, — захныкала докторша, размазывая слезы по щекам.

— Ну, ты и сука, — пробормотал Александр, открывая дверь в палату.

Процедурная сестра Галина хлопотала у тела больного, а точнее — умирающего. Крайняя степень синюшности бросалась в глаза сразу, причем цианоз был не только на лице, но и на сложенных на груди худых руках. Редкое затрудненное дыхание, заострившиеся черты лица, полный безразличия взгляд. Скорей всего он уже никого не видел.

— Слава! — позвал его Невский, сразу вспомнив имя. Никакой реакции. — Так, срочно мне набор для трахеотомии сюда! Пригласите еще помощников! Давайте мне йод и спирт для экстренней обработки рук и стерильные перчатки. — Невский приказал себе успокоиться и приниматься за спасение жизни, теперь все зависело от него. Мазуревич выбежала из палаты, а Галина, сразу надев хирургическую повязку, принялась деловито открывать шкафы, доставая все необходимое.

Невский обработал руки спиртом, потом щедро намазал кисти йодом, подождал, дав им просохнуть (такой экстренный способ часто применялся во время еще Великой Отечественной войны, когда не было времени на «традиционную помывку рук хирурга»). Галина помогла надеть стерильные перчатки. Она работала сноровисто, профессионально.

Разложила на передвижном операционном столике хирургические инструменты. Невский окинул их взглядом, припоминая, все ли есть на месте. Остался доволен. По его команде Галя положила больного строго на спину, слегка запрокинув голову, руки его привязала ремнями к специальным кольцам по бокам кровати, укрыла простынею до основания шеи. Надела стерильные перчатки.

Невский мысленно помолился и приступил к операции. Он обработал всю шею больного йодом, потом спиртом, обложил стерильными полотенцами, оставив только место разреза. Ему

требовался помощник, который бы держал хирургические крючки, но Мазуревич все не возвращалась. Решил начать пока один. Строго по средней линии скальпелем рассек кожу, тонкий подкожный слой, пережал крупные сосуды кровоостанавливающими зажимами («москит», вспомнил их название). Раздвинул края раны, обнажая хрящи. Отыскал необходимое место для дальнейшего разреза.

Вбежали Мазуревич и сестра Зина в своем праздничном банте, эта елочная мишура смотрелась сейчас нелепо в такой ситуации. Невский приказал одной держать хирургические крючки, зацепив их за края хряща — иначе очень трудно его рассечь, не поранив крупные кровеносные сосуды по бокам (хрящи очень подвижны), а другой быть готовой вводить необходимые препараты. Галине он сразу отвел роль операционной сестры. Мазуревич подтолкнула вперед Зину, уступая ей место помощника хирурга. Та надела поданную хирургическую повязку, растерянно оглядываясь по сторонам.

— Начали, — коротко произнес Невский, уступая рядом место сестре.

Она смотрела расширившимися от ужаса глазами, явно не понимая свою роль у тела.

Невский зацепил двумя острыми крючочками края хряща, при этом разводя их в стороны и подтягивая вверх. Показал Зине ее роль, передавая блестящие длинные ручки в дрожащие руки помощницы. Убедился, что она держит правильно. Рассек хрящ трахеи. Из отверстия сразу вылетел комок плотной серой пленки, чуть не угодив в лицо хирурга, воздух стремительно ворвался в изголодавшиеся легкие. Дело было сделано, оставалось вставить металлическую трубку и закрепить — через нее теперь предстояло дышать больному. Невский незаметно глубоко вздохнул с облегчением. Казалось, все трудное позади.

Шум падающего тела вывел его из минутной задумчивости. Он и не заметил, как Зина закатила глаза и упала в обморок. Мазуревич бросилась к девушке, чуть не опрокинув операционный столик. Невский готов был застонать от отчаяния-крючки упали, а края раны сошлись, вновь закрыв проход для воздуха. На помощь пришла Галя, всунув ему в руку расширяющий зажим. Удалось опять открыть отверстие и вставить туда трубку из стали и хрома-больной задышал уже легче. Его лицо даже стало розоветь. Только бы сердце не подвело!

Тем временем доктор оттащила бесчувственную девушку к кушетке в углу палаты, металась по шкафам в поисках нашатыря. Галина указала ей шкафчик. После вдыхания едкого запаха Зина

пришла в себя. Она сидела на кушетке и тихонько плакала.

12

— Измерьте давление и пульс, подготовьте сердечные: строфантин, коргликон, камфара. Только бы не развился паралич сердца — тяжело нам с вами придется тогда. — Невский отдавал команды, перевязывая кровеносные сосуды и убирая зажимы. — Зиночка, можешь идти. Спасибо и не переживай — ты помогла в самый сложный момент операции! Попей крепкого сладкого чая.

Девушка виновато взглянула своими огромными голубыми глазами полными слез, кивнула и тихонько вышла.

Мазуревич измеряла артериальное давление, несколько раз роняя фонендоскоп. Невский закончил последний этап операции, укрепив трубку на шее, с удовлетворением оглядел свою работу. Галина начала убирать инструменты.

— Что-то я никак не могу определить давление, очень низкое, — капризно произнесла Мазуревич. Невский вырвал у нее фонендоскоп, стал слушать сердце — очень глухие редкие тоны, нарушенный ритм.

— Черт, осложнение все же развилось — все говорит о миокардите. Колите сердечные! — сам он отошел в сторону, начал снимать перчатки. Почувствовал страшную усталость, самому бы не грохнуться, как Зина. Устало опустился на кушетку.

— Он опять не дышит! — этот крик докторши привел его в чувства.

Подскочил к больному. Не удалось обнаружить ни дыхания, ни пульса на сонной артерии.

— Что ты ввела? — Закричал он диким голосом на Мазуревич.

— Строфантин внутривенно струйно.

— Дура! Идиотка! Кто тебе выдавал диплом врача?! Этот препарат всегда вводится очень мед-лен-но!! Ты его и так больное сердце разорвала, наверное.

— Я хотела побыстрее ему помочь, — выдвинула нелепое оправдание доктор.

— Есть электрокардиостимулятор? — обратился он к испуганной Галине. Она покачала головой. Невский застонал от отчаяния.

Он начал непрямой массаж сердца и искусственное дыхание через вставленную трубку. Через пять долгих минут парня удалось вернуть с того света. Мазуревич все это время причитала над телом, обращаясь сразу ко всем богам на земле.

— Нужен срочно кислород, есть в отделении баллон?

Галина сразу подтвердила, собираясь бежать.

— Нет, будешь помогать здесь. Пошлите кого-нибудь за кислородом и срочно сюда, — приказал он Мазуревич. Та пулей вылетела в коридор.

— Давай, Галя, набирай камфару, коли быстрее.

Сестра поставила укол. В палате остро запахло лекарством.

Но больное измученное сердце не хотело больше трудиться, оно снова остановилось. Снова Александр проводил непрямой массаж и искусственное дыхание. Напрасно. Вернулась доктор:

— Я передала Зине, скоро привезут баллон.

Увидев ситуацию, испуганно ахнула.

— Будем колоть адреналин прямо в сердце, срочно готовьте, еще понадобится сода — обратился Невский к Любовь Максимовне, продолжая массаж. Доктор бросилась набирать лекарство в шприц.

Через пару минут она подала Невскому шприц с маленькой иголкой и пакетик соды.

— Что это? — искренне изумился старший лейтенант. — Как я такой иглой проколю сердце?! Нужна специальная длинная игла, а сода нужна в растворе для вливания. Вас разве не учили вопросам реанимации? — У него не было даже сил, чтобы рассердиться.

— Нет здесь таких, — обреченно произнесла Галина.

Еще минут пять Невский пытался делать массаж, потом еще пять.

— Все! Сливайте воду! — произнес он, ни к кому не обращаясь. Страшная слабость вновь навалилась, сильная боль в животе последовала за ней. Затем его начала колотить мелкая дрожь.

Дверь открылась, и Зина с помощью санитара вкатила тележку с огромным 40-литровым голубым баллоном с кислородом:

— Вот, нашли! — победно произнесла она, но тут же осеклась.

— Поставь в угол, — показала ей рукой Галина. — Может, кому другому потом понадобится. Вчера еще хотели прикатить, но…

Невский прошел к кушетке, буквально упал на нее и закрыл глаза, привалившись к стене. Его по-прежнему трясло. Подошла Галина и протянула стаканчик с разведенным спиртом:

— Выпейте, станет легче.

Александр выпил одним махом, даже не почувствовав вкуса. Но дрожь постепенно прошла.

Медсестры вышли друг за другом.

Дверь снова открылась, и вошли начальник хирургического отделения госпиталя и его старший ординатор.

— Вот только сейчас добрались, — произнес майор Борисов, поздоровавшись с Невским за руку. Пожал ему руку и Копытов. Они окинули палату взглядом, сразу все поняв. — Рассказывай.

Невский коротко обрисовал ситуацию, рассказал о своих действиях. Хирурги подошли к телу, осмотрели.

— Все правильно сделал, Саша. Спасибо большое! К тебе претензий нет, напротив. В таком состоянии ты всех нас от прокуратуры спас, прикрыл наши задницы, сделал все, что можно и даже больше. А вот с Любкой мы еще поговорим. Она вообще должна тебе ноги целовать — иначе ей прямиком бы на нары надо собираться. Ладно, ты иди в палату, срочно ложись. Я запишу за тебя операцию, потом распишешься за свой труд, я все пояснения сделаю. Сейчас придет Глеб Васильевич, мы его на аэродроме подхватили — больных в Ташкент отправлял. Будем вместе думать, как «честь мундира» спасти. — Он подошел к Невскому, крепко обнял, «передал» Копытову, тот повторил, похлопав по спине. Отпустил. Невский, покачиваясь, побрел в палату.

13

В палате, не раздеваясь, сразу лег поверх одеяла, закрыл глаза. На все вопросы отвечал неопределенным мычанием. Скоро его оставили в покое. «Надо успокоиться, надо успокоиться», — твердил Невский бесконечное число раз одну фразу про себя. Он вновь и вновь прокручивал в голове проведенную операцию, пытался найти свои ошибки. Но не находил. Вон и Борисов не нашел никаких претензий к нему. Но чувство горечи не отпускало его. Очень жаль было молодого парня, погибшего так нелепо. Ах, кабы эту операцию провести хотя бы вчера! Но, увы, преступная халатность лечащего врача стоила жизни человеку.

Удалось успокоиться, взять себя в руки. Начал даже прислушиваться к окружающим звукам. «Врач резал вдоль и поперек, он мне сказал: Держись, браток! Он мне сказал: Держись, браток! — и я держался». Голос Высоцкого из магнитофона сейчас звучал очень кстати. «Ну, что же, буду и я держаться», — решил Невский, окончательно придя в себя. Вдруг очень захотелось есть, вспомнил, что даже и не завтракал сегодня.

— А обед уже был? — спросил Невский у соседа.

— Нет еще, скоро позовут, — отозвался Алеша. Он с интересом читал очередной детектив, даже не взглянув на собеседника.

— Никак наш доктор «ожил», пролежал целый час без движения. Что случилось-то, Санька? — спросил Исаков, расчесывая свои «гусарские» усы.

— Позже как-нибудь.

— Ну, не говори. Я Зинку расколю при случае, — не унимался Юрий.

Действительно, минут через 20, когда Зина принесла всем таблетки, он ухватил ее за край халата, потом взял за руку и гипнотизирующим голосом произнес, глядя прямо в глаза, «размахивая» ресницами:

— Зиночка нам сейчас расскажет, что за страшное событие случилось в отделении, в котором участвовал наш больной доктор «Пилюлькин».

Далее все произошло, как в рассказах между удавом и мышью. Зина широко распахнула свои голубые глаза и честно, коротко доложила о произошедшей трагедии. Правда, с ее слов получалось, что Невского надо срочно награждать за проявленное мужество. Только после этого она вырвала свою руку и, вспыхнув лицом, скрылась за дверью.

Обитатели палаты подавленно молчали. Очень вовремя пришли с приглашением на обед. Переговариваясь вполголоса, люди стали выходить в коридор. Невский вышел последним. Обед прошел в молчании. Лишь после обеда в палате все по очереди пожали Александру руку, каждый поддержал словом, кое-кто похлопал по плечу. Постепенно разговорились, стали вспоминать случаи из своей жизни, когда остро становился вопрос жизни и смерти.

В разгар воспоминаний в палату вошел начальник отделения, он присел на кровать Невского, пожал ему руку и шепнул на ухо: «Спасибо за все!». Потом протянул «Историю болезни» сержанта Вячеслава Весняка, попросил расписаться за операцию. Терпеливо ждал, пока тот читал. Все правильно было написано майором Борисовым, но вот дата операции смущала- 29 декабря, а далее следовало из записей, что больной умер через 2 дня от тяжелого сердечного осложнения. Старший лейтенант показал пальцем на дату, он еще хотел пояснить, что в тот день у него самого было 40 градусов. Как бы он оперировал?

— Так надо, Саша! — вполголоса сказал Дежнев.

— Хорошо, — Невский поставил свою подпись. Вернул бумагу.

Дежнев поднялся, прокашлялся, громко поздравил всех с

Новым годом, пожелал всем скорейшего выздоровления и вышел. Почти сразу за ним вошли с коробками 4 солдата в форме — подчиненные прапорщика Устинович доставили новогодние дары. Он принялся распоряжаться. Пока все разложили в углу палаты. Витя принялся распаковывать, приглашая всем присоединиться. Все повскакали с мест, загомонили, стали извлекать пакеты, кульки, банки стеклянные и металлические. Чего там только не было! От вкусных запахов из кастрюль защекотало в носу. Праздник обещал быть с богатым столом.

Невский с интересом рассматривал банки рыбных консервов: «Щука», «Судак», «Налим», «Лосось», — читал он этикетки. — А вот и «Крабы», «Креветки».

— Интересно, Витя, а кто это все ест? — не выдержал он, обращаясь к работнику продовольственного склада. — Нам что-то такое на паек офицерский не дают.

— Эх, мужики, знали бы вы, чем мы всяких заезжих гостей подчуем — в Кремле такого не увидишь. Все, что вы здесь видите — это «мелочевка». Расскажу как-нибудь.

Офицеры, разбирая коробки, продолжали изумляться. То и дело слышались возгласы: «Курица фаршированная», «Голубцы», «Сок черничный», «Сок смородиновый», «Морс клюквенный». Полная кастрюля с настоящей жареной, а не с сухой картошкой, «добила» всех. Все пожелали далее служить только с Витей. Он лишь посмеивался.

Вновь в палате царило оживление, настроение поднималось — чувствовалось приближение любимого праздника.

— Кто же это все будет съедать? — задал, наконец, разумный вопрос Бабенко. — Мы тут все на бессолевой диете, я вообще не могу ничего есть — живот болит.

— Ничего, можно немного «расслабиться» в новогоднюю ночь, а потом, мы не все же слопаем в один присест, будем растягивать удовольствие. Сразу решим, что в первую очередь схаваем картошку, пельмени, всякие салаты, а консервы по желанию будем открывать. Лады?

На том и порешили.

14

На ужин решили не ходить, прямо в палате поели еще теплой жареной картошки с луком, раскладывая ее на одноразовые тарелки, пили компот из сухофруктов. Все были довольны, вспоминали, кто и как отмечал прошлый новый год. Выяснилось, что все в больничных стенах впервые в подобной ситуации.

— Ничего, ребята, поправимся все, не переживайте. Еще и вспоминать будем про такой необычный праздник. Лучше, конечно, синица в руках, чем утка под кроватью! Но и здесь мы с вами не пропадем, — не унывал Устинович. Ясно было, что его заболевание проходило легче других. У остальных, нет-нет, да болезнь напоминала о себе, тогда лица искажались гримасой боли. Бабенко усиленно растирал свой живот, он, впрочем, почти и не ел ничего.

В десять вечера их пришли поздравлять Дед Мороз (с огромной белой бородой и в шикарном восточном халате), в котором все без труда узнали старшую медсестру. Дежурная медсестра, черноволосая Света, была одета Снегурочкой. Это оказался приятный сюрприз. Всех заставили спеть, прочитать стишок или рассказать анекдот. Маленького Лешу Никонова заставили встать на табуретку. Он пропел куплет «В лесу родилась елочка». Каждому Дед Мороз вручил по апельсину и конфете, доставая их из своего красного мешка. В заключение Дедушка разрешил сегодня праздновать до 1 часа ночи, но не более. После ухода дорогих гостей настроение окончательно стало праздничным. Стали по очереди рассказывать анекдоты, смешные высказывания:

— Чем дальше в лес, тем толще партизаны!

— Баба с воза, волки сыты!

— Кто первый встал, того и тапки!

— Счастливые трусов не надевают!

— Если голова болит, значит, она есть!

Шутки сыпались, как из рога изобилия. Невский от души смеялся над анекдотом:

— У тебя вчера жена родила? — Да. — Поздравляю. Как назвали? — Наташей. — Замечательное имя. — Имя-то замечательное, но намучается с ним пацан…

Сам Невский вспомнил несколько фраз из школьных сочинений (раньше собирал их из институтской газеты): «Онегин был богатый человек: по утрам он сидел в уборной, а потом ехал в цирк», «Комната Раскольникова была похожа на гроб с желтыми обоями», «Пугачев пожаловал шубу и лошадь со своего плеча», «Пьер был светский человек и поэтому мочился духами».

Решили, что пора и накрывать праздничный стол. Продолжая смешить друг друга, принялись раскладывать по тарелкам (прихватили на кухне) салаты, консервы, фрукты, овощи, мясные блюда. Расставляли бутылки с соками, банки с компотами, металлические банки с голландским лимонадом «Сиси». Праздник предстоял безалкогольный, но это никого не смущало.

В 23 часа пришла раскрасневшаяся сестра Света. Она

настояла на очередной процедуре для Невского: он и забыл, что на ночь ему ставят от кашля банки. Пришлось подчиниться. Пока он лежал на животе, боясь пошевелиться, к нему подошел Виктор Устинович и вложил в руку баночку, прошептав на ухо: «Это тебе подарок к Новому году — личный запас соли на будущее. Знаю, как ты мучаешься. Смотри, чтобы врачи не конфисковали!» Вот это подарок! Невский чуть не подскочил от радости: «Спасибо, Витя! Я твой вечный должник!» — «Ладно, сочтемся», — засмеялся он.

Вернулся Исаков, он сразу выходил за медсестрой.

— Мужики, с нами будет встречать Новый год Светочка, я уломал ее! Прошу при даме вести себя прилично.

Офицеры одобрительно загалдели. Последний день старого года неуклонно подходил к концу. Все уже расселись у стола и приставленных тумбочек, поглядывая на часы. Ждали лишь Невского и Светлану. Наконец, она через 30 минут сняла банки, освободив старшего лейтенанта, а спустя пару минут вернулась. Юрик посадил ее на почетное место во главе стола рядом с собой. Сначала, как полагается, проводили старый год, чокнувшись кружками с компотом. Света принесла радиоприемник, слушали мелодии зарубежной эстрады. Время в Афганистане отличается от московского даже по минутам- 1,5 часа разница, поэтому дождались по своим часам. Последнюю минуту отсчитывали хором. Есть 00.00. Ура! С Новым годом!! Громко сдвинули кружки, выпили, бросились обниматься, каждый норовил поцеловаться со Светланой. Она счастливо смеялась — столько внимания от мужчин!

В это время на улице началось «светопреставление»! Почти одновременно ударили сотни автоматных очередей, трассеры прорезали небо по всем направлениям. Затем присоединились крупнокалиберные пулеметы, ударила танковая пушка одна, другая, третья. Наконец, «вступили в оркестр» и реактивные установки «ГРАД». Грохот стоял невероятный. Все бросились к окнам, а потом и выбежали на улицу. Со стороны расположения Кандагарской бригады прилетал этот шум. Но с другой стороны не остались без ответа: не меньшая канонада доносилась и со стороны аэропорта Ариана. Советские воины приветствовали наступление Нового года! Это было незабываемое на всю жизнь зрелище.

В палату возвращались возбужденные и счастливые. Дальше праздник пошел своим чередом: ели, пили соки, компоты, слушали магнитофон и радио, пытались поймать Москву. Танцевали по очереди с единственной дамой. Время пролетело не заметно. Уже к часу ночи начали «расползаться» по своим

кроватям, ушла и гостья. Усталость и болезни брали свое. Виктор наспех убрал со стола. Большую часть блюд унесли еще раньше в сестринскую, где отмечали другие сестры, санитарки и санитары. Вскоре все в палате угомонились. Первый Новый год для Невского в Афганистане наступил…

15

Утром Невский поднялся одним из первых, состояние было более-менее, решил умыться, пока не набежало народу. Впрочем, Сергей Бабенко уже отсутствовал. Его он увидел в умывальной комнате в единственном лице. Серега без майки, обнажив мускулистое, прекрасно сложенное тело стоял у раковины и пытался чистить зубы. Руки его ходили ходуном, он никак не мог попасть щеткой в рот, все тело его тряслось мелкой дрожью. Александр сначала онемел от такого зрелища. Если бы он сам не сидел с ним вчера за одним столом, то решил бы — перед ним человек после страшного похмелья. Наконец, прокашлявшись, Невский спросил:

— Серега, что с тобой?

— Сам не знаю, что случилось, «трусит» всего. Сюда шел еще нормально себя чувствовал, даже обмылся по пояс. — Произнес Бабенко еле слышно, даже не взглянув на товарища. Потом он в сердцах бросил зубную щетку, попытался умыть лицо, но вся вода расплескивалась. В отчаянии он сунул голову прямо под струю воды, глухо застонал.

Невский бросился к больному как раз вовремя — тот повалился в его руки. С трудом довел Сергея до кровати, помог лечь. Проснулись от шума другие. Гареев выбежал за медсестрой. Остальные бестолково суетились у кровати, не зная, чем еще помочь товарищу.

Салават вернулся лишь минут через 15, с ним была заспанная Светлана в белом халате на изнанку. Она пробежала к кровати больного, удержав его на месте. Тот все норовил вскочить и бежать, выкрикивая нечленораздельные фразы.

— Срочно давай за дежурным врачом! — распорядился Невский. — Он в бреду, скорей всего произошел разрыв кишечника, надо срочно перевозить в хирургию! Может еще удастся спасти.

Света, сдерживая рыдания, выбежала из палаты. Старший лейтенант распорядился удерживать больного, а сам побежал в сестринскую за льдом — он всегда хранился в морозилке холодильника. В комнате не было никого. К счастью, лед

нашелся, прихватив 2 резиновых холодных «пузыря», выбежал вон.

В палате Устинович и Хорошилов удерживали Бабенко за руки, а Якушев и Исаков — за ноги. Гареев и Никонов топтались рядом, предлагая помощь. Действительно, 4 мужчин с трудом удерживали одного умирающего.

Невский положил холод на голову и на живот. Постепенно Сергей перестал вырываться, расслабился. Все вздохнули с облегчением, ослабив хватку, а затем и вовсе освободив больного.

Бабенко впал в забытье, вытянувшись на спине в полный рост. Врач все не шел. Минут через 15 началась кровавая рвота. Устинович едва успел придвинуть к кровати одну из пустых коробок. Все тело выворачивало наизнанку, сгустки темной крови становились все обильнее. Смертельная бледность залила лицо погибающего.

Дверь широко распахнулась, вбежал незнакомый дежурный врач, за ним перепуганная медсестра. Он пытался еще что-то сделать, но все усилия были напрасны. Сергей Бабенко умер буквально на руках у доктора минут через 10.Громко зарыдала Света, выбежав в коридор. На глазах у многих в палате были слезы. Никонов размазывал слезы по веснушчатому бледному лицу, плечи его тряслись.

Врач положил тело на спину, руки сложил на груди, закрыл глаза погибшему, оторвал кусочек бинта, подвязал челюсть. Все это он проделал без всякого выражения на лице. Все остальные наблюдали за ним молча.

— Я распоряжусь, чтобы тело забрали, — проговорил он, уходя и укрыв тело Бабенко с головой простынею.

Все разошлись по своим кроватям. На предложение идти на завтрак никто даже не отреагировал. Спустя несколько минут, санитары вкатили каталку, переложили тело и увезли. Сестра-хозяйка перестелила постель. Теперь она светилась своей белизной и «гордо возвышающейся горой из подушки». Никто не проронил ни слова.

Невскому по-настоящему стало страшно. За два дня он видел уже вторую смерть. Где гарантии, что они все выберутся отсюда?! Кто будет следующий? Он вновь стал смотреть на карту на стене, стал молить Бога, чтобы позволил ему еще раз увидеть жену и дочку. Он обращался и к своему великому «предку», моля о заступничестве. Но князь больше не являлся. Проклятое ощущение «мягкости зубов» вновь напомнило о себе с новой силой. Боялся пошевелить языком, чтобы не «скатать зубы в единый пластилиновый кусок», удивлялся, как мог есть вчера вечером.

Из невеселых дум его вывел голос подполковника Ивлева, высокого, мощного мужчины с короткой стрижкой «бобрик». Даже не заметил, когда тот пришел.

— Внимание, хлопцы! Я назначен лечащим врачом вашей палаты. Сейчас я всех осмотрю, проверю назначения, возможно, что-то поменяю в лекарствах.

— А где наша мадам? Я хотел бы посмотреть ей в глаза, — зло проговорил Гареев.

— Забудьте о ней, вряд ли вы ее еще увидите. Вот с тебя и начнем, — подошел он к крайней кровати Салавата. Вошла новая дежурная сестра. — Надя, — обратился к ней доктор, — Подай тонометр.

Он тщательно осмотрел каждого в палате, измерял давление, слушал сердце, щупал живот, увеличивал дозы лекарств. Сестра старательно записывала. Перед выходом за дверь он, прокашлявшись, произнес:

— Я глубоко скорблю вместе с вами! Мне очень жаль, что мы не смогли уберечь Сережу от смерти. Простите нас, — он низко склонил свою седую голову. Молча вышел с сестрой.

День прошел в тягостном молчании, даже не включали столь полюбившуюся песню о розах. На обед все-таки сходили, прихватив несколько деликатесов от вчерашнего праздника. Есть надо было, ведь предстоит пить лекарства всем.

Невский пытался представить, как тело Бабенко привезут в далекий Томск, как будут убиваться от горя его родители, пока еще ничего не подозревающие, ждущие сына домой, ведь срок его службы давно закончился. Вновь слезы наверстывались на его глазах.

Словно прочитав его мысли, впервые нарушил молчание Исаков:

— Он мечтал о дочери и о сыне!

Все заговорили разом, стали вспоминать о Сергее, о его суждениях, высказываниях. Состояние пережитого шока проходило. Мертвого не воротишь, а живым надо жить.

16

На следующий день после обеда в палате появился новичок. Это был невысокий и подвижный, как «ртуть» крепыш с характерной кавказской внешностью, с гортанным говором с акцентом. За первые пять минут он выдал о себе множество информации. Рачик Бордиян рассказал, что, будучи старшим лейтенантом, работает «тэхнарем» на аэродроме, а сюда попал с

какой-то «лыхарадкой ныясной этыалогии». «Хрэн знаэт, че это!» — добавил он в заключение. Рачик непрерывно пытался шутить, очень удивлялся, почему не смеются от его острот.

Витя Устинович поманил его пальцем, а потом негромко рассказал на ухо о случившейся здесь трагедии. Бордиян вмиг стал серьезным, опасливо стал посматривать на свою кровать:

— Вай-вай, я лэжу на мэстэ пакойнэка! Извыни, брат, я вэдь нэ знал савсэм. — Он подскочил на кровати и произнес, обращаясь ко всем сразу: Прастытэ, братаны, я умалкаю! Сачувствую вашэму гору!

Он действительно не проронил больше ни слова за два дня, впрочем, ему было не до шуток — чудовищные приступы лихорадки сотрясали его каждый день.

5 января днем в палате появился офицер с папкой под мышкой. Он отрекомендовался работником военной прокуратуры, а потом с «места в карьер» обвинил всех в организации попойки 31 декабря, в результате которой погиб (он достал бумажку, посмотрел) лейтенант Бабенко Сергей Иванович. Офицеры повскакали с мест, начали в один голос кричать о лживости утверждений. Молодой офицер, молча, с улыбкой наблюдал за происходящим. Наконец, поднялся подполковник Якушев:

— Товарищ старший лейтенант! Как вы, будучи работником прокуратуры, можете выдвигать столь беспочвенные обвинения! Наконец, судмедэкспертиза не обнаружила никакого алкоголя в крови погибшего. Никто из нас не выпил и грамма спиртного — мы же не враги себе.

— Хорошо, прошу меня извинить за столь поспешные выводы. Я еще не смотрел результаты экспертизы. Хотел сначала вас допросить. Сейчас я раздам каждому бумагу, а вы напишите все, что происходило с вечера 31-го до утра 1-го.

Он достал пачку бумаги, ручки, роздал всем, даже трясущемуся в очередном приступе Рачику. Тот недоуменно вертел в руках бумагу с ручкой.

Обитатели палаты принялись за объяснительные, а офицер прохаживался по палате, наблюдая, чтобы не переговаривались и «не списывали друг у друга», — так он пояснил свое присутствие. Собрал листы, бегло просмотрел, хмыкнул: «Даже в деталях совпадает». Больше не сказав ни слова, он важно удалился. Больше он никогда не наведывался в палату.

Еще через пару дней в палате появился новый ординатор вместо Мазуревич, которая, по слухам, уже уехала в Союз, так и не скопив себе на квартиру. Это был худощавый, пожилой человек с седыми волосами и седой же бородкой «клинышком». Он сразу напомнил всем Доктора Айболита из детских книжек.

Действительно, у него были невероятно добрые, внимательные глаза. Он отрекомендовался:

— Виблый Захар Терентьевич, переведен на вакантное место из Кабульского госпиталя, буду теперь лечить вас. Мне Иван Петрович Ивлев кратко обрисовал ваши болезни.

Он обошел с осмотром каждого. Долго смотрел языки, даже щупал их на ощупь, мял животы, слушая их фонендоскопом. Остался всем довольный:

— Лечение дает результаты, скоро все будете, «как огурчики».

Бордияну он объявил, что, по результатам анализа, определено точно его заболевание, теперь лечение пойдет лучше. Добавил, что не будет забивать голову названием — все равно «не запомнить и не выговорить». Откланявшись, доктор вышел.

Новый доктор понравился всем и сразу. Даже молчаливый теперь Рачик похвалил его: «Маладэц, слушай. Не стал мэнэ мазги засырать названыем. Зачем они? Ты, главное вылычи!»

Новый доктор заходил каждый день. Сдружился сначала с Якушевым, с которым нашел общих знакомых. Часто засиживался в палате допоздна, играя в шахматы с новым приятелем. Постепенно в шахматные баталии втянулись и другие офицеры. Почти всегда выигрывал Виблый, впрочем, иногда он потешно уступал, будто бы случайно «зевнув» ферзя или ладью. Больные палаты N7 уже души не чаяли в своем докторе.

Лечение давало результаты, больные воспаряли духом, поверили в свое исцеление. У Невского пропало ощущение «мягкости зубов». Он с удовольствием ел, незаметно подсаливая пищу. Жизнь налаживалась. Вскоре стала уменьшаться и температура, правда, до нормальной еще не опускалась. Дежнев «запряг» Александра в заполнение «Историй болезни». Теперь он чаще просиживал в ординаторской, отправляясь туда каждый день, как на работу. Приезжали его навестить товарищи из Медроты, привозили письма из дома, забирали его послания. По-прежнему перед сном Невский отыскивал «свой флажок» на карте, мечтал о доме. Свой флажок еще на 3-й день «водрузил» и Рачик. Постепенно вновь стали звучать шутки в палате, играл магнитофон.

Прошли недели. Значительно поменялся состав в палате. Офицеры выздоравливали, уходя, прощались, крепко обнимая товарищей. Вскоре из «первого состава» остался лишь Невский, но и он готовился к выписке. В один из последних дней пребывания он отметил свой день рождения, правда, не сказал никому в палате. Лишь вышел на улицу к приехавшим его поздравить сослуживцам из Медроты. Сидели на лавочке, грелись на уже жарком февральском солнце, пили соки, ели вместе гранаты и

апельсины. Смеялись, «травили» анекдоты. Все завидовали Невскому — ведь он через пару-тройку дней поедет домой в краткосрочный отпуск по болезни. Нет худа без добра!

Через два дня старший лейтенант получил свои выписные документы, тепло попрощался с врачами, медсестрами, со всеми новыми обитателями палаты и вышел на свежий воздух. Больше 40 дней провел он в этом здании. Всякое повидал, многое пережил. Но выжил, поправился! Впереди его ждал отпуск. Что может быть лучше!!

17

Невский сидел уже минут 20 на лавочке у подъезда своего дома поздним вечером, никак не решаясь войти в свою квартиру. В их окне на первом этаже горел свет — но вряд ли его ждали, скорей всего его последнее письмо из госпиталя не дошло еще. Он только прилетел из Ташкента в Челябинск, а из аэропорта до соседнего городка ехал на такси (денег в кармане хватало). Сильное волнение охватило его при подходе к подъезду. Сколько дней, лежа на больничной кровати, он представлял себе этот миг. И вот он наступил!

Наконец, глубоко вздохнув, Александр открыл дверь в подъезд…

… Уже в начале марта Невский вновь продолжил свою службу в Медроте. Отпуск, пусть и небольшой, восстановил его силы. Воспоминания о днях, проведенных с женой и 3-х летней дочкой, согревали душу. Впрочем, скоро дочке уже будет 4.

Работа захватила целиком. Порой некогда было присесть. Постепенно стали забываться дни в инфекции. Но операция с погибшим сержантом нет-нет, да и всплывала в памяти. «Слава Весняк», — проговаривал Невский его имя несколько раз, словно пробуя на вкус. — «Почти, как Слава весне!»

У этой истории было и неожиданное продолжение…

18

В начале июля Невский сидел в ординаторской, вписывая в журнал проведенную операцию. Кондиционер не работал, стояла удушающая жара. Еще бы — июль и август были самыми жаркими здесь месяцами. Дверь приоткрылась. Старшая сестра Светлана, круглолицая, белокурая «хохлушка», произнесла, как заговорщик:

— Саша, кончай бумагу марать! Тебе в приемное трэба.

Полковник из Москвы до тебя приихал. Он у кабинете командира нашего.

Дверь так же быстро закрылась. В полном недоумении Невский отложил писанину и, как был, в операционной одежде пошел в «Приемное отделение».

У входа в отделение Александр нос к носу столкнулся с прапорщиком Олегом Шлемовым, фельдшером «приемного». Тот ухватил старшего лейтенанта за руку и оттащил в сторону, зашептал:

— Саня, меня он уже «пытал», я сказал, что не помню ничего. Он говорил о каком-то сержанте. Как же его фамилия? А, вспомнил! Вестник или Весняк. Интересовался, мол, в каком он виде поступил, когда я его в пленку упаковывал уже погибшего перед отправкой в Кабул. Там же их всех в гробы укладывают. Я чуть не каждый день их отправляю, я же не рассматриваю их, где уж помнить, что было больше полгода назад.

Все знали о тяжелой работе Шлемова: он не только ездил на аэродром за ранеными, но и занимался отправкой всех погибших и умерших в гарнизоне. Олег с помощником заворачивал тела в специальную защищающую («экранирующую») от жары пленку для солдат в пустыни, ей здесь нашлось совсем другое применение…

— Ты, вроде, этого больного еще в инфекции оперировал, — продолжал шептать Олег.

— Спасибо, все понял! — Невский похлопал товарища по плечу и, внутренне напрягшись, прошел в кабинет Семенчука.

Вошел в небольшой кабинетик, постучав. Представился. Один полный, истекающий потом, с бледным лицом и большими залысинами офицер (явно еще не загорал в дождливой Москве) сидел во главе стола. На нем была полевая форма без знаков отличия и без погон. Он поминутно вытирал лицо большим клетчатым платком и отхлебывал из стакана пузырящуюся минералку. Батарея пустых бутылок уже стояла на полу.

Офицер назвал могущественную организацию, наводящую страх во всем мире, представившись полковником Ивановым Иваном Петровичем. Произнес это таким тоном, что было понятно, что зовут его иначе. Невскому было все равно.

Полковник жестом предложил сесть. Минуту рассматривал хирурга. Потом принялся неторопливо говорить:

— Одна убитая горем семья получила гроб с телом единственного сына, якобы умершего после тяжелого ранения в госпитале. Он был ранен в бою. Несмотря на категорический запрет (особо выделил Иванов этот факт), родные все же вскрыли гроб. Обнаружилась ужасная картина: у их сына не только было

перерезано горло, но и отрезаны уши и нос. Все это было зафиксировано в присутствии офицера военкомата. После похорон возмущенные родители написали жалобы в разные высокие инстанции, включая и руководителя нашего Комитета. Он лично направил меня с предписанием на месте разобраться с этим вопиющим фактом варварского обращения с ранеными. Я уже побывал в госпитале. Узнал настоящую причину смерти — она более ужасная. Весняк погиб в инфекционном отделении и не без вашего участия.

Иванов, не опуская глаз, внимательно смотрел на Невского. Старший лейтенант чувствовал, как начинает гореть его лицо.

— Вы находились в это время на излечении от брюшного тифа, согласились помочь в проведении операции трахеотомии, а у самого была температура 40 градусов. Я поднял вашу «Историю болезни». К сожалению, госпитальные хирурги приехали слишком поздно. Мне не удалось поговорить с очевидцами. Хирурги уже заменились в Союз, лечащий врач Мазуревич еще в январе была досрочно отправлена на родину (я пока не выяснил причины, но выясню). Постовая сестра Зина Спивак, которая, якобы помогала, ничего не могла вспомнить, т. к. вскоре упала в обморок. Наконец, процедурная сестра Галина Порывай сейчас находится на излечении от желтухи в Ташкенте, я могу позднее с ней встретиться. Начальник инфекционного отделения категорически отрицает вашу причастность к исчезновению ушей и носа, назвав это «чистым бредом». Осталось выяснить ваш вариант пропажи.

Невский совершенно растерялся. Он хотел пояснить, что операция была позднее, а не 29, когда температура была высокой. Но не хотелось подводить врачей госпиталя.

— Вы считаете, что это я отрезал у больного уши и нос? Но зачем?! И потом со мной действительно все время была процедурная сестра Галина. Да я был сам больной, но контролировал свои действия. — Невский даже встал из-за стола. — Поговорите с Порывай, она подтвердит. — Невский вдруг вспомнил, что по «Истории болезни» выходило, что больной умер позднее на 2 дня!

— Товарищ полковник! Я ведь после операции не видел больше больного, а он жил еще пару дней. Если бы я отрезал ему еще уши и нос, то все бы это увидели. — Привел убийственный аргумент Александр.

Сразу стало видно, что полковник смутился. Он долго прокашливался, выпил стакан воды, вытер лицо. Потом рассмеялся:

— Черт, ты прав. Как я сразу не обратил на это внимание? Посмотрел твою историю болезни, даже почитал справочник, в

котором пишут о тифозных больных. Ну, думаю, парень в тифозном бреду не только горло перерезал, но и уши с носом отхватил. Что с него взять в бреду! — полковник явно повеселел. Предложил стакан «Боржоми», но Невский отказался. — Когда мы провели эксгумацию погибшего, то специалист подтвердил, что на горле профессионально проведена операция трахеотомии, а в горле нашли дифтерийную пленку. Был сделан вывод, что больной погиб от сердечного осложнения после дифтерии. Операция помогла спасти в период острого отека гортани. Что мне дальше делать, как думаешь? — совсем миролюбиво, по-свойски спросил Иванов.

— А не могли уши и нос отрезать в Кабуле? Наш прапорщик Олег, вы с ним уже беседовали, как-то летал туда сопровождать погибших. Там множество тел лежат буквально «штабелями», никакого надзора. Ждут, пока разложат по цинковым ящикам, а потом упакуют в деревянные короба. Вы ведь, наверное, слышали, что душманы поклялись поставить памятник борцам за веру, а в основание положить 100 тысяч отрезанных ушей и носов «неверных», т. е. «шурави», как они нас называют. Возможно, кто-то и отрезает их у солдат, тем более, там много и афганских солдат работает.

— Точно! Тем более что уши и нос были отрезаны уже у мертвого не хирургическим инструментом, скорей всего ножницами, как было написано специалистом после эксгумации. — Полковник стукнул по столу. — Там и поищу эту «гниду». А, сейчас вот тебе бумага и ручка. Напиши весь ход своей операции.

Он продиктовал «шапку» объяснительной. Невский невольно съежился, представив уровень руководителя. Полковник вышел в коридор размять ноги, пройтись. Старший лейтенант старательно описал всю операцию, стараясь ничего не забыть.

Минут через 10 вернулся Иванов. Прочитал внимательно текст. Минуту задумчиво смотрел в угол, потом сказал:

— Припиши здесь пониже: «Уши и нос я не отрезал». Распишись.

Невский дописал указанную фразу, поставил подпись.

Полковник крепко пожал ему руку, пожелал успешного возвращения домой. Потом прибавил: «Служба у меня такая». Невский кивнул и вышел.

Сразу на улице он столкнулся с взволнованным командиром Медроты:

— Ну, что, Санек, отбился от полковника? Я тут весь за тебя испереживался. Думаю, ну, все увезут нашего хирурга в наручниках. Хотел уже к командиру бригады бежать за помощью.

— Все нормально, Михал Михалыч! Не будут меня арестовывать. «Не виноватая я».

Он кратко рассказал суть проблемы. Потом они сидели в курилке и смолили предложенные майором сигареты. Невский слушал новый анекдот, даже улыбнулся шутке.

19

… Позже стало известно, что полковник поймал-таки афганского солдата буквально за руку, когда он пытался ножницами отрезать уши у очередной безмолвной жертвы.

… Спустя несколько месяцев, еще, будучи в Афганистане Невский случайно узнал еще одну новость. Измученные горем родители Вячеслава Весняка, их единственного сына — их надежды и опоры на старость, возглавили марш протеста против войны в Афганистане в своем небольшом городке в Поволжье. Они были арестованы «за организацию антисоветского митинга» и понесли «заслуженное наказание». До вывода советских войск из Афганистана оставалось еще долгих 5 лет…

№ 7. Верблюжья колючка

1

В Кандагарской бригаде наступили «черные дни». Число инфекционных заболеваний превышало все допустимые пределы, каждый день дежурный врач падал от усталости, разобравшись с новыми случаями заболеваний брюшным тифом, малярией, дизентерией и, конечно, с желтухой (вирусным гепатитом). Многочисленные проверяющие размахивали кулаками, кричали, что отправят всех врачей Медицинской роты «к черту на Кулички», если число больных будет продолжать расти. Перед командованием бригады реально замаячила угроза потери боеспособности одной из самых прославленных, боевых частей среди Ограниченного Контингента. А реальность была такова, что целые подразделения, экипажи выбывали из строя, собираясь уже в другом месте — на больничных койках инфекционного отделения Кандагарского госпиталя. Правда, госпиталь не был «резиновым», приходилось перебрасывать большие партии солдат и офицеров (болезни «выкашивали» всех, не взирая на чины и звания) на дальнейшее лечение на «Большую Землю», чаще в Ташкент. Совещания медиков следовали одно за другим — решали, как переломить ситуацию с инфекционными заболеваниями.

Но и среди самих медиков начались потери: врачи, медицинские сестры выбывали один за другим. До паники оставалось совсем не много…

Последней «каплей» оказалось заболевание «ведущего» хирурга Медроты. На самом деле официально такой должности не было — но все так именовали командира медицинского взвода, который, будучи хирургом, должен руководить операционно-перевязочным, госпитальным и приемным отделением, фактически являясь правой «рукой» командира Медроты.

Несколько месяцев назад на эту должность был назначен прежний начальник операционно-перевязочного отделения капитан Зыков (к его большому не удовольствию — должность тоже капитанская, а мороки больше), сменив капитана Голущенко, который-таки выбил себе майорскую должность (давно пора получать), пожертвовав при этом хирургической работой — поехал в другой гарнизон начальником медслужбы полка. Вообще-то подобные переходы в Афганистане редки —

идет прямая замена из Союза, на этот раз срочно пришлось заменить погибшего предшественника. На прощание Александр накрыл стол, много шутил и смеялся. Ему завидовали — и не завидовали. Будет теперь рядом с Кабулом. Но бросить работу хирурга?!

Саша Зыков, скрепя сердце, принялся руководить работой всех врачей, не забывая при этом много и активно оперировать. Вскоре на его прежнее место прибыл «из-за речки» новый капитан, только-только делающий первые шаги в хирургии. Сашка страшно ругался, кричал, что в медслужбе округа сидят идиоты: «Надо было Невского на эту должность передвинуть — готовый начальник отделения» — неизменно заканчивал он свои «выступления», пропустив лишний стаканчик браги.

И вот теперь талантливый хирург, надежда всех раненых, сам тяжело заболел желтухой. Его быстро переправили на лечение в Ташкент. Прощаясь, он крепко обнял Невского, не скрывая своих слез: «Волнуюсь, как вы теперь будете плюхаться одни. Вот и Колька, старший ординатор, дождался заменщика — тот уже в Кабуле, на днях приедет. Пока он войдет в курс дела… Короче, Сашка, на тебя вся надежда, не дай зачахнуть хирургии в Медроте!» Он помахал на прощание рукой, вытирая слезы на щеках, влез в санитарный УАЗик, уносивший всех больных с яркими желтыми белками глаз в Кандагарский аэропорт Ариана.

Невский недоумевал — как мог заболеть Зыков, прилагавший такие титанические усилия по профилактике: он единственный из всех выпивал ежедневно ампулу с глюкозой: «Печень побаловать», — говаривал капитан. Его навязчивое опасение заболеть уже давно стало предметом насмешек офицеров-медиков.

— Чаще ведь заболевают при прямом контакте, надо уменьшить их число. Это так просто! — глубокомысленно изрек он как-то.

Теперь Зыков старался ни с кем не здороваться за руку. Смешно было смотреть, как он выдумывал разные причины для этого, не пожимая протянутую руку какого-нибудь офицера бригады. Или срочно, оставив Невского, перебегал на другую сторону «улицы», буркнув при этом:

— Капитан Разумовский идет, обязательно протянет руку здороваться! А мне опять после этого придется возвращаться и мыть руки с мылом (мыл он руки по много раз на дню). Иди пока один, я догоню позже.

Наконец, Зыков нашел выход — он теперь везде ходил с большой пластиковой бутылкой, наполненной водой, постоянно поливал руки, а встречным объяснял, почему не может пожать

руку:

— Извини, браток, руки мокрые!

Все за глаза подсмеивались над чудаковатым доктором, быстро раскусив его хитрость. Но уж больно был велик авторитет этого талантливого хирурга, спасшего множество человеческих жизней, ему могли простить любые маленькие слабости…

И вот даже Зыков заболел, что же ждать другим. Уныние все чаще овладевало Невским. Однако жизнь не стояла на месте. С боевых операций продолжали поступать раненые, требующие лечения. Приходилось руководить работой отделения, настоящий начальник не гласно «отступил в тень», уступив все полномочия старшему лейтенанту. Он настоятельно просил учить его всем премудростям хирургии. Если бы это было так просто — научить. Здесь требовался большой личный опыт, надо было «набить руку». Для этого требовалось время…

2

— Невский, кончай ерундой заниматься. Начмед бригады совещание очередное проводит, приехал какой-то полковник из медицинской службы округа. Я всех врачей, включая батальонных медиков, в ординаторскую собираю — просунул голову в жилую комнату Толик Акбаров, анестезиолог. Он сейчас был дежурным врачом, провел прием больных только что.

Сашка Невский отложил белый халат, он только начал зашивать разорвавшийся рукав, собирался с пользой использовать вечер. Можно было, конечно, попросить это сделать любую медсестру. Но он хорошо запомнил рекомендации своего учителя, прекрасного хирурга на Урале: чтобы стать хорошим хирургом — надо постоянно тренировать пальцы, т. е. шить, зашивать, наконец, вышивать. Научишься вязать спицами — будет еще лучше. Вязать старший лейтенант пока не научился, а в остальном неукоснительно следовал совету.

Невский вздохнул, отложил «рукоделие» и стал одеваться в военную форму. Офицеры Медроты пока еще жили в своем общежитии, расположенном в жилом секторе приемного отделения, комнаты были обжитые, на 4 человека. В этой комнате с Невским жили Акбаров, Зыков и прапорщик Тамару, начальник аптеки. Однако «лафа» заканчивалась: по приказу нового комбрига все офицеры бригады переселялись в построенный модуль по 8–10 человек в комнате. Медроте отводилось 2 таких комнаты, сейчас решали, как разместить людей. Через неделю, в середине марта, предстояло заселение.

Поверх военной формы Александр надел чистый белый халат и двинулся в сторону стационара. По пути к нему присоединялись другие врачи, выходящие из соседних комнат с недовольным видом — официально уже рабочий день завершен.

— Сашка, не в курсе что стряслось? — спросил старший ординатор госпитального отделения Владимир Бурбанюк. На днях он вернулся из отпуска по болезни, который провел дома на Западной Украине. Силы восстановил после гепатита полностью, горел желанием работать, переложив на себя большую часть работы по отделению и освободив (к его великой радости) своего начальника Кравченко Жору.

— Наверное, опять будем об инфекциях балаболить, делать нам больше нечего! Какой-то «бугор» приехал из Ташкента.

Переговариваясь, офицеры входили в ординаторскую, рассаживались за столами, заносили не достающие стулья из соседних палат. У окна прохаживался начальник медицинской службы бригады, подполковник Каримов, преисполненный собственной значимостью. Он даже пытался стать выше своих 160 (его все называли «метр пятьдесят в кепке и на коньках»), расправил узкие плечи, победно поглядывая на непокорных офицеров-медиков, упорно не желающих видеть в нем свое высшее руководство. В бригаду сей офицер был направлен из Кабульского гарнизона, где занимал высокий пост, был уличен в махинациях с переправкой товаров в свой родной Ташкент. Пока он был понижен до майорской должности, но поговаривали о продолжении следствия и окончательного решения его участи. Его откровенно игнорировали все офицеры — медики, открыто отказываясь выполнять дурацкие распоряжения. Он злился, обещал всем страшные наказания, но, будучи большим трусом, опасался поднимать шум — как бы это не отразилось на его шаткой карьере.

Ждали появления полковника из медицинской службы округа. Гость из Ташкента оказался приятелем Каримова, о чем тот гордо сообщил, как только прибежал припоздневшийся эпидемиолог Сергей Пачкин. Стала понятна причина не обычного поведения начмеда.

— Ну, теперь этот «метр с кепкой» нам все припомнит — шепнул стоматолог Иван, больше других «посылавший» начальника подальше.

Через 20 минут ожидания дверь распахнулась, вошел высокий и чрезвычайно толстый полковник в полевой форме и фуражке. Ему явно было тяжело носить собственное тело, он тяжело дышал, постоянно вытирая большим клетчатым платком пот с лица и с лысины, снимая фуражку. Он молча выслушал доклад

Каримова, потом пожал ему руку и обнял, склонившись до роста своего «другана». Начмед бригады был просто счастлив, победно поглядывая на замерших офицеров.

Совещание началось с того, что гость попросил Каримова построить офицеров и в его присутствии провести строевой смотр. Это уже было слишком, раздался недовольный рокот. Сурово сдвинув брови, подполковник обошел строй, указывая на многочисленные нарушения: одни оказались не бриты, другие слишком обросли, у третьих нет носового платка, а борода только что вернувшегося из рейда врача 3-го батальона просто привела его в ярость. Невскому он сделал замечание за помятый белый халат. Затем, четко печатая шаг, начмед доложил результаты осмотра. По его докладу следовало о собравшейся банде, забывшей честь и не оправдавшей доверие своей Родины, направившей офицеров с почетной миссией в дружественную страну.

Не предложив сесть и оставив всех в строю, начал говорить полковник. Постепенно его голос переходил на тонкий крик, он все больше возбуждался от собственной речи, часто путая русские и узбекские слова. Заканчивая, он пообещал наказать всех, отправив в «тьму-таракань», чем вызвал откровенный смех офицеров. Это его отрезвило. Наконец-то он начал осознавать, куда прибыл. Пугать офицеров, которые уже служат на самых дальних рубежах, недалеко от границы с Пакистаном, в районе самого Кандагара (Афганского «Сталинграда»)?! Это было большой глупостью. Остатками своего небольшого ума он, наконец, сообразил это, скомандовал: «Вольно!» Окончательно успокоившись, полковник произнес:

— Вы, конечно, можете показывать мне фигу в кармане (Невский даже невольно вздрогнул, он как раз засунул кисти в карманы халата, пытаясь их согреть — оделся очень легко — было прохладно в ординаторской, а пальцы неожиданно сложились в два кукиша), но я ваш начальник и вы будете выполнять мои распоряжения. — После этого он разрешил всем сесть.

3

Совещание продолжилось уже в более спокойной манере. Полковник предложил высказывать соображения по снижению инфекционной заболеваемости. Первым выступал эпидемиолог бригады. Сергей доложил о проведенных мероприятиях по уничтожению коварных афганских мух, просил разрешения

увеличить дозу хлорки, засыпав ею всю бригаду: от туалетов до общежитий (дать ему волю — давно бы сделал это). Полковник неопределенно кивнул головой, попросил еще послушать мнения других.

Один за другим выступали врачи батальонов (в отличие от Союза здесь в каждом батальоне: мотострелковом, десантно-штурмовом были по штату врачи, а не фельдшера. Таким образом, оказание первой врачебной помощи было приближено к полю боя. Эти храбрые лейтенанты спасли многих, знали о нуждах солдат из своего опыта). Говорили коротко, толково, просили помощи от медицинской службы округа. Не хватало индивидуальных аптечек для солдат (АИ), а ведь в них размещены антибиотики от инфекций. Всегда в дефиците перевязочные пакеты (ППИ), так необходимые для защиты раны от инфекции. Большие проблемы со своевременной эвакуацией раненых с поля боя: предоставленный легкий гусеничный медицинский тягач (все называли его «Таблетка») совершенно не годится по своим техническим данным — переворачивается на крутых склонах, его тонкую броню легко пробивает любой крупнокалиберный пулемет, а баки с горючим, размещенные по бокам, загораются очень часто, обрывая жизнь всех. Хорошо, что командиры выделяют БТР. В каждой роте должен быть на оснащении тканево-угольный фильтр для очистки воды (ТУФ-200, производительностью до 200 литров за час), а их, в лучшем случае, осталось по одному на батальоны. Конечно, поэтому и пьют солдаты не очищенную воду, отсюда все болезни инфекционные.

Полковник мрачно слушал лейтенантов, создавалось впечатление, что он впервые слышит даже многие названия. Делал заметки в своей записной книжке.

— А вы обращались за помощью к начмеду бригады? — наконец, прервал он очередного лейтенанта.

Офицеры заговорили одновременно, каждый написал по дюжине рапортов, кое-кто даже благоразумно принес с собой копии.

Полковник стукнул кулаком по столу, заставив замолчать всех.

— Почему не используете таблетки для обеззараживания воды в полевых условиях? Они называются… — Он надолго замолчал, силясь вспомнить мудреное название. Лицо его приобрело крайне озадаченное выражение. Не найдя в уголках своей куцей памяти ничего похожего, он обратился к своему земляку за помощью. Тот чрезвычайно растерялся, долго хлопал ресницами узких глаз. Наконец, сообразив, выхватил из кармана

записную книжку, долго ее перелистывал. Пауза затягивалась, офицеры-медики с усмешкой наблюдали за своими начальниками. Никто не спешил прийти на помощь.

— Нашел, — радостно доложил Каримов. — Пан-то-цит называется — он старательно прочитал название по слогам.

— Вот я и говорю, почему не используете пантоцит? Не было бы никаких заболеваний, сами виноваты — с победным видом полковник обвел взглядом собравшихся. «Моя взяла» — читалось на толстом лице.

— Разрешите? — поднялся врач 3-го батальона Толя Порохневич. Он провел со своими солдатами в тяжелейших условиях около 2 месяцев, их батальон выполнял боевую задачу в пустыне, жили в палатках, экономили воду. На его почерневшем от загара лице выделялись голубые глаза, спокойно смотревшие на «заморского гостя». Лейтенант попытался разгладить огромные усы соломенного цвета, но без успеха — каждый волосок торчал отдельно, не желая укладываться с соседним; большая шапка светлых волос, куцая бороденка завершала его портрет. Казалось, он держит во рту лохматую рукавичку. Невскому он напомнил доброго «дядюшку АУ» из детского мультфильма, только высокого, крепко сложенного.

Полковник поморщился, но все же разрешил, кивнув головой.

— Пантоцит совершенно не помогает в условиях Афгана. Эти таблетки, как написано в инструкции, надо применять по 1-й на флягу, через 30 минут воду можно пить. Но здесь вода из любого арыка содержит массу примесей, поэтому, чтобы полностью раствориться, требуется от 1 до 1,5 часов, пробовали по 2, даже 3 таблетки на флягу. Но результат тот же. В итоге солдаты так и пьют не обеззараженную воду. — Закончил говорить врач батальона.

— Ну, так пусть ждут эти полтора часа. Делов-то. — Сморозил явную глупость полковник. Он никогда не был в пустыне, наверное. — Это придумали умные люди, не тебе, лейтенант, об этом судить. Продолжайте выдавать всем пантоцит. — Ему явно понравилось это название, он «смаковал» его, «пробовал» на вкус.

— Я читал в «Военно-медицинском журнале» о новом препарате для таких условий, называется «аквасепт». Растворяется таблетка за минуту. Можно предоставить его из Ташкента? — спокойно продолжал Анатолий.

— Не знаю я никакого нового препарата, — грубо оборвал проверяющий. — Пользуйтесь тем, что мы вам даем. Садись, умник. Журналы он, видите ли, читает. Делать тебе, значит, не чего. Мне вот некогда читать! — долго не мог успокоиться

полковник.

Офицерам стало уже понятно, что ничего хорошего не дождаться от такого совещания. Начали откровенно скучать. Тогда поднялся командир Медицинской роты, майор Семенчук.

4

Высокий, крепкого телосложения, с правильными тонкими чертами лица, с умными серыми глазами, скрывающимися сейчас за стеклами массивных очков в роговой оправе, он выглядел моложе своего возраста. Много лет Михаил Михайлович (Мих-Мих, звали его между собой офицеры-медики или просто «ММ») проработал военным терапевтом, имел богатейший лечебный опыт, но затем перешел на командирскую должность(никто в Медроте толком не знал причин этого). Командиром он был знающим, с первых дней пребывания снискав любовь и уважение подчиненных. Он был «горой» за своих медиков, все врачи батальонов тоже его уважали. О таких руководителях говорят: «За ним, как за каменной стеной». Никогда не вмешивался в работу лечебных отделений, не кичился своими знаниями, а когда была острая «запарка», спокойно подключался к работе терапевта, надев белый халат.

Еще Михал Михалыч очень любил читать книги, чрезвычайно много знал, был приятным собеседником. Дома, в небольшом городке под Киевом, где у него остались жена, дочь-невеста на выданье, его дожидалась большая библиотека книг. Майор и здесь, в Военторге, покупал их пачками. Семенчук любил приводить цитаты любимых писателей, иногда ошарашивая своих офицеров. Именно он, командир, красиво крупно написал плакатным пером на листе ватмана высказывание английского путешественника Фиррье: «Иностранец, которому случится попасть в Афганистан, будет под особым покровительством неба, если он выйдет оттуда здоровым, невредимым, с головой на плечах». Уже несколько месяцев этот плакат висел здесь, в ординаторской. Пребывающие гости читали, хмыкали, кое-кто даже переписывал себе. Сейчас плакатик белел в сгущающихся сумерках над головой полковника.

Наконец, большой страстью Михал Михалыча были анекдоты. Он знал их великое множество, коллекционировал, записывая в тетради, коих огромное число привез с собой из Союза, жена даже в письмах присылала ему новинки. Почти ежедневно командир рассказывал своим подчиненным наиболее смешные, поднимая боевой дух. А в знак поощрения Семенчук давал офицерам читать

свои тетради с коллекцией. Самой же страшной угрозой было обещание: Не дам больше читать свои анекдоты! Невский невольно улыбнулся, взглянув на Семенчука и вспомнив последнюю новинку, рассказанную любимым начальником перед совещанием:

— Как живете крестьяне? — шутит Никита Сергеевич Хрущев. — Хорошо живем! — Шутят в ответ крестьяне.

Одернув куртку и прокашлявшись, Михал Михалыч произнес:

— Если верблюд долго идет по жаре и не пьет, он пахнет очень плохо. — В ординаторской наступила мертвая тишина, стало слышно, как бьется в стекло муха, пытаясь выбраться на волю. — Если даже верблюд не может очень долго обходиться без воды, то почему вы считаете, товарищ полковник, что это под силу нашим солдатам? Не возможно ждать на жаре не только час, но и меньше. Я тоже знаю об аквасепте. Закажите этот препарат в Москве, пусть принесет пользу людям здесь, а не в столице. В качестве средства для борьбы с инфекциями я предлагаю проверенный веками опыт самих афганцев — пить отвар верблюжьей колючки: дезинфицирует, хорошо утоляет жажду, действует в качестве тонизирующего средства. Мы на днях с офицерами управления бригады побывали в гостях у вождя племени пуштунов. Он толковый парень, учился в США в университете, теперь вернулся на родину, руководит соотечественниками. Прекрасно знает английский (Михаил Михайлович тоже свободно владел этим языком), он и рассказал нам об их способе борьбы с болезнями.

— Еще чего не хватало, чтобы советские солдаты, уподобляясь дикарям, как верблюды, жрали какую-то колючку. — Подскочил с места полковник из Ташкента.

— Да не жрали, а пили отвар.

— Это одно и тоже. Категорически запрещаю! — Он даже ударил тяжелой ладонью по столу. — Тем более, он учился в США, нашего противника. Может, он нарочно подбросил вам эту мысль, а вы, как дурачки, ухватились. Отравить он задумал ваших бойцов! Узнаю, что начали такие эксперименты — положите на стол партийный билет.

— Не вы мне его вручали, не вам его и положу — спокойно усаживаясь, произнес Семенчук.

— Чтоооо? — протянул зловеще полковник. — Да вы у меня врачом стройбата загремите отсюда после Афганистана. Распустились тут! Журнальчики почитывают, учить меня пытаются. — Он вскочил и тяжело забегал по ординаторской, пытаясь успокоиться. Вдруг его взгляд остановился на плакате. — Это еще что такое?? Упаднические настроения развели.

Советский человек смело смотрит в будущее, его не должны пугать поездки в соседнюю дружественную страну. Убрать немедленно!

Подскочил начмед бригады, вдвоем они сорвали плакат со стены, бросили на пол.

— Будете делать то, что вам прикажу. — Вновь быстро успокоился проверяющий. — С завтрашнего дня начать выдавать каждому бойцу 3 раза в день перед приемом пищи раствор марганцовки по стакану на «рыло». Это остановит инфекции в вашей бригаде. Сами не могли додуматься что ли? Все я за вас должен думать. Этот раствор будет убивать микробы в организме, еще и иммунитет повысится.

— Товарищ полковник, нельзя такое делать. — Первым не выдержал после тягостного молчания старший лейтенант Бурбанюк. Будучи толковым терапевтом, он сразу понял всю опасность безрассудного эксперимента. — Мы загубим молодых парней. Это же выльется в гастриты, ожоги слизистой желудка, разовьется язвенная болезнь. Никто не пьет раствор марганцовки! — в отчаянии, срывающимся голосом закончил он.

Офицеры вновь заговорили разом, пытаясь вразумить большого начальника. Тот гордо восседал за столом, не реагируя на протесты.

— Без письменного распоряжения за вашей подписью мои врачи не будут выполнять этот преступный замысел. Я, как терапевт со стажем, заявляю, что этим мы не снизим число инфекционных больных, а увеличим число терапевтических. Да, слабый раствор марганцовки вливают при отравлениях даже насильно, но с одной целью — вызвать рвоту, промыть желудок. Пить его никто не пробовал.

— Вот пусть ваши бойцы и попробуют. Получите мое письменное распоряжение. Я верю в свою правоту. Исполняйте! Ответственным я назначаю подполковника Каримова. Завтра я улетаю в Ташкент, а он лично будет мне ежедневно докладывать по телефону, как идет эксперимент.

Каримов радостно закивал, напомнив Невскому китайского болванчика. Полковник подхватив свою фуражку, гордо вышел вон, тяжело сотрясая половицы. Сзади вприпрыжку бежал его верный «оруженосец» начмед бригады.

Семенчук подошел к плакату, поднял его, свернув в трубку, протянул Невскому:

— Держи, Сашок, повесим в комнате нового общежития. Я с вами буду жить. Не хочу с Каримовым оказаться вместе. Какая скотина! Это он на нас «полкана» натравил. Ладно, господа офицеры, уже поздно. Всем марш спать. Завтра нам предстоит

трудный день.

5

Утром ничего не было готово, до завтрака полковник не написал распоряжение, поэтому «эксперимент» («экскремент», как назвали его острословы) начался с обеда. Получив письменное распоряжение за подписью, ознакомив с ним офицеров, Семенчук аккуратно сложил бумагу со словами: «Это наш оправдательный документ перед прокуратурой» и убрал ее позже на хранение в свой сейф. В качестве кабинета ему служила маленькая комнатка в приемном отделении, в ней едва могли поместиться одновременно 4 человека.

К распоряжению полковника начмед бригады приложил свои указания для офицеров, даже расписал, кто и где будет находиться, составил график дежурства на неделю вперед. За час до обеда он вновь собрал задействованных сегодня офицеров на «летучку»(так он гордо обозвал этот сбор). Все это напоминало штаб накануне сражения.

Под солдатские столовые приспособили авиационные ангары, они могли вместить сразу большое количество бойцов. В одном ряду находилось на небольшом расстоянии друг от друга полдюжины таких помещений. Бригада питалась практически в одну смену. Летом в этих металлических, раскаленных на солнце ангарах стояла невыносимая жара. Но сейчас только разгорался март, было даже прохладно. Сотни тысяч мух гудели над солдатскими головами утром, в обед и вечером в течение всего года. Справиться с ними было не под силу. Казалось, они слетались сюда со всего Афганистана. Впрочем, на них уже давно никто не обращал внимания. Привыкли.

Сейчас к ангарам привезли баки с приготовленным раствором марганцовки, вода не успела еще остыть, дымилась. Насыщенный розовый раствор «зелья» колыхался в бачках, которые расставляли перед каждым входом. Офицеры расходились по своим «боевым» постам. К каждому медику еще прикрепили «наблюдателей» из числа офицеров управления бригады, а также из политотдела. Главными раздатчиками предстояло стать фельдшерам, санинстукторам, которые заранее были проинструктированы, стояли тут же со своим «оружием» — металлическими кружками. Судя по выражениям лиц многих собравшихся у каждого входа в ангар, мало кто понимал цель подобных приготовлений.

Все ждали прибытия солдат. Невский находился у третьего

ангара. Вместе с ним топтался рядом начальник парашютной подготовки бригады и секретарь комсомольской организации одного из батальонов. Обоих офицеров Александр хорошо знал — лечились после легких ранений у него.

— Слышь, Саш, что тут задумали? Комбриг отправил всех офицеров управления в обязательном порядке. Все обалдели — первым нарушил молчание парашютист. По штату была положена такая должность, но поскольку с парашютом никто в Афганистане не прыгал, этими специалистами пытались затыкать все «дыры», направляя их то туда-то сюда.

— Дурью начинаем маяться. Выполняем идиотское распоряжение очередного проверяющего из Ташкента. Будем бороться с инфекцией в бригаде.

— А-ааа, — неопределенно протянул майор.

Вдалеке показались колонны солдат. Наступило время обеда. Бойцы с опаской посматривали на необычное многолюдье у входа в столовые. Каждая колонна останавливалась у своего ангара.

— Господи, избавь от позора, — вполголоса проговорил Невский. Раздача «чудодейственного зелья» началась. Командиры объяснили бойцам назначение баков с розовой жидкостью.

По одному солдаты подходили к раздатчикам, получали по половине кружки теплого напитка. Пытались выпить. Реакция была предсказуемой заранее. Практически сразу организм отвергал марганцовку. Кое-кого заставляли делать по 2–3 попытки. Мало кому удавалось с первого захода влить в себя розовый раствор. У дверей образовалась большая очередь. Командиры начали нервничать — обед задерживался. Кое-то пытался проскочить, не отведав щедрых даров. Их ловили. Начмед бригады метался между ангарами, пытался навести порядок. Ситуация выходила из-под контроля.

Невский отошел в сторонку, закрыл глаза — только бы не видеть происходящее. Тоже самое сделали его «наблюдатели», парашютист и комсомолец. Сержанты, поняв правильно офицеров уже не так ревностно стали раздавать марганцево-кислый калий. Дело пошло быстрее. Солдаты для вида набирали в рот раствор и затем «незаметно» выплевывали его на землю. Когда последний солдатик скрылся в столовой, Невский облегченно вздохнул.

— Полчаса позора и ты свободен до вечера! — произнес он. Офицеры рассмеялись

— Нет, мне хватило одного раза. Вечером я обязательно «слиняю»- проговорил парашютист.

— Я тоже, — поддержал его комсомолец.

— Хорошо вам. А мне еще раз через это надо пройти. — Они втроем направились в офицерскую столовую. Закурили, стараясь

успокоиться.

Перед входом в офицерскую столовую их тоже ждал сюрприз: уже знакомый бачок с розовой жидкостью стоял у двери. Рядом обреченно переминался с ноги на ногу эпидемиолог Сергей.

— Ты хочешь, чтобы мы это выпили? — издалека закричал парашютист. — Я тебе сейчас глаз на жопу натяну, «мушиный истребитель». — Он грозно сжал кулак размером с голову несчастного старшего лейтенанта и подходя к нему вплотную.

— Да вы что, ребята? Я только выполняю приказ начмеда. Офицеры это могут делать добровольно. Проходите, — затравленно произнес Серега. Он отступил в сторону. Видимо это была не первая подобная реакция.

— Много споил? — участливо спросил Невский.

— Никто не стал пробовать. Что я подполковнику скажу, Шура? — обиженно спросил эпидемиолог.

— Скажи правду! Пошли его к черту! Перестань перед ним лебезить! Стань, наконец, человеком! — Как гвозди в крышку ящика вгонял Невский свои фразы.

— Что значит, стань человеком?! Тебе хорошо говорить: у тебя начальник Зыков и Семенчук, а я напрямую ему подчиняюсь. Подгадит мне под замену.

— Я научу тебя, как стать человеком. Послушай притчу: старая муха 2 часа билась головой о стекло, хотя рядом было открытое окно. Это наблюдала молодая муха. Когда старая все-таки выползла еле живая в открытое окно, молодая спросила, зачем все это делалось. Прозвучал ответ: «Только если биться головой о стекло, можно стать настоящим человеком!» Подумай об этом на досуге…

— И к чему это ты рассказал? При чем здесь мухи? Праведник выискался. — Сердито буркнул Сергей, отворачиваясь.

Невский молча вошел в столовую.

6

Вечером Невский вновь «отбывал свою повинность» у входа в 3-й ангар. Впрочем, все прошло очень спокойно: уже не было такого количества «наблюдателей», только медики несли свою «вахту». Невский стал боком к входным дверям, всем своим видом изображая «нейтралитет». Раздатчики, зачерпнув на донышке розовый раствор, подавали очередному солдату, тот для вида набирал в рот, а потом тихонько выплевывал на землю. Колонна голодных людей быстро уменьшалась у входа. Все были довольны. Начмед бригады прохаживался неподалеку. «Будет

жаловаться своему земляку», — равнодушно подумал Невский. Через полчаса он уже спокойно шагал в свою комнату. Следующее дежурство состоится только через 5 дней. Оно прошло также спокойно.

Повседневная работа захватила Невского, он уже стал забывать первый «кошмар» у ангаров. Приехал новый хирург вместо старшего ординатора Николая Сергеева. На прощание устроили проводы и «вливание» в коллектив новичка. Все разговоры вращались вокруг раздачи марганцовки (почти все уже не по разу побывали в этой роли), новичок смотрел на всех ничего не понимающими глазами, он еще не осознал, что теперь его ждет совершенно иная, интересная жизнь. Утром Николай улетел, его провожали до аэропорта все свободные медики. Обнявшись на прощание с Невским, он обещал сразу сообщить свой новый адрес службы. Теперь Сергееву предстояло привыкать уже к мирной жизни.

По прибытию в бригаду всех ждала новость «по Гоголю»: к нам едет ревизор! Завтра из Москвы прилетает комиссия во главе с Первым Заместителем Министра Обороны СССР, его сопровождает «свита» в 98 генералов и высших офицеров. Будут среди них и медицинское начальство. Все это срывающимся, перепуганным голосом сообщил начмед бригады, собрав всех медиков на очередное совещание. Он бегал по ординаторской, заламывая руки и призывая всех добросовестно выполнять свои обязанности. Затем выразил недовольство плохим контролем за выдачей марганцовки.

— Прошло больше недели с начала эксперимента, а число инфекционных больных не уменьшается, — посетовал подполковник. — Я готовлю докладную в Ташкент по результатам работы каждого. Кое-кто точно «слетит» с должности за халатность во время проведения важного государственного эксперимента! — Он обвел взглядом всех собравшихся. Эпидемиолог даже втянул голову в плечи.

— Разрешите! — поднялся терапевт Бурбанюк. — Я уже докладывал вам о появлении новых больных с острыми гастритами. За эти дни у нас в отделении их набралось более 10, но это только начало. Надо срочно прекратить выдачу марганцовки! О необычной «эпидемии» гастрита у нас в бригаде заинтересовались и в Кандагарском госпитале.

Такие случаи действительно приобретали уже угрожающий масштаб. На своем вчерашнем приеме Невский лично беседовал с таким заболевшим — все признаки острого гастрита. Выяснилось, что боец все эти дни добросовестно выпивал при входе в столовую всю марганцовку, что подавалась ему. На изумленный

вопрос Невского: зачем он делал это? Тот пояснил, что очень боится свалиться от инфекции, а раз медики участвовали в раздаче, то он подчинялся их воле. Даже других уговаривал… Возразить было нечего. Невский припомнил, как один из подобных солдат в его дежурство старательно выпил розовый раствор, потом всем своим лицом изображал напряженную борьбу с разумным рвотным рефлексом. И солдат победил. Сколько же было таких «победителей»?

— Нет, нет и еще раз нет, — прервал воспоминания Невского голос Каримова. — Продолжайте выдавать марганцовку! Это распоряжение вышестоящего командования, не вам его отменять. Я придумал, чем еще вы займетесь в дни работы комиссии из Москвы. Должны же вы показать, что боретесь с инфекциями в полную силу. — Он перевел дух, прошелся по ординаторской.

Офицеры с тревогой следили за ним: что еще удумал? Пока в этой голове не рождалось ничего стоящего.

— Итак, слушай мой боевой приказ (он так и сказал, полководец, хренов). Я уже составил график дежурств, позже ознакомитесь. На окраине нашего военного городка размещены общественные туалеты, я насчитал 6 таких длинных сооружений. Все врачи, мне безразлично, кто они по специальности, будут дежурить возле этих туалетов в светлое время суток. — Единый вздох изумления раздался в ординаторской. Не было даже слов…

— Ваша задача: выявлять всех поносящих, записывать их и назначать на прием к дежурному врачу, — продолжал излагать свою задумку начмед. Если увидите приближение проверяющих, то докладываете им результаты своего дежурства. Все поймут, что медицинская работа в бригаде налажена хорошо, — победно глянув на командира медроты, закончил Каримов.

После минутной паузы грянул дружный взрыв хохота. Подполковник явно растерялся от такой реакции. Он уселся на стул и терпеливо ждал, когда уляжется шум. Даже заинтересовавшаяся дежурная медсестра заглянула — все ли здесь в порядке. Семенчук махнул ей рукой, дверь закрылась.

— Но зачем это делать? — наконец произнес Семенчук. — У нас и так «поносящие», как вы их называете, не прячутся, регулярно приходят на прием десятками. А вот при брюшном тифе чаще бывает запор, так как мы таких будем выявлять?

— Это ведь только на дни проверки. Я уже с Ташкентом согласовал, получил добро. Полковник приказал ознакомить всех под роспись с моим распоряжением. Так что расписывайтесь, а не выполнение будет расцениваться, как саботаж в военное время.

— И че, расстреляете? — подал, не вставая с места, голос Жора Кравченко. Он уже принял «на грудь» и старательно

изображал трезвого. Каримов даже не взглянул на него. Офицеры потянулись к столу, ставили свои подписи, садились на место. Говорить даже не хотелось. Вряд ли подполковник поймет весь идиотизм ситуации.

7

Офицеры расходились по своим комнатам мрачные, подавленные. Перед уходом из отделения Невский передал дежурной сестре об отмене плановой операции — собирались удалять доброкачественную опухоль у молоденького лейтенанта. Завтра хирург должен провести свое дежурство у общественного заведения типа «сортир» (обозначенного на карте буквами «М» и «Ж»- вспомнилась фраза из любимого фильма Гайдая).

Утром после завтрака Каримов напомнил об обязанностях медиков на сегодняшний день. Вся лечебная работа отодвигалась на второй план. Одни («счастливчики») будут нести дежурство у столовой при раздаче раствора, другие («несчастные») будут дежурить у туалетов. Прибытие комиссии ожидалось с минуты на минуту, поэтому начмед поторапливал докторов.

Невский и Кравченко направились к своим, рядом расположенным длинным сооружениям из глины и досок. Шли молча, покуривая. Каждый думал о своем. Остановились между «своих» туалетов, на «нейтральной полосе».

— Ты думал, Сашка, для чего мы приходим на эту землю, что оставим после себя? — задал неожиданный вопрос Жора. Он сегодня был необычно собран и молчалив.

— Дети и память о добрых делах — вот что должно остаться после каждого, — сразу ответил Невский. — Дочка у меня есть, скоро 4 года ей, Бог даст — еще будет. Так что надо о добрых делах еще позаботиться.

— Ты счастливый, а у меня семьи нет и не было. А после Афгана кому я такой буду нужен? — он расставил широко ноги, раскинул руки.

Болезненная худоба просматривалась даже через ткань полевой формы, которую Жора намеренно вымочил в хлорке, совершенно обесцветив, рукава и штанины он ушил. Тонкие руки и ноги сразу бросались в глаза. Сейчас он напомнил Невскому кузнечика, только большого и грустного.

Время шло. То и дело к туалетам подходили солдаты, офицеры, люди в гражданской одежде. Сделав свои дела, уходили, с интересом посматривая на медиков. Каждый, наверное, думал — нашли, где гулять…

Подбежал запыхавшийся Каримов: комиссия прилетела, обходят бригаду. Побежал предупредить дальше. Невский и Кравченко отошли к «своим» туалетам, замерли у входов, как часовые.

Прошло еще не менее часа. Солнце уже припекало вовсю, отражаясь в песке, слепило глаза. Уже не по одной сигарете выкурили «часовые», сходясь вместе. Лениво обменивались фразами.

Наконец, вдалеке показалась большая группа одинаково одетых в полевую форму людей. Они медленно двигались в направлении офицеров-медиков. Выделялась высокая фигура командира бригады, молодого полковника. Он что-то рассказывал, размахивая руками. Подошли ближе, уже можно было разглядеть лица, звездочки на погонах. Но все «гости» были без знаков различия, в одинаковой новенькой форме. Они напоминали воспитанников детдома на прогулке со своей воспитательницей, только «круговращение» происходило вокруг пожилого мужчины, худощавого, среднего роста с властным взглядом. Лицо было узнаваемо. Именно таким помнил его Невский по обязательным в каждой воинской части фотографиям «Высшего Командного Состава Министерства Обороны СССР». Первый Замминистра Обороны слушал комбрига, изредка задавал вопросы, не замечая вокруг никого. Невский, как и Кравченко, к которому приблизилась идущая группа, принял положение «смирно». Слышались отдельно долетающие фразы. Среди сопровождающих Невский заметим сжавшуюся фигурку начмеда бригады. Группа так бы и прошла, не обратив на офицеров-медиков внимания, но случилось неожиданное…

Четко печатая строевой шаг и приложив руку к панаме, старший лейтенант Кравченко двинулся навстречу Соколову. Он остановился на положенном расстоянии, вся группа тоже замерла с началом его движения. Невский даже расслышал слова доклада офицера, который говорил громко, отчетливо, как и положено настоящему военному. Александр даже искренне удивился: откуда «это» все взялось у него. Позавидовал его отчаянной смелости.

— Товарищ Маршал Советского Союза! Старший лейтенант Кравченко, начальник госпитального отделения Отдельной Медицинской роты Кандагарской бригады, докладываю, что во время моего дежурства у туалета номер 4 выявлено 15 поносящих человек, всем было рекомендовано обратиться за медицинской помощью к дежурному врачу.

Если бы Первый Замминистра Обороны увидел «снежного человека», он бы меньше изумился. Первое мгновение Маршал

даже потерял дар речи. Его «свита» удивилась не меньше, а комбриг смертельно побледнел.

— Что это за цирк?! — загремел, наконец, грубый «густой» голос полководца. — Ты что, старлей, пьян? Убрать сейчас же идиота с дороги! — Он посмотрел на бледного полковника.

— Никак нет, не пьян. Врачи бригады выполняют письменное распоряжение начальника медицинской службы бригады, подполковника Каримова. Прикажите ему подтвердить мои слова — не сходя с места, докладывал храбрый Жора.

Невский по лицу Маршала понял, что Жора победил.

Большой военачальник «расслабил» лицо, уже с интересом на него посмотрел, потом резко обернулся и бросил в толпу: «Начмеда сюда». Свита расступилась, как по команде, предоставляя Маршалу увидеть Каримова. Вокруг него сразу опустилась густая пустота, он стал «изгоем», это поняли все «шестым чувством». Понял это и Каримов. На негнущихся ногах он бочком приблизился к суровому проверяющему, что-то залепетал срывающимся, еле слышным голосом.

— Это правда, ты издал такое письменное распоряжение? Твои врачи вместо того, чтобы лечить, занимаются дежурством у туалетов? — голос Маршала набирал силу, переходил в львиный рык. — Он кивнул в сторону Невского, — этот тоже на «боевом «посту»? — Он поманил Невского, когда тот подбежал, пытаясь представиться, останавливающее махнул рукой: «Ты кто, тоже терапевт?» — «Хирург».

— Марш по своим рабочим местам! — бросил он офицерам. — А этого идиота вечером ко мне, — обратился он к одному из проверяющих. — Это ведь твой коллега.

Группа двинулась дальше. Невский и Кравченко остались одни. Фигура Жоры начала постепенно расслабляться — из него как будто удалили стержни.

— Ну, как, Сашок, сойдет это за добрый поступок? — устало спросил он, закуривая.

— Жора, да ты совершил настоящий подвиг! Теперь этого придурка точно снимут! — Сашка бросился его обнимать, похлопал по худой спине.

— Так уж и подвиг, — впервые озорно улыбнулся Кравченко. — Пошли скорее отсюда, сколько время потеряли зря.

— Для того чтобы восторжествовало зло, нужно лишь одно — чтобы хорошие люди бездействовали! Ты не бездействовал, Жора, ты наказал зло. Дай я тебя поцелую — веселился Невский, пытаясь догнать убегающего товарища.

Они подошли к приемному отделению, расположились в курилке. Постепенно возвращались со своих «боевых постов» остальные врачи: хирург, анестезиолог, бактериолог, стоматолог. Все радостно бросались обнимать Жорку, тот счастливо смеялся, польщенный вниманием к себе. Весть о его поступке с быстротой молнии разнеслась по территории военного городка. Подходили офицеры из других подразделений, просили вновь и вновь рассказать.

— Небось, в штаны наложил от страха, когда Маршалу докладывал?

— Как ты решился на такое, Жора?

— Теперь тебя большой босс к себе в Москву заберет!

Неслись ото всюду шутки. Жорка отмахивался от всех. Потом произнес:

— Очень боялся, конечно. Уже стояла перед глазами картина моей «казни». Но Первый Замминистра оказался мужик толковый, быстро во всем разобрался, понял отчаянный крик моей души. Вот с таким командиром я бы точно пошел в разведку!

— А, ну, качай его ребята! — крикнул врач батальона Порохневич, первым бросился к старшему лейтенанту. Его поддержали другие, подхватили худенькое тело терапевта, долго со смехом подбрасывали, потом осторожно поставили на землю. Наверное, это был один из самых лучших дней Кравченко в Афганистане.

После обеда офицеров-медиков ждала еще одна хорошая новость. Ее принес взволнованный хирург-новичок, дежуривший сегодня при раздаче марганцовки. С его слов выходило, что один из приехавших генералов оказался врачом, увидел процесс раздачи, а, узнав, ЧТО именно дают пить солдатам — пришел в ярость. Запретил тут же, приказал все вылить при нем на землю. Обещал во всем строго разобраться и лишить «автора идеи» врачебного диплома.

— Нам-то что теперь делать? — закончил, запыхавшийся «гонец».

— Нам как раз не надо волноваться. Расслабьтесь, сынки! Остальное я беру на себя, — произнес командир Медроты, минуту назад подошедший к курилке. — Я уже встречался с этим генерал-лейтенантом из Центрального Военно-Медицинского Управления, врач-терапевт, толковый «дядька». Обрисовал ему картину вкратце, показал из своего сейфа заветную бумажку с распоряжением. Еще я доложил ему о верблюжьей колючке, как эффективном средстве от инфекций, просил разрешения на применение. Генерал обещал согласовать с Маршалом, тот все же является Председателем проверочной комиссии, позднее сообщит

результат. Обещал заглянуть к нам в Медроту через часок-другой. Так что всем по своим местам! Хватит по туалетам торчать, пора и прямым делом заняться. Тебя, Жора, это тоже касается. Ты сегодня у нас Герой! Но надо и на больных глянуть, — закончил Семенчук.

Все офицеры, включая медиков, разошлись по своим работам. Через минуту в курилке никого не было.

Вечером Невский заканчивал прием больных, будучи дежурным хирургом. «Остались только твои», — сообщил ему дежурный врач и убежал на осмотр суточного караула. Когда последний больной уже собирался уходить, раздался резкий требовательный звонок телефона.

— Слушаю, — произнес Невский, держа трубку одной рукой, а другой, вписывая результаты осмотра в журнал.

— Кто? — спросила трубка строгим голосом.

— Дежурный врач, слушаю, — произнес старший лейтенант, задумавшись на секунду — формально он не был таковым.

— Кто? — Еще более строго спросила трубка «густым» басом. Голос показался знакомым. Тут его осенило. Так мог говорить только человек, наделенный огромной властью над людьми. Невский понял, кто на другом конце провода:

— Дежурный врач, старший лейтенант Невский, товарищ Маршал Советского Союза — четко по уставу отрекомендовался он.

— Вооот! — удовлетворенно произнесла трубка. — Быстро мне в кабинет отправь начмеда бригады. — На том конце отключились.

— Видишь, с Маршалом беседую, — произнес Невский, взглянув на замершего больного. Потом подскочил и побежал в комнату Каримова. Тот жил один в комнате, к счастью, он оказался дома. Передав ему приказ, Невский с удовлетворением заметил ужас на лице подполковника:

— Это конец, — подавленно произнес начмед бригады. Невский вышел, ему было немного даже жалко этого человека.

9

Перед сном, в свете догорающего дня, все медики собрались в курилке. Командир доложил последние новости. Каримов был снят высочайшим распоряжением со своей должности, завтра же он уезжает в Кабул, а потом в Ташкент — срок службы его в Афгане почти завершен. Маршал распорядился подобрать ему «хорошую капитанскую должность». Высочайшим же «кивком

головы» и словами: «Это ваша кухня — вот сами и решайте», — ответил он генералу-медику на вопрос о верблюжьей колючке.

— Так что с завтрашнего дня будем пробовать народное афганское средство, выдача начнется уже с обеда, дети мои. А сейчас всем по своим «матрешкам», — закончил, широко потягиваясь, Семенчук. — Да, свою тетрадку с последними анекдотами я вручаю сегодня Жоре Кравченко. Заслужил, бери на память. — Он протянул толстую школьную тетрадку, исписанную красивым почерком, в руки засиявшего старшего лейтенанта.

— Служу Советскому Союзу! — совершенно серьезно ответил Кравченко, все захлопали в ладоши.

Офицеры расходились по своим комнатам довольные. Неужели ярко выраженный идиотизм в их службе заканчивается?

На следующий день до обеда каждый солдат получил по кружке темного, цвета чая, отвара верблюжьей колючки. Поначалу многие с опаской отнеслись к «новым опытам медиков», но, распробовав, с удовольствием пили вкусный и целебный напиток. А уже через день не надо было никого заставлять, отпала и необходимость в дежурстве медиков у столовых.

Спустя еще несколько дней верблюжья колючка прочно завоевала симпатии всех обитателей Кандагарской бригады. Ее заливали в питьевые баки в расположении рот и взводов, ею заполняли фляги все выезжающие в боевые рейды, она охотно наливалась офицерами в свои комнатные графины и банки. Кое-кто даже полушутя-полусерьезно предлагал поставить памятник этому напитку, но не догадался, каким образом изобразить. Напиток действительно был очень полезен: прекрасно утолял жажду, восполнял потери минеральных веществ, был дополнительным источником витаминов, укреплял иммунитет, а самое главное — помог в борьбе с инфекционной заболеваемостью.

Результат заметили сначала дежурные врачи- все меньше было обращений подобных больных. Потом заметило и руководство Медроты, составляя отчеты. Постепенно число больных инфекциями снизилось до обычных одиночных — парных случаев. Все медики вздохнули облегченно. Пик заболеваемости миновал, стали возвращаться с излечений прежние больные, быстро заполняя поредевшие подразделения. Теперь и комбриг вздохнул облегченно — боеспособность бригады восстанавливалась.

Каждый день специально созданные команды выезжали на заготовку верблюжьей колючки, их стали называть «охотниками за верблюдами», название «прикипело». Даже командование стало использовать это определение. Порой Невскому попадалась на

глаза сцена, когда молоденький лейтенант командовал на полном серьезе: «Охотники за верблюдами, по машинам!», оставалось только улыбаться. Суровая, пустынная Кандагарская земля на этот раз щедро отпускала свои богатства — уж чего-чего, а колючки хватало всем: и верблюдам и людям. Добрая слава об этом растении вышла за пределы Кандагарской бригады, ее стали применять для отвара и в других гарнизонах.

Спустя пару недель в Кандагарскую бригаду приехал новый начальник медицинской службы, стройный и высокий, моложавый капитан, недавний выпускник командного факультета Военно-Медицинской Академии. Он в считанные дни завоевал уважение и любовь всех медиков бригады. От него узнали последние новости.

Капитану Рудову по секрету сообщили в Ташкенте в медслужбе округа, что его предшественник, подполковник Каримов за какую-то жуткую историю с туалетами (при этом рассказчик сделал большие глаза) отправлен с понижением на капитанскую должность врачом строительного отряда в трудно-доступный район где-то на севере Коми АССР, семья (жена и 2 дочери) отказались поехать с ним, как сделали жены декабристов, предпочтя родной и теплый Ташкент. Его покровитель полковник (тут кадровик перешел на шепот), был уличен в контрабанде наркотиков, оружия и камней (афганский лазурит, алмазы), был взят по стражу. Он скончался в тюремной камере от сердечного приступа — слишком велик был груз черных дел, давивший на сердце.

— Кто нами руководил?! — сокрушались медики, не раз обсуждая эти новости, покуривая в такой уютной курилке у приемного отделения Медицинской роты….

№ 8. «В рейд идут одни «старики»…»

Посвящается всем, кто оказывал медицинскую помощь на месте боев:
санитарам, санинструкторам и врачам батальонов.

1

— Не понял я что-то: чем таким серьезным болен мой боец, что вы его уже два месяца у себя держите? Через три дня выезд в рейд, у меня людей в обрез, а он у вас полы в операционной моет — сам видел. — Взъерошенный, раскрасневшийся капитан в сердцах бросил свою панаму на стол и уселся на свободный стул. — Комбат наш вчера вернулся с предрейдового совещания, там комбриг ясно выразился, мол, всех «сачков» — в строй, особенно всех дембелей, рано им «на чемоданах» сидеть. Он так и сказал в заключение: «В рейд идут одни «старики», совсем, как в том фильме, помнишь?

Старший лейтенант, ординатор операционно-перевязочного отделения, кивнул головой — конечно, фильм помнил, разве можно было не знать знаменитую режиссерскую работу Леонида Быкова. Он покопался на столе, нашел «Историю болезни» солдата, о котором шла речь. Действительно, прошло около двух месяцев, когда он был в конце февраля госпитализирован к ним.

Его положил сам начальник отделения капитан Зыков. Парень пришел на прием и честно признался, что боится погибнуть, отслужил уже положенный срок, а замены все нет. Был в десятках рейдах, не дрейфил, а тут вдруг «что-то нашло». Так и видит себя убитым, почти в каждом сне. Да еще мать все письма пишет, сильно болеет — боится его не увидеть, просит Бога скорого возвращения сына. Понял его тогда капитан Зыков, долго осматривал-ощупывал, но нашел-таки подходящую причину для госпитализации — костный нарост в области колена (так называемая болезнь Осгут-Шляттера), довольно редко встречается. Сам и прооперировал младшего сержанта — сбил медицинским долотом эту шишку (довольно болезненный процесс, даже не смотря на обезболивание, но боец стойко переносил боль). После выздоровления парня оставили в

отделении на одном условии — будет работать санитаром в операционной, помогать операционной сестре, будет и за чистотой там следить. Одним словом, станет беспрекословным работником, так и дождется своей замены. Тот согласился. За все время никаких претензий к работнику не было. Все к нему привыкли, Андрей оказался не только толковым санитаром, но и приятным в общении человеком. Когда Зыков сам уезжал по болезни в Союз, то строго наказал Невскому — додержи Андрюху до замены, так он ему обещал.

И вот теперь такое. Старший лейтенант попытался «навешать лапшу» командиру роты, рассказывая о долгом послеоперационном периоде при такой болезни. Ничего не помогло. К сожалению, тот сам видел жизнерадостного, смеющегося Тимухина в обществе медсестер. Пришлось вкратце поведать о «их договоре» с бойцом.

Капитан как-то сразу успокоился, закурил и прошел к форточке в ординаторской. Невский составил ему компанию. Они молча дымили, поглядывали друг на друга, больше никого в помещении не было. Наконец, капитан заговорил, назвал себя, протянув руку для пожатия — Шашков Петр. Представился и врач — хирург.

— Ты думаешь, Александр, у меня за них душа не болит? Еще как болит. У меня в роте треть дембелей, все хотят выжить, все хотят обнять мать-отца. Я сам комбату предлагал их не трогать, тем более что в начале мая, уж точно, их всех отправим домой в Союз. Но комбриг уперся. Это, мол, традиционный «рейд «стариков», так из года в год идет. Ничего с ними не будет. Это он так думает, а я знаю, что положим мы не мало их. И как я потом письма буду их родителям сочинять?! У вас один мой боец санитаром работает, вчера двоих своих забрал из госпиталя — тоже там стали нужными людьми. А как быть с остальными? Они не успели «спрятаться», значит, пусть их убивают. Нет, не могу я на это пойти. Пусть все решит судьба — кому жить, а кому помирать. Так что зови этого Тимухина Андрея, я сам ему все обскажу, и он откажется от своего «договора».

Старший лейтенант кивнул, вышел в коридор, попросил дежурную медсестру пригласить из операционной санитара Андрея. Он пришел довольно быстро. Улыбка на его лице стала «затухать», как только он увидел своего командира роты. Тимухин понял все сразу. Доложил капитану, что, мол, младший сержант и т. д. и т. п.

Капитан остановил доклад и коротко, но ясно дал понять, что ждет бойца в расположении роты не далее, чем через два часа. Он молча надел панаму и вышел, коротко козырнув.

Невский развел руками. Как помочь в этой ситуации, он не знал. Тимухин поблагодарил за лечение, мол, пора и честь знать, засиделся у них. Невский крепко пожал ему на прощание руку, пожелал удачи. Младший сержант кивнул головой и пошел на выход. На пороге он обернулся:

— Убьют меня в этом рейде, я чувствую! От судьбы не уйдешь.

— Да, ты что говоришь-то, Андрей. Вместе будем. Я ведь как раз еду с вашим вторым батальоном в этот рейд. Врач ваш, старший лейтенант Кульчеев Сергей, неделю как был положен в госпиталь, брюшняк у него вроде. Вот меня и определили на этот рейд. Все будет нормально, я уверен. Вернешься домой, мать обнимешь.

— Нет, доктор. Не вернуться мне, сон этот не зря так часто видел. Прощайте.

Он быстро вышел в коридор, опустив низко голову.

Невский сел писать его «Выписной эпикриз» в «Истории болезни». Лечение закончилось выздоровлением. Рекомендовалось беречь прооперированную ногу от больших нагрузок во избежание рецидива болезни.

2

Выезд был назначен на 4 часа утра 22 апреля, в день рождения вождя мирового пролетариата. Предстояло «чесать» Кандагарскую «зеленку». Впервые Невскому предстояло ехать не на Автоперевязочной, а в одном из БТР батальона. На «традиционной» машине поедет теперь врач-стоматолог Отдельной Медицинской роты старший лейтенант Иван Сухар. Это будет его первый рейд, конечно, немного волновался доктор. Последний день Невский консультировал его при сборах машины в рейд. Старался научить всему, что сам освоил за несколько подобных выездов. Пожелали друг другу удачи.

За день до этого был устроен строевой смотр всех подразделений, выходящих в рейд. Прямо с утра было приказано всем выстроиться на плацу 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады). Невский занял свое место среди офицеров 2-го мотострелкового батальона, с кем предстояло теперь ехать в рейд.

Сначала готовность проверяли офицеры управления Бригады, дотошно разбирая личные вещевые мешки солдат и сержантов. Каждый боец должен быть экипирован по списку. Это затянулось надолго. Офицеры батальона по ходу устраняли неполадки,

записывали старательно все отмеченные недостатки, чтобы на следующем построении доложить об их устранении.

Невский откровенно скучал со своими батальонными санинструкторами и санитарами. Свою медицинскую сумку (десантный вариант) он лично собрал «под завязку».

После обеда опять было объявлено построение. Вновь офицеры управления Бригады проверили готовность теперь уже под руководством начальника штаба, невысокого подполковника с ярко красным лицом (каждый раз при встрече с ним Невскому казалось, что тот только что вышел из бани…), который разговаривал исключительно на «командном языке» (он не матерился, а просто разговаривал матом. Невский диву давался «богатству его речи», казалось, подполковник участвует в конкурсе на самое изощренное и необычное ругательство. Впрочем, его все понимали хорошо).

Наконец, спустя еще часа полтора, появилась новая группа проверяющих. Сам командир Бригады, высокий стройный, молодой полковник сопровождал важного полковника из штаба армии. Невский так и не понял, какую он занимал должность в Кабуле, но повадки у него были «барские». Невысокий, коренастый с очень короткой шеей, отчего казалось, что его голова просто «положена» на плечи, он лениво обходил строй за строем. Замечания сыпались «пачками».

Дошла очередь и до второго батальона. Тут Невскому стали понятны основные замечания гостя из Кабула: упор он делал на медицинское обеспечение солдат к предстоящим боевым действиям. С одной стороны это было отрадно — забота о жизни и здоровье бойцов дело хорошее. Но если этим занимаются специалисты своего дела. Этот полковник не был специалистом, более того, он не был и медиком. Его требования противоречили всякому здравому смыслу: по его требованию выходило, что каждый боец должен иметь не только ППИ (перевязочный пакет индивидуальный), но и полностью снаряженную аптечку АИ (аптечку индивидуальную) со всем содержимым, включая таблетки от радиации (цистамин). Проверял он и наличие упаковок пантоцида (хлорсодержащие таблетки для обеззараживания воды). Все это у солдат батальона как раз и было. Но проверяющий сделал вывод о неготовности подразделений к боевым действиям, так как ни у кого из них при себе не было кровоостанавливающего жгута(?!)

Вот тут кабульский полковник «перегнул палку». Даже по всем медицинским канонам выходило, что такая мера излишняя. После вынесения «вердикта» о плохой работе врача батальона, который не обеспечил бойцов необходимыми средствами,

Невский попытался убедить полковника, что он не прав. На что последовал грозный рык: «Молчать!» Сам проверяющий двинулся дальше.

Итог был очевиден: Бригада не готова к боевым действиям. Приказано устранить указанные недостатки и быть в строю через два часа.

Впрочем, гость из Кабула несколько изменил свое требование: теперь жгут требовался на каждую «пятерку» бойцов (видимо он все же прислушался к доводам Невского). Но где взять даже такое количество кровоостанавливающих средств на всю Бригаду? Впрочем, выход был найден быстро: один из офицеров предложил резать старые автомобильные камеры на эти самые жгуты. Работа закипела.

Через два часа все вновь стояли на плацу. Боевой рейд еще не начался, а солдаты были издерганы и измучены этими бесконечными построениями и устранениями недостатков. Оставалось только изумляться. Неужели такое происходит при каждом выезде на боевые?! Раньше Невский со своей Автоперевязочной при выездах в рейды был вне подобных проблем. Хотя и теперь врач из Медроты и его Автоперевязочная не участвовали в строевом смотре. Повезло же Ване Сухар! И каково приходится врачам батальонов — это на своей шкуре теперь пришлось испытать.

Уже в наступающих сумерках строевой смотр завершился. Полковник Трубинер был доволен — теперь жгуты были розданы на каждую «пятерку» бойцов. Бригада была готова к боевым действиям!

Невский был между тем обеспокоен: никто не учил солдат правилам наложения жгутов, а с ними ошибиться нельзя. Жгут требуется накладывать только при артериальном кровотечении (выше места ранения) и строго на определенное время (1,5–2 часа, обязательно записать время наложения), иначе потом неизбежно придется конечность ампутировать. По неопытности можно ошибочно наложить жгут при венозном кровотечении (а тут достаточно обычной тугой повязки), а потом также появится угроза последующей ампутации. Невский попытался все это растолковать командиру батальона, но у него была масса других забот. Время показало: старший лейтенант не зря так волновался из-за этих розданных самодельных жгутов…

3

За несколько часов до выезда колонна начала выстраиваться

на территории Бригады. Невский, наконец, увидел свой БТР-70 (бронетранспортер) с бортовым номером 232. Еще раньше комбат объяснил, что выделил эту «броню» в распоряжение своего доктора, тот отказался от гусеничного МТЛБ, предпочитая ему БТР. Это было вполне объяснимо: при подрыве шансы уцелеть на бронетранспортере были больше, чем на гусеничной тяжелой технике. Невский согласился с таким вариантом тоже.

Санитарным инструктором батальона, с которым Невскому предстояло теперь находиться плечом к плечу, был Фадис Ахадуллаев. Парень заканчивал срок службы в армии, полтора года из которых пробыл в Афганистане. Он не скрывал своей радости из-за скорого возвращения в родной Ташкент. Только и разговоров было о предстоящем последнем рейде и о будущей дороге домой.

Водитель БТР, он же — санитар Влад Валк (все звали его просто «ВВ»), еще года не служил в армии, в Афганистан был направлен три месяца назад. Между тем, уже побывал в нескольких боевых рейдах. Одного призыва с ним был и пулеметчик башенной установки, он же — санитар Андрей Чиков, также имел не один выезд в боевые рейды.

Наконец, Невскому придали и звено санитаров-носильщиков. Это были два молодых парня-корейца, практически не отличимые друг от друга: оба невысокие, щуплые (как они будут носить тяжелых раненых?!). Их даже звали одинаково — Валерий. Правда, фамилии у них были разные: Пак и Ли. Впрочем, Невский тут же забыл, кто из них кто.

С этой командой старшему лейтенанту предстояло бороться за жизнь раненых второго батальона. Были, конечно, еще и санитарные инструктора, и санитары в каждой роте.

В салоне БТР Невский сразу уложил свою тяжелую медицинскую сумку, осмотрел и другие запасы: коробка с трофейными системами для переливания кровозамещающих жидкостей, размещенных в удобных пластиковых пакетах. Не надо никаких стоек — вкалывай в вену и клади пакет раненому под голову, жидкость сама потечет под тяжестью головы. Очень удобно! Была целая коробка перевязочных средств. На полу бронетранспортера лежало несколько связанных проволочных и фанерных шин для иммобилизации переломов, среди этого «богатства» врач даже увидел шину Дитерихса (используется при переломах бедра). Несколько носилок были привязаны сверху на броне.

Всем этим результатом осмотра Невский остался доволен. Можно ехать воевать! А пока можно было подремать прямо в салоне бронетранспортера. До выезда колонны оставалось еще

много времени. Уложив на коленях свой АКСУ (автомат Калашникова), старший лейтенант надвинул панаму на глаза и попытался подремать. Это ему удалось. Приснился даже сон. Он снова оказался дома среди родных и близких ему людей, читал дочке книгу и показывал ей диафильмы. Оба были счастливы…

Александр проснулся от грохота двигателей, криков, шума. БТР начал движение в колонне. Рейд начался. Невский пересел на сиденье командира, рядом с водителем. Влад сосредоточенно крутил баранку, стараясь выдерживать дистанцию с идущим впереди бронетранспортером. Андрей занял свое подвесное место у пулемета, а оба Валерия сидели спиной друг к другу, выставив свои автоматы в овальные люки. Впрочем, стрелять пока было не в кого. Лишь санинструктор Фадис продолжал дремать (или делал вид), разместившись на одноместном сидении.

Вскоре колонна выбралась на «бетонку», начала «накручивать километры». Когда подъезжали к Кандагару, уже стало светло. Как всегда, перед въездом в город, техника остановилась. Через крышку люка командира старший лейтенант вылез на броню, сел, свесив ноги вниз. Закурил. Эти же действия проделали многие из БТР впереди и позади медиков. Кое-кто спрыгнул на землю, прохаживался вокруг боевых машин. Минут через тридцать колонна двинулась дальше. Постепенно люди стали исчезать в своих люках, предпочитая укрыться под защитой брони. Невский тоже спустился вниз. Скорость колонны машин нарастала, по городу мчались довольно быстро. А город жил уже своей жизнью. Горожане спешили по своим делам, торговцы открывали многочисленные магазинчики — дуканы, то и дело попадались седобородые старцы в чалмах, чинно сидящие у домов. Проезд по городу прошел без происшествий, даже знаменитая «Черная площадь» не «изрыгнула» ни одного выстрела.

Невский рассеянно следил за дорогой — все это он уже видел не раз. Участие в предыдущих нескольких рейдах притупило интерес, хотя глаз подмечал некоторые перемены. Все больше попадалось по краям дороги сгоревшей боевой техники, а, значит, здесь разыгрывалась трагедия, оборвалась, возможно, чья-то жизнь.

За городом колонна вновь стала притормаживать. Вот и знаменитые «голубые купола» — мечеть. Опять остановились. На этот раз никто не вылезал на броню, не хотели рисковать — можно «схлопотать пулю».

— А что, Влад, хорошая это машина БТР-70? — нарушил молчание врач.

Водитель будто только и ждал этого вопроса. Он охотно откликнулся и стал выдавать многочисленную информацию, не

всегда понятную старшему лейтенанту. Было ясно, что Валк Влад обожает свой БТР:

— Это плавающий, с круговым бронированием, четырехосный, восьмиколесный, со всеми ведущими колесами, обладающий высокими динамическими качествами, проходимостью и плавностью хода, способный с ходу преодолевать окопы, траншеи и водные преграды. Вот что такое наш бронетранспортер! Он изготовлен из броневых листов, закрытый, водонепроницаемый, герметизированный, по форме он напоминает, как вы могли заметить, лодку, а это обеспечивает хорошую плавучесть. Силовая установка размещена в кормовой части корпуса. Здесь смонтированы два двигателя в сборе со сцеплениями, коробками передач и другими узлами и механизмами. У карбюраторных восьмицилиндровых двигателей мощностью по 120 л.с. трансмиссия раздельная, крутящий момент от правого двигателя подводится к колесам первого и третьего мостов, от левого — к колесам второго и четвертого. При этом двигатели и агрегаты трансмиссии не сблокированы между собой, соединены лишь приводы управления ими. А если…

— Стоп-стоп! Ты думаешь, я способен сразу переварить столько технической информации? На этом пока урок окончим.

— Но я еще не сказал о вооружении.

— А пусть нам об этом доложит Андрюха-пулеметчик, — Невский развернулся и кивнул Чикову.

Все взоры обратились к рыжеволосому, конопатому пареньку. Даже Фадис сразу «проснулся», сдвинул панаму с глаз и тоже смотрел на Андрея. Парень не растерялся, а после минутного раздумья продолжил «просветительную лекцию» для доктора, тоном и говором практически копируя предыдущего «оратора»:

— Главное здесь — башенная пулеметная установка, в которой смонтированы два пулемета. Один марки КПВТ (крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый), калибра 14,5 мм, другой — 7,62 мм, марки ПКТ (пулемет Калашникова танковый). Оба они служат для поражения живой силы и огневых средств противника, а крупнокалиберный, кроме того — для стрельбы по легкобронированным целям. У него отличные тактико-технические характеристики: наибольшая прицельная дальность — 2000 м, а скорострельность — 600 выстрелов в минуту. Представляете, до противника еще два километра, а его уже можно «взять на мушку» и вести прицельный огонь с высоким темпом стрельбы. Питание такого пулемета ленточное, в каждой ленте по 50 патронов, а весь боекомплект 500 патронов. У пулемета ПКТ наибольшая прицельная дальность 1500 м, а скорострельность до 750 выстрелов в минуту, лента снаряжена

250 патронами, боекомплект — 2000 патронов.

Когда одновременно начинают стрельбу оба пулемета, на «духов» обрушивается шквал огня. А когда дело доходит до ближнего боя, может пойти в ход также оружие экипажа и десанта. Надо сказать, дополнение это весьма ощутимое. Десант ведет огонь из автоматов через овальные лючки в борту машины. Кроме того, в бронетранспортере предусмотрены укладки для одного ручного противотанкового гранатомета РПГ-7 и двух автоматических гранатометов АГС-17. — Протараторив это, Чиков с победным видом оглядел всех слушателей

— Браво, ребята! Вы меня прямо успокоили. Теперь в этой чудо-машине можно ничего не бояться. — Невский слегка похлопал в ладоши.

Все парни заулыбались и закивали головами. Контакт офицера с солдатами был установлен.

4

И опять на Нагаханском повороте, как и в прошлые рейды, начался обстрел колонны. Было сделано несколько выстрелов из гранатометов, один из БТР первого батальона был подбит. Густо затрещали автоматные выстрелы. Тут и Андрей Чиков продемонстрировал свое грозное оружие, ударив из обоих пулеметов по развалинам кишлака, откуда и велся по ним огонь. Через бойницы стреляли оба Валерия и Фадис, используя все три отверстия правого борта. Колонна мчалась, не сбавляя, хода.

Стрельба стихла также внезапно, как и началась. Дальше ехали по «бетонке» без происшествий. А вот и знаменитый «ориентир» — оторванная башня танка, которая перегородила всю бетонную дорогу. Далее колонна стала съезжать на бездорожье, разъезжаясь веером по своим направлениям. У каждого батальона была своя конкретная задача. Второй, например, должен был блокировать кишлак, смутно вырисовывавшийся вдали. Затем проверить результаты бомбоштурмовых ударов с прочесыванием местности. Наступало время конкретных действий.

Еще перед выездом командир батальона строго определил место для Невского и его БТР — оставаться в составе бронегруппы, не соваться с ротами на «прочесывание» кишлаков. И вообще — поменьше «самодеятельности», командир батальона лично будет определять доктору задачу. «Я должен тебя вернуть в целости и сохранности, как просил ваш командир Медроты, майор Семенчук. А я его уважаю, поэтому обещал ему», — на

прощание обронил комбат.

Боевая техника стала рассредоточиваться, занимая строго определенные места. Свой БТР Невский распорядился поставить на небольшом удалении от бронемашин управления батальона. Еще раз, проверив свое медицинское имущество, Невский вылез из бронетранспортера, прошелся, разминая затекшие ноги. Кругом сновали офицеры и солдаты. Это напоминало гигантский потревоженный муравейник.

Прошло минут тридцать. Появилась пара вертолетов, они и нанесли бомбоштурмовой удар, сбросив по две бомбы. Над всем кишлаком надолго повисло пыльное облако, казалось, она никогда не осядет. О, эта знаменитая Кандагарская пыль! О ней можно писать целые страницы.

Кишлак был взят бронетехникой в «колечко», вскоре застучали крупнокалиберные башенные пулеметы БТРов, «затявкали» автоматические пушки с БМП-2. С этого расстояния Невскому было не видно, с кем ведется бой. Возможно, это пытались покинуть свои дома местные жители. Были ли они все душманами — сказать трудно. Когда пыль окончательно осела, роты двинулись на «прочеку», редкие цепочки бойцов перемещались к низкорослым глиняным домикам, затрещали автоматные очереди.

— Ни хрена там уже не найдут! Все давно попрятались в кяризах. Это так называются подземные колодцы с ходами сообщений. Весь Афган изрыт за долгие века. Практически в каждом доме есть такой колодец, а от колодца к колодцу идут ходы сообщений, там «духи» и свободно перемещаются. — Рядом с Невским остановился старший лейтенант. Он дружелюбно взглянул на Александра и протянул руку, представившись: «Сергей Монастырлы, минометчик. А ты, как я понял, замещаешь нашего заболевшего дока?»

Врач кивнул головой и назвал себя, крепко пожав в ответ руку.

— В кого же тогда все стреляют?

— Ну, это больше психологическое воздействие. Хотя, могут кого-нибудь и завалить. А если повезет, то и в плен взять. Ладно, побежал. Проверю, как там мои «самовары», то бишь, минометы. Пока.

Он стремительно сорвался с места и вскоре исчез за пригорком.

— Товарищ старший лейтенант, мы завтрак приготовили. Давайте поедим. Война войной, а перекусить не мешает, — водитель Влад неожиданно «вырос» за его спиной.

Невский кивнул и двинулся за Валком. У их БТР уже сидели в

кружок все санитары и санинструктор. Старший лейтенант принял из рук пулеметчика разогретую банку с перловкой, смешанной с тушенкой, кусок хлеба, ложку. Присел рядом. Голод давал о себе знать, поэтому и такое блюдо «шло на ура». Ели молча, изредка поглядывая в сторону выстрелов.

После чая все заметно оживились. Травили байки, вспоминали случаи из прошлых рейдов. Каждому было, что рассказать.

Первые раненые появились часа через два. Их привезли на одном БТР. Оказывается, не все в этом кишлаке спрятались в этих самых кяризах. Со слов раненых, душманы выскакивали из своих подземных укрытий и открывали огонь из стрелкового оружия, потом снова уходили. К счастью, все раненые были задеты осколками и пулями легко (два ранения в руку, один — в голень). Первую помощь им оказали санитарные инструктора рот, наложив повязки, а на раненую ногу был даже наложен резиновый жгут.

Невский первым делом провел «контроль жгута» — ослабил его, кровотечения не появилось. Все ясно. Этот самодельный жгут здесь лишний, тугая повязка надежно остановила кровотечение. Выяснилось, что жгут этот наложил его товарищ, в порядке взаимопомощи, а бинтовал ногу уже подоспевший санинструктор. Зря он не проверил нужность этого жгута. Впрочем, времени прошло не много, кровообращение еще не успело нарушиться. Черт, а, сколько таких жгутов может быть впопыхах наложено не по показаниям!

Врач сменил всем промокшие кровью и загрязненные повязки, с удовлетворением окинул взглядом свою работу. Начало положено. Скоро начальник штаба батальона был вызван в расположение управления Бригады, где также находилась Автоперевязочная, там была и площадка для вертолетов. Невский упросил капитана прихватить и первых раненых. Позднее они вертолетом были переправлены на «большую землю». Система эвакуации заработала!

5

Больше в тот первый день рейда раненых во втором батальоне не было. Были, со слов начальника штаба, который вернулся от комбрига, раненые во всех батальонах. Больше всех «пощипали» ДШБ (десантно-штурмовой батальон). Все раненые эвакуировались на Автоперевязочную (Невский мысленно пожелал удачи Ивану Сухар; тяжело ему приходится), а затем

переправлены на вертолетах в госпиталь и Медроту. Есть очень тяжелые ранения. Среди раненых было много дембелей — «старики» отрабатывали свое право возвращения на Родину…

Первый и единственный убитый в этот день появился уже под вечер. Роты второго батальона возвращались в свое расположение. Оставалось пройти не много, можно было различить отдельные лица. В одной из групп солдат виднелись две фигурки в чалмах — вели пленных. Один из БТР, стоявших на блокировке, начал также движение, обгоняя пеших. Его башня была повернута назад. Вдруг башенный пулемет этого бронетранспортера заработал. Длинная очередь «вонзилась» прямо в группу бойцов. Даже с этого расстояния было видно, что один из солдат был буквально «прошит» этой очередью. По поднявшимся крикам Невский понял, что произошло что-то ужасное. Он подхватил свою малую медицинскую сумку и побежал к раненому, а за ним, обгоняя, уже мчался санитарный инструктор Ахадуллаев Фадис.

Очередь из крупнокалиберного пулемета пробила грудь солдата вместе с бронежилетом, она же оторвала ему правую руку до основания. Из обрубка хлестала кровь из разорванной крупной плечевой артерии. Товарищи суетились вокруг умирающего, пытаясь остановить кровь, но сделать это даже с помощью многочисленных под руками резиновых жгутов было не возможно. Когда запыхавшиеся санинструктор, а за ним врач подбежали, то наступала уже агония. Невский сумел наложить кровоостанавливающий зажим прямо на сосуд в ране, но крови было потеряно слишком много. Да еще это тяжелейшее ранение в грудь.

Смертельно бледное лицо парня показалось знакомым. Ну, конечно, это был Андрей Тимухин, младший сержант, выписанный из Медроты прямо перед рейдом по настоянию своего командира роты. Сразу на память пришли его слова о неизбежной гибели в этом последнем рейде.

Врач не хотел просто так сдаваться. Он вколол обезболивающее — промедол, чтобы вывести из шока. Пока Фадис бинтовал огромную рану на груди, предварительно сняв с парня бронежилет, а затем с помощью помощников наложил повязку на культю оторванной руки, Невский пытался вколоть в вену здоровой руки капельницу с кровозамещающим раствором. Эх, сейчас бы перелить настоящую кровь, но где ее взять в полевых условиях! Спавшиеся вены практически не определялись. Проверил пульс на шейной артерии. Увы, сердце остановилось. Чуда не произошло.

Старший лейтенант отрешенно отодвинулся от погибшего.

Потом в исступлении стал бить кулаками по земле, выкрикивая какие-то нечленораздельные звуки. Фадис с трудом смог поднять его с земли.

Солдаты переложили умершего на носилки, которые принесли два Валерия. Им не доверили нести тяжелого парня, нашлись ребята здоровее.

Между тем у БТР, из которого вылетела эта «роковая очередь» собралась большая группа офицеров и солдат. Доктор заметил знакомые фигуры комбата (в своих знаменитых на всю Бригаду хромовых сапогах), начальника штаба, замполита, особиста, а также командира этой роты Шашкова Петра. Все они смотрели на щупленького солдата, которого держали по бокам за руки два бойца. Солдатик кричал тонким голосом, что «нечаянно нажал на гашетку пулемета».

Да, это был несчастный случай. Роковое стечение обстоятельств. Такое случается даже в мирное время, а что уж говорить о войне. Но почему Андрей так предчувствовал свою смерть? Он пытался даже избежать ее, «осев» в Медроте. Но злой рок был неумолим. А, может, все это было предопределено заранее. Вопросы — вопросы, на которые нет однозначных ответов.

Уже почти в сумерках приземлился в расположении батальона вертолет. На нем и увезли тело Андрея Тимухина. Вместе с ним улетал арестованный пулеметчик в сопровождении двух автоматчиков. Жертва и невольный палач — на одном борту. Этим же вертолетом увезли двух пленных афганцев.

До самой ночи Невский и его подчиненные медики не произнесли ни слова. Да и о чем было говорить?!

6

Ночь прошла без происшествий. Спать разместились прямо в БТР: разложили продольные сиденья, создав четыре нижних лежачих места, а спинки сидений подвесили к потолку на ремнях, образовав два верхних места. Наверх положили самых легких — двух корейцев, все остальные легли внизу. Усталость быстро взяла свое — через несколько минут все уже спали.

Утром после завтрака батальон менял свое местоположение. А потом еще и еще. За два последующих дня переезжали несколько раз. От названий населенных пунктов в голове образовалась настоящая «каша»: Сенжарай, Нагахан, Кикимати Аргандаб, Махаджири. Все они перепутались-сплелись в причудливый клубок. Менялись задачи батальона, в целом

оставаясь примерно теми же. Невский выполнял свою привычную и знакомую работу: перевязывал, обезболивал, ставил капельницы. Санинструктор и санитары активно ему помогали.

Число убитых в батальоне приближалось к десятку: подрывы на минах, выстрелы снайперов. А раненых было и того больше. Не все было подвластно врачу батальона — не хватало возможностей и средств. Дважды Невский сам сопровождал своих раненых до Автоперевязочной. Он даже оставался помогать Ивану обрабатывать тяжелораненых. Вместе они боролись за жизнь нескольких человек. Вертолеты регулярно потом увозили искалеченных в госпиталь.

Александр регулярно напоминал Ивану, чтобы проводил «контроль жгута» — по-прежнему часть раненых не нуждалась в наложенных жгутах. Как известно, у страха глаза велики — некоторые солдаты при виде крови, не задумываясь, накладывали самодельные жгуты на конечности. Невский не раз уже поминал «недобрым словом» этого полковника из Кабула. Впрочем, на четвертый день рейда старший лейтенант увидел этого полковника Трубинера воочию.

В тот день батальон был разделен на две части: роты выполняли свои задачи в пешем порядке, а бронегруппа и артиллерия, включая минометчиков, стояли в низине на виду населенного пункта, расположенного на пригорке. Там же находилось управление батальона и БТР медиков. Рядом протекал большой и глубокий арык, вдоль которого росли высокие деревья. Солнце припекало нещадно, но в тени деревьев было даже не жарко. Совсем не хотелось думать, что где-то рядом идет война, что сейчас роты пойдут на проческу кишлака; им требовалось лишь перейти зеленое цветущее поле.

Невский сидел перед маленьким зеркальцем, пытаясь избавиться от четырехдневной щетины, водитель-санитар Влад принес ему немного теплой воды в кружке. Все в один голос отговаривали старшего лейтенанта, но он решился-таки привести себя в «божеский вид». Тут и приземлился вертолет, доставивший несколько офицеров, среди которых оказалась знакомая «фигура без шеи». Гость их Кабула облетал все подразделения с проверкой.

Командир батальона доложил полковнику о ситуации на данный момент, они скрылись в развернутой палатке, поверх которой была натянута маскировочная сеть.

Невский закончил бритье, сразу почувствовав себя комфортнее. С удовольствием умылся из арыка. Теперь можно дальше воевать!

Мимо, не спеша, двигался старый знакомый — старший

лейтенант Сергей Монастырлы, минометчик. Они познакомились еще в первый день рейда, а потом часто общались, курили-болтали в свободную минутку. Вот и сейчас он остановился рядом. Поздоровались. Закурили.

— Как думаешь, Серега, на долго мы здесь остановились? Не хочется уезжать из этого тихого местечка.

— А хрен его знает. Это сейчас и решается в палатке комбата. Видал «заморского гостя»? Не люблю я этих штабных, тем более из Кабула. Все норовят себя умнее всех других изобразить. Обстановку толком не знает, а начнет сейчас командовать. Но наш батя-комбат просто так не даст себя сожрать. Он — «тертый калач». Я с ним уже второй год воюю. Слышишь, стрельба началась в кишлаке? Вот тебе и «тихое местечко»! Видать, большая заварушка начнется скоро. Попросят нас «огоньку подбросить».

— Слушай, у тебя такая редкая фамилия. Не слышал никогда. А откуда ты родом?

— Я из Молдавии. До поступления в военное училище в Кишиневе жил. А по национальности я гагауз, нас не так много на свете. Но историю своего народа знаю хорошо — дед рассказывал. Потом как-нибудь тебе расскажу на досуге. Ты сам-то с Урала?

— Школу заканчивал там. А вообще я из Иркутской области, это в Прибайкалье.

— Сибиряк, значит. Тоже хорошо. А что, сибиряк, видел ты, как стреляют минометы?

— Нет, пока только издалека. Не было случая.

— Пошли со мной. Сейчас моя минометная батарея начнет палить. Там все и увидишь. Даже познакомишься с «Васильком».

— Кто это?

— Не кто, а что. Это наш 82-мм автоматический миномет так называется. Я уверен, ты его еще не видел. Ты ведь сейчас свободен? Вот и пошли. Это не далеко.

— Хорошо. Я только предупрежу своего санитарного инструктора, где меня найти.

7

Они шли минут десять вдоль дувала на границе с виноградником. Вот и развалины каких-то строений. Впрочем, несколько низеньких глинобитных домиков были целыми.

— Это «кирпичный завод». Видишь, сколько заготовок лежит. Их прямо раскладывают для просушки на солнце. И не надо никаких печей для обжига. Как есть «каменный век»!

Минометная батарея старшего лейтенанта разместилась на большой ровной площадке недалеко от этого «заводика». Некоторые минометные расчеты находились вблизи дувала — этого, казалось, бесконечного глиняного забора.

— Как же вы будете стрелять? Вам же ничего не видно из-за пригорка, да и деревья практически скрыли этот кишлак.

— Сразу видно, док, что ты не специалист. Нам и не надо ничего видеть, тем более и они нас не видят. И пусть, что наша цель, этот кишлак, загорожена от прямого наблюдения. Наше настоящее наблюдение ведется с КНП (командно-наблюдательного пункта), там сидит наш корректировщик огня, это он будет видеть результаты наших стрельб, а потом по рации будет вносить поправки. Помнишь знаменитый фильм «Свадьба в Малиновке»? Там Яшка-артиллерист постоянно говорил: «Трубка 15, прицел 120». Вот такие, примерно, выходные данные и сообщаются наводчикам и заряжающим, будь это в артиллерии или у нас, минометчиков. Хотя минометы как раз и входят в состав артиллерии. Я знаю, как во всех войнах наша «матушка пехота», как говорится, души не чаяла в минометах, а артиллеристы уважают его как оружие, способное выполнять задачи, недоступные для настильной и даже гаубичной стрельбы. Дело в том, что для миномета не существует «мертвого» пространства, мины могут поражать цель всюду: за зданием, за холмом, в овраге или глубоком окопе. Это возможно потому, что угол падения мины всегда больше 45 градусов и, бывает, близок к прямому, т. е. мина падает почти отвесно. Определить координаты хорошо укрытого миномета вражеским наблюдателям нелегко: звук слабый, пламя небольшое, а пыли при выстреле, как пушка, он не поднимает.

— Это вся здесь твоя батарея?

— Да, ты все их видишь сейчас. Шесть батальонных миномета (БМ), это 82-мм миномет 2Б14 «Поднос», весит всего 56 кг. А еще сюда входят 3 миномета «Василек», я тебе о нем уже говорил. Давай поближе посмотрим.

Они подошли к небольшой «пушечке» на колесах. Сергей продолжил знакомить доктора со своим родным вооружением. Даже невооруженным глазом было видно — Монастырлы обожает свои минометы.

— Вот это и есть «Василек», — он любовно похлопал по стволу, смотрящему в небо. — Калибр 82мм, весит 632 кг, мина весит чуть более 3 кг, а максимальная дальность стрельбы 4720 м. Этот миномет может вести огонь как по навесной траектории, то есть выступать в роли миномета, и в роли классической пушки. «Василек» может заряжаться как с казенной

части, так и с дула. В первом случае он может автоматически перезаряжаться с помощью обоймы из четырех патронов (мин), вставляемой в специальное окно казенника. Во втором варианте заряжение происходит обычным образом, т. е. вручную.

Они перешли к другим минометам.

— Ну, а это наш «Поднос». Тоже 82мм миномет. Их, было, снимали с вооружения, но сейчас опять решили возродить. Лишь с началом этой войны в Афгане стало ясно, что эти минометы прекрасно могут обеспечить стрелковым подразделениям непосредственную огневую поддержку и сопровождение их при ведении боевых действий в условиях горной местности. Миномет этот сделан по, так называемой, схеме мнимого треугольника. Заряжание производится с дула. Ствол миномета — гладкостенная труба с навинтным казенником. Прицел оптический МПМ-44М. Лафет-двунога состоит из собственно двуноги с подъемным механизмом и механизмом горизонтирования, поворотного механизма, двух амортизаторов и обоймы для соединения лафета со стволом. Опорная плита круглой формы представляет собой штампованную конструкцию с приваренными снизу грунтозацепами, обеспечивающими устойчивое положение ствола миномета в момент выстрела. В походном положении миномет разбирается и переносится в трех вьюках.

— А чем здесь стреляют?

— Ах, да. Я не сказал. Используются 82мм осколочные мины О-832 и О-832Д. Они дают по 400–600 убойных осколков весом более 1 г. Радиус сплошного поражения у них 6 м, а действительного поражения 18 м.

— Как это? — Невский уже начал уставать от обилия всей этой информации. Теперь слушал больше из вежливости.

— Площадью сплошного поражения принято называть площадь, на которой при разрыве одной мины поражаются не менее 90 % всех стоячих целей. А площадью действительного поражения принято называть площадь, на которой при разрыве одной мины поражаются не менее 50 % всех стоячих целей.

— Понятно. — Невский вежливо кивнул. — Ты прямо, как на экзамене отвечаешь.

— Да, я могу о минах и минометах часами говорить. Ладно, сейчас начнем стрелять, ты сам все увидишь. Постой пока здесь, я разведаю обстановку.

Монастырлы озабоченно почесал за ухом, сдвинул панаму на затылок и умчался. Невский стал прогуливаться среди этого грозного вооружения.

Вскоре стали звучать команды, суета вокруг всех минометов усилилась, боевые расчеты занимались последними приготовлениями.

Появился сосредоточенный командир батареи. Спустя несколько минут, прозвучала знаменитая по многим фильмам и книгам команда «Огонь!» Стволы начали выстреливать минами, которые улетали с характерным шуршащим звуком. После нескольких корректировок огня, стрельба продолжилась с убыстряющимся темпом. Невский специально не засекал скорострельность, но даже он смог прикинуть, что пока одна мина в стволе, в воздухе в этот момент «висит» до четырех мин. Зрелище завораживало! Смертельные «посылки» улетали по назначению. Оставалось только представлять, что сейчас происходит в месте их разрывов.

Внезапно стрельба стихла. Тишина «ударила по ушам». Оказывается, так легко можно и оглохнуть. Как же минометчики с этим справляются, и как они не теряют счет выстрелам? В горячке ведь можно закинуть в ствол «лишнюю мину», или закинуть мину поверх застрявшей. Монастырлы сам как-то говорил, что на 100 выстрелов неизменно возникает 2 отказа, когда не срабатывает капсюль-воспламенитель минометный (КВМ) и мина не хочет вылетать из ствола. Эти вопросы требовали объяснений, и Невский отправился сам искать своего нового товарища.

Сергея он нашел возле одного из «Васильков». Он совершенно не удивился вопросам, даже обрадовался возможности показать свои знания. Дал указания расчету и отошел в сторонку. Доктор послушно пошел за ним.

— Сейчас еще подкорректируем, и снова будем стрелять. Грозится прийти сам полковник их Кабула, Трубинер, вроде его фамилия. Подождем его. Пока можно перекурить. — Они закурили. — А что касается твоих вопросов. Молодец, в самую суть смотришь. При выстреле уши, конечно, рекомендуется зажимать. Можно и затычками пользоваться. Это не проблема. И со второй проблемой тоже справились. Действительно, случаи бывали, когда происходил подрыв двух мин в стволе, возникала куча разных осколков, и весь расчет погибал, а иногда и все, кто был рядом. Но придумали оригинальное приспособление: сейчас на дульном срезе минометов на резьбе закрепляется устройство, называемое «предохранитель от двойного заряжания», который выглядит в виде цилиндра с прорезями, где установлена на оси так называемая «лопатка», которая при наличии в стволе миномета мины, перекрывает ствол так, что вторую мину

опустить невозможно. Когда мина вылетает, «лопатка» поднимается и дает опустить следующую мину в ствол. Этот предохранитель и устанавливают для того, чтобы не опустить вторую мину на первую. Хотя в руководстве службы, помнится, написано, что предохранитель от двойного заряжания практически не оказывает влияния на стрельбу, тем не менее, перед стрельбой надо обязательно проверить его работу. Если он неправильно работает, можно получить неприятности. Ладно, по местам. Вон полковник идет.

Старший лейтенант побежал на доклад проверяющему, а Невский подошел поближе к полюбившемуся уже «Васильку».

Вскоре стрельба возобновилась. «Фигура без шеи» вместе с командиром батареи стала обходить все стреляющие расчеты. Даже издали было видно недовольное лицо полковника. По долетающим обрывкам фраз Невский понял, что требуется увеличить скорострельность. Мины еще зачастили.

Среди шума и грохота врач не сразу расслышал, что его зовет санитарный инструктор Фадис. Когда он успел здесь появиться — было не ясно. Только подставив ухо, старший лейтенант расслышал, что его вызывает командир батальона, срочно требуется уточнить списки раненых. Последний раз, бросив взгляд на минометчиков, Александр быстро пошел вдоль дувала. Но решил еще раз взглянуть на боевую работу минометчиков и оглянулся. Глаз зафиксировал «исходное положение тел»: в десятке метров от него стоял полковник и командир батареи Монастырлы, минометный расчет «Подноса» работал слаженно, длинный дувал полукругом окружал этот участок земли, сзади метрах в двух от него шел Фадис, другие минометы и «Васильки» исправно посылали свои «подарки» в сторону мятежного кишлака. А потом случилось не объяснимое. Время практически остановилось. Все дальнейшие события происходили, словно на замедленных кадрах кинохроники. Причем сразу наступила абсолютная тишина…

9

Изменения начали происходить с самим минометом БМ — 2Б14: ствол миномета, эта гладкоствольная труба, стал разбухать, увеличиваться в размерах; затем из центральной его части начало вырываться пламя. Одновременно с этим двунога-лафет стала подниматься на воздух. Между тем труба разлетелась на крупные части, а оттуда, словно наконец-то вырвавшись на волю, ударил ливень осколков. Он обрушился на лица, на руки, на шеи людей,

калеча и убивая всех без разбора. Одновременно с этим Невский увидел, что идущий следом санитарный инструктор в прыжке бросился всем корпусом на врача, а ему вдогонку уже летела часть двуноги, этого металлического штыря. Штырь летел быстрее Фадиса, настигая его, он пронзил грудную клетку со спины. От удара о грудь старший лейтенант стал падать навзничь; пытаясь удержаться, он обхватил тело Ахадуллаева. Они так и упали, обнимая друг друга. Невский сильно ударился затылком о крупный камень, из глаз «посыпались разноцветные искры», но одновременно с этим «включился звук»: грохот нарастал, равномерный, как шум огромного водопада.

Не остался без изменений и проходивший рядом дувал — он стал вспучиваться, по нему побежали трещины, а вскоре стена начала разлетаться на куски. Казалось, огромная масса желтоватой каменистой глины стала мягче пластилина, она «послушно соглашалась» с таким обращением с собой. А невидимый гигантский «творец» задумал вылепить нечто иное, полностью отличающееся от прежнего мира. И этот новый мир назывался ХАОС.

Грохот разрушения пронзили крики. Люди бежали. В панике иные бросались навстречу гибели, в этот клокочущий «котел», в котором продолжались взрывы. Пыльное облако затмило лучи солнца. Кровь и камень смешались в едином водовороте. Кровь запятнала уцелевшие участки дувала. Кровавый туман висел в воздухе. Кровь брызгала из десятков тел раздавленных или сокрушенных. Кровь обильно текла из пробитой грудной клетки Ахадуллаева на лицо и грудь Невского. С невероятной трудностью врач смог выбраться из-под тела погибшего санитарного инструктора. Он с трудом поднялся на ослабевшие враз ноги, руками стал нащупывать путь. В пыльной тьме не различить было собственной ладони.

Невский побрел без всякой цели, просто чтобы не стоять на месте. Он то и дело спотыкался о тела упавших, чьи-то руки цеплялись за его одежду, раненые молили о помощи. В глазах его ослепительно сверкали красные, синие, зеленые, желтые огоньки. Нестерпимо болела голова, тошнило. После рвоты стало полегче. Из облака пыли вынырнул молодой солдат, его куртка «хэбэ» спереди была выпачкана рвотой, он бормотал что-то нечленораздельное, а из его ушей обильно текла кровь. Они не обратили друг на друга никакого внимания и вскоре «растворились» друг для друга в облаке пыли.

Задыхающийся от недостатка кислорода, выгоревшего в очаге взрыва и пожара, весь покрытый красно-желтой густой пылью вперемежку с кровью, Невский остановился, пытаясь восстановить

дыхание и отогнать подступающее безумие. Вся площадка перед ним лежала в руинах. Обезумевший мир то скрывался во тьме, то озарялся ослепительным светом, когда тучи на мгновение рассеивались. Тьма. Свет. Бесконечный рокот грома. Он снова двинулся на ощупь. Оторванная рука сжимает спусковой крючок автомата, и оружие продолжает посылать в пыльное облако длинную очередь. Пыль немного рассеялась. Тут его взгляд вырвал из полутьмы знакомое лицо. Полковник из Кабула. Он был весь засыпан обломками дувала, была видна лишь голова, покрытая толстым слоем пыли. Темные волосы офицера теперь казались белыми. Невский без всяких мыслей наклонился, протянул руку и ухватил Трубинера за волосы. Снова тьма. Александр вслепую намотал побольше волос на руку, дернул. Облако пыли поднялось кверху, позволяя увидеть… Голова полковника висела в его руке. Тело исчезло. Из разорванной шеи макаронинами свисали красные трубки. На миг старший лейтенант застыл, уставившись в мертвенное лицо, освобожденное от пыли. Казалось, что за окровавленными губами еще двигается язык, словно отрубленная осколком голова пытается заговорить. Невский выронил ее и бросился прочь, спотыкаясь на каждом шагу. Впереди показался дневной свет.

Потом он сидел на большом камне у арыка и жадно ловил ртом чистый воздух. Через каждую минуту старший лейтенант поправлял на плече свой автомат. Как он умудрился его не потерять в такой обстановке, оставалось загадкой. Но ощущение оружия придавало силу. Все тело трясло, постоянно хотелось прилечь и свернуться калачиком. Мысли текли вяло. Даже воспоминания о погибших больше не внушало ужаса. Что было — то было, и все тут. Наверное, когда телу грозит смертельная опасность, природа погружает мозг в анестезию.

Совершенно неожиданно вспомнились давние рассказы прадедушки о войне (так получилось, что своих дедушек он не застал живыми, а прадедушка был). В Первую Мировую войну он был капралом. Они трое суток стояли в окопах, по пояс залитых водой, под яростным артиллеристским обстрелом. Голодные, измученные, оглушенные грохотом снарядов люди на второй день начали засыпать и погружаться в воду. Григорий (так звали прадеда) сначала пытался спасти тонущих рядом товарищей, но через некоторое время впал в транс. К концу третьего дня он тупо смотрел, как на расстоянии вытянутой руки от него погружается в мутную воду его лучший друг. Прадед вспоминал, как смотрел на редеющие пузыри, а когда на поверхность всплыла выпавшая из кармана друга пачка сигарет, пожалел, что курево промокло. Только через месяц, в отпуске, его ударило сознание того, что

лучший друг утонул в канаве у него на глазах. Невский догадывался, что с ним сейчас происходит то же самое. Вероятно, так действует инстинкт самосохранения. Что бы ни творилось кругом, неважно — ты делаешь только то, что необходимо для твоего выживания…

10

Невский пришел в себя, когда его крепко начали трясти за плечи, а потом бить по щекам со всей силы. Странно, это подействовало. Мозг начал «включаться в работу». Он смотрел на шевелящиеся губы возбужденного лица и пытался понять смысл речи. Как из-под воды, наконец, прорвался голос:

— Док, как ты? Как ты? С тобой все в порядке? — продолжала кричать голова, приблизившись максимально к лицу Невского.

Наконец, Александр узнал в этом человеке командира роты, с которым познакомился прямо перед рейдом. «Шашков Петр, — лениво вспомнил доктор его имя. — Странно, что он тут делает? И почему он кричит мне прямо в лицо?»

Он хотел ответить ему, но язык разбух до невероятных размеров и совершенно не хотел двигаться во рту. Получилось какое-то мычание.

— Контузия, — сказал Шашков, обращаясь к кому-то с ним рядом. — Вон и кровь из правого уха течет.

Только теперь Невский увидел множество людей, которые сновали вокруг. Он узнал своих санитаров, которые перевязывали раненых. «Андрей Чиков, Валк Влад, оба Валерия, — мозг старательно подавал ему информацию, — они ведь делают мою работу. Почему я сижу? Надо немедленно взяться за свою работу! А где санинструктор Фадис?»

Это неотступная мысль начала биться в его голове. Он даже застонал, когда вспомнил все. Прежняя картина молнией пролетела в голове. «Он спас мне жизнь! Он закрыл меня своим телом! Он совершил геройский поступок! А как же его дембель?! Он же мечтал о скором возвращении в Ташкент!» — Эти быстрые мысли, как вспышки сварки, появлялись в его сознании.

Неожиданно одно и тоже слово стало всплывать в его памяти — «лопатка». Он вновь и вновь «обсасывал» это слово, даже пытался попробовать его «на вкус». Что оно означает? И почему оно лезет в мою голову?

«Лопатка не перекрыла ствол миномета, взорвались обе мины в стволе, а потом и другой боекомплект рванул», — эта мысль вдруг отчетливо сложилась в голове. «Но почему это

произошло?!» Ответа на этот вопрос он в своей голове так и не дождался.

Невский поднялся и побрел в сторону взрыва. Пыль уже окончательно осела. Убитых собирали и укладывали рядком. Многие фрагменты тел отсутствовали. Перед оторванной головой полковника Трубинера сидел на корточках майор и плакал, приговаривая: «Яков Семенович, Яков Семенович! Что я теперь скажу в штабе армии?!» Видимо, он прилетел с ним сегодня на вертолете, его подчиненный.

Тело полковника нашли позже и приложили ему голову в общей скорбной шеренге. Эти погибшие лежали одинаково, сложив руки на груди. Эту последнюю дань уважения выразили им живые.

Невский тихо побрел вдоль этого неподвижного строя. В одном из лежащих он узнал старшего лейтенанта Сергея Монастырлы. Верхняя волосистая часть его головы была аккуратно срезана, в глазах застыло удивление. И ничего более. Александр опустился перед ним на колени и закрыл ему веки. Через два тела от командира минометной батареи он увидел, наконец, санинструктора Ахадуллаева Фадиса и тут понял, что искал именно его. Металлический штырь из груди погибшего уже извлекли. Пришлось и ему тоже закрыть навеки глаза. Этого показалось Невскому мало. Он осторожно застегнул его куртку хэбэ на все пуговицы, внимательно вгляделся в лицо, стараясь получше запомнить черты. Затем достал из кармана расческу и осторожно привел в порядок спутавшиеся, взлохмаченные волосы Фадиса.

За этим занятием доктора и застал командир батальона. Он постоял рядом с минуту, но Невский его не замечал.

— Ну, слава Богу, док! Ты жив. А мне доложили, что и ты погиб в этой мясорубке. Что ты вообще делаешь? Ты весь в крови, тоже ранен?

Врач осторожно поднялся, покачал отрицательно головой и, открыв рот, показал на свой язык. Странно, но комбат понял его сразу. Он отстегнул от пояса фляжку и вложил ее в руки старшего лейтенанта. Только после нескольких крупных глотков, Невский понял, что пьет не воду. У этой водки был сильный привкус бензина (все ясно, везли контрабандным путем через границу в цистернах с горючим). Но сейчас она подействовала, как «живая вода». Язык вдруг опять мог свободно помещаться во рту, можно было даже говорить. Сделал «пробный пуск» своего «речевого аппарата»:

— Спасибо, товарищ капитан! — Сам не узнал своего голоса. Но вернулась речь! — Я не ранен, это кровь Ахадуллаева. Он

закрыл меня своим телом. А что здесь случилось?

— Хрен знает, док! Будем разбираться. Похоже, мины в стволе взорвались. Ты можешь сам идти? Тогда ступай к своему БТР, не заблудишься, туда сейчас все будут двигаться. Вертушки я вызвал. Будем раненых и «двухсотых» отправлять. Около десятка здесь положили, а раненых и того больше. Слов нет! — Он в сердцах длинно и «заковыристо» выругался. Потом похлопал Невского по плечу и добавил: «А Ахадуллаева я запомню. Буду на него оформлять «Красное Знамя». Он еще раз крепко сжал плечо врача и стремительно пошел в гущу завалов. Его некогда блестящие хромовые сапоги были покрыты толстым слоем пыли.

11

Санитары добросовестно выполнили свою работу: каждая рана была перевязана, каждый раненый и контуженный получил свою первую медицинскую помощь. К счастью явно тяжелораненых не было — многих сильно посекло осколками, а получившие сотрясения мозга просто нуждались в покое и отдыхе. Их всех сложили в тенечке под большими деревьями.

Невский поначалу пытался помогать оказывать помощь, но сами пострадавшие буквально шарахались от такого доктора: вся форма и лицо залиты кровью, пыль, казалось, въелась в каждую клеточку его тела. Закончилось тем, что оба Валерия подхватили своего доктора под руки и увели к арыку. Помогли умыться и мало-мальски привели его в «божеский вид». Там же, в тенечке, по настоянию своих подчиненных старший лейтенант и прилег. Голова просто «трещала», шум в ушах стоял непрерывно, тошнило. Несколько кружек воды очень помогли.

Через минут тридцать прилетела пара вертолетов. Они по очереди садились на ровную площадку и забирали раненых и контуженных. Позже прилетела еще «пара», они забрали всех погибших. К тому времени были доставлены еще трое из кишлака — погибли при проческе от рук снайперов. Ничего этого Невский уже не видел — он буквально «провалился» в сон.

Примерно два часа сна придали сил, стало значительно легче. Даже поел со своими медиками. Ребята окружили его такой трогательной заботой и вниманием, что сердце офицера переполняла благодарность. Это давало дополнительные силы. К вечеру он даже сам смог «обслужить» двух поступивших с прочески раненых. Ранения были легкие — ради них не стали вызывать новый вертолет. На ночь обоих парней уложили спать в свой БТР.

Утром второй батальон перебазировался на новое место — предстояло соединиться с основными силами Бригады. Потом была трудная дорога домой. Обстреляли даже на территории Кандагара. Впрочем, без потерь. Невский сидел вполне уверенно на своем месте рядом с водителем. Как выяснилось позже, остальные батальоны во время выполнения боевых задач тоже были «пощипаны», понесли потери. Не малую часть среди погибших и раненых составили дембеля и старослужащие. Общее настроение у возвращавшихся из рейда было — подавленность. Позднее этот рейд так и нарекли «кровавый рейд «стариков»…

* * *

Использованные источники:

— «Минометы», справочник, 1998 г.;

— «Энциклопедия вооружений: Минометы», 2001 г.;

— «82мм миномет. Руководство службы», Военное издательство, МО СССР, М., 1983 г.;

— Н.Алешин, В.Сергеев, В.Бровкин «Боевой транспорт пехоты», 2002 г.;

— С.Кларк, «Тьма сгущается», 2003 г.;

— «Бронетранспортер БТР-70. Руководство», ВИ, МО СССР, М., 1983 г.;

— Энциклопедия — Википедия.

№ 9. «В первых строках своего письма…»

«Здравствуй, дорогая, из Афганистана…»

1

«Здравствуйте, дорогая мама и сестренка Зина! Служба моя очень трудная, я почти ежедневно рискую своей жизнью. Враги не дают нам покоя, воюем с ними почти каждый день, я уже потерял многих боевых друзей. Даже спать ночью приходится в обнимку с автоматом, не расстаемся с оружием весь день. Командиры меня уважают, самый главный командир благодарил меня, когда я спас ему жизнь. А сейчас прямо идет бой, я пользуюсь затишьем, пишу это письмо. Пишу прямо на сапоге убитого моего друга, он лежит с простреляннной головой, я не знаю, выживу ли в этом бою. Но если Вы, мама, получите это письмо, значит, я уцелел. Пока прервусь, душманы снова пошли в атаку, позже допишу…»

— Нет, я больше не могу читать этот бред! Ведь этот сукин сын пишет письмо матери своей, которая и так за него волнуется. Нет, чтобы успокоить… Это письмо мне передали утром прямо из военной цензуры, хорошо, что удалось «прервать его полет» на родину. Я решил прямо на утреннем построении всей нашей Кандагарской бригады зачитать этот «шедевр». Я уже навел справки об этом «герое», которого, мол, я сам благодарил за храбрость. Сейчас вы все его увидите, оцените этого «красавчика». — Подполковник, невысокий крепыш с загоревшим дочерна лицом, прославленный командир 70 ОМСБ, оторвался от чтения письма, прошелся по невысокой трибуне, сплюнул в сердцах, вновь подошел к микрофону.

Весь личный состав бригады выстроился на плацу, ловили каждое слово своего командира. Было от чего прийти в изумление. Никто, наверное, не писал домой такие письма, старались успокоить родных, приукрасить свою жизнь, а здесь все наоборот. Ждали, когда выйдет этот «писака». Весь состав офицеров и солдат Отдельной Медицинской роты стоял прямо напротив трибуны, было видно рассерженное лицо подполковника. Он, наконец, произнес в микрофон:

— Рядовой Пописев Борис, хозяйственный взвод, выйти из строя!

Из второго ряда названного подразделения неловко выдвинулся, косолапо шагая, невысокий солдатик, встал перед

своим строем.

— Сюда-сюда иди, пусть все тебя рассмотрят!

Рядовой, нелепо размахивая руками, промаршировал к трибуне. По рядам выстроившейся бригады пробежал вздох удивления. Вид «героя» поражал: грязная, вся в темных пятнах полевая форма, панама с обтрепавшимися полями, ботинки, которых не касалась обувная щетка уже не один месяц. Не пропорционально маленькая голова с узким личиком, на котором застыло выражение ужаса — довершала картину. Он поднялся на трибуну, как того потребовал командир, встал рядом. Откровенный хохот раздался среди «кандагарцев». Разительный контраст между подполковником и рядовым бросался в глаза.

Командир взмахом руки оборвал смех, что-то негромко сказал Пописеву, наклонившись к самому уху. Солдатик кивнул головой и заговорил:

— Я, это, самое, испугался выходить в свой первый рейд, был в 1-ом батальоне, попросился в хозяйственный взвод, очень хотел выжить. Уже полгода там служу, никогда не участвовал в бою, шибко боюсь крови. — Он опустил голову, плечи затряслись.

— Ты скажи-ка нам, кем работаешь? — командир обвел взглядом строй на плацу.

— Шофером я, это самое, работаю. Ассенизатором, вывожу из туалетов, это самое, — он размазал по грязному лицу слезы, отчего появились светлые потеки, окончательно смешался и заревел в голос.

Командир брезгливо отодвинулся от него:

— Вот вам такой Аника-воин! Прошу любить и жаловать! Поди, уже не первое такое письмо написал?

Тот, продолжая реветь, кивнул головой.

— Все ясно! Нечего на него больше любоваться! Командир взвода! — обратился подполковник к прапорщику, который вытянулся у своего подразделения. — Оформите рядового Пописева на гауптвахту на всю «катушку», я его «награждаю». Увести!

Двое плечистых солдат с автоматами из комендантского взвода выросли, как из-под земли. Арестованного увели.

Командир вновь прошелся по трибуне, собираясь с мыслями. Он коротко обрисовал сложившуюся обстановку, напомнил о высокой миссии интернационалистов, возложенной на всех солдат и офицеров в Афганистане, призвал сохранять достоинство советских людей, беречь нервы своих родных и близких, не писать таких «дурацких» писем. На этом общее построение закончилось, всем командирам подполковник приказал прибыть к нему в кабинет на совещание.

Подразделения стали расходиться по своим рабочим местам. Офицеры-медики шли плотной группой. Все обсуждали этот инцидент с письмом.

2

— Слушайте, мужики, я просто обалдел от такого письма. Интересно, что он там еще понаписал. Поведал о подвиге, за который к Герою надо представлять? — стоматолог, старший лейтенант Сухар, в сердцах сплюнул. — Я своим родителям вообще ничего о войне не пишу. Хватит того, что они в сплетнях слышат. Так много слухов об этом Афгане в народе ходит. А наш Олежка вообще скрыл, что в Афганистане служит. Так ведь? — он обратился к прапорщику Шлемову, фельдшеру приемного отделения.

— У меня мать сердечница, зачем ее расстраивать. Я один у нее. Вот и написал, что в Венгрии служу. Мне Санька Невский помогает расписывать красоты этой страны. Хорошо получается. В отпуск ездил, привез ей подарков кучу. Правда, все удивлялась, что ни одной вещи венгерского производства нет. Еле отбрехался — мол, там тоже все завалено китайскими шмотками. — Худощавый, черноусый, бритый налысо Олег счастливо рассмеялся. О его трогательной заботе к матери знали все в Медроте. Он частенько посылал ей дефицитные лекарства с отпускниками в Союз (с медикаментами там очень было плохо в отличие от Афгана).

— Сашка пролежал зимой больше месяца с тифом, но я знаю, что ни слова об этом семье не сообщил. Так ведь? — Анестезиолог Акбаров, обладатель шикарных черных усов, кивнул в сторону Невского.

— Было дело, Толик. Наши родные и так себе места не находят, зачем их расстраивать лишний раз. Мы же не «пописевы» какие-нибудь! — Старший лейтенант, хирург, кивнул в сторону плаца, намекая на письмо солдата. — Правда, вот удивилась жена, когда я предстал перед ней в отпуске по болезни — худой, как «велосипед». Прижала меня к стенке, пришлось «расколоться» про болезнь. Но это ведь было уже для нее не страшно — все позади, все хорошо кончилось…

— Да, ребята! Правильно мы делаем, что не пишем о наших ужасах и страстях афганских. Пусть меньше волнуются за нас. — Вступил в разговор рассудительный, серьезный Саша Тамару, начальник аптеки. — Вот вернемся домой все живые и здоровые, тогда и поведаем кое-что. С другой стороны, много и не

напишешь — цензура вычеркивает часто. Вы обратили внимание, что даже письма из дома просматривают. Мне часто со штампом приходят — «поступило в расклеенном, грязном виде». Это они так свое присутствие оправдывают. Ничего, после войны, вся правда все равно вылезет. Может быть, кто и из нас опишет эти годы.

Медики наперебой начали подтверждать, что тоже получали письма с такими штампами. В каком же виде приходят тогда их собственные письма?!

Незаметно дошли до своей Медроты, разошлись по своим рабочим местам. Начинался новый трудовой день. Немилосердно жгло августовское солнце, не смотря на раннее утро.

Это высокое, вечно голубое небо уже раздражало. Хотелось увидеть тучи, а еще лучше попасть под хороший ливень. Но мечтам не суждено было сбыться. Оставалось надеяться на возвращение на Родину. Уж она порадует хорошим дождичком…

3

Вечером, после ужина все офицеры и прапорщики собрались в своей комнате офицерского общежития на 10 человек. Всего было выделено 2 таких комнаты для Медроты. Раньше жили в общежитии при Приемном отделении по3–4 человека в комнатах. Но еще весной прежний командир бригады добился своего — всех офицеров в городке собрали в огромный, длинный, вновь отстроенный модуль (сборно-щитовой барак). Никто не был в восторге от такой инициативы. Минусов получалось больше, чем плюсов. Тем более раздражали частые «рейды» с проверками офицеров политотдела, которые вламывались в любое время дня и ночи, даже лазили по тумбочкам хозяев. Один Бог ведает, что они намеривались там найти…

Кровати стояли в несколько рядов. Не всем досталась стена. «Счастливчики» могли развешивать на стене у кровати фотографии жен, детей, рисунки любимых чад своих. В этом отношении хирургу Невскому повезло — его кровать целиком примыкала к стенке. Он с радостью этим воспользовался: теперь, ложась спать, всегда можно было посмотреть на фото жены и 4-летней дочери. Там же Александр разместил и рисунки дочки. Она любила рисовать «счастливую семью» — 3 медведя или 3 зайчика, 3 белочки (обязательно подписывала, где «папа», где «мама», а где «дочка»). Эти рисунки умиляли, добавляли сил. Напоминали, что где-то далеко его ждут и верят в успешное возвращение. А недавно он разместил «последний шедевр» своей

любимицы: дочь крупными буквами написала на листе (видимо, текст она старательно обвела после написанного матерью по ее просьбе):

«Дяденьки командиры! Отпустите моего папу в отпуск. Он очень у нас хороший, а вы его держите за руку, не пускаете ко мне. Я сильно скучаю по папе Саше. Я его люблю и он меня тоже!!»

Командир Медроты даже крякнул, прочитав послание дочки хирурга. А потом серьезно пояснил:

— Ну, не могу я тебя сейчас отпустить, сам знаешь! Вот в октябре поедешь, я же не знал, что наш ведущий хирург «свинтит» от нас в Газни. Совсем не кому будет оперировать — наприсылали «зеленых» специалистов на замену, пока они научатся скальпель в руках держать! Потерпи, так и дочке своей объясни. — Михаил Михайлович горестно вздохнул.

Все это припомнилось, когда Невский взглянул на листочек с каракулями дочки — он висел уже неделю.

Холостой Ваня Сухар на «свою» стенку развесил открытки с пакистанскими красавицами, вырезки из журналов «забугорных». Почти всегда при очередной проверке из политотдела их приказывали убрать, что Ваня и делал. Но красотки снова возвращались на свои места после ухода проверяющих.

Поставили 3-х литровую банку, заварили крепкого, ароматного чая. Наступало самое лучшее время отдыха. Каждый был предоставлен сам себе. Многие ушли в кино — но фильмы часто повторялись, надоедало смотреть одно и тоже. В комнате негромко играл магнитофон Вани. Почти все уже приобрели себе новую японскую технику, которая дожидалась в коробках «переправки» в семьи. Но у Сухара была еще и трофейная магнитола, которую и «эксплуатировали» нещадно. Очень нравились всем песни, написанные здесь в Афганистане самодеятельными авторами. Это были свои, родные, близкие и понятные всем песни. Сейчас из динамиков доносилось:

Афганистан болит в моей душе,
Мне слышатся бессонными ночами
Стихи Лаэка в небе и в печали
И выстрелы на дальнем рубеже…

Спустя несколько минут многие уже писали письма на Родину. Это становилось уже потребностью души — поведать близким о своей жизни, успокоить, ободрить. Но самое желанное в Афгане — это получить самому весточку из дома. Письма ждали, как самую большую награду за перенесенные испытания в

течение дня. Если долго не приходила почта, люди нервничали, ругали «почтовиков». Срывали раздражение друг на друге. Даже по внешнему виду уже можно было определить, кто давно не имел вестей из дома. Успокаивали, как могли. И вот письмо получено! Это счастье!! Его зачитывали «до дыр», читали вслух, хвастались успехами детей, показывали новые фотографии. Это был настоящий праздник. Письма для каждого «афганца» были, как глоток свежего, прохладного воздуха в этом раскаленном, суровом крае.

4

В лучшем положении сейчас оказывался Толик Акбаров — он чуть более месяца, как вернулся из дома, не успел еще сильно соскучиться. Краткая поездка домой была неожиданной. Но не было бы счастья — да несчастье помогло. Погиб во время июльского рейда офицер из третьего батальона, отдел кадров проверил всех офицеров бригады и выбрал земляка из Астрахани, чтобы сопровождать тело на родину. И этот выбор пал на анестезиолога Акбарова. Тот сначала решил категорически отказаться, но возможность увидеть жену и недавно родившуюся дочь пересилила. Провожали сослуживца на аэродром почти всем составом Медроты. Завидовали — и не завидовали (как поведут себя родные погибшего, как себя вести, что рассказывать о человеке, которого и не знал при жизни…)

Дочь у молодого папаши родилась в апреле, причем 22 числа, как и Ленин. Все усмотрели в этом большой знак, а счастливый отец решил и дочку наречь в честь вождя мирового пролетариата — Вилена. На большой вечеринке, устроенной в честь новорожденной, он пьяно кричал, что это совпадение надо «увековечить» таким именем. Еле-еле уговорили папочку не пороть чепухи, не портить девчонке жизнь, а назвать красивым женским именем. В конце концов, все проголосовали за имя Лена (Невский настаивал больше всех — так звали его дочь). На следующий день Толик отписал своей жене письмо — и появилась Лена Акбарова. И вот представилась возможность увидеть свою крохатулечку впервые.

Анатолий улетел. Вернулся он через 10 дней, старался не вспоминать о тяжелой миссии, лишь сказал, что «похоронили по-людски». Зато привез целую пачку фотографий своей дочки, всем показывал с гордостью, теперь эти фотографии заполнили всю стену у его кровати. А еще он привез трехлитровую банку черной икры (Астрахань — рыбный край). Все офицеры Медроты

накинулись на угощение с радостью, но… Но вскоре на эту икру уже никто не мог и смотреть, всячески «отлынивали», обижая тем самым хозяина. Он злился, нервничал — в такой жаре не сохранить этот дефицит. Вспоминались кадры из знаменитого фильма «Белое солнце пустыни» — «не могу я ее проклятую больше есть…» Тогда решили прибегнуть к хитрости: заманивали в свою комнату офицеров из других подразделений, заставляли их есть икру, но вскоре и эта уловка перестала срабатывать — все уже были в курсе, зачем зовут, просто убегали… И смех и грех. «Зажрались» одним словом. Выход был найден — передали остатки икры в стационар для раненых, там ее и доели до последней икринки. Солдаты долго еще потом изумлялись этому дополнительному питанию. А Толик был счастлив — не пропала икра, не зря вез через всю страну. Сейчас он уютно устроился на кровати и писал письмо своим милым девочкам — жене и дочке. Лицо его выражало счастье и любовь.

Магнитофон продолжал негромко наигрывать. Приятный молодой голос пел:

Я тоскую по родной земле.
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты…
Так что ты, кукушка, погоди.
Пережди какую-то минуту.
У солдата вечность впереди.
Ты ее со старостью не путай.

— Толик, есть еще авторучка? Моя «сдохла», — молчание нарушил Олег Шлемов. Он старательно писал письмо в Тюмень своей маме. Поймал брошенную ручку, продолжил писать. Сейчас ему стало легче сообщать о прелестях службы в Венгрии — он недавно познакомился с офицером, который послужил в этой стране. Тот «наговорил» ему целую тетрадь своих впечатлений, оставалось оформлять очередную «порцию» в письмо на родину. Работа спорилась, Олег даже кончик языка высунул от старания.

— Мужики, послушайте, какой мне анекдот жена прислала, — на этот раз молчание нарушил командир. Все в Кандагарской Бригаде знали командира Медроты, как неиссякаемый источник анекдотов, коих у него было множество исписанных тетрадей, жена не забывала увлечения мужа, почти в каждом письме присылала новые. Он коротко хохотнул, прокашлялся:

Молодой муж обращается к молодой жене:

— Почему борщ без мяса?!

— Не знаю. Я варила точно по кулинарной книге, которая осталась от твоей бабушки.

— И что там написано?

— «Возьмите на рынке мяса на десять копеек…»

Медики довольные, рассмеялись.

— А что, Толя, тебе твоя молодая супруга не варила такой борщ? Небось, одной черной икрой питался по приезду, — Михал Михалыч подмигнул Акбарову.

Начались воспоминания о семейной жизни. Каждый хвастался кулинарными способностями своей жены. Один холостяк Иван помалкивал. Он, наконец, прервал воспоминания:

— Вы только послушайте, что мои родители заготовили к моему приезду в отпуск, это же на целый взвод хватит. — Он принялся перечислять количество банок солений, варений, компотов. Все ахнули. Договорились ехать всем коллективом в гости к Ване в украинский городок Овруч.

Вскоре опять слышалась только песня из магнитофона. Командир писал своей жене и дочери в Фастов, городок у Киева. А Саша Тамару, самый серьезный и невозмутимый, заканчивал свое послание жене Александре и сыну Юрию, они ждали его в городе Белгород-Днестровский. Старательно заклеив конверт, Саша достал толстую тетрадь, книгу и принялся за новую работу. Он давно уже конспектировал работы В.И. Ленина, причем задачи себе ставил сам, очень торопился, боясь не уложиться «в график», который сам и составил. Это было тем более удивительно, что никто здесь не требовал конспектов по работам Ленина, все вздохнули от этого свободно. Сначала медики недоумевали, пытались отговорить, но Тамару продолжал этот «сизифов труд». От него отступились, лишь меж собой продолжая посмеиваться.

А голос из динамиков продолжал петь о кукушке:

Часто снится мне мой дом родной.
Лес о чем-то о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой
Сколько жить осталось мне считает…

5

Невский продолжал перебирать большую пачку писем, которую достал из тумбочки, множество их уже скопилось. Письма приходили из разных уголков необъятного Союза. Сибирь,

Урал, Центральный район, Москва, Ленинград. Как много людей интересуются его службой на чужбине! Всем надо вовремя ответить, подробно описать красоты страны… Иногда получались настоящие сюрпризы — вдруг приходило письмо от давнего знакомого, много лет не подающего вестей. Откуда брали адреса? Видимо, от его жены или матери, от близких друзей. Почти полгода он переписывался с «малолетками»: младшая сестра жены из Новосибирска(14 летняя, Светлана), младшая сестра друга детства из Загорска (тоже 14 летняя, Вера). Видимо, им нравилось «писать на войну» и получать ответы, которыми можно похвастать в классе. Александр был не против — больше писем, больше радостных минут общения с далекой Родиной.

Возмутило лишь одно письмо от малознакомого товарища по учебе — уже, будучи лейтенантами, вместе совершенствовались по хирургии. Он этот адрес получил от общего знакомого. Описывал свое возвращение со службы в Германии, перечислял все свои покупки: шмотки, бытовую технику, хрустальные сервизы и прочие наборы посуды, наконец, вершина его приобретения «за бугром» — автомобиль «Жигули». Теперь его интересовало — выгодно ли служить в Афганистане, что там можно купить, сколько платят денег, в какой валюте, надо ли ему «проситься» в эту страну. «Не прогадать бы» — главный его вывод.

Это письмо обсуждали всей комнатой. Страсти клокотали. Все были возмущены таким взглядом на жизнь. Действительно, как мало еще правды освещено о службе в Афгане, если такие «деляги» примериваются ехать сюда. Он, точно, черпал информацию по телевизору из программы «Время» — ведь советские воины здесь засаживают аллеи деревьев, строят дома и «маются от безделья». О смертельных опасностях ничего не говорилось.

Составили ответ коллективный. По всему выходило, что служба здесь — сплошной рай. Каждый за полгода службы уже накопил на машину «Волга». А Невский о себе еще добавил, что собирает деньги на вторую машину для жены, к отпуску в октябре надеется купить их сразу две («афганцам» везде «блат»- все достается без проблем). Под общий хохот письмо было зачитано и отправлено. Больше Игорек не отзывался письмом.

Старший лейтенант решил на выбор прочитать одно из прежних писем, вытянул из пачки. Оказалось из Челябинской области от жены. Бережно развернул. Вновь перечитал уже знакомые строки.

«Сашенька, дорогой, здравствуй! Получили сегодня твое письмо от 1 августа. Конечно, мало обрадовались таким новостям. Мы с большой надеждой ждали тебя в отпуск числа 15

августа, а выходит, отпуск отодвигается. Будем ждать тебя теперь к середине октября.

Леночка уже выздоравливает, на больничном мы не сидели, лечились так, по ходу дела. Погода последние два дня хорошая, снова тепло. Леночка вчера опять тебя вспоминала. Села, пишет письмо: «Папа не скучай, не болей. Солдаты, не болейте и не задыхайтесь. Папа, кушай все. Особенно чай и компот». Это она пишет свои каракули, а мне их комментирует, что пишет. Я чуть не расхохоталась, когда с серьезным видом она сказала о солдатах. Откуда взяла — ума не приложу. А вечером она легла спать и спрашивает: «Мама, почему Лариса живет с мамой и папой?» Я ей отвечаю: «Потому, что все дети живут с мамами и папами». Она тогда: «А я? Почему папа так долго не едет? Пусть он мне картинку нарисует. Ладно? Уточку, домик и зайчика». Я ее уверила, что напишу тебе, ты ей нарисуешь все. Пиши нам чаще. Недавно у нас с Леночкой авария в ванной случилась. Кран с горячей водой испортился, воду открыли, а закрыть не можем. Пришлось ходить по подъезду и искать, кто из мужчин сможет починить. Слесаря нет, время — десять часов вечера. Дошла аж до 4 этажа, муж Любы починил нам. Провозился с полчаса, наверное, но отремонтировал. Пока все нормально, вода не подтекает. Сосед наш на другой день смеется- говорит, что соскучилась без мужа, вот и устроила потоп, чтобы посмотреть, как мужики работают. Бутылка с меня, мол, теперь. Ну, это все шутки. Как твои дела? Что нового? Как здоровье? За нас не волнуйся. Все у нас нормально. Ждем твоих писем очень-очень. Высылаю тебе засушенный цветочек и рисунок от дочери «Цветы». Любуйся, у вас там все уже засохло, наверное. Не скучай. До свидания. Целуем. Леночка и Наташа».

Невский вздохнул, аккуратно сложил письмо, вложил в конверт сухой цветок, а рисунок дочери он повесил на стену в первый же день. Сел писать письмо своим «девчатам».

6

Иван сменил кассету на магнитоле. Вновь полились слова задушевных песен. Все невольно вслушивались в текст — так он был созвучен с происходящим:

Ты ко мне — долгожданным письмом.
Я к тебе — разговором далеким.
Между нами наш ласковый дом,
Где никто не бывал одиноким.

Я с тобой хоть за тысячу верст,
Ты со мной даже в зное Афгана,
Черный хлеб, он не так уж и черств,
На открытке так ласково: «Мама».

Невский собрался с мыслями и быстро «застрочил» по бумаге:

«Мои милые девочки, здравствуйте! Ждал сегодня от вас письма, но, увы, его не было. Перечитал прежние. Буду завтра ждать опять. Скорей бы получить весточку. Как вы там поживаете? Как здоровье у вас? Наташенька, как твой отпуск идет? У меня все по-старому. Один день, как две капли похож на другой. Дни недели не играют никакой роли. Все как всегда, даже и воскресенье проходит не заметно за работой. Очень это угнетает, устаешь, но не столько физически, сколько душевно, нервное истощение потихоньку подкрадывается. Но ничего, не переживайте за меня. Выстоим, выдержим. Все будет хорошо. Как хочется скорей увидеть вас, скучаю очень. Какая Леночка стала? Наверное, совсем уже большая, не узнать ее. Пусть еще нарисует мне что-нибудь. Отпуск пока откладывается, я уже писал. Но ничего, зато все меньше и меньше остается служить здесь. Все-таки 15-й месяц здесь служу. От мамы было письмо, она перед отъездом из деревни Сивцево написала. Ездила в Кострому, неделю и там погостила. Из Новосибирска тоже было письмо, там все нормально. Погода у нас стоит по-прежнему жаркая, но наметилась тенденция к понижению температуры. Это уже прогресс. С питанием у нас проблем нет, аппетит не плохой. Кое-что купил из книг (не удержался). Для Леночки пару книжек, еще Гоголя «Мертвые души», рассказы Чехова. Не знаю, есть ли у нас такие, забыл. Вот, пожалуй, и все. До свидания. Жду писем. Целую вас крепко, обнимаю. Саша.15.08.83 г.»

Старший лейтенант перечитал письмо, остался доволен. Запечатал в конверт. Рука привычно вывела адрес в Челябинской области. Обратный адрес все медики писали одинаковый: Полевая почта в/ч 71 176 «А». ФИО… Теперь можно и внимательно послушать песню.

Служи спокойно, брат, мы ждем тебя,
Мы помним — мама, я, сестренка Катя.
А папа нам твердит, что у тебя
Там вдалеке есть свой военный «Батя».

…За тысячи километров от Кандагара, в небольшом военном городке под Челябинском молодая женщина уложила спать свою маленькую дочку, почитала ей сказку. Девочка быстро уснула, набегавшись за день под теплым уральским солнышком. Женщина поправила одеяло, вышла в соседнюю комнату, прикрыв осторожно за собой дверь. Достала из шкафа коробку. Приблизилась к столу, села, вытащила из коробки толстую пачку писем от мужа. Пробежала некоторые бегло глазами, отложила в сторону. Задумалась. Потом начала писать письмо:

«Здравствуй, дорогой Саша! Как твои дела? Как здоровье? Как работа с больными? У нас с Леночкой все по-прежнему. Периодически «сопливит» — много по лужам бегает. Для того чтобы она лучше ела и спала, вожу ее почти каждый день в лес, благо, что городок наш стоит в двух шагах от него. Гуляем часа по 3–4, собираем грибы. К твоему приезду уже засолили две баночки грибов и две баночки таких же зажарили. Думали, что ты приедешь и, как опытный грибник, сам наберешь. Но теперь Леночка сама старается для папы. Ей очень нравятся рыжики и волнушки, она их собирает с особым удовольствием. Посылаю тебе от дочки нарисованный гриб на память. Ты знаешь, она, видимо, очень соскучилась по тебе. Недавно смотрели с ней фильм про проводников-альпинистов, она очень переживала за них. Я, чтобы ее успокоить, сказала, что у альпинистов такая работа. Лена наша как разрыдается. Не могу ее успокоить и не пойму, в чем дело. Потом выяснилось — она посчитала, что у папы тоже такая опасная работа. Ей папочку своего жалко — он ведь тоже по горам лазит и может сорваться. Ты ей как-то горы нарисовал и себя. Теперь дочь считает, что ты в горах живешь, можешь упасть в пропасть. Пришлось пообещать, что напишу папе письмо, и он ответит, какая у него не опасная работа. Так что пиши дочери, успокаивай! А вчера Леночка опять решила поплакать по папочке. Сидели и ели котлеты, вдруг у нее поток слез. Спрашиваю: «Что с тобой?» — «Папочку жалко! У него нет таких котлет…». Вот так весь последний месяц бурно дочь наша переживает за тебя. Приезжай скорее. Мы очень соскучились. Пиши письма. Не болей. Береги себя. Целуем. Леночка и Наташа. 15.08.83 г».

…Земля завершала свой оборот вокруг оси, в восточном полушарии наступала ночь, свет перемещался на запад. Планета продолжала свой бесконечный бег вокруг Солнца, продвинувшись чуточку по орбите к окончанию года. Но еще много дней и ночей было впереди до встречи с родными людьми…

№ 10. «Важнейшее из всех искусств…»

1

Клуб постепенно заполнялся. Все, кому позволяла служба, спешили посмотреть очередной фильм, тем более что другие развлечения (например, приезд артистов из СССР) бывали редко. Кино показывали два-три раза в неделю, обычно по субботам-воскресеньям, иногда выпадал и другой день недели. Согласно афишки, вывешенной при входе в помещение, ожидался художественный фильм «Последний дюйм». Впрочем, мало кто смотрел на название фильма — важен был сам процесс, ведь предстояло на время сеанса отрешиться от насущных забот и проблем, а порой и забыться таким образом от горестей. Кое-кто просто спал на просмотре.

Ординатор операционно-перевязочного отделения Кандагарской Отдельной Медроты старший лейтенант Невский легко уговорил сходить на этот фильм своего давнего и близкого друга, фельдшера приемного отделения прапорщика Тамару. Они забежали в Приемное отделение, предупредив дежурного врача (терапевта) старшего лейтенанта Володю Бурбанюка. Тот благосклонно кивнул головой, обещая не вызывать по пустякам дежурного хирурга Невского.

Что хорошо было в Афганистане, так это «жизнь при коммунизме»: не требовалось платить деньги ни за кормежку в офицерской столовой, ни за кино или концерты, ни за проживание в офицерском общежитии. Баня тоже была бесплатной. Чем не «райская жизнь»…

Вот и сейчас люди «не заморачивались покупкой билетов», а сразу рассаживались в зале клуба, каждый выбирал место «по душе». Невский и Тамару уселись в середине зала, заняв место с краю ряда (на всякий случай). Заняли (опять же на «всякий случай») одно место рядом, сложив на него свои головные уборы. Это уже вошло в привычку — вдруг появится кто-нибудь из своих коллег. Впрочем, так делали многие.

Большой белый экран на сцене был «девственно чист». Прямо над ним висел длинный матерчатый красный плакат с белыми буквами на нем. Эта цитата, наверное, висела в подавляющем большинстве кинотеатров и клубов необъятного государства, а теперь перекочевала из СССР в соседний «дружественный» Афганистан. Надпись гласила:

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино» (В.И. Ленин).

Невский дернул Сашу Тамару за рукав и указал на этот лозунг, попутно пояснив, что помнит это высказывание Ленина с глубокого детства, ведь любил ходить в кино с «младых ногтей».

— Это не точное выражение, — сразу откликнулся товарищ. — Уж можешь мне поверить. Я много работ Ильича проштудировал. Знаю множество цитат. Так вот, эта звучит так:

«Пока народ неграмотен, из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк». Так что, как видишь, смысл меняется. Ленин не отрицал другие виды искусств, а лишь говорил о временности этого положения. Да и то верно. Как неграмотному населению донести программу переустройства страны? Вот и показывали документальные и художественные фильмы. Если мне не веришь про это высказывание, сам посмотри. Это полное собрание сочинений, 5-е издание, том 44. Страницу не помню. А называется «Беседа В.И. Ленина с А.В. Луначарским».

— Ну, что ты, Саша! Я, конечно, тебе верю. Но, я думаю, что и в привычно запомнившемся виде это выражение подходит. Хоть теперь народ в нашей стране стал поголовно грамотным, но кино по-прежнему любят почти все. Я — так уж точно!

Тамару кивнул, подтвердив и свою любовь к фильмам. Хотя частенько сам он отказывался идти на просмотр, ссылаясь на занятость: Саша по-прежнему регулярно писал конспекты по работам Владимира Ильича Ленина, ставя себе трудоемкие задачи. Всех медиков в Медроте это сильно изумляло. Слава Богу, здесь никто этого официально не требовал. Но у коммуниста Тамару было на этот счет свое мнение. Впрочем, все скоро к этому привыкли, но тайком посмеивались. Вот и сегодня старший лейтенант буквально «оторвал» усидчивого прапорщика от конспектирования работ вождя мирового пролетариата.

Между тем зал был набит почти до отказа. Мимо них, в поисках свободного места, продвигался фельдшер операционно-перевязочного отделения сержант Кривобок Николай. Невский, сидевший с самого края, ухватил парня за бушлат и указал на свободное место рядом с Тамару — решили, что больше ждать не стоит. Фельдшер радостно заулыбался, усаживаясь на скамью.

Свет погас. И в 21.00 началось это волшебство под названием «кино». Есть фильмы, которые хочется смотреть в разные периоды своей жизни, в разном возрасте. Для Невского, именно сегодня, был такой фильм. Он смотрел его в раннем и позднем детстве, в юности и уже в молодости. Вот и сейчас с удовольствием

окунулся в эту волнующую историю. Казалось, сюжет был довольно прост: отец и малолетний сын отправились на маленьком самолете на небольшой островок в океане. Отец занимался подводными съемками акул, а сын ждал его на суше и волновался. А далее случилась беда: отца искусали акулы, сын оказал ему первую помощь, перевязав, а затем с трудом смог втащить тяжеленное тело в самолет. А далее… А далее, по настоянию отца ребенку пришлось самому вести этот самолет. Отец в конце пути потерял сознание, а садить самолет пришлось уже парнишке самостоятельно. Все просто и понятно. Но каждый раз эта разыгрывающаяся на экране драма трогала до глубины души.

Похоже, эта история не оставила и сегодня равнодушных в зале: зрители активно сопереживали происходящему. Неожиданно сидящий рядом Саша Тамару, приблизив лицо у к уху Невского, спросил полушепотом:

— Саня, я не понял — «это наши или немцы»?

Старший лейтенант прямо прыснул. Ему было приятно, что его шутка так прижилась. Почти на каждом просмотре кто-нибудь задавал подобный вопрос. Причем спрашивали не только Невского, но многих «посвященных медротовцев». Отвечать положено было одной и той же фразой: «Ну, ты прямо, как баба Груня!». Вот и сейчас он прошептал на ухо товарищу необходимый «отзыв». Оба прыснули еще громче, чем вызвали недоумение соседей — смеяться было не над чем.

Неожиданно для себя Невский «унесся» в воспоминания далекого детства, как бы отбросив прошедшие 18–19 лет.

2

Детство проходило в небольшом рабочем поселке «Красный Забойщик» в Иркутской области. Основная часть мужчин работала на угольном карьере, где огромные экскаваторы добывали открытым способом «чёрное золото». В поселке было два магазина, совершенно одинаковые, как близнецы, они стояли рядышком. Надпись на одном гласила «Продукты», на другом — «Промтовары». Была и своя восьмилетняя школа, директором которой был отец Невского, он же работал и учителем истории. Мама Александра в этой же школе преподавала русский язык и литературу. В этой школе и начали учиться с первого класса старшая сестра и сам Саша.

Из развлечений в поселке была танцплощадка, где играл свой баянист, любимчик всех женщин от мала до велика. И, конечно,

самым главным времяпрепровождением было кино. Его привозили два раза в неделю, по субботам и воскресеньям. Маленький Саша полюбил ходить в кино лет с пяти. Это было настоящее чудо, особенно когда показывали сказки. Уже тогда обратил внимание на большой лозунг над экраном. Но прочитать самостоятельно смог только позже, научившись читать в первых классах. «Из всех искусств…». Слова завораживали. Как люди могли раньше жить без кино?!

Среди ребят — одноклассников (а проучился там первые три года, пока семья не переехала на Урал) существовало даже соревнование: кто первым узнает название будущего вечернего сеанса по субботам. Специально бегали на переменах между уроками к клубу посмотреть: не вывесили ли афишу. Причем, это происходило в любой месяц учебного года и в любую погоду. Самый удачливый получал «лавры победителя», а, следовательно, и уважение всего класса.

Не обошлось и без конфузов. Однажды один мальчик принес новость: вечером будут показывать фильм «Чапаев» (кто же против? Все обрадовались). Но следом прибежал другой и объявил, что на афише значится «ЧП». Никто не знал, что это значит. Первый доказывал, что так сократили название про легендарного комдива, второй стоял на своем: это другой фильм. Они даже подрались прямо в классе, только пришедшая к новому уроку учительница Раиса Александровна смогла их разнять.

После уроков всем классом пошли смотреть «Чапаева». Но оказалось, что это все же был фильм «ЧП» с Вячеславом Тихоновым в главной роли. Там показывали о советском корабле, захваченном японцами. Весь экипаж отказался предать свою родину, но один герой Тихонова, якобы, согласился. Он стал уговаривать товарищей, сидящих под стражей, последовать его примеру, но при этом причудливо скрещивал пальцы на руках (наконец, кто-то вспомнил, что так он всегда делал, когда придумывал фантастические истории, которые любил рассказывать, попросту говоря, врал). Все закончилось благополучно, удалось обмануть бдительность охранников, и весь экипаж сбежал, вернувшись на родину на своем корабле. Но после этого фильма в классе все стали врать, причудливо складывая при этом пальцы.

Еще одной достопримечательностью в поселке была полусумасшедшая пожилая женщина, баба Груня, как ее все звали. Ее единственный сын и муж погибли на карьере при обвале угольной породы. С тех пор она стала заговариваться, постоянно ходила по поселку и искала своих родных. Ее все жалели, старались накормить-напоить (сама она забывала поесть). Эта

несчастная женщина тоже очень любила ходить в кино, кажется, не пропускала ни одного сеанса. Ее даже пропускали бесплатно, не требуя покупать билет за десять копеек (для детей цена была пять копеек).

Баба Груня всегда садилась среди мальчишек на первых двух рядах скамеек (иногда и прямо на полу перед сценой среди «самых продвинутых ребят» (это считались «самые элитные места», там можно было лежать на спине, глядя на экран). Очень скоро она засыпала, а, неоднократно просыпаясь, всегда задавала один и тот же вопрос: «Это наши или немцы»? Пусть даже показывали фильм не о войне и с другими иностранцами. Несколько раз Невскому тоже пришлось отвечать на ее вопрос. Он терпеливо пытался объяснить бабушке сюжет фильма, но она явно не хотела его слушать. В конечном итоге стал отвечать однозначно: это — наши (показав на одного героя), а это — немцы (показывал на другого). Бабушка кивала головой и тут же спокойно засыпала до следующего пробуждения. Впрочем, бабу Груню все любили за ее добрый и кроткий нрав. Но если в разговоре один не понимал другого, то могло прозвучать в ответ: «Ну, ты прямо, как баба Груня!» Это имя стало просто нарицательным.

Вот и в Афганистане этот рассказ из детства Невского получил широкую огласку. Всем приглянулась эта несчастная бабушка. Теперь имя Груня звучало на далекой земле Кандагара.

3

Любовь к кино не прошла и с годами. Напротив, она еще более окрепла. Не понимал, как можно отказываться от посещения кинотеатров. Впрочем, таких знакомых у Невского почти не было.

Запомнил последний фильм, который смотрел в Ташкенте в последний день перед выездом в Афганистан. Это был «Карнавал» с Ириной Муравьевой в главной роли. Сказать, что фильм понравился, значит, ничего не сказать. Он просто «разбередил» всю душу, вызвал бурю чувств. Фильм, наконец, явился своего рода «водоразделом», поделил всю жизнь на ДО и ПОСЛЕ. Афганистан занял при этом промежуток между этими двумя предлогами.

К своему удивлению и радости оказалось, что и на войне люди смотрят кино. Началось все с пересылки в Кабуле. Каждый вечер показывали фильмы прямо на улице под звездным небом. От этого фильмы казались еще романтичнее.

Наконец, прибыл на свое место службы в Кандагар. Первое, о чем поинтересовался: показывают ли здесь кино? Ура! Показывают!

В жаркие месяцы «крутили кино» прямо на улице, повесив экран на стене клуба. Каждый приходил со своим стулом-табуреткой, кое-кто сидел прямо на земле, а некоторые даже смотрели, стоя.

Иногда привозили фильмы не на русском языке. Ходили специально «поржать». Еще бы! Забавно было смотреть, когда в фильме «Освобождение» Гитлер лихо говорил на узбекском языке, а его подчиненные обращались к нему, называя «Гитлер-ака» или вскидывали руки в фашистском приветствии, выкрикивая: «Ассалям-малейкум, Гитлер-ака!», а он всех называл «бабаи».

Частенько завозили настоящие новинки. Так что любители кино были довольны вдвойне. Но часто показы повторяли, порой по несколько раз. Это означало, что из-за нелетной погоды самолет не привез желанного развлечения. Тогда в душах поселялось уныние и апатия.

Как мало человеку надо для счастья: интересный фильм, письмо с родины — и ты уже счастлив! Можно дальше воевать.

Невский совсем перестал следить за происходящем на экране. Совсем ушел в свои воспоминания-размышления. А мальчик уже поднимал самолет в воздух. Впереди предстояли самые волнующие минуты их с отцом полета.

Неожиданно свет в зале загорелся, трансляция прервалась. Все недовольно загудели. Прозвучал голос, усиленный мегафоном: всему личному составу ДШБ (десантно-штурмового батальона) предстояло срочно покинуть зал и вернуться в свое расположение для получения боевого задания.

Большая группа солдат и офицеров поспешно покинула клуб. Снова погас свет, показ продолжился. Но не прошло и десяти минут, как снова все повторилось. Теперь голос объявил: срочно на выход дежурный хирург. Невский даже вздрогнул. Быстро стал пробираться на выход под многочисленные взгляды зрителей. Не дожидаясь вызова, за ним уже выходили прапорщик Тамару и фельдшер Кривобок. Все почувствовали, что затевается что-то экстраординарное.

Их предположения подтвердились. Срочно предпринимался «спасительный рейд»: разведрота, отправившаяся на задание, сама попала в засаду. Требовалась немедленная помощь. Командир Бригады, боевой подполковник, решил отправить усиленный танковой ротой десантно-штурмовой батальон, а в качестве помощи врачу батальона решено было отправить опытного хирурга Медроты: требовалась помощь раненым. На

сборы было отпущено около часа. Приходилось спешить. Невский решил взять с собой помощника — фельдшера Николая Кривобока: они уже не один месяц работали в отделении «бок о бок», Николай часто ассистировал на операциях, прекрасно разбирался в боевых ранениях. Коля даже обрадовался такому предложению. Вместе они стали укладывать большую медицинскую сумку (десантный вариант). Им активно помогал прапорщик Тамару, доставая свои запасы медикаментов Приемного отделения. Ехать предстояло на одном из БМД-1 (боевая машина десанта) батальона. Выезд был назначен на 23.00. Это был самый короткий день и самая длинная ночь в году — 21 декабря. День Зимнего солнцестояния.

4

«Бронированный кулак» был готов к выезду за двадцать минут до назначенного срока. В колонне преобладали БМД-1, БМП-2(боевая машина пехоты), меньше было БТР-70 (бронетранспортеров). В темноте угадывались и мощные танки, а также пара «Шилок» (самоходные зенитные четырехствольные установки). Имелось еще несколько видов малознакомой боевой техники.

Врач Невский и фельдшер Кривобок, экипированные соответствующим образом (бронежилеты, каски, теплые бушлаты, шапки — в горах было очень холодно), разместились в салоне указанной для них боевой машины десанта с бортовым номером 28 и полустершимся рисунком: парашют, звезда и два самолета по бокам — эмблема прославленных десантников. Они не без усилий протолкнули через верхний люк свою объемную медицинскую сумку. Как им объяснили, из семи человек боевого расчета в этой машине не будет двух — гранатометчика и его помощника, поэтому для них теперь найдутся места тоже.

Старший лейтенант с любопытством осматривался вокруг: все было не знакомо, интересно. Раньше не приходилось ездить на БМД-1. В передней части корпуса на своем месте уже находился механик-водитель, справа сидел старший стрелок (пулеметчик), слева — кресло командира машины, оно пока пустовало. В конической сварной вращающейся башенке удобно разместился в своем кресле наводчик-оператор. Еще один пулеметчик сидел в среднем отсеке у своего установленного РПКС (ручной пулемет Калашникова станковый). «Да, серьезное вооружение», — мысленно похвалил Невский.

Он решил пока вылезти из боевой техники, осмотреть ее

снаружи. Коля последовал за ним. Они вместе осмотрели 73-мм гладкоствольную пушку, спаренный и курсовые пулеметы. За этим занятием их и застал командир второй десантно-штурмовой роты, в чьей машине им и предстояло ехать.

— Привет, это вы медики, которые со мной поедут? — Он дружелюбно протянул руку, представившись: капитан Дюваль Марк.

Невский назвал себя, представил и своего фельдшера.

— Док, а ты меня не узнаешь? — Капитан слегка отошел под свет фар. — Я у вас лежал в Медроте этим летом, ты меня и оперировал с ранением в ногу. Вспомнил?

— Конечно, Марк. Теперь вижу и узнаю. Как твоя нога, не болит?

— Слава Богу и моим докторам! Все отлично зажило, могу бегать, как молодой пацан. Слушай, я тебя еще вчера видел на награждении. Поздравляю! Что ты получил-то: орден или медаль?

— Медаль «За отвагу».

— Отлично! Замечательная награда!

Он снова крепко пожал руку и обнял медика.

— Разрешите вас тоже поздравить, товарищ старший лейтенант. Я пока не успел, — Николай тоже осторожно пожал руку.

— Ладно, славяне, забирайтесь внутрь. Скоро отчаливаем. Я пошел к своему люку. — Капитан кивнул головой и стал забираться на «боевого коня». Медики воспользовались своим уже знакомым отдельным кормовым люком.

В суматохе сегодняшних сборов как-то подзабылось вчерашнее торжественное построение всего личного состава 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады). Вручали правительственные награды большой группе офицеров и солдат. Один командир батальона получил орден «Красного Знамени», около десятка человек стали орденоносцами «Красной Звезды», почти два десятка солдат и офицеров получили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Услышав свою фамилию, награждаемый выходил на трибуну под звуки оркестра, сам командир Бригады, коренастый, среднего роста, прославленный подполковник, вручал коробочку с наградой и документ. Крепко, по-мужски, жал руку. Офицер или солдат громко и четко произносил, вскинув руку к головному убору: «Служу Советскому Союзу!» и возвращался в строй.

Вечером со своими товарищами устроили «обмывание» награды. Мало кто представлял, как это надо делать, но вспомнили знаменитый фильм «Горячий снег»: налили в стакан чистого спирту, опустили туда тяжелый серебряный «кругляк»

медали с изображенными на нем танком, тремя самолетами и надписью «За отвагу» и «СССР». Невский выпил, крякнул и вынул «обмытую награду». Все захлопали. Потом пили за здоровье, за возвращение домой, за любовь и т. д. Из рук в руки переходила плотная красная «книжечка» — «Удостоверение к медали». Там были написаны фамилия, имя, отчество. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1983 г. и номер удостоверения: К N 124 636. Все эти воспоминания промелькнули, как давние, хотя прошло чуть более суток. В Афганистане время может чудным образом спрессовываться, вмещая массу событий.

5

Вскоре почти одновременно взревели сотни двигателей, техника начала выкатываться из расположения военного городка. Рейд начался.

Невский и Кривобок сидели рядышком, держа на коленях свои автоматы.

— А жалко, товарищ старший лейтенант, что кино не успели досмотреть! Я так и не знаю, долетят они или нет? — Николай почти вплотную приблизил свое лицо, прокричал, стараясь перекрыть шум двигателей.

— А ты разве не смотрел раньше? Все закончится вполне благополучно: парень сам посадит самолет на аэродроме, его отца прооперируют, жизнь спасут, но придется ампутировать руку. А в конце фильма они с отцом будут идти рядышком по аэродрому и понимаешь, что сын тоже станет летчиком, как отец. Замечательный фильм. А вообще возьми в библиотеке эту книгу Джеймса Олдриджа «Последний дюйм», она так и называется. Я вообще люблю этого писателя. У него есть потрясающие произведения про жизнь в пустыне. Думаю, нам всем это будет полезно почитать — наши многочисленные пустыни вокруг Кандагара нас постоянно испытывают на прочность. — Все это приходилось буквально кричать на ухо Николаю.

Дослушав, он кивнул головой в знак согласия.

Колонна уже преодолела бездорожье и выбралась на «бетонку», впереди лежала ровная, почти прямая дорога до Кандагара. Скорость все увеличивалась. Даже не верилось, что тяжелая гусеничная техника может так быстро мчаться.

Все члены экипажа были одеты в шлемофоны, это позволяло им свободно переговариваться по рации (связь внутри машины обеспечивается танковым переговорным устройством Р-124).

Неожиданно хмурый, болезненного вида солдат, сидящий рядом у своего пулемета, покопался в металлическом ящике, извлек на свет два подобных шлемофона и протянул их медикам, показав, как надо подключить к переговорной сети. Они тут же воспользовались «полезными шапками», сняв свои.

Почти сразу в ушах возник голос капитана:

— Я распорядился вам выдать. Теперь можете говорить спокойно. Но учтите, это будут слышать все, так что не выбалтывайте медицинских секретов, — он засмеялся. Тембр голоса был все же изменен — ведь использовались ларингофоны, а не микрофоны. Но все было понятно.

— Спасибо, командир. А можно меня просветить на счет боевых качеств БМД? Пусть и другие послушают, вспомнят.

— Отчего нельзя. Можно. Так и дорога веселее пройдет. Извольте прослушать краткую лекцию про нашу прославленную боевую машину.

«Во все времена после появления огнестрельного оружия воин не был защищен от смертоносного металла. Особенно в атаке или во встречном бою, когда идет схватка «грудь в грудь». В любую секунду его могли поразить пуля или осколок. А сейчас десантники, образно говоря, «одеты» в броню — надежно прикрыты броней специальной машины, которая получила простое и точное наименование — «боевая машина, десантная», иначе БМД-1. И мы приветствуем вас на борту этой нашей чудо-машины. Это не танк, не гусеничный транспортер, не броневик и не самоходное орудие. БМД-1 «сама по себе». Совокупность высоких боевых свойств делает машину уникальной. При ее проектировании четко выражен принцип «десантникам — десантную машину». Кстати, ее можно десантировать из самолетов типа АН-12, АН-22. Когда БМД-1 встала в строй (с 1969года), это существенно повысило мобильность, вооруженность и защищенность парашютно-десантных подразделений, действующих в бою. Что касается вооружения. Машина создана не для парада, а для боя, поэтому уровень огневой мощи очень высок. Судите сами, на борту машины размещены: орудие, комплекс ПТУРС (противотанковый управляемый реактивный снаряд), но сейчас он нам не нужен (не установлен за ненадобностью), четыре пулемета (причем три танковых), ручной противотанковый гранатомет, пять автоматов, двадцать гранат Ф-1. И это — при массе всего в 6,7 т. Боекомплект орудия 40 снарядов! Бери и заряжай! С орудием спарен один пулемет ПКТ (пулемет Калашникова танковый) калибра 7,62 мм. Наибольшая прицельная дальность у него — 1800 м, боевая скорострельность — 250 выстрелов в минуту,

питание патронами — ленточное. Здесь придумали интересное техническое решение, уложив пулеметные ленты так, что стрельбу из пулемета стало возможно вести непрерывно, без перезаряжания, до полного израсходования всего боекомплекта в 2000 патронов. Здесь всем «заправляет» наш наводчик-оператор, моя «правая рука» сержант Дмитрий Салопин. Дима, подай голос!»

— Я на месте, командир, — прогудел бас из башенки БМД-1.

— Все слышали: он на месте. — Капитан хохотнул. Затем продолжил свои пояснения.

«Наводчик-оператор сам принимает решение и выбирает цель. Выбирает, что ближе и опаснее в данный момент. Здесь действует одно правило: «Вижу — стреляю!» Еще два пулемета ПКТ — курсовые. Калибр их тоже 7,62 мм. Правда, наибольшая прицельная дальность равна 800–1000 м, а число патронов в ленте — 250. Этими пулеметами управляет наш старший стрелок младший сержант Кирилл Рачков. Он сейчас подаст голос (раздалось коровье мычание). Он тоже нас слышит, а сидит он справа от нашего «водилы», Сергея Кулиш. Тот сейчас подаст знак (раздался гудок). Наконец, рядом с вами в среднем отделении сидит у пулемета Георгий Барбас, Карабас-Барабас, как его кличут ребята из экипажа (да и в школе, наверное, так звали). Жора, подай знак!»

Хмурый Жора помахал медикам рукой.

«Вот и весь наш экипаж на сегодня. Отсутствуют еще двое: их сразила желтуха. Обойдемся без гранатомета. Да, забыл сказать. Вы тоже можете при необходимости стрелять. В вашем отделении есть три амбразуры с шаровыми установками и смотровыми приборами: по одной на бортах, а третья — в крышке кормового люка. Бортовые установки могут закрываться вручную броневыми заслонками, а кормовой — пробкой.

Теперь — немного воображения, и можно представить себе могучий шквал огня, который обрушивает на ошеломленного противника БМД-1. И заметьте, десантники применяют оружие, не выходя из машины, с ходу или с коротких остановок. Кроме того, башня машины вращается вкруговую, и наводчик-оператор может вести стрельбу в любом направлении. Несложные расчеты показывают, что в одну минуту на данном участке БМД-1 выпускает прицельно до семи снарядов и более 1850 пуль! Мчится машина по полю боя, гремят орудийные выстрелы, в сплошной гул сливаются пулеметные и автоматные очереди. Вооружение и экипаж размещены столь рационально, что это повышает эффективность всего боя: вокруг десантной машины создается зона сплошного огня. Это же, в сущности, настоящий

«огневой ёж» — попробуй, возьми такого! Проехать БМД-1 может по местности, где «черт ногу сломает». Короче говоря, где солдат пройдет, там пройдет и десантная боевая машина. Запас хода по топливу — 500 км! БМД-1 берет водную преграду с ходу. Даже реку километровой ширины она преодолевает всего за шесть минут. Машина «верткая», может развернуться буквально на «пятачке».

— Я закончил. Благодарю за внимание. Можете похлопать. Хорошая у нас техника?

— Да, — одновременно ответили врач и фельдшер. Они дружно и громко похлопали.

Даже хмурый «Карабас-Барабас» неожиданно широко улыбнулся.

6

Невский отвалился на стенку грозной машины, закрыл глаза. Удивительно может складываться жизнь: еще несколько часов назад он сидел в кино, а сейчас мчится в ночь на мощной боевой машине. Что ждет всех впереди?

Это напоминает какой-то фильм о войне. Только какой? Стал перебирать в памяти все виденные раньше картины: «На войне, как на войне»? — Нет. «Хроника пикирующего бомбардировщика»? — Нет. «Они сражались за родину»? — Нет. Перебрал в памяти не менее десятка отечественных лент. Нет — все не подходила для сегодняшней поездки. Значит, у них будет «свое кино».

Неожиданно в шлемофоне прозвучал голос Кирилла Рачкова:

— Димка, дай сухарик!

— Последний! — прозвучал ответ Салопина из башенки БМД-1. Оттуда уже давно доносился хруст, прорывающийся даже сквозь шум.

Невский невольно засмеялся, сразу вспомнив подобный эпизод, почти слово в слово произнесенный в знаменитом и любимом фильме «Женя, Женечка и «Катюша». Только там парня звали Захар. Интересно, ребята сейчас случайно или специально разыграли эту сцену? Видимо, случайно.

Он снова начал вспоминать фильмы о войне. Незаметно для себя задремал. Невский даже не слышал, как капитан Дюваль предупредил по внутренней рации: «Внимание, входим в Кандагар!» По ночному городу мчались на предельной скорости. На одном из резких поворотов старший лейтенант чуть не упал со своего сиденья. Сразу проснулся. Никакой стрельбы пока не было.

Слишком неожиданным было появление бронированной армады на улицах города, на них мало кто успел среагировать.

Столь же стремительно колонна выскочила за город. Понемногу скорость стала уменьшаться.

— Командир, а можно узнать, куда мы направляемся? Долго еще ехать?

— Так и быть, док, открою тебе «страшную военную тайну». Мы едем к горам Тортаггар. Сначала нам надо будет через знаменитый Нагахан проскочить, потом вскоре повернем на северо-запад. Будем подниматься все выше и выше над уровнем моря. Если мне не изменяет память, наибольшая вершина поднимается на 1822 м, а на южной оконечности -1432 м. Но наши ребята попали в «переделку» не в основном горном массиве, а, не доезжая его. Не запомнил название этой горы, видел на карте, высота что-то в районе 1240 м. Будьте готовы к приличным холодам. Горы — есть горы. А добраться мы должны еще до рассвета. Мужиков наших мы должны выручить, им больше рассчитывать не на кого.

Все надолго замолчали. Усталость брала свое — клонило в сон. Колонна повернула с бетонки, стала уклоняться на север.

Спустя менее часа в ушах раздался голос капитана: «Внимание! Подъезжаем к Нагахану. Приготовиться к «огневому заслону». Стрелять по моей команде!»

Невский и Кривобок заняли места у амбразур по разным бортам. Почти сразу в начале колонны раздались пулеметные и автоматные очереди. По мере вхождения боевой техники в «мятежный кишлак» стрельба открывалась с новых и новых машин.

— Огонь! — услышали команду все члены экипажа и медики.

Невский стал посылать короткие очереди из своего автомата Калашникова (АКСУ); стрелял в «белый свет, как в копеечку». Тоже самое делали и остальные стрелки и пулеметчики. В салоне резко запахло пороховой гарью, но включившаяся система вентиляции не позволяла пороховым газам накапливаться до критического уровня. Шлемофоны не только позволяли общаться по рации, но и защищали от излишнего шума. Трудно было понять, стрелял ли кто-нибудь по их боевым машинам, но все старательно создавали «огневой заслон», стреляли на упреждение. Если и затевалось что-либо против прорывающейся колонны, то теперь им было труднее во много раз. Очередной «огневой ёж» беспрепятственно пролетал по населенному пункту.

«Неужели кто-то еще способен противостоять такой мощи? Как можно под таким огнем выстоять?! — эти вопросы невольно возникали в голове старшего лейтенанта. Память тут же

«подсунула» эпизод из кинофильма «Щит и меч», когда Йоган Вайс (актер Станислав Любшин) прорывался со своими товарищами на машине через плотные массы фашистов, из их автомобиля тоже во все стороны разлетались огненные потоки. — Но они ехали на простой машине, а мы ведь мчимся на БМД-1. Это большая разница!» — сам себя поправил Невский, посылая очередную автоматную очередь в чёрную ночь.

Кажется, проскочили этот кишлак без потерь. Стрельба постепенно стала стихать, наконец, наступила удивительная тишина. Позже проехали еще один кишлак Нари-Раузи (об этом сообщил капитан). Но здесь почти никто не стрелял, по крайней мере, из их бронированной машины не был сделан ни один выстрел. Далее двигались по бездорожью прямо на северо-запад. Стало заметно холодать — из амбразур так и тянуло «морозцем».

Теперь к борьбе со сном и подступающим голодом добавилась новая борьба — с холодом. Казалось, эта ночь никогда не кончится.

7

К этой вершине, как и говорил капитан Дюваль, добрались еще в темное время. Однако на востоке уже розовело. Боевая техника стала рассредоточиваться, занимая свои позиции. Как объяснил Марк, задача выглядела довольно простой: на вершине находится разведрота, их «обложили» в средней части горы «духи», а прибывшая подмога занимает подножие этой горы; предстоит «раздолбать» противника, не задев своих. Все «проще пареной репы».

На словах, действительно, все выглядело просто. Как это осуществить на практике?

Невский, как и большинство экипажа БМД-1 под номером 28, вылез из машины, прошелся, разминая затекшие ноги. Тело предательски дрожало мелкой дрожью — даже в зимнем бушлате и шапке было холодно. Пожалел, что не захватил рукавиц. Капитан приказал не высовываться из-за борта бронированной техники, помнить, что рядом идет бой.

На вершине и на склонах горы вспыхивали огоньки выстрелов, из-за расстояния их почти не было слышно. С прибытием бронированной колонны активность на вершине сразу возросла.

Неожиданно для Невского склоны горы осветились ярким светом — это включились мощные зенитные прожектора, ослепляя противника.

«Это они здорово придумали! Теперь понятно, что было укрыто под брезентом. Это же, как в фильме «Освобождение», когда применили такие прожектора при штурме какого-то города немцев. Теперь бы грамотно воспользоваться этим внезапным светом», — Невский даже потер руки от радости (за одним и согрел их).

Словно в ответ на его мысли множество стволов ударили одновременно: тут и танки, и «Шилки», и БМД-1, и БМП-2, и БТР-70. Кажется, стреляли и минометы. Грохот стоял такой, что реально возникла мысль — «как бы не лопнули барабанные перепонки!»

Старший лейтенант даже присел на корточки, зажав уши ладонями. Перед мысленным взором встали картины — пули и осколки разрывают, калечат и убивают вражеские тела.

В воздух взлетели осветительные ракеты — стало светло, как днем. Огненный шквал продолжал «утюжить» склоны горы. На вершине вспышки выстрелов прекратились — там тоже все укрылись, опасаясь попасть под огонь своих.

«Это же сейчас напоминает фильм «Отец солдата», — Невский даже ударил себя по лбу. Как он мог забыть такой фильм! — Они так же, как герой этой картины, отправились спасать (он — сына, они — роту). Прорывались огнем через все преграды. Добрались, нашли попавших в беду (каждый — своих). А теперь, как и в том фильме, оказались в подобной ситуации. Только там, в здании на верхнем этаже находились свои, на среднем — немцы, а на нижний этаж ворвалась подмога. Здесь вместо здания — гора. Все повторяется! Но там шла одна война, здесь — другая. Там — это было кино, а здесь — жизнь. Правда, помнится, сын погибает, отец застал его уже умирающим, когда ворвался на верхний этаж, сокрушив врага. А что будет здесь?!»

Хотелось верить, что помощь подоспела вовремя, теперь удастся спасти многих (хорошо бы — всех!). Что эта высокая, одиноко стоящая гора на далекой чужой земле, названная на карте Мурза-Гундак (один из пробегающих офицеров назвал ее, правда, тут же переиначил на малопечатное название), не станет коллективной могилой бойцов.

Не зная, чем себя занять, Невский стал нервно прохаживаться, укрываясь за броней своей БМД-1. Их машина, как и остальные стоящие в полукольце, посылала снаряд за снарядом, пулю за пулей в сторону склонов горы. Старшему лейтенанту даже казалось, что он видит полет этих «посылок смерти».

Обстрел продолжался уже продолжительное время. Неужели там еще могут оставаться живые люди?!

Между тем, небо на востоке стало ярко бардовым —

поднималось солнце. Невскому почему-то подумалось, что солнце будет выглядеть «рассерженным». Еще бы — устроили такой грохот, испортили такое очарование — ведь утро должно быть тихим и миролюбивым…

Спустя час совсем рассвело. Стрельба почти прекратилась. Большая часть душманов была уничтожена, кое-кто смог спастись, ушел из зоны обстрела, «растворился» в пространстве.

С вершины горы стали приносить раненых. Всем им уже была оказана медиками (санитарами, санитарными инструкторами, фельдшером) первая медицинская помощь. Не все дожили до утра, умерев от тяжелых ран, от большой кровопотери. Погибших складывали в сторонке в один ряд.

Для медиков специально развернули палатку УСТ (универсальную санитарно-транспортную). Невский, врач ДШБ лейтенант Ласточкин (прибыл в Афганистан в конце лета 1983 года сразу после окончания Военно-Медицинского Факультета в Куйбышеве), фельдшер Кривобок сразу окунулись с головой в работу: меняли повязки, ставили капельницы с кровозамещающими жидкостями, вводили обезболивающие и сердечные препараты. Тяжелых раненых перекладывали с самодельных на настоящие носилки, которые врач ДШБ захватил в большом количестве (они были складированы в медицинской боевой машине БМП-2).

В этом тяжелом бою с превосходящими силами душманов тяжелое ранение получил офицер из разведотдела 40-й армии. Полковник Геннадий Сергеевич Багмент, прибывший из Кабула, находился в составе этой разведгруппы. Он был ранен осколком в живот, другой крупный осколок раздробил ему правую голень, повредив крупную артерию. Санитар наложил жгут, но офицер уже успел много потерять крови. Пришлось медикам срочно проводить переливание кровозамещающих растворов. Жгут на ноге находился почти всю ночь, поэтому последующая ампутация ноги в средней трети голени была неизбежна. Вызывала тревогу и рана в животе, хотя тщательный осмотр Невского немного успокоил — явных повреждений жизненноважных органов и крупных сосудов не было. Оставалась опасность осложнений, нагноений. Срочно предпринял противобактериальное лечение — ввел большие дозы антибиотиков.

Состоянием этого офицера постоянно интересовались офицеры ДШБ и разведроты. Приходилось призвать на помощь все свое умение и навыки. После противошоковых и обезболивающих уколов полковник пришел в себя к немалой радости всех.

Еще один раненый требовал незамедлительной помощи.

Сержант Юшманов Никита, разведчик. Поначалу на него не обратили особого внимание — он получил пулевое ранение в область левого коленного сустава. Санинструктор перевязал рану, вроде и кость была не раздроблена. Но неожиданно сержант «отяжелел», потерял сознание. Так он и пролежал, пока не был спущен с гор и не принесен к врачам.

Невский внимательно осмотрел рану. Удивительно. При таком ранении человек не может терять сознание и так «глубоко уходить в себя». Решено было осмотреть все тело. Только тогда было найдено большое выходное отверстие в правой поясничной области. Это была «работа» пули со смещенным центром тяжести — видимо, ударившись о твердую ткань кости, пуля прошла вдоль бедра, вошла в живот, наделав там беды, и вышла на другой стороне тела.

Тщательный осмотр подтвердил опасения — кишечник был поврежден, уже появились все признаки перитонита (воспаление брюшины). Этому раненому тоже срочно поставили капельницу с растворами, снимающими интоксикацию. Теперь его спасти могла только срочная операция.

За неотложной работой не было времени даже покурить, перевести дух, перекусить. Но медики справились со своими задачами. Практически все раненые получили первую врачебную помощь по жизненным показаниям.

Вертолеты прилетели, как только позволила погода, и плотный туман рассеялся. И полковнику Багмент, и сержанту Юшманову продолжали вводить в капельнице важные для жизни растворы. Командир ДШБ, как старший, принял решение: отправить с этими тяжелоранеными Невского и Кривобока, как сопровождающих. Они же проконтролируют дальнейшее введение растворов. Врач и фельдшер подчинились приказу. Впрочем, это было разумное решение.

На первый вертолет загрузили носилки с этими тяжелоранеными, еще несколько сидячих раненых разместились на борту. Вторая «вертушка» из этой пары тоже забрала большую часть остальных раненых. Обещали еще прислать пару «вертушек» для эвакуации оставшихся раненых и погибших. Врачу Ласточкину предстояло возвращаться вместе с колонной и обеспечивать медицинскую помощь в случае необходимости.

Все время полета врачу и фельдшеру приходилось держать на весу флаконы, обеспечивая переливание кровозамещающих жидкостей, успели даже заменить опустевшие ёмкости. Полковник Багмент теперь был постоянно в сознании. Держался Геннадий Сергеевич мужественно. Впрочем, его беспокоила лишь одна мысль — «как я буду дальше служить в разведке, если

отнимут ногу?!» Невский пытался его успокоить.

Сержант Никита Юшманов периодически приходил в сознание, но скоро снова впадал в забытье.

На аэродроме Кандагара два санитарных автобуса уже ждали прилет вертолетов. Раненых перегрузили и перевезли в госпиталь. Невский и Кривобок проводили своих тяжелораненых прямо до хирургического отделения. Обоих практически сразу взяли на операционные столы. Борьба за их жизнь продолжилась.

На попутном БТР врач и фельдшер вернулись в расположение своей части. День клонился к вечеру.

— Да, Николай, своеобразно мы с тобой сходили в кино. У нас получился свой собственный сценарий. А вообще это напоминает старый анекдот, слышал, наверное:

«Голова выкатывается из-под колес движущегося трамвая, а губы шепчут: «Ничего себе, сходил за хлебушком!»

Оба невесело ухмыльнулись.

— А как вы называли фамилию автора книги «Последний дюйм»? Схожу в библиотеку за книгой.

— Джеймс Олдридж.

… Позже Невский справлялся о состоянии здоровья своих «подопечных». Их успешно прооперировали, а как позволило состояние — переправили самолетом в госпиталь Ташкента.

* * *

Использованная литература

— А. Алешин, В.Сергеев «С неба — в сражение». 2004 г.

— «Объект 915. Инструкция по эксплуатации». Часть 1. ВИ МО СССР, 1971 г.

— Википедия — «Боевая машина десантная».

№ 11. Самый главный праздник в году

1

— Кого первого возьмем на перевязку? Может быть, этого парня «со щекой» из послеоперационной палаты? — операционная сестра Зина Юрлова выжидательно посмотрела на врача-хирурга.

— А он у нас «самый чистый»? Тогда давай с него и начнем. — Ординатор операционно-перевязочного отделения Кандагарской Медроты Александр Невский кивнул головой.

Стройная, тоненькая, как «тростиночка» сестричка выглянула в коридор и попросила дневального по отделению вызвать Николая Шакуро в чистую перевязочную.

Этого солдата Невский помнил хорошо. Тот поступил поздно вечером, неделю назад — доставили с блокпоста в районе Элеватора. Получил множественные осколочные ранения грудной клетки и лица после обстрела реактивными снарядами («эрэсами»). К счастью, все осколки в грудь не нанесли серьезного ранения. Хуже обстояло с ранением в лицо — единственный кусочек металла «распахал» всю левую щеку, обезобразив парня. Но и здесь была удача- ранение не было проникающим в полость рта (то есть, «насквозь»), а, значит, заживет все быстро и хорошо, слюна не будет мешать сращению.

Раны на груди Невский обработал сам, крупные осколки удалось извлечь, а для операции на лице пришлось вызвать врача-стоматолога Ивана Сухар. Зря, что ли, он считается и челюстно-лицевым хирургом? Ваня со знанием дела осмотрел рану, нашел, что «все просто чудненько». Вместе они провели первичную хирургическую обработку раны, иссекли нежизнеспособные ткани, а потом слегка сблизили скобками края раны, не рискуя сразу ее зашивать. Решение было правильным — первые дни из раны шло обильное отделение, ведь все пулевые и осколочные ранения по правилам военно-полевой хирургии всегда считаются загрязненными (инфицированными). Были назначены ударные дозы антибиотиков, они и сняли воспаление.

Через три дня вновь взяли парня на операционный стол и наложили-таки ему отсроченные первичные швы. Невский с восхищением смотрел на работу Ивана — тот проводил настоящую «ювелирную работу» — использовал атравматические иглы с тончайшими нитями. Он обещал раненому, что сделает ему шрам минимально заметным. Конечно, «шрамы украшают

мужчину», это верно. Но лучше все-таки их иметь не на лице. В угол раны все же поставили тоненькую полоску резины, как «выпускник». Заживление пошло хорошо, воспаления не было, резиночку извлекли через три дня, вчера. Теперь следовало еще раз глянуть на состояние зашитой раны.

Солдат с забинтованным лицом и хмурым взглядом вошел в перевязочную, не спеша, снял синюю больничную куртку, белую нательную рубаху и взобрался на перевязочный стол. Чтобы ночью во время сна его повязка с головы не слетела, парня забинтовывали «на совесть» — открытыми оставались лишь глаза и рот, носом пришлось «пожертвовать», забинтовав вместе со щекой.

— Ты чего, Никола, такой смурной? Хоть бы улыбнулся или сказал что-нибудь хорошее. — Сказал Невский, наблюдая, как Зина разбинтовывает ему голову.

— А че веселится-то, товарищ старший лейтенант?

— Ты остался жив, а это главное! Через четыре дня Новый год! Это тоже повод для хорошего настроения.

— Как я с такой рожей жить буду?! Все от меня будут со страху прятаться. Лучше бы меня убило совсем, чем с такой харей оставлять на мир смотреть…

— Что ты такое говоришь, Николай?! — Зина окончательно разбинтовала лицо и осторожно сняла повязку с зашитой раны. — Все у тебя будет хорошо, только маленький шрамчик останется. Ты же не знаешь, как сейчас выглядишь. Поверь мне, что все нормально. И никакая это не рожа. Ты даже очень симпатичный парень. Мы же вот с доктором не прячемся со страху, как ты говоришь.

— Ну, вы — это другое дело, привычные. А я себя видел после ранения, мне пацаны давали зеркальце глянуть. Из-за меня хороший человек погиб, Зазуля Антон, наш сержант. При взрыве «эрэса» он на себя основные осколки принял, а мне уж меньше досталось. Получилось, что закрыл он меня собой. Поэтому и говорю, что я должен был погибнуть.

— Не болтай ерунды! Ты не причем. Это судьба так распорядилась. Жалко, конечно, вашего Антона. Но война — есть война. Каждый день кого-нибудь убивают. И правильно говорит Зина, все у тебя хорошо заживает. Поверь моему опыту, я многих раненых уже здесь повидал. И не говори о своей гибели, мать свою пожалей.

— Вы мою мамку не знаете. Она даже рада будет, если меня «кокнут». Не зря ведь она хотела меня убить.

— Ну, ты, Колька, и засранец! — Зина стукнула ему подзатыльник. — Разве можно так о своей маме говорить. Она

ведь у тебя одна.

Парень втянул голову в плечи, затем виновато обвел взглядом врача и медсестру. Потом он всхлипнул и закрыл глаза ладошкой. Невский и Юрлова недоуменно переглянулись.

— Ну-ка, выкладывай все начистоту! Пока не расскажешь, отсюда не выйдешь. Что такое у тебя произошло с родителями? Мы с Зиной хотим послушать. Говори!!

Рядовой Шакуро, опустил руку. В глазах его стояли слезы. Он шмыгнул носом и начал свою «исповедь».

2

Папки я никогда не знал. Его просто не было. Мамка, сколько себя помню, всегда называла меня «ошибкой молодости», часто даже в детстве лупила меня всем, что под руку попадалось. Я ревел, не понимая, в чем провинился. Она часто напивалась «вдрызг», приводила разных мужиков в дом, меня просто выгоняла на улицу, даже зимой. Когда я стал взрослее, то сам уже убегал от нее к своей родной тетке. Она жила неподалеку.

А городок этот называется Бердск, это рядом с Новосибирском, в десяти километрах к югу. Мамка моя там на радиозаводе работала. Кстати, там и электробритвы выпускают (Невский кивнул, вспомнив название на своей бритве — «Бердск»). А старшая родная сестра моей мамки, тетя Галя, Галина Матвеевна, работала в школе учительницей начальных классов. Она одинокая, детей нет, да и замужем никогда не была. У нее очень плохое зрение, очки с толстыми стеклами на все лицо. Вот она меня у себя и оставляла пожить, пока мамка за мной не приходила. Я ревел, не хотел возвращаться, но мамка уводила меня «за ухо». Они очень ругались друг с другом, две родные сестры, но такие разные. А тетя Галя меня любила, это я всегда чувствовал. Даже баловала меня. Все хотела у мамки отнять по суду. Но ей отказывали.

В сентябре 1971 года я пошел в школу. В начальных классах я учился у моей родной тети. Еще больше полюбил ее и привязался. Она обожала наш городок. До сих пор помню ее рассказы на уроках природоведения о Бердске. Он был основан еще в 1716 году как крепость Бердский острог, а городом стал в 1944году. Она рассказывала, что градообразующими предприятиями города являются радиозавод (это где мамка работала), электромеханический завод (это, по слухам, гигантский завод, большая его часть секретная, под землей расположена) и химический завод. А живет в городе порядка 68 тысяч человек.

Город же наш считался самым зеленым в СССР. Вы знаете, сколько у нас парков и аллей с деревьями!

Я по целым неделям жил у тети, убегая от пьяной мамки. Она тогда все со своими ухажерами никак не могла разобраться, даже не до меня было, а я и рад. Мне нравилось у тети Гали, у нее свой большой дом, огород и сад. Она все лето там проводила, я ей всегда помогал с удовольствием. Мы-то ведь с мамкой жили в маленькой однокомнатной квартирке на третьем этаже в «хрущевке», это ей еще от завода дали, как матери одиночке. А тетя у меня славная, хоть и смешная. Видит плохо. Все время забывает, где оставила свою вставную челюсть, она обычно ее в огороде теряла. Так вот, она научила свою собаку Верну (черная такая, лохматая, не знаю ее породы) находить эту челюсть и ей приносить. Прямо умора, но собака аккуратно приносила, ни разу не повредила, а тетя Галя погладит псину, челюсть водой помоет и опять в рот вставляет. Я тоже любил с собакой играть, добрый был пес.

Мамку свою я ненавидел, особенно когда она пьяная была. В старших классах она уже боялась меня лупить, я и сдачи мог дать. Теперь я уже в открытую перешел жить к тете своей. Она была тоже рада.

Как я любил встречать с тетей Галей Новый год! Это ведь не только главный праздник года, но и мой день рождения. Да-да, я родился вечером 31 декабря 1963 года. Хорошую мамке «свинью подложил»… Тетя Галя каждый год украшала свежую елку, я на всю жизнь запомнил этот запах хвои. Она всегда дарила мне подарок от Деда Мороза на Новый год, это она клала под елку. Я всегда удивлялся, откуда Дедушка Мороз знает, что я хочу. Это мог быть футбольный мячик или настоящие коньки с ботинками, лыжи или клюшка с шайбой, даже удочка или спиннинг. (У нас ведь замечательная рыбалка. Город стоит на реке Бердь, это правый приток Оби, наш город как раз расположен близ впадения нашей речки в Обь, там и Новосибирское водохранилище находится. Сколько там рыбы! Мы с друзьями часто летом уходили на рыбалку с ночевкой). А после вручения подарков от Деда Мороза, тетя дарила мне уже от себя подарок ко дню рождения. Это был мой любимый день в году. Как я обожал свою тетю!

В 1979 году после окончания восьмого класса я, по совету своей тети, поступил в злектромеханический техникум. Это готовили специалистов на наш завод. Годы учебы в техникуме пролетели быстро и интересно. Мамку в те годы я почти не видел. Ее несколько раз отправляли на лечение в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий), но это мало помогало. Вскоре по возвращению

она снова начинала пить, еще больше. Как ее не выгнали с работы — для меня оставалось загадкой. Впрочем, ее регулярно «пропесочивали» на собраниях коллектива, потом в очередной раз брали «на поруки».

В декабре прошлого года я уже заканчивал учебу, оставалось совсем немного — до апреля. Я уже знал, что сразу по окончанию всех наших ребят с курса заберут в армию. Хотели все служить вместе (но нас раскидали по всему Союзу). Новый год, как обычно, мы встречали вместе с тетей, она разрешила и моих ближайших друзей пригласить. Было очень интересно: тетя Галя всегда придумывала настоящие представления на этот праздник, я тоже участвовал вместе с ней. Всем друзьям очень понравилось. Отметили и мое девятнадцатилетие.

А первого января тетя уговорила меня сходить и поздравить мамку. Мне не хотелось, но согласился. Дверь я открыл своим ключом, не сразу увидел ее (она пряталась в ванной). Я хотел нормально с ней поговорить, но ее выражение лица мне сразу не понравилось. Это было настоящее «застывшее безумие». Я уже собрался сразу молча уйти, но она бросилась на меня с ножницами и ударила прямо в грудь. Целила в сердце. Хорошо, что на мне была плотная куртка — она смягчила удар. Вы и сейчас видите этот шрам на груди (Невский и Юрлова одновременно кивнули — багровый рубец бросался в глаза, он был в области сердца). Она кричала, что лучше сама меня убьет, чем даст забрать в армию. Короче, свихнулась окончательно.

Я тогда оттолкнул ее и убежал. Тетя Галя вызвала «Скорую», меня даже положили в больницу, неделю пролежал. Все эти дни тетя не отходила от меня, хотя угрозы жизни не было, так медики говорили. А мамку в тот же день отвезли в «дурку», в отделение для буйнопомешанных. Она там до сих пор и лежит, тетя Галя мне писала.

В мае меня забрали в армию, мы чуть раньше защищали дипломы, чем остальные. Так я и не успел ни одного дня поработать. После учебки (я ее в Чирчике проходил) нас отправили в Афганистан. Вот с октября я в Кандагаре и служу. А письма от моей тети приходят часто, я тоже стараюсь ей не затягивать с ответом. Про это ранение, правда, не стал писать. Зачем расстраивать?

3

Пока Николай рассказывал, медсестра успела снова наложить ему повязку на лицо, затем промыли-обработали его

многочисленные раны на груди. Зина снова перебинтовала его тело «крест-накрест». С последним туром бинта парень закончил говорить и робко взглянул на своих лекарей.

— Да, история. Мне очень жаль, что тебе досталась такая мать. Но родителей ведь не выбирают. К тому же у тебя такая замечательная тетя! Вот, ради нее и стоит себя беречь на войне. Подумай, что с ней будет, если ты не вернешься? Ты все понял, боец? И чтобы мы с Зиной больше от тебя не слышали слов о смерти!

Шакуро кивнул, встал со стола и начал одеваться.

— А когда вы швы снимите?

— Дня через три и снимем. Прямо к Новому году уже будешь, как «огурчик». Засекай время. Сколько на твоих часах? — Невский уже придумал, что можно подарить парню; он сам видел отсутствие на руке часов, но решил проверить.

— А у меня их нет, разбились еще в первом рейде в октябре. Мне их тетя Галя подарила на последнее день рождение. Очень жалко. Правда, нам особенно и не нужны часы — все командиры скажут: когда и что делать.

— Ладно, иди в палату и не переживай. Все будет хорошо у тебя.

Солдат понуро вышел за дверь.

— Ну, что скажешь, Зинок? По-моему, надо этому парню вернуть ощущение праздника. Один подарок я уже для него придумал, ко дню рождения.

— Ой, как здорово! Это часы что ли? Правильно, сбросимся и купим. А еще надо для него второй подарок — от Деда Мороза!

— Правильно мыслишь! Но надо для начала нам этого Деда Мороза и Снегурочку выдвинуть из своих рядов. Вот за этим я и обращусь сегодня к нашему командиру. А пока давай перевязывать дальше. Кто там следующий?

… Вечером после ужина все медики Медроты собрались в мужском общежитии в комнате, где жил командир Семенчук с офицерами. Пришли все жильцы из второй соседней комнаты, а также все сестрички из девичьего модуля. Последними из своей «каморки» при парикмахерской появились в обнимку молодожены — Сергей Лукинов со своей Ларисой. Чуть менее двух недель назад всем коллективом отгуляли их свадьбу. Старший ординатор хирургического отделения капитан Серега не скрывал своего счастья. Они и сейчас сидели на свободной кровати, крепко держась за руки, словно боялись, что их разлучат насильно.

Высокий, крепко сбитый командир Медроты Семенчук Михаил Михайлович («Мих-Мих», как все звали его между собой) поднялся, обвел всех своих подчиненных взглядом. Прокашлялся.

— Первое, прекратите немедленно обниматься! У вас еще вся ночь будет впереди. Черт побери, я к кому обращаюсь?! А-то и другим ведь захочется.

Все засмеялись, а Сергей и Лариса, наконец, расцепили руки и слегка отодвинулись друг от друга.

— Второе. Все слушают новые анекдоты. Зря, что ли, мне их жена присылает в каждом письме?!

В тесной, набитой людьми комнате повисло радостное ожидание. Все знали о страсти своего командира к анекдотам. Он мог их рассказывать часами.

— Итак, первый пошел: «Доктор, у меня цирроз, рак, язва и неврастения… Да, еще бессонница! Можно мне на ночь пить коньяк, чтобы лучше спасть? — Какой, на хрен, коньяк? — Ну, не сейчас, может, в будущем… — Какое у вас, на хрен, будущее? Следующий!»

Подождав, когда все успокоятся, майор Семенчук продолжил:

— Второй пошел: «Доктор, мне кажется, я простыл, мне холодно… — Вы не простыли, вы остываете… Следующий! — Доктор, у меня грипп, что вы мне посоветуете?! — Держитесь от меня подальше! Следующий! — Скажите, доктор, у меня скоро спадет температура? — Скоро, скоро! К вечеру будет комнатная. Следующий!»

Каждый раз взрыв хохота сотрясал комнату.

— Наконец, в завершение: «Доктор! А я ногу не потеряю? — Смотря, где вы ее будете хранить…»

После такой «разрядки» в комнате окончательно установилась легкая и непринужденная обстановка.

— Так, размялись? Теперь к делу. Думаете, я вас поржать сюда собрал? Итак, кто скажет, что сегодня за день?

— Четвертая годовщина ввода войск в Афганистан, — сразу отозвался Сергей Лузин.

— Ну, это само собой. А еще?

Не надолго повисло молчание. Потом друг за другом стали называть разные памятные события из истории СССР и других стран. Удивительно, как много было интересного в мире в этот день. Но Мих-Мих отбрасывал одно за другим эти предположения.

— Что, никто не скажет? Ну, и бараны, вы! Сегодня один из последних дней перед Новым годом, осталось всего ничего! А у нас еще «конь не валялся», ничего не готово, а вы тут сидите и ржете над анекдотами. Я прямо на вас удивляюсь, — Михал Михайлович широко улыбнулся, радуясь произведенному эффекту.

Все сразу загалдели, посыпались предложения. Подождав

несколько минут, командир поднял руку, призывая к тишине.

— Это хорошо, что столько появилось задумок. Но никто не сказал о наших больных и раненых. Один Сашка Невский мне об этом еще днем намекнул. Короче говоря, нам нужен Дед Мороз и Снегурочка. Они будут вести весь вечер, а также пойдут поздравлять в стационар всех, кто останется там на лечении, кого нельзя будет выписать. Конечно, нужны будут подарки, всякие там фрукты, сладости. Ну, это я завтра с Начальником Политотдела переговорю. Думаю, он поможет. Еще и себе запишут важное мероприятие. Нас это не касается. Итак, прошу высказываться по кандидатурам.

После долгих жарких споров в Деды Морозы выдвинули Толика Акбарова, анестезиолога, а Снегурочкой предстояло побыть Свете Москаленко, старшей сестре Медроты. Им поручалось продумать сценарий вечера, всякие конкурсы.

Окончив с определением важных персон, командир вновь встал, призывая к тишине.

— Сейчас в Медроте лежит раненый, он будет и на новый год в стационаре. Кроме того, ему 31-го декабря исполняется 20 лет. Обо все остальном доложит Санек. Давай, Невский.

Старший лейтенант вкратце поведал историю раненого, потом предложил вручить парню подарки. Эта идея всем понравилась. Надо, ох как надо дарить людям радость! Невский рассказал, что один подарок уже есть — это часы «Командирские». Он получил эту просьбу от Зыкова перед отпуском, когда уезжал в конце октября на родину. Нынешний командир медицинского взвода, он же — ведущий хирург Медроты капитан Зыков не признавал иностранных часов, как его большинство офицеров — коллег. Ему подавай только советское.

Невский согласился и выполнил эту просьбу. Но когда он вернулся из отпуска около трех недель назад, сам Зыков буквально накануне уехал в долгожданный отпуск к семье. Они разминулись на пару дней. Теперь часы так и лежали в коробочке. Вот их и подарим, так предложил офицер, а Зыков поймет и простит. Тем более что он сам, наверное, себе уже купил часы взамен сломавшихся прежних. Дело за вторым подарком. Невский предложил сброситься на небольшой радиоприемник, они сейчас появились в Военторге.

— Не надо ничего собирать, — подал голос старший лейтенант Владимир Вовк, новый начальник госпитального отделения. Он прибыл в конце лета на замену Жоре Кравченко. Все недоуменно уставились на него. — Все уже есть. Вы помните, что Жорка уезжал в «большом подпитии», на радостях он кучу своих вещей забыл. В том числе у меня лежит его транзисторный

радиоприемник «Panasonic», прямо в коробке, с чеком. Я ему уже писал на новое место (он, ведь, на мое место службы уехал в Ригу), мол, что делать с его приемничком? Он мне месяц назад еще ответ прислал — предложил себе забрать. Но я уже себе купил магнитолу, а приемник не нужен. Давайте его и подарим. Только стоит на нем выгравировать подарочную надпись.

— Это я беру на себя, — отозвался Иван Сухар. — Я своим зубным буром это легко сделаю. Тем более что это и мой больной тоже — мы ведь с Сашкой вместе его лицо «ремонтировали». Можно и на часах подарочную надпись написать. Только мне текст напишите.

Невский кивнул головой. Идея понравилась.

На том и порешили. Всеми овладело радостное возбуждение — заранее представляли реакцию солдата.

4

— А куда вы намылились? Мы еще не закончили. Все садятся на свои места. Деньги все равно собирать придется. Надо ведь закупить всяких сувениров, будут конкурсы, будем подарки выдавать. Так что, сбрасываемся по десять чеков. Деньги все будете сдавать Тамаре Петровне, она человек надежный. Она возьмет помощников на свой выбор и закупит все, что надо. Все за?

Медики одобрительно загудели. Коржикова, старшая сестра госпитального отделения, пользовалась огромным авторитетом и уважением. Она тут же достала из кармана тетрадку и принялась заносить всех в «ведомость». Кое-кто прямо сейчас стал протягивать деньги.

— Следующее. Это елка. Я уже договорился с разведчиками. Они завтра выезжают «на дело». За одним и заготовят хвойные деревья, они их, как мне рассказывали, срезают из пулеметов со своих БМД (боевая машина десанта). Быстро и эффективно. Я заказал два дерева, одну сосенку поставим в стационаре в столовой для больных. Нужны будут игрушки. Каждый должен предоставить минимум по три штуки. Мне все равно, где возьмете: сами делайте, выпрашивайте, выменивайте. Все игрушки сдавать Касьяненко Тамаре, она мне потом доложит, кто лодырничал, а кто отличился. Ясно?

Лаборантка Тамара поднялась, закинув за спину свою длинную и толстую косу, кивнула головой, сразу покраснев от смущения. Она была очень стеснительной и скромной девушкой.

— Наконец, последнее, — продолжал Семенчук. — Как у нас

с «горючим» обстоят дела? На недавней свадьбе «выжрали» почти все. Дорвались! Пришлось срочно новую порцию заложить. Она будет готова к Новому году? Серега, доложи. — Он обратился по старой памяти к эпидемиологу Пачкину.

Потом сам же себя поправил: «Тьфу, забыл. Мы же его отстранили. Не надежный «супчик» оказался».

Перед каждым большим праздником командир бросал «клич», чтобы офицеры сдавали весь свой паек сахара в «общий котел». Каждый месяц все офицеры в Афганистане получали кроме килограмма сахара еще массу консервов, печенье, сигареты. Это и был дополнительный паек. Поскольку в этой стране существовал «сухой закон», то алкоголя достать было негде (кроме редких завозов с колоннами из Союза). Но в любой ситуации русский солдат найдет выход из положения. Вспомнили старый, проверенный прием — готовить брагу. Всего-то и нужно — это сахар, вода и дрожжи (их было полно на полевых хлебозаводах). Остальное все сделает кандагарское тепло. Летом брага созревала очень быстро, в зимнее нынешнее время — дольше. Большой 40-литровый бидон хранили в одном из закрытых «чуланчиков» в приемном отделении. Смотрителем был назначен старший лейтенант Пачкин, только у него был ключ. В его обязанности входило периодически проверять содержимое бидона на готовность, вовремя извещать «общественность». Больше года он исполнял эту «миссию».

К этим ноябрьским праздникам стали замечать, что Серега по вечерам «лыка не вяжет», а когда его спрашивали о готовности «огненного напитка», то неизменно отвечал, что еще не созрело. Начало вкрадываться подозрение. Почти накануне 7 ноября его «застукали» на месте «преступления» — он отливал готовую брагу, а туда вновь добавлял воду. Состоялся «суровый разбор полетов», его лишили доверия и отстранили от фляги. Командир торжественно передал ключ от кладовочки и полные полномочия прапорщику Тамару Александру, самому большому трезвеннику и «кристально честному человеку».

— Саша, доложи нам ситуацию с «бормотухой», — обратился Семенчук теперь уже к фельдшеру приемного отделения, каковым Тамару стал в конце лета, до этого он занимал должность начальника медицинского склада. Саша сам пожелал перейти на это место после отъезда на родину прапорщика Олега Шлемова.

— Все готово, командир. Можно использовать. Думаю, к Новому году еще покрепчает.

— Вот и славно. Все вопросы обсудили. Теперь можно расходиться.

Все гости быстро разошлись. Уже было довольно поздно, пора

и на боковую.

Последующие два дня пролетели в приятных предпраздничных хлопотах. Каждый выполнял часть общей большой подготовки к Новому году.

5

В предпоследний день перед Новым годом Невский, как и обещал, вызвал Шакуро Николая для снятия швов на щеке. Парень по-прежнему пребывал в мрачном расположении духа: он все не верил, что рана на лице будет выглядеть хорошо.

Признаться, врач и сам немного волновался. Но все зажило просто великолепно. Швы были сняты, а на месте раны осталась тоненькая «красная ниточка». Зина тоже вздохнула с облегчением, увидев результат. Невский осторожно помазал шовчик зелёнкой, сверху наклеил полоску пластыря. Завтра и его можно снять, так он объяснил раненому. Увидев, что больше его голову не кутают в «шлем» из бинтов, парень явно повеселел. Раны на груди тоже хорошо заживали, но здесь еще требовалось время. После наложенных бинтов Николай даже улыбнулся и впервые поблагодарил медиков. Наконец-то он поверил в свое исцеление. Ушел солдат вполне довольный. Врач и сестра переглянулись, подмигнув друг другу.

Наконец, наступил последний день года. С утра все пребывали в радостно-приподнятом настроении. Повсюду ощущалось приближение праздника. В стационаре стояла в столовой огромная красавица сосна, занимая все пространство до потолка. Там же поместили телевизор, специально выделенный Политотделом для раненых. На ветках новогоднего дерева разместились многочисленные бумажные игрушки, «цепи», «дождь», серпантин. Была даже настоящая стеклянная «рубиновая» звезда и несколько стеклянных игрушек. Еще утром привезли несколько коробок с подарками для раненых и больных, теперь по всему стационару ощущался запах апельсинов — настоящий новогодний запах.

Для празднования медиков освободили одну из пустующих складских комнат в приемном отделении. Там тоже стояла небольшая пышная сосенка, ее ветки с избытком были украшены игрушками и прочими новогодними украшениями. Длинный ряд столов занимал половину помещения. Почетное место занимал телевизор и магнитофон. Праздник ожидался во всей красе.

В первой половине дня решили закончить все необходимые работы с ранеными — всех нуждающихся перевязали.

Николай Шакуро пришел сам одним из первых — ему не терпелось увидеть результаты работы на лице. Зина отлепила кусочек пластыря и смыла спиртом остатки зеленки.

— Ну, Коля, загадывай желание! — Невский был рад открывшейся картине, тонкий красный след от имевшейся безобразной раны — это все, что осталось на лице.

— Я же все равно ничего не вижу! А вообще хотелось бы, чтобы все зажило. — Николай пристально и серьезно смотрел по очереди на врача и медсестру. Он все еще боялся, что уверения медиков окажутся жестокой шуткой.

Зина с улыбкой подала ему свое маленькое зеркальце из кармана халата. Парень принял его, как самый дорогой подарок. Несколько мгновений он замер, глядя на свое отражение. Когда раненый вновь посмотрел на врача, то в глазах у него стояли слезы.

— Все хорошо, — выговорил он, словно не веря себе. — Просто не верится, — повторял он, качая головой. — Такая была рана! Такая рана, а теперь раз — и нету!

До Невского постепенно дошло, что этот возможный шрам на лице был для него не таким пустяком, как все уверяли солдата в предыдущие дни. Парня трясло от радости. На его глазах свершилось чудо. Он поинтересовался, мол, когда цвет выровняется, будет вообще не заметно?

— Полный порядок. Не останется ни одного струпа. Ни натяжения, ни толстого шрама. Будет гладкая красивая щечка.

— Но ведь был такой кошмар. Просто чудовищная рана.

— Природа — хороший лекарь. Да и челюстно-лицевой хирург Иван Сухар сделал отличную работу. Вот его и благодари. А вообще это тебе новогодний подарок и предварительный подарок ко дню рождения. Мы с Зиной тебя поздравляем. Остальное получишь позднее — нельзя же все подарки сразу вручать.

— Да, Коля, я тоже тебя поздравляю с твоим двадцатилетием! — Зина чмокнула обалдевшего парня в здоровую щеку.

Невский видел, что парень оживает прямо на глазах. Глаза его счастливо блестели. Раны на груди раненого перевязали, постепенно перенимая его радостное возбуждение. Как мало человеку надо для счастья! Умчался Николай быстро, словно у него выросли крылья.

6

Праздновать медики начали уже в девять часов вечера. Не терпелось проводить старый год. Стол ломился от яств. Медсестры «колдовали» весь вечер, смогли ограниченным количеством продуктов наготовить много вкусных салатов. Не стыдно было самим сесть за стол и гостей пригласить. Кроме собственного коллектива пришли все врачи батальонов, были и просто офицеры-друзья, официантки, женщины из штаба и Военторга.

Организаторы не поленились подготовить много разных конкурсов. Победители получали маленькие подарки, сувениры. Смотрели праздничную программу по телевизору. Танцевали под магнитофон. Дед Мороз (Толик Акбаров) в ярко-красном банном халате и в красном самодельном колпаке-шапке с офицерской кокардой и длинной белой бородой и усами из ваты хорошо вошел в свою роль. Ему отлично помогала красавица-Снегурочка (Света Москаленко), одетая в яркий цветастый восточный халат. Работала и «почта» (каждому сидящему за столом были розданы «личные номера», которые булавками закрепили на видном месте). Почтальон (Растегаева Валя) с офицерской сумкой через плечо исправно передавала послания адресатам. Одним словом, все было, как на далекой Родине. Не хотелось думать о войне, что идет где-то рядом.

В 23 часа командир распорядился поздравить всех раненых и больных в стационаре. С этой почетной миссией отправились Дед Мороз, Снегурочка, им вызвались помогать Невский и Зина Юрлова. В стационаре было оживленно и весело: почти все оставшиеся на лечении солдаты и офицеры были в столовой и смотрели телевизор.

Каждый получил от Деда Мороза и Снегурочки новогодний подарок (кулек с конфетами, пачкой печенья, яблоком и апельсином). Все, конечно, радовались этим дарам. Некоторые отваживались прочитать стишок или спеть куплет песни.

Потом прошли по остальным палатам. Кто-то уже спал, не надеясь на новогоднее чудо. Другие читали. Но чудо в виде Деда Мороза и Снегурочки все же появилось.

В послеоперационной палате даже был выключен свет. На крайней к двери кровати лежал, свернувшись клубочком и отвернувшись к стене, один раненый. Это был Шакуро Николай. Больше в этой палате никого не было — их еще вчера перевели в другие полупустые палаты.

Щурясь от яркого света, Николай с изумлением смотрел на своих гостей. Гамма чувств отражалась на его лице. Наконец, его озарила радостная улыбка.

Парень понял, что САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК ГОДА все

же состоится. Он получил от Снегурочки традиционный подарок со сладостями. Затем Дед Мороз уже от себя вручил Николаю коробочку с транзисторным приемником. Шакуро еле устоял на ногах от такого подарка. Он не верил своим глазам. А когда Невский вручил ему еще и часы ко дню рождения, то слезы парень уже не смог сдерживать. Но это были слезы счастья.

— Совсем, как дома. И даже два подарка, как дарила мне тетя Галя. Спасибо вам! Этот Новый год запомнится мне на всю жизнь!!

Невский помог ему достать приемник, включил его. Полилась музыка, окончательно подняв настроение раненому. Он уже не хотел больше скучать один, а отправился смотреть телевизор, прижимая к груди поющий подарок и с гордостью поглядывая на часы на руке.

А им уже надо было спешить обратно — стрелки приближались к двенадцати часам.

Потом снова было застолье. Громкие крики в момент наступления Нового года. Танцы и веселье, смех и шутки. Очень скоро все выбежали на улицу, так как поднялась невероятная стрельба из автоматов и пистолетов, к ним присоединились крупнокалиберные пулеметы и пушки БМП. «Солидно» стреляли танки, наконец, в «концерт» вступила установка «Град». Никто не слышал друг друга из-за грохота, можно было только видеть разевающиеся рты. Хотя, все было ясно — это звучало «УРА!»

Стрельба из боевой техники велась по «своим квадратам» (так объяснил позднее один из офицеров-гостей). Так советские солдаты выражали свою радость по наступившему Новому 1984 году. Всем хотелось, чтобы год этот стал лучше и счастливее ушедшего. Так уж устроен человек, что в каждую Новогоднюю ночь ждет чуда и надеется на удачу…

…Позднее 1984 год был назван «годом самых больших потерь советских войск в Афганистане». В тот год погибло 2243 человека, а санитарные потери (раненые и больные) составили 57 826 человек…

№ 12. Подарок ко дню рождения

1

Просыпаться совершенно не хотелось. Из последних сил цеплялся за сон. Там, в этом красочном сне, было хорошо: много солнца и света, воздуха и воды. Она искрилась на поверхности миллионами «зайчиков». Можно было барахтаться, плавать, нырять, совершенно не боясь открывать глаза на глубине. А еще можно было бегать по берегу, пытаясь согреться от долгого купания. Упасть на горячий песок, зарыться в него, постепенно нагреваясь. А потом снова бегом в воду. Это было счастье.

Но почему так не хочется возвращаться в реальность? Случилось что-то. И это «что-то» ужасно. Оно перечеркнуло всю жизнь. Разделило ее на До и После. И это произошло с ним, именно с Ним. И он сразу вспомнил. Это ранение! Он сейчас беспомощен. Он упакован по частям. Он прикован к постели. А может как раз это и неправда? Проснется, а там все хорошо.

Открыл глаза. Нет. Это правда. Внимательно осмотрел белый потолок, белые стены. Как много белого цвета! Он и, правда, лежит на белых простынях, в больничной палате. Правая нога прочно закреплена на возвышающемся каркасе из толстой проволоки, она тоже вся упакована в белое. Правая рука не шевелится, она безжизненна и закутана, как мумия. Лежит на его груди. Поднять ее можно только здоровой левой рукой. Ну, ладно — рука и нога, но почему и живот весь перебинтован?!

Он вспомнил теперь все. Этот выстрел из гранатомета по его кабине. Но ведь это была санитарная машина — Автоперевязочная. Зачем стрелять по ней? Они с водителем не угрожали никому. Они спасали людей, которых приносили, привозили прямо с поля боя, «полуразобранных и полуживых». Кого-то удавалось спасти. А кого-то и нет…

Теперь спасают его самого. Как давно это было? К раненому уже вернулась его способность ориентироваться во времени. Это случилось в четверг. Точно! Был четверг, потом еще один четверг прошел. А сегодня уже понедельник. Точно этот день недели, потому, что вчера говорили медсестры о воскресном дне. Значит, прошло уже 10 дней его новой жизни. 11-й день не надо никуда торопиться, спешить. Приходится только лежать и ждать. Придут и покормят, придут и принесут утку, придут и поставят укол. О, этот укол он уже ждал, как самого желанного гостя. Это чудесное лекарство. Вдруг прекращаются все боли, ты опять может

вскочить и бегать, но тебе не хочется. Зачем? Лучше снова погрузиться в чудесный цветной сон.

Но должно же быть сегодня какое-то число! А может наступить день вообще без всякого числа, как белый лист? Такого не бывает. Стало быть, сегодня есть и число. С трудом соображая, стал вспоминать число. Вспомнил. Но почему он всегда ждал этот день в этом зимнем месяце? День рождения! Сегодня его день рождения!! У него не будет гостей, застолья, веселья? Он так и пролежит на кровати, никто не поздравит его. А это главный праздник каждого — день рождения. Не будь такого дня у человека, не будет и его самого!

Да, это уже второй день рождения в этой чудовищно жаркой стране. Как здесь веками живут эти люди? Они не скучают по дождю, им почти не ведом снег (только высоко в горах можно найти). Что-то неладное было и с прошлым днем рождения. Черт! Он и год назад отмечал свой главный праздник на больничной койке, правда, лечился от тифа. Вот невезуха, так невезуха! А как придется следующий день рождения отмечать? Неужели снова в больничной палате?! Этого он уже не перенесет!

Хотелось повернуться на бок, но это невозможно. Теперь он вынужден только на спине лежать. Год жизни готов отдать, только позвольте перевернуться на правый, нет, лучше на левый бок. Но в палате он лежит один, некого попросить, даже если можно было это проделать. Надо ждать. Сколько же времени сейчас? Часов нет, они разбились при ранении. Занавески задернуты на ближайшем к нему окне, но уже светло. Начинается новый день. Простой день для большинства людей на земле. Но не для него. Это особенный день — День Его Рождения!

2

— Доброе утро, Саша! — в палату стремительно вошла медсестра, тонкая миловидная девушка, невысокая, кареглазая.

Она подошла прямо к постели, наклонилась и крепко поцеловала его в губы: «С днем рождения!»

Это было так неожиданно и потому еще более приятно.

— Откуда ты узнала? — изумился именинник.

— Это же все отмечается в «Истории болезни». Забыл, что ли? Поставь градусник и не смей хандрить! Ты должен сегодня быть особенно молодцом! Сейчас я пришлю тебе, как всегда, дежурного солдатика из выздоравливающих. Пусть тебе не дает скучать.

Девушка так же поспешно упорхнула. «Вроде бы ее зовут

Татьяна Середа?» — вспомнил имя.

Настроение стремительно поднималось. Надо же, кто-то даже знает о его Особенном дне!

Боль, не дающая покоя, как-то померкла. День начинается не плохо.

Пришел коротко стриженный, прихрамывающий боец в больничной одежде. Он уже дежурил у него не первый день, поздоровались за руку. Выздоравливающий опять забыл, что правую руку раненому подать не возможно, перестроился уже на ходу. Крепко пожал и, лукаво улыбаясь, произнес:

— С днем рождения, товарищ старший лейтенант! Желаю быстрого выздоровления! Лечить здесь умеют! Вон, видите, я уже бегаю, а привезли на носилках. У вас тоже все будет хорошо!

— Спасибо, Сережа! Буду надеяться, что и я скоро буду бегать, как и ты! Родом-то ты откуда? Ты называл фамилию, но я не запомнил — мудреная какая-то.

— Чангли, это фамилия отца, он грек, а мать русская. Мы живем в Крыму, там много и чистых греков живет. Я даже греческий язык знаю.

Он перешел на непонятный говор, тут же перевел: «Это я вас поздравил с днем рождения».

— Красивый язык! Вот по-гречески меня еще никогда не поздравляли. Здорово! Настоящий необычный подарок!

Сергей растянул рот в довольной улыбке:

— Давайте я помогу вам умыться, побриться, а там и завтракать надо будет.

Через 15 минут, закончив все дела, Чангли принес завтрак. Покормил заботливо с ложечки — даже приподнять голову раненому было тяжело. Накормив своего подопечного, он и сам ушел на завтрак.

Как ни странно, но еда отняла много сил, захотелось закрыть глаза и уснуть. Но боль, эта проклятая спутница всех последних дней, не давала покоя. Хотелось завыть по-звериному, во весь голос. Но пришлось сдерживать себя. Ограничился лишь негромким стоном. Вскоре вернулся еще жующий на ходу Сережа.

— Почитаем, товарищ старший лейтенант? — он размахивал книгой «Двенадцать стульев».

Уже на третий день после ранения, будучи в реанимации, раненый офицер (в ответ на вопрос товарищей из Медроты: «Что тебе принести?») попросил именно эту книгу. Книгу ему привез тем же вечером сам командир, он купил ее для себя недавно. Сам он тут же сел и прочитал несколько страниц, вызвав даже смех тяжелораненого. На такой необычный звук в реанимацию заглянул один из хирургов. Узнав в чем дело, успокоившись, он

произнес: «Ну, раз так смеется, то выживет точно!» С тех пор ему читали эту книгу дежурные медсестры, друзья из Медроты, приезжавшие почти каждый день, даже врачи, свободные от работы. Это стало необходимой процедурой, обязательной для этого офицера. Уже никого не приходилось просить. Порой вечером в реанимацию подтягивались и другие раненые послушать. Книга положительно нравилась всем. Даже просили порой вернуться на несколько страниц назад. Никто не возражал. Порой кто-нибудь брался пересказать товарищу пропущенные главы, другие помогали, напоминали. Эта книга отвлекала от боли, а смех придавал силы. Чудеса!

Дня три назад тяжелораненого перевели в послеоперационную палату из реанимации. Теперь ему эту книгу читал с удовольствием прикрепленный дежурный. Сам он «проглотил» этот шедевр Ильфа и Петрова за две ночи, читая под одеялом с фонариком (как он сам гордо поведал). Теперь читал уже смакуя, постоянно порываясь рассказать своими словами, что дальше.

Не дожидаясь, Сергей уселся на табуретку, и, заранее посмеявшись, начал читать, глотая слова, но явно стараясь. Незаметно чтение увлекло, тяжелораненый уже смеялся вместе с чтецом. Представлялись реальные лица актеров из одноименного фильма Леонида Гайдая.

Час пролетел не заметно. Дверь распахнулась, вошла группа врачей и медсестер — начался обход начальника отделения. По понедельникам он проводился всегда.

Чангли оборвал чтение на полуслове, вскочил и отошел в сторонку. Начальник отделения, майор Земляникин, крепыш среднего роста, приветливо улыбнувшись, приблизился к раненому. Он осторожно пожал здоровую руку офицера обеими руками, потом достал из кармана кубик Рубика и протянул его: «С днем рождения, Саня! Поправляйся скорее, мы сделали все возможное, теперь от тебя зависит остальное. Ты должен хорошо есть, а-то мне докладывают, что почти ничего не ешь!» — он взглянул на дежурного. Тот поспешно спрятал глаза.

Раненый принял подарок, поблагодарил охрипшим от волнения голосом. Надо же, все помнят о его дне рождения. Это было трогательно. Пожал ему руку и второй хирург, сухощавый капитан Германов, протянув апельсин, который извлек из ничего, как фокусник. Все засмеялись. Третий хирург, черноволосый усатый красавец, капитан Абаков, выходец из Дагестана, направился прямиком к окну, проговорив при этом:

— А я, Саша, дарю тебе то, что давно ты уже не видел, о чем соскучился и в тайне мечтаешь наверняка, — он приблизился к

задернутым шторам на окне, взялся за них. — Получи мой подарок, дорогой друг!! (они были хорошо знакомы уже около года, сдружились).

Он одним движением раздвинул шторы. Невольный возглас изумления вырвался у тяжелораненого. Было от чего удивиться. Это было Настоящее ЧУДО! Все пространство за окном, на сколько хватало глаз, было засыпано белым пушистым снегом. Снег продолжал падать крупными хлопьями, кружась в слабом вихре. Даже приподнялся

раненый, чтобы лучше видеть. Довольный произведенным эффектом, Аскер подошел и обнял товарища. Тот долго не мог произнести ни слова. Слезы выступили, комок стоял в горле.

— Видишь, сама природа тебе решила сделать подарок! Так что ты должен пойти на поправку. Срочно! — подхватил Валентин Земляникин.

Постепенно Александр обрел дар речи. Прокашлялся, смахнул невольную слезинку.

— Да, вот это подарок, так подарок! Здесь же, говорили, никогда не бывает снегу! Я помню, что на Новый год было + 25 градусов. Весь январь стояло тепло. Спасибо за такой чудный дар!!

— Чего не попросишь для друга, — широко улыбаясь, проговорил Абаков. — Я всю ночь просил у Всевышнего для тебя этот подарок.

Все в палате захлопали в ладоши, медсестры радовались громче всех. Всем понравилась эта шутка хирурга.

— Товарищ майор, можно я сбегаю, наберу этого подарка для именинника? — подскочил к начальнику отделения Сергей Чангли.

— Валяй!

Прихрамывая, солдат выбежал на улицу. А врачи, посерьезнев, стали осматривать раненого. Начальник распорядился сделать перевязку, назначил очередное переливание крови, сделал добавления к лечению. Старшая сестра старательно вписывала распоряжения в лист назначения.

Вернулся запыхавшийся дежурный, он принес два огромных снежных комка. Поспешно подал один Александру, второй подбрасывал в руке. Тяжелораненый принял подарок осторожно, как хрустальную вазу. Провел прохладным колобком по лицу, по шее, положил на грудь. Снег быстро таял, разбегаясь прохладными, приятными ручейками.

Еще раз, пожелав всех благ, все сотрудники в белых халатах вышли. Обход продолжился дальше. Тяжелораненый и выздоравливающий остались вдвоем со своими снежными

комочками. Вскоре они полностью растаяли. Сергей порывался сбегать еще, пришлось отговаривать.

3

Перевязку провели спустя минут 30, когда закончился обход. Хирург Абаков и операционная сестра работали осторожно, стараясь меньше причинить страданий. Раны промывались через оставленные трубки, иссекались омертвевшие ткани, накладывались чистые повязки. Это была боль в чистом виде, она отняла последние силы. Из закушенных губ проступила кровь. Кричать было нельзя. Никак нельзя перед женщиной показать свою слабость. Когда все закончилось, и они опять остались вдвоем с солдатом, можно было постонать вволю, можно даже было вполголоса произнести крепкое словцо. Это помогало. Странно. Но это так.

Солдат заботливо вытер выступивший пот на лице.

— Ругайтесь, не обращайте на меня внимания. Я знаете, как матерился, когда меня раненым привезли. Сейчас даже краснею при воспоминании. А врачи и медсестры здесь привычные. Даже не обижаются на это.

— Мне уже полегчало, Сергей. Продолжай читать. Где ты там остановился?

Чангли охотно уселся и продолжил смаковать полюбившуюся книгу. Тяжелораненый закрыл глаза, пытался не терять нить повествования. Но боль не отпускала.

Спустя около часа вошла со шприцем процедурная сестра. Это был тот самый «волшебный укол», он враз решил проблему боли. Прогнал ее. Стало даже весело. Смеялся над похождениями литературных героев. А потом провалился в красочный сон. Он снова был на реке. Он купался и нырял. Он бегал по берегу. Он смеялся. Он жил полной жизнью.

Сергей не скоро заметил, что слушатель уже не с ним. Осторожно подошел поближе, послушал ровное дыхание. Потом на цыпочках вышел в коридор. Пора было сходить и на обед.

Сон освежил, придал силы. Когда Александр открыл глаза, то долго наблюдал за дремлющим на табуретке дежурным. Во сне человек становится естественнее и проще. Слетает все наносное и чуждое. Сергей спал, откинув голову набок к стене. Лицо приобрело детское выражение. «Как он еще молод! — невольно пришло в голову. — Вряд ли ему исполнилось двадцать. А сколько уже пришлось испытать парнишке! Иной и взрослый мужчина за полную жизнь не испытает подобного. Странное

сейчас наступило время! Ведь воюют ребята, у которых отцы не нюхали пороха. Все перевернулось с ног на голову! Воевали их деды, теперь пришло время внукам пойти на войну…»

Сергей зашевелился, улыбка осветила его лицо. Снилось что-то хорошее. Он еще раз пошевелился и открыл глаза.

— Вы уже не спите? А я тут покемарил малость. Дом приснился. Мы с сеструхой играли в прятки. Она у меня младше, уходил в армию, она еще и в школу не пошла. Смешная девчонка! — он довольный потянулся. — Я сбегаю вам за хавчиком, товарищ старший лейтенант?

— Давай. Только не много приноси. Вечно приносишь, как слону. И прекрати на меня жаловаться начальнику отделения, а-то я потом встану, и пендель получишь!

— Вы только поднимайтесь быстрее. Я ради этого сотню пенделей стерплю! А есть вам надо получше. Откуда силам-то взяться?!

Улыбаясь, солдатик похромал за дверь. Он принес поднос с дымящимися щами, кусок мяса с гречневой кашей, компот. И, конечно, порции опять были огромные. Есть совсем не хотелось, но чтобы не обижать свою заботливую «няньку» заставил себя проглотить несколько ложек первого, чуть-чуть поклевал второе, только весь компот и выпил. Сергей явно остался не доволен. Унес все обратно, ворча что-то под нос.

Вернулся Чангли не скоро. Он вошел весь загадочный и сияющий.

— Ты что, сто чеков нашел? Прямо весь светишься от счастья.

— Сейчас вам будет сюрприз!

— Не много ли мне сегодня таких неожиданностей? — Старший лейтенант повертел в руках свой подарок, пытаясь одной рукой крутить кубик Рубика. Ничего не получалось.

Дверь широко распахнулась. В палату вошла большая группа людей, сразу заполнив все пространство. Это был почти полный состав офицеров и медицинских сестер Кандагарской Отдельной Медицинской роты во главе со своим командиром.

4

— Вот он, голубчик, лежит! Прохлаждается! На службу «забил», не ходит. Его товарищи одни должны резать-отрезать. — Сразу с порога заговорил, улыбаясь, командир, майор Семенчук Михаил Михайлович. Он был большой любитель шуток и анекдотов. В медроте его любили все: и офицеры, и медсестры. Это был высокий, крепкий мужчина средних лет. О его доброте и

справедливости уже слагали легенды. Он крепко обнял лежащего офицера, обдав его запахом дорогого одеколона.

Вслед за ним по очереди подходили офицеры, прапорщики. Хлопали по здоровому плечу, жали здоровую руку, полуобнимали. Все громко поздравляли с днем рождения. Затем очередь наступила медсестричек. Все они целовали именинника, норовя прижаться к губам подольше. Это было приятно. Очень приятно. Столько внимания к его персоне!

Шум в палате стоял невообразимый. Смех, шутки. Слова подбадриваний. В уголке счастливо приплясывал Сережа, дежурный. Он радовался за своего подопечного.

— А ты, что, один тут лежишь? — Михаил Михайлович (МихМих — звали его между собой офицеры, или просто ММ) обвел взглядом палату на четыре кровати. — Правильно, так легче к себе на ночь девчонок заманивать! Поди, тебе уже проходу не дают. Здесь в госпитале они такие. Не то, что наши скромницы. Ты бы хоть от них на ночь закрывался. Попроси бойца швабру принести, дверь будешь подпирать. Ни одну ночь, наверное, не дали отдохнуть. Вон как исхудал! — продолжал балагурить командир. Все смеялись. МихМих продолжал:

— Да, вспомнил анекдот на счет швабры. Слушайте: Муж с женой ложатся спать. Она его и спрашивает:

— Ты закрыл входную дверь на большой замок?

— Закрыл.

— А на малый замок закрыл?

— Да закрыл, — начал уже сердиться муж.

— На задвижку не забыл запереть?

— Не забыл! — рявкнул муж.

— Ну, а на цепочку закрыл?

— Закрыл-закрыл, — муж окончательно теряет терпение.

— Хорошо! Молодец! Надеюсь, шваброй тоже дверь подпер?

— Нет, забыл, — растерянно отвечает супруг.

— Ну, вооот! Заходи и бери, что хочешь!

Дружный взрыв хохота раздался в палате. Тяжелораненый не отставал. Умеет командир поднять настроение! Уже и боль не так донимает. Из кухни принесли целый поднос стаканов, горячий чайник. Всем разлили ароматного напитка. Приятно запахло в палате. Тут дверь снова открылась, внесли торт (откуда?! Еще одно чудо сегодня!), горели свечи. Ровно двадцать девять штук, столько исполнилось сегодня.

— Это тебе летчики из Союза специально привезли недавно. Я попросил кое-кого, у нас лежал после ранения, ты его и оперировал. Сразу он сказал, что «разобьется в лепешку, но выполнит». Вот и ждали его, так бы раньше пришли к тебе! —

Семенчук явно был доволен. Еще бы, увидеть торт в Афгане, — это большая редкость! — Ну, давай, загадывай желание и задувай!

— Я еще не могу опомниться от такого подарка! А мне поможет затушить Сережа. Иди сюда! Он тоже заслужил загадать желание, — махнул в сторону своего бессменного дежурного.

Чангли гордо прохромал к торту. Они вдвоем дунули на свечи, затушив их сразу.

— Все исполнится! — хором закричали девчата. Они принялись резать торт на маленькие кусочки, чтобы досталось всем. Чаепитие с тортом прошло под оживленные разговоры. Рассказывали о новостях в Бригаде (70 ОМСБ). Торт всем очень понравился. Съели все быстро, оставив лишь несколько кусочков врачам госпиталя.

Михал Михалыч вновь завладел вниманием, попросив тишины. Гул постепенно стих.

— Ты думаешь, Саша, что мы закончили с подарками? Дудки. У нас еще не все дары предъявлены. Толик, озвучивай! — он передал слово анестезиологу Акбарову, черноволосому, черноусому старшему лейтенанту. Тот с готовностью выступил вперед, прокашлялся:

— Мы все дарим эти часы, пусть они отсчитывают тебе счастливое время в кругу твоей замечательной семьи! — Он раскрыл коробочку и подал японские часы «ORIENT»

Все захлопали, а именинник ахнул. Это был воистину королевский подарок! Купить себе такие часы он просто не мог позволить из-за «бешеной» цены.

— Спасибо, дорогие мои! — только и смог произнести Александр. Да, праздник сегодня явно проходил по высшему разряду!

— Заключительный подарок поручается вручить нашим прекрасным дамам, — вновь вступил в права командир.

Вперед выступила старшая сестра Медроты, белокурая, круглолицая и большеглазая красавица Светлана Москаленко. Вместе со своей подругой, стройной и изящной Таней Хлыбовой, операционной сестрой, они вынесли на обозрение, показав всем, огромную, в подарочном издании, книгу Иоганна Вольфганга Гете «Фауст». Книгу положили прямо на грудь. Александр почувствовал невероятную тяжесть подарка.

— Санечка, мы поздравляем тебя с твоим днем рождения! Дарим один из шедевров мировой литературы. Еще Пушкин говорил, что «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа. — Татьяна произнесла это торжественно. Помолчав, она продолжила. — Герой произведения всю жизнь стремился к

познанию истины. Как там сказано, постараюсь на память процитировать: «Итог всего, что ум скопил» состоит в том, что «Лишь тот, кем бой за жизнь изведан, жизнь и свободу заслужил». Думаю, в наиболее полной мере осуществляет себя человек, когда трудится на благо других людей. — Она перевела дух. Оглядела всех в палате и закончила:

— Здесь ты найдешь пожелания тебе, написанные всеми присутствующими, двадцать пять человек. Все мы тебя любим и гордимся. Ты выиграл бой за жизнь, заслужил эту жизнь и свободу. Все эти почти 2 года ты трудился на благо других. От всех твоих сослуживцев я говорю тебе слова благодарности. Живи долго и будь счастлив! Позволь еще раз поцеловать тебя, Сашенька!

Татьяна, потом и Светлана крепко поцеловали растроганного именинника. Все загалдели, разом оживились. Кое-кто смахивал слезы с лица.

— Ладно, славяне, нам пора! Надо дать отдохнуть человеку. — Семенчук громко ударил в ладоши.

Каждый по очереди произнес слова на прощанье, выходя в коридор. Вскоре в палате вновь остались двое: выздоравливающий и раненый.

5

…Поздно вечером, получив очередной обезболивающий укол, устранивший терзающую боль, старший лейтенант пытался в деталях восстановить этот необыкновенный день. Столько внимания, столько любви выплеснулось на него. А сколько подарков! Настоящий день рождения! Самый невероятный из подарков, это, конечно, снег. Он продолжал кружиться за окном в свете уличного освещения. Это был привет с Родины, с Урала, где его ждали жена и дочь. Он вернется к ним!

…Спустя еще 3 дня, Александр был отправлен для дальнейшего лечения в госпиталь Кабула. Многие из Медроты пришли проститься с ним.

… Почти весь февраль в Кандагаре выпадал снег. Покрыл он белым покрывалом и многие другие провинции Афганистана…

№ 1. «Уткашея»

Часть I

«Дайте человеку цель, ради которой
Стоит жить, и он сможет выжить в
Любой ситуации».

И.Гете

1

Женщины на войне… Зачем они едут в воюющую страну?! Даже пребывание женщины в боевой обстановке противоречит здравому смыслу. Война — удел мужчин. Вот пусть бы и обходились одни. Но, нет. Не могут. Посылают и посылают эти «слабые и хрупкие создания» в пекло. А может, они сами, по доброй воле рвутся сюда…

Как же оказывались наши девчата в Афганистане? «Афганские мадонны» — с чьей-то легкой руки их стали так именовать. А, что, вполне подходящее название! Причин приезда, оказывается, очень много. Вот основные из них.

Денежная — поправить свои материальные дела. Ничего в этом плохого нет. В стране всеобщего дефицита и скудных зарплат появилась вдруг возможность заработать в другой далекой стране, новости из которой поступают очень и очень противоречивые. По официальным каналам — там все хорошо и чистое мирное небо над головой. А по неофициальным… Приходится слышать о закрытых гробах, что прибывают из далеких краев. Но можно рискнуть и поехать. Появится шанс, чтобы «справить приданое» (ходила такая шутка о приезжающих девчатах).

Устроить свою судьбу — тоже не последняя причина поездки. Что вполне можно понять. Столько молодых, симпатичных и еще пока одиноких мужчин вокруг. Но, это, если повезет. А, ведь, везло! Случаи исчислялись не единицами, даже не десятками — сотнями! А кто-то даже бросал свою первую (вторую) жену ради этой единственной «афганской мадонны». Это- жизнь.

Была и еще одна, пусть не многочисленная категория. Ехали, чтобы проверить себя на стойкость, на умение противостоять трудностям, испытать себя в настоящем деле. Ехали «за романтикой».

Как, в таком случае, относились к их решению родные и близкие, родители в первую очередь, этих, молоденьких порой, девчонок?! Тревожились, конечно. А иногда и просто не знали, где их родное чадо — те врали, что служат в ГСВГ (Группа Советских Войск в Германии), в ЦГВ (Центральной Группе Войск — Чехословакия), в ЮГВ (Южной Группе Войск — Венгрия) и еще, черт знает где, но только не в Афганистане. А кто-то попросту открыто «сбегал» в Афган.

Возвращаясь, эти повзрослевшие дочери рассказывали о своей «боевой молодости» с гордостью. Им было, что вспомнить.

Всех женщин в Афганистане объединяло одно — они ехали работать на войну, где каждая могла потерять свою жизнь, пусть даже она была сугубо мирной профессии: повар, прачка, официантка, парикмахер, продавец, машинистка, медицинская сестра или служащая в штабе. Война не делала исключений. Она могла забрать любую жизнь, пусть даже и моложе двадцати.

Эти женщины стоят того, чтобы о них рассказать…

2

— Можно? — Дверь осторожно открылась. На пороге стояла молодая девушка. Дежурный врач сразу узнал в ней новенькую перевязочную сестру Канашевич Любу. Она приехала чуть более месяца назад вместе с другой новенькой — процедурной сестрой Валентиной Растегаевой. Они поселились в одной комнате в женском общежитии.

— Да, конечно, заходи. У тебя что-то случилось? — Участливо спросил старший лейтенант. Он даже встал из-за стола навстречу белокурой красавице. Ее большие голубые глаза, казалось, заглядывали прямо в душу.

— Нет-нет, у меня все нормально! Это меня девчонки из девичьего модуля попросили дежурного врача вызвать в комнату номер 11, там одной требуется помощь. Она жалуется на боли в животе.

— Хорошо, я уже общий прием закончил. Сейчас только схожу проверить новый суточный наряд и смогу минут через двадцать быть в вашем девичьем общежитии.

— Ладно, я там встречу и провожу к больной, — она впервые улыбнулась, отчего показалась сразу совсем молоденькой. Впрочем, ей и было чуть более двадцати.

Через полчаса дежурный врач, прихватив большую медицинскую сумку, входил в девичий модуль. Раньше здесь быть не доводилось. На входе его ждала Люба, проводила в нужную

комнату. Первая вошла в дверь, громко объявив: «Встречайте доктора!» Пропустила старшего лейтенанта вперед, представила: «Наш хирург, Невский Александр». Сама тихонько шепнула, что будет в соседней, 10-й комнате. Быстро вышла за дверь. В комнате было пять кроватей, на которых в разных позах лежали и сидели молодые женщины. По две кровати стояли в ряд напротив друг друга у стен, одна — у окна. Большой круглый стол разместился в центре комнаты. Тихо играл магнитофон, что-то из восточных мелодий.

Высокая темноволосая женщина быстро поднялась:

— Девчонки, не будем мешать доктору Пилюлькину, пошли!

Сама первая вышла в коридор, за ней последовали еще двое. Одна продолжала лежать, повернувшись к стене, видимо, спала. На крайней к двери кровати осталась еще, она тут же отозвалась:

— Это я, болящая. Проходите, не стесняйтесь. Вас тут никто не укусит, — она гостеприимно указала рукой.

Невский внимательно присмотрелся. Невольный возглас вырвался у него:

— Это вы, Уткашея?!

— Я. Вообще-то меня зовут Марина.

3

Медики Отдельной Кандагарской Медицинской роты никогда не жаловались на питание — у них был свой отдельный ПХД (пункт хозяйственного довольствия). Умелые повара готовили для всех больных-раненых и для сотрудников подразделения. Они готовили даже диетическое питание для нуждающихся. Большое подспорье в этом деле составлял небольшой огородик, где выращивали лук, чеснок, укроп, помидоры, редиску и прочие овощи. Огород — это была особая гордость командира хозяйственного взвода прапорщика Василия Мохначука. Казалось, он был готов пропадать там круглые сутки, заботливо ухаживая за урожаем. Другой гордостью его был бассейн, довольно приличного размера: 5на 3 м, глубиной почти 2 м. Его сделали своими руками еще год назад. Не было большей радости, чем в самое жаркое время поплескаться в прохладной воде. Порой туда набивалось сразу по 10–15 человек. Воду в бассейне меняли ежедневно, иногда и по два раза. Специальная машина — водовозка ездила на арык, старшина Медроты прапорщик Афонин Александр считал это своей важнейшей обязанностью, с гордостью выполняя роль старшего машины. Действительно, бассейн полюбили все. А сливаемая из бассейна вода по

специально прорытым каналам поступала в накопитель, а оттуда растекалась по всему огороду, питая живительной влагой грядки. Голь на выдумки хитра! А еще у них был собственный «пруд» — огромная металлическая цистерна со срезанным верхом, вкопанная в землю. Там плавали в огромном количестве «золотые рыбки»- большие китайские красные караси, которых периодически отлавливали и готовили из них уху.

В первый же день своего приезда Невскому показали, как надо радоваться жизни на земле Афганистана: ребята-хирурги перед обедом вылили на себя по ведру холодной воды из бассейна (раздевшись до плавок), затем прошли в палатку, перекусили, сходили покормить карасей, а потом вновь пошли к бассейну, чтобы уже поплавать вдоволь. Это было счастье! И никакая шестидесятиградусная жара не страшна. Так можно служить!

Но, с некоторых пор, в бассейн зачастили руководители Кандагарской бригады: комбриг, начальник штаба, начальник политотдела и другие высокопоставленные офицеры. Иногда и медикам поставленный часовой давал «от ворот-поворот», мол, «не велено пущать — баре отдыхают». Бывало, до уха долетал и радостный женский смех из бассейна. Ну, а вскоре последовало и величайшее распоряжение — запретить медикам питаться при своем ПХД, обязаны ходить теперь в офицерскую столовую, а рядовой и сержантский состав — в общую столовую со всеми солдатами. Пришлось подчиниться. Правда, дежурный врач имел право «покормиться» на старом месте, а с ним один — два (три) медика. Но, чтобы не подводить прапорщика Мохначука, старались этим не злоупотреблять. Пару недель Невский успел еще пожить по-старому. Позже пришлось «осваивать» общий пункт питания.

Поначалу было очень тяжело- чудовищная жара в столовой, горячие блюда первого и второго, даже компота. Обычно делали так: быстро съедали обжигающий суп, «ковыряли» слегка ложкой второе, а далее молниеносно выпивали компот, чтобы сразу выскочить на улицу — иначе мгновенно становились мокрыми с «головы до ног». Даже на жаркой улице казалось в этот момент прохладнее. В этой атмосфере и работали женщины-официантки. Как они умудрялись выдерживать все это — оставалось загадкой.

Как-то в первых числах августа Невский повел в столовую новичка — только прибыл начальник операционно-перевязочного отделения капитан Зыков Александр. С ними пошел и прапорщик Тамару, начальник аптеки. Уселись за один столик, чуть позже на свободное место подсел и капитан-танкист. Почти сразу у столика возникла фигура официантки:

— Так, мальчики, всем нести полный набор? Спрашиваю, потому что иногда от первого или второго отказываются.

Все кивнули головами — весь комплекс. Зыков хотел уточнить, какие блюда предлагаются, но официантка уже «упорхнула». Впрочем, новичку объяснили популярно, чтобы «не раскатывал особо губы» — все едят одинаковое.

Быстро появилась их официантка, удерживая на подносе невероятное количество тарелок, быстро расставила и помчалась дальше.

Приступили к обжигающим щам. Невский погонял по тарелке кусочек мяса — это оказался кусочек шеи птицы. Бросил взгляд в тарелку соседа справа, слева, напротив. Удивительное дело — у всех в тарелке были эти кусочки шеи. Даже оглянулся на соседние столики. Чудеса! И в их тарелках присутствовали только эти части птицы. Сказал о своем наблюдении товарищам. Зыков живо откликнулся на это «открытие»:

— Это, каких размеров шея у этой курицы, если во всех тарелках только эти кусочки! Надо нашу официантку позвать.

Он тут же остановил пробегающую мимо их официантку.

— Что-то не так, мальчики? — Живо поинтересовалась она.

— Мы дико извиняемся, — начал Зыков. — Но как вас зовут?

— Меня не зовут, я прихожу сама, — «отбрила» она капитана и уже собралась бежать дальше.

— Постойте, разрешите наш спор: вот Сашка утверждает, что у этой курицы шея с полметра длиной, а я думаю, что гораздо больше. Кто прав?

— Это не курица, а утка.

— Позвольте уточнить, какой породы эта утка, если во всех тарелках присутствуют только кусочки шеи. А где ее, например, ноги или крылья? Это прямо жираф какой-то получается! — Не унимался Зыков.

Официантка весело рассмеялась:

— Ее ноги «ушли», а крылья «улетели». А вообще не задавайте глупых вопросов. Есть кому, кроме вас, ее остальные части съедать. Ешьте свои шеи этой утки.

— Я понял, это специально выведенная порода для Афгана! Называется уткашея! — радостно подскочил за столом Невский.

— Пусть так и будет! Извините, мне надо работать, сейчас вам компот принесу.

— Но все-таки, как к вам обращаться? Вдруг понадобиться вас найти.

— Вот и зовите Уткашеей. Мне название понравилось. Так и буду для вас именоваться, — она подмигнула всем сразу и быстро ушла.

Компот офицеры пили уже на ходу, взяв стаканы с подноса Уткашеи.

С тех пор так и повелось. Садиться старались за столики этой официантки, быстро вычислив их. Впрочем, частенько ей приходилось обслуживать и столики отсутствующих подруг. Зыков каждый раз неизменно приветствовал молодую женщину:

— Привет, Уткашея!

Она в ответ всегда улыбалась. Это была очень красивая женщина. Стройная длинноногая фигура, большие зеленые глаза, четко очерченный рисунок припухлых губ, длинные темно-каштановые волосы, которые она во время работы собирала в «конский хвост» и прятала под белую в горошек косынку. Она почти не пользовалась косметикой, в отличие от многих ее подруг, иногда чересчур раскрашенных, как индейцы, вышедшие «на тропу войны». А еще она выделялась своим гордым видом и достоинством. В ней ощущалась большая внутренняя культура, какой-то крепкий стержень внутри. Эта женщина умела «себя подать». В глазах читался богатый духовный мир. Было вообще не ясно, что делает эта «экзотическая бабочка» в этом грубом мире войны.

Еще она любила стихи. Часто их читала наизусть, ставя тарелки с едой на стол перед очередным клиентом. Чаще это были Пушкин, Некрасов или Есенин. Например, протягивая тарелку с гречей, она могла сказать задумчивому офицеру: «Нет: рано чувства в нем остыли; ему наскучил света шум; красавицы не долго были предмет его привычных дум». Она никогда не повторялась, видимо, знала наизусть всего «Евгения Онегина». Или, подавая дымящуюся тарелку с супом, она говорила офицеру: «Славная осень! Здоровый, ядреный воздух усталые силы бодрит; лед неокрепший на речке студеной, словно как тающий сахар лежит». И в этой жаре эти строки Некрасова, казалось, освежали, будя воспоминания далекой родины. Есенин шел «на ура», стоило ей сказать, например, «Белая береза под моим окном», — как уже кто-то подхватывал: «Принакрылась снегом, точно серебром».

Впрочем, многие офицеры не обращали внимания на стихи, кому-то это нравилось, кто-то пытался отгадать автора, чаще ошибаясь, а некоторые вообще тайком крутили пальцем у виска. Что, мол, возьмешь с «ушибленной»?

Как-то Невскому она сказала: «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды…» Он сразу подхватил, узнав своего любимого поэта Лермонтова: «Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?.. А годы проходят — все лучшие годы!» Это — Михаил Юрьевич».

— Браво, доктор! Вы знаете поэзию. Это отрадно, — и

помчалась дальше с подносом тарелок.

Даже опытные ловеласы («Что ты, дорогой! Бабы бояться?!») остерегались приставать к ней с назойливыми ухаживаниями, боясь встретить достойный отпор — она была очень «остра на язык». Тем более не рисковали хватать за «мягкие места», как это делали с другими девушками.

Такое общение медиков с Уткашеей продолжалось уже более двух месяцев. Кажется, она даже запомнила Зыкова и Невского. При встрече, по крайней мере, приветливо улыбалась.

4

— Очень приятно, Марина. Теперь я, по крайней мере, знаю ваше имя. — Невский прошел к столу, поставил на него тяжелую медицинскую сумку, сел на табурет.

Честно говоря, офицер был немного смущен — никак не ожидал, что его пациенткой станет именно эта женщина. Не зная, с чего начать, стал рассматривать большого пушистого рыжего кота, который лежал в ногах Марины поверх одеяла.

— Как зовут красавца? Откуда он у вас?

— Это Маркиз, мой преданный рыцарь и защитник. Он меня в обиду не дает. Более полугода у меня. Знакомый офицер еще котенком привез из рейда. Представляете, нашел его в разрушенном кишлаке у горящего дома. Тот ходил, не спеша, среди огня и дыма, а кругом пули свистят, снаряды рвутся неподалеку. Ничего не боится! Настоящий «бойцовый» кот.

Невского осенило (в голове сложились отдельные детали: кот — «рыжая бестия», официантка Марина), он поспешил уточнить:

— А это не ваш кот покусал примерно полтора месяца назад одного майора? Он у нас почти месяц пролежал, куча болезней обострилась.

— Он самый. Так этому нахалу и надо — не будет ко мне приставать. Бог шельму метит. А бедненькому Маркизу тоже досталось, но он не отступил. Говорю вам, он — боец!

Марина села на кровати, погладила кота. Невский тоже протянул руку, но тут же отдернул — кот угрожающе зашипел.

— Однако — характер!

Врач почувствовал себя увереннее. Можно было приступать к основной цели визита. Александр достал толстый журнал «Вызовы дежурного врача». Поставил дату — 15 октября 1982года. В графе «паспортные данные» приготовился записать:

— Марина, назовите вашу фамилию и год рождения.

— Голенькая, 1955 года рождения. Да, уже старая.

— Я же серьезно вас спрашиваю. К чему эти шутки! И что значит «старая»?! Я вот тоже этого года, но не считаю себя старым.

Женщина молча открыла свою тумбочку, покопалась в ней, затем протянула темно-синюю книжечку с гербом и надписью: «СССР. Служебный паспорт». Точно такой же был у Невского и у всех, кто пересекал границу страны. Открыл, прочел. Действительно, Голенькая Марина Станиславовна. Родилась 7 ноября 1955года в Ярославле.

— Удостоверились? Только правильно ударение в фамилии надо на втором слоге ставить, но все говорят иначе. Я уже сама привыкла. Украинская фамилия, от папаши досталась. Так и живем с мамой «Голенькими». А что касается возраста, то у нас с вами разные представления. Для мужчин это и ничего, а вот для нас, женщин, двадцать семь…

Невский записал ее данные в журнал. Чтобы сгладить неловкость, он спросил:

— А каково это иметь день рождения в большой общий праздник? Всегда задумывался об этом.

— А ничего хорошего! Я всегда не любила поэтому свой день рождения. В школе надо было обязательно на демонстрации ходить классом. Это пешком по всему городу тащиться туда и обратно, транспорт не ходит. Тоже и позднее в институте. Домой приходишь еле живая, уже не до дня рождения. Работать стала — снова эти демонстрации. Жуть, одним словом.

Покончив с формальностями, Невский приступил, наконец, к своей работе.

— Что вас беспокоит?

— Извините за столь интимные подробности, доктор. Стал болеть живот еще четыре дня назад, потом появился понос. Два дня промучилась, но сегодня пока не было. Девчонки говорят, что это дизентерия. Правда?

— Разберемся, — буркнул врач.

Он попросил приготовить для осмотра живот. Марина сняла под одеялом цветастый халат, осталась в футболке и плавках. Молча легла на спину.

Невский присел на краешек кровати, посчитал пульс — частит. Осмотрел язык, даже кратко пощупал пальцем — сухой, обложен. Осторожно прощупал живот по часовой стрелке — ощутил небольшое сопротивление справа. Впрочем, под рукой ощущались и «хлюпанья» по всему животу. Проверил симптомы «раздражения брюшины», для чего попросил повернуться на левый бок, лицом к нему. Как и думал, теперь боль в животе усилилась. Наконец, провел симптом «рубашки» — по сильно

натянутой на живот рубашке (в данном случае- футболке) провел быстрые движения рукой сверху вниз. Так и есть — справа боль усилилась. Провел еще ряд приемов, позволяющих разобраться с болезнью. Он уже окончательно справился со своим смущением, действовал уверенно и профессионально. Это передалось и Марине. Она послушно выполняла все команды, уже не прикрываясь до подбородка одеялом. Измерили температуру — 37,4. Повышена.

Все говорило о приступе аппендицита, но этот «бурлящий живот» и понос… Он смазывал всю картину. Невский в задумчивости снова и снова прощупывал мягкий живот, невольно разглядывая рисунок на плавочках, наконец, прочел название «Friday»(«Это и есть «Неделька», — догадался он. — Точно, ведь сегодня этот день»).

— Ну, что, доктор, скажите? Вы как-то застыли на месте, — вернула его к действительности Голенькая. — Похоже на дизентерию?

— Не очень похоже. Требуются уточнения. Расскажите поподробнее о начале болезни. Что появилось вначале: боль или понос? Это очень важно. И сами ничем не лечились?

Выяснилось, что сначала сильно стал болеть живот, была даже рвота. Подруга по комнате дала ей обезболивающие таблетки («Привезла из Союза целую коробку лекарств, всех сама лечит — у ней мать медсестра в поликлинике, считает, и она все знает. Давала пару раз дорогущий индийский баралгин»). Действительно, боль в животе уменьшилась. А на следующий день подружка предложила «закрепить результат» и сделала очистительную клизму с отваром ромашки. Потом еще и еще. Тут и начался понос на два дня. Все стало теперь понятно. Это подруга оказала ей «медвежью услугу», вся картина аппендицита и смазалась. Доктор объяснил Марине свои подозрения, объяснив, что теперь можно установить истину только одним путем — надо еще измерить температуру per rectum (пер ректум, т. е. в прямой кишке). Если температура окажется выше на один градус, то требуется срочная операция.

Марина выразила категорический протест:

— Еще чего не хватало! Что это за извращения?! Никогда не слышала ничего подобного! Доктор, вы забываетесь! — Она даже раскраснелась от возмущения.

— Маринка, он дело говорит! Моя мать работает медсестрой в хирургии. Она мне как-то рассказывала о таком приеме у опытных хирургов. Очень помогает разрешить сомнения. Так что не волнуйся. Это не извращение нашего доктора! Соглашайся без боязни.

Невский и Голенькая одновременно вздрогнули от неожиданности. Говорила с кровати напротив другая молодая женщина. Оказывается, она и не спала. Уже лежала на боку и смотрела на них.

— А вы разве не спите? — не нашел ничего умнее спросить доктор.

— Когда вы пришли, я дремала. А потом, думаю, не буду выходить. «Подстрахую» вас от злых языков. Чтобы наши «кумушки» потом не болтали лишнего. Знаете, как иногда бывает…

Марина задумалась не надолго. Потом обреченно произнесла: «Хорошо» и завозилась под одеялом.

— Готово? — спросил доктор. Та кивнула. — Теперь поворачивайтесь на правый бок лицом к стене, ноги подтяните к груди. Вы должны лечь «калачиком».

Пациентка снова кивнула и легла, как просили. Слегка смазав кончик градусника вазелином из медицинской сумки, Невский осторожно приподнял одеяло, быстро вставил градусник и поспешно опустил одеяло. Прошел и сел у стола.

— Хороша Маринка? — шепотом спросила его соседка по комнате и подмигнула, улыбнувшись.

Доктор густо покраснел, не зная, что сказать. Наконец, чтобы разрядить повисшую тишину, спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— У вас здесь все живут из столовой?

— Нет, — кратко ответила Марина.

— Да, у нас настоящая интернациональная сборная и по национальностям и по местам работы. Я вот, Рептух Олеся, белоруска, — она протянула для знакомства свою руку. Невский слабо пожал мягкую ладошку. — Работаю здесь в библиотеке. Вас даже запомнила — часто книги берете. Сама в детстве начиталась книг Майн Рида, Фенимора Купера, Вальтера Скотта. Вот и приехала сюда за романтикой.

— Ну, и как теперь?

— Романтики, конечно, поубавилось. Это не та жизнь, которую любимые писатели описывали. Грязь, пыль, жара, мухи, мыши, скученность большая, болезни разные, отсутствие элементарных удобств (туалет за 100–150 м от дома). Редко удается нормально помыться. Какая уж тут романтика. Но свою работу я люблю, а читателей всегда много бывает. Некоторые, правда, только приходят посидеть, подшивки газет полистать, языком с нами потрепать (нас ведь двое там работают). Но,

главное, я чувствую, что нужна здесь. И это не пустые слова. Всегда считала, что самое страшное ощущение — твоей ненужности. Тебя не надо, а ты есть…В Союзе все время приходилось доказывать свою нужность. Слава Богу, здесь этого нет. Тем и живу.

Еще у нас в комнате живет украинка Маринка. Спиной к нам сейчас лежит. Она приехала сюда искать мужа и отца для своей маленькой дочери.

— Что ты несешь?! — почти подскочила на кровати больная.

— Ладно кричать-то! Ты мне сама об этом говорила. Забыла уже?

— Трепло! Я тебе по секрету говорила, как со своей, а ты…

— Да, это тоже свой человек! Правда, доктор? Он нас не выдаст. Я ему верю. Точно?

Невский поддакнул. Почувствовал ответственность за доверенную тайну.

— Далее, на кровати у окна у нас живет молдаванка, Софья Стати. Она певица. Разъезжает в своем агитационно-пропагандистском отряде по уездам провинции, выезжала и в соседние провинции. Рассказывают местным о новой счастливой жизни. Софья поет песни на разных языках, даже на дари и пушту знает. Но больше поет советских песен, особенно из репертуара Аллы Пугачевой, ее так между собой все и зовут — Пугачева. Хорошо поет, правда! Дома своим родителям наврала, что едет в ГСВГ служить, так и сочиняем вместе ее письма о житье в Германии. Очень идейная. Верит в победу революции в Афганистане. Хочет встретить «принца на белом коне». Пока не удалось.

Следующая у нас, — Олеся показала на очередную пустую кровать, — таджичка Джумагуль Шайхи. Она переводчица при политотделе Бригады. Окончила университет в Душанбе. Ей предложили поехать к родным братьям и сестрам в Афганистан. С радостью согласилась. Тоже ездит в этом агитотряде, чаще с Софьей вместе. Считает своим оружием слово. Очень переживает за местных афганцев. А ведь опасное это дело — ездить в этих отрядах: и обстреливают их, и на мины наскакивают. Всякое бывает. Я так за них всегда волнуюсь. Слава Богу, все в порядке. А Джумагуль уже дала согласие остаться в Афгане на второй срок. Сумасшедшая!

Наконец, на последней кровати у нас спит Эмма Олевсон, латышка, из самой Риги. Она продавец в военторге. Она и лечила нашу бедную Маринку (лечила-лечила и залечила). Не скрывает своей цели — приехала побольше денег заработать. Тоже хорошее дело. Но у ней это слишком откровенно. Так просто нельзя жить.

Нельзя все в жизни делать только ради денег. Да и не делают деньги человека счастливым. Правда, действуют успокаивающе…

— А русские у вас есть? — Подал голос Невский.

— В соседних комнатах. Вон Любка Канашевич, ваша медсестра. Тоже приехала «за принцем». Ее сейчас «охаживает» ваш анестезиолог Володька. Но ведь он женат, а к тому же, говорят, у него «не все дома». Все ей стихи и поэмы читает. Она каждый раз к нам прибегает советоваться — что делать? Я ей прямо сказала — надо решительно «послать» его раз и навсегда. Все жалеет его. А жалость в этом деле не уместна. Да, доктор, разболтала я вам все наши женские тайны. Не обессудьте…

— Значит, подводя итог, можно считать, что многие приехали в поисках личного счастья?

— Не без этого. Считайте так…

— Але! Обо мне кто-нибудь вспомнит? Я так и буду теперь до конца дней своих с градусником в заднице жить?!

Невский кинулся к больной. Черт, так не удобно! Он действительно заслушался Олесю, забыв о времени. Достал градусник, заботливо укрыв больную. Да, худшие опасения подтвердились- 38,6. Это признак надвигающейся катастрофы в животе. Срочно нужна операция по жизненным показаниям! Все это, стараясь быть спокойным, он и объяснил Марине.

— А кто будет оперировать и где?

— Лучше всего отправить вас в госпиталь. Но время уже позднее, надо запрашивать у оперативного дежурного для сопровождения БТР. На это уйдет не мало времени, которого у нас нет. Аппендицит у вас уже в осложненной форме, может лопнуть в любой момент. Это будет очень плохо. У нас тоже можно оперировать. Есть опытный начальник отделения, есть и ведущий хирург (он, правда, сейчас на выезде), есть и старший ординатор, наконец, есть и я, ординатор отделения. Оперировать в любом случае будет двое хирургов. Решайтесь. Нужно ваше согласие на операцию.

— Ладно. Я хочу, чтобы меня вы оперировали.

— Хорошо. Я попрошу кого-нибудь ассистировать мне. Сейчас я пришлю сюда санитаров с носилками. Вам лежать! Ничего, донесут, здесь не так далеко, метров сто всего. Олеся, поможете ей собрать необходимое. А я сейчас еще попрошу Любу Канашевич позвать операционную сестру.

Подхватив медицинскую сумку, Невский выбежал в коридор. Постучал в соседнюю комнату. Тотчас на пороге выросла Люба, словно ждала. Он передал ей просьбу — из жилой комнаты в приемном отделении позвать в стационар операционную сестру Татьяну. Канашевич бегом помчалась за подругой.

В стационаре хирург сразу отправил двух щуплых санитаров из числа выздоравливающих в девичий модуль. Дожевывая на бегу хлеб (только вернулись с ужина), ребята, подхватив носилки, исчезли за дверями.

В ординаторской Невский, к счастью, нашел и Зыкова, и Сергеева — заполняли «Истории болезни». Коротко обрисовав ситуацию, попросил старшего ординатора Николая помочь ему с операцией. Тот молча кивнул. Начальник отделения вызвался подстраховать: «Буду здесь. В случае чего — зовите». Согласился он и исполнять пока обязанности дежурного врача за Невского.

В дверь заглянула операционная сестра Татьяна. Ей поставили задачу. Она так же лишь молча кивнула головой. Невский поставил задачу и дежурной сестре — как принесут больную, то все подготовить с ней: побрить, переодеть в больничное, провести премедикацию (ввести обезболивающие наркотические препараты) и т. д.

Отделение «забурлило». Много людей сразу включилось в подготовку к предстоящему спасению человеческой жизни. Этот этап в операционно-перевязочном отделении был давно отработан до мелочей.

Хирурги отправились мыть руки — довольно долгий процесс. Оперировать придется под местным обезболиванием — нет возможности пользоваться услугами заболевшего анестезиолога (психический «сбой»), чтобы дать общий наркоз. Ничего, должны справиться. В крайнем случае, воспользуются кратковременным внутривенным наркозом дефицитным кеталаром (редко позволяли себе пользоваться этим дорогущим трофейным препаратом).

Вошли друг за другом в недавно отремонтированный операционный блок. Все блестело белой краской. После пожара пришлось долго повозиться, восстанавливая разрушенное. Слава Богу, теперь все это позади.

Татьяна заканчивала уже раскладывать инструменты на столике операционной сестры. Это была очень опытная работница. Хирурги буквально готовы были молиться на нее. Она понимала с полуслова, иногда и вообще без слов. А порой и ненавязчиво подсказывала растерявшемуся хирургу, что стоит сделать — опыт у нее был огромный. С ней Невский всегда чувствовал себя уверенно.

Хирурги Николай и Александр, накрыв стерильные руки в перчатках стерильными же салфетками, встали в сторонке. Все было готово. Ждали больную.

Буквально через пять минут санитары вкатили каталку с Мариной. За ними вошла и дежурная сестра Надежда.

— Ой, парни, а я же почти голая. В коротенькой до пупа распашоночке. Что, так и буду лежать?

— Не говорите ерунды, больная, — строго оборвал ее Николай. — Вы в операционной. Какие могут быть стеснения. Кругом вас одни медики. Что мы, бритых лобков не видали? Кстати, хорошо побрили? — обратился он к дежурной сестре.

Надежда успокоила: «Я же знаю, как надо».

Санитары переложили накрытую простыней Марину на операционный стол. Молча удалились. Невский уточнил время у дежурной сестры — 21.10. Можно было начинать.

Сестра переместила нестерильную простынь на бедра. Невский щедро обработал кожу живота йодом, потом спиртом. Вместе с помощником укрыли женщину стерильными простынями, оставив «операционное поле» открытым.

— Ой, а можно, я буду говорить? Мне так легче переносить страх. Я ужасная трусиха, — Марина даже всхлипнула.

— Конечно, говорите, что хотите. Хоть пойте. Это даже лучше — мы будем знать, что у вас все нормально, — Невский заканчивал обкладывать место операции, теперь уже стерильными полотенцами. — Сейчас будет укольчик!

— Ай!

— Ничего, это вводится новокаин для обезболивания. Вам же будет лучше. — Он заменил тонюсенькую иглу на огромную и длинную. Теперь уже в обезболенный участок стал «закачивать» новокаин. Марина молчала. — Что же вы? Хотели говорить.

— Я вам прочитаю отрывок из повести Заболоцкого. Он так здорово описывает осень. Мне не хватает здесь родной природы. Это такая красивая пора! «Октябрь целиком осенний месяц. Осыпается увядшая червонная листва. В лесу средь золотой пади лиственный дух крепок, прян. Но с середины октября воздух становится холоднее. Не видать больше скворцов и грачей. А в среднерусских лесах объявились северные кочевники — снегири и свиристели. Держатся на рябинах, лакомятся спелыми плодами. Бодрствующие звери одеваются в теплый мех. Свет убывает. Рано опускаются сумерки. Ночи пока безморозные, и предутренняя свежесть еще не покрывает лужи молодым ледком. Скоро зачередит дождь со снегом, и не миновать времени, когда целиком оправдается народная поговорка: «В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, ревет, сверху льет и снизу метет». Правда, здорово? Здесь тоже середина октября, а мы что видим? А вы что, ничего не делаете — я ничего не чувствую?

— Вот и хорошо! Значит, обезболили надежно. Это вы здорово рассказываете. Молодец! — Невский принял из рук Татьяны скальпель. — Продолжайте рассказывать.

— О чем?

— Расскажите, как такие официантки, знающие наизусть целые куски произведений, попадают в Афганистан, — включился в разговор и Сергеев, не менее удивленный процитированному отрывку.

— Я ведь не всегда была официанткой. В прошлом я работала учителем русского языка и литературы в школе.

Все вокруг операционного стола невольно замерли. Вот это поворот судьбы!

7

Я родилась в Ярославле в интеллигентной семье: отец — музыкант, играл на скрипке в оркестре филармонии, мама — учитель истории в школе. Росла в атмосфере любви, ни в чем не испытывала недостатка — родители меня даже баловали. Но в мои пять лет отец ушел к другой женщине, бросил нас с мамой, променял на какую-то «мымру» (я видела ее потом). Мама сделала все, чтобы я выросла в достатке. В раннем детстве я пристрастилась к чтению, у нас была огромная библиотека — еще от родителей мамы досталась. Мама тоже мне часто читала, особенно книги по истории. Вообще, история в нашей семье занимала привилегированное место. Позже, учась в школе, я продолжала «поглощать» книги в огромном количестве. Должна сказать, что книги — это то, что спасало и спасает меня всю жизнь от одиночества. Конечно, у меня были школьные подруги, но я все же чаще предпочитала читать, чем гулять.

Школу я закончила с золотой медалью. Вопрос с поступлением в ВУЗ дома даже не обсуждался, я легко стала студенткой филологического факультета пединститута. Решили с мамой, что двое историков под одной крышей — это перебор, поэтому я выбрала другой факультет. Это была золотая пора! Я с головой окунулась в студенчество. Училась с удовольствием, шла на «красный диплом», успевала и стихи писать в институтскую многотиражку, и спортом занялась всерьез, даже играла в волейбол за сборную факультета, пела в студенческом ансамбле, еще и танцами увлеклась, ездила в стройотряды. Одним словом, «жила полной грудью».

Беда случилась в конце третьего курса — я влюбилась.

— Какая же это беда — это подарок судьбы, — подала

впервые голос Татьяна, протягивая хирургу очередной зажим.

— Увы, для меня это обернулось бедой. Я совершенно не знала людей, была так наивна. Он «подвалил» ко мне во время институтского праздника, говорил красивые слова о своих чувствах. Оказалось, он тоже на нашем факультете, на курс меня старше. Сбегала к нему на свидание два-три раза, а потом подали заявление в ЗАГС. Мама меня отговаривала от такой поспешности. Что вы, я же уже сама взрослая! В августе нас расписали, мне не было тогда и двадцати одного года. Свадьбы как таковой не было, я даже не одевала свадебной фаты (а так мечтала), это Ромка, жених, не захотел. Мол, нечего деньгами сорить. Посидели в кафе в тот день с мамой и с одной моей подругой-свидетельницей, да с его стороны был свидетель. Вот и вся свадьба. Мне бы тогда надо было уже задуматься. Но я была дура-дурой.

Он сразу переехал к нам с мамой в квартиру. Мы его вдвоем обстирывали, обглаживали и обштопывали, поили-кормили. Буквально, «пылинки сдували» с него. А он жил, как барин. В конце года я поняла, что забеременела. Тут он и показал свое истинное лицо — орал на меня, как на «врага народа». Требовал избавиться от ребенка, мол, это помешает его карьере. Врач мне отсоветовала это делать — все-таки первая беременность. После этого мы с ним почти не разговаривали. Он заканчивал последний курс, писал диплом. А после защиты заявил, что подает на развод. Он должен ехать по распределению в другой город, будет «делать карьеру», а жена (тем более ребенок) — будут только мешать. В общем, оказался порядочной сволочью. Странно, но нас так быстро развели (он обвинил меня во всех смертных грехах, оговорил, скотина!), и это на восьмом месяце беременности…

— Вот, гад! — вновь подала голос Татьяна. Она напряженно следила за ходом операции, но и слушала, оказывается, очень внимательно. А Невский слушал, как радиопостановку театра, выполняя операцию этап за этапом. Изредка голос Марины перемежался с краткими репликами хирургов: зажим — тампон — не вижу — подними, Коля, повыше — шьем — сушить — иглу другую — кетгут. Уже пару раз в дверь операционной заглядывал Зыков, его успокаивали, мол, все нормально, — голова в марлевой повязке исчезала.

Марина между тем продолжала говорить:

— Ромка исчез из моей жизни навсегда. Я еле-еле смогла сдать экзамены за четвертый курс. Тут и роды подошли. Ребенок родился мертвым — пуповина обвила ему шею, он словно сам «повесился». Странно, но я даже не горевала. Скорее, приняла это

как должное. Правда, после этого стала много болеть. Не могла уже учиться на одни пятерки. О «красном дипломе» теперь уже не приходилось думать, как и о месте на кафедре иностранной литературы, как планировалось ранее. Но я все-таки училась, «сжала себя в комок». Институт я закончила летом 78-го. Поехала сразу по распределению в городок Углич, это в нашей же Ярославской области. Красивые места. Великая река Волга. От школы мне выделили жилье в частном секторе на краю городка. Все ничего, но страшно было поздно вечером возвращаться по темным улицам домой в покосившуюся избушку, которую приходилось отапливать дровами самой. Но я трудностей не боялась. Окунулась с головой в работу.

Преподавала я в 7–8 классах русский и литературу. К сожалению, не смогла найти общий язык со школьниками. Я очень любила свой предмет, хотела и от них добиться этой любви. Пропадала в школе все две смены — с утра до вечера. Еще и факультатив по литературе создала. Переусердствовала, наверное. Хотела побольше своих знаний им передать. На родительском собрании на меня вскоре набросились многие родители, мол, житья нет от моих предметов, дети жалуются. Поссорилась я тогда с некоторыми из них, чьи дети — настоящие «оболтусы». Еще и эта моя фамилия… Знаете, как меня мои школьнички прозвали? Обнаженная маха. Остроумно, правда. Так и началась у меня с ними «холодная война».

Поздней осенью, когда вечера стали особенно темными, повадился меня до дома провожать мой коллега по школе, учитель физики. Все мне звезды на небе показывал (он и астрономию преподавал). Я к нему относилась совершенно равнодушно, но была рада — теперь домой не страшно ходить. А однажды он остался у меня ночевать, потом еще и еще. Тяжело мне тогда было, хотелось хоть кому-нибудь положить на грудь голову, выплакаться. Однако жизнь меня ничему не научила. К новому году я снова забеременела. Сказала своему «благоверному». Он насмерть перепугался. Оказывается, он женатым был, это он всех новеньких так «обхаживал», козел! Мне потом коллеги- учителя на него глаза открыли. Предостерегли задним числом, что называется. О проделках этого бабника жена хорошо знала, но терпела. Он требовал от меня аборта. Я наотрез отказалась. Решила — во что бы то ни стало рожу и выращу ребеночка, пусть будет хоть в этом мое счастье. Приходила и его жена. Угрожала мне, даже окна обещала в доме перебить. Я не уступила. А этот физик даже со страха чуть не уволился с работы. Я заверила, что никаких претензий к нему от меня не будет. На том и расстались. Свой рабочий год я доработала нормально. А

там и в декрет к лету пошла.

Вскоре мама ко мне приехала, она ведь тоже учитель, отпуска всегда летом, большие. Она меня и в роддом отвезла, она и забирала меня. Родила я 27 июля свою Машеньку, кровиночку мою ненаглядную. Не могли мы с мамой нарадоваться на нашу девочку. Ради нее мама даже решила пойти на пенсию, как раз срок подошел. Хотела, чтобы я продолжила работу в школе, а она с внучкой будет первый год нянчиться.

В первых числах сентября (учебный год уже начался) вышла я на работу. В тот же день меня пригласила в кабинет директор, потребовала в категоричной форме моего увольнения по собственному желанию. Мол, не хочет она иметь скандалов с Гороно (городской отдел народного образования). Родила от женатого человека, чуть не разбила образцовой семьи, «змеей» вползла в кровать порядочного мужчины. Какой пример подает своим школьникам! А школьники уже и смеются по школе, обсуждают, как «обнаженная маха в подоле принесла». Написала я тогда молча заявление и покинула эту школу. Спустя несколько дней мы с мамой и с доченькой вернулись в Ярославль.

— А почему вы не оставили фамилию мужа, если эта не очень подходила для школы? — включился в разговор Сергеев, удерживая петли кишок, пока Невский подбирался к аппендиксу.

— У него фамилия была не лучше. Филькинштейн Рома. Я решила после развода вернуть себе девичью фамилию. Пусть лучше оставаться Голенькой, чем… На ту фамилию, думаю, еще бы лучше прозвище нашлось. Кстати, у физика фамилия вообще была Козлик. Вот уж точно!.. Ой-ой-ой! Вы что там мои кишки тянете? Больно мне!

— Потерпите, Марина! Сейчас еще добавлю новокаин. Очень трудно подобраться к вашему червеобразному отростку. Он весь окружен спайками, столько дней воспаление здесь шло. — Невский, действительно, проводил ювелирную работу, выделяя огромный, темно-красного цвета, распухший, готовый вот-вот лопнуть аппендикс.

— Ой, мамочки, я сейчас умру!

— Не умрете, мы вам не дадим это сделать, тем более что вы еще не дорассказали историю своей жизни.

— Подчиняюсь, доктор!

Мама так и осталась на пенсии, водилась с внучкой. А я пошла на работу. В школу уже не захотела — да и кто меня возьмет, я ведь даже не доработала положенных трех лет после выпуска. Ткнула наугад на доске объявлений на улице «Требуются» пальцем в третье снизу. Отправилась на завод. Окончила быстрые курсы, стала работать в цехе на кране. Были и

свои плюсы: получка у крановщицы была на много больше, чем у учителя. Коллектив, правда, в основном мужской, суровый, грубый. Но я уже опытная женщина. Научилась отшивать с одного слова. Жить с мамой нам стало легче, появились и «лишние» деньги. А через год я от завода место в яслях получила, как мать-одиночка. Мама там же устроилась нянечкой — все с внучкой была поближе. Выручали меня, как и раньше, книги. Читала, учила многое наизусть, чтобы окончательно не огрубеть на своей работе. Тем и выжила, не «обабилась».

— Татьяна, салфетку большую! — Невский поспешно обернул выделенный, наконец, воспаленный отросток. — Коля, подержи осторожно, не дай Бог лопнет, а я накладываю кисетный шов на слепую кишку. Будем удалять лишнее у нашей Марины. Этот аппендикс давно уже просится в банку.

Хирург подготовил специальный «погружной» кисетный шов, отсек острым скальпелем отросток, обработал «культю» йодом и плавно утопил ее в слепой кишке, завязав, кисетный шов. Самое сложное было позади. Ассистент положил аппендикс в протянутую операционной сестрой стерильную баночку. Тут он и лопнул на глазах всех. Это было чудо. Они успели так вовремя!

— Все, Мариночка, вы теперь будете весить гораздо легче. Мы убрали вашу «бяку». Все получилось! Вы родились в рубашке, ей Богу! Вас ждет еще счастливая жизнь впереди! — Невский откровенно радовался. Еще немного промедления, и живот наполнился бы гноем. — Продолжайте вашу исповедь. Поверьте, мы все вас слушаем. Все, зашиваемся послойно, — бросил он уже Татьяне.

— Ладно, я уже заканчиваю. Мне так хотелось семейного счастья, хотелось найти отца для дочки. А на заводе, увы, не было кандидатов. Два года на заводе пролетели не заметно. В конце лета 81-го я случайно встретила подругу по школе. Она приехала в отпуск из Афганистана, работала там официанткой. Рассказывала настоящие сказки о чудесной жизни за границей. Одним словом, она меня и уговорила ехать сюда. Я уволилась с завода, уже приличные деньги на книжке накопила. Все это маме оставила. Вместе с подругой ходили по кабинетам в военкомате. Меня даже офицер один сам отговаривал ехать. Но я бросилась, как в омут с головой. В Кабул я, как подруга, не попала. Направили в Кандагар. А мне было все равно. Это ведь было чуть более года назад. А тогда в Союзе ничего не писали о войне в этой стране. Я ехала совершенно спокойно, вот и мама за меня не волновалась. Осталась одна со своей внучкой, ждет вот скоро в отпуск меня. Я им ничего об этих трудностях не пишу, зачем расстраивать? Второй год здесь работаю, а своего суженого так и

не встретила. Верю в это все меньше и меньше.

— Да, — отозвался Невский, тщательно сшивая мышцы, — я, когда уезжал в июне в Афганистан, то запомнил последнюю программу «Время»: шел репортаж из этой страны и корреспондент взахлеб рассказывал о ликвидации «последней банды душманов». Он закончил словами: «Над Афганистаном теперь сияет чистое и мирное небо над головой!»

— Ты ехал, хоть говорили о прошлых боевых действиях, а я ехал в декабре 80-го, то даже намека не было на войну в стране. Все хорошо, а солдаты садят деревья и вообще маются от безделья! — вступил в разговор Николай Сергеев, помогая Невскому накладывать швы.

— Шьем кожу, накладываем тонкий косметический шов, но резинку в угол раны все же поставим. Уберем позднее. — Невский обратился к операционной сестре. Та лишь согласно кивнула головой.

— Ну, вот и все! Всем спасибо! — произнес оперирующий хирург, спустя несколько минут.

— Что, уже все? Ой, как я рада, что все позади! А было почти не больно, это я немного преувеличивала от страха, а за разговором и время пролетело не заметно. Куда мне теперь?

— Вас положим в палату реанимации.

— Что, все так плохо?! — тут же испугалась Марина.

— Все хорошо, но больше вас некуда положить, наша единственная палата женская и та сейчас заполнена офицерами. Все-таки дамы у нас редко лечатся. Ничего, полежите пока там, а потом видно будет.

Санитары вкатили каталку, переложили прооперированную и повезли в указанную палату.

8

Невский размылся. Доложил начальнику отделения о результате операции. Опытный Зыков нервничал, даже не пошел домой все эти шестьдесят минут операции, дожидался в ординаторской. Обсудили с ним назначения лекарств для Марины. Только после этого он ушел домой.

Старший лейтенант мысленно прошелся по все этапам операции, записал ее в журнал, а затем в «Историю болезни». Надо бы поесть — без ужина сегодня. Но ничего, позже еще чай в комнате попьет. А пока надо проведать Марину.

В реанимации горел дежурный свет. Женщина лежала в палате одна на ближней к выходу кровати. Она тихо плакала,

размазывая слезы по лицу.

— Что случилось? — изумился хирург.

— Мне страшно! Вдруг швы разойдутся, и я умру. Что будет с моей дочкой?!

Невский сразу успокоился. Заверил молодую женщину, что шил «на совесть» лучшими иглами и лучшими кетгутовыми и шелковыми нитями. Можно поставить ей «знак качества» на животе и еще подписать — «гарантия 3 года!». Марина улыбнулась шутке. Попросила посидеть еще с ней. Александр поискал глазами табуретку, не нашел. Осторожно присел рядом на кровать. Взял руку, посчитал пульс — в пределах нормы. Она перехватила руку своей мягкой, теплой ладошкой, тихонько пожала, так и не отпустила.

— Расскажи, как становятся хирургами в армии. Ты им сразу стал или специально на- учили? — Они не заметно перешли на «ты».

— Нет, что ты. Конечно не сразу. Научить ничему нельзя, можно только научиться. Сам захотел — научишься. А военных врачей готовят на четырех Военно-Медицинских Факультетах страны: Горький, Саратов, Куйбышев, Томск. Туда по желанию отбирают мужчин — студентов (говорят, будут и женщин) после четвертого курса обычного медицинского института. Последующие два года они уже в качестве военных слушателей учатся на пятом и шестом курсе этого Факультета. Я заканчивал в Томске. Туда собирают ребят из мединститутов Сибири, Дальнего Востока и Урала, я ранее учился в Свердловске. Выпускник получает диплом военного врача по специальности — военно-профилактическое дело и направляется служить уже в войска. Есть другой путь: поступить на первый курс в Военно-Медицинскую Академию им. Кирова в Ленинграде и проучиться там все шесть лет. Наконец, некоторых выпускников медицинских институтов призывают на два года в армию офицером (если они получили звание на военной кафедре ранее), а часть из них так и остается потом служить на все 25 лет. А вот уже послужив в войсках, молодой медик может изъявить желание учиться по специальности в Интернатуре в течение полугода. Так и становятся хирургами или терапевтами. В моем случае так и было — закончил Интернатуру по хирургии, предложили далее место в госпитале в Печоре, где я и начал служить с сентября 80-го. Далее оттачиваешь свои навыки в работе. У меня были отличные учителя-хирурги отделения. Назначали и дежурным хирургом, правда, сначала со старшим товарищем, потом доверили самостоятельно дежурить. Так и набирался ума-разума. Хирургия — это ведь навыки, надо «руку набить», чем больше, тем лучше.

— А что, от аппендицита умирают?

— Бывает, если поздно за помощью обращаются. Вот протяни ты до завтра, не знаю, чем бы все закончилось. Был такой известный хирург в стране еще в 70-е, Колесов. Настоящее светило, особенно в области аппендицита, называл его «великий хамелеон», т. к. этот недуг любит под другие маскироваться. Написал известную монографию об аппендиците, она у меня есть, изучил основательно. Именно в ней я и прочитал о необходимости измерять температуру через прямую кишку, это нам здорово помогло, как видишь. Так вот, этот Колесов и умер сам от аппендицита. Не смог у себя определить, поздно спохватился, а коллеги не смогли его спасти.

— Кошмар! Расскажи еще какой-нибудь интересный случай из своей практики.

— Хорошо. — Невский немного подумал. — Это еще в Печоре было, я был дежурным хирургом. Обычно мы в выходные дни дежурим на дому, если надо, дежурный врач госпиталя присылает за тобой машину, при этом пишет предварительный диагноз больного. Приезжает под вечер за мной такая машина, водитель подает бумажечку. Читаю: «Падение с 23-го(!) этажа». И все, больше не слова. Были там в городе такие высокие строящиеся военные объекты. Еду в госпиталь, а сам все думаю — ну, чем я ему могу помочь?! Ожидал увидеть «груду костей». Только «глаза закрыть да руки ему на груди сложить». Захожу в приемное, в комнату дежурного врача. Говорю, где этот «убиенный»? Он показывает на солдатика в рваном бушлате, тот сидит на кушетке, пригорюнился. У меня «глаза на лоб». Спрашиваю: «Ты что ли упал с 23 — го этажа?» — «Я», — говорит. — «Как же ты в живых остался?!» — «А я на 22-ом этаже бушлатом за арматурину зацепился и повис». Достали его быстро оттуда, но командир строительного отряда так перепугался, что велел парня в госпиталь на обследование везти. Сделали мы ему рентген грудной клетки для успокоения. Все нормально. В «рубашке родился». На следующий день мы его и выписали. Сам командир за ним приезжал, долго мне руку тряс. Вот так я вылечил этого парня, — Невский засмеялся.

Марина тоже улыбнулась.

— Ладно, уже поздно! Тебе спасть пора. Был трудный день сегодня. Завтра еще поговорим, — Невский осторожно вытянул свою руку из ее ладошек, поднялся.

— Я красивая?

— Да, красивая, — Александр слегка опешил от вопроса.

— Поцелуй меня, пожалуйста.

Невский наклонился и старательно поцеловал ее в губы.

— Ладно, до завтра!

Быстро вышел из палаты.

9

Утром Невский вместе с Татьяной заменили повязку Марине прямо в палате. Все было нормально, швы спокойные, температура 37,1, это почти норма. Был плановый операционный день, поэтому сразу ушел по делам. Оперировали две грыжи, сначала Невский с Зыковым одного офицера, а потом Голущенко (ведущий хирург Медроты) с Сергеевым — другого. День пролетел в обычных хлопотах.

Марину заглянул проведать только под вечер. Она уже полусидя в постели читала какую-то книгу. Приветливо улыбнулась. Разговор завязался сам собой. Говорили о литературе, об истории. Оба сошлись на мысли о значении Личности для мировой истории. Действительно, есть масса примеров о влиянии одного человека на весь ход развития человечества. Взять хотя бы Александра Македонского. Это один из самых известных и влиятельных людей на земном шаре. В возрасте 25 лет он завоевал 90 % всей известной в то время территории Земли. Александр в течение восьми лет прошел со своей непобедимой армией греков и македонцев 36 тысяч километров и к моменту своей смерти в возрасте 32 лет стоял во главе самой большой на то время империи. Это была эпоха потрясающей красоты и беспредельного насилия, расцвета идеалов и ужасающего предательства.

Или другой исторический персонаж — Чингисхан. У него была самая великая за всю историю человечества империя: она в два раза по размерам превосходила Римскую империю и в четыре раза — империю Александра Македонского. Сыновья Чингисхана, а затем и внуки увеличили империю еще в два раза: вошла Русь, Польша, Венгрия, другие страны (остановились у Австрии, не стали завоевывать всю Европу). Место захоронения Чингисхана до сих пор осталось тайной (уничтожили всех, кто даже готовил могилу). В настоящее время — каждый 200-й человек на Земле несет в себе гены Чингисхана.

Рассказывая, Марина раскраснелась. Было видно, что ей доставляет удовольствие делиться своими знаниями. Помолчали.

— Слушай, давай тебе анекдот еще расскажу. Вспомнила вот. «Вечером жена сообщает мужу:

— Дорогой, не ругайся: сегодня мне не хватило денег, я зашла к тебе на работу, тебя не застала, поэтому взяла из

кармана пиджака пятьсот рублей.

— Ничего страшного, дорогая, я уже месяц работаю в другом отделе».

Посмеялись.

— Давай и я тебе расскажу: «Отец с дочерью разговаривают:

— Доченька, давай покажем, как мы выучили все месяцы в году. Ну!.. Ян..?

— Варь!

— Фев..?

— Раль.

— Ну, давай сама!..

— Арт, Рель, Юнь, Юль, Густ, Ябрь, Ябрь, Ябрь, Абрь».

Марина заразительно рассмеялась

— Ах, где теперь моя доча? Я так скучаю по ней! Мне трудно смеяться. А когда можно вставать?

— Завтра попробуешь — обвяжи полотенцем живот и походи немного.

— А у вас тут весело. Смех слышится, это же здорово!

В палату входили четверо — все подруги по комнате Марины. Они начали выкладывать гостинцы: пакеты с соком, фрукты.

— Доктор, а вы нас будете спасать, как Марину? — Спросила Олеся, подмигивая остальным подругам.

— Непременно. Но лучше в руки хирургам не попадать: обязательно что-нибудь лишнее отрежут. Ладно, развлекайте подругу. Мне пора.

Невский, шутливо откланиваясь, вышел за дверь.

10

Утром следующего дня Невский застал Марину уже на ногах — скрючившись крючком, она еле-еле, но уже ходила по палате. Помог ей лечь в кровать. Пришла Татьяна. Снова сменили повязку, удалили резиновый выпускник из раны. Все хорошо заживало. Это радовало. Марина, взяв обещание, что вечером непременно придет поговорить, отпустила Невского.

Вечером он вновь сидел у ее постели. И они говорили-говорили. Марина рассказывала о своей любимой дочке, 4-й годик уже пошел. Присылает ей рисунки с письмами бабушки. Невский рассказал о своей семье. Его дочери тоже идет 4-й год. Они, перебивая друг друга, рассказывали, какие это славные малышки.

— Знаешь, — призналась Марина, — с тобой интересно говорить. Я так стосковалась по речевой культуре. Хочу слышать

красивую речь, а не мычание, мыкание, экание, пошлость. Спасибо тебе!

В палату ворвался Зыков:

— Привет, Уткашея! Как дела? Вижу, что хорошо. Уже улыбаешься, Сашке зубы заговариваешь! Да, ладно, все нормально.

— А когда швы снимите?

— Вот у Сашки и спрашивай, он тебя резал — мучил. А я пошел. — Он подмигнул Невскому при уходе.

— Если все будет нормально, то через семь дней и снимем, 22 октября. К своему дню рождения, в любом случае, будешь уже бегать. Ладно, тебе пора и на боковую. Пока.

Весь следующий день прошел в обычных хлопотах. Не было времени долго поговорить, на ходу перекинулись парой фраз. Марина уже не только по палате, но и по коридору прохаживалась. Упорная! К ней весь день приходили гости: соседки по комнате, подруги по работе. Часто теперь и медсестры заглядывали к ней «на огонек» чайку попить, «языком почесать». Даже заходил анестезиолог Амурский, «молча походил по палате, молча вышел. Точно, он с приветом! У него такой взгляд!» (делилась она позже впечатлениями с Невским).

Поздно вечером, когда Невский и Зыков (дежурный врач) обсуждали план предстоящей операции у поступившего на лечение офицера, прямо у дверей приемного корпуса остановился БТР. Двое солдат бегом занесли на руках в комнату дежурного врача раненого офицера. Положили его прямо на пол. Офицер истекал кровью — у него было ранение в голову и в ногу, с повреждением артерии бедра. Пуля попала в верхнюю треть бедра, не смогли наложить жгут прямо на паховую область — только давящую повязку, но кровь продолжала пульсировать из раны.

Зыков тут же бросился к раненому, срезал повязку и невероятно ловким движением руки наложил кровоостанавливающий зажим на сосуд прямо в ране. Кровотечение прекратилось. Оставалось только восхищаться его умением.

Выяснили и обстоятельства ранения. Этот, совершенно седой капитан-сапер возвращался с боевого задания по установке минных заграждений. Его БТР сам наскочил на мину недалеко уже у расположения Бригады, потом начался обстрел из автоматов и пулеметов. В момент взрыва капитана сбросило с брони, а БТР, потеряв колесо, помчался дальше. Не сразу заметили падение офицера. Потом два других неповрежденных бронетранспортера вернулись за офицером, который вел бой с

противником. Подобрали его. Он уже был ранен в голову, а когда залезал в люк, то еще одна пуля попала в ногу. Кое-как перевязали рану. Но к счастью, быстро довезли до Медроты, а-то еще бы больше крови потерял.

Требовалось срочное переливание крови. Невский быстро определил группу — третья, резус положительная (BIII Rh+). Тотчас из числа солдат, подчиненных капитана, нашлись доноры с подходящей группой. Взяли у двоих по 400 г. Тут же в комнате дежурного наладили переливание крови раненому. Невский предупредил операционную сестру Татьяну, она побежала готовить все для операции. Оперировать решили втроем: Зыков, Невский, Сергеев — в две бригады по местам ранения. Поручили подготовку и доставку раненого начальнику приемного отделения капитану Васильчикову, а сами побежали готовиться к немедленной операции.

Николай Сергеев оперировал на голове, довольно быстро извлек пулю калибра 7,62, к счастью не пробившей кость, а застрявшей в мягких тканях головы и вызвавшей лишь сотрясение головного мозга. Сложнее пришлось двум другим хирургам. Пуля глубоко проникла в мышцы бедра, раненый к тому времени уже после второй перелитой порции крови пришел в себя, скрипел зубами от боли, но терпел. Решили использовать для обезболивания внутривенный кратковременный наркоз кеталаром. Дежурная сестра ввела лекарство. Раненый моментально «отключился», мышцы расслабились, Зыкову удалось нащупать зажимом пулю и извлечь. Сейчас же возобновилось сильное кровотечение- это пуля сама служила «затычкой» на поврежденном сосуде, а теперь, когда ее не стало… Кровотечение остановили зажимами. Теперь требовалось сшить крупный кровеносный сосуд. И Александр Зыков сделал это! Провел просто ювелирную работу. Невский восхищенными глазами смотрел на старшего коллегу. Сняли осторожно зажимы- кровотечения не было. Это победа! Все облегченно вздохнули. Рану зашили быстро, вставив трубочку для орошения раны антибиотиками. Тут и капитан очнулся от наркоза.

Встал вопрос, куда положить раненого? Несомненно, он нуждался в постоянном наблюдении. Невский предложил помесить в палату реанимации. Это был лучший выход, но там Марина. Он обещал, что сам с ней все уладит.

Так, уже глубокой ночью, когда женщина спала, у нее в палате на соседней кровати появился сосед — седой капитан.

Утром Невский первым делом отправился в реанимацию. Он сразу «натолкнулся» на рассерженное лицо Марины. Она немедленно «взяла быка за рога»:

— Доктор, объясните мне, что происходит? Я просыпаюсь, а на соседней кровати лежит голый мужчина. А я? Мне-то куда деваться?! Я же — женщина! Хоть бы мое мнение спросили. Еще приставать ко мне начнет…

Невский молча прошел к раненому, поднял упавшую на пол простынь, заботливо укрыл спящего, проверил подачу лекарства по капельнице. Потом повернулся к его соседке:

— Извините нас, Марина, но этого раненого офицера больше некуда было положить, мы закончили операцию уже ночью, вы спали. И потом, он не в том состоянии сейчас, чтобы к вам приставать. Очень много крови потерял. Я сейчас между вами поставлю ширму — он вас и не увидит.

Старший лейтенант вытянул из угла сложенную ширму, установил ее между кроватями. Ею практически не пользовались за ненадобностью. Марина сразу «сменила гнев на милость», буркнула благодарность.

Позднее капитана перевязали прямо в палате, сменили повязки на голове и бедре, вновь наладили переливание крови. Марина все это время напряженно прислушивалась к голосам за ширмой. Когда Невский проходил уже на выход, она позвала его шепотом:

— Александр! Как дела у офицера? Как его фамилия?

Невский не успел рта открыть, как услышал слабый голос:

— Привет, соседка! Я — Павел по фамилии Любимый, капитан.

У него, действительно, была такая красивая фамилия. Марина поспешно ответила:

— Марина. Очень приятно.

Невский решил удалиться:

— Пока, не скучайте тут вдвоем.

День и вечер прошел в обычных хлопотах на работе, не было даже времени, чтобы наведаться в реанимацию. Только на следующий день Александр забежал в палату реанимации. Марина сидела у постели Павла, они увлеченно беседовали, «пожирая друг друга глазами».

Невский хотел тихонько выйти, чтобы не мешать. Но в этот момент приехала каталка за раненым — Зыков решил его перевязать в чистой перевязочной, промыть как следует полость раны. Александр помог санитару переложить офицера и выкатить его в коридор. Услышал голос Марины, вернулся в палату.

— Саша, ты мой друг?

— Да, конечно.

— Пожалуйста, узнай, что сможешь о капитане. Он говорит, что вдовец, что есть сын шести лет, воспитывал его один. Жена его погибла три года назад. А сейчас сын живет с его матерью. Врет, наверное. Я тут всяких экземпляров навидалась. Боюсь уже людям верить. Понравился мне Павел, понимаешь. Что-то в сердце «екнуло». Настоящая любовь возникает сразу, и не потому, что ты хочешь кого-то «заарканить».

— Хорошо, Марина. Я все понял. Сделаю. Дождешься до вечера?

— Один большой писатель, кажется Маркес Г.Г., сказал: «Кто ждет многого, дождется и малого». Кажется, я ждала его всю жизнь, а уж до вечера дотяну, — она робко улыбнулась.

Невский кивнул на прощанье и быстро вышел. Амурского он нашел быстро у приемного отделения. Передал просьбу. Владимир сразу оживился, обещал через своих «агентов» в штабе все выяснить в отделе кадров.

Уже под вечер он доложил результаты «расследований». Да, этот офицер не женат. Сыну 6 лет, живет сейчас у бабушки во Владимире. Павел служит уже второй год, скоро заменяется — в конце года. Имеет два ордена «Красной Звезды» и медаль «За отвагу». Геройский парень! Очень уважаемый офицер. Невероятной смелости и мужества человек.

Еще Амурский, по рекомендации «агентов», переговорил с товарищем Любимого. Вместе служат в саперной роте, а до этого в Союзе тоже в одной части служили, знал хорошо и жену Павла. Она погибла при ДТП, когда сам капитан и был за рулем — хотя не по его вине. Офицер отделался легкими ушибами, а жена получила тяжелые травмы, не довезли ее до больницы с окраины Владимира, где и произошла трагедия. После похорон парень очень переживал. Хотел даже с собой покончить — успели вынуть его из петли в каптерке прямо. Потом он запил «по-черному», перестал даже на службу выходить, чуть из армии не выгнали. С сыном вот своим не нашел понимания, тот винит отца в гибели мамы. Так с бабушкой и живет последние годы. Попросился сам в Афган. Все смерти ищет. Это его второе ранение, правда, до этого было полегче — в руку, тоже в Медроте лежал еще летом прошлого года. А сейчас, чем ближе возвращение домой, тем Павел становится все беспокойнее, не хочет возвращаться.

Все эти данные Амурский старательно зачитал хирургу по записям в своей тетради, потом аккуратно свернул тетрадку и кивнул головой на прощание.

Невский сразу отправился в реанимацию. Марина сидела у постели Павла и старательно его слушала, кивая головой. Хирург

сделал ей знак, а затем под видом перевязки вызвал в коридор. Александр, стараясь быть точным, почти дословно передал информацию. Марина радостно «вспыхнула»:

— Теперь он мой! Никому не отдам! Как там пела Любовь Орлова: «Сердце бьется, бьется, бьется и добьется своего!»

Она чмокнула Невского и скрылась в палате.

Вечером Невский опять остался без общения с интересной пациенткой — она не отходила от Павла ни на шаг. Поила соком, давала есть бульон с ложечки. Очень трогательно за ним ухаживала, даже забывая про свой оперированный живот…

12

На следующий день Невский забежал на минутку в реанимацию. Марина, как уже обычно, сидела за ширмой у кровати Павла, они говорили о воспитании детей. Он невольно заслушался.

— Ты, Паша, не переживай. Все у тебя с сыном наладится. Я верю, что ты его очень любишь. Конечно, настоящие родители искренне любят своих детей. Но очень часто не могут показать и дать почувствовать детям свою любовь. А это очень важно. Поверь, существенную роль в отношениях родителя и ребенка играет контакт глаз. Ты просто смотришь в глаза ребенка, причем важно, чтобы твои глаза и глаза ребенка были на одном уровне. Дай ребенку понять, что он самый ценный, самый любимый человек в твоей жизни, твое главное «дело». Обретая уверенность в родительской любви, ребенок без всяких поучений будет стараться делать все как следует. Никакие подарки и удовольствия не смогут заменить искренней любви, внимательного общения, нежного взгляда, теплого прикосновения. Хотя для многих родителей очень соблазнительно прятаться за подарки, так как это требует гораздо меньше времени и душевных сил. Но потраченное время возвернется сторицей. Ребенок должен дышать воздухом своей семьи, купаться в любви. Верь мне, я сама мать. И твоему сынишке мать нужна. Такое время, скоро ему в школу. Он скучает по женской ласке.

— Где же ее взять-то?

Невский, стараясь не шуметь, тихо вышел и прикрыл плотно дверь палаты.

На следующее утро Марину первой пригласили на перевязку в чистую перевязочную. Наступил седьмой день после операции — пора было снимать швы. Все зажило первичным натяжением к

большой радости хирурга.

— А когда вы меня будете выписывать?

— Можно прямо сейчас, — Невский смазал свежий шов зеленкой, наклеил чистую повязку. — Через пару дней еще зайдешь на контрольный осмотр. Но, думаю, все будет нормально.

— Саша, у меня личная просьба. Можно мне еще эти два-три дня полежать в палате с Павлом. Очень прошу. Это для меня важно.

— Правда, Саня, надо ей пойти на встречу. Хорошая девчонка! Я к ней так привязалась за эти дни, — вступила в разговор проводившая перевязку Татьяна.

— Ну, ладно, я не против. Я только сейчас предупрежу начальника отделения.

Зыкова он нашел в ординаторской; подняв голову от бумаг, тот внимательно выслушал старшего лейтенанта.

— А ну, зови сюда эту красавицу.

Александр сходил за Мариной — она все еще беседовала в перевязочной с операционной сестрой. Вошли с ней вместе.

— Привет, Уткашея! — с порога приветствовал ее начальник отделения. — Значит, свои личные дела хочешь решить за наш счет? — сурово продолжил он, насупив брови.

— Ой, ребята, не будьте вы бесчувственными истуканами! Мне нравится этот парень. Я чувствую, он — мой. Впервые в жизни я по-настоящему влюбилась. «А любовь оправдывает саму человеческую жизнь и делает ее вечной. Мне кажется, что те люди, которые по-настоящему любили, обязательно попадают в рай. Это не страсть, а именно любовь, она приближает к свету, она приближает к Богу!» Это не мои слова, когда-то я их вычитала, но они так сейчас подходят! Пожалуйста, дайте мне еще немного дней побыть с ним рядом. Другого шанса не будет у меня в жизни. Он уже в декабре заменяется. И все!

— Ладно, Сашка, мы с тобой ведь не истуканы! Разрешим ей еще три дня побыть в палате. Напиши ей еще какое-нибудь лечение, чтобы было ясно — пока болеет.

— Хорошо, я ей витамины назначу пока.

— Ой, спасибо вам, дорогие мои! — Марина бросилась поцеловать Зыкова, но он сам крепко ее обнял и долго не выпускал, целуя.

— Дурак! — наконец, она вырвалась из его объятий. Чмокнула в губы Невского. — Ну, я пошла!

— И не забудь, — остановил ее капитан, — с тебя сто грамм и пончик!

— Да, я вам по десятку пончиков, даже настоящий пирог с

капустой испеку!

— Ловлю на слове! — уже весело смеялся Зыков. — Беги к своему Пашке — счастливчику.

Марина, радостно улыбнувшись, упорхнула за дверь. Совсем и живот не болит после операции.

— Видал, что любовь с людьми делает? — Зыков широко улыбнулся. — А целуется она классно! — Он поднял большой палец и озорно подмигнул.

Весь следующий день, как и предыдущий, Марина и Павел не могли нарадоваться общению. Они непрерывно говорили по очереди, рассказывая о себе. Им было, что поведать друг другу. Вечером, когда дежурная сестра зашла поставить градусник раненому, она застала целующуюся парочку. Теперь в их палату все медики заходили, предварительно постучав. Это выглядело довольно странно: люди в белых халатах стучатся в реанимацию. Нонсенс!

Однако все были рады за эту парочку. Сестрички обсуждали ситуацию, втайне завидуя Марине белой завистью — какое неожиданное счастье «свалилось» той на голову. Врачи радовались за Павла — он сразу обрел смысл жизни, стал на глазах набираться сил. Приходили проведать Марину подруги, а Павла — офицеры по службе. Все одобряли этот, такой стремительный роман.

Однако уже на третий день отпущенного счастья пришлось Марину попросить на выписку — прооперировали одного тяжелого раненого (не осторожное обращение с оружием), требовалось постоянное наблюдение в реанимации.

Марина без всяких слов собрала свои вещички и спокойно отправилась домой. Видимо, главный разговор у них с Павлом уже состоялся.

А на следующий день и самого Павла перевели в общую офицерскую палату.

Теперь Марина приходила к нему каждый день. Ее прихода ждали с нетерпением все обитатели палаты, а не только седой капитан — она обязательно приносила на «всю ораву» что-нибудь вкусненькое. Офицеры тактично оставляли молодых людей одних в палате: гуляли по коридору, сидели на лавочках перед входом в стационар.

Невероятно, но Павел Любимый стремительно поправлялся. Могучий организм быстро залечивал раны. Любовь не только окрыляет, но и излечивает. Это факт!

Вскоре сняли повязку с его головы. Он начал ходить с тросточкой сначала по палате, а затем и по коридору, заботливо поддерживаемый Мариной. Совсем быстро они начали даже

выходить на улицу, гуляли вокруг стационара или подолгу просиживали на лавочке. Их лица одинаково светились счастьем.

13

Уже 5 ноября Павел попросился на досрочную выписку, хотя не мог пока ходить без тросточки. Его попытались отговаривать. Куда там! Срочно оформили его справку о ранении и отпустили с миром. Догадывались — хочет успеть ко дню рождения Марины «быть в строю».

Однако оказалось, что это только часть правды. Капитан Любимый успел уже с командованием решить свой вопрос — вечером 6 ноября они с Мариной улетели в Кабул, чтобы официально оформить свой брак. Все прямо ахнули, узнав. Вот это решительность! Настоящий русский офицер! «Пришел, увидел, победил!»

Татьяна очень радовалась за свою новую подругу. Перевязывая с Невским очередного раненого, она произнесла загадочную фразу:

— Вот Маринка и нашла кому носки покупать…

— А причем тут носки? — искренне удивился Невский.

— Я запомнила эту фразу Фаины Раневской: «Когда женщине есть кому купить носки, — значит, личная жизнь уже удалась…». А вот мне пока некому эти носки покупать.

— Ничего, Таня, будет и на «твоей улице праздник!»

Молодожены вернулись 8 ноября. Их действительно зарегистрировали в день рождения Марины, 7 ноября. Удалось уговорить, кого надо, не смотря на праздничный день. Эта новость из уст в уста передавалась по всей Бригаде. Еще бы — такое событие! Это был первый официальный брак в этой воинской части. У многих женщин тоже появилась надежда…

Вечером того же дня Маринка буквально ворвалась в ординаторскую Медроты, радостно провозгласила прямо с порога:

— Я больше не Голенькая! Я — Любимая!

Хирурги Голущенко, Сергеев, Зыков, Невский были за своими рабочими столами — заполняли «Истории болезни». Они сразу бросили ручки, стали поздравлять, по очереди крепко целуя новобрачную. Женщина счастливо смеялась. Марина тут же выложила на стол большой пирог с капустой, как обещала, банки с крабами, креветками, разные колбасы и много всяких деликатесов, вынимая все это из своей сумки, как из волшебного мешка. «Будем праздновать!» — провозгласила она.

— А Пашка-то где? — в один голос воскликнули сразу двое. — Без него и свадьба — не свадьба.

— Он сейчас тоже подойдет.

Быстро поставили кипятить трехлитровую банку чая, сдвинули в ряд столы.

Невский сбегал за старшей сестрой Светланой, она собрала всех остальных сестричек: Таня, Люба, Валя, Надя, Люда. Женский коллектив в Медроте рос. Появились и другие врачи, в том числе новый стоматолог Иван Сухар и новый анестезиолог Анатолий Акбаров, который вообще приехал три дня назад.

Получился настоящий «медицинский праздник». На свет извлекли немного медицинского спирта — что это за свадьба без чарочки хмельного?!

Тут и Павел, новоиспеченный муж, ворвался в комнату, радостно расцеловал жену на глазах у всех. Его поддержали криками: «Горько!» Чокнулись стаканами. Выпили за счастье молодых.

— Ребята, девочки! Я так благодарна всем вам. Если бы не мой аппендицит, если бы вы не положили ко мне в палату Павла, наконец, если бы не пошли мне на встречу, то я никогда бы не была так счастлива!

— Мы! Мы никогда бы не были счастливы, — поддержал ее Павел, в точности повторив фразу из фильма «Ирония судьбы…»

Действительно, «ирония судьбы» на афганской земле.

— А где вы собираетесь жить, молодые? — спросил самый рассудительный Николай Сергеев.

— Я только сейчас из штаба, — сразу взялся отвечать седой капитан, — нам оставил жилье на время своего отпуска полковник Сульповар, начальник артиллерии. Мировой мужик, показал мне свою «хибару», передал ключи. Он уже уехал в отпуск сегодня. Лично поздравил меня и велел поцеловать молодую жену, что я и делаю. — Павел вновь надолго припал к губам Марину под одобрительные аплодисменты. — Так что будем жить, как в раю!

К устройству счастья этой молодой пары многие приложили руку. Так хотелось людям делать добро на этой не гостеприимной земле Афганистана.

— Ой, Маринка, мы все так за тебя рады! — Старшая сестра Медроты Светлана крепко обняла новую подругу. — Но поделись секретом — как мужчин «окольцовывать»? Думаю, это всем нашим девочкам будет интересно узнать.

— Хорошо, я прочитаю вам «краткий курс» этой науки. А мужчины пусть уши зажмут. — Марина звонко рассмеялась, чмокнув своего мужа. — Девочки, учитесь «подать» себя!

«Женщина должна нравиться — она подпитывается вниманием к себе, осознанием, что она желанна. Кому-то природа дала все: красоту, манеры, уверенность в себе. А если с внешностью какие-то проблемы? Что ж, не беда — тогда женщина должна хотеть производить впечатление: ведь внешность еще не все, женственность и «подача» себя значат гораздо больше. Кокетливая дурнушка имеет больше шансов, чем зажатая красавица, — помните об этом. А посему флиртуйте, кокетничайте, завоевывайте внимание! Вообще, красота — это вопрос ума. Когда женщина плохо выглядит, неудачно накрашена, безвкусно одета… Я начинаю сомневаться в ее умственных способностях». Это я все вам умное рассуждение одной нашей известной артистки привела на память. Думаю, все правильно здесь сказано.

Девчонки одобрительно загалдели. А далее начали кокетничать, пытаясь «перещеголять» друг друга.

Гуляли еще долго, стараясь сильно не шуметь. Но все уже наслышали в отделении об этой «истории любви». То и дело в ординаторскую заглядывали больные и раненые офицеры и солдаты, поздравляли молодоженов. У всех было легко и хорошо на душе.

14

В середине декабря приехал заменщик для капитана Любимого. Павел, захватив с собой жену, уехал к новому месту службы. Молодожены тепло попрощались с медиками. На аэродроме их провожала большая группа. Даже Невский вырвался из госпиталя (уже находился там, на рабочем прикомандировании), чтобы проводить новых друзей. Марину отпустили с миром, не смотря на не завершенный срок работы в Афгане. Теперь она — мужняя жена и обязана следовать за ним беспрекословно. А она и не думала больше оставаться на земле Афганистана.

Марина не забывала новых подруг по Медроте, регулярно писала письма Татьяне, а через нее передавала приветы Зыкову и Невскому. От Татьяны узнавали и все новости о Любимых. Марина с Павлом переехали на новое место службы под Ленинград. Павел забрал сына, она — дочь. Дети очень подружились (старший братик всегда защищает младшую сестричку во дворе от других мальчишек, готов биться за нее до последних сил). Павел получил майора. Марина вновь пошла работать в школу по специальности. Ее сразу полюбили ученики.

Так и прозвали ее «наша любимая Марина Любимая». Особенно вырос ее авторитет после 23 февраля, когда Павел приходил по приглашению в школу при всех своих наградах. Он рассказывал детям о войне, а они слушали его, разинув рты. Теперь школьники стараются особенно прилежно готовить уроки по русскому и литературе, чтобы не огорчать свою учительницу. Осенью Татьяна получила новое письмо — 25 августа у Марины и Павла родился сын (52 см, 3200 г). Назвали его Сашей, в честь старшего лейтенанта Невского, который сыграл в их судьбе такую большую роль. Невский даже покраснел от смущения: все это было так неожиданно, но очень приятно. Рассказывая об этом, Татьяна украдкой вздохнула — ей тоже хотелось обрести свое женское счастье.

Часть II

1

Жизнь в 70 Отдельной Мотострелковой Бригаде продолжалась. В начале лета в Медроту одна за другой приехали сразу несколько новых сестричек: операционная сестра (вторая) Зина Юрлова из Подольска, анестезистка Тоня Пичугова из Кустаная, вторая анестезистка Марина Задунайская из Астрахани, сестра-лаборантка Тома Касьяненко из Запорожья, другая лаборантка Наташа Самокиш из Киева, операционная сестра (третья) Люба Ивашкина из Челябинска, старшая сестра для госпитального отделения Коржикова Тамара Петровна из Москвы (все обращались к ней исключительно по имени-отчеству, даже офицеры, она всем годилась в матери), сестра-хозяйка Тамара Раджабова из Семипалатинска. Всех девчат поселили в девичий модуль. К тому времени туда уже перебрались все сестрички, ведь общежитие медиков в приемном отделении было ликвидировано. Теперь теснота в женских комнатах стала просто немыслимой! Но сестрички «стойко переносили все тяготы и лишения воинской службы».

Требовалось даже время, чтобы просто запомнить по именам новых сотрудниц. Впрочем, их всех сразу приняли в свой коллектив, как родных и близких людей. Свозили всю компанию девушек на стрельбы на полигон, там и познакомились поближе.

Девчонки-старожилы первым делом рассказали новеньким о потрясающей «истории любви», которая случилась у них на глазах. Каждый раз этот рассказ обрастал все новыми и новыми подробностями, становясь уже живой легендой. Многие девчата в Медроте, как и во всей Бригаде, теперь втайне ждали такого же счастья для себя.

Некоторым повезло, в том числе и в Медроте…

Хирурги активно «набивали руку» — оперировали, охотно брались и за плановые операции. Для госпитализации по поводу, например, грыжи, офицеру требовалось сдать анализы крови, мочи и…кала (проверка на яйца глист). Лаборантки добросовестно выполняли свою работу. Не было никаких проблем, никаких сбоев. Пока в начале августа не случился конфуз…

Один молодой офицер, готовясь на госпитализацию, решил не умно подшутить над миловидной и тоненькой, как тростиночка, лаборанткой Наташей Самокиш (в тот день она

работала за двоих, ее напарницу Тамару взяли на неделю на прикомандирование в госпиталь). Наташа вбежала в слезах в комнату дежурного врача, где в это время хирург Невский и стоматолог Сухар обсуждали детали предстоящей операции у раненого в лицо. Она показала ничего не понимающим офицерам пол-литровую банку, наполненную калом:

— Что это такое?! Я не могу нормально работать, когда так издеваются надо мной! Куда мне это теперь девать?

Офицеры кое-как успокоили девушку, выяснили, что случилось — офицер принес это на анализы (?!). Узнав, что обидчик еще сидит в лаборатории, Иван бросился туда и…набил шутнику «морду». Размазывая по лицу кровавые «сопли», старший лейтенант обещал «это так не оставить». Но пропал. Больше его никто в Медроте не видел, забыл он и о своей грыже.

Ивана и Наташу после этого случая все чаще стали видеть вместе. Они поженились через несколько месяцев уже в новом 1984 году, специально съездив в Кабул для этого. «Стойкий холостяк» Иван пал под натиском нахлынувшей любви. Молодую пару поселили в комнате в мужском общежитии, только освободившейся от другой молодой пары (молодой боевой офицер и машинистка в штабе), убывшей по замене в Союз. Впрочем, и Иван вскоре заменился, увозя молодую жену на новое место службы на Украине. На место Наташи вскоре приехала новенькая…

Однако первая свадьба в Медроте была гораздо раньше. В середине декабря еще 83-го нашел свое личное счастье капитан Лузин Сергей, старший ординатор операционно-перевязочного отделения. Правда, свою «половинку» хирург отыскал, к великому сожалению медсестер, не среди медичек.

Он приехал еще весной, заменив Николая Сергеева. К тому времени в Бригаде уже была действующая парикмахерская. Яркая блондинка с голубыми глазами покорила сердца многих мужчин. Теперь многие из них стали регулярно ходить постригаться и даже бриться, отдавая себя в нежные руки Ларисы. Ей нравилось мужское внимание, она «купалась» в лучах всеобщего обожания. Сергей сходил в парикмахерскую раза три, и уже через три месяца его сердце дрогнуло. Было не ясно, чем так выделился Серега из числа многочисленных поклонников. Но Лариса вскоре его заметила. И ее сердце тоже не устояло.

В Кабуле их поженили. Правда, у Сергея это был второй брак (развелся за год до поездки в Афган), как и у Ларисы. Они были счастливы вместе. А это главное! Два дня весь личный состав Медроты «гудел на свадьбе». Это было не забываемое событие!

Молодая семья поселилась прямо при парикмахерской (там

было две больших смежных комнаты). Впрочем, с милым «рай в шалаше».

Нашли свое женское счастье еще сестрички Медроты: Людмила Лопатко и Тамара Раджабова. Правда, они вышли замуж уже в Союзе — их разыскали бывшие раненые солдаты уже после увольнения.

2

Закончила свой срок службы в Афгане и старшая операционная сестра Татьяна, увозя под сердцем зародившуюся новую жизнь. Жестокая война обошлась с ней очень несправедливо. Таня всегда была на особом счету в Медроте. Она была незаменима! Самая надежная и лучшая операционная сестра. Кроме того, с ней делились своими бедами и невзгодами все девчонки — сестрички. «Плакались ей в жилетку». Частенько и офицеры-медики получали от нее слова утешения в трудные минуты. У нее было большое любящее сердце. И это сердце ждало ответной любви. Милосердие и доброта были присуще Татьяне в первую очередь.

Как нельзя лучше по этому поводу написал Ю.Андреев: «Если в женщине нет доброты, она не женщина. Она может быть умна, прекрасна обликом, она может быть обворожительна, она может быть мастером в своем деле. Но как женщина она не состоялась. Ибо женщина — это не просто человек, но и мать человека и человечества. И лишенная доброты она лишается самого существенного признака пола. Милосердие-это милость сердца, жалость, мягкость, сострадание, нежность, любовь к людям. Это не слабость, а сила, потому что свойственно оно людям, готовым прийти на помощь. Ибо способность сострадать, сопереживать — это признак духовной зрелости личности. Не ожесточайся, не озлобляйся ни при каких обстоятельствах. Добрым и милосердным легче жить, потому что люди платят им любовью. Злоба сжигает человека, злобный человек неприятен окружающим, чаще болеет и раньше умирает. Будьте добрее ко всему живому». Эти слова, как нельзя лучше, отожествлялись с Таней. А еще у Татьяны была своя, «особая миссия» — она провожала «в вечность» умирающих. Так повелось уже давно.

Еще по прибытии в Медроту в первые месяцы Татьяна столкнулась с тяжелораненым:

этого не молодого офицера доставили в приемное отделение прямо из автопарка после несчастного случая — придавило БМП (боевая машина пехоты). Врачи уже не могли ничего для него

сделать, но продолжали суетиться вокруг умирающего в комнате дежурного врача.

Офицер остановил свой взгляд на присутствующей здесь Татьяне и прохрипел: «Сестричка, помоги мне умереть! Помоги снять грехи!». И она все поняла. Бросилась к полураздавленному телу и стала шептать над ним слова молитвы. Эти слова сами самой рождались из ее сердца, плавно выходили из ее уст. Офицер благодарно кивнул, закрыл глаза, вскоре он умер с легкой улыбкой на губах. Эта сцена потрясла всех офицеров-медиков.

Позже ординатор-хирург Володя Бардин привез из отпуска для Татьяны тетрадку со специально переписанными несколькими молитвами (попросил свою бабушку продиктовать). Таня приняла это как должное. Скоро она уже знала эти молитвы наизусть. Татьяну теперь всегда вызывали к умирающим.

Обычно такую категорию пострадавших в рейдах сразу везут в госпиталь, а в Медроту поступают раненые средней степени тяжести и легко раненые. Но при внезапных травмах, ранениях, несчастных случаях, особенно прямо на территории военного городка, эти бедолаги шли прямиком в Медроту. Спасти удавалось не многих. Тут и приглашалась Таня. Она безропотно шла в любое время дня и ночи на эту свою миссию. Умирающие уходили в душевном успокоении. Оказывается, это очень важно!

Хирурги сменились, а Татьяна продолжила свои «проводы в вечность» уже при новой команде.

3

Этот раненый офицер из ДШБ (десантно-штурмового батальона) поступил в октябре 83-го. Боевой старший лейтенант, красавчик, усач, весельчак. А вот ранение получил «обидное». Он очень горевал по этому поводу: большой осколок мины попал ему прямо в ягодицу. Офицера сначала доставили в госпиталь, там сделали рентгеновский снимок — очень четко был виден кусок металла. Из-за большого числа тяжелых раненых этого старшего лейтенанта передали в Медроту, мол, там справятся с этой задачей не хуже. Так Сергей Яншек и попал на операционный стол в Медроте. Хотя осколок и был хорошо виден на снимке, но вот достать его оказалось проблематично — слишком большой мышечный пласт в этом месте, осколок постоянно перемещался при малейшем сокращении мышц. Это все равно, что иголку искать в стогу сена.

Оперировал раненого старший лейтенант Невский со

старшей операционной сестрой Татьяной. Намучился хирург, но достал осколок, используя магнит, который удержал подвижный кусочек металла на месте. «Семь потов сошло». Правда, по образному выражению самого раненого, «пришлось задницу на немецкий крест исполосовать». Сергей сокрушался: «У всех нормальные ранения, а меня куда…?!»

На последующих перевязках Яншек стойко терпел мучения, не издавая ни звука. Правда, все зажило на редкость быстро и удачно. Перед выпиской Сергей взмолился: «Вы хоть в справке о ранении не пишите, куда ранен — ребята засмеют».

Невский решил пойти навстречу просьбам боевого офицера. Поскольку «История болезни» уже была написана, то хирург лишь добавил там место ранения, получилось «Боевое осколочное ранение мягких тканей ягодичной области и верхней трети правого бедра». А в справке о ранении лишь прозвучало бедро. Просто, и все довольны!

После выписки Сергей все чаще стал заходить в Медроту, навещая Татьяну. Все с интересом наблюдали за развитием этого красивого романа. Радовались за всеобщую любимицу Таню.

Вскоре речь зашла и о замужестве. Но Татьяна хотела только настоящую свадьбу с родственниками и друзьями в Союзе. Боялась, как она говорила, таких скоротечных браков в Афгане. Сергей согласился ждать. Служить ему оставалось еще полгода.

Они продолжали встречаться, дорожа каждой минутой вместе. Сразу после боевых рейдов, Сергей, как был в пыли, копоти и гари, мчался к своей Танюхе. Она всегда сердцем чувствовала его приход. Не ошибалась.

Но их счастье было таким недолгим…

Сергей погиб в апреле следующего года, за месяц до замены: его БМП налетела на контактный фугас недалеко от расположения Кандагарской Бригады. Взрыв чудовищной силы разломил пополам стальной корпус боевой машины. Никто не выжил. Останки погибших с трудом достали из искореженного металла.

Всех этих погибших привезли в Бригаду. Командир ДШБ боялся сказать сразу Тане правду. Она поняла это сама. Попросила проводить к ее Сереже. Офицер долго отговаривал — не всякий мужчина выдержит такое зрелище. Настояла. Пошел вместе с ней и капитан Зыков, чтобы поддержать в горе.

Таня, не дрогнув лицом, мужественно опустилась на колени над останками тела любимого, прочитала отходную молитву.

— «Покой, Господи, душу усопшего раба Твоего. Никтоже без греха есть, токмо Ты Един, Владыко: сего ради преставленному и грехи остави, и в рай того всели… Благословим Отца и Сына и

Святаго Духа, Господа. Безначальная Троице Святая, Боже Отче и Сыне и Душе Святый, в лице святых причти душу преставленнаго раба Твоего и огня вечнаго избави, да Тя хвалит, воспевая во веки: отроцы, благословите, священницы, воспойте, людие, превозносите Его во веки».

Она обещала над телом, что вырастит их ребенка достойным своего геройского папки. Радовалась, что успела накануне сказать Сергею о своей беременности. А он был так рад!

После этой трагедии Татьяна два дня пролежала в своей комнате. Но нашла в себе силы, ради будущего ребенка, вернуться к жизни, к работе. Только в волосах ее появилась седая прядь, а она совсем перестала улыбаться.

За два месяца до родов Татьяна уехала домой. Она жила в Уфе вместе со своей одинокой мамой, которая одна, без мужа вырастила ее. «У нас «венец безбрачия», — горько шутила Таня еще в Афгане. — В нашей семье это идет из поколения в поколение. Я тоже была готова к такому исходу…». Теперь своего ребенка она тоже будет растить одна, и никто ей больше не нужен.

«Но у меня все-таки было, пусть такое мимолетное, но свое личное женское счастье!» — добавила она при прощании с дорогими ей людьми из Медроты.

4

В конце января 84-го получил в рейде тяжелое ранение Невский. Огромная кровопотеря в 2,5 литра едва не стоила ему жизни. Быстрая эвакуация на вертолете в госпиталь и умелые действия врачей спасли его.

На призыв о срочной сдаче крови первыми примчались медсестры Медроты. Все, у кого подошла вторая группа крови, не задумываясь, предложили свою помощь. Остальные сестрички тоже приехали, чтобы поддержать, помочь в работе хирургам госпиталя. Пичугова Тоня, сестра — анестезистка, и Ивашкина Люба, операционная сестра, были задействованы в операции.

Четверо сестричек сдали свою горячую кровь тяжелораненому. Теперь они стали его «кровными сестрами». Отныне у Невского были новые родные люди: Марина, Тамара, Людмила, Зина. Их кровь вернула к жизни Александра.

Как оценить эту помощь, есть ли такие критерии?! Только вечной благодарностью!

Кровь медицинских сестер Медроты спасла не только Невского. Многие и многие раненые офицеры и солдаты получали

в свои жилы эту «живительную жидкость», возвращающую их к жизни.

Нарушались все ограничения на сдачу крови. После каждой такой процедуры организму требуется около трех месяцев на восстановление сил. Сдавали чаще. Уже после одной из операций упала в обморок операционная сестра Зина: выяснилось, что за полтора месяца она уже три (!) раза сдавала раненым свою кровь. Пришлось теперь насильно уложить девушку в постель для восстановления сил.

А сколько было еще других женщин в Афганистане, кто не жалея себя, сдавал свою кровь нуждающимся! Эти красные ручейки сливались в реки крови, возвращающие к жизни воинов в Афгане…

5

В июне 1988 года состоялась очередная (уже третья) встреча сотрудников Отдельной Кандагарской Медроты. Как и в прошлый раз, встретились в Ленинграде. Собрались сначала на Суворовском проспекте, 54, дома у инициатора этих встреч Вали Растегаевой. Туда приехали многие врачи и медсестры. Впервые удалось вырваться на встречу и майору медслужбы Невскому. Он встретился почти со всеми своими «кровными сестричками». Вот это была радость!

Заехали «на минутку» Сергей и Лариса Лузины — очень торопились на поезд: едут к новому месту службы мужа из Новгорода (через Ленинград) в Подмосковье. Они ждут уже второго ребенка. По-прежнему счастливы вместе.

Татьяна показывала фотографии своего сыночка — Сергея Сергеевича. «Точная копия папки — еще бы усы добавить!»

Иван Сухар приехал со своей женой Наташей. Живут и служат на Украине. У них двое детей. Счастливая семья.

Из Сертолово приехали на своей машине Любимые; старших детей оставили, а захватили с собой почти пятилетнего Сашку. Павел, обнимая Невского, чуть не переломал ему все кости. Ну и силища! Он уже подполковник, на хорошем счету у командования. Марина еще более «расцвела», похорошела. Прямо светится счастьем изнутри.

Они часто общаются с Таней в письмах, с Валей часто встречаются- ездят в гости друг к другу. Вот и сегодня специально приехали со всеми повидаться. Идти вечером с медиками в ресторан отказались — «Что вы, куда нам с пацаном малым!»

Через часок Любимые собрались в обратный путь. Долго

прощались, обнимались-целовались со всеми, Марина не сдерживала своих слез. Невский искренне радовался за эту семью — они нашли друг друга на войне, сохранили любовь. «Удачи тебе, Уткашея!» — мысленно произнес Невский, невольно улыбнувшись на это забавное прозвище.

Вечером медики Кандагарской Медроты отправились в ресторан — идти оказалось буквально рядом, для этого пришлось лишь пересечь широченный Суворовский проспект. «Грета» гостеприимно распахнула для них свои двери, где «кандагарцы» пышно отметили свою встречу. Закончили праздновать уже далеко за полночь…

Послесловие от автора

За время войны в Афганистане погибло 54 женщины разных специальностей, разных возрастов, порой очень молоденьких, не успевших даже узнать любви, познать счастье материнства. Эта пустота теперь никогда не будет заполнена.

В Кандагарской Медроте тоже была такая трагедия — 2 августа 1983 года погибла в результате несчастного случая перевязочная сестра Люба (в этой повести она описана под фамилией Канашевич). В тот момент она находилась на рабочем прикомандировании в хирургическом отделении госпиталя. 18 ноября ей исполнилось бы только 24 года. Тело погибшей девушки было отправлено на родину в Архангельскую область. (Люба включена в список «Медики, сложившие свои жизни на афганской войне»).

Мы, медики Кандагарской Медроты, всегда будем помнить нашу Любу. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ЛЮБЕ И ВСЕМ ПОГИБШИМ АФГАНСКИМ МАДОННАМ!

№ 2. «И дарует ему блаженство на земле…»

Пролог

Начальник родильного отделения Борис Леонидович Куртаков, высокий стройный мужчины средних лет, стремительно вошел в родильный зал. Роды уже начались. По «Скорой помощи» привезли молодую, двадцатипятилетнюю женщину; ее вместе с мужем сняли с поезда, когда возникла угроза преждевременных родов. Они возвращались домой из отпуска от родственников в Казани, до родного поселка оставалось совсем не много, но ребенок ждать не будет: ему не объяснишь, что в чужом, незнакомом городе молодой маме будет рожать совсем не уютно.

Это были первые роды молодой женщины. Она ничего не умела, всего боялась, но старательно выполняла советы двух акушерок, которые хлопотали у ее родильного кресла.

Врач сразу включился в работу. Очень скоро раздался долгожданный отчаянный крик — ребенок появился на свет. Все, включая измученную молодую мамочку, улыбались; один новорожденный заходился в крике — ему было страшно: что ждет его в этом чужом, незнакомом мире.

— Верочка, у тебя сын! — Борис Леонидович показал ей сморщенное тельце со сжатыми маленькими кулачками — ребенок точно хотел показать: без боя не сдамся.

Он осторожно подал ребеночка пожилой акушерке, она унесла его обмыть, обрезать пуповину, взвесить, измерить. Одним словом, мальчишечка попал в заботливые, знающие руки, которые помогли появиться на свет уже не одной сотне новых граждан страны.

— Как назовете первенца? — Врач заботливо вытер пот с лица Веры.

— Не знаю. Надо с мужем посоветоваться. Я хотела Сергеем назвать, в честь своего отца, он на войне погиб, в 1944году. Я даже не знаю, как называется город, где нас высадили с поезда. Не знаю, где теперь мой муж. — Женщина всхлипнула.

— Ну-ну, не надо расстраиваться. Все будет хорошо. Ведь в советской стране живем, никто не бросит вас без помощи. А город называется Красноуфимск, это уже Свердловская область. Тут и до областного центра рукой подать, а там и ваш родной поселок, Буланаш, что ли? А мужа мы вашего найдем, куда он от вас денется?! Так что запомните: сегодня, 1 мая 1960 года, родился ваш сынок. Как его по батюшке-то?

— Викторович.

— Сергей Викторович Пампушный, вес, — врач глянул на показатели, которые протянула ему вернувшаяся вторая акушерка

с ребенком, — 3 кг 500 г, рост 50 см. Богатырь прямо!

Врач принял из рук женщины уже успокоившегося, завернутого в пеленку крошечного человечка, который даже порывался открывать глаза, но тут же зажмуривал их, «сердито» хмурясь. Подал ребенка мамочке. Вера бережно приняла свою кровиночку, пристроила у своего сердца, умиленно улыбнулась.

— А мужа вашего наш санитар из роддома забрал ночевать к себе, уже вечер ведь. Думаю, прибегут еще не раз сюда — рядом он с больницей живет. Да вы не переживайте, мужик он хороший, напоит-накормит. Выпить вот только любит. Боюсь, теперь появится серьезный повод для этого. Тем более и праздничные дни идут. Ваш-то как, пьет? — Акушерка, что постарше, протянула Вере стакан с водой.

Женщина благодарно кивнула, выпила, помолчала: «Да и мой тоже выпить не дурак. Он шахтером у меня работает. Любит с дружками после тяжелой смены расслабиться, да и в дни получки тоже, — она вздохнула. — Как бы не запил с радости».

— А это какой санитар, «Дядя Паша — три Наташи» что ли? — Врач даже хохотнул, вспомнив своего работника.

— Он самый и есть.

— Тогда вам, Вера, надо строго мужу сказать, когда придет, чтобы обязательно после праздников (у нас еще завтра выходной) сходил в ЗАГС и получил на сына «Свидельство о рождении», мы ему выписку дадим из «Журнала регистрации родов». С этим пусть не затягивает. — Борис Леонидович посчитал пульс у молодой мамы, поднялся, собираясь выходить.

— А долго я здесь еще пробуду?

— Ну, как минимум еще 4–5 дней. Там будет видно. Но у тебя все будет хорошо. Я уверен.

— А почему вы этого санитара так странно назвали?

— «Дядя Паша — три Наташи»? Ну, это целая смешная история о его жизни. Коротко расскажу. Он работает у нас уже третий год, работник не плохой, но выпивает. Мы об этом уже говорили. Раньше он с семьей жил недалеко от города в поселке, работал там, уж не помню, кем. У него жену зовут Наталья, есть первая дочь, тоже Наташа (в честь жены назвал — любит ее очень). Четыре вроде года назад его жена снова к нам поступила рожать, приняли мы славную девчушечку, выдали счастливому папаше выписку для ЗАГСа. Он, по-моему, пил на радостях много дней. В один из подобных дней дошел-таки до нужного учреждения, получил необходимое «Свидельство о рождении» на дочь, даже не глянул, что там написано, продолжил пить дальше. Короче говоря, через неделю привез жену с ребенком домой. Она и прочитала, что вторую дочь тоже зовут Наташа. Скандал,

конечно! Он мне так рассказывал это недоразумение, когда уже к нам работать устроился: мол, женщина в ЗАГСе спрашивает, как дочь зовут? Пашка и решил, что про первую, четырехлетнюю спрашивает, он и назвал ее имя. Потом его спросили, как имя-отчество отца-матери ребенка, место регистрации их брака. И все. Вручила ему записанную бумагу, поздравила, и на этом расстались. Он еще удивился, что про имя для дочки новорожденной речь не зашла, но очень торопился выпить, выбросил все мысли из головы. Так его и прозвали с тех пор в поселке «Дядя Паша — три Наташи». Ездил он позже в ЗАГС, просил имя исправить — не положено, говорят, мол, будет дочь паспорт получать, вот тогда пусть, и меняет имя. Мне кажется, они и из поселка в город переехали из-за этих насмешек. Но его и здесь все так кличут, он уж не обижается. Так что, Вера, смотри, чтобы твой муженек не отчудил чего-нибудь при получении документов. А пить они с Пашкой, видимо, будут не один день. Может, ошибаюсь.

… Он не ошибся. Молодой отец так и не побывал в ЗАГСе, уехали они с женой и ребенком через 5 дней без «Свидельства о рождении». Новый гражданин страны Советов так и не получил своего первого документа…

Афганистан

Глава 1

1

— Я собрал вас, чтобы сообщить одну важную новость, — начал говорить начальник Политотдела Кандагарской Бригады, почти, как в бессмертном творении Н.В.Гоголя.

— К нам едет ревизор, — хихикнул с места врач-стоматолог Иван Сухар.

Подполковник Черепко строго глянул на него, потом обвел взглядом всех врачей и медсестер Отдельной Медицинской роты, собранных по его просьбе в ординаторской стационара. Василий Степанович прошелся по комнате, собираясь с мыслями.

— Руководству 70 ОМСБ (отдельной мотострелковой бригады) поставлена задача: в спешном порядке сформировать новый агитационно-пропагандисткий отряд, включив в него медицинских работников. Подобный отряд у нас существовал и раньше. Он исколесил с концертами многие уезды провинции, были проведены десятки митингов, коллективных и индивидуальных бесед. Как стало известно, вождь одного из недружественных пуштунских племен Абдул Хаким вышел на переговоры. Одним из первых условий он выдвинул оказание медицинской помощи больным: не будет доктора — ни о каком переходе на сторону правительства не может быть и речи. Вроде бы и пустячный ультиматум, но выполнить его местным властям оказалось не под силу. В этом горно-пустынном районе медицинской базы практически не существовало. У властей, ведущих переговоры с Абдул Хакимом, не оставалось иного выхода, как обратиться за помощью в наш советский гарнизон. Мы обдумали ситуацию и решили, что потребуется врач, медицинская сестра и фельдшер. Давайте решать, кто поедет.

— А что это за агитационно-пропагандисткий отряд, можно о нем чуть подробнее рассказать? И какого профиля будут больные, надо знать мне, какого врача отправлять, — подал голос командир Медроты майор Семенчук.

— Хорошо, я вам вкратце о них расскажу, — подполковник опять прошелся по комнате, потом присел на свободный стул, задумчиво потеребил свою панаму. — Неофициальное название этих отрядов — «воинские мирные караваны». О приближении

этих караванов к кишлаку жители узнают по звукам музыки. «Воинские мирные караваны» — особые подразделения афганских вооруженных сил — явление в Афганистане пока новое. Официальное их название — боевые агитационные отряды (БАО). Созданы они для ведения разъяснительной, агитационно-пропагандистской работы среди населения и в войсках.

Боевой путь любого воинского формирования имеет, как вы знаете, две точки отсчета — дату и место боевого, как мы обычно говорим, крещения. Для боевых агитационных отрядов вооруженных сил ДРА это 11 февраля 1982 года и кишлак Бахтияран уезда Дехсабз провинции Кабул. Именно тогда, именно там провел свою первую-бескровную-боевую операцию только что сформированный первенец афганских БАО — отряд, которым командовал в то время подполковник Манан. Далее в состав этих отрядов стали включать и советских специалистов.

За период немногим больший, чем год, боевые агитотряды сумели снискать себе славу идейного оружия, действенность которого находится вне конкуренции со многими другими пропагандистскими средствами. С помощью БАО идеи Народно-демократической партии Афганистана, правда о революции, ее друзьях и врагах проникают сквозь душманские заслоны даже в те районы, которые традиционно считались находящимися под контрреволюционным влиянием.

Формы работы БАО самые мирные: уже упомянутые мной митинги, беседы, далее — распространение листовок, плакатов, книг, концерты (я о них тоже говорил), демонстрация кинофильмов, оказание материальной помощи. И вот теперь будем и медицинскую помощь оказывать. А отправить лучше врача хирургического профиля — много есть нуждающихся в нем, как нам передали. — Подполковник вновь поднялся и принялся расхаживать по ординаторской.

— А как же их защита? В дороге перестреляют всех, как куропаток. Я не могу рисковать своими людьми, — вновь заерзал на стуле командир Медроты.

— Вы, видимо, не обратили внимание, что в названии есть слово «боевой». Действующие, как правило, автономно, без локтевой связи с войсками или их прикрытием, боевые агитационные отряды могут подвергнуться нападению противника отовсюду и всегда — будь то на марше, при проведении пропагандистских мероприятий, на отдыхе. Это правда. Поистине фронт без флангов. Отсюда структура, техническое оснащение, вооружение БАО таковы, что его бойцы, когда потребуют того обстановка, могут постоять за себя и доказать, что слово — не единственное их оружие.

БАО на марше — не только и не столько музыка, которая разносится окрест из динамиков звуковещательной станции. Это идущие впереди колонны разведчики и саперы, это, помимо агитационной, две роты на бронетранспортерах (БТР), боевых машинах пехоты (БМП), готовые вступить в бой, это, как правило, постоянная радиосвязь с близлежащими воинскими частями. Это еще и собственные тылы — с запасами горючего, продовольствия, боеприпасов для совершения длительных переходов. Один из агитотрядов, например, совершил 26-дневный переход от Кабула до Асадабада. Агитбойцы прошли тогда 760 км по труднодоступным и опасным горным дорогам, зеленые зоны пяти провинций. Ну, а наш отряд пройдет относительно небольшое расстояние в провинции Кандагар.

Подполковник снова сел на стул и выжидательно посмотрел на командира Медроты. Он ждал фамилии.

2

Майор Семенчук встал, внимательно оглядел своих подчиненных. Офицеры-медики с равной готовностью смотрели на своего командира, каждый приготовился услышать свою фамилию.

— Ситуация у нас сейчас сложная: среди хирургов некомплект. Наш ведущий хирург, командир медицинского взвода, Александр Голущенко недавно был переведен в другой гарнизон на новое место службы, получит теперь майора. Его должность пока начал исполнять начальник операционно-перевязочного отделения капитан Зыков, но он заболел желтухой и отправлен на лечение в Союз. Менее месяца назад прибыл по замене старший ординатор отделения капитан Лузин. Остается ординатор отделения старший лейтенант Невский, он недавно вернулся после краткосрочного отпуска после тифа, силенки накопил. Вот ему и придется ехать. Есть правда еще хирург — начальник приемного отделения капитан Васильчиков, но на нем все отделение держится, не хотелось бы его отправлять. Наконец, есть стоматолог, он же — челюстно-лицевой хирург. Видимо, не подойдет для такой поездки. Решено, поедет Невский.

Старший лейтенант поднялся, встал по стойке смирно.

— В рейдах раньше бывали? Помощь разностороннюю сможете оказать? — Начальник Политотдела задал свои вопросы. Но тут же сам ответил: «Помню вас по одному из рейдов. Лихо тогда солдатика спасли с ранением в область сердце. Правда, у того сердце оказалось с другой стороны. Забавная история.

Хорошо, я согласен».

Подполковник опять прошелся по ординаторской, махнув, чтобы офицер присел на свое место.

— Это очень ответственная работа. От того, как вы окажете помощь, будет зависеть исход переговоров с этим племенем. Перейдет племя на сторону правительства — это будет наша с вами большая победа. Очень надеюсь на вас, товарищ старший лейтенант. Хорошо, с врачом решили. Теперь нужна женщина, медсестра. Очень многие афганские женщины отказываются показаться мужчинам, тем более иноверцам. Тут и потребуется наша советская работница. Опять же должна уметь оказывать и хирургическую помощь. Есть у вас такая?

Командир Медроты опять внимательно обежал взглядом всех сестричек. Пока их было шесть: старшая сестра Москаленко Светлана, операционная сестра Хлыбова Татьяна, постовые сестры Лопатко Людмила и Обыбок Надежда, процедурная сестра Растегаева Валя, перевязочная сестра Канашевич Люба. Он явно колебался в выборе. По всему выходило, что ехать должна Татьяна (самая опытная, дольше всех других в Афгане), но как оставить Медроту без операционной сестры?

— Ой, а можно я поеду? Я уже больше шести месяцев здесь, имею большой опыт работы с хирургическими больными, могу и других больных осмотреть. Наконец, хочется и мир посмотреть, а-то живу здесь, как в изоляторе. — Канашевич задорно улыбнулась.

Видно было, что Семенчук облегченно вздохнул — был рад такому решению. Он кивнул головой и выжидающе посмотрел на начальника Политотдела.

— Я не против. Решите еще с фельдшером из числа солдат. Надо иметь полноценную врачебно-фельдшерскую бригаду.

— Считаю, можно рекомендовать нашего сержанта из стационара, фельдшера Обоскалова, он у нас уже третий месяц, парень толковый. Справится.

Подполковник кивнул в знак согласия. Он собрался уходить, надел панаму. На прощанье произнес:

— Готовьте свою Автоперевязочную, на ней поедете. Выезд через трое суток, утром 4-го апреля. Всю информацию дальнейшую будете получать через своего командира. Честь имею!

Черепко поспешно вышел из ординаторской.

3

Весь день Невский готовил к выезду Автоперевязочную: загружал медикаменты по своему списку, вместе с фельдшером грузил коробки с «сухпаем», одним словом, готовился, как к очередному боевому рейду. Опыт подобный уже имелся, поэтому действовал спокойно и уверенно. Несколько раз прибегала Люба Канашевич; она заметно волновалась — первый выезд все-таки. Старший лейтенант, как мог, подбадривал ее.

На следующий день с утра командир Медроты объявил — предстоит всему составу агитотряда выезд на стрельбище. Хоть и мирный предстоит рейд, но потренироваться в стрельбе не помешает. Майор Семенчук тоже решил съездить, — какой офицер откажется от возможности пострелять.

В БТР все медики уселись рядышком, придерживая на коленях свои автоматы, офицеры захватили и личные ПМ (пистолет Макарова), вложив их в кобуру. До полигона доехали примерно за час. Через окошечко амбразуры Невский следил за дорогой, словно старался ее запомнить. Пустынный пейзаж перемежался с еще цветущими кустиками растительности, среди которых встречалась знакомая уже верблюжья колючка. Иногда попадались даже небольшие «полянки» цветов. Пройдет еще не много времени, и все это будет сожжено безжалостным солнцем.

Медики во главе с командиром заняли по приезду свой участок стрельбища. Невский хотел тут же стрелять по расставленным вдалеке мишеням.

— Сашка, погоди! — Осадил его майор Семенчук. — Сразу видно, что еще службы не знаешь. С чего начинается всякое дело? Правильно, с перекура.

Он тут же достал свою пачку, протянул по очереди старшему лейтенанту и сержанту, потом закурил сам.

— А мне? — Люба виновато улыбнулась.

Михаил Михайлович покачал головой, но сигарету протянул.

— Так, други мои, слушайте новый анекдот. Вчера письмо получил, жена его прислала. Не забывает меня порадовать новинкой:

«Жена посылает мужа на рынок за улитками — для косметического ухода за кожей. По дороге муж встречает друзей и на три дня попадает в запой…

Наконец, на третий день вспоминает о доме, об улитках, идет на рынок, покупает их и приходит домой. Думает, что бы сказать жене, почему его так долго не было. Звонит в дверь, высыпает улиток на пол; жена открывает, и он, подгоняя улиток руками, говорит:

— Ну, вот и пришли! Заходим, заходим, заходим!»

Дождавшись, когда все отсмеялись, Семенчук посмотрел на

Любу:

— Теперь твоя очередь.

— Ой, можно я пока подумаю? Пусть Невский расскажет.

— Ладно, я готов: «Яша, когда придет этот молодой человек свататься к нашей дочери, достаточно сказать «да», и вовсе не обязательно со слезами целовать ему руку и повторять: «Спаситель вы наш…»

— А теперь я! — Люба даже захлопала в ладоши, видимо, вспомнив анекдот:

«Автоинспектор караулит у выхода из ресторана. Выходит подвыпившая толпа, рассаживается по машинам и разъезжается кто куда. Инспектор примечает одного, который вообще еле ноги переставляет, едет за ним, останавливает:

— Подуйте в трубочку!

Результат — нулевой. Инспектор недоуменно:

— Как такое может быть?!

Водитель:

— А я сегодня дежурный по отвлекающему маневру…»

Снова посмеялись.

— Ну, Антон, теперь ты, — майор кивнул фельдшеру. Тот «не полез в карман за словом», откликнулся сразу:

«Встречаются два приятеля:

— Привет! Я слышал, ты недавно женился?

— Ага.

— Ну и как жена?

— Классная! И на кухне хороша, и в постели…

— Как же она повсюду успевает?

— А я ей на кухне постелил…»

Посмеялись, побросали окурки.

— Теперь можно и популять! К барьерам!

Майор Семенчук первым выстрелил из своего пистолета.

4

Только теперь выяснилось, что Люба совершенно не умеет обращаться с оружием. Трое мужчин бросились тут же обучать ее этим премудростям. Учеба проходила трудно — она не знала самых простых истин. Наконец, когда решили, что освоила, вывели ее на огневой рубеж. Первый же выстрел из автомата, в положении стоя, ее оглушил, ошеломил. В растерянности девушка повернулась вместе со стволом автомата к Невскому:

— Что так и будет по ушам бить?

Александр, не сводя глаз с наведенного на него «глазка»,

показал ей рукой, мол, отведи оружие от человека. Ствол опустился и тут же раздался выстрел. Пуля угодила в аккурат между расставленных «на ширине плеч» ботинок старшего лейтенанта. Похолодев, он в рывке отвернул ее автомат:

— Дура, тебе же все трое говорили первое правило — никогда не наводить оружие на человека. А ты?!

Подбежали майор и сержант: «Все в порядке?» — в один голос спросили они.

— Угу, — только и смог сказать Невский, вытирая испарину с лица.

— Ой, простите меня! Я забыла. А чего он сам выстрелил?

— Так ты ведь палец так и держала на спусковом крючке.

Учеба началась сначала.

В конце концов, удалось «вдолбить» основные правила техники безопасности при обращении с оружием. Дальше, выпустив пару-тройку магазинов, Люба даже начала попадать в мишень. Позже стреляли уже по расставленным металлическим баночкам из-под напитка «SiSi», в огромных количествах собранных со всей Бригады для этой цели. Эта стрельба особенно понравилась Любе: попал — баночка летит с деревянного щита для мишени. Очень наглядно.

Перешли в сектор для метания гранат. Здесь были отрыты даже окопы, стояли бетонные «заборчики». Командир продемонстрировал метание гранаты РГД-5 из окопа, потом из-за бетонного ограждения. Затем повторили это упражнение Невский и Обоскалов. Не плохо. Долго решали — доверить ли Любе, очень уж ей хотелось попробовать. Решили рискнуть.

Майор Семенчук спустился с девушкой в окопчик. Уже в «сотый» раз рассказал порядок действия. Старший лейтенант и сержант стояли за бетонным укрытием, выдвинутым метров на пять вперед окопа.

Упражнение началось. Канашевич выдернула чеку с предварительно разогнутыми усиками, зачем-то переложила гранату в другую руку, раздался щелчок; девушка от неожиданности уронила гранату на дно окопа. Майор Семенчук в невероятном прыжке схватил гранату, бросил ее из окопа, одновременно в падении накрывая собой медсестру. Взрыв произошел уже в воздухе, веер осколков ударил по всему радиусу, множество их влетело в бетонное ограждение…

Немая сцена… Когда шок прошел, люди начали шевелиться. Невский и Обоскалов даже не помнили, когда успели упасть на землю. Из окопа показались смертельно бледные лица Канашевич и Семенчука.

— Все живы? — прокашлявшись, хрипло спросил майор. —

На сегодня занятий достаточно. Какого черта ты гранату перекладывала? — свирепея, спросил он Любу.

— Я же левша, мне не удобно было бросать левой рукой.

— А сразу сказать нельзя было?!

— Я думала, что только так надо держать гранату…

Слов уже в ответ не было. Командир махнул в сердцах рукой. Решил, что зря разрешил ехать в рейд этой медсестре, мол, надо было другую послать.

Но Люба его переубедила, тем более что остальные медсестры тоже, по ее словам, ни разу не стреляли еще, не говоря о метании гранат. Да и где им стрелять? Живут все в закрытом городке, носа никуда не высовывают, работа в стационаре — барак жилой, то бишь женское общежитие. Вот и весь маршрут. Изредка в госпиталь выезжают, да в аэропорт.

Выслушав ее обиженную речь, командир Медроты торжественно обещал вывести весь коллектив свой, включая медсестер и фельдшеров на этот полигон для стрельб. На том и порешили.

Оказалось, что подобный инцидент сегодня на стрельбище был не единственный: при перезаряжании автомата получил касательное ранение в голень старший лейтенант Коряков Дмитрий, начальник клуба. К счастью, пуля лишь порвала штанину и оцарапала кожу, но напугала офицера очень сильно. Теперь, возможно, срочно потребуется ему замена на предстоящий агитационный рейд. Но это уже была забота не медиков.

Обратно возвращались в молчании, день клонился к вечеру.

Глава 2

1

Утром в 4 часа 4 апреля колонна вышла из расположения 70 Отдельной Мотострелковой Бригады. Невский сидел рядом с водителем Автоперевязочной. Андрей Грабарь уже заканчивал службу в Афганистане. Это был, видимо, его последний выезд за рулем полюбившейся машины. В салоне автомобиля разместились Люба Канашевич, медсестра и Антон Обоскалов, фельдшер. Они за последние пару дней хорошо познакомились, нашли много общих тем для разговоров.

— Я не запомнил название, куда мы едем сегодня. Майор Крапивец, пропагандист Политотдела Бригады, который возглавляет наш агитотряд, говорил вчера на совещании, но

вылетело из головы. Ты, Андрей, не знаешь? — Невский поерзал на сидении, устраиваясь поудобнее, чтобы можно было еще подремать.

— Мы едем в Спинбулдак, уездный центр. Это на самой границе с Пакистаном, по дороге от Кандагара на юго-восток. В Кандагар мы, конечно, заезжать не будем, выйдем на дорогу прямо из Бригады. Вообще-то правильнее называть это местечко Спинбальдак, я видел на карте официальное название. Но у нас, шурави, принято все на свой лад переиначивать. Я там уже бывал пару раз. Дыра-дырой. Тогда я еще не служил в Медроте водилой, а был в 3-м батальоне. После ранения, полгода как, служу здесь. Скоро прилетит за мной большой серебристый самолет и отвезет меня домой, на встречу с родичами.

— Чем хочешь заняться на гражданке?

— Пойду в милицию работать. Буду всяких гадов «давить». Ненавижу бандюг и воров. Думаю, должны меня взять после Афгана. Как думаете?

— Не сомневайся. Возьмут. Им такие боевые ребята тоже нужны. — Невский надвинул панаму на глаза, показывая, что разговор исчерпан. Он и, правда, скоро задремал.

Проснулся через пару часов, потянулся, позевывая. Андрей все также сосредоточенно крутил баранку.

— Доброе утро, товарищ старший лейтенант! Здоровы же вы поспать.

— А что мне еще прикажешь делать? Как тут обстановка? Где едем?

— Проехали через волость Тахтапуль, обогнули позднее Маулазак, сейчас приближаемся к Дабарай. Не знаю, поедем ли через него. Больше половины пути до конечной точки одолели.

— И как ты все эти названия запоминаешь? Язык можно сломать. Ты мне их назвал, а я уже забыл.

— Мы в этих местах частенько «духов» гоняли, вот и врезались названия в память. Кое-где и дружки мои гибли. Такое не забывается.

— Тогда понятно.

Дабарай проехали на полной скорости, впрочем, не попалось ни одной живой души — населенный пункт словно вымер. Солнце давно уже взбиралось по небесному своду, день стремительно разгорался. Спать больше не хотелось. Невский достал потрепанную книжку без названия, с пропущенным началом (нашел ее перед выездом прямо на полу Приемного отделения), но решил занять себя хоть таким чтением. Незаметно увлекся этой историей о пограничниках в первый день войны с немцами. Вполуха он слушал и рассуждения водителя Андрея. Тот все

строил планы о своей работе милиционером после возвращения из Афганистана.

Часа через полтора колонна начала притормаживать, потом окончательно встала. Был объявлен небольшой привал перед въездом в Спинбальдак. Водитель с фельдшером быстро взялись за приготовление завтрака: разогрели на небольшом костерке банки с рисовой кашей и тушенкой, чай, открыли консервированный сыр, масло сливочное, нарезали хлеба. Все вчетвером с удовольствием поели — успели проголодаться за время дороги.

Люба смотрела на все широко раскрытыми глазами — ей все было интересно, все в новинку. Она задавала бесчисленное количество вопросов, трое молодых людей не успевали ей отвечать. Девушке не терпелось увидеть «настоящего живого душмана», а если понадобится, то и пострелять во врагов.

Неожиданно из впереди стоящей машины — это был клубный автобус на базе ГАЗ-66 — раздалась громкая музыка из ряда динамиков на крыше будки. Что-то из национальной афганской мелодии.

— Агитотряд начинает свою работу, — пояснил водитель Андрей. — Будем въезжать под музыку. Это своеобразный «почерк» таких рейдов. У меня есть земляк, он в агитотряде уже несколько месяцев, они всегда так появляются в кишлаках. Так все и узнают о прибытии «мирного каравана». Эта новость быстро разлетается, «беспроволочный телеграф» ее стремительно разносит, чуть ли не со скоростью молнии. Не зря говорят на Востоке, что у доброй вести быстрые крылья.

Прозвучала команда «По машинам!» Дожевывая на ходу хлеб с маслом, Люба и фельдшер заняли свое место в салоне, а Невский и водитель поспешно влезли в кабину. Колонна двинулась дальше. Афганские мелодии из динамиков сменялись песнями на русском, узбекском, таджикском языках. Ехать стало веселее.

Показались первые низкорослые глиняные домики окраины, стали проскальзывать и более высокие каменные дома. Агитотряд добрался до Спинбальдака. Это был едва не самый последний населенный пункт к юго-востоку от Кандагара, расположенный на границе с Пакистаном. Даже не вооруженным глазом видны были постройки пакистанского города Чаман.

Колонна втягивалась на большую площадь, машины веером разъезжались по периметру, боевая техника занимала позиции, организуя оборону. Между машин сновали многочисленные «стайки» афганских ребятишек, чудом избегавшие столкновения с техникой, водителям приходилось проявлять чрезмерную

осторожность. На грохот двигателей и музыку из динамиков стали собираться на площади и седобородые старцы. Женщин почти не было видно. С ними, правда, понятно: вековыми традициями, которые в сельской местности особенно живучи, афганской женщине строго определено место, где она должна находиться, если не занята работой, — женская половина дома.

2

Майор Крапивец, невысокий коренастый блондин, распоряжался размещением машин на площади. Медпункт решили разбить на берегу арыка в полусотне метров от крайнего дувала. Там и поставили Автоперевязочную, а рядом старший лейтенант с помощью фельдшера и водителя установили две санитарные палатки УСТ (универсальные санитарно-транспортные): в одной запланировали вести общий прием, а в другой — проводить различные процедуры. В палатках установили столы, кушетки, носилки, коробки с медикаментами и перевязочным материалом. Все это было загружено в Бригаде в грузовую машину. В салоне Автоперевязочной Невский решил проводить только хирургические манипуляции в случае необходимости. Стерильных инструментов захватил с запасом, кроме того, взял и примус, на котором можно будет еще стерилизовать по мере надобности. Неподалеку от их медпункта встал и клубный автобус, из динамиков которого продолжала литься музыка. Там тоже шла оживленная работа: развертывали на агитплощадке складные стенды, готовили трибуну — ею послужит кузов грузового автомобиля с опущенными бортами, проверяли в работе киноустановку — когда стемнеет, будет показан фильм, а сейчас большой белый экран крепился на стене подходящего дома.

Медиков поначалу смущало обилие вооруженных людей вокруг. Потом привыкли: как всякий человек не представляет себя без одежды, так здешний пуштун — себя сегодня без автомата или винтовки.

Постепенно все машины агитотряда разместились на отведенное им майором место. Кормой внутрь образованного круга, к автомобилям и санитарным палаткам, встали несколько боевых машины пехоты (БМП). Опасения, что хозяева могут воспринять эти меры с неодобрением, оказались напрасными. Напротив, они с пониманием наблюдали, как четко и быстро «шурави» организуют оборону. Не исключалось, что мятежники сделают все, чтобы помешать большому племени перейти на

сторону «неверных». Поэтому все мужское население кишлака, способное носить оружие, по распоряжению вождя также заняло позиции на внешнем кольце обороны.

Невский заканчивал уже подготовительную к приему больных работу, как заметил, что к ним приближается небольшая группа. Впереди шли майор Крапивец и высокий чернобородый мужчина с автоматом Калашникова на плече, они о чем-то оживленно беседовали с помощью переводчика, молодого лейтенанта из Политотдела. За ними в удалении на шаг мирно шагали по два охранника с автоматами — от племени и от «шурави».

Иван Сергеевич крепко пожал Невскому руку, потом представил его своему спутнику, переводчик перевел. Это оказался сам вождь Абдул Хаким, непререкаемый авторитет для своего двухтысячного племени. Он был единственный, кто жил раньше в городе и получил университетское образование. Человек неглупый, он понимал, почему люди стали посматривать на него с недоверием. Борьба с государственной властью вела в никуда. Осиротели, остались без кормильцев многие семьи. Оскудел дукан. Все чаще в дома стучалась смерть. И не от пули: болезни буквально косили людей. Больше всех страдали дети. Поэтому вождь и вышел на переговоры.

Выслушав переводчика, Абдул Хаким пристально посмотрел в глаза, протянул руку и тоже крепко пожал ладонь Невскому. Старший лейтенант доложил, что все готово к приему больных, можно начинать. Дождавшись перевода, вождь кивнул и пошел дальше знакомиться с прибывшими.

Невский надел белый халат, чтобы полностью соответствовать представлению афганцев о докторе, ему последовали медсестра и фельдшер. Все заметно волновались — не хотелось ударить в грязь лицом. А вдруг их профессиональных знаний и умений не хватит, чтобы оказать достойную помощь. Александр гнал от себя эту тревожную мысль.

Пробыв в этой стране уже более десяти месяцев, старший лейтенант имел опыт общения с местными жителями, приходилось оказывать помощь в рейдах и афганским солдатам (сарбозам), а, будучи на прикомандировании в госпитале, даже оперировал и лечил афганских женщин — жен афганских офицеров. У него сложилось стойкое мнение — врача в Афганистане боготворят. Если кто пока и может соперничать с ним в этом, то разве что мулла. Но если благоговение перед священнослужителем — это, прежде всего, страх перед карой Аллаха, то отношение к медику — как к доброму волшебнику. Афганцы любят и само общение с врачом. И неудивительно. Народ веками не знал, что такое лекарство, медицинская помощь.

И вдруг болезни, без которых люди не мыслили жизни, стали отступать. Не перед молитвами — перед людьми в белых халатах. К военным медикам советского ограниченного контингента войск отношение у афганцев особое. С таким бескорыстием, с такой самоотверженностью врачей здесь еще не встречались…

Хозяева и гости вместе завершили подготовку к обороне. Трудно представить, но это так: те, кто вчера считал тебя заклятым врагом, сегодня обеспокоены, как бы с тобой чего не случилось. Возможна ли такая метаморфоза? Да. Если людям творить добро.

3

Постепенно все пространство было заполнено людьми в традиционной афганской одежде. И вот площадь стихла. На трибуну взобрался мулла агитотряда Совбат Хан: В Афганистане все массовые мероприятия, как правило, начинаются чтением Корана.

Потом выступал майор Крапивец. Он вкратце напомнил о произошедшей Апрельской революции 1978 года, рассказал о стремительно происходящих переменах к лучшей жизни в стране, говорил о земле, раздаваемой новой властью дехканам, об открывающихся по всем провинциям школах, больницах. Подчеркнул, что у прибывших сюда «шурави» особая мирная миссия. Переводчик едва поспевал за Иваном Сергеевичем. Сразу стало видно, что майор «сел на своего любимого конька», говорить он умел. Впрочем, его слушали с большим вниманием.

Потом был дан небольшой концерт: три девушки из состава отряда (узбечка и две таджички) пели в микрофон песни на разных языках (каких, Невский так и не разобрал), потом исполнили несколько танцев. Им хлопали уже с удовольствием, видны были улыбающиеся лица зрителей — выступление нравилось.

После концерта зрителям предложили пройти к столу и записаться на прием к врачу — решили распределить нуждающихся на несколько дней, чтобы не создавать лишней очереди. Поначалу робко, по одиночке, потом все смелее, даже группами, люди начали подходить к столу, две девушки-переводчицы из Политотдела Бригады выслушивали их, вписывали в журнал учета, стараясь разделить их на потоки по срочности для оказания помощи. Невский с медсестрой стоял рядом, прикидывая объем предстоящей помощи для каждого.

В основном шли люди с хроническими заболеваниями: очень

много было малярии, туберкулеза, трахомы (заболевание глаз) и т. д. Все жалобы хирургического характера ставили на особый учет — для первоочередной помощи. Это были и нагноившиеся ранения, и свежие раны, в том числе огнестрельные. Много было гнойных заболеваний кожи: флегмоны кисти, панариции пальцев, фурункулы и карбункулы. Невский не видел давно сразу такого количества нуждающихся в неотложной помощи. Его всегда учили, что основной принцип в гнойной хирургии: «Где гной — там разрез», а «промедление смерти подобно». Как же все эти люди терпят эту, порой нестерпимую боль. Отобрав десяток подобных страдальцев, он просил их немедленно отправить к Автоперевязочной.

И работа закипела. Волнение сразу прошло, руки выполняли привычную, знакомую работу. Фельдшер и медсестра активно помогали, они тоже чувствовали себя теперь уверенно. Прочищая очередную нагноившуюся рану или вскрывая гнойник, Невский видел благодарные глаза пациентов, они, действительно, смотрели на него порой, как на волшебника. Повязки накладывались либо с гипертоническим раствором, либо с фурациллином, либо с мазью Вишневского (самой «хирургической мазью»). Через переводчицу (а это была одна из девушек из Политотдела, которая с опаской посматривала на манипуляции медиков в салоне Автоперевязочной) врач просил завтра каждого непременно прийти на перевязку. Кое-кто из больных приходил с уже имеющимися самодельными повязками, в качестве которых служили обрывки грязной кожи, ореховые листья и жженая шерсть. Раны серьезно нагноились, грозила гангрена конечностям. После тщательного «туалета» таких ран и наложения стерильных белых бинтов, таким больным вручалась для борьбы с запущенной инфекцией упаковка антибиотиков с пояснением, как принимать. Приходилось по несколько раз повторять инструкции, чтобы убедиться — тебя поняли. Прижимая к груди перевязанную руку или палец, очередной пациент низко кланялся, кивал головой, норовя выйти из салона машины, пятясь задом. Каждый раз приходилось опасаться, что выпадет прямо на землю, но все обходилось без происшествий. Многие просили на прощание назвать имя этого «шурави-духтар». Переводчица каждый раз называла — «Искандер».

Невский как-то даже не утерпел:

— Почему ты называешь это странное имя? Я ведь все-таки Александр.

Девушка снисходительно улыбнулась, пояснив, что это и есть имя, только на афганский манер.

Избавляя пациентов от физической боли, Невский и его

коллеги стремились проникнуть в их души. И делали своего рода открытия. Люди устали от войны. Лишения, испытываемые неизвестно во имя чего, заставили их задуматься, где друзья и где враги. Сын местного муллы (ему вскрыли огромный гнойник на шее), например, с детской откровенностью признался: «Мой отец всегда хорошо относился к «шурави». Только боялся об этом говорить: его убили бы…»

Несколько часов работы пролетели незаметно. Редко прерывались даже на перекур. Хотелось в первый день потрудиться ударно. Чтобы смуглая, черноволосая переводчица (а ее, оказалось, звали Турсуной Джумаева) не скучала без дела, ее попросили вести журнал учета принятых больных. Список быстро рос. Не остался без работы и водитель — ему поручили своевременно направлять на прием следующего пациента, следить за их очередностью. Взрослые люди вели себя, как дети, норовя «прошмыгнуть» впереди своей очереди. Во второй половине дня, когда число принятых больных перевалило за пятьдесят человек, появился майор Крапивец и своим волевым решением объявил перерыв на обед. Только теперь медики почувствовали, как проголодались и, буквально, валились от усталости.

Дожидавшиеся своей очереди под сооруженным навесом у автомобиля больные понимающе закивали головами, но расходиться отказались. Им тоже хотелось получить свою дозу лечения.

Обедали в палатке у сооруженного ПХД (пункт хозяйственного довольствия) агитотряда. Оказалось, что все остальные давно поели. Врач, фельдшер, медсестра, водитель и переводчица чувствовали себя по-настоящему довольными: они делали большое дело, и число благодарных им людей в кишлаке стремительно росло. А, значит, росла и вероятность перехода этого племени на сторону правительства.

Такого вкусного супа из свежей баранины, такой вкусной гречневой каши с тушенкой они, кажется, давно не ели. Даже горячий компот шел «на ура». После обеда все сели на лавочке у палатки покурить. Говорить не хотелось. Просто дымили сигаретами и подставляли лица под уже припекающее апрельское солнце.

4

Во второй половине дня приняли еще около тридцати человек. По-прежнему пока шли лишь нуждающиеся в

неотложной помощи, в основном, хирургического профиля. Растрогал, даже рассмешил один престарелый афганец, старейшина племени. Его привел совсем молоденький паренек, возможно, внук. Со слов сопровождающего, дедушка совсем не слышит, даже не может нормально говорить из-за этого. Просил «волшебника-шурави» помочь в этой беде. Невский не считал себя специалистом в ЛОР-болезнях, но сразу отказать не хотелось. Хорошо, что взял с собой соответствующий набор инструментов. При осмотре наружных слуховых проходов он заметил огромное количество спрессованной ушной серы. Закапал в оба уха размягчающее масло, а затем промыл оба слуховых прохода из огромного шприца Жане обыкновенной теплой водой. И чудо совершилось! После того, как «залежи» были вымыты, человек вновь обрел слух. Эффект был потрясающий — старейшина, который практически не слышал уже много лет, вдруг стал различать человеческую речь. На радостях дед даже запел, потом опустился перед растерявшимся Невским на колени, ему последовал и внук. С трудом вдвоем с переводчицей удалось их убедить, что никакого волшебства здесь нет. Еще очень долго они не уходили, продолжали вновь рассыпаться в благодарностях. На улице «исцеленный» всем, кто еще дожидался своей очереди, продемонстрировал возвращение слуха. Все медики теперь поняли, что их триумф состоялся!

Когда надобность в хирургической помощи на сегодня исчерпалась, медики перешли из Автоперевязочной в палатку для приема. Удалось принять еще несколько больных с малярией и заболеванием легких. Все они получили лекарства и подробную инструкцию, как принимать таблетки. Когда ушел последний из дожидавшихся больных, врач, медсестра, фельдшер, а также водитель и переводчица облегченно вздохнули. Первый рабочий день был позади, удалось сделать все от них зависящее. Теперь это была сплоченная единая команда. Появилась уверенность в своих силах — они смогут выполнить любые задачи!

К вечеру в сгущающихся сумерках для жителей кишлака был показан советский фильм «Тринадцать», правда, он был на таджикском языке. Основная масса понимала этот язык хорошо.

Медики после ужина тоже немного посмотрели, но это был не их родной язык, поэтому решили вернуться к Автоперевязочной. Обсуждали прошедший день. Им казалось, что находятся здесь уже не менее недели — настолько прошедшие часы были насыщены событиями.

Постепенно разговоры переместились на личности: каждому хотелось побольше узнать друг о друге. Интересовало все: чем человек интересуется, как жил до Афганистана, чем занимал

свободное время, планы на будущее. Водитель Андрей «свернул на свою любимую тему» — поделился мечтами о будущей работе в милиции. Фельдшер Антон уже видит себя на станции «Скорой помощи» в родном городке на Волге. Врач Невский будет служить дальше и работать хирургом. Медсестра Люба, оказалось, мечтает путешествовать по миру.

— Правда-правда! Я очень любила в школе географию. Одно из любимых занятий в детстве — рассматривать карту мира, мысленно путешествовать по всем странам. Я знала сотни названий стран, тысячи городов, множество рек и морей. Учительница географии всем меня в пример ставила. После окончания медицинского училища (пришлось поступить по обстоятельствам) я рвалась хоть в какую-нибудь экспедицию по нашей стране. Но так и не смогла выбраться за пределы своей Архангельской области. Вдруг я узнала о возможности выехать на работу в Афганистан. Конечно, ухватилась за эту «соломинку». Родители были против, но я настояла. Перед отъездом прочитала всю возможную литературу об этой стране. Пусть это будет моя первая страна, которую я посещу в своей поездке по миру.

Вы вот, наверняка, не все знаете, что великий завоеватель древности Александр Македонский тоже был в Афганистане. До сих пор принято говорить о «потомках Александра Македонского». Не самого царя, конечно, а тех греков, что участвовали в его походе в Азию. Таких «потомков» много. Наиболее известные из них — нуристанцы (или калаши, или кафиры), живущие в отрогах Гиндукуша на северо-западе Афганистана. Кажется, в 329 г. до н. э. войско Македонского прошло по территории современного Афганистана и со стороны реки Гильменд поднялось на гребень Гиндукуша. Дойдя до Сырдарьи, армия вернулась тем же путем обратно. Однако, и не заходя в пределы Памира, отдельные ее отряды скорей всего побывали в Бадахшане. Его жители до сих пор хранят легенду об Искандере — «Александре Двурогом». Впрочем, помнят его в легендах и во многих других провинциях. В том числе и в Кандагаре. Вы помните, как сегодня старик, к которому вернулся слух, все твердил об Искандере, ползая на коленях пред нашим доктором… А это я все в книжке вычитала, сама я не сильна в истории, возможно и перепутала что-то. Опять же из книжки следует, что первые попытки укрепиться в Афганистане Советская Россия предприняла в 1924 году, по приглашению тогдашнего правителя страны — эмира Амануллы-хана. В общем, это довольно интересная страна. Хотелось бы мне побольше здесь поездить, посмотреть. Потому я и в этот рейд напросилась.

— Да, а ты хорошо подготовилась к поездке. Я ничего этого

не знал. Молодец, Люба! — Невский по-братски похлопал ее по плечу. Девушка широко улыбнулась в ответ. Ночь стремительно надвигалась. Пора было и на отдых. Решили девушку положить в салоне машины, трое мужчин легли в палатке на носилках. Сон наступил практически сразу.

Глава 3

1

Утром работа продолжилась. Уже к семи утра возле Автоперевязочной собралась приличная группа на прием. Что особенно порадовало, впервые появились и женщины. Значит, людям в белых халатах стали доверять. Как и накануне, начали оказывать в первую очередь помощь хирургическим больным. Очень много пришло вчерашних больных на повторную перевязку. Практически все они норовили первым делом лично поблагодарить доктора-«волшебника» Искандера. Проведя лично несколько перевязок, Невский решил теперь организовать две медицинских бригады: перевязки будет делать опытный фельдшер Антон с водителем-санитаром Андреем, а сам врач с медсестрой тем временем будут обслуживать хирургических больных. Переводчица Турсуной будет с ними. На том и порешили. Дело пошло быстрее.

Первой «серьезной» пациенткой оказалась молодая, даже совсем юная женщина. Вместе с ней пришли молодой афганец, ее муж и старик, ее отец. Как выяснилось, молодой не хочет, чтобы его жену осматривал «шурави». Старик настаивал на обратном. Он понимал, если дочь не начнет лечить доктор, она умрет. Разум все ж таки одержал верх. Молодой афганец согласился, но при одном условии — он будет находиться рядом.

Люба помогла афганке обнажиться до пояса, лечь на операционный стол в салоне машины. Да, это был тяжелый случай — мастит (воспаление грудной железы), очень запущенная форма. Бедная девушка, практически девочка (вряд ли ей было больше 14 лет) мучилась от нестерпимой боли, гнойное воспаление груди грозило перейти в гангрену. Требовалось срочное вскрытие. Все это Невский через переводчицу передал мужу, прося согласие на операцию. Тот размышлял не долго. Кивнул головой и стал поближе к операционному столу.

Невский тщательно обработал свои руки йодом, спиртом, одел с помощью сестры стерильные перчатки. Обработал также тщательно операционное поле. В качестве обезболивающего

средства решил использовать экстренный «наркоз» — ампулу с хлорэтилом («заморозка»).

Странная это была операция. Старший лейтенант непрерывно ощущал на спине тяжелое дыхание мужа девушки, тот постоянно порывался всунуть свои руки в ход операции, особенно, когда считал, что требуется его помощь. В сотый, наверное, раз через переводчицу Александр просил не мешать ему. Любящий муж никак не хотел услышать эти призывы.

Впрочем, операция прошла, как «по маслу». Гнойник был вскрыт, рана промыта, прочищена. Наложена повязка с дезинфицирующим раствором. Мужу передали для жены упаковку антибиотиков, подробно рассказав порядок их приема.

Облегчение наступило сразу. Это было видно по лицу молодой женщины. Маска страдания сменилась на радостное облегчение. Стало даже видно, что это очень красивая афганка. Муж ликовал вместе с женой. К общей радости присоединился и отец девушки. Так они и ушли втроем, обнимая друг друга, пообещав завтра непременно прийти на перевязку.

Работа продолжилась с не меньшим усердием. Заметно снизилось число больных, нуждающихся в хирургической помощи. Все чаще стали появляться женщины, видимо мужья разрешили им все-таки сходить на прием к «шурави», а, значит, доверие было завоевано. Появилась на приеме девушка с пустяшной раной на руке. Невский сделал перевязку, а девчушка пожелала говорить только с ханум (так она назвала медсестру Любу). Пришлось старшему лейтенанту покинуть салон Автоперевязочной. Турсуной Джумаева осталась на правах переводчицы. Врач покурил пока на воздухе. Десятки глаз больных, ждущих приема, смотрели на него. Александр не заметил ни одного злобного или недоброжелательного взгляда. На душе потеплело.

Вскоре девушка-афганка вылезла из машины и пошла домой, к ней тут же присоединился с лавочки молодой парень с небольшой, редкой еще бородкой, видимо, ее муж. Невский, не спеша, докурил, бросил окурок. В салоне ему тут же сообщили «страшную тайну» этой пациентки. Этой афганке, как выяснилось, всего 14 лет, а она уже мать двоих детей. Под предлогом лечения ранки на руке, она украдкой от мужа пришла просить лекарств, чтобы детей больше не было.

— Что же вы ей посоветовали? — Невский даже закашлялся от такой неожиданной просьбы, — у нас нет с собой таких таблеток.

— Я дала ей самое надежное средство, — Люба коротко хохотнула.

— ?!

— Это презервативы. Целую упаковку Турсуной ей отдала свои запасы. За одним она и объяснила, как использовать, где потом еще покупать.

— Но тебе-то они, Турсуной, зачем? — Невский тут же пожалел, что спросил. Слишком поздно понял всю свою бестактность. Покраснел, смешался. — Ладно, продолжаем работать, там еще много человек ждет. Приглашай на прием.

— Да вы, доктор, не беспокойтесь. Девчонка эта понятливая, сразу все смекнула. Для нее это вопрос жизни. Что касается меня, то «запас карман не тянет», кажется, такая есть у русских поговорка. — Джумаева хмыкнула и открыла дверь салона, приглашая нового больного.

2

Вскоре Невский, медсестра Люба и переводчица Турсуной перешли в палатку для приема. Теперь к ним шли больные, нуждающиеся только в терапевтической помощи. Переводчице теперь было много работы — приходилось подолгу расспрашивать жалобы, еще дольше требовалось разъяснений, как принимать все полученные таблетки.

Медики собирались уже объявить перерыв на обед, как в палатку вошел взволнованный майор Крапивец, вместе с ним была вторая переводчица Хассанова Мохруй, кареглазая красавица, и старик-афганец со слезящимися глазами. Иван Сергеевич пожал руку Невскому и сообщил, что этот пожилой афганец умоляет спасти его дочь, которая никак не может родить, вот-вот умрет сама. Он все твердит, что, мол, только шурави-духтар Искандер может совершить чудо и спасти его девочку. Сюда ее принести нет возможности, придется отправиться в их дом самим.

— Я привел вам охрану, двое наших разведчиков, а также к вам просится для разговора один наш работник, он уже четвертый месяц с нами в агитотряде, парень толковый, работает водителем на клубном автобусе, — все это майор Крапивец произнес, не выпуская ладонь старшего лейтенанта. Наконец, видимо вспомнив, освободил руку из крепкого рукопожатия.

— Чем же мне может помочь водитель, как вы говорите?

— Александр, ситуация очень серьезная. Не дай Бог, умрет роженица. А от помощи не стоит отказываться. Сам все узнаешь. — Майор первым вышел из палатки.

Невский сразу заметил стоящего поодаль коренастого

сержанта среднего роста с открытым прямым взглядом. Направился к нему, представился. Сержант коротко козырнул, сразу заговорил, чтобы не терять драгоценное время:

— Сержант Пампушный Сергей Викторович. — Важно представился он. — Работаю водителем в агитотряде с января этого года, в Афгане с сентября 1982года. До армии окончил медицинское училище, фельдшерское отделение. Более двух лет затем проработал в фельдшерско-акушерском пункте, имею большой опыт по приему родов. Я, как только услышал об этой рожающей афганке, подумал, что могу вам пригодиться.

— Это ты правильно решил. Молодец, что пришел. Будем вместе выходить из трудной ситуации. А чего ты с таким медицинским опытом водителем работаешь?! Мы в Бригаде с ног сбились — ищем для Медроты специалистов из числа солдат, даже тех, кто чуть-чуть в медицине понимает, а тут такой кадр в агитотряде прохлаждается, — Невский даже искренне негодовал. Впрочем, он был сейчас рад такому помощнику. Нельзя сказать, чтобы сам совсем не разбирался в родовспоможении, но опыт был явно скромный.

— Так получилось, товарищ старший лейтенант. Я потом вам все расскажу. Берете меня с собой?

— Конечно!

Собрав все необходимое в большую медицинскую сумку, прихватив побольше чистых полотенец и простыней, сложив на всю команду новые белые халаты, группа отправилась за спешащим стариком-афганцем. Он знал, что время не терпит. Невский, Пампушный, Канашевич и переводчица Хассанова еле поспевали за ним, автоматчики шли широким шагом за медиками. Идти пришлось проулочками, переулочками, даже «козьими тропами» довольно долго. Наконец, проводник свернул к низкорослому домику из глины. Это и был его дом. Раньше Невскому не приходилось входить в дома афганцев, теперь смотрел «во все глаза». Впрочем, Люба тоже с любопытством оглядывала все вокруг.

Зашли в жилище — трудно даже определить, в какое прошлое попали: дувалы разрушены, в глинобитных каморках пусто, лишь циновки лежат. Пожилая афганка пекла в тандыре лепешки из ягод шелковицы, сверху посыпая их травкой. Страшная бедность!

На входе в женскую половину дома им встретился молодой чернобородый афганец. Он предостерегающе поднял руку, останавливая группу. Старик сразу заговорил с ним, указывая рукой на Невского и его спутников. Мохруй тихо переводила их разговор. По всему выходило, что муж роженицы не хочет пускать «шурави» к своей жене. Старик схватил его за руку и быстро-

быстро заговорил. «Уговаривает», — перевела коротко Хассанова. Наконец, молодой афганец кивнул головой. Он разрешил пройти Невскому, Пампушному и Канашевич с переводчицей. К тому времени они все уже надели белые халаты. Видимо, их белоснежный вид и сыграл решающую роль. Охране разрешили разместиться при входе.

Невский тут же попросил нагреть как можно больше воды. Старик — афганец побежал выполнять просьбу. Муж афганки отступил в сторону, пропуская людей на «святая святых» — в женскую половину дома.

3

В полутемной каморке находились двое: средних лет невысокая афганка (как выяснилось позже, это была местная знахарка, пытавшаяся помогать при родах) и молодая женщина, очень бледная с искаженным от страдания лицом. Она лежала в углу на обрывке некогда большого и богатого ковра, укрытая цветастым пледом, вокруг лежало несколько грязных подушек, набитых травой. Знахарка поминутно вытирала испарину с лица роженицы, смачивала ей губы влажной тряпочкой.

Невский попросил через переводчицу зажечь побольше свечей или керосиновых ламп. Муж кивнул и тут же ушел. Вернулся очень быстро, зажег две принесенных лампы типа «летучая мышь», повесил их на гвоздики в стенах. В каморке сразу посветлело. Молодой афганец подошел к жене, погладил ее по щеке и молча вышел, опустив голову.

Врач попросил Мохруй выяснить все об этой роженице и времени с начала родов. Переводчица тихо рассказывала вслед за говорящей знахаркой. Девушку зовут Нафтула, ей 16 лет. Это ее вторые роды, первый ребенок родился год назад мертвым. Воды были очень обильные, отошли еще ранним утром. Но дальше дело не идет.

Пристально взглянув на обессиленную Нафтулу, истерзанную родовыми муками, уже уставшую бороться за собственную жизнь и жизнь будущего ребенка, Невский понял, что если они не поторопятся, то может наступить конец. Надо было срочно приниматься за работу.

Прежде всего, с помощью подушек и принесенных белых простыней создали подходящее ложе, переместили туда Нафтулу. От изумления и проснувшегося любопытства она даже перестала стонать. Врач приступил к наружному исследованию: удалось прощупать над входом в малый таз крупную мягковатую часть, не

способную к баллотированию. В дне матке определилась округлая, плотная, баллотирующаяся головка. С помощью фонендоскопа он прослушал сердцебиение плода выше пупка справа. Наконец, надев стерильные резиновые перчатки, Невский провел влагалищное исследование: прощупывалась мягковатая часть, на которой он определил седалищные бугры, крестец, копчик, заднепроходное отверстие. Стало все ясно — имелось тазовое предлежание плода, иными словами, ребенок пытался родиться «задом вперед».

Фельдшер Пампушный быстро повторил манипуляции, согласился с врачом. Надо было срочно вмешиваться и извлекать плод за ножку. Невский, к своему ужасу, совершенно не помнил технику такого извлечения.

Вообще-то будущих военных врачей готовили к приему родов, так как в маленьких изолированных военных городках врачу надо уметь делать все. Невольно вспомнился их преподаватель по акушерству. Ох, и зануда же был! Он считал свой предмет основным. Доцент кафедры Вишневский (такой была его фамилия, которой врач чрезвычайно гордился — легендарная фамилия для медицины. Хотя все знали, что он взял фамилию жены, настоящая была — Удавихин. Так между собой его и звали всегда.) требовал к каждому занятию писать конспекты по изучаемой теме (иногда это был текст в 50–80 страниц). Вызывая для ответа очередную жертву, он требовал к просмотру конспект, внимательно читал и слушал устный ответ. При отсутствии конспекта двойка ставилась без разговоров. Но и наличие конспекта не спасало — требовалось писать только самое главное, суть, а не бессмысленный набор предложений. А еще он заставлял думать. Задавал разные вопросы, на которые не было ответов ни у кого. Например, спросил как-то: «Каким размером будет выходить плод через родовые пути». Назывались различные расстояния между костями головы, все это было не верно. Двойки сыпались, как из «рога изобилия». За одно занятие, бывало, двойки получали по 8–10 человек. Наконец, преподаватель открыл истину — «наименьшим размером!» А отрабатывать двойки можно было только одним путем — ночными дежурствами в роддоме, иначе зачет по предмету не получить. Как они все замучились на этом цикле! Одно время даже подумывали — не устроить ли «темную» несговорчивому преподавателю. Он стоял на своем. Пришлось ходить на эти ночные дежурства вместе с Вишневским (а дежурил он часто). Одно дежурство «перекрывало» две двойки. Там, на дежурствах и «набивали руки» в приеме родов будущие врачи. Сейчас Невский даже с благодарностью вспомнил этого «тирана-преподавателя».

Понятно теперь, что этот ребенок и будет рождаться «наименьшим размером», т. е. задом. Надо помогать. И срочно!

Видя нерешительность врача, фельдшер решил вмешаться. Он начал шептать на ухо Невскому порядок действий, казалось, он читает текст из акушерского пособия. Невский кивнул и передал распоряжение медсестре — наблюдалась явная слабость родовых сил, требовалась стимуляция. Люба послушно набрала в шприц лекарства для предупреждения спазма шейки матки (1 мл атропина 0,1 % и 1 мл папаверина 1 %), ввела в руку роженице. Затем она ввела уже внутривенно 50 мл 40 % глюкозы, 10 мл 10%раствора хлористого кальция и, наконец, внутримышечно 1 мл 5 % раствора витамина В-1.

Пампушный продолжал шептать: «Первый момент техники. Ножку захватить всей рукой, лучше в области коленного сустава, выше и ниже его. (Невский послушно следовал советам). Теперь производите влечение за ножку книзу. Вторую ножку не освобождайте, она родится самостоятельно. Извлечение книзу производите до тех пор, пока не родится передняя ягодица и подвздошная кость подойдет под нижний край симфиза; затем переднее бедро захватите обеими руками и поднимите кверху, вот видите, все правильно делаем — родилась вторая ягодица. Теперь, товарищ старший лейтенант, оба своих больших пальца кладите вдоль по крестцу плода, указательный палец надо расположить в заднем паховом сгибе, переднее бедро обхватывайте четырьмя пальцами. Захватив тазовый конец таким образом, продолжайте тянуть вниз, до извлечения плода до пупка. Отлично, все правильно делаете! (Невский уже давно чувствовал, что взмок с головы до ног, а по спине течет струйка пота). Второй момент. Видите, выпала задняя ножка, ее захватывайте, как и переднюю, и продолжайте извлечение плода до нижнего угла лопатки. Третий и четвертый моменты. Это называется классическое ручное пособие. Вы его знаете?»

Невский кивнул. Это приходилось делать «при отработке двоек» еще во времена учебы. Он вспомнил, что ручное пособие начинают с освобождения ручек, когда плод родился до нижнего угла лопаток. При этом каждую ручку освобождают одноименной своей рукой. Сам собой получился и поворот плода на 180 градусов. Затем был осторожно выполнен и последний момент — освобождение головки. Человек родился!!

Ребенка решительно подхватил фельдшер. Сам Невский едва не падал от усталости и перенесенного волнения. Сергей действовал ловко и сноровисто, виден был сразу большой опыт. Он быстро прочистил рот ребеночка, как-то неуловимо изящно встряхнул его и шлепнул легонько по заду — раздался

долгожданный крик. Тут фельдшер неожиданно негромко заговорил: «Блажен помышляющий о бедном и убогом! В день бедственный избавит его Господь. Господь да сохранит его, и сбережет ему жизнь, и дарует ему блаженство на земле, и да не предаст его в руки врагов его. Господь да поможет ему на одре болезни его!» При последних словах он показал ребеночка улыбающейся уже мамочке.

— С сыночком тебя, Нафтула! — Пампушный широко улыбнулся, оглядывая всех в каморке.

Женщина-знахарка взяла кричащий комочек. В каморку уже просунулся светящийся от счастья муж, он вносил деревянное корытце, воду в кувшине. Ребенка обмыли. Фельдшер обрезал пуповину, тем самым окончательно «завершив рождение» нового гражданина Афганистана, смазал ранку йодом, перевязал стерильной салфеткой. Врач продолжал осмотр роженицы. К большой радости, никаких разрывов не было, не требовалось наложения хирургических швов. Спустя некоторое время благополучно вышел и послед. Теперь окончательно можно было успокоиться. Ребеночка уже завернули в белое мягкое полотенце, каждому хотелось его подержать. Муж робко протянул руки, осторожно прижал к груди родное тельце, которое продолжало кричать, но уже меньше. В глазах сурового воина блестели слезы. Он дождался, пока женщины, включая переводчицу, приведут в порядок Нафтулу (ее обмыли, обтерли, завернули в чистые простыни), потом поднес жене их сына.

— Как назовете ребеночка? — Мохруй не удержалась от вопроса.

— Мы это обсудим вдвоем, — тут же ответил ей молодой афганец.

Все это поняли, как просьбу выйти. Собрали сумку медицинскую и вышли друг за другом. Дело было сделано.

4

Забрав двух ребят из охраны, все вышли во двор. Закурили. Пожилой афганец слезно попросил никуда не уходить. Сам он метался по двору, забегая то и дело в свой дом и в дома соседей. Чувствовалось, что-то затевается. Через проломы в дувалах заглядывали любопытные рожицы афганских ребятишек.

Люба присела на большой камень рядом с Невским.

— Ну, доктор, удивили вы меня! Где вы так здорово научились принимать роды? Я вообще прямо обмерла, с перепугу долго не могла в себя прийти. А вы сразу взялись за дело.

— Это я должен благодарить двух людей: моего бывшего преподавателя по акушерству Вишневского и моего добровольного помощника, настоящего моего спасителя, фельдшера Серегу, без его подсказок я бы не справился. Сереж, иди сюда! — старший лейтенант поманил стоящего поодаль сержанта. Тот живо подошел. За ним поспешила и Мохруй.

Невский крепко, от души пожал руку молодому парню, поблагодарил за помощь. Пампушный расплылся в довольной улыбке, обнажив два ряда белых зубов; казалось, еще немного и уголки его рта встретятся на затылке.

— А чего ты сам не стал принимать роды? Тебе ведь это привычнее было. Проще, чем меня учить.

— Афганцам нельзя было показать, что шурави-доктор сам чего-то не умеет. Нельзя было ваш престиж уронить. О вас итак уже легенды в Спинбулдаке слагают. Ей, Богу, не вру. Сам слышал.

— Ну, спасибо большое! А что ты там такое читал, молитву что ли?

— Да, это «Псалом Давида N40». Моя бабушка, когда принимала роды, всегда его сразу произносила перед младенцем, для счастья. Вот я и запомнил тоже. Пусть будет, может и повезет ему в жизни. Я ведь работал в фельдшерско-акушерском пункте под руководством своей родной бабушки, она была заведующей. Все, что я умею, это ее заслуга.

— Но он же не христианин! — изумилась переводчица Мохруй.

— А какая разница? Мусульмане, христиане, буддисты… Бог-то ведь един. Только по-разному его величают, да и путь к нему выбирают разный. Люди никак не хотят это признать. Еще и воюют за свою религию. Это не верный путь. И пусть я приветствовал новорожденного православной молитвой, а жить ему предстоит в мусульманской стране. Хуже ему от этого не станет. Я так думаю. — Сергей даже раскраснелся, пока говорил с такой убежденностью.

Все закивали головами. Мысль понравилась.

— Я вот тоже сегодня несколько раз мысленно обращался за помощью в своему Святому — покровителю (в детстве при крещении мне его определили, конечно, тогда в пять лет я ничего не понимал). Думаю, он меня не оставил без помощи. Сегодня и день его почитания как раз. — Невский закурил подряд вторую сигарету. Видя, что все на него смотрят вопросительно, продолжил. — Сегодня же 5 апреля, так? В этот день мой великий однофамилец (а, может, и предок, кто знает) Великий князь Александр Невский одержал победу в 1242 году над немецкими

псами-рыцарями на льду Чудского озера. Ну, знаменитое Ледовое побоище! Неужели не слышали о таком?

Все загалдели-вспомнили.

— Вот и я сегодня свое Побоище с вашей помощью выиграл. Честь нам всем и хвала! Ура!!

Его поддержали негромким криком, чтобы не напугать хозяев. Тут вновь появился пожилой афганец. Он с важным видом вынес обрывок ковра (видимо, вторую половинку), постелил его в тени дувала. Пожилая афганка и знахарка принесли чай, лепешки, напиток, напоминающий простоквашу. Старик пригласил всех к столу, подал с поклоном каждому, включая ребят из охраны, пиалы с вкусно пахнущим, ароматным черным чаем. Посуды хватило всем, не зря дед обегал всех соседей. Женщины молча удалились (по местным обычаям им не положено находиться за одним столом с мужчинами). Вышел их жилища Хайр Махмуд, молодой афганец, новоиспеченный отец. Присел прямо на землю рядом со всеми. Отпив из пиалы, он неторопливо заговорил. Мохруй переводила.

Сына назвали Абдул, в честь вождя племени, который пригласил шурави в их уезд. Если бы не он, то многие из соплеменников не получили бы помощи, а его жена не смогла бы родить. Он благодарил от всей души шурави-духтара Искандера и его помощников за спасение жены и сына. Отныне все шурави, сидящие за этим столом, будут его братьями, а милые ханум — сестрами. Он не позволит никому обидеть своих названных братьев-сестер. Он встал и низко поклонился всем сразу. Потом он хлопнул в ладоши. Появилась пожилая афганка, она несла вниз головой связанную за лапки курицу. Птица терпеливо сносила такое положение, лишь закатывала свои куриные глаза. Женщина подала пленницу своему зятю, тот протянул курицу Невскому: «Бакшиш (подарок)». Это было понятно и без перевода. Возможно, это было последнее их богатство. Но отказываться нельзя, иначе обидишь хозяев. Старший лейтенант принял курицу, перевернул ее как подобает, посадил на руки. Курица тут же, в знак благодарности, обгадила «благодетеля». Это рассмешило всех, включая пожилую афганку, которая бросилась на помощь врачу, пытаясь помочь стереть «кучку» с одежды.

Тут и последовал ответный «бакшиш». Один из солдат развязал свой рюкзак, с которым не расставался все это время. Оказалось, что многоопытный майор Крапивец предвидел это и собрал в подарок несколько банок с говяжьей тушенкой, с рисовой кашей, с рыбными консервами, со сгущенным молоком, с консервированным маслом и сыром, несколько пачек с сахаром и чаем. Пока шурави молча выкладывал все эти дары на ковер,

афганцы прямо застыли, не шевелясь. Две булки хлеба последними появились на свет из, казалось, бездонного мешка солдата.

— Это вам от всех шурави, — произнес улыбающийся разведчик, довольный произведенным эффектом. Мохруй перевела.

Старик афганец буквально «повалился в ноги». Его долго пытались поднять. Наконец, всунули ему хлеб, он тут же поднялся, продолжая кланяться и прижимая хлеб к груди. Молодой афганец крепко пожимал всем руки, непрерывно повторяя: «Ташакор, дохтур, ташакор, спасибо!» Для них это было настоящее богатство. Теперь они не пропадут с голода. Будет чем накормить молодую маму, а она сможет накормить молоком сынишку.

Пора было возвращаться. Все поднялись, поблагодарили за угощенье, помахали на прощанье и тронулись в обратный путь. От проводов старика-афганца отказались, разведчики уверяли, что хорошо запомнили дорогу. Невский передал свою курицу разведчику, который больше всех подсмеивался над ним — пусть теперь сам несет и мучается. Александр несколько раз оглянулся. У разбитого дувала по-прежнему стоял старик афганец, прижимая к груди две булки хлеба. Кажется, по щекам его текли слезы.

Глава 4

1

Вечером того же дня после ужина собрались у Автоперевязочной. Остаток дня прошел в обычном приеме больных, фельдшер Антон провел все перевязки без проблем. Теперь ему на помощь подключили Сергея Пампушного. Невский не хотел расставаться с ценным работником ни на минуту. Он торжественно обещал парню, что по прибытии в Бригаду упросит командира Медроты перевезти Сергея в свой штат. Это явно понравилось сержанту, он не скрывал своей радости.

Приходил майор Крапивец. Иван Сергеевич от души благодарил всех медиков за прекрасно выполненную работу при родах. Он уверял, что теперь, уж точно, это племя перейдет на сторону правительства. А, значит, (он засмеялся) «можно крутить дырочки для орденов!».

Кино опять показывали на непонятном языке, поэтому все и решили посидеть рядышком, «почесать языком».

— Сергей, ты обещал рассказать о себе. Как ты оказался в

Афгане, что делал до армии? Мы все тебя внимательно слушаем. — Невский поудобнее уселся на ступеньках Автоперевязочной, свесив ноги.

— Я сам вызвался пойти в армию, потому что очень мечтаю стать врачом. Хирургом, как мой любимый доктор Пирогов Николай Иванович.

— Я что-то не улавливаю логики. Если хочешь стать доктором, то зачем рваться в армию? Ты ведь мог поступить в медицинский институт, сразу после медицинского училища, я так понял, что ты его окончил.

— У меня не было паспорта, а в институт без паспорта не берут, я узнавал. Теперь я надеюсь, что после увольнения из армии получу, наконец, этот злополучный паспорт.

— Но почему ты не получил паспорт, как все нормальные люди в шестнадцать лет?! Разве это проблема в нашей стране? — Невский уже начал терять терпение.

— Для меня это была проблема всей моей жизни. А паспорт я не мог получить, потому что не имел «Свидельства о рождении». Я как бы не родился в нашей стране. Меня не существовало в учете населения многомиллионного государства. Я не мог даже жениться на любимой девушке, ведь и для этого нужен паспорт. Она вышла за другого парня, у которого, как раз имелся, этот чертов документ!

— Я уже ничего не понимаю, Сергей, ради Бога, объясни нам все толком! Кажется, остальные тоже «не врубаются» в твою проблему. Почему на тебя не выписали это «Свидельство о рождении»?! — Невский даже встал, прошелся по салону автомобиля, потом снова уселся.

— Для этого мне придется рассказать всю свою жизнь.

— Вот, и давай, рассказывай!

— Хорошо, слушайте. Только это долгая история.

— А мы никуда и не спешим, — Люба закурила вторую сигарету.

Все приготовились слушать. Девушки-переводчицы сидели на лавочке для больных, крепко обнявшись, словно готовились услышать страшную историю и заранее уже начали бояться. Водитель Андрей бросил копаться в моторе и присел поближе. Наступила тишина.

2

Я так торопился родиться, что попытался появиться на свет еще в поезде. Моя мама и отец возвращались из отпуска. Их

высадили в незнакомом городе, по «Скорой» перевезли в роддом, где моя мамочка благополучно произвела меня на свет. Отец мой на радостях запил, его приютил санитар больницы. Мужичка этого почему-то мой отец называл не иначе, как «Дядя Паша — три Наташи», не знаю, что это означает. Ну, ладно, не суть важно.

Отец должен был меня зарегистрировать в ЗАГСе. Мама рассказывала, что много раз просила его об этом. Куда там. Батя «не просыхал». Были как раз Первомайские праздники. Так они и уехали спустя неделю домой без этого документа. Отец потом много раз обещал съездить в этот город Красноуфимск. Но так и не вырвался — все дела, работа, гулянки. Честно говоря, пока не было никаких проблем. Мы жили в Свердловской области, в поселке городского типа Буланаш. Это в Артемовском районе, железнодорожная станция называется Егоршино (Невский закивал — знакомые места, он сам там жил, заканчивал школу в соседнем Алапаевске). Поселок большой, около 15 тысяч жителей. Основан был в 1939 году в связи с открытием угольных шахт. Это один из основных центров добычи угля в области.

Название поселку дала легенда о потерявшемся в болотистых лесах коне по кличке Булан. Конь вышел на крики отчаявшегося мальчика, который воскликнул: «Булан наш!». Статус поселка городского типа Буланаш получил еще в 1949 году, добыча угля шла полным ходом с 1943года. Мой отец как раз и работал шахтером на одной из шахт. Работа, конечно, тяжелая, опасная. Чтобы снимать накапливающийся стресс, он часто прикладывался к бутылке. Мама моя работала в бухгалтерии в Управлении шахт. Короче говоря, родителей все знали. Без всяких проблем меня устроили без этого «Свидельства о рождении» в ясли, потом в детсад. Да, забыл сказать, моя бабушка Фелицата (мать моей мамы Веры) работала в поселке заведующей фельдшерско-акушерским пунктом, это в рабочей слободке. Она тоже была известным человеком. Я о ней еще расскажу. В свой срок я пошел в школу. Уже тогда я решил стать врачом, лечить людей, как лечила моя бабушка. Все свободное время я проводил у нее на работе, помогал, как мог. Я знал, что должен был хорошо учиться, потому что врач должен много знать. Да и бабушка мне всегда об этом говорила. Сама она не смогла окончить институт из-за войны.

Учителя в школе меня всегда хвалили за учебу. Родители гордились мной. Я уже заканчивал пятый класс, когда случилась трагедия — погиб на шахте мой отец во время аварии, взорвался газ метан. Их там многих завалило. Я помню, когда отца хоронили, то целые ряды гробов стояли с погибшими. Мама моя сразу слегла, у нее с рождения был порок сердца. Врачи ей даже

не разрешали рожать, но она решилась. Она долго болела, иногда поднималась, потом снова вынуждена была ложиться в постель. Я на всю жизнь запомнил этот запах лекарств в наших комнатах. Бабушка переехала к нам в квартиру жить, свой дом продала. И снова весной, когда я заканчивал уже теперь восьмой класс, мама умерла. Остались мы с бабушкой вдвоем на всем белом свете.

Мне было пятнадцать, надо было решать, что делать дальше. Устроили «семейный совет». Было решено, что дальше я поступлю в медицинское училище в районном центре, быстрее получу специальность, поработаю немного. А потом можно будет и в медицинский институт поступать, всегда охотнее берут после практической работы. К тому времени мы надеялись решить проблему с моим документом. Бабушка даже съездила летом в тот город. Но, оказалось, что в роддоме был три года назад пожар и все учетные документы сгорели. А с ними сгорела и моя надежда на получения «Свидетельства о рождении». Эх, кабы раньше нам побеспокоиться. Но бабушка не унывала. Она договорилась в училище, там у нее нашлась хорошая подруга в учебной части, экзамены я все сдал на отлично, были у меня хорошие оценки за восемь классов. Меня приняли в это учебное заведение без документа о рождении. А паспорт тогда еще никому не давали до шестнадцати лет.

Годы учебы пролетели не заметно. Я учился четыре года на фельдшерском отделении. На все праздники и воскресенья ездил домой к моей любимой бабушке. Не мог жить без ее замечательных пирогов. Знаете, какие она умеет пироги с капустой печь! Ум отъешь! А еще я любил слушать ее рассказы о хирурге Пирогове. До войны она ведь с мужем жила на Украине, в Виннице. В этом городе моя мама родилась. Там и был похоронен основоположник военно-полевой хирургии Николай Иванович Пирогов. Точнее, он был похоронен (забальзамирован) в селе его родовом Вишня, позднее село вошла в черту города. В тех местах все было «пропитано духом Пирогова», он считался национальным героем. Бабушка еще, будучи молодой, все книги о нем перечитала, знала о каждом годе жизни великого хирурга. С началом войны ее муж, мой дед Сергей, ушел на фронт (меня и назвали в его честь). Бабушка с маленькой дочерью эвакуировалась на Урал, так и осталась навсегда жить в Буланаше. Дед мой погиб в 1944году, но бабушка не верила похоронке, все годы продолжала его ждать, по-моему, ждет до сих пор.

Любовь моей бабушке к Пирогову передалась и мне. Я тоже прочитал много книг об этом человеке. Конечно, товарищ старший лейтенант тоже хорошо знает о вкладе Николая

Ивановича в мировую медицину (Невский кивнул), но для остальных скажу. Например, Пирогов заметил, что если рану больного продезинфицировать, а оперировать его вымытыми перед этим руками, рана заживает много быстрее. Сейчас трудно в это поверить, но до Николая Ивановича хирурги руки между операциями не мыли, а перевязывали больных бинтами, оставшимися после умерших. Гениальность Пирогова в том и заключается, что он первым сумел увидеть вещи, которые до него просто не замечали.

К гениальным открытиям Пирогова относятся и столь привычные сейчас гипсовые бинты. До него переломы фиксировали в деревянных колодках. В мастерской знакомого скульптора Николай Иванович увидел, как быстро у того застывает гипс, и уже на следующий день зафиксировал перелом вымоченными в гипсе бинтами. Вроде бы все было до него — и гипс был, и бинты были — но для того, чтобы соединить их вместе и применить в медицине нужен был гениальный и одержимый своей профессией Пирогов. Кстати, Люба, именно Пирогову принадлежит идея о создании службы сестер милосердия.

Раненые называли Пирогова не иначе, как «чудесный доктор». На фронте о его мастерстве ходили легенды. Как-то раз в палатку Пирогова принесли тело мертвого солдата без головы. Бойцы объяснили — голову несут следом, сейчас профессор как-нибудь ее «привяжет», и мертвый солдат снова вернется в строй. Наконец, еще в 1862 году, когда наилучшие европейские хирурги не могли определить местопребывание пули в теле Гарибальди, раненого при Аспромонте, был приглашен Пирогов, который не только извлек ее, но и довел лечение знаменитого итальянца до благополучного конца.

Впрочем, я отвлекся. Извините, я могу рассказывать о любимом мной докторе бесконечно.

Во время учебы в медучилище, кажется, на втором курсе нас, учащихся мужчин, проверяла допризывная комиссия на предмет будущей службы в армии. У меня нашли плоскостопие, с которым путь в армию мне был закрыт. Я не особенно тогда расстроился. Я уже видел себя будущим знаменитым хирургом.

Вскоре все мои однокурсники стали получать паспорта. А мне это «не светило». Я много раз обращался в паспортный стол, но каждый раз получал ответ: «Предъявите свое «Свидельство о рождении». Уходил всегда ни с чем. Я был уже в отчаянии. Бабушка каждый раз меня успокаивала, мол, что-нибудь придумаем. А пока я должен хорошо учиться. И я учился. Практику я проходил под руководством бабушки в ее

фельдшерско-акушерском пункте. Набивал руку на медицинских процедурах. Я все больше горел желанием продолжить учебу в медицинском институте.

Ой, а можно я немного передохну. Что-то пить захотелось, пойду попью.

— Сиди, я сейчас тебе принесу, — живо откликнулась Люба.

Она стремительно умчалась в палатку для приема больных, где стоял бачок с питьевой водой. Принесла полную кружку. Сергей жадно выпил воду, кивнул в знак благодарности. Помолчал. Молчали и все остальные. Эта история жизни уральского паренька захватила всех.

3

Утомил я вас, наверное, своей историей. Впрочем, не много осталось.

Училище я закончил с отличием в 1979 году. Мне было 19, вся жизнь впереди. И вот теперь я окончательно столкнулся с трудностями — без паспорта ты не можешь сделать ни одного шага. Тебя не примут на работу. Ты не сможешь полететь на самолете. Да мало ли ситуаций, где спрашивают паспорт. Я был в отчаянии. Моя бабушка начала обивать пороги «высоких кабинетов», но везде наталкивалась на непонимание или откровенное пренебрежение. Я понял, что и она близка к панике. Я готов был наложить на себя руки, особенно, когда моя любимая девушка не стала дожидаться решения моей проблемы, а вышла за другого.

Я по целым дням лежал на диване и смотрел в потолок. Потом начал пить. Слава Богу, у меня не требовали показать паспорт при продаже водки. Я возненавидел весь мир. И опять меня спасла бабушка. Она устроила меня работать в свой фельдшерско-акушерский пункт, к тому времени там появилась вакансия — ушла на пенсию старая работница.

Тут я и «ожил», весь ушел в работу. Меня даже бабушка силой выгоняла домой ночевать. Сколько мы приняли родов! Трудно даже сказать. У нас в поселке часто игрались свадьбы, дети рождались круглый год непрерывно. А еще были всякие травмы, ушибы, порезы. Я даже зашивал такие повреждения. Одним словом, представлял себя хирургом. Так прошло два года.

Тем сентябрьским вечером я, как обычно, задержался на работе. Вбежал перепуганный молодой мужчина. Сказал, что у него в машине жена рожает. Я послал уборщицу за бабушкой домой, а сам вместе с мужчиной помог выбраться его жене. Кое-

как мы довели ее до приемного покоя. Роды уже начались, воды отошли. Я знал, что делать, поэтому не стал дожидаться бабушки. Она, правда, быстро прибежала — жили мы почти рядом. Она присоединилась ко мне в родовой палате. Короче говоря, мы приняли нормальную доношенную девочку, это был первенец в этой семье.

На радостях счастливый папаша принес коньяк, лимоны, коробку дорогих конфет. Мы с ним выпили за его дочку. Бабушка отказалась пить — здоровье уже не то, чаю с нами попила, а потом убежала в палату к роженице.

Тут я и рассказал этому незнакомому человеку о своей проблеме. Не знаю, что на меня нашло, вдруг захотелось излить душу. Сам потом удивлялся. Он оказался офицером, майором из военкомата нашего районного центра Артемовский. Они с женой приехали навестить его мать, а через два дня начались эти роды.

Он живо откликнулся на мою беду. Посоветовал пойти в армию, мол, все равно перед армией все призывники сдают свои паспорта, получают «Военные билеты». Я ему объясняю, что у меня плоскостопие, не возьмут меня. Он посмеялся и говорит, что плоскостопие как раз помогает тем, кто хочет «откосить» от армии, а тем, кто сам рвется, это не помеха. Тем более что обнаружить это не так просто, а ты, мол, молчи об этом и все будет нормально. Обещал со мной все вопросы уладить, дал свой номер телефона, даже домашний, объяснил, как его найти в Военкомате. Посоветовал появиться в первой декаде ноября, когда основной поток призывников пройдет, уже и медицинская приемная комиссия устанет от работы. Тут, мол, ты и проскочишь. Я прямо воспрянул духом. Допили мы с ним бутылку коньяка, я даже всплакнул у него на плече.

Дня через три офицер с женой и новорожденной дочкой уехали в свой город, там ехать от нас километров 12 будет. На прощание он еще раз подтвердил свое желание мне помочь. Что будет меня ждать. На том и расстались.

Бабушка всплакнула после объявления моего решения идти в армию. Но смирилась. Иного выхода для меня она тоже не видела.

Все прошло, как нельзя лучше. Майор Низовой Вениамин Петрович (век буду его поминать добрым словом!) прошел со мной по разным кабинетам, уладил все недоразумения из-за отсутствия паспорта. Медкомиссия вообще прошла «на ура», никто и не думал ко мне придираться. Короче говоря, 18 ноября 1981 года я был призван Артемовским РВК на действительную военную службу. (Ой, а это день моего рождения как раз, — воскликнула Люба. Сергей кивнул. Затем продолжил говорить.)

Определили меня в команду для будущей службы в автобате. Это мне еще Вениамин Петрович посоветовал не говорить о моем медицинском образовании, мол, с моим плоскостопием лучше все же не пешком ходить, в баранку крутить. Служить пришлось в Средней Азии, в учебной дивизии в Ашхабаде. Закончил я учебку, получил младшего сержанта, само собой, выучился на водителя. Прослужил я там до сентября. Тут нас и перебросили в Афганистан. Я своей бабушке писал часто из Союза, но не сообщил о переводе в Афган, чтобы не расстраивать. Так и пишу, будто из Ашхабада, только адрес полевой почты, мол, другой стал. Она у меня не очень в этих делах разбирается, верит мне. В Кандагаре я сначала также служил водилой. Но в самом конце декабря перевели меня в этот агитотряд. Вот и вся моя история. А мне, правда, после службы в армии обязательно выдадут паспорт? Так хочется продолжить дальше учебу на хирурга.

— Выдадут, обязательно выдадут! — почти хором ответило сразу несколько слушателей.

Расходились на ночлег уже при глубокой ночи.

4

Третий, как и последующие два дня, прошли без происшествий. Медики окончательно успокоились, работали в обычном режиме, как в родных стенах Медроты. Меньше проблем было с пациентами, они стали смелее и «понятливее», теперь совсем мало времени уходило на разъяснения и переводы. Мохруй и Турсуной даже заскучали — медики меньше нуждались в их работе. Все повторные перевязки вообще проходили без разговоров. Фельдшер Антон на пару с новеньким работником Сергеем Пампушным уверенно справлялись со всей этой работой. Невский, как и прежде, вел прием больных, одна из переводчиц всегда была с ними.

Все чаще теперь при первой возможности Люба «исчезала» из Автоперевязочной или из палатки приема. Поначалу Невский недоумевал: «Куда ее опять черт понес?» Потом все встало на свои места — он увидел ее с Сергеем, они прогуливались неподалеку с самым независимым видом, словно по какому-нибудь Арбату, не замечая никого. Чаще говорила девушка, а молодой человек ее внимательно слушал и кивал головой. Старший лейтенант теперь чаще отпускал медсестру отдохнуть, якобы, он сам здесь справится. Похоже, и Антон принял подобное решение с Сергеем. Впрочем, работы и, правда, стало меньше.

На рассвете все медики были разбужены громом выстрелов.

Опытное ухо Невского уже различало стрельбу крупнокалиберных пулеметов (КПВТ) с бронетранспортеров (БТР-60, БТР-70), выстрелы короткоствольных 73-мм пушек боевых машин пехоты (БМП-1) и спаренных с ними 7,62-мм пулеметов. Сухо трещали автоматные очереди. Похватав свое личное оружие, все выбежали из палаток и салона Автоперевязочной. Было уже достаточно светло, чтобы мигом оценить обстановку. Огонь по ним велся из расположенных неподалеку холмов, усыпанных огромными каменными глыбами. Нападающие находились на возвышении, а, значит, имели некоторое преимущество. На земле вокруг машины стали возникать фонтанчики пыли. Невский приказал всем переместиться под защиту ближнего дувала.

Старший лейтенант нашел небольшой пролом в этом глиняном заборе и выпустил очередь по направлению холмов. Почти сразу ухо его заложило от выпущенной рядом с ним длинной автоматной очереди. Только теперь он заметил рядом Любу, которая стреляла, почти не снимая палец с пускового крючка. Невский сквозь грохот прокричал, чтобы берегла патроны. Девушка кивнула и перешла на короткие очереди. Глаза ее светились лихорадочным блеском, ей явно нравилась эта «войнушка».

На небольшой удалении, через такой же пролом в дувале, вели экономный огонь сержанты Обоскалов и Пампушный, еще дальше разместился водитель Андрей.

Вдруг Невский заметил перебегающую фигурку, согнутую почти пополам. Человек быстро добежал до позиции Андрея и расположился с ним рядом, посылая очереди из своего АКМ. Только, когда он повернул к нему лицо и помахал рукой в знак приветствия, врач узнал в нем Хайр Махмуда, мужа афганки, у которой несколько дней назад они приняли роды. Молодой отец прибежал защищать своих названных братьев и сестер.

Постепенно стрельба стала стихать. Видимо, душманы, организовавшие эту бандитскую вылазку, никак не ожидали такого мощного и дружного отпора. Кому-то очень не нравилось, что это многочисленное племя решило принять сторону правительства. Решили с ними поквитаться, а, за одним, и расправиться с этим агитационным отрядом, который стоит у них «как кость в горле». Они явно просчитались.

Когда стрельба окончательно стихла, все вздохнули с облегчением. Стали приводить себя в порядок, отряхиваться от густой афганской пыли. Слышались шутки, смех.

Их добровольный защитник, молодой афганец, поклонился, приложив руку к груди, и отправился по своим делам.

Прибежал запыленный майор Крапивец, уточнил у медиков

обстановку, похвалил за умело организованную оборону. Он сообщил о возможном скором поступлении раненых и умчался дальше.

Среди шурави раненых не оказалось. На прием пришли лишь пятеро, все легкораненые, из числа воинов племени. Хирург промыл, прочистил, обработал их раны, наложил стерильные повязки. Ни один мускул даже не дрогнул на лицах этих людей, хотя процедура была явно болезненная. Невский невольно проникся уважением к этим неразговорчивым, суровым воинам.

День прошел в неспешной работе: новых обращений за помощью почти не было.

Вечером «на огонек» к медикам заглянул командир агитотряда майор Крапивец. Он сообщил, что завтра они заканчивают здесь работу. Утром разгрузят «вертушки», которые привезут в дружественное теперь племя продовольствие (муку, сахар, крупу, керосин и боеприпасы). Сообщил, что по их подсчетам, за эти шесть дней медики оказали помощь не менее пятистам больным, было роздано огромное количество лекарств и перевязочных средств. Одним словом, подытожил Иван Сергеевич, вы все сделали большое доброе дело, за что и объявляю благодарность. Он пожал каждому руку.

— Но это еще не все, — помолчав, продолжил майор. — Сегодня я встречался с делегацией из соседнего кишлака Лаганхейль. Просят заехать к ним для медицинской помощи. Знаю, что вы все устали. Но это не много времени займет — сутки, максимум двое. Потом поедем домой. Я уже запросил пополнить запасы медикаментов и перевязки. На вертолетах привезут. И последнее, на счет твоей просьбы, Александр. Я согласен уступить вам своего водителя клубного автобуса сержанта Пампушного. Думаю, у вас ему будет лучше. А-то фельдшер крутит баранку — не порядок это! Я уже заменил его вторым водителем из резерва. Вернемся в Бригаду, с вашим командиром этот вопрос утрясем.

— Спасибо! — искренне обрадовался Невский, даже захлопал в ладоши. Его бурно поддержала Люба Канашевич.

Сам Сергей радостно вспыхнул лицом.

Глава 5

1

Утром, как и говорил майор Крапивец, в уездный центр было доставлено продовольствие. Большой грузовой вертолет МИ-6

приземлился прямо на окраине населенного пункта, на большой ровной площадке. Вертолеты сопровождения, словно большие стрекозы, кружили в воздухе. Груз немедленно был выложен на землю в виде большого числа мешков, ящиков, коробок, канистр. Рука об руку трудились здесь шурави и люди племени. Когда вертолет, сделав прощальный круг, улетел, приступили к погрузке продовольствия на повозки, запряженные осликами и на грузовые машины. Все это быстро стало развозиться по складам и амбарам.

Невский принял большую партию медикаментов и перевязочных средств.

А потом был прощальный митинг. Вождь племени, а за ним и несколько пожилых афганцев выступали со словами благодарности к шурави. Все они заверяли, что станут надежной опорой нынешнего правительства Афганистана, перекроют все пути для переброски караванов с оружием из соседнего Пакистана.

Когда «воинский мирный караван» покидал Спинбальдак, провожало его почти все население. И провожали шурави более чем тепло.

До соседнего Лаганхейля доехали почти за час. Это был довольно бедный кишлак. На узких проулочках вряд ли могли разъехаться две машины. С трудом отыскали место для стоянки. Как и всегда, музыка из динамиков грохотала на полную мощь.

Рядом с Автоперевязочной быстро «выросла» одна медицинская палатка. Вскоре все было готово к новой работе по приему больных.

Все повторилось, как и в предыдущем месте. Сначала был митинг. Бросилось в глаза, что на митинге присутствуют в основном старики и дети. Невский, пока выступал очередной старейшина, спросил об этом стоящего рядом майора Крапивец. Политработник объяснил, почему часто избегают встреч с агитбойцами юноши, молодые мужчины. Их шантажируют душманы: пойдете на митинг — вас насильно призовут в армию, а наденете военную форму — пусть ваши родственники не ждут пощады. В этом им можно было верить.

Между тем старейшина на трибуне безбоязненно клеймил бандитов, лопнуло, видно, терпение. Мохруй поспешно переводила вполголоса:

— Разве могут так поступать истинные мусульмане? Помните, убили 75-летнего старика Шир Махаммада, жителя нашего кишлака. За что? За то, что честно зарабатывал себе на лепешку рассыльным в уездном правлении. Убив безвинного человека, бандиты совершили еще один тяжкий грех: они целую

неделю никого не подпускали к телу убитого, даже родственников, которые хотели его похоронить. Вероотступник тот, кто силой принудил другого не выполнить священный мусульманский закон — предать умершего земле в день смерти до захода солнца.

Долго еще говорил почтенный оратор. Много наболело у него в душе.

После митинга у медиков началась своя, уже привычная работа. Первого пациента привел сам майор Крапивец. Это был старик преклонного возраста (впрочем, на Востоке очень трудно сразу угадать число лет). Иван Сергеевич принялся сразу рассказывать об этом старце:

— Его зовут Мухашат Зоххир. Ранен душманами, когда возвращался с поля домой. Так рассказывал сам Зоххир, при этом обильно ругаясь в адрес бандитов. Как я понял, не только боль говорила в нем, но усталость от войны и от страха, в котором приходится жить дехканам, злость на тех, кто, объявив себя моджахедами — борцами за веру, не дает воцариться миру. Старику уже оказывали помощь, но рану толком не обработали, зашили черными нитками, простой иглой — она и воспалилась. А чего удивляться? Тут, например, больные зубы людям удаляют парикмахеры, это считается их делом.

— И много еще придет с пулевыми ранениями? — Невский задал волновавший его вопрос, разматывая грязную повязку на плече старца.

Их взгляды с майором встретились. Тот понял, что стоит за этим вопросом.

— Здесь война, и душманские пули никого не щадят. Тем более, «духи» специально целят в мирных людей, чтобы потом обвинить шурави. Теперь представь, ранили дехканина, он обращается к нам за помощью, но натыкается на подозрительность — мол, не душман ли ты? И он отшатнется от нас, будь уверен. То же самое его родные, знакомые. Где гарантия, что они не пойдут на поклон в банду — рану-то надо лечить. Короче говоря, раз нас сюда позвали, то лечи и не сомневайся! Ладно, я пошел.

Невский посмотрел ему вслед, оглядел замерших Любу и переводчицу Турсуной, принялся за осмотр нагноившейся раны.

После старика пришел еще пожилой афганец с огнестрельным ранением, потом еще. Были даже совсем свежие ранения. Но врач уже не размышлял о происхождении этих ран, а молча выполнял свой долг.

На обед ходили по очереди, чтобы не прерывался прием. В палатке так же ударно трудились два фельдшера.

Часа в четыре поток желающих на прием иссяк. Можно было спокойно перекурить.

2

Медики уже решили, что на прием никто больше не придет. Сняли белые халаты, отдыхали. С удовольствием расселись на лавочках, подставляя лица под горячее афганское солнце. Этого посетителя даже не сразу заметили. Он скромно стоял в сторонке, потупив взор, терпеливо ждал.

— Вы на прием к врачу? — вопрос Турсуной, заданный старику, вывел всех из дремотного состояния.

Пожилой афганец быстро заговорил, поминутно показывая рукой в сторону.

Девушка-переводчица поспешно перевела. Оказалось, что он пришел просить за свою жену — она умирает. Идти тут недалеко, он проводит шурави-духтара.

Невский поспешно собрал медицинскую сумку, положил и белый халат, как необходимый атрибут. С собой он решил взять только медсестру Любу и переводчицу Турсуной. Они кивнули, стали собираться. Охрану решили не брать, да и идти тут, по словам старика, недалеко, был даже виден на пригорочке его дом. Сержант Пампушный потребовал в категорической форме взять его с собой. Даже для охраны пригодится, он закинул за плечо свой автомат АКС. Невский, подумав, согласился. Он оставил за старшего фельдшера Обоскалова.

Старик заспешил по узкой тропинке к своему дому. Двое мужчин и две женщины цепочкой, друг за другом отправились вслед за ним. Хотя, казалось, идти было рядом, дошли минут за двадцать — тропинка непрерывно петляла по невысоким горам, покрытым крупным песком и камнями. Перед входом все надели белые халаты. Необычно смотрелся Сергей — в белоснежном халате, но с автоматом на плече.

Зашли в жилище — страшная нищета!

— Не удивляйтесь, живем бедно. Трудные времена наступили, — у порога извинился хозяин. Он провел на другую половину дома в каморку, завешанную грязной тряпкой вместо двери. Прямо на голой земле лежала полуслепая пожилая женщина: убили ее единственного сына, и она легла сюда, чтобы умереть.

Бытует мнение, будто афганцы легко расстаются с жизнью: Аллах дал — Аллах взял. Однако перемены здесь начали все же происходить. Хотя, пока еще и веруя, что жизнь им дарована

Аллахом, многие и многие люди уже не склонны с прежней фатальной отрешенностью отдавать ее — и свою, и близких. Вот и этот пожилой афганец не хотел терять свою жену.

Невский попросил Турсуной подробно расспросить старика, что произошло. Ответила сама женщина, оглядывая гостей подслеповатым взором. Выяснилось, что она уже не может сама печь лепешки из-за сильного головокружения, а их сына убил двоюродный брат. С ними теперь осталась маленькая внучка, мать которой умерла при родах. А у их дочери в Кандагаре мужа убили, у нее пятеро детей. Как дальше жить?! Лучше умереть. Голова болит, раскалывается просто, нет сил терпеть.

Врач первым делом измерил давление женщины. Так и есть — очень высокое. Видимо, поэтому головокружение и голова болит. Послушал сердце, посчитал пульс. Все говорило о гипертоническом кризе. Он назвал ряд лекарств, которые медсестра тут же набрала в шприц. После нескольких уколов в вену и в мышцы женщина почувствовала явное облегчение. Она даже села, попросив мужа подложить ей под спину подушки. Он бегом бросился в соседнее помещение за ними.

Невский спустя несколько минут вновь измерил давление — оно снизилось почти до нормы, пульс нормализовался, сердце работало ровнее. О том, что состояние женщины улучшилось, можно было судить по ней: она попыталась решительно подняться, чтобы напечь лепешек для дорогих гостей-шурави. Еле-еле уговорили ее еще полежать. Старший лейтенант протянул афганцу две упаковки разных таблеток, понижающих давление, строго наказал переводчице объяснить названный им порядок приема. Старик держал таблетки с благоговением, ему явно не приходилось их видеть раньше. Он тут же пересказал жене инструкции, видимо, не надеясь на свою память. Женщина закивала и правильно все повторила. В заключение врач попросил напоить больную горячим сладким чаем, сам он извлек из медицинской сумки пачку рафинада. Пожилой афганец принял дар дрожащими руками, прижал ее к груди и побежал греть чай.

Медики решили еще немного побыть с больной. Они расселись вокруг нее прямо на земляной пол. Спустя несколько минут, появился хозяин дома с горячим медным чайником. Он налил жене в пиалу чай, опустил туда пару кусочков быстрорастворимого сахара, помешал деревянной палочкой, попробовал сам, закивал удовлетворенно головой, подал жене. Маленькими глоточками она выпила напиток, почмокала языком, очевидно припоминая забытый вкус сладости.

По просьбе Невского Турсуной расспросила больную о самочувствии. Та поблагодарила за лечение, сказала, что

раздумала умирать, ей еще надо внучку вырастить. Она попросила их подождать, пока напечет лепешек, но Невский вежливо отказался, сославшись на неотложные дела. Старик ликовал, он даже стал приплясывать на месте — так он был рад. Он вышел проводить дорогих шурави, хотел идти до Автоперевязочной, но медики отказались, мол, найдут дорогу сами, да и жену нельзя оставить без внимания. Старик с благодарностью приложил руку к груди.

3

Пока были в помещении, поднялся сильный ветер, стало темнеть. Приходилось удерживать панамы на голове руками. Настроение у всех было хорошее — еще бы, они в очередной раз сделали доброе дело. Результаты их труда были на лицо. Быстро шли друг за другом по тропинке, приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не оступиться — иногда по краям были довольно большие овраги.

Люба порывалась обогнать впереди идущего Сергея, тот со смехом не пропускал ее. Новый порыв ветра сорвал панаму с головы девушки и зашвырнул ее на дно овражка. Она тут же хотела ринуться за ней, но Пампушный удержал ее за руку, передал ей автомат и велел ждать. Сам он стал осторожно спускаться по обрывистой стенке. Невский и Турсуной остановились в ожидании, глядя на сержанта. Закурили.

Сначала даже не поняли, что это был взрыв. Послышался хлопок, как будто кто-то громко ударил в ладоши. Сергей начал валиться на спину, неестественно выгибая ноги. Из-под его ног ударил огненный смерч. Потом до них донесся крик. Это был крик боли в чистом виде. Разум отказывался верить в непоправимое, но глаза ясно видели разыгравшуюся трагедию — Пампушный подорвался на мине. Первым желанием было сразу броситься на помощь товарищу. Что и хотели сделать все трое одновременно. Но Невский пришел в себя и подал властную команду: «Стоять!». Все трое замерли на месте. Старший лейтенант велел бежать Джумаевой строго по дорожке за помощью, непременно захватить саперов и носилки с носильщиками. Турсуной, сдерживая рыдания, быстро убежала.

Невский внимательно посмотрел на лежащего раненого, он продолжал кричать, но уже тише. Даже сверху было видно, что из изувеченной голени толчками выходит кровь, быстро окрашивая землю вокруг. В наступающих сумерках кровь казалась черной. Если сейчас не наложить ему жгут, то парень погибнет от

большой кровопотери. Решение было принято: быстро достал из своей сумки резиновый жгут, перевязочные пакеты, бинты и пару шприц-тюбиков с обезболивающим наркотиком, рассовал все это по карманам. Приказав Любе строго стоять на месте (впрочем, она и так находилась в каком-то ступоре, крепко прижав обе руки к груди, смотрела на все остановившимся взглядом), Невский стал спускаться вниз, стараясь припомнить, где шел до него Сергей.

Каждый шаг отдавался в голове скользким, противным страхом. Но он отгонял его от себя, продолжая приближаться к истекающему кровью сержанту. Наконец, он рядом с Сергеем. Перевернул его на спину. Осмотрел. На месте правой ступни чернела покрытая сгоревшим толом кость. Из раны толчками выходила кровь, а вместе с ней — и жизнь. Не теряя больше не минуты, врач максимально растянул резиновый жгут, наложил его на среднюю часть голени и примотал, закрепив концы. Кровь сразу прекратила течь. Мысленно похвалил себя, а руки уже накладывали стерильную ватно-марлевую повязку из вскрытого перевязочного пакета индивидуального (ППИ), закрепил ее несколькими бинтами. Не забыл глянуть на часы, нацарапал на бумажке ручкой время наложения жгута, всунул бумажку под тур резиновой ленты. Так, теперь можно ввести промедол, иначе шок погубит парня. Ввел подряд два шприц-тюбика. Раненый прекратил кричать, а вскоре вполне осмысленно посмотрел на врача.

— Я умру, да?

— Ну, что ты! Все будет хорошо. Сейчас придет помощь, мы вытащим тебя из этого оврага, на вертолете отправим в госпиталь.

— Что с моей ногой? И зачем вы сняли мой ботинок? — Он кивнул головой на валявшийся рядом ботинок с оторванной стопой внутри.

— Ничего, не волнуйся! Попей вот воды, — Невский стал лихорадочно отстегивать от пояса свою флягу. Приложил к губам Сергея. Он сделал несколько жадных глотков.

— Как же я теперь буду работать хирургом? Ведь мне оторвало стопу. Я понял это сам… А мне выдадут паспорт в Союзе? Я ведь не смог дослужить свой срок здесь.

— Сережа, конечно выдадут. Что за вопрос! Получишь после излечения этот документ. Поступишь в медицинский институт, выучишься на врача. Все у тебя будет нормально. Мы же с тобой с Урала, а нас так просто не убить!

— Спасибо, что успокаиваете! Я все выдержу.

В этот момент послышался приближающийся топот. Два

сапера сразу принялись за работу, подсвечивая себе мощными фонариками. Больше мин в овраге не нашли. Теперь туда спустились два солдата с носилками, бережно переложили раненого, не забыли забрать его ботинок с оторванной стопой, словно надеялись, что врачи смогут пришить. Впрочем, Невский не возражал. Дождавшись, когда Сергея на носилках подняли из оврага, он выбрался следом. Все тело дрожало мелкой дрожью. «Это страх выходит», — сам себе мысленно поставил диагноз. Тут раздался громкий плач Любы, она, наконец, пришла в себя. Бросилась к лежащему Сергею, стала покрывать его лицо поцелуями. Но надо было спешить. Как сообщил старший из саперов, майор Крапивец уже вызвал вертолет для эвакуации, скоро он прилетит.

Невский распорядился быстро нести Пампушного. Санитары подхватили носилки и почти бегом помчались по дорожке. Турсуной и Люба плакали, обняв друг друга. Один из саперов вновь спустился на место подрыва, вернулся с полной уверенностью, что это была противопехотная мина, кумулятивная нажимного действия, типа М25 «Элси», американского производства. Он проговорил скороговоркой особенности ее действия, словно отвечал на экзамене: «Предназначена для выведения из строя личного состава. Поражение человеку наносится за счет пробивания кумулятивной струей нижней части ноги, как правило, стопы при взрыве заряда мины в момент наступания ногой на контейнер мины, содержащей заряд ВВ (взрывчатого вещества), играющий одновременно роль датчика цели. Обычно при взрыве мины значительно повреждается стопа ноги (отрывается), которой человек наступил на мину. Смерть может наступить от болевого шока, потери крови».

— Ничего не наступит смерть! — Невский прервал сапера. — Пошли быстро, скоро совсем стемнеет. Как эта мина там оказалась, ума не приложу.

Они быстро пошли следом за удаляющимися носилками с раненым.

4

Пока ждали вертолета, Невский поставил раненому капельницу с кровезаменителем. Люба не отходила от Сергея ни на шаг. Она даже взялась держать эту банку с раствором на весу, обеспечивая поступление лекарства. Впрочем, с металлической стойкой в вертолете все равно будет не удобно. Невский решил отправить Любу сопровождающей, она это приняла, как само

собой разумеющееся.

Майор Крапивец поминутно выбегал из палатки, проверить, не прилетел ли вертолет.

Для посадки подыскали удобную площадку неподалеку, там уже дежурила группа с фонариками для указания места.

У всех было подавленное настроение. Этот рейд, который так успешно был начат и продолжен, оканчивался человеческой трагедией. Сергей периодически проваливался в беспамятство, все искал свою оторванную стопу, а-то, вдруг, просил укутать эту мерзнущую правую стопу.

Вертолет прилетел через тридцать минут, он завис примерно в полутора метрах над землей. При свете вертолетных и нескольких автомобильных фар раненого погрузили в салон, помогли влезть Любе. Вертолет стремительно взмыл вверх, развернулся, погасил свои фары и растворился в темноте, его габаритные огни какое-то время еще перемещались по небу. Потом и они пропали.

На следующее утро Невский принял еще нескольких больных, фельдшер провел перевязки. Почти каждый пациент выражал сочувствие по поводу тяжелого ранения шурави. Невский лишь молча кивал в ответ. Но их слова звучали искренне.

Во второй половине дня агитотряд тронулся в обратный путь. Медики справились со своими задачами с честью.

Обратный путь прошел в тягостном молчании, даже читать не хотелось. Старший лейтенант лишь смотрел на проносящийся унылый пейзаж за окном. Водитель Андрей часто тяжело вздыхал.

В Бригаде Невский первым делом выяснил судьбу Пампушного — его прооперировали, сделали все, как надо. Он уже сегодня отправлен самолетом в Ташкент вместе с большой группой раненых. Люба провожала его на самолет. Обещала, что обязательно разыщет в Союзе Сергея, ставшего для нее родным человеком…

Эпилог

— Дорогие ветераны! Поздравляю вас со светлым и великим Праздником Победы, с 41-й годовщиной окончания самой кровопролитной войны на нашей земле. — Секретарь Парткома Свердловского Государственного Медицинского Института, профессор, заведующий одной из кафедр, Литвин Юрий Михайлович, невысокий, коренастый мужчина средних лет, открыл торжественное собрание в небольшом зале для совещаний. Это была давняя традиция — приглашать участников войны, заслуженных ветеранов, многие из которых уже не

работали в институте, но отдали ему по много лет каждый. Теперь, убеленные сединами, бывшие заведующие кафедр, преподаватели и врачи чествовались, в этот «праздник со слезами на глазах».

Впрочем, в этом году произошли некоторые перемены: впервые на это торжественное собрание (с последующим чаепитием — столы уже были накрыты, ломились от яств) были приглашены участники другой войны — войны в Афганистане.

Юрий Михайлович представил капитана медицинской службы Невского, который недавно прибыл на должность преподавателя на военную кафедру, цикл военной токсикологии (учение о ядах и отравляющих веществах).

— Александр является орденоносцем, кавалером нескольких боевых наград, перенес тяжелое ранение. Прошу любить и жаловать.

Невский поднялся, неуклюже поклонился. Ему вежливо похлопали.

— Кроме того, мы пригласили на встречу и студентов, которые также прошли суровую школу жизни на афганской войне. Позовите ребят, — он обратился к своей помощнице. Та распахнула дверь и впустила семь молодых людей, студентов с 1-го по 3 курс. Они скромно вошли и стали у входа.

— Я думаю, вы сами с ними познакомитесь в процессе застолья. А сейчас разрешите мне выступить с небольшим докладом.

Секретарь Парткома прошел к трибуне и нацепил на нос очки.

Невский едва не подскочил на месте. Среди студентов он узнал Сергея Пампушного. Несомненно, это был он, слегка прихрамывающий на правую ногу. Вскоре и Сергей его узнал, радостно помахал рукой. Они с трудом дождались окончания доклада, а когда был объявлен перерыв, не сговариваясь, бросились навстречу друг другу, крепко обнялись. Эта сцена была замечена всеми. Их принялись расспрашивать. Радостно смеясь и перебивая друг друга, они рассказали обстоятельства своего знакомства. Им дружно и громко похлопали.

— Кстати, товарищи, на днях Сергея Пампушного нашла награда. Ректор нашего института вручил ему медаль «За отвагу». Боевой парень. — Литвин с видимым удовольствием захлопал.

Снова громкие аплодисменты были наградой герою.

За стол Сергей и Александр сели рядом. Так хотелось много рассказать друг другу.

Он рассказал, что является студентом второго курса лечебно-профилактического факультета. Паспорт, конечно, получил.

Бабушка его жива-здорова, не смотря на почтенный возраст. Потом он задал самый, видимо, главный вопрос:

— А как там Люба поживает? Она обещала меня найти, но пропала. Я писал ей осенью несколько писем в Бригаду, но так и не получил ответа.

— Сергей, Люба погибла в августе того же года. Давай помянем ее. — Они молча, не чокаясь, выпили коньяк.

Невский вкратце рассказал о себе. Из-за тяжелого ранения пришлось оставить работу хирургом, перешел в преподаватели.

— Так что, Сергей, придется тебе продолжить эту трудную, но благородную специальность. Думаю, из тебя выйдет замечательный хирург. Можно ведь и сидя оперировать, как это делают окулисты или отоларингологи. Да мало ли где можно найти себе дело по душе.

Они снова выпили, звонко сдвинув рюмочки.

* * *

Использованные материалы и литература.

— Газеты «Красная Звезда» и «Правда» за 1983–85 г со статьями

Абдул Вахеда («Бой без выстрелов?»), В.Скрижалина («Спасибо, шурави!»), П.Студеникина («Они служат в ДРА»), Н.Белана («На земле Афганистана»).

— Копылов Ф. «Рассказы о хирургах», 1948 г.

— Непомнящий Н.Н. «Сто великих тайн Востока», 2008 г.

— «География Свердловской области», 1981 г.

— Энциклопедия-Википедия.

№ 3. «Я вспоминаю утренний Кабул…»

Посвящается 20-й годовщине
Вывода войск из Афганистана

Часть I

Глава 1

Февраль 1984 г.

1

— Куда ставить-то? На пол, что ли? Я уже не могу его больше носить, тяжёлый оказался! Сегодня мы уже не менее тридцати носилок с тобой перетаскали по лестницам. Руки отваливаются.

Худенький санитар в рваном (с торчащими клочьями ваты) бушлате неопределенного цвета и в шапке-ушанке с развевающимися «ушами» не громко перебрасывался фразами со своим напарником. Тот был одет точно также, впрочем, он и выглядел очень похоже. Ребята валились от усталости, разгружая очередной санитарный автобус с ранеными, доставленными с аэродрома Кабула.

Для эвакуации раненых медицинской службой 40-й армии использовались специально оборудованные самолеты АН-26М «Спасатель». Один такой борт только что прилетел из Кандагара, доставив около десятка раненых. Практически все солдаты и офицеры имели тяжёлые ранения, нуждались в специализированной хирургической помощи.

Самым главным советским лечебным учреждением в Афганистане был 650 военный госпиталь в столице страны. Но при всём желании, стены не могли растягиваться, как резиновые, чтобы вместить всех поступающих на лечение. Раненые лежали в переполненных палатах, в коридорах, во всех подсобных помещениях. Приходилось применять изобретательность, чтобы «втиснуть» очередную «жертву войны» на лечебную кровать. Дежурный врач «разрывался» на десятки кусочков, чтобы успевать выполнить возложенные на него обязанности. Найти такого доктора было сложно. Санитары с носилками вынуждены были сами придумывать, куда положить тяжелораненых. Порой приходилось обегать много отделений.

Вот и сейчас они сбились с ног, разыскивая свободное местечко для тяжелораненого офицера. Из первого хирургического отделения пришлось уйти ни с чем. Продолжили поиск свободной кровати во втором отделении.

Чтобы немного перевести дух, они положили носилки на пол прямо в холле, заставленном кроватями. Офицера уже начало

трясти от холода — тонкое одеяло совсем не грело его голое, исхудавшее тело. Кроме того, он постоянно опасался, что его уронят эти худенькие носильщики, бегая по узким лестницам с этажа на этаж. Падать совсем не хотелось — можно ещё сломать себе что-нибудь. Хватало полученных боевых ран. Хирурги Кандагара сделали всё, что могли (и даже больше), собрав буквально «по косточкам» сложные переломы правой руки и ноги. Теперь требовались восстановительные операции.

Старший лейтенант осмотрелся по сторонам, на сколько это было возможно, лежа на полу на носилках. Впрочем, обзор был ограничен — ряды кроватей вдоль всего пространства холла. По узкому проходу приходилось буквально «ходить бочком», чтобы разойтись со встречным.

Вдруг его лицо озарилось улыбкой. Он даже постарался слегка приподняться, помахав здоровой рукой идущему навстречу человеку в белом халате. Врач тоже заметил его, узнал, приблизился к носилкам.

— Здравствуйте, Борис Владимирович! Вы меня оперировали ещё в Кандагаре, когда были на прикомандировании во время рейда; это ещё в январе было, в конце месяца. Вот меня и переправили сюда.

— Здравствуй-здравствуй, Саша! Рад тебя видеть! Я уже дней десять, как вернулся из вашего «Сталинграда», то бишь, Кандагара. Здесь все так зовут этот город. А чего это ты на полу лежишь?

— Место мне ребята ищут. Всё везде занято. А дежурного врача не нашли. Вот и носят меня по отделениям.

— Это даже лучше, что тебя в наше второе отделение принесли. Здесь и Владимир Михайлович работает. Помнишь его? Он тоже тебя оперировал. Я ему про тебя скажу прямо сейчас. А место мы тебе живо организуем! Не будь я «гость из Питера». Мы ребята настырные. Но мы с моим коллегой здесь сами «на птичьих правах», временщики одним словом, не имеем власти. Сейчас я вернусь с дежурным врачом. Пока никуда не уходи, — пошутил на прощание доктор и стремительно двинулся по проходу между кроватями.

Ребята-носильщики устало переглянулись, продолжая топтаться рядом. Они были рады, что не придется больше самим искать свободную кровать.

Вернулся Борис Владимирович довольно быстро. Он оживленно беседовал с высоким крепким мужчиной в белом халате с уставшим, даже изможденным лицом.

— Вот, Андрей Валерьевич, мой «крестничек» из Кандагара. Прошу любить и жаловать. — Он показал на лежащего на

носилках офицера. Потом посмотрел на раненого. — Это дежурный врач подполковник медицинской службы Аксак. Он тебе сейчас «как из-под земли» найдет свободное местечко в этой «бочке с селёдкой». Сегодня уже с утра было несколько бортов из Шинданда, Джелалабада и Файзабада. Прямо настоящее «нашествие». Но ничего, Саша, не унывай. На улице не останешься. Так ведь, Андрей Валерьевич?

Дежурный врач озабоченно почесал в затылке, крякнул. Потом попросил минутку подождать, сам он скрылся в ближайшей палате.

Борис Владимирович подмигнул старшему лейтенанту, мол, не горюй. Всё устроится. Потом он запустил руку в карман халата и с гордым видом извлек упаковку с лекарством:

— Вот, Санька, держи. Это тебе. Как специально для тебя и хранил. Дефицит. Это лидаза. Тут десять ампул со стерильным сухим веществом по 0,1 г. На курс лечения хватит. Очень пригодится для очищения твоих ран. Отдашь своему лечащему врачу строго в руки. Пусть использует в лечении. Скажешь, что от меня.

Раненый кивнул головой, прижал к груди дорогую коробочку. О действии этого лекарства знал хорошо. Действительно, царский подарок!

Из палаты вышел дежурный врач. Он с сомнением покачал головой:

— Слышь, Владимирович, есть здесь одно свободное место. Но это резерв. Здесь практически все лежат наши коллеги, врачи раненые.

— Так ведь и это тоже наш коллега. Раненый в рейде хирург, ординатор операционно-перевязочного отделения Кандагарской Медроты, Александр Невский.

— Тогда заноси! Нет проблем. С прибытием в славный Кабульский госпиталь, дорогой коллега!

Санитары с видимым облегчением подхватили носилки и внесли их в палату. На двери Невский успел прочесть табличку «Послеоперационная палата 2-го хирургического отделения вчпп 94 777». Ему досталась крайняя четвертая в ряду кровать. Санитары осторожно переложили раненого офицера и поспешно удалились.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант! Я вас сразу узнал. Я тут уже около недели лежу.

2

Невский повернул на голос голову. Лежать приходилось только на спине. Но он тоже узнал в говорившем своего прежнего товарища по несчастью — Пшенко Юрия, солдата, которого оперировали с ним в один день в разных операционных. Потом они вместе лежали в палате реанимации. Помнится, Юрке тоже сильно досталось: ранение печени и кишечника, пришлось даже удалить часть поврежденных кишок. Потом их с солдатом разлучили, положив в разные палаты. Выходит, парня раньше переправили сюда на лечение. Сейчас он лежал на дополнительной пятой кровати, которая стояла прямо у противоположной стены у дверей. В палате совершенно не было свободного пространства. Но «в тесноте — не в обиде!»

Невский помахал ему рукой. Было радостно, что есть уже одна знакомая душа.

— А мне сказали, что это офицерская палата, даже более того — для медиков. Ты-то как здесь оказался?

— Меня, как привезли, на долго положили на полу в коридоре на носилках. Место искали. Я ждал-ждал. А потом я им такую устроил истерику, все врачи сбежались. Сразу решили найти мне подходящее место, вот сюда и положили с офицерами. И потом, я ведь тоже медик как-никак. Санитарный инструктор роты! — Он произнес это с такой гордостью, что Невский невольно улыбнулся.

Вспомнилось, что и в госпитале Кандагара Юрий не давал покоя врачам многочисленными капризами, а медсестер буквально доводил до «белого каления» своими криками, сначала слабым голосом, но потом всё более громким и уверенным. Этот парень умел требовать к себе внимания. Впрочем, так, наверное, и надо поступать, когда речь идёт о жизни и смерти. Какие уж тут нежности и стеснительность.

— Ну, что же, Юра, будем и дальше с тобой лечиться. Думаю, врачи здесь — настоящие профи. Вон сколько «нашего брата» на всех кроватях наложено. Докторам «раздолье». Набирайся, сколько хочешь, врачебного, а тем более — хирургического опыта! Ладно, я что-то очень устал. Пожалуй, подремлю немного.

Но уснуть никак не получалось — боль не на шутку разыгралась в раненой ноге, да и рука не отставала. Чтобы не стонать, приходилось крепко сжимать зубы.

Остальные раненые не обратили на новичка никакого внимания. Каждый был погружён в свою беду.

Вскоре в установившейся тишине явственно стал доноситься какой-то постоянный звук. Он продолжался на одной ноте, не прекращаясь ни на минуту. Выглядело это, как горловое пение (как-то удалось послушать этих чудо-певцов из Тувы), но сейчас

человек не пел, а страдал, издавая звук «М-м-м-м».

Невский максимально повернул голову вправо. Похоже, так стонал раненый на самой крайней от него кровати, прямо у дальней стены с окном. Присмотревшись в уже сгущающихся сумерках, старший лейтенант даже ужаснулся. Человек, лежащий на этом месте, напоминал мумию: всё его тело было забинтовано от горла до кончиков ног, лишь лицо оставалось открытым. Он был «распят», т. е. лежал, раскинув в стороны руки и ноги, даже одеяло не укрывало этого несчастного. Этот офицер непрерывно и стонал.

«Это обожженный, — догадался Александр. — Он испытывает адские муки. Похоже, всё тело превратилось в сплошную рану. Конечно, развилась ожоговая болезнь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наверное, есть и ожог дыхательных путей. Удастся ли ему выжить? Тяжёлый вопрос».

Из размышлений Невского вывели посетители, если можно так их назвать. Борис Владимирович привел с собой своего коллегу по Ленинграду — Владимира Михайловича. Они стали оживлённо обсуждать дальнейшую тактику лечения. Как понял старший лейтенант, ему предстояло перенести ещё несколько операций, в том числе по пересадке кожи. Необходимо было закрыть огромную рану на бедре и животе своей же кожей, взятой со здорового бедра. Александр невольно поёжился, представив, как с него «живьем будут снимать кожу». Жуть!!

Врачи удалились, похлопав ему на прощанье по здоровой руке. Уснуть уже не удастся. Стал вспоминать события этого дня. Удивительно, как много может произойти в течение всего нескольких часов. Ещё утром он был среди своих друзей по Кандагарской Медроте. Потом было прощание, полёт на самолёте, долгая езда на санитарном автобусе по узким улочкам Кабула. И вот, он уже в главном военном госпитале. Начинается новый этап его жизни…

3

Ужин принесли, значит, уже вечер. Тарелку с пшённой кашей и рыбными консервами, стакан с чаем поставили на прикроватную тумбочку со стороны раненой руки. Даже при всём желании Невский не смог бы это достать и поесть. Но есть и не хотелось.

Обожжённому офицеру еды не полагалось — видимо, его кормили питательными растворами через специальный зонд-трубку. Не стал есть и его ближайший сосед с забинтованными

глазами. Сосед Невского старательно съел всё содержимое тарелки, а Юрий лишь выпил чай.

Минут через тридцать тот же солдатик в грязно-белом халате собрал все тарелки и молча унёс.

Да-а-а, видимо, здесь выживать будет сильнейший. Никто кормить с ложечки не собирается. Надо приспосабливаться. Невский решил завтра же попросить лечащего врача переставить свою тумбочку налево от кровати, тогда он хотя бы сможет сам «кормиться». Место тут имелось. Умирать от голода не хотелось.

Хорошо бы уснуть. Усталость брала своё, но боль не давала расслабиться. Она волнами прокатывалась по всему телу. Как там учили мудрецы — надо начать думать о чём-нибудь приятном, тогда и боль не будет так мучить. Это легко только советовать.

Александр стал думать о доме, о дорогих для него людях — о жене и дочери. Вспоминал свой недавний отпуск в конце октября-ноябре, несколько дней и в декабре захватил. Четырёхлетняя дочь не сразу его узнала, но зато потом буквально не слезала с его колен. А стоило им куда-нибудь пойти гулять — непременно крепко держала его за руку, словно боялась, что папа опять надолго исчезнет. Каждый вечер он читал ей на ночь книги. Не могло даже и речи быть о пропуске такого важного мероприятия. Некоторые книжки приходилось читать по несколько раз — они были любимыми. Пытался даже придумывать свой текст, чтобы не читать одно и тоже, но дочь строго стояла на «страже» — не допускала самодеятельности, ведь сама помнила наизусть.

Одна из таких книжек была — «Рыцарь — Синяя Борода». Что в ней находила дочка — оставалось только гадать.

Невский вздохнул, вспоминая счастливые дни. Вдруг тревожная мысль забилась в голове — как он объяснит жене своё пребывание в Кабуле? О ранении он не писал (да и не смог бы, если захотел). По его просьбе писали друзья из Медроты. Сочинили о его небольшом повреждении правой руки, мол, сломал по неосторожности пару пальчиков, гипс наложен. Как же его с таким небольшим повреждением переправили для дальнейшего лечения в Кабул?! Стоило об этом подумать хорошенько…

Размышления прервала медицинская сестра. Высокая, кареглазая, курносая. Она шумно объявила о своём появлении, широко улыбнулась, показав задорные ямочки на щеках:

— Привет, тяжелораненые герои! Сейчас я буду избавлять вас от болей! Кто первый желает?

— Здравствуй, Снежанночка! Начни с Серёги. Он у нас опять непрерывно стонет, ему хуже всех сейчас, — сосед Невского даже приподнялся на кровати. Он явно рад был видеть девушку.

Сестричка направилась к обожжённому. Она остановилась рядом с кроватью, тихо позвала:

— Старший лейтенант Сомиков! Сейчас сделаю тебе укольчик, сразу станет легче. Поспишь, сил наберёшься!

Сергей лишь на мгновение прервал нескончаемый стон. Потом всё возобновилось. После укола он хрипло произнёс: «Спасибо!» Видимо, это помогло, потому что стон вскоре прекратился.

Медсестра повернулась к соседней кровати.

— Ну, что, товарищ капитан Копейкин, ты по-прежнему ни с кем, кроме себя не разговариваешь? Я здесь, Петя! Укол обезболивающий будем ставить?

Офицер с плотной повязкой на глазах никак не отреагировал на её вопрос.

— Ладно, буду исходить из назначений. Морфин пока тебе не отменили. Сейчас тебя «комарик» укусит за руку.

Она уже закончила инъекцию, когда раздался вопрос:

— Петька, кому ты будешь нужен, такой слепой? Ты и как врач кончился! — Капитан коротко хохотнул. Потом стал отвечать на свои же вопросы. — Это верно, согласен. С армии меня выгонят, с медициной придётся тоже расстаться. Никому не надо такой обузы. Жена узнает, наверное, сразу бросит. Сама будет сына растить. Впрочем, найдет зрячего. Красивая она…

Далее капитан продолжил негромко что-то бормотать, а сестричка уже подходила к соседу Невского.

— Николай, как ты? Укол обезболивающий поставим?

— Капитана Советской Армии не так просто убить! Я и с одной ногой буду служить. Ты, Снежанночка, ещё услышишь фамилию Красько. Клянусь! Но, понимаешь, болит эта сволочная правая нога, которой нет. Знаю. Всё знаю, что это так называемые «фантомные боли». Понимаю, как врач. Но ничего не могу поделать. Ставь укол! А на охоту я всё-таки буду ходить. Вернусь домой, залечу раны, протез надену и — айда с ружьишком дичь стрелять! «Охота — пуще неволи!» Не зря ведь так говорят.

После укола Николай облегченно вздохнул:

— Спасибо тебе, красавица! Дай Бог тебе богатого и умного мужа. И, главное, чтобы был с руками-ногами и так далее…

— Юрка, у меня к тебе просьба. — Медсестра уже перешла к кровати младшего сержанта Пшенко. — Пожалуйста, хотя бы в моё дежурство не мочись в постель. Все сёстры на тебя жалуются — не успевают менять постельное бельё. Неужели так трудно подождать немного, пока «утку» тебе санитары принесут?!

— Я уже всем говорил свои требования. Захочу в туалет — сразу крикну. Потом считаю до десяти. Не успели — «хожу» под

себя. Запомни и ты. Пусть вас начальник отделения ругает, что раненые мокрые лежат.

— Ну, ты и «гусь» Юрий! Как тебе не стыдно! Мне перед офицерами за тебя не удобно. Нюхают потом твою вонь. Ладно, давай руку. Получишь свой «розовый укольчик».

— Так, кто тут у нас ещё остался? Вижу, новенький появился. Как звать-величать? Я «Историю болезни» смотрела, но не запомнила пока.

Она внимательно выслушала ответ.

— Александр Невский. Отлично! Я из школьных уроков истории что-то припоминаю. Ледовое побоище, великий князь и всё такое… И снова раненый — врач. Эти «духи» что творят?! Решили всех докторов перебить, что ли. Ну, ладно. Будем лечить. Пока лечащий врач тебя не смотрел, но дежурный тут написал назначения, есть среди прочего и обезболивающее. Сейчас я «уколю» и поспишь нормально.

Это было, как волшебство. Таких сильных наркотиков в Кандагаре ему не назначали. Раз — и нет никакой боли. И всё — в розовом цвете. Понял теперь выражение — «Смотреть сквозь розовые очки». Понятно, почему Юрка называет их «розовыми укольчиками». Сон наступил почти мгновенно.

…Проснулся уже под утро. Сильной боли не было. Опять в палате раздавался стон от окна. Действие наркотика для Сергея закончилось. Да, для человека, у которого площадь ожогов превышает 80 % поверхности тела даже такое обезболивание — что «дробина для слона».

Невский стал прислушиваться к отдаленному шуму за окном. Город просыпался. Утренний Кабул жил своей жизнью. А когда он впервые прилетел в этот город, тоже было ещё утро. Как давно это было, словно в другой жизни. А ведь прошло менее двух лет. Попытался вспомнить первую встречу с этой чужой столицей. Что сохранилось в памяти? «Я вспоминаю утренний Кабул. Всё необычно в маленькой столице…»

Глава 2

Июнь 1982 г.

1

— Уважаемые пассажиры! Наш рейс сообщением Челябинск-Ташкент завершён, самолёт совершил посадку в аэропорту столицы Узбекистана Ташкент. Температура воздуха плюс 35

градусов. Командир корабля и экипаж прощается с вами. Желаем приятного отдыха. Благодарю за внимание!

После прохладного Урала жара ощущалась сразу. Вмиг бросило в пот. Дождался выдачи багажа. С трудом оторвал от земли тяжеленный чемодан «Оккупант» (только бы выдержала ручка!). В другую руку взял тяжёлую сумку. Собирался в Афганистан старательно: большая часть чемодана была забита военной одеждой, включая зимнее обмундирование — бушлат, ватные штаны, шапка, сапоги. Кто знает, где придётся служить. Говорят, в горных районах этой страны очень холодно. Но сейчас было жарко даже в кителе. Снял его, остался в рубашке с погонами. Куда теперь? Вышел из здания аэровокзала. Надо бы взять такси.

Словно прочитав его мысли, к нему шагнул невысокий крепыш:

— Куда поедем, командир? Собираешься «за речку» ехать служить?

— За какую речку?

— Ну, в Афганистан. Он расположен за пограничной рекой, вот все так и говорят. Так куда едем?

— Мне надо в КЭЧ-гостиницу. Это далеко?

— Прилично, но договоримся с оплатой. Это твой чемодан? Помогу донести.

Тут же крепыш подхватил чемодан и понёс его к своей машине, не давая офицеру опомниться, чтобы не перехватили конкуренты выгодного клиента.

Действительно, такого «лоха» ещё надо поискать — совершенно не знает город, можно вести «своим маршрутом». И они поехали.

Дважды старшему лейтенанту показалось, что проезжает уже знакомой дорогой (так и было. «Водила» возил его по кругу, наматывая на счётчике рубли и копейки. Но это выяснилось позже. Офицеры рассказывали, что ехать совсем рядом, а по счётчику будет не более трёх рублей). Только минут через сорок они подкатили к зданию гостиницы. Офицер расплатился по счётчику крупной банкнотой, добавив для ровного счёта «на чай» за «комфортную поездку». Знай наших! Советский офицер не привык считать рубли…

Его поселили в двухместном номере на втором этаже. Сосед по комнате плескался в ванной, вещи горой были навалены на разобранной постели. Вторая кровать была аккуратно застелена.

Вновь прибывший с видимым трудом перенёс свой большущий чемодан и сумку, поставил у своей кровати. Устало опустился на белоснежное покрывало. Да, дел впереди ещё много:

надо пообедать где-то, потом ехать в Медицинскую службу Туркестанского Военного округа. Пора узнать, где же ему предстоит служить в Афганистане.

Он даже не заметил, как из ванны вышел загоревший до черноты невысокий светловолосый парень с полотенцем вокруг талии.

— Сергей Львовский, старший лейтенант, артиллерист. Возвращаюсь из отпуска в Афган.

Он крепко пожал руку и вопросительно посмотрел.

— Александр Невский, тоже, как видишь, старлей, врач. Должен ехать служить «за речку», пока не получил назначения. Надо в штаб округа двигаться. Не знаю пока, где это находится.

— Ха, тебе несказанно повезло. Я тоже сейчас туда пойду, покажу дорогу. Только сначала надо пообедать. Составишь компанию?

— С удовольствием. Давно проголодался. А далеко идти?

— В этом же здании на первом этаже. Всё удобно, всё рядом. Не жизнь — малина. Мне ведь в Афгане осталось служить три месяца, хочу на счёт своей замены выяснить. Это очень важно, чтобы к тебе вовремя заменщик приехал. «Мотай на ус» на будущее. Чтобы не получилось, как у моего сослуживца из дивизиона — парень ждёт заменщика, а тот ногу сломал, лечиться предстоит ещё несколько месяцев. Пока узнали в кадрах об этом, пока нового заменщика подобрали, пока он приехал, мой кореш успел ещё полгода послужить, а «под занавес» угодил в госпиталь с брюшным тифом. Кошмар, одним словом.

Непрерывно рассказывая, Сергей успел одеться в форму. Придирчиво осмотрел себя в зеркало:

— Пошли, оставляй всё здесь. Потом сдашь в камеру хранения вещички. Сейчас на ключ закроем. Откуда приехал?

Не спеша, офицеры прошли в столовую, рассказывая о себе. Сергей был в отпуске у своей семьи — жена, дочка — в городе Львов. («Я Львовский из города Львов, символично»).

Очередь была небольшая. Быстро заставили подносы тарелками, стаканами. Присели за свободный столик.

— Ты, Саша, ещё не знаешь, на какую должность и куда едешь? Я правильно понял? А кто по специальности?

— Да, не знаю. А я врач-хирург, опыт работы уже около двух лет.

— Так, слушай меня очень внимательно. Не знаю, как у вас врачей, но «тёмные делишки» с назначением на должности творятся тут давно. Так и норовят своих «блатных» протолкнуть. Взяточничество процветает вовсю. Скорей всего ты выехал из своей части уже строго на определённое место, не могли они твой

ВУС (воинская учетная специальность) менять. Значит, должен получить только такую же должность. Начнут «ухари» тебе «хвоста крутить», мол, нет лечебных должностей, поезжай на имеющуюся (подсунуть могут любую), ты стой на своём крепко. Мы это уже в полку проходили (я в Шинданде служу). Без бумажки с направлением не уходи. Может, придётся и завтра-послезавтра снова приехать. Ничего страшного. Афган подождёт. А вот кадровикам долго тянуть нельзя, их «по башке» настучат за волокиту. Никуда не денутся, выдадут тебе направление. Соглашайся только на равноценную должность. Всё усёк?

— Всё понял. Спасибо, Сергей. Ценная консультация. Я даже не думал, что такое может быть.

— Видать, жизни не знаешь, молодой ещё. Я тоже такой «лопух» был перед Афганом, прямо с училища туда «загремел». Афганистан меня многому научил. Спасибо ему хоть за это.

После обеда вышли на улицу, покурили. Львовский начал рассказывать о своей службе. Невский слушал его, «открыв рот». Оказывается, там идёт настоящая война, что ни день — гибнут люди. Отличившихся награждают, есть уже и Герои Советского Союза. Сам Сергей награждён орденом «Красной Звезды». После этого известия, Александр смотрел на своего нового товарища, как на «живую легенду». Эта услышанная правда оказалась иной. Конечно, ничего этого он не знал. В газетах об этом не писали, по телевизору не показывали.

2

До штаба округа добрались быстро. Это оказалось рядом, буквально «рукой падать». Посидели на лавочке, покурили. Договорились, что встречаются здесь же через пару часов. В Бюро пропусков пришлось долго ждать. Сергей отправился первым к своим артиллеристам. Ещё через несколько минут получил «добро» и Невский. Поднялся на шестой этаж в Медицинскую службу округа.

В пропуске был указан номер кабинета, нашёл его не сразу. По коридору медицинского отдела сновали многочисленные работники (при погонах и без), они и подсказали старшему лейтенанту, где найти нужную дверь.

«Направленцем» (офицер, решающий кадровые вопросы) медотдела оказался майор медицинской службы Дешёвых Фёдор Степанович. Он долго и придирчиво изучал документы Невского, умудрившись при этом ни разу не посмотреть ему в лицо. При этом он не переставал говорить ни на минуту, рассказывая о

высокой миссии интернационалиста, которую с высокой честью должен выполнить старший лейтенант. Он должен быть благодарен за оказанное ему доверие ит.д. и т. п.

Невольно на память пришли слова из классиков о том, что «от постоянного вранья его глаза сошлись на кончике носа». Похоже, здесь наблюдался тот же случай. Майор выложил большую кипу бумаг и с жаром стал показывать их посетителю, убеждая в отсутствии лечебных должностей в Афганистане. Наконец, он прямо предложил Невскому место врачом батальона в одном из гарнизонов страны.

Как здорово, что Невский накануне успел познакомиться с Сергеем Львовским. Только сейчас по достоинству смог оценить ценность его советов.

— Нет, товарищ майор. Мой ВУС — 6401, именно на такую должность я и должен поехать служить.

— Придётся мне ещё поискать. Это не сразу получится. — Дешёвых впервые посмотрел в глаза Невского. В них промелькнула откровенная злоба. Майор кипел негодованием.

— Я не тороплюсь.

— Ладно, придёшь завтра в это же время. Пропуск я закажу. Но ничего не обещаю. Давай отмечу тебе разрешение на выход.

Александр вышел из здания с ощущением гадливости, словно только что наступил на «коровью лепёшку». Чёрт, придётся ещё походить сюда. Но решил стоять на своём до конца.

Присел на условленную скамейку. Ждать Сергея пришлось около получаса. Тот подходил к скамейке, громко ругаясь. Ему тоже придётся ещё раз прийти завтра — не смог решить свои вопросы.

Невский рассказал о своей встрече с офицером медслужбы.

— Вот сука! Я же тебе говорил. Они тут торгуют должностями. Не вздумай ему деньги давать. Гады, окопались тут! Кому война, а кому — мать родна. Ничего, никуда не денется. Получишь свою должность хирурга. Это я тебе говорю! Ну, что, куда пойдём?

— Я здесь ничего не знаю. На твоё усмотрение давай.

— Замётано! Покажу тебе город. Здесь есть, что посмотреть. Я уже не плохо ориентируюсь.

Они гуляли весь вечер. Красивый город! Не хотелось думать о войне, идущей в соседней стране. Неведомыми путями их занесло на железнодорожный вокзал. Бродили среди встречающих и уезжающих, словно сами были из их числа.

Сели на троллейбус 17-го маршрута, от остановки «Площадь Горького» доехали до остановки «Художников». До своей гостиницы дошли пешком. Жара спала, вечер был чуден и тих.

Вторая попытка на следующий день также не явилась последней. Уже знакомый Невскому майор пытался отправить его начальником медицинского пункта полка. Дешёвых уверял, что так и не нашел лечебной должности для хирурга.

Старший лейтенант решил пойти на хитрость. Он уверенно заявил, что знает офицера, которого будет менять, они, мол, обменялись даже письмами. Их замена согласована. И тот ждет его в своей части. Конечно, он рисковал. Но этого было достаточно, чтобы майор изменился в лице. Он оказался достаточно трусоват.

Дешёвых попросил подождать, вышел из кабинета. Вернулся минут через двадцать.

— Нашёл, — буркнул он. — Поедешь на должность ординатора операционно-перевязочного отделения в Медроту Кандагара. Но за документами прибудешь завтра утром. Я пока всё подготовлю. — Его подлая натура не сдавалась. Хотелось хоть так отомстить неуступчивому старлею.

Но это была уже победа. На душе полегчало. Они встретились с Сергеем на «их скамейке». Сергей решил все свои вопросы — после Афганистана ему предстояло ехать служить в Одесский Военный округ. Парень не скрывал своей радости. Но срок отпуска у него заканчивался (специально приехал в Ташкент пораньше), завтра предстояло вылететь в Шинданд. По крайней мере, завтра надо прибыть на Пересыльный пункт и отметить там свой отпускной билет. А там, как получится — борт может задержаться ещё на день-два. Это уже не зависело от отпускника.

Впереди предстоял ещё целый вечер. Опять гуляли по городу, прощались с мирной жизнью. Остановились у кинотеатра. Афиша фильма заинтересовала. Решили сходить. Это был новый фильм с Ириной Муравьёвой в главной роли «Карнавал». Они не жалели, что потратили столько времени на просмотр. Фильм очень понравился. Так сыграть могла только Большая актриса.

Сергей обещал, что завтра дождётся возвращения Невского из Медицинской службы, и они вместе поедут на Пересыльный пункт. Александр хотел сам проводить своего нового друга.

3

Итак, только на третий «заход» старший лейтенант получил свои долгожданные документы. Майор Дешёвых выдал ему «Предписание» буквально за две минуты. Он опять ни разу не посмотрел на Невского.

Но это ни мало не беспокоило. Главное, он определился со

своей будущей службой. Правда, впереди его ждала полная неизвестность.

Александр решил поехать на Пересыльный пункт вместе с Сергеем, прихватив сразу свои вещи. Их можно там сдать в камеру хранения. Там же можно и ночевать. Срок его отправки в Кабул был обозначен следующим днём — 19 июня.

Не хотелось расставаться с Сергеем. Удивительно. Знаешь человека три дня, но «прикипел» к нему всей душой. Наверное, это именно то, что называют «знаковой встречей». Не будь советов Львовского, трудно сказать, чем бы закончилась «дуэль» с майором Дешёвых.

Серёга написал адрес своей полевой почты, просил черкнуть письмо с нового места службы. Невский кивнул головой — сделаю!

Пересыльный пункт оказался отдельным «мини государством». Жизнь здесь кипела и клокотала по своим законам. Многие откровенно «отрывались по полной» — им предстояло ехать в воюющую страну, поэтому алкоголь здесь «лился рекой». Впрочем, этих людей можно было понять. Кто-то заливал вином свой страх, а кто-то старался напиться «впрок», ведь на территории Афганистана официально действовал «сухой закон», да и при желании найти спиртное там будет проблематично.

Сергей отметил свой «Отпускной билет». Оказалось, что его самолёт будет через пару часов. Они крепко обнялись на прощание. Львовский, подхватив свой не большой чемодан, отправился на таможенный досмотр. Очень скоро Невский потерял его из виду — плотная вереница военных заслонила нового друга…

Весь остаток дня и вечер старший лейтенант гулял по полюбившемуся городу, смотрел телевизор в своём номере гостиницы. Там же он решил и заночевать. После увиденного спать на Пересыльном пункте расхотелось.

Ранним утром расплатился с гостиницей и налегке поехал уже знакомым маршрутом на трамвае 3-го маршрута. На «Пересылке» его занесли в «Книгу учета», поставили штамп и дату прибытия на «Предписание». Теперь Невский уже не принадлежал себе. Он становился воином-интернационалистом и отправлялся в «дружественное соседнее государство» выполнять свой воинский долг.

Самолёт на Кабул должен был вылететь буквально вот-вот. Забрал вещи из камеры хранения и поспешил на досмотр багажа.

Прямо перед ним в очереди стоял разбитной старший лейтенант с общевойсковыми эмблемами на погонах. От

нетерпения он даже пританцовывал, поторапливая стоящего перед ним капитана. Так человек рвался вернуться из отпуска в Афганистан. О чём он и сообщил всем стоящим рядом.

Наконец, парень с трудом водрузил перед пожилым таможенником со строгим сквозь очки взглядом свою большую сумку. В ней среди прочих вещей оказались три трёхлитровых стеклянных банки.

— Что здесь? — С изумлением спросил работник, показывая на розовый раствор с плавающими вишенками.

— Это бабушкин компот, — широко улыбаясь, сообщил старший лейтенант. Потом добавил. — Хочу друзей побаловать домашними заготовками.

Таможенник взял банку, потряс её на весу, поставил. Попросил сказать, где проводил офицер отпуск, а когда узнал, что на Западной Украине, то вновь потряс задумчиво банку. Потом достал из кармана складной ножик, проделал в металлических крышках всех трёх банок маленькие отверстия, вылил на стол из каждой банки небольшие лужицы. Чиркнул зажигалкой. Все три лужицы загорелись голубым огнём.

— Не плохо, молодой человек! Только какой нормальный офицер повезёт через всю страну такие тяжеленные банки с компотом. Забирайте свой спирт и возвращайтесь обратно или оставляйте их здесь и проходите.

Невский смотрел на всё это «во все глаза». Вот это профессионализм! Такого «на мякине не проведёшь».

Офицер, чертыхаясь, переложил свои банки в сумку и вернулся в зал ожидания. Вскоре послышался его громкий возглас:

— Мужики! Кто хочет выпить?

Очередь после Невского заметно поредела.

Сам Александр с трудом поставил чемодан на стол перед таможенником.

— Первый раз едете? — спросил он, устало, взглянув на офицера.

— Да.

— Водки сколько везёте?

— Две бутылки.

— Проходите. Не надо ничего открывать.

Старший лейтенант был даже разочарован. Впрочем, у него не было ничего запрещённого для вывоза.

Спустя менее часа из аэропорта Тузель огромный самолёт ИЛ-76 поднялся в воздух. Он взял курс на юг. Никто из пассажиров больше не разговаривал и не шутил. Все погрузились в свои мысли. Кроме людей этим бортом перебрасывалась

большая партия грузов.

Невский незаметно для себя задремал под ровный гул мощных двигателей. Проснулся лишь во время посадки. Сосед подполковник тряс его за плечо и приговаривал: «Просыпайся-просыпайся. Так всю службу проспишь». Он улыбнулся и добавил: «Кабул».

По меркам советским, они прилетели ещё утром. Хотя здесь город просыпался гораздо раньше. Он уже бурлил и жил своей жизнью…

Часть II

Глава 3

Февраль 1984 г.

1

Утро вступало в свои права. Все чаще по коридору раздавались торопливые шаги. Рабочий день начался. В палату один за другим вбегали люди в белых халатах, выполнив свою работу, также стремительно выбегали. Брались анализы крови, всевозможные посевы, выполнялись многочисленные процедуры. Медики исправно делали свою работу.

Невскому досталось больше всех — как-никак он был новичком. Лечащий врач представился, как майор Изюров Виктор Семёнович. Он задал массу уточняющих вопросов, осматривал-ощупывал. Тут же пригласил перевязочную сестру, сменил все повязки. Невский даже повеселел — понял, что попал в надёжные руки. Врач ему понравился. В довершение всего он выполнил просьбу раненого офицера — сам быстро перенес прикроватную тумбочку на другую сторону кровати. Тут и завтрак принесли. Поставили тарелку и стакан в «удобном» месте.

Офицер смог сам, без помощи кого-либо поесть. Завтрак придал сил и, не смотря на усилившуюся боль, настроение поднялось. «Мы ещё поживём!»

Сергею Сомикову вставили питательный зонд через нос, влили в него белковые растворы. Он непрерывно ругался и клял свою судьбу. После такой «экзекуции» потребовал себе дополнительный обезболивающий укол. Но ему было отказано — впереди ещё предстояла перевязка…

Странно, но Александр уже привык к непрерывным стонам обожжённого офицера. Это даже не отвлекало от дум. Вскоре его привлек совершенно другой звук. Точно комар пищал в изголовье его кровати. Смог изловчиться и повернуть голову вверх. На спинке висели небольшие наушники. Путем громадных усилий дотянулся до них, приложил к ушам.

Чудо! Сразу полилась красивая мелодия. Её сменила песня. Потом голос поздравил неведомого раненого лейтенанта Назметдинова Сергея с сегодняшнем днём рождения. А, по просьбе именинника, для него звучит песня в исполнении Александра Градского «Жил-был я». Это было госпитальное

радио. Вот это здорово! Невский весь превратился в слух. С юности любил эту песню. Ему положительно нравился этот госпиталь!

Прослушал всю передачу. К сожалению, это продолжалось всего часа полтора. Правда, вечером было ещё два часа вещания из местной радиорубки. Кроме Невского никто больше не слушал радио, хотя наушники висели на всех спинках кроватей. Впрочем, это дело каждого.

Днё м вся палата переживала за обожжённого старшего лейтенанта — тому делали перевязку. Его крик разносился далеко за пределы этой комнаты. Даже капитан Копейкин надолго замолчал, прекратив разговоры с самим собой.

Сердце Невского просто обливалось кровью от сопереживания к страдающему товарищу по несчастью. Сколько же мук должен вынести этот офицер?!

Перевязка закончилась. Парень получил свой обезболивающий укол. Почти сразу он и замолк, уснув в полном изнеможении.

Дни потекли, похожие друг на друга. Уколы, перевязки, снова уколы. Старался не пропускать утренние и вечерние трансляции по местному радио. Наушники стали его «любимой игрушкой».

Другим важным занятием для Невского стали «уроки письма». Учился писать левой рукой. Вот это было мучение! Похлещи, чем при перевязках… Всё необходимое было под рукой: бумага, ручки, конверты. Это хранилось под подушкой в его офицерской сумке. Там же находились туалетные принадлежности, электробритва. За их палатой был закреплён один выздоравливающий солдатик. Он и помогал раненым офицерам умываться, бриться и т. д. В этом отношении Александру повезло — прямо у его кровати находилась розетка. Помощнику оставалось лишь воткнуть вилку.

Каждый день, наблюдая себя в маленькое зеркальце при бритье, видел изменения на лице — черты всё более заострялись. Да, ранение никого не красит.

Однажды солдат-помощник застал его за написанием каракулей левой рукой. Взялся помочь с письмом. Невский просто обрадовался. Давно пора отослать домой хоть короткое послание. Сам уже тоже «сто лет» не получал вестей из дома.

Солдат с трудно произносимым именем и почти не произносимой фамилией — Ооржак Хунаштаароол (оказался тувинцем из столицы автономной республики Кызыл) — старательно взялся за написание. Попутно рассказал о своей жизни. До армии успел поработать охотником в заготконторе. В Афганистане прослужил более года на должности снайпера.

Имеет в «своем активе» около десятка «зарубок» — столько положил духов. Награждён медалью «За отвагу». Сам получил ранение по глупости — слишком «вяло» перебегал дорогу во время обстрела, вот и прострелили ему правое бедро, но уже идёт на поправку. Главное, что кость не была задета. А друзья по службе зовут его просто Олежек. Фамилию даже командир запомнить не может, тоже зовёт Олегом.

Невский стал быстро диктовать текст письма: «Здравствуйте, дорогие мои Наташа и Леночка! Опять по моей просьбе за меня пишет добрый человек — попросил выздоравливающего солдата. Я уже сообщал, что по неосторожности сломал пару пальцев на правой кисти, был наложен гипс. Сам ещё не научился писать левой рукой, но начал осваивать эту премудрость, надеюсь, скоро сам напишу».

— Погодите-погодите, товарищ старший лейтенант! Я ведь не успеваю за вами. Я не очень хорошо по-русски пишу.

— Что успел написать?

— Только «Здравствуйте, дорогие мои…»

Он протянул листочек к глазам офицера. Было от чего прийти в ужас: только в слове «здравствуйте» парень сделал шесть ошибок (?!).

— Да-а-а, — протянул офицер. — Как же ты в школе учился? Вроде говорил, что в столице республики живёшь.

— У нас все так говорят. Республика маленькая. Мало кто знает, где она даже на карте. Вот и говорим про самый большой город. А я жил в небольшом населённом пункте Сарыг — Сеп, это тоже, как и столица, прямо на реке Малый Енисей, или, как у нас называют Ко-Хем. Ох, и красивые места! А учителей в школе не хватало. Многих предметов совсем не было. Вот и русский язык часто не кому было вести.

— Дела-а-а, — снова протянул Невский. — Как же ты собрался мне помогать? Ну, ладно. Основную мысль надо написать, что я теперь лежу в Кабуле. Чтобы не волновались. А в Кабул, мол, перевели с такой пустяковой травмой, так как в Кандагаре всё переполнено, да и специалисты здесь по крупнее. А мне, как хирургу, надо хорошо руку вылечить, правая ведь. Всё понял?

Олежек кивнул головой и старательно продолжил писать. Он даже высовывал кончик языка от усердия. Минут через тридцать несколько предложений были написаны. Невский пробежал текст глазами, стараясь не замечать ужасное количество ошибок. Но смысл был передан правильно. Это главное.

— Теперь осталось конверт подписать. Но я боюсь, что ты с адресом напортачишь, уйдёт в другой город. Шучу, конечно, но

надо здесь очень правильно написать.

— А, давай, я подпишу. — С соседней кровати предложил сосед Невского. — Хоть одной ноги у меня нет, зато обе руки на месте. Конверт, действительно, надо точно и разборчиво подписывать. Меня зовут Николай.

Он приветливо кивнул. Солдатик с радостью передал ему конверт. Невский поблагодарил и продиктовал домашний адрес своей семьи. Обратный адрес Красько записал по памяти.

Первое письмо из Кабула было в тот же вечер отправлено.

2

На следующее утро случилось радостное событие — Невского приехали навестить товарищи из Кандагарской Медроты, завалив его фруктами. Это были медсёстры Пичугова Тоня и Москаленко Светлана (они приехали за покупками), а вместе с ними забежал и прапорщик Александр Тамару. Он сопровождал из Кандагара большую «партию» груза «двести»: как фельдшер Приёмного отделения часто теперь исполнял эту скорбную миссию. Погибших передавал для дальнейшей переправки в Союз.

Девчата посидели не долго — торопились по магазинам, обещали вечером ещё зайти (слово сдержали). Саша просидел у постели раненого друга более часа. Он же привёз и три письма от жены Невского. Радость была огромная!

Александр решил ещё «поэксплуатировать» тёзку — с его помощью заготовил «впрок» пару писем жене и маме, оставалось только поставить число, конверты тоже были подписаны.

Как не оттягивали друзья момент расставания — он всё же наступил. Каждый понимал, что это может быть встречей последней. Обещали переписываться и не забывать друг друга.

/ Эта переписка продолжалась потом несколько лет/

В последующие несколько дней Невский перенёс одну за другой три операции, включая пересадку кожи. Всё бы ничего, но теперь к имеющимся болевым ранам добавилась ещё одна — на здоровом бедре. Огромный пласт кожи был пересажен на новое место. Теперь малейшая попытка повернуться вызывала сильные боли. Приходилось лежать «не шелохнувшись».

Но спасали радиопередачи. Теперь всё чаще звучала новая песня Владимира Мигули «Трава у дома» в исполнении группы «Земляне». Песня не просто полюбилась, она глубоко запала в душу. Хотелось слушать её снова и снова. И, словно, угадывая желания старшего лейтенанта, эту песню «крутили» ежедневно. Даже стали сниться эти сюжеты песни. Так хотелось вновь

полежать на такой же зелёной и густой траве.

А в сон «опрокидывался» после каждого «розового укола». Похоже, в этом госпитале не жалели никому такого сильного наркотика. Иногда в голове Невского даже всплывала тревожная мысль — как бы не стать наркоманом. Но сам же гнал прочь эту назойливую мысль. Все его соседи по палате также с удовольствием «одевали розовые очки». У них даже часто возникал своеобразный диалог:

— Мужики, я «поплыл», догоняйте, — говорил кто-нибудь, получив порцию лекарства.

— Не боись, сейчас тебя догоним, — отвечал другой, подставляя руку под укол сестрички.

Первые десять дней пролетели не заметно. За это время Невский успел даже вкратце познакомиться с историей жизни и ранения каждого в палате.

В краткие минуты «затишья», когда боль отступала под натиском лекарства, а сон ещё не наступил, Сергей Сомиков рассказывал понемногу свою историю. Выяснилось, что родом он из Горького, один сын у матери, вырастила его без отца. Поступил после школы в медицинский институт, потом, чтобы легче было матери, после четвёртого курса перевёлся на Военно-Медицинский Факультет в этом же городе. И то верно, слушатели факультета получали гораздо больше студентов, их одевали в форму. Получая почти сотню ежемесячно, Сергей ещё помогал своей матери деньгами.

По окончанию учебы молодой лейтенант успел послужить начальником медицинского пункта полка в одном из гарнизонов Поволжья, получил следующее звание в срок. Жениться так и не успел, о чем сейчас не жалеет — как бы с ним теперь жена помучилась. В Афганистане служил уже второй год на должности врача отдельного батальона в Шинданде. И вот в начале этого февраля случилась такая беда — вывозил раненых с рейда на «таблетке» (медицинский гусеничный транспортёр), когда сам был атакован, транспортёр загорелся, все раненые сгорели заживо, а сам офицер получил такие обширные ожоги. Думали, что и он погиб, но Сергей пошевелился — это и определило его судьбу. Срочно переправили его в Кабул, где и «продолжает ежедневно-еженочно мучаться…»

Потерявший зрение капитан Пётр Копейкин по-прежнему на контакт не шёл, на вопросы не отвечал. Лишь продолжал разговаривать только с собой. Но из краткой информации от сестричек Ивановой Снежанны и Безматерных Нонны узнали и о нём. До Афганистана служил в Киевском округе, опытный хирург. Теперь в Киеве живёт его жена и сын пяти лет. В Джелалабадской

Медроте прослужил только полгода. Подорвался на санитарном УАЗике недалеко от расположения военного городка. Водитель погиб, а офицер остался в живых, но осколками получил ранение в ноги и в голову, потерял оба глаза. Здесь в Кабуле лежит уже две недели. На второй или третий день после госпитализации перестал реагировать на вопросы. Специалисты надеются, что это пройдёт, видимо, это реакция на перенесённую травму.

История младшего сержанта Юры Пшенко была более чем скромна. Он выдал скупую информацию. Родителей нет, вырос в детском доме в одном из городков Белоруссии. Закончил восемь классов, поработал на заводе. Призван в армию. Закончил учебку, получил специальность санитарного инструктора. Здесь, в Афгане ровно год. Ранение получил в первый день рейда 26 января, когда стояли ротой на боевом охранении при прохождении всей остальной боевой колонны. «Словил животом» очередь из пулемёта, жаль, что снял бронежилет — решил переодеться, тут и обстрел начался.

Чаще всех и больше всех Невский теперь общался со своим ближайшим соседом по кроватям. С капитаном Красько у них оказалось много общего. Он родом из Кемерово, там закончил школу, там же проучился первые четыре года в медицинском институте. Потом перевелся в Томск на Военно-Медицинский Факультет, который закончил на три года раньше Невского. У них был даже общий «классный папа» (ответственный за взвод офицер), учился также в первом взводе. Он женился, как и Невский, на «томичке» в конце шестого курса. Теперь у него сын семи лет и дочь пяти лет. До Афганистана успел поработать два года хирургом в медсанбате. А здесь попал служить хирургом в Отдельную Медроту в Газни. В тот гарнизон переехал бывший ведущий хирург и начальник Невского капитан Александр Голущенко. Правда, там он стал начальником медслужбы полка, зато получил заветное звание майор. Красько хорошо знал Голущенко, они даже сдружились. Теперь Александр и Николай часто вспоминали общего знакомого. Срок службы в Афгане у Красько почти закончился, оставался какой-то месяц всего.

Но на этом сходство не закончилось. Николай тоже получил ранение в рейде при следовании в колонне. Очередь из крупнокалиберного пулемёта пробила кабину машины и раздробило правое бедро. Спасти ногу не удалось. Ампутация была проведена на уровне середины бедра. В этот госпиталь капитана перевезли через пару дней после ранения. Теперь его в ближайшее время ждёт отправка в Ташкент. Своей жене, которая живёт с детьми у его родителей в Кемерово, пока о ранении не писал. Но придётся.

Никто в палате, кроме Красько, даже не строил планов на будущее. Оно казалось призрачным. Лишь оптимист Николай твёрдо верил — продолжит службу в армии, а работу хирурга не оставит.

3

Была у Николая Красько ещё одна страсть всей его жизни, о которой он мог говорить часами. Это охота. Здесь их «пути» с Невским разошлись — на охоте тот никогда не был, но очень любил рыбалку.

Теперь при каждом удобном случае капитан вспоминал свои «охотничьи истории». Его с интересом слушал не только сосед Александр, но даже обожжённый Сергей прекращал стонать, а Юрка переставал материть вполголоса всех и вся, заслушиваясь рассказами «советского барона Мюнхгаузена». Как известно, охотники по праву считаются одними из лучших рассказчиков. Ну, а «не приврать — красиво не рассказать».

Однако Николай был не просто охотником, он прекрасно знал рецепты приготовления блюд из птицы, сам много и с увлечением готовил. Вот повезло его жене! Муж был «настоящее золото».

Сёстры и врачи часто могли слышать тоже его «полезные советы», работая с пациентами в палате.

— Мало, кто знает, как правильно разделывать и готовить добычу. — Говорил, например, капитан, обращаясь к Невскому, но при этом повышал голос для всех находящихся в палате. — Птицу легко ощипать, если её предварительно положить в воду, содержащую немного питьевой соды, или погрузить на 1–2 мин в горячую воду (до 75 градусов). А гуся ощипывают сухим, не ошпаривая кипятком, Мясо ошпаренного гуся меняет свой вкус. Чтобы мясо птицы получилось нежным, прежде чем готовить, его снаружи и внутри надо протереть разрезанным лимоном. А при варке бульона из птицы её опускают только в холодную воду.

— Ну, Коля, за тобой надо постоянно записывать. Я не плохо готовлю, но этого ничего не знала. — Перевязочная сестра Нонна заканчивала менять повязку на животе Юрия, широко улыбнулась рассказчику. — Хоть не уходи из вашей палаты.

— Вот, Нонночка, и заглядывай к нам почаще, приходи чаёк попить. Мы тут все смирные, не кусаемся. А тебя надо в рамочку вставить и любоваться на такую красоту.

— Ага. Ещё скажи раздеть до нага, — девушка довольно рассмеялась.

— Мужики, заметьте, это не я предложил. Но мы не против. Так ведь?

Невский даже прыснул. Такой «трёп» явно повышал настроение, да и боль меньше беспокоила.

— Ладно, охотник, рассказывай дальше. — Сестра перешла к молчавшему капитану Копейкину. Начала осторожно разбинтовывать его голову. — Он так и не говорит с вами?

— Молчит наш Петруша. Молчит, как партизан. Пока только один для него собеседник — это он сам. Но ничего, мы его своей болтовнёй «достанем», он и попросит нас заткнуться. Это и будет его чудесное исцеление. Итак, я продолжаю учить поварскому искусству. Если при жарении в духовом шкафу тушка птицы или дичи сильно подрумянится, но внутри ещё не готова, прикройте её сверху влажной пергаментной бумагой. Слышь, Нонна, для тебя ведь рассказываю. Сготовишь для раненых героев на досуге. При приготовлении отварной птицы ко второму блюду её можно закладывать в горячую воду. В этом случае отвар будет хуже, но мясо птицы — сочнее и вкуснее.

— Всё поняла, сготовлю. Только вы сначала мне подстрелите такую птичку. А почему ты только про птиц рассказываешь? Ты никого больше на охоте разве не стрелял?

— Стрелял, конечно, и зайцев, и кабанов, и оленей, и медведей. Всё было. Но я в другой раз расскажу, как готовить такую добычу. Вижу, ко мне уже подбираешься, будешь мучить своими нежными ручками, раны мои тревожить. Посему я умолкаю.

Несколько минут в палате было тихо. Внезапный возглас Петра заставил Невского даже вздрогнуть.

— А помнишь, как говорил твой друг детства Виталька: «Тебе холесо и мне холесо». Он не выговаривал некоторые буквы, поэтому так звучало слово «хорошо». А лопату он называл «копата». Мы так любили с ним зайти в поле ржи и лежать, раскинув руки, смотреть в небо, слушать звуки кузнечиков, шмелей, пчёл. А среди колосьев росли тут и там васильки. Как я обожал и до сих пор люблю этот цветок. Он вроде бы и сорняк, но такой красивый. — Капитан помолчал. Потом продолжил. — Конечно, я всё это помню. Самым большим чудом для меня было, когда я увидел этот цветок здесь, в Афганистане. Помнишь, я нашёл его недалеко от женского модуля, где жили наши «джелалабадушки». Как он там оказался?! Может, кто-нибудь из девчат посадил семена, но вырос только один цветок. Я тогда долго стоял ошарашенный. Потом сделал даже навес для василька, чтобы безжалостное солнце не сожгло его. Всё-таки, он цветок севера. Потом я почти каждый день ходил и поливал

своего любимца. На моё счастье он долго радовал меня, напоминал о доме. А если снова вырастет такой цветок, то кто будет заботиться о нём?! Пропадёт ведь!

Послышались сдерживаемые рыдания. Нонна бросилась к офицеру, стала гладить его по голове, приговаривая: «Успокойся-успокойся, Петя! Присмотрят за твоим цветочком. Не пропадёт василёк».

Наверное, это помогло, раненый перестал рыдать. Спустя некоторое время, когда Нонна перевязывала уже Невского, Копейкин продолжил говорить:

— Ты помнишь, как называется брага в Джелалабаде? Правильно, кава, кавка. Кто как назовёт. Ох, и выручала она нас. Хоть мы и медики, но спирт тоже приходилось экономить. Мне позарез надо было её раздобыть на свой день рождения. Пошёл к своим друзьям сапёрам. Славную они готовили кавку. Огромная 200-литровая бочка была этого зелья. Отлили они мне в большой 5-литровый солдатский термос. Не отпустили без пробы. Пили мы тогда «За содружество войск», за мой день рождения. Ох, и крепкая оказалась! С трудом дотащил я тогда этот термос до своей Медроты. Развезло. Жуть! Но с коллегами продолжили гулять. Славный это был день рождения. Но, словно, в другой уже жизни.

Капитан умолк. Молчали и все в палате. Все хотели верить, что офицер сможет всё-таки «вернуться к ним».

В палату стремительно вошёл Борис Владимирович, прикомандированный подполковник из Ленинграда.

— Привет, Саша. Уже закончили тебя перевязывать? Хорошо. Я распорядился сейчас перенести к вам на носилках в палату раненого офицера. Он совсем упал духом после ампутации обеих ног. Надо вернуть ему желание жить. Он уже пытался выброситься из окна. Помоги ему. Он из твоей Кандагарской Бригады, капитан, командир одной из рот. Возможно, вы и знакомы. Тоже Александр. Пусть он пару часиков у вас побудет. Поговори с ним по душам. Успокой, как можешь. Добро?

— Хорошо, я готов.

Но это было тяжёлое «задание». Самого бы Невского кто-нибудь успокоил…

Глава 4

Июнь1982 г.

1

Многие прилетевшие выползали из самолёта с «квадратными глазами», качались, словно пьяные. Для Невского, правда, этот полёт пролетел не заметно — из примерно двух часов полётного времени он умудрился большую часть времени проспать. Но последние шесть-семь минут, когда ИЛ-76 («Горбатый») проваливался вниз, все почувствовали себя в невесомости. Желудок подкатывал к горлу, а глаза закатывались, руки невозможно было оторвать от колен. Они весили по сотне килограммов.

Подполковник сосед смертельно побледнел, смотрел на Невского расширившимися глазами. Наконец, колёса коснулись бетонной полосы. Самолёт плавно заскользил по дорожке.

— Ну, вот мы и дома! Мой отпуск закончился. А ты первый раз в Афгане?

Невский кивнул, сглатывая горькую слюну. Подхватив свои вещи, вместе вышли из салона.

Трудно было, стоя на взлётной полосе, оценивать красоты столицы. Но жара почувствовалась сразу. Лицо опалило, словно из открытой духовки. Как по команде выходящие из самолёта отходили в сторонку, останавливались и закуривали. Многие крутили головами на «360 градусов». «Ограниченный контингент» пополнился новыми силами.

Никто их не встречал. Каждый был предоставлен сам себе. Подполковник посоветовал Невскому двигать на Пересыльный пункт, сам он тоже туда идёт. Ему ещё предстоит перелёт до Джелалабада. Но, по словам нового знакомого, все пути в любом случае ведут на «Пересылку». Старший лейтенант был рад попутчику. Впрочем, многие тоже потянулись за ними.

Пересыльный пункт… Если в Ташкенте это было «мини государство», то в Кабуле — уже громадная империя. У этой империи были свои законы, свои правители и рабы. «Пересылка» ежедневно перемалывала сотни и сотни человеческих судеб, определяя, порой, кому жить, а кому умереть. То тут, то там мелькали «деловые люди» неопределённого возраста и звания, которые строили группы офицеров, включая подполковников и полковников (не говоря уж о гражданских) в колонны, уводили их в разных направлениях. Так и казалось, что вот-вот прозвучит команда: «Запевай!» И ведь, запели бы, наверное. Вновь прибывшие ощущали себя маленькими песчинками на «теле «Пересылки», они ничего не знали, они волновались за свою судьбу. И только «распорядители» чувствовали себя, как рыба в воде.

Невскому повезло: он избежал этой участи «колонного передвижения». Вдвоём с подполковником, который назвался

Палько Леонидом Львовичем, политработником из Бригады Джелалабада, они прошли к дежурному по Пересыльному пункту, отметили своё прибытие, получили «добро» на размещение, записали даже их номер палатки в журнал. Младший сержант проводил их в офицерскую палатку, коих был целый большой палаточный городок. Места выбрали рядом. Рулоны матрасов и грязные подушки лежали тут же. Можно было получить постельное бельё, но Леонид Львович отсоветовал это делать — запросто можно было подцепить вшей. Лучше уж так полежать на голых матрасах, а подушку предложил укрыть любой своей чистой вещью. Сам он достал полотенце из сумки, укрыл «грязный бесформенный комочек». Невский сделал также.

Полчасика полежали, отдыхая и привыкая к жаре. Подполковник оказался словоохотливым. Рассказал о своей службе в тропическом Джелалабаде, об обезьянах и пальмах, о бананах и апельсиновых рощах. Невский слушал его с большим интересом.

Палько ушёл на часок-другой «прозондировать почву» на счёт рейса до своего «тропического уголка». Невскому же он посоветовал «не рыпаться», а ждать кадровика, тот сам должен объявиться. Главное, что старший лейтенант уже записался в учётный документ, отметил своё прибытие. Александр так и сделал.

Возможно, этот совет уберёг его от новых сюрпризов и «потрясений». На соседних кроватях лежали-сидели офицеры, прапорщики, одетые в самую разнообразную форму. Впрочем, «бывалых афганцев» можно было узнать даже не по форме, а по уверенному взгляду. Об Афгане они знали всё, многие прошли через немыслимые испытания, кое-кто успел повидать близко смерть. Иное дело новички, которые бессмысленно смотрели по сторонам, слушали рассказы «бывалых» буквально «разинув рты». Были бы слушатели, а рассказчики найдутся.

Вскоре Невский стал невольно вслушиваться в эти рассказы. «Самое страшное, мужики, на войне — везти домой погибшего, так называемый «груз двести». Особенно, если он из одного с тобой города. Собственно, с этим «грузом» я и летал сейчас на Вологодчину. Жуткое, признаюсь, дело. Мы были с этим солдатом земляки. Дома почти рядом. Чего я насмотрелся и наслушался — не передать. Первые два часа встречи исполнял роль виноватого во всех грехах, за что мне и набили морду. Да я и не сопротивлялся, понимал родственников. Цинк вскрывать было нельзя, да там, собственно, и показывать было нечего. Кстати, таких случаев у вас самих много будет…»

После краткой тишины уже из другого угла послышалось. «А

нашего вот прапорщика домой отвезли после ранения. Обе ноги ему оторвало и правую руку. Когда он медицинскую комиссию на инвалидность проходил, то ему вторую группу дали. Сказали, что для первой нога должна быть оторвана на четыре сантиметра больше. А одного офицера чуть под суд не отдали за то, что он заступился за родителей, у которых парень под Кандагаром погиб. С них стали брать налог за бездетность. Спасибо, военком-«афганец» заступился».

Повисло тягостное молчание. Но вновь оно было нарушено очередной жуткой историей. «Я тоже в прошлом году возил на родину погибшего солдата. Мать того солдата в итоге оказалась в психушке. Сперва на следующее утро после похорон её кто-то случайно нашёл на могиле сына. Она стала скорбной умом, то есть рассудок её помутился, и она лежала прямо на холмике под одеялом, а под головой — подушка. Конец роду их. Детей у неё больше не было».

Теперь молчание воцарилось надолго. Говорить было не о чем. Каждый думал о своём.

2

Вернулся подполковник Палько. Его рейс будет только завтра. Нет ничего и на Кандагар — специально для Невского поинтересовался. Вместе отправились на обед. Это было неподалёку в похожей палатке. Желающих было не много. Получили на раздаче тарелки с горячими щами и бесформенной белой массой с рыбными консервами под томатным соусом, стакан компота. Ещё заранее Леонид Львович предупредил, что здесь всё выдаётся бесплатно («настоящий коммунизм!»), поэтому Александр не насмешил никого, как подобный же новичок — старший лейтенант, который долго искал, кому же отдать свои кровные деньги за такой «чудный и «вкусный» обед».

Щи были очень горячие, поэтому на такой жаре просто не «лезли» в горло. Бесформенная белая масса оказалась сухой картошкой, разведённой водой. В жизни не пробовал ничего хуже! Зато рыбные консервы («красную рыбу») поел со вкусом — не успела ещё надоесть.

После обеда лежали с новым знакомым на соседних кроватях, читали книги. Хорошо, что Невский захватил с собой из дома несколько «Роман-газет».

А вечером после ужина в быстро сгущающихся сумерках прямо под открытым небом смотрели кино. Старый советский фильм о войне. Впрочем, был важен сам процесс. В тысячах

километрах от дома, под незнакомым небом с диковинным размещением звёзд, смотреть фильм о борьбе белорусских партизан с фашистскими захватчиками. Это ли не чудо!

Утром после завтрака (всё та же «красная рыба» с сухой картошкой) подполковник Палько отправился на свой самолёт. Невский проводил его до забора с колючей проволокой. Без посадочного талона часовой никого не пропускал. Больше они никогда не виделись с Леонидом Львовичем, но был благодарен судьбе, что свела их вместе. Как-никак, свои «первые шаги» в чужой стране сделал с его подсказками. Дальше было уже проще.

Появились новые знакомые. Кровать Палько пока никто не занял, но с другой стороны оказался старший лейтенант Спесивцев Евгений, с которым прилетел одним бортом. Теперь вместе ходили с ним в столовую. Парень как-то стремительно «опускался»: престал бриться, умываться по утрам, практически перестал разговаривать, по целым дням лежал и смотрел в потолок палатки. Он тоже первый раз прилетел в Афган, но был в очень подавленном настроении. Ни разу не удалось его вытащить вечером на просмотр кинофильмов.

Минуло ещё три дня после отъезда подполковника, а за Невским так никто и не приходил. Сам он забегал каждое утро к дежурному, справлялся о своей судьбе. Но там каждый раз лениво пожимали плечами. Похоже, что будущая служба старшего лейтенанта была им глубоко «до фонаря».

Все дни читал напролёт, даже выходил из палатки, раздевался до пояса и подставлял малозагорелую спину под щедрое афганское солнце. Читал и стоя, и сидя на табуретке, поставив обе ступни на перекладину. Однажды даже произошёл забавный случай. Невский сидел в своей полюбившейся позе и читал очередную «Роман-газету», из палатки вышел хмурый Женя Спесивцев, буркнул что-то и отошёл за спину Александра. Прошли не более пяти минут, как табуретка доктора подпрыгнула на месте и отскочила в сторону. Подумалось, что это Женька зачем-то пнул её, сердито обернулся. Но новый товарищ стоял от него метрах в пяти и со страхом смотрел на Невского. Быстро вскочил с табуретки и почувствовал даже через подошву ботинок «гул и дрожь земли». Это было землетрясение. А из палатки уже выбегали перепуганные обитатели. До глубокой ночи потом только и говорили об этом случае. Впрочем, в палатках никому ничего и не грозило. Иное дело в городе — было серьёзно повреждено множество зданий.

За несколько дней солнечных ванн, кожа Невского даже хорошо «подрумянилась». Теперь он, если и не сровнялся с «афганцами», то не выглядел уже «белой вороной». Начал уже

привыкать к роли «ожидающего», находя в этом даже плюсы: читай, загорай, смотри кино. «Райская жизнь».

Утром его сильно удивил Женька Спесивцев. Старший лейтенант даже в сумраке палатки светился счастьем. Он взял ничего не понимающего Невского за руку и вывел его из палатки.

— Смотри на меня, — ликуя, воскликнул Евгений.

— А что я должен увидеть? — Спросил Александр и тут же ужаснулся. — Боже, ты весь пожелтел! У тебя совершенно жёлтые белки глаз.

— Вот! Я же и говорю.

— А чего ты так радуешься? Это же беда.

— Дурак ты, доктор, раз не понимаешь. Теперь меня отправят на лечение в Союз, и я уеду из этого «долбаного Афгана». Глядишь, не вернусь сюда больше. Сработало!! Зря что ли я пил мочу желтушника ещё перед отправкой. Я уже начал волноваться. Ура, я поеду домой! Хочешь, дам тебе тоже такой шанс?

Невский даже шарахнулся от него:

— Сука ты, старлей! Я думал ты нормальный парень, а ты…

— Придурок, вот и служи здесь, калечь своё здоровье. А-то и убить могут. А я ещё поживу.

Но Невский его больше не слушал, ушёл в палатку. Через час постель Спесивцева опустела.

Неприятное ощущение от этого разговора оставалось до самого обеда. А после обеда в палатке появился повод выпить. Капитан-танкист накануне выписался из госпиталя Кабула, где лечился после боевого ранения в грудь. Ожидал отправку в Кундуз. Утром его вызвали в штаб армии, где и вручили орден «Красной Звезды». Орденоносец был счастлив — «Награда нашла героя».

Наряду с несколькими другими офицерами, Невский тоже получил приглашение в «узкий круг». Закуски было не много, зато водка была настоящей, из Союза. Её капитан купил прямо здесь, на «Пересылке» у «шустрых сержантов».

Орден «обмыли», как положено. Поздравили танкиста. Начались разговоры «по душам». Невский оказался единственным новичком в Афганистане. Все остальные уже успели понюхать пороху. Рассказы сыпались друг за другом, учили-просвещали доктора.

— Давайте ещё лучше выпьем, ибо красные глаза не желтеют, то бишь желтухи не будет, — прервал рассказы седоусый майор. — Я видел тут одного несчастного. Уже пожелтел, а послужить в Афгане даже не успел. Бедняга.

Невский не стал им ничего говорить об этом «несчастном». Бог ему судья.

— Док, ты знаешь, как здесь говорят о разных местах службы? — Старший лейтенант с чёрным от загара лицом хитро посмотрел на Александра. Тут же стал торжественно декламировать: «Если хочешь пулю в зад — поезжай в Джелалабад»; «Если хочешь жить в пыли — поезжай в Пули-Хумри»; «Если хочешь ты загар — поезжай-ка в Кандагар».

— Вот, я и поеду за загаром, — Невский достал своё «Предписание». — Тут указана воинская часть в/ч пп 71 176. Вроде это и есть в Кандагаре.

— Точно, это у нас. Кандагарская Бригада. — Круглолицый майор даже обрадовался. — Я там служу второй год по артвооружению. Значит, ты на место убитого начмеда едешь? Сам я пару дней оттуда, приезжал в штаб по делам. Помню об этом погибшем капитане. Вроде чуть более недели прошло. Быстро в кадрах работают.

— Нет, я на должность хирурга еду.

— Тогда понятно. Вместе и полетим. Только в Кандагаре не только красивый загар. Там ещё самые красивые женщина Афгана служат. А ещё — это родина самых крупных и сочных гранат, лучших в мире. Это я гарантирую. Наконец, для Кандагара подходят все присказки, которые тут Игорёк приводил. Так что опасайся получить и пулю в зад. А уж пыли там хватает! Ну, доктор, будем вместе служить. Майор Леденец Виктор, можно без отчества. Прошу любить и жаловать.

Невский тоже представился и крепко пожал протянутую руку.

3

Утром в их палатку вбежал взбешённый подполковник с медицинскими эмблемами и с новенькими наградами на куртке «хэбэ» — орден «Красной Звезды» и медаль «За боевые заслуги».

— Где этот долбаный старлей Невский? Мать вашу! Ищу его по всей «Пересылке».

Старший лейтенант даже подскочил с кровати от такого начала, отложив в сторону книгу. Он громко выкрикнул:

— Я, товарищ подполковник!

Стал «пожирать глазами» рассерженное начальство, правда, не чувствовал за собой никакого греха, поэтому оставался невозмутим. Но награды на груди офицера вызывали целую гамму чувств: от смущения до восторга.

Подполковник подбежал вплотную к Невскому и продолжил орать:

— Ты, почему меня не нашёл? Сколько ты уже здесь «штаны

просиживаешь», спишь, жрёшь за счёт государства, книжки читаешь, скрываешься от отправки в часть. Я уже две команды оправил в Файзабад, а для тебя теперь отдельный рейс, что ли организовывать?!

— Какой Файзабад, товарищ подполковник? У меня «Предписание» в Кандагарскую Бригаду, в Медроту. Мне в Ташкенте выдали направление.

— Молчать, старлей! Здесь я решаю, куда твою долбаную задницу отправлять. Плевал я на Ташкент. Я сам здесь всё решаю. Я направляю тебя врачом батальона в названный гарнизон. Там послужишь, а потом посмотрим. Упустил я тебя из виду, потерял время.

Неожиданно для себя старший лейтенант рассмеялся:

— Это ж надо! Сколько ещё мне надо «фильтров» пройти, чтобы добраться до своей должности хирурга. Так и норовят меня врачом батальона сделать.

— Что-о-о?! Ты как разговариваешь со старшим по званию? Как стоишь?! Смирно!

— Слышь, подполковник, кончай орать, а-то мы мигом тебе несчастный случай организуем. — Майор Леденец, не спеша, приблизился к маленькому и щупленькому медику, животом отодвинул его от Невского, встал рядом, оказавшись выше «кадровика-направленца» на целую голову. — Парень имеет «Предписание» на должность хирурга, он полетит со мной в Кандагар. Я тебе его не отдам, сволочь. Думаешь, я не знаю, как ты себе этот орденок купил за пятьсот чеков?! Всё здесь покупаете и продаёте: ордена, должности, женщин, наркоту, оружие, водку, камешки. Вам дай волю, так всю страну с молотка пустите! Ненавижу!!

Майор готов был броситься на перепуганного, съёжившегося подполковника, но на его руках повисли сразу несколько друзей-офицеров.

«Направленец» отскочил в сторону и, уже убегая из палатки, прокричал: «Я это так не оставлю!»

Несколько минут стояла тишина. Потом разом заговорили все. Мнение было единодушным: давно пора здесь навести порядок, житья нет от этих жуликов, всех их надо «поставить к стенке».

Майор Леденец похлопал Невского по плечу и успокаивающе произнёс:

— Не переживай Саша! Ничего он тебе не сделает. Это он тебя брал «на испуг», мол, вдруг повезёт. Но ты, я вижу, тоже не промах. Так что спокойно готовься к отлёту, сегодня будет борт уже точно. Полетим с тобой в славный город Кандагар. Но сразу

предупреждаю, там тоже не «райское местечко», скорее наоборот. К нам в Кандагар в Бригаду из Кабула летают, как в боевой рейд, ещё и награды за такую «храбрость» кое-кто получает. Кто знает, может, врачом батальона в другом месте было бы тебе безопаснее.

На завтрак Невский отправился с майором, своим новым знакомым. Ему положительно везло на встречи с хорошими людьми. Заставил себя хоть немного съесть эту «мешанину на тарелке». Вместе с Леденцом они сходили и к дежурному, получили посадочные талоны без всяких проблем. Получив своё «Предписание» с отметкой о выезде, старший лейтенант окончательно успокоился — ничего ему этот подполковник не сможет сделать, ведь правда на стороне Александра.

В палатке по их возвращению уже опять организовывалось «застолье» — неугомонный орденоносец капитан вновь купил «контрабандной водки». «Кандагарцы» вынуждены были принять приглашение — их не хотели отпускать без стаканчика «на дорожку».

Капитан — танкист решил ещё поделиться с новичком-доктором одной «афганской мудростью»:

— Вот смотри, док, как я разливаю. Очень бережно. «Разлив водки здесь особо мастерства требует. За каплю, пролитую на землю, можно и схлопотать. Уж слишком часто она, к сожалению, скоро будет тебе нужна, а провести её через ленточку, небось, видел, как постыдно трудно. Брать её здесь в дуканах опасно. Часто местные отраву подсовывают, или колпачок-«сюрприз» бывает. Его в Пакистане делают. Отвернешь чуть-чуть, он так хлопнет, что в лучшем случае без пальцев останешься, а в худшем — ещё и без глаз. Много нашего брата по неопытности пострадало». Я вот уже более двух лет Афгану отдал. Жив, вот и слава Богу. Вот давайте и выпьем, чтобы все, сидящие за этим столом остались живы.

Офицеры звонко сдвинули гранёные стаканы…

Часовой, проверив документы, пропустил майора и старшего лейтенанта на посадочную полосу. Майор уверенно двинулся с «тощей» сумкой к небольшому четырёхмоторному самолёту АН-12. Невский еле поспевал за ним, с трудом неся тяжёлый чемодан и сумку. «Только бы не оторвалась ручка чемодана» — твердил он непрерывно. До самолёта-таки донёс.

Солдаты выгружали из автомобиля последние ящики. Переносили их в «брюхо» серебряной «птички». Здесь же стояла небольшая группа офицеров с чемоданами и сумками — попутчики.

Вскоре автомобиль с солдатами укатил. Один из лётчиков

пригласил всех на посадку, проверял посадочные талоны, кивал головой, давая добро на вылет.

Винты начали своё стремительное вращение, самолёт выехал на взлётную полосу, начался разбег. Мягко оторвались от земли. Летим!! До свидания, Кабул! Здравствуй, далёкий Кандагар!

Часть III

Глава 5

Февраль1984 г.

1

Не прошло и пяти минут, как носильщики внесли в палату безногого офицера. Даже под одеялом просматривались его короткие культи. Осторожно опустили носилки на пол в «поле видимости» Невского. Молча удалились.

— Привет, славяне! Капитан Александр Кроха, собственной персоной. Теперь действительно стал оправдывать свою фамилию. Укоротили меня наполовину, отрезали обе ноги «по самое не балуй». Теперь надо для меня подыскать второй такой же «обрубок» и положить нас на одну кровать «валетом». Это какая экономия койко-мест! Мы даже лягнуть друг друга не сможем. — Он вызывающе посмотрел на капитана Красько, потом перевёл взгляд на старшего лейтенанта Невского. Сплюнул прямо на пол и продолжил. — Воспитывать меня будешь? Я тебя узнал, ты ведь тоже из Кандагара, в Медроте служил. Вижу, тебе тоже не сладко. Ну, давай «тренди» про чудесный дар — жизнь. Не хрена у тебя не выйдет. Я и слушать тебя не стану.

— А с чего ты решил, что я стану тебя воспитывать? У нас в палате без тебя хватает тяжелораненых ребят, которые стойко переносят мучения, не «распускают сопли». — Жёстко осадил «гостя» Невский.

— Опаньки! Как заговорили. Я тоже не распускаю сопли. А, зачем меня тогда сюда припёрли?

— Тебя и припёрли, чтобы помог нам одного офицера в чувства привести. До сих пор в шоке после ранения, потерял оба глаза, теперь только с собой разговаривает. Не отвечает на наши вопросы. Его Пётр зовут. Попробуй к нему обратиться, может, у тебя получится.

Невский показал здоровой рукой на кровать капитана Копейкина.

— Хм-м. Интересный случай. У меня в роте тоже был боец, у него на глазах земляк погиб, голову осколком начисто срезало, а того вскоре контузило. Так он тоже долго потом сам с собой разговаривал. Кстати, в вашей Медроте и лежал. Я его навещал несколько раз. А очухался он, когда стали ему письма из дома

читать, тут он и пришёл в себя. Не сразу, конечно, но сработало.

— Отлично, Саша! Великолепная идея. Вот видишь, не зря тебя к нам принесли.

— А кто это весь забинтованный у вас? Обожжённый что ли?

— Точно, это наш Сергей, врач батальона, ему здорово досталось. Но парень держится мужественно. Как видишь, есть и те, кому пришлось хуже.

Кроха промолчал. Потом достал из-под подушки пачку сигарет, не спеша, щёлкнул зажигалкой.

— Александр, здесь же нельзя курить, — подал голос Николай Красько. — Нашему Серёге итак тяжело дышать — ожог дыхательных путей у него.

— А мне врач разрешил в моей палате курить. Извините, мужики. — Он торопливо загасил сигарету об пол. — Так как на счёт чтения писем для этого парня?

— Конечно, попробуем, надо врачу сказать. Хорошо бы ещё найти такие письма. Ты-то сам как ранение получил? Мы и, правда, с тобой не раз «пересекались» в Бригаде. Хорошо тебя тоже помню. Чай, в одной столовке кормились.

— В середине января подорвался на мине. Уже возвращались домой с задания, прямо у въезда в расположение Бригады наскочил на своей БМП (боевой машине пехоты) на свежую «закладку». Главное, утром там же проезжали — все было нормально. Когда успели эти суки установить?! Совсем близко уже подбираются к военному городку. Мой водитель погиб почти сразу, а мне обе ноги перебило. У других бойцов тоже разные травмы были, но не опасные для жизни. Меня практически сразу в наш Кандагарский госпиталь переправили. Хорошо всё сделали врачи, обе ноги сохранили. Я на следующий день даже обрадовался, мол, легко отделался. Несколько дней всё шло нормально. А потом…

Капитан надолго умолк. Снова достал из-под подушки сигареты, прикурил дрожащей рукой от своей зажигалки. Выпустил длинную струю дыма. Вспомнил, видимо, о просьбе. Тут же потушил сигарету, скомкал её и бросил в открытую дверь. Продолжил хриплым, «осевшим» голосом:

— А потом начались осложнения. Ноги загноились. На перевязках я задыхался от этой вони из ран своих. Долго врачи боролись за сохранение ног. Потом стали говорить об ампутации на уровне середины голеней. У меня там были переломы-то. Но я не соглашался ни в какую. Позже на специальном самолёте переправили сюда, в Кабул. Я уже ничего не соображал. Температура была очень высокая. Вроде гангрена началась. Чтобы жизнь спасти мне обе ноги и отняли на уровне середины бедер.

Вот теперь и стал таким…

Капитан лег на спину и закрыл глаза рукой. Все молчали, пропуская через себя чужую боль. Ещё одна исковерканная судьба. Ещё одна молодая жизнь погублена на корню.

— У меня тоже ампутация прошла на этом уровне. Правда, одна нога. — Первым нарушил молчание Николай. — Но я планирую остаться в армии ещё. Конечно, я врач, мне могут подыскать местечко «тёплое». Может, и в госпитале будет должность. Но тебе, Саня, сложнее найти место в строю. Но есть же масса должностей не строевых! Наконец, в военкоматах можно служить. После Великой Отечественной вон, сколько инвалидов было, но многие с такими ужасными последствиями травм оставались на службе. Так что, Саша, морально настраивайся на дальнейшую службу в военкомате какого-нибудь областного города. Не меньше! А-то и в столице нашей Родины городе Герое. А что? Заслужил! Пусть они там подвинутся для геройского парня, который честно исполнил свой интернациональный долг (будь он не ладен!). Протезы сейчас не плохие научились делать. Это не деревяшки, на которых наши отцы и деды прыгали после той войны.

Николай Красько даже уселся в кровати, размахивая руками, добиваясь большей убедительности. Александр Кроха уже тоже сидел на носилках и исподлобья наблюдал за товарищем по несчастью. Что-то всё же изменилось в его настрое, в его взгляде.

— Я десантник! Собирался посвятить этому всю жизнь. Закончил ещё в Калинине «кадетку». И вдруг я буду сидеть и перебирать бумажки, «штаны просиживать»? — Капитан сказал это уже спокойным голосом. Кажется, внутренне он уже сам склонялся к такому решению. — А что, могут всё же и без двух ног в армии оставить служить?

— Конечно, Саня, конечно! Каждый год число инвалидов из Афгана увеличивается. На «верху» тоже об этом ведь вынуждены думать. Ничего, напишем с тобой рапорт на имя Министра Обороны, он и разрешит нам дальнейшую службу. Попомни моё слово. Так что, кончай «киснуть» и настраивайся на новую жизнь.

Красько широко улыбнулся и снова лег. Невский с восторгом смотрел на своего старшего товарища. Вот это работа! Похоже, ему удалось посеять надежду в душе покалеченного десантника.

Когда солдатики из команды выздоравливающих спустя несколько минут выносили носилки с капитаном, Кроха на прощание произнёс:

— Мужики, найдутся письма для этого слепого парня, зовите меня, я могу ему почитать. У меня уже был хороший опыт.

Гостя унесли. На несколько минут в палате стало тихо.

Неожиданно заговорил Сергей Сомиков:

— А мне уж не придётся в армии послужить. Да и выживу ли — вот вопрос?

Николай откликнулся мгновенно:

— Серёга, ты эти вредные мысли выброс из головы! Ведь ты один у матери своей, кто ей поможет на старости лет? Подумай о ней! И чтобы мы в палате больше такое не слышали! Ишь, чего удумал?! Одного тут давеча приносили, так он, паршивец, хотел с собой покончить, и ты теперь о смерти заговорил. Чёрт знает, что такое! Умереть — много ума не надо. Но надо жить. Стисни зубы — и живи! И, как писал Василий Макарович Шукшин, «Надо жить…Надо бы только умно жить…» Вот и думай теперь, как этого добиться. А времени у тебя теперь навалом, хоть завались.

— Я думаю, Сергей, для тебя хорошим шансом должен послужить Ленинград. Есть там целая клиника, где лечат термические повреждения. Там такие «светила» работают, вытаскивают из куда более тяжёлых случаев. Из всей площади ожога у тебя ведь глубоких повреждений (степени III Б и IV) меньше 40 процентов? — Невский уверенно вступил в разговор. Об ожогах он знал много — в своей врачебной практике приходилось сталкиваться. Дождался, пока Сомиков неуверенно кивнул головой. Продолжил говорить. — Ну, вот. А это главное. Поверхностные ожоги (II–IIIA степени) тебе залечат. Врач говорил, что давно уже заказан для тебя прямой самолёт до Ленинграда. Вот и успокойся. При первой возможности тебя перевезут в город на Неве. Ещё мы на твоей свадьбе погуляем. Если позовёшь, конечно.

А мне пришлось побывать в этом ожоговом центре. Служил я ещё в госпитале в Печоре, это на севере Коми АССР. Поступил к нам солдатик с колоссальными ожогами на всём теле. Он в своей каптёрке по неосторожности опрокинул большую банку с жидкостью, а это оказался уайт-спирит, окатил себя всего (одна голова сухая осталась). Это же легкогорючая жидкость. Но этот чудак (не хочу другое слово говорить), решил закурить. Конечно, вспыхнул, как факел. Ладно, сослуживцы вовремя подоспели, накинули на него брезент, потушили. Короче говоря, только лицо и не пострадало. А площадь глубоких ожогов была больше 50 процентов. Помучились мы с ним, пока из ожогового шока выводили. Спустя несколько дней командир части, где этот солдат служил, смог организовать специальный рейс в Ленинград, в эту самую ожоговую клинику. Вот я на этом ЯК-40 и полетел солдата сопровождать от нашего госпиталя. Да, до сих

пор вспоминается эта поездочка…

— А что такое? Парень плохо перенёс перелёт? — Сразу заволновался Сергей.

— Нет. Тут всё было отлично. Я ему только пару раз обезболивающие колол, да сердечные. По другому поводу пришлось побеспокоиться. Это был праздничный день, Первомайские дни. Меня, можно сказать, прямо от праздничного стола из дома вызвали, не объясняя причины. Я и ушёл без денег, форму надел, а обувь была не уставная (в далёкой Печоре мы могли себе так позволить ходить, а в Ленинграде?!). Даже и жена не знала, куда я пропал «на минутку». Начальник госпиталя поставил перед фактом, мол, надо спасать человеческую жизнь, самолёт заказан. Я сказал: «Есть!» И полетел. Парня пострадавшего собрали, как положено: на носилки положили госпитальный матрац, подушку, белые простыни-наволочки, укрыли одеялом с белым пододеяльником. Любо-дорого посмотреть. Не стыдно в Северную столицу везти. Мне только строго-настрого зам. начальника госпиталя по МТО (материально-техническому обеспечению) приказал всё это добро обратно привезти, иначе он мне «покажет кузькину мать».

Долетели нормально. Через два с половиной часа были в Ленинграде. Лётчики при подлёте заказали машину «Скорой помощи». Мне было приказано ещё начальником госпиталя сдать обожжённого и этим же самолётом возвращаться обратно. Но… Врач «Скорой» отказался вести нашего солдатика без врача от госпиталя. Пришлось мне его сопровождать. Лётчики предупредили, что смогут меня ждать не более 3 часов. У них ведь существуют какие-то нормы полётного времени, иначе им придётся заночевать в этом городе, что недопустимо.

До ожогового центра доехали быстро. Однако и здесь ждали сюрпризы. Не принимают моего солдата (?!). Какой-то бумажки не хватает. «Скорая» ждать не стала, вернулась в аэропорт. И вот картина маслом: сижу я в Приёмном отделении со своим солдатом и «жду у моря погоды». Наконец, появился толковый специалист, я ему всё рассказал. Согласился он, но… потребовал, чтобы сам я и заполнил «Историю болезни» на обожжённого. Делать нечего.

Когда я покинул стены этой клиники, бросив «прощальный взгляд» на оставляемое «добро» (на себе что ли нести матрац-подушку и прочее?!), то мне оставался один час времени.

Я метался по городу от одного «Такси» к другому — никто не хотел вести без денег. Наконец, один пожилой таксист (век буду вспоминать его доброту!) кивнул головой. Я всё ему чистосердечно поведал. Мы неслись до аэропорта «Пулково», как

угорелые. Но… Это был не мой день… Недалеко от аэропорта нас остановил «гаишник» со своим прибором-определителем скорости. Права у таксиста забрал, а меня приказал высадить. Тут у меня начался истерический хохот. Я представил, что я буду делать в чужом городе без копейки в кармане. Тут только милиционер согласился выслушать мою историю. Таксист упросил его отпустить и довести пассажира до здания аэропорта. Высочайшее «Добро» было получено. Мы помчались дальше уже в сопровождении машины «гаишника» с включенной сиреной и «мигалкой». Никогда так не ездил!

Лётчики говорили мне, что будут ждать в здании аэропорта, в комнате «Медицинского пункта». Я спросил у первого встречного, мол, где тут «Медицинский пункт», он ответил, что на первом этаже. Обежал всё здание, но не нашёл эту комнату. Снова спросил — и тот же ответ. И так несколько раз. Тут меня и остановил военный патруль — за нарушение формы одежды…

А я думал, что мои неприятности сегодня закончились. Без всякой надежды я поведал свою «историю». Впрочем, контрольное время уже закончилось. Куда было спешить? Но мне поверили! И проводили в этот самый «медпункт», который оказался этажом ниже в «подвале» — откуда мне было знать, что в этом здании принят такой счёт этажей.

Лётчиков уже не было, они ушли в самолёт, который теперь разбегался по полосе (они ещё подождали меня минут пятнадцать). И тут случилось чудо — капитан, командир патруля, на своей машине УАЗ-452 решил догнать самолёт и передать меня.

Это было, как в кино: мы догнали самолёт, связались с лётчиками, те открыли дверь — «сходни» (у ЯК-40 это, ведь, сзади опускается трап), машина сделала невероятный вираж, а я перепрыгнул в салон. Есть! Я снова среди знакомых, вижу их улыбающиеся лица.

Вот так я слетал первый раз в жизни в славный город Ленинград. Самое смешное, что мне позже был объявлен выговор «за потерю имущества госпиталя». Но это уже мелочи!

— А парень-то с ожогами выжил? — Сразу в один голос спросили троё слушателей Невского: Сомиков, Красько и Пшенко.

— Конечно, выжил! Он потом письмо нам писал в госпиталь. Поставили его на ноги чудо-доктора из этого ожогового центра. Так что, Серёга, не вешай нос!

За всё время рассказа Невского старший лейтенант Сомиков ни разу не застонал — он весь превратился «в слух». Этот повествование, похоже, произвело целебное действие…

3

Весь следующий день прошёл в предпраздничной суете: в отделении готовились отмечать День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Где бы ни находились люди в погонах, но свой профессиональный праздник не забывают.

Раненых умывали, брили, стригли. Меняли постельное белье. Проводили максимальное количество перевязок и процедур, чтобы меньше осталось работы на завтра, 23 февраля. Ждали большое начальство, поэтому «беготня» по коридорам и палатам не стихала до позднего вечера.

Ещё утром в палату вновь принесли Александра Кроху на носилках. Капитан сам пожелал встретиться с новыми товарищами. Он пребывал в приподнятом настроении. Это был уже другой человек.

— Мужики хотите новый анекдот? Мне на перевязке Нонна рассказала.

Он негромко хохотнул и начал: «Доктор, почему вы вздрогнули, когда я попросила у вас лекарство от головной боли?

— Потому что мне впервые приходится лечить говорящую собаку…»

Слушатели сдержанно посмеялись.

— А что, нашли письма для этого парня с повязкой на глазах?

Удивительно, но в этой суете как-то забылось, что ещё вчера вечером передали лечащему врачу майору Изюрову свою просьбу. Виктор Семёнович серьёзно отнесся к такой задумке. Уже через час солдат-санитар принес тоненькую пачку писем от родных капитана Копейкина, её нашли в личных вещах Петра. Теперь эти письма лежали на прикроватной тумбочке слепого офицера.

Красько показал рукой на эти письма:

— Есть. Ты будешь читать? Попросим сейчас кого-нибудь подать их.

У капитана как раз начался очередной монолог. Все невольно стали вслушиваться в быстрый поток фраз.

— Всю жизнь ты, Петька, собирал свою библиотеку. По гарнизонам ездили, но книги всегда перевозили с собой. Ты покупал их ещё и ещё. Вот и здесь, в Джелалабаде, успел за несколько месяцев службы целый чемодан книг накупить. Кто теперь их будет читать?! — Офицер тяжело вздохнул и продолжил. — Да, это вопрос. Мне, слепому, теперь эти книги не по зубам будут. Это мне наказание за такое «накопительство». Вот и жена часто за это ругала, мол, лучше бы вещи покупал. А я считал это своим счастьем — очень с детства любил книги читать, хотел «наесться» их досыта. Полагаю, Петька, что ты не знаешь,

что такое счастье, и просто путаешь понятия, принимая за счастье такую вот «сытость». А истина заключается в том, что мы не имеем ничего постоянного на этой земле. Всё вмиг проходит, и ничего нам не принадлежит, всё взаймы. Взаймы здоровье, взаймы сила и красота, взаймы честь и власть, взаймы знание и умение, и любое другое земное благо. Вот и глаза свои я получил взаймы. Теперь пришло время их отдать…

Копейкин замолчал. Послышался отчётливый скрип зубов — офицер еле сдерживал свои рыдания.

— Петро, слышишь меня? — живо откликнулся Александр Кроха.

Ответа не последовало. Решили всё же теперь попробовать почитать письма — возможно, услышанные знакомые строчки смогут вернуть несчастного в «этот мир».

Заглянувший в палату на крик солдатик из числа выздоравливающих подал письма десантнику. Тот несколько минут нерешительно вертел их в руках:

— С детства мама приучала меня, что читать чужие письма нельзя. Приходится идти против принципов. Но это во благо!

Он несколько минут просматривал исписанные листочки, разыскивая наиболее, на его взгляд, подходящие. Наконец, решился начать:

«Здравствуй, дорогой Петруша! Получили от тебя два последних письма. Одно от 7 декабря, получили 17 числа, одно от 15 декабря, пришло сегодня, 22-го. Большое спасибо за письма. Да, долго они идут, особенно некоторые, как будто пешком топают самостоятельно, а не на транспорте переезжают из города в город. Мы с Юриком очень по тебе скучаем. Он нарисовал тебе лошадку, на которой ты должен поскорее прискакать к нам в Киев. Сынок даже уже придумал, где он поселит эту лошадь — балкон ведь у нас большой. Он ждал, что папу отпустят на его день рождения, ведь неделю назад ему уже 5 лет исполнилось. Твоя открытка успела вовремя, он даже спал с ней в обнимку.

Петруша, скоро Новый год. Как хочется встретить его с тобой! В мыслях так оно и будет. Самое заветное желание — увидеть тебя. Но до твоего отпуска ещё очень далеко. Между тем, я уже придумываю, как мы его будем втроем проводить. Береги себя. У нас всё тихо и спокойно. Дела у меня на работе идут нормально. Юрик ходик в детский сад без особого желания. Говорит, что не хочет оказаться вне дома, мол, вдруг папа внезапно приедет. Твои родители передают привет (были они у нас в гостях на день рождения Юрика). Просили также тебе привет передавать: Шудрики, Семён Гармс, Света Веник, Толстые. Пиши чаще. До свидания. Крепко целуем. Женя и Юрочка. 22.12.1983 г.»

После этого письма последовало второе, третье. Так и представлялась молодая женщина с малолетним сынишкой, пишущая эти трогательные строчки. А Александр Кроха уже вошёл во вкус. Каждый раз он несколько раз звал Петра, потом начинал читать. Но ничего не менялось. Правда, говорить Копейкин перестал, но было не ясно — доходят ли до него эти послания.

Письма закончились. Их было не менее десяти. Кроха не терял надежду. Теперь надо читать вновь и вновь. Пусть читку повторят перед сном. Офицеры обещали это исполнить.

Когда десантника уносили на носилках в свою палату, он попросил задержаться на минутку, потом задумчиво произнёс:

— Первый шаг к спасению — это изменить отношение своё к происходящему. Проблема в нас самих, ведь наш взгляд много значит. Я провёл сегодня бессонную ночь, но не жалею об этом. Многое передумал, переосмыслил, взвесил, переоценил. Спасибо вам, мужики, очень рад, что нас столкнула судьба, пусть на короткий миг, но этого хватило. Теперь я знаю, что мне делать в будущем. Будем жить!

Он помахал на прощание рукой и исчез в коридоре.

Невский и Красько переглянулись, одновременно показав друг другу большой палец. Теперь можно было не волноваться за жизнь этого офицера.

Глава 6

Июнь 1982 г.

1

Всё время полёта Невский просидел у иллюминатора. Правда, кроме безжизненных жёлто-оранжевых гор почти ничего не было. Очень редко вдоль небольших речек были разбросаны участки зелени.

Приземлились без происшествий. Майор Леденец, подхватив свой небольшой багаж, заспешил из самолёта. Надо было решить вопрос с транспортом до расположения Кандагарской Бригады. Он обещал прихватить и Александра, будет ждать его у здания аэровокзала.

Старший лейтенант с волнением ступил на землю — здесь ему предстоит провести свою службу. Как-то всё сложится?

Сказать, что было жарко — значит, ничего не сказать. Невольно сравнил эти свои первые ощущения с подобными же

при прибытии в Кабул. Это был уже не жар из духовки, как там. Нет, так могла посылать раскалённые волны воздуха только мартеновская печь (в школе у них была экскурсия на металлургический завод Алапаевска). Тогда же многие его одноклассники посочувствовали металлургам, мол, как они тут мучаются от жары. Теперь ему самому предстояло день и ночь жить и работать рядом с такой «печью».

Самолёт остановился довольно далеко от причудливого здания аэропорта. Не менее полкилометра предстояло пройти по бетонной полосе. Прилетевшие офицеры быстро выходили из самолёта и двигались к зданию друг за другом. Невский подхватил свои тяжелые вещи и пошёл следом. Но…

Удалось пройти не более десятка шагов по бетонке, как ручка чемодана оторвалась. Проклятье! Чего боялся, то и случилось. Хорошо, что хоть в конечной точке маршрута. Но как теперь донести тяжеленный чемодан до аэропорта?

На помощь рассчитывать не приходилось — Невский шёл от самолёта самым последним. Кричать о помощи показалось нелепым. Попробовал толкать ногами проклятый «оккупант», но хватило усилия только на пять-шесть метров. Вот незадача!

Принял единственно верное решение — оставил чемодан на месте. Быстро пошёл с одной сумкой к зданию вокзала. Несколько раз оглянулся — чемодан сиротливо стоял посреди взлётной полосы.

У аэропорта было людно: несколько групп солдат и сержантов в синих беретах и парадной форме с аксельбантами громко переговаривались, фотографировались, обнимались. Многие были в одних тельняшках. Практически все загорели до черноты. Почти у всех в руках были компактные чёрные чемоданчики — кейсы. На мундирах некоторых красовались боевые награды.

«Это дембеля ждут отправки в Союз», — догадался старший лейтенант. Он подошёл к одной из групп. Выбрал старшего по званию, представился. Приказывать в подобной ситуации было бы ошибкой, это офицер почувствовал своим «нутром». Попросил ребят помочь ему донести чемодан, кивнул в сторону взлётной полосы, для убедительности ещё показал оторванную ручку, которую так и нёс в руке.

Старший сержант кивнул головой, негромко бросил: «Гарик, Лёха, помогите доктору в его проблеме». Двое плечистых ребят без всяких слов вскочили с земли и помчались в указанном направлении. Невский хотел бежать помогать, но сержант улыбнулся: «Не надо, товарищ старший лейтенант! Они вдвоём донесут. Вы по замене в Бригаду или в госпиталь прибыли?»

Выслушав ответ, он успокаивающе кивнул:

— Ничего, и в Медроте найдётся работа хирургу. Я, кстати, в прошлом году там лежал после ранения. — Он показал шрам на лице. — Хорошие там доктора!

Вернулись десантники. Они играючи принесли тяжёлый чемодан, поставили его рядом с офицером. Невский поблагодарил ребят.

Тут подкатил БТР-60 (бронетранспортёр), на его броне сидел майор Леденец, свесив ноги в люк. Он помахал рукой, приглашая садиться. Те же десантники добровольно взялись перенести злополучный чемодан, положили его прямо на броню, даже обвязали и закрепили верёвкой, которую нашёл водитель. Невский закинул сумку в салон, влез на броню, помахал на прощание десантникам. БТР, выпустив струю чёрного дыма, стремительно помчался по дороге.

Как только отъехали от построек вокруг аэропорта, майор показал рукой внутрь салона, спустился вниз. Невский последовал его примеру.

— Не будем рисковать! — Прокричал Виктор. — Береженого Бог бережёт. Зачем по глупости пулю ловить.

Весь остаток пути майор промолчал. Александр тоже не лез с разговорами, хотя не терпелось о многом расспросить.

Минут через тридцать колёса зашуршали по крупному щебню — бронетранспортёр ехал уже по территории военного городка. Остановились у здания штаба, как объяснил майор, с его задней стороны. Леденец распорядился выгружаться и переносить вещи на крылечко здания, ждать там. Сам он сейчас же позвонит в Медроту — пусть пришлют встречающих медиков. «Вот радости-то будет!» — добавил он и подмигнул.

Старший лейтенант вдвоём с водителем перетащили чемодан и сумку. Младший сержант затем буркнул что-то на прощание и исчез. Невский стоял и обмахивался фуражкой с красным околышком. Каждому было без слов понятно — заменщик приехал. Многие входящие-выходящие офицеры с интересом рассматривали новичка.

Вышел майор Леденец.

— Ну, доктор, удачи тебе в службе! Сейчас за тобой придут. Думаю, даже прибегут. Ты не представляешь, что это такое — ждать заменщика. А сообщившему радостную новость полагается калым. Так что ещё зайду к медикам в гости. Ладно, мне пора. Ещё свидимся. Бывай!

Он пожал коротко руку и скрылся в помещении штаба. Прошло не более пяти минут. Внимание Александра привлекли две фигуры, поспешно приближающиеся к штабу. Невольно

улыбнулся разительному их контрасту. Маленький, худенький старший лейтенант в очках почти бежал, а рядом широко вышагивал сержант-богатырь под два метра ростом. Невский даже залюбовался на это творение природы — красив лицом, сложен просто идеально. Бог Аполлон, да и только!

— Ты что ли в Медроту приехал? — Ещё издали закричал офицер. Быстро приблизился, радостно пожал руку двумя руками. Расплылся в улыбке. — Старший лейтенант Владимир Амурский, анестезиолог. А это наш фельдшер Приёмного отделения сержант Сибата Валерка. Поможет вещи донести.

Невский назвал себя. Показал на чемодан, слегка пнул по его пузатому боку, мол, подвёл его этот тяжёлый «гад».

Валерий, не проронив ни слова, молниеносно водрузил «оккупант» на высоту своего плеча, невозмутимо тронулся в обратный путь. Офицеры поспешили за «носильщиком». Александр настроился на долгую дорогу, но уже через пять минут они подошли к зданию, на котором прибывший прочитал табличку «МО СССР. Приёмное отделение в/чпп 71 176».

Сержант также молча снял чемодан с плеча, поставил его рядом с лавочками у входа. Невский так и не услышал его голоса.

— Да, побудь пока здесь в курилке. Вовка еще не знает, что ты приехал. Ты ведь его будешь менять — Володю Бардина? Я пока пойду его найду, он перевязки делает в отделении. Вот обрадуется парень! Как бы сердце не прихватило.

— Слушай, я не знаю, кого я буду менять, в «Предписании» не сказано.

— Да его, конечно. Он твою фамилию много раз называл. Всё мечтал, как будет тебя встречать, а ты всё не едешь и не едешь. Ладно, посиди тут. Я скоро.

Старший лейтенант даже приплясывал на месте от нетерпения — так ему хотелось первому сообщить товарищу радостную новость. Он тут же убежал в здание, расположенное напротив — «Стационар в/чпп 71 176». Невский устало присел на лавочку. Можно было расслабиться. Он добрался-таки до своего нового места службы!

2

Ждать долго не пришлось. Дверь «Стационара» распахнулась настежь, выбежал высокий жилистый парень в больших роговых очках. Полы белого халата развевались при беге, белая шапочка сбилась на затылок, а на лице его была марлевая повязка, которую он лихорадочно развязывал на бегу. Бардин метров за

пять до Невского расставил широко руки, подбежал и буквально «раздавил в своих объятиях». Хлопал по спине, смеялся и плакал одновременно, заглядывал счастливо в лицо и снова обнимал. Непрерывно только и мог бормотать: «Дорогой ты мой! Приехал! Всё-таки приехал!!»

Такой встречи Невский, конечно, не ожидал. Он много наслышан о встречах долгожданных заменщиков, но чтобы так?! Так могли, наверное, только встречать освобождённые узники концлагерей своих освободителей. Других примеров на ум не шло.

Рядом уже приплясывал и улыбался Амурский. Стали появляться новые люди в белых халатах. Знакомились, жали руку, хлопали по плечу. Число медиков у Приёмного отделения стремительно росло, каждый хотел пообщаться с новичком.

Но Владимир всё не выпускал надолго из объятий своего заменщика, словно боялся, что кто-нибудь его отнимет. Снова кидался «на шею» Невскому. Наконец, они уселись рядышком на лавочке. Закурили. Владимир долго не мог прикурить от сигареты товарища — руки его ходили ходуном. Рядом уселись офицеры и прапорщики Медроты.

— Саша, ты не представляешь, как давно я тебя уже жду. Все сроки прошли. Мне ведь твою фамилию сообщили еще в начале мая, мол, из Чебаркуля приедет хирург из Медсанбата. Жду-жду. Каждое утро просыпаюсь и шепчу твою фамилию. Молюсь, чтобы не случилось ничего с тобой. А, главное, боюсь, что перехватят, направят в другое место, сам не захочешь сюда ехать. Всякое передумал. Больше месяца провёл в таких мучениях. Заговариваться ведь начал, ей-ей! Ребята уже боялись за меня, мол, свихнулся. И вот ты приехал!

Он снова обнял товарища и расплакался, не скрывая своих слёз. Да-а-а. Только сейчас до Невского стал доходить весь ужас ситуации — а ведь его могли отправить в другое место! Не дождался бы точно его Бардин. Что стало бы с парнем?!

Невский вкратце поведал свою историю, начиная с выезда из Чебаркуля. Он десять дней назад только получил паспорт и документы на выезд. И понятия не имел, кого и где будет менять. Так что его вины в такой задержке нет.

— Вот видите, мужики, я же говорил вам, какие мерзости творятся в медслужбе Ташкента и на Пересылке в Кабуле, — подытожил его рассказ Закожурников Олег, капитан, ведущий хирург Медроты. — Так что нам с Вадимом точно не дождаться своих заменщиков. А нам надо успеть выехать, иначе «пролетим» с поступлением в Военно-Медицинскую Академию. Так что, командир, пиши бумагу в медицинский отдел 40-й армии, чтобы

нас без замены отпустили.

Он обратился к сидящему рядом усатому майору, командиру Медроты. Невский успел уже представиться Базарбекову. Тот согласно закивал головой.

— Ладно, это мы всё решим позже. — Майор поднялся. — Надо парня разместить, что он на лавочке так и будет сидеть? Пока положим в моей комнате. Кровать погибшего Володи свободна. Поживёт на его месте, а там решим. Пошли, Саша.

… Вечером в Медицинской роте был праздник — отмечали приезд заменщика. Невский выставил на стол свои разрешённые для вывоза через границу две бутылки водки (ещё в Чебаркуле его предупредили «бывалые афганцы», что это строго обязательно, иначе сочтут тебя «жмотом»). Это вызвало радостные возгласы — многие уже стали забывать вкус этого «зелья» — пили всё больше спирт и брагу. В предвкушении ещё радостных возгласов Невский полез в сумку и достал две бутылки лимонада (купил в Ташкенте ещё по совету Сергея Львовского, чтобы «побаловать» друзей в Афганистане). Но к своему изумлению он увидел, что в каждой бутылке осталось чуть-чуть на донышке густой тёмной жидкости — всё остальное испарилось. Вылиться не могло, ведь пробки были исправно закрыты. Драгоценную сладкую жидкость чуть не по каплям добавляли в водку.

Начальник операционно-перевязочного отделения капитан Вадим Трегубов провозгласил первый тост — «За славный коллектив Кандагарской Отдельной Медицинской роты, в котором большинство присутствующих прослужили два с половиной года, верой и правдой исполнив свой врачебный и интернациональный долг!»

Громко звякнули сдвинутые стаканы. Да, этим людям пришлось особенно тяжко — они были ПЕРВЫМИ, они начинали с ноля, на пустом месте. И они выстояли! Теперь пришло время уступить своё место, появляются ВТОРЫЕ, им продолжать начатое.

Многое услышал, узнал в этот вечер Невский, познакомился с офицерами и прапорщиками, с кем предстоит служить дальше, а кого в скором времени придётся и провожать по замене в Союз. Комната была переполнена, но место нашлось всем. Познакомился с двумя сестричками, которые находятся тут чуть менее года и разделили все тяготы и лишения ПЕРВЫХ. Светлана Москаленко и Татьяна Хлыбова откровенно радовались за Володю — он дождался заменщика.

Невский тоже радовался, что прорвался на свою должность, стал заменщиком для такого славного парня, преодолел все преграды на пути к этому коллективу. Сомнений уже не было —

здесь он найдёт понимание и душевный комфорт. А трудности его не пугали.

3

Всё следующее утро и день прошли в беготне по кабинетам и складам: Невский получал всякие документы, бумаги, аттестаты, имущество, оружие. Володя Бардин неизменно его сопровождал. Каждый раз на вопрос его очередного знакомого он с гордостью говорил: «Это мой заменщик!» Лицо его при этом освящалось радостью. Владимир уже успокоился, он не боялся, что Александр вдруг исчезнет, как мираж. Сам он использовал эти «походы» для заполнения «Обходного листа».

С оружием (автомат Калашникова и пистолет Макарова) поступили проще — его просто переписали с Бардина на Невского, впрочем, как и бронежилет с каской. Сильно удивило вновь прибывшего, что личное оружие хранится с боевыми патронами прямо в жилых комнатах (кое-кто держал его под матрасом или под кроватью).

Передавая свой АКСУ (автомат Калашникова укороченный), Владимир любовно погладил его по стволу:

— Калашников Михаил Тимофеевич! Поклон вам, русский гений-самородок! В XX веке нет равных вашему боевому детищу и уже не будет. Автомат Калашникова, Саша, это и есть сам «калашников». «О нём мужики, боевые офицеры, стоя в кружок, говорят, как о верном друге, как об одушевлённом надёжном спутнике. Его бьют, он не бьётся, его топят, он не тонет. Бросают с пятнадцати метров на скалы с вертолёта — даже не треснет.

Только самые зажиточные «духи» имеют этот автомат. Остальное оружие других стран ценится по принципу: на безрыбье и рак — рыба…

Мне рассказывали офицеры, как они отбили разом попытку командиров царандоя (это, Саня, так называют афганскую милицию) поспорить, чье оружие лучше: наш «калашников» или штатовская винтовка М-16. Сюда же в спор привлекли и «псевдо-калашниковых» болгарского и китайского производства.

Конкурс был открыт в 16.00 при жаре +60 градусов. Проверка шла очень просто: победит тот, кто расстреляет больше патронов при непрерывной смене магазинов. Итог был так же прост, как и замысел.

Китайский «калаш», бездарно сворованный по технологии, на седьмом рожке уныло провис стволом от перегрева.

Болгарский собрат заклинил на девятом магазине.

Винтовка М-16 едва дотянула до третьей сотни пуль и раздула ствол грушей.

Русский автомат, окутанный дрожащим маревом накала, стало просто сердечно жалко на пятнадцатом рожке. 450 патронов! Это что-то.

У него, перегретого, но не сдавшегося, наши офицеры сердечно просили прощения за проявленное недоверие со стороны местных вояк. Честно говоря, соревновательное напряжение было. Наши ребята поздравили героя и себя с первенством от души, с удовольствием чокаясь фронтовыми ста граммами о казенник «призёра». Пили за очередную победу русского оружия. И офицеров царандоя великодушно пригласили на жареного барана, которого афганцы проиграли Калашникову Михаилу Тимофеевичу. Всё время соревнований жалобно блеявший бедняга был призом в этом конкурсе».

Вот, Саня, какой автомат я тебе вручаю, — Бардин широко улыбнулся.

— Володя, ты же доктор. Когда ты успел так хорошо «подружиться» с автоматом?

— Послужишь с моё в этой стране — станешь таким же. Короче, про оружие ты понял. Храни, как зеницу ока, не забывай регулярно чистить.

Потом была «экскурсия» в стационар. Каждый бывалый хирург, будь то Закожурников Олег, Трегубов Вадим или Бардин Владимир, с гордостью показывали свои наиболее излюбленные помещения. Невский с интересом побывал в двух перевязочных («чистая» и «грязная», т. е. для перевязки гнойных ран), в процедурной, в комнате для рентгена (там стоял какой-то «суперсовременный» аппарат, типа сканера, который делал снимки не на рентгеновской плёнке, а на обыкновенной белой бумаге, получались, точно рисунки карандашом). Об этом аппарате Бардин был готов говорить часами. Он тут же предложил Невскому попробовать — сделал снимок его правой кисти. Картинка Александру понравилась, взял её на память.

Подошли к «святая святых» — к операционному блоку. Невскому показали предоперационное помещение, всякие стерилизаторы — автоклавы и прочее. Капитан Закожурников, командир медицинского взвода (он же считался ведущим хирургом) даже открыл дверь в операционную, где операционная сестра Татьяна раскладывала на столике инструменты, но зайти Невскому туда не разрешил, мол, не надо нарушать правила стерильности. Тем более что завтра на плановой операции старший лейтенант сможет всё увидеть сам. Капитан осторожно прикрыл дверь.

Осмотром Невский остался доволен. Все условия для работы были. Знай себе оперируй…

Вечером новичка ждал сюрприз. В Кандагарской Бригаде был отработан механизм дежурства медиков — каждый вечер в 18 часов заступал на сутки врач (привлекались по графику все врачи Медроты и врачи батальонов). Обязанностей было много: это и проверка наряда, заступающего в караул, и проверка кухни для приготовления пищи солдатам с последующей выдачей разрешения на завтрак, обед и ужин, и приём всех больных в вечернее время, поход по вызовам в жилые помещения старших офицеров Бригады.

Сегодня по графику должен был заступать Владимир Бардин, который «великодушно уступил» это право своему заменщику («А зачем я буду дежурить? Вот пусть Сашка и начинает «с места — в карьер», сразу поймёт, «что к чему»). Невский безропотно согласился.

Служба в Медроте началась…

Вечером после ужина практически все свободные медики ушли в кино. Фильмы смотрели прямо на улице под открытым небом — экран висел на стене клуба части. Многие сидели на земле, кое-кто даже смотрел стоя, но большинство ходили на сеанс со своими стульями-табуретками. Вот и сейчас хирурги, подхватив табуретки, помахали Невскому на прощание и ушли. Он должен был продолжать приём больных.

Закончив разбираться с последним солдатом, пришедшим на приём, Невский вышел на улицу, присел на лавочке в курилке рядом с фельдшером Валерой Сибата. Сержант, не спеша, протянул сигарету, давая прикурить офицеру. Помолчали. Впрочем, как уже понял Невский, этот парень не был любителем поговорить. Даже за весь сегодняшний приём больных они очень мало говорили — фельдшер выполнял его распоряжения без лишних вопросов.

Оба одновременно вздрогнули, когда раздался сильный хлопок со стороны здания стационара. Почти сразу над крышей стал подниматься столб чёрного дыма, хорошо видимого в свете догорающего вечера.

Сержант и офицер переглянулись, бросились в здание. В помещении уже царила паника, коридор быстро заполнялся едким, удушливым дымом. Главное было — спасти раненых и больных. Опытные фельдшера Медроты (Табачников Слава, Парасолька Иван Воляк Алексей) вместе с прибежавшими Сибатой и Невским толково организовали эвакуацию лежачих. Ходячие раненые активно помогали. Всех раненых и больных размещали прямо на земле у здания стационара. Никто не

задохнулся в дыму.

Со всех сторон на помощь уже бежали люди. Показ фильма был прерван — многие помогали в тушении пожара. Подкатили несколько машин с водой. Вёдра подавали по цепочке, заливая очаги огня. Здание удалось отстоять. Но крыло, в котором размещалась операционная, сгорело полностью. На всё про всё ушло менее тридцати минут.

Позже специальная комиссия установила, что причиной пожара явилось замыкание электропроводки — она давно нуждалась в замене. Начальник операционно-перевязочного отделения, как и ведущий хирург, подали не менее пяти рапортов в течение последних трёх месяцев. Просьба к руководству Бригады была одна — заменить опасную проводку. Увы. Ни один из рапортов не помог избежать нагрянувшую беду.

Ущерб от пожара исчислялся кругленькой суммой. Никто из медиков наказан не был (как и дежурный врач Невский), напротив, даже объявили благодарность за умелые и решительные действия. В заключение медикам порекомендовали восстанавливать ущерб… своими силами. И это в стране, где даже найти гвоздь было проблемой.

Весь последующий ремонт тяжким грузом лёг на плечи ВТОРЫХ. Спустя несколько дней многие ПЕРВЫЕ уехали в Союз.

Кандагарский период жизни старшего лейтенанта Невского продолжился…

Глава 7

Февраль 1984 г.

1

Праздник почувствовался сразу с утра. На завтрак каждый раненый получил по апельсину. Это было очень трогательно, когда солдат, раздающий пищу, таинственно улыбался и торжественно произносил: «С праздником Советской Армии!». При этом он старался подать этот оранжевый плод прямо в руки. Капитану Копейкину он положил подарок прямо на грудь, но тот никак не отреагировал. Солдатик смутился и переложил апельсин на прикроватную тумбочку.

Невский поднёс крупный, тяжёлый плод к лицу, с удовольствием втянул его запах. Апельсин пах новогодним праздником. Это было замечательное ощущение — встреча с домом.

Уже в десять часов утра раненых приехал поздравить командующий 40-й армией. Его появление почувствовалось сразу — в фойе наступила тишина, потом большая группа людей стала перемещаться из палаты в палату.

Дошла очередь и до палаты Невского, которую по-прежнему именовали «послеоперационной», как было написано на двери. Вместе с командующим (генерал был среднего роста, с большими залысинами на лбу, с уставшим лицом — он напомнил Невскому его школьного учителя физики. Правда, этот учитель был одновременно и директором школы, поэтому имел волевой и твёрдый взгляд, как и этот военачальник) в палату вошли несколько офицеров в афганской форме, начальник госпиталя, начальник отделения и лечащий врач майор Изюров. Большая группа посетителей осталась топтаться на пороге.

Внимательно всмотревшись в лицо командующего, Александр вспомнил, что уже приходилось с ним встречаться прошлым летом. Тогда он ещё был генерал-майором и не командовал прославленной 40-й армией. Генерал появился в Медроте, пожелал побеседовать с врачами. Встреча состоялась в ординаторской, проходила в непринуждённой, спокойной обстановке. Гостя интересовали проблемы медиков, просил называть всё без утайки. Много и внимательно слушал, записывал. Была составлена целая заявка на недостающее имущество и медикаменты. Особенно его заинтересовали трофейные пакеты для переливания кровезаменителей для раненых — такие можно использовать даже на поле боя, вколол в вену, пакет пластиковый с жидкостью положил раненому под голову, не надо никаких неудобных стоек для таких «капельниц».

Генерал рассмотрел принесённый специально для него пакет, посетовал вместе с медиками, что в СССР таких пока не выпускают.

Встречей с этим человеком медики остались довольны. Он выгодно отличался от многочисленных гостей и проверяющих, которые появлялись почти еженедельно. Особенно обрадовались, когда практически всё из своего заявленного списка получили буквально через неделю. Это был человек дела. И вот теперь он, как оказалось, стал командовать всей 40-й армией.

Лечащий врач Изюров Виктор Семёнович докладывал коротко и толково о каждом раненом, об обстоятельствах ранения, о проводимом лечении. Он начал с Сергея Сомикова.

Командующий слушал, не прерывая. Потом осторожно пожал забинтованную руку и перешёл к кровати Петра Копейкина. Его заинтересовал данный случай, он попытался сам «достучаться» до погружённого в себя капитана, но тот так и не ответил на

вопросы генерала.

Юрий Пшенко оказался верен себе — он пожаловался командующему, что «утку» приносят не по первому требованию. Начальник госпиталя посмотрел «страшными глазами» на начальника отделения, тот — на лечащего врача. Ясно дело — позже будет «разбор полётов».

Но генерал неожиданно улыбнулся и сказал: «Так «дуй» в постель — вот и будет выход!»

Юрка почти радостно воскликнул: «Я так и делаю!»

Все рассмеялись. Напряжённость исчезла. Генерал перешёл к постели капитана Красько. Выслушав сообщение лечащего врача, он вдруг крикнул:

— Начальника медицинской службы сюда.

Из коридора протиснулась фигура высокого седого полковника.

— Вы что, решили всех врачей извести? Слушаю, что один врач получил ранение в рейде, второй, третий. А этот, — он показал на Невского, — тоже врач?

— Так точно! Врач-хирург, получил ранение в рейде. Это Медрота Кандагара. — торопливо проговорил начальник отделения.

— Вот видите! Четыре врача, причём трое хирурги. Практически в один месяц получили ранения. У вас что, нет «кадрового голода»?! Почему плохо продумали защиту медиков в рейде?! Почему они у вас ездят на незащищённых машинах, которые пробивает любая очередь из автомата. Для них ведь специально поступают бронированные гусеничные транспортёры. Короче говоря, товарищ полковник не далее, как завтра положите мне на стол соображения по поводу продуктивной защиты своих медиков во время медицинского обеспечения боевых рейдов.

Генерал говорил, не повышая голоса, но «градус» его требовательности повышался с каждым произносимым словом.

— Есть! — Коротко ответил седой полковник-медик.

Генерал пожал руку Николаю Красько, потом, припомнив что-то, резко повернулся к офицерам в афганской форме.

— В этой палате у нас есть офицеры для награждений? — Увидев утвердительный кивок, командующий шагнул в сторону, добавил при этом. — Я уступаю вам, Валоят Хабиби. Прошу вас, генерал-майор.

Трое афганцев, один из которых был в гражданской одежде, вышли из общей группы. Один из них зачитал бумагу, согласно которой капитан медицинской службы Николай Красько «за проявленное мужество и героизм, за образцовое выполнение интернационального долга награждается Орденом Звезды». Тут

же награда и документ к ней были переданы офицеру афганским генерал-майором. Все присутствующие активно похлопали.

Старший офицер снова зачитал бумагу. Теперь уже был награждён «за образцовое выполнение интернационального долга» старший лейтенант медицинской службы Александр Невский медалью «За воинскую доблесть». Снова афганский генерал-майор торжественно вручил награду и документ к ней. Крепко пожал руку. Снова все захлопали.

Это была приятная неожиданность. Лихорадочно пытался сообразить, за какой это рейд он был представлен. Скорей всего, за сентябрь прошлого года.

Между тем, командующий 40-й армией снова вышел вперёд. Он пожелал всем скорейшего выздоровления, а в заключение предложил высказывать просьбы. Сначала все молчали. Потом от окна поднялась забинтованная рука. Советский генерал живо подошёл к офицеру.

Старший лейтенант Сомиков сообщил, что вылечить его смогут только в ожоговом центре в Ленинграде, но самолёт в этот город всё задерживается. Он просил помощи.

Командующий ответил почти мгновенно:

— Завтра борт будет! Ответственный — начальник медицинской службы армии. Об исполнении доложить! Начальнику госпиталя — подготовить офицера к эвакуации! Это всё.

Генерал-лейтенант стремительно вышел из палаты, за ним вышли все посетители.

2

Вскоре в палату буквально на цыпочках вошла медсестра Наташа Ленкина, невысокая, худенькая, зеленоглазая девушка. Капитан Красько Николай постоянно подшучивал над ней, якобы, по забывчивости, называя её Леной Наташкиной. Девушка каждый раз весело смеялась и поправляла офицера. Похоже, им обоим эта игра нравилась.

Сейчас сестричка попросила посмотреть афганский орден. Николай с гордостью подал награду. Потом орден пошёл по всем рукам. Не остался в стороне и Сергей Сомиков, с трудом удерживая забинтованными руками орден «Звезды».

Орден разительно напоминал наш советский орден «Славы». Он тоже был трёх степеней, Николаю, кажется, был вручён второй степени — в центре серебряной звезды была крупная золотая «блямба» с выбитым сложным рисунком и арабской вязью, а

ленточка орденской колодки была трёхцветной: синяя, красная, чёрная полоска. Красивая награда!

Также все по очереди посмотрели скромную медальку Невского: автомат Калашникова, звёздочка, колосья пшеницы по окружности, а в центре круга — сжатый кулак.

— Ну, что, Ленка Наташкина, наливай нам по сто грамм! Награды положено обмывать! — Подмигивая Невскому, проговорил Красько, широко улыбаясь.

— Во-первых, я — Наташа Ленкина! — Сестричка рассмеялась. — Во-вторых, раненым и больным пить не положено. Вот, вернётесь домой, там и обмывайте, сколько вам влезет. А, в-третьих, сейчас приедут артисты поздравлять вас с праздником. Так что не спите, готовьтесь встречать гостей.

Действительно, минут через тридцать после ухода командующего и его свиты, появилась новая большая группа. Это была концертная бригада из Союза. Певцы и певицы были, как широко-, так и малоизвестные. Но их всех слушали с одинаковым интересом и радостью.

Выступали артисты прямо в фойе, заставленном кроватями; многим их можно было только слышать. Правда, Невскому даже повезло больше других, — через открытую дверь ему удавалось увидеть часть «сцены». Каждый раз он старался для всех своих товарищей по палате поточнее обрисовать облик певцов и певиц.

Каждому выступающему громко хлопали. Даже Невский стучал здоровой рукой по спинке кровати. Завершался концерт выступлением афганских пионеров — 10–12-летние мальчишки и девчонки с красивыми, одухотворёнными лицами старательно пели песни на своём и на русском языке. Особенно понравилась новая советская песня «Ягода-малина». Многие детишки вряд ли представляли, что это за ягода такая, но пели от души. И очень красочно смотрелись их красно-чёрные галстуки на фоне белых рубашек и блузок.

После концерта артисты пошли поздравлять раненых по палатам, разбившись на маленькие группы. В палату Невского вошёл широко известный певец, шоу-мен и диск-джокей, ведущий популярных музыкальных программ. Не легко дались ему первые несколько шагов по палате, на побледневшем лице застыло выражение ужаса. Но Сергей мужественно взял себя в руки и подошёл к первой кровати, его товарищи так и остались стоять на пороге.

Он поздравлял раненых по очереди с праздником, на память вручал свои пластинки (диск-гигант) с автографом. Не получив никакого ответа от Петра Копейкина, Сергей осторожно положил свою пластинку на тумбочку. Невскому, последнему в ряду

награждаемых, пластинки не хватило. Сергей очень смутился, стал извиняться, а потом даже хотел отнять у капитана Копейкина и передарить Александру. Мол, тот всё равно не слышал о награде. Но Невский отказался. Да и потом, как вести домой такой объёмный подарок?

Настоящим подарком для Невского явилось неожиданное посещение товарищей по Кандагарской Медроте. Это были два капитана, начальники отделений — Владимир Механоша, возвращающийся из Союза после лечения желтухи, соскучившийся по своему операционно-перевязочному отделению и Владимир Вовк, терапевт, приехавший пару дней назад в краткосрочную командировку. Сослуживцы встретились на «Пересылке», решили проведать раненого товарища. Самолёт до Кандагара ожидался только утром, поэтому офицеры засиделись у постели Невского до вечера. Им было о чём поговорить, что вспомнить.

Нашлось, что сказать-пожелать всем раненым в палате. Этот мир устроен строго, но справедливо: недостаток количества счастья с лихвой компенсируется массой наилучших пожеланий…

Сильно удивились гости, когда услышали историю Петра Копейкина (ему они тоже наговорили много хороших пожеланий, но он промолчал, пришлось вкратце ввести в курс дела). Послушали они, потом и сами почитали вслух для Петра письма его жены. Оба Владимира тоже были уверены в действенности такого «лечения».

Между тем Пётр вновь произнёс своеобразный монолог. Причём на этот раз он обошёлся без вопросов себе.

— «Смерть — это Божий дар. Как и рождение. Это логический итог нашего земного существования. Достойную смерть надо заслужить. Конец — делу венец. О нашей жизни будут судить по нашему концу. Это не трагедия, как её преподносят в некоторых изданиях. Не грязное удовольствие, как показывают в бездарных фильмах. Смерть — святое таинство, перерождение души. И от того, как это произошло, зависит судьба последующих поколений. Да, это невосполнимая сердечная утрата, особенно для близких. Но воин должен быть готов принять её, как высшую награду от Бога, иначе значение воинства теряет смысл. А примеры о несломленном духе наших воинов перед выдумка. Это правда. Мне есть, с кого брать пример».

Капитан замолчал. Молчали и все в палате. Потом сразу несколько человек обратились к Копейкину с вопросами. Но ответов не последовало. Офицер вновь погрузился в раздумья.

Закончился праздничный день вновь «розовыми уколами». Обитатели палаты дружно отошли ко сну.

3

Утром, к большой радости, в первую очередь самого старшего лейтенанта Сомикова, прилетел специальный борт за ним. Для эвакуации раненых на большие расстояния применялся самолёт ИЛ-76 МД «Скальпель». На нём и отправили Сергея на дальнейшее лечение в Ленинград. Возможно, этим же рейсом отправили и несколько других тяжелораненых. Распоряжение командующего было исполнено в срок. Хотелось верить, что жизнь обожжённого офицера теперь будет спасена.

На освободившееся место уже днём перебрался офицер-десантник. Он сам пожелал поселиться в палате медиков. Ребята с радостью приняли Александра Кроху «в свои ряды».

Первым делом Саша вновь принялся за чтение писем для Петра. Многие послания супруги Копейкина запомнились уже хорошо.

Выполнив такую важную работу, Кроха решил для всех почитать выдержку из книги. Её принёс специально для десантника прикомандированный подполковник из Ленинграда. Борис Владимирович уверял, что это должно прийтись по душе. Откуда здесь взялась эта потрёпанная книжка древнего мудреца Марка Аврелия, оставалось только гадать.

Прокашлявшись для солидности, офицер-десантник стал читать: «Врач прописывает одному больному одно лечение, другому — другое, так и Провидение прописывает нам болезни, увечья и прискорбные потери.

Как предписания врача клонятся к восстановлению здоровья больного, так точно и случайности, которым Провидение подвергает человека, клонятся к нравственному оздоровлению его, к восстановлению связи его оторванного личного существования с общей жизнью всего человечества.

Итак, принимай всё то, что выпадает тебе на долю, как принимают больные лекарства врача. Восстановление здоровья тела — вот смысл этих горьких лекарств, но ведь для всеобщей разумной природы сохранение каждым существом своего назначения так же важно, как для больного сохранение здоровья тела.

Поэтому тебе надо приветствовать всё то, что с тобой приключается, даже самое горькое, ибо смысл таких случайностей есть здравие и цельность мироздания. Природа, живая разумом Бога, действует разумно, и всё, что от неё исходит, безошибочно содействует сохранению единства».

Никто ещё ничего не успел сказать, как раздался голос капитана Копейкина:

— Немножко заумно, но сказано хорошо. Соглашусь, пожалуй, с этим самым Аврелием. А ты ведь давеча читал письма моей жены? Почитай ещё.

После непродолжительной тишины, все раненые бросились поздравлять Петра, перебивая друг друга. Сам капитан так ничего из этого и не понял. Он был уверен, что только недавно беседовал с товарищами по несчастью. Около трёх недель жизни выпали из его памяти.

Но это была победа! Все обитатели палаты не скрывали своей радости. Больше всех, конечно, радовался Александр Кроха. Его «метод» сработал!

… В последующие несколько дней февраля один за другим на долечивание в Союз были отправлены капитаны Александр Кроха, Пётр Копейкин, Николай Красько, а также младший сержант Юрий Пшенко. Их места заняли новые тяжелораненые. Война по-прежнему продолжала калечить души и тела солдат и офицеров Ограниченного Контингента Советских Войск в Афганистане.

… Наступил март. Невский научился-таки писать левой рукой. Теперь смог самостоятельно изложить каракулями свои новости. Он с гордостью сообщил, что «пишу сам левой рукой» (правда, это больше было похоже, что «писала курица лапой»). По его словам выходило, что «лечат меня здесь хорошо. Сделали операцию, косточки на кисти сопоставили, опять наложили гипс. Теперь всё идёт по плану, хожу в гипсе, но по срокам лечения здесь, в Кабуле, больше держать не будут, на долечивание многих отправляют в Союз. Вот и меня на днях отправят в Ташкент. Уезжаю дней через пять. По приезду туда я и напишу, сообщу новый адрес. Погода в Кабуле холодная, кругом снег лежит. Но в палате тепло, отсыпаюсь, читаю, смотрю телевизор».

Сочиняя эти строки, Александр был уверен, что поступает правильно. Зачем расстраивать своих близких суровой правдой. Успеют ещё напереживаться о нём при встрече. А встреча будет обязательно! В этом Невский не сомневался.

А закончил письмо Александр радостным аккордом: «Приехал ко мне товарищ из Кандагара и привёз пачку писем, в том числе пять твоих, Наташа: от 7, 14, 16, 20, 24 февраля. Это ли не праздник! Большое спасибо за письма и поздравления! До свидания. Сюда мне уже не пишите. Целую крепко. Саша. 3.03.1984 г.»

…Очередной санитарный самолёт увозил Александра Невского из Кабула утром 8 марта. Это была последняя встреча со столицей Афганистана. Утренний Кабул жил своей жизнью.

Проститься со старшим лейтенантом к самолёту пришёл капитан Рудов, начальник медицинской службы 70 ОМСБ

(отдельной мотострелковой бригады). Он был вызван в Кабул для получения нового назначения — его переводили с повышением на новую должность в другой провинции страны. Обнимая на прощание лежащего на носилках Невского, Василий Васильевич обещал, что никогда не забудет своего сослуживца…

/ Спустя несколько лет в газете «Красная Звезда» офицер подробно описал историю ранения хирурга из Кандагара/.

Использованная литература.

— «Избранные жития русских святых. X-XV вв.», М. 1992 г.;

— «Мысли на каждый день», Л.Н.Толстой, М. 2008 г.;

— «Живый в помощи», В.Н. Николаев, М. 2007 г.;

— «Большая книга афоризмов. Мудрость тысячелетий», Минск. 2008 г.